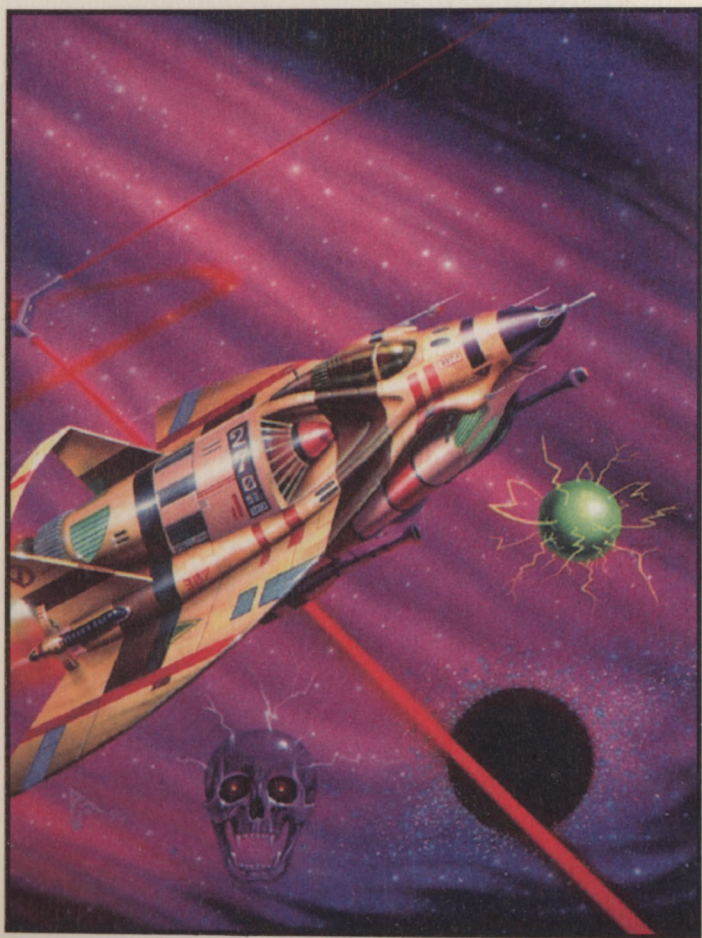
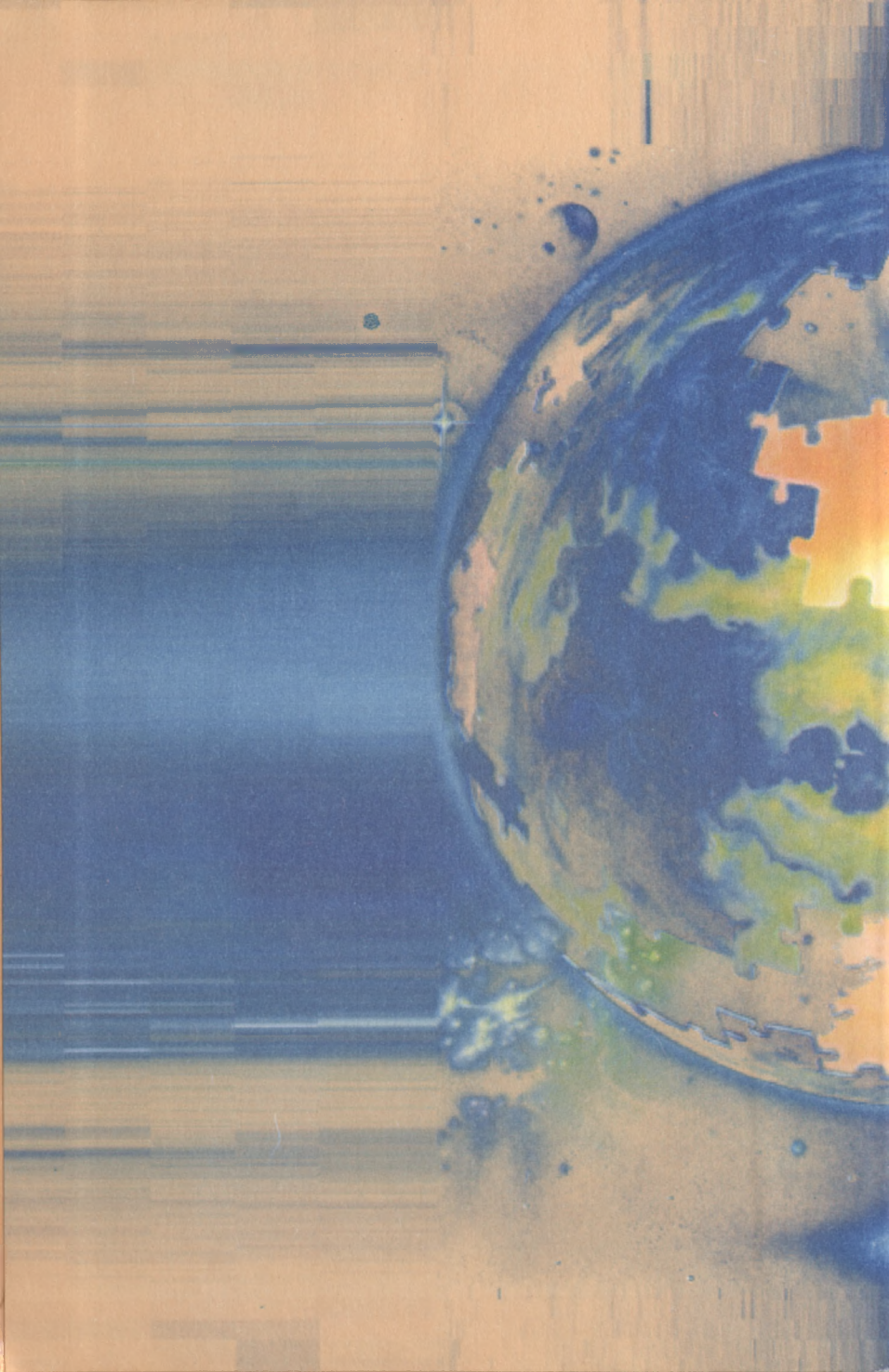
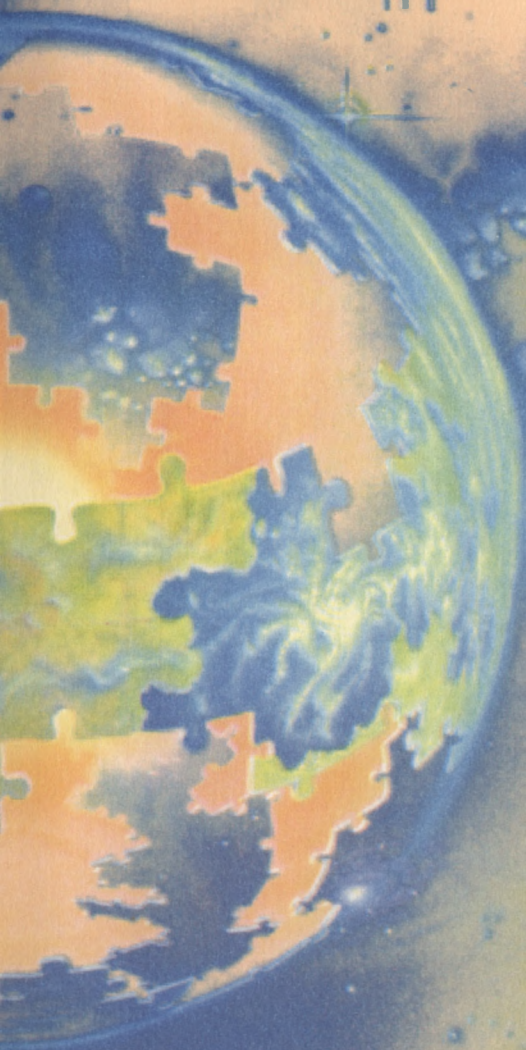


МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА









**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume three

ORION SHALL RISE

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том третий

ОРИОН ВЗОЙДЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 3 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 495 с.

Над Землей огненной бурей пронеслась война Судного Дня, в одночасье уничтожив цивилизацию. Минули века, прежде чем начали возрождаться народы и страны, среди которых ведущее положение заняла Маурайская Федерация, раскинувшаяся по бесчисленным островам Тихого океана и правящая, опираясь на биотехнологию. Но, кажется, человечество не научилось ничему...

Удастся ли наследному Капитану Скайгольма Иерну, нозеланнскому разведчику Тераи и красавице Ронике из Северо-западного Союза предотвратить новую разрушительную войну, читатель узнает из романа Пола Андерсона «Орион взойдет».

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Orion Shall Rise
Copyright © 1983 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление,
название серии, 1995

ISBN 5-88132-216-9

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ТРЕТИЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам

и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны

до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Rīga, а/я 22



«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрания фантастических произведений в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судебного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»		
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

В третий том «Миров Пола Андерсона» вошел созданный в 1983 году роман «Орион взойдет». Это поистине монументальное произведение впервые издается на русском языке.

Роман «Орион взойдет» может служить прекрасным образцом позднего андерсоновского стиля. Несмотря на немалый объем, роман прочитывается «на одном дыхании». Сюжет его не менее туго закручен, чем в ранних произведениях писателя, но пришедшая к Андерсону вместе с опытом литературная зрелость проявляется и в неброских, но в то же время запоминающихся описаниях, и в яркой убедительности неоднозначных характеров, и в сложности взаимоотношений многочисленных персонажей книги.

Сам писатель признается, что «всегда интересовался, что случится, если наша индустриальная цивилизация рухнет. В романе «Орион взойдет» Пол Андерсон досконально исследовал результаты подобной катастрофы.

Со времен войны Судного Дня прошло много веков. Земля почти залечила раны. Новые народы и государства появились на политической карте на смену старым — Домен Скайгольма на территории нынешней Франции, Северо-западный Союз на Аляске и тихоокеанском побережье Америки и, конечно, могущественная Маурайская Федерация, доминирующая в новом мире и внедряющая — когда убеждением, а когда и силой — антиядерные законы, чтобы никому не пришлось в голову вновь обречь мир на атомную катастрофу. Новые технологии, экономящие драгоценный металл и энергию, сменили расточительство старого времени. Моря бороздят управляемые компьютерами парусники, а автомобиль для большей части человечества отошел в сказочное прошлое. Люди вернулись к старым феодальным обычаям. Однако неизменными остались человеческое беспокойство и стремление к недостижимому — будь то власть, могущество или запретное знание...

Когда из темных, безлюдных болот Восточной Юропы и страны Красной тайком вывозятся уцелевшие со времен войны Судного Дня ядерные боеголовки, когда геанцы, последователи странного мистического культа, готовятся через своего ставленника подчинить Франсетерр влиянию соседней Эспейни, когда тлеющие угли раздора между Северо-западным Союзом и Маурайской Федерацией вот-вот готовы вспыхнуть в очередной раз — только Орион, небесный воитель способен усмирить человечество, стоящее на грани очередной самоубийственной войны. Но что скажут люди, после тысячелетнего перерыва опять увидев огни в небе?

От автора

Все, кто помнит повествования о мире маураев, быть может, обнаружат в этой книге несоответствия с ними. Однако я не стремился к точности: новая информация частенько заставляет нас пересматривать прежние представления о прошлом и даже о настоящем. Безусловно, будущее не может составить исключение.

Отклонения от языковых норм нынешних дней, в том числе в собственных именах и географических названиях, являются следствием перемен, привнесенных столетиями, а не невежеством автора.

Доктор Эрнст Окресс из Франклиновского института весьма любезно предоставил мне информацию о солнечной термической аэростатической исследовательской станции, над проектом которой он работает совместно со своими сотрудниками. Понятие «тенсегрити» принадлежит Бакмистеру Фулеру. О выживании в экстремальных условиях я многое узнал у Тома Брайена-младшего, кроху полученных от него познаний я попытался использовать в этой книге. Благодарю за добрый совет и дружескую поддержку Карен Андерсон (превыше всех), Милдред Дауни-Броксон, Виктора Фернандеса-Давила, Ларри Дж. Фризена, Дэвида Дж. Хартвелла, Терри Хейеса, Джерри Пурнелла и «Владимира из Ливонии» — члена «общества созидательного анахронизма». Никто из перечисленных здесь людей ни в коей мере не несет ответственности за ошибки и погрешности, которые могут оказаться в этом романе.

Пол Андерсон



ОРИОН ВЗОЙДЕТ

КАРЕН — снова и всегда

*Когда стоишь на переломе времен,
знай — пора умялаться.*

Робинсон Джефферс
«Нарушенное равновесие»

Пролог

1

Жил в Ар-Море человек и звали его Маэлем Красным. Край этот находился на окраине Брежа*, в западных областях Доме-на. Здесь Скайгольм** стоял невысоко над восточным горизон-том, зачастую исчезая за деревьями, холмами или облаками, на глаз не превышая половины полной луны. И все же здешние люди глядели на небесный город с трепетом, которого иногда так не хватало тем, кто видел его высоко в небе во всем величии. В конце концов уже много поколений они прожили во власти его, и люди Кланов обитали среди них. Полуостров Брежег был при-соединен к Домену мирным путем — по договору, а не в бит-вах. Это произошло за столетие до рождения Маэля. Однако за городскими пределами мужчин-аэрогенов встречали нечасто, а их женщин в сельских краях не знали вовсе. В просторечии обита-телей аэростата именовали святыми. И все полагали, что аэро-гены умеют творить чудеса.

Одиноким дом пейзажа Маэля стоял на возвышенности, кото-рую вереск и утесник в свой сезон убирали пурпуром и золотом. Ниже темнел лес, а в долине, на которую глядел дом, луга чередовались с полями, белели домики. Всей землей, что была видна из его ворот, владел Маэль. И сам обрабатывал ее — вместе с сыновьями, домочадцами, арендаторами и их сыновья-ми; здесь ему принадлежало все: пони, скот, овцы, лес, урожай, рыба и дичь.

Он часто оставлял свой дом — к тому его обязывало поло-жение. Местромор, что властвовал над Ар-Мором, сделал его своим бейли, дабы поддерживать мир и улаживать ссоры в этом районе. Посещая Кемпер***, Маэль познакомился с координатором

* Бреж, Брежег — имеется в виду совр. полуостров Бретань. (*Здесь и да-лее примеч. пер.*)

** Небесный город (*англ.-сканд.*).

*** Город на западе Бретанского полуострова, известный и ныне под тем же названием.

Таленсом Доналом Ферлеем, которого Скайгольм прислал в этот город — давать советы местному правительству и приглаждать, чтобы оно не забывало им следовать.

Они хорошо ладили, эти двое. Маэль был грубоват, Донал сдержан; однако Маэль знал достаточно, чтобы понимать: человек, принадлежащий к Тридцати Кланам, или аэроген, существо не более загадочное, чем прочие смертные. Донал же не считал семейство, давным-давно угнездившееся в этих краях, пустившее здесь корни, когда Скайгольм еще не воспарил ввысь, плохо осведомленным о внешнем мире. И они наслаждались обществом друг друга, тем более что каждый из них считал необходимым углублять свои знания о мире, если представлялась возможность. Поэтому при всяком удобном случае они по долгу беседовали, а случалось, и выпивали совместно.

В последние годы встречались они редко, и вот однажды к жилищу пейзажа подъехал всадник — это был Донал. Дело было ранней весной, снег еще лежал пятнами на бурой земле, но ручьи уже журчали и прыгали, а в садах набухали почки. Тени облаков торопливо пронеслись по бледному небу от горизонта до горизонта, подгоняемые резким ветром, уже пахнувшим влагой, не принося ни капли тепла. Грачи кружили и ныряли в воздушном потоке.

Все, кто был дома, собрались возле главных ворот, дабы приветствовать гостя. В руках Маэля было копье. Не так уж давно от пришельцев следовало ждать только беды, и, заметив чужака, все сразу хваталось за редкое и драгоценное ныне огнестрельное оружие или за острый металл. Но теперь Скайгольм разил своими молниями пиратов и налетчиков; это позволило Местромору, его бейли и их помощникам разделаться с теми бандитами, что гнездились в стране. К тому же этот пришелец ехал один. Посему Маэль попросту намеревался склонить свое копье в традиционном приветственном жесте. Но, увидев гостя, он обратил наконецник к земле и склонился, а люди его перекрестились.

Домочадцы Маэля никогда не встречались прежде с Доналом, однако принадлежности к Клану нельзя было скрыть. Даже его одежда — тонкая, легкая, свободная куртка под сутаной с капюшоном, брюки в обтяжку — была скроена не так, как их льняное и шерстяное платье; наряд гостя дополняли невысокие сапоги. На плечах его лежали серебряные знаки различия, золотая звезда на голубом поле украшала левый рукав. Но более всего о принадлежности к Клану говорила сама стать его. Донал был высок и строен, тонок и узколиц; длинный прямой нос, большие серые глаза, тонкие губы; гость был светлокж, черные волосы острижены чуть ниже ушей, и в них сквозили серебряные

нити. Он был чисто выбрит на манер своего народа. Еще чувствовалась в нем гордость, а не надменность; он улыбнулся, поднимая руку в знак приветствия.

— Святой, — бормотали пейзаже в удивлении. — Святой из Иледуциеля*, оттуда.

Некоторые указывали в сторону Скайгольма. Солнце было на востоке, и тот светился небольшим полумесяцем: дневной свет всегда скрывал небесный город от людского глаза. Тем не менее многие из тех, кто никогда не покидал места своего рождения, как и в старину, полагали, что это сам Део поместил его на небо неподвижной луной, приказав ей следить, как люди несут Новый Завет своему миру.

— Перед вами Таленс Донал Ферлей, — пояснил Маэль. В голосе его слышалось искреннее почтение и высокое уважение; все знали, что из Клана Таленсов сеньоры прочих двадцати девяти Кланов всегда выбирали Капитана Иледуциеля. Маэль обернулся к всаднику. — Сир, — проговорил он, — я надеюсь, что вы почтите мой дом своим присутствием и более чем на один день.

Маэль был крепок, хотя возраст проредил некогда пышную шевелюру и бороду.

Донал кивнул.

— Премного благодарен, — ответил он. — Ты приглашал меня сюда не один раз и сулил великолепную охоту. — Они разговаривали на французском, поскольку человек из Клана не знал бременского, а местные жители не имели представления об английском. — Я погощу неделю, если это не слишком обременит тебя. Видишь ли, я направляюсь в Турнев**. — Маэль знал этот город, лежавший прямо под Скайгольмом в долине Лу***. В тех областях Домена аэрогены правили непосредственно. — Срок моей службы здесь завершился, меня ждет новая... и в иных краях. — Он улыбнулся. — Однако я полагаю, что заслужил немного отдыха и развлечений.

— Воистину, сир, — отвечал Маэль.

Он не думал льстить. Донал действительно сделал многое, чтобы привлечь в Ар-Мор торговцев извне, даруя тем самым процветание краю, и многим помог недавно основанному в Кемпере Консватуару, хранившему древние и новые знания, чтобы учить им способную молодежь.

* Небесный остров (фр.).

** Новый Тур, совр. город Тур на западе Франции.

*** Совр. Луара.

Обратившись к своим людям на их родном языке, Маэль приказал позаботиться о коне Донала, его выючном муле и багаже гостя. Человек из Клана спешился и следом за хозяином вступил в ворота.

Крытые черепицей каменные дома выстроились квадратом — так легче обороняться; по углам высились сторожевые башни, приглядывая за мощеным двором, где и происходила вся жизнь фермы. В нынешние мирные дни живность кишела повсюду; склады перестроили под мастерские, кладовые и даже жилые помещения. Возле стен группами толпились женщины и дети, вышедшие поприветствовать гостя. Они неловко молчали, не вполне понимая, что делать; конечно, манеры в этом краю не отличались скромностью, но к ним явился святой.

— Эй, нечего стесняться, нечего! — прогрохотал Маэль. — Беритесь за дело, доставляйте все лучшее, готовьтесь — вечером будет пир. — После этих слов женщины начали приседать, улыбаться, некоторые захихикали. Залаяли псы, коты бросились врассыпную от внезапно зашаркавших ног. Осталась на месте лишь симпатичная женщина с подернутыми сединой прядями, спадавшими на плечи. Возле нее стояли десятилетний мальчик и девушка лет семнадцати. — Мак Таленс Донал Ферлей, вот моя жена Джосси, — проговорил Маэль. Гость приветствовал ее вежливым жестом. — Наши старшие сыновья и дочери уже поселились отдельно. Мы пошлем за ними, но мой младший сын Тадег и дочь Катан перед тобой.

Взгляд Донала обратился к девушке и словно застыл. Медленный румянец пополз по ее щекам и шее. Девушка опустила ресницы на темно-синие глаза. Стройную изящную фигурку словно вылепил скульптор, она вполне могла сойти за женщину из Клана. Когда настала очередь девицы приветствовать гостя, слова едва можно было расслышать. Она хорошо разговаривала на франсее; теперь, когда их земля сделалась частью Домена, дети из богатых семей, обитавших в Брежеге, изучали этот язык в церковной школе.

Донал улыбнулся на свой строгий манер и взял ее за руку.

— Не бойся меня, — проговорил он. — Знай, я всего лишь человек, друг твоего отца и, скорее всего, недолгий гость в вашем доме.

Юность взыграла в ней, и она выпалила:

— А это верно, сир? То есть, конечно, вы не станете лгать, но действительно ли святые возрождаются снова и снова в... вашей расе?

Джосси недовольно вздохнула. Донал успокоил ее.

— Ну что ж, анимы* предков живут в нас, это относится к каждому человеку. Во всяком случае так полагают люди. Твой отец рассказывал мне, что в жилах его — и твоих тоже — течет кровь Иледуциеля. У меня и у всей моей родни несчетное множество предков, не принадлежавших к Тридцати. Давай будем друзьями, Катан.

Родители переглянулись с пониманием.

Через несколько дней Донал извлек из своего багажа небольшой радиопередатчик и предупредил, что запоздает. Скайгольм по прямой линии отослал его депешу в Кемпер, откуда он заказал себе аэроплан — на такой-то день — и в Турнев — в министерство координации. Никто не оспаривал его решения. Все знали, что Донал — человек способный и благоразумный и что он успел сделать для Домена едва ли не больше, чем для Клана и собственной семьи. Затем Скайгольм передал другое сообщение — личным шифром — его жене. Она оставила Кемпер раньше его, чтобы посетить их поместье в Дордойни**...

Так миновал месяц. Растаял снег, тепло и солнечный светдохнули зеленыю на землю, вокруг вспыхнули первые цветы, начали возвращаться к своим гнездовьям перелетные птицы... Пахарь и конь его приступили к работе, с запада налетали ласковые дожди, жаворонки праздновали в небе весну, а родившиеся зимой телята, ягнята и дети радовались и восторгались.

На ферме дел было по горло, но Маэль всегда мог найти спутника своему высокому гостю — для охоты и рыбной ловли — или просто проводника по окрестностям. Иногда в ближней деревне случались праздники; в обычные дни вечера проводили дома — у очага при свете лампы.

Каждое следующее поколение могло меньше думать об обороне, почва возвращала свое плодородие, торговцы заходили все дальше и дальше, землевладельцы перестраивали свои дома, делали их более просторными и уютными. Стены гостиной, от крепких балок потолка до толстого ковра на полу, были убраны гобеленами, их скрывали картины, книжные полки... изящные сундуки и стулья, старинные реликвии. Люди собирались вместе, попивали вино или пиво, а по особым случаям кофе, чай или шоколад, что недавно начали поступать из-за границы. Некоторые

* Здесь — души предков.

** Совр. департамент Дордонь во Франции.

даже курили табак. В основном вели беседу или играли, но иногда кто-нибудь читал вслух или же все вместе затягивали песню под волынку, барабан или деревянную флейту.

Застенчивость перед Доналом Ферлеем вскоре исчезла. Природная гордость аэрогена заставляла оказывать ему большее почтение, чем требовал обычай. И все же он был по-своему дружелюбен и охотно слушал местные байки или сам рассказывал — о внешнем мире, о дальних краях Домена, сказочных для пейзажа.

Даже сам Маэль едва мог представить себе просторы, которые видны были из Скайгольма и над которыми простирал свою власть небесный город. Круг этот охватывал целиком Франсестерр, Фландру, Рин, Принийский хребет, горы Юры*, большую часть Англеланна**, уголок Эррии***, уходил в океан за Гасконским заливом****. В кругу этом умещалось множество государств, каждое с собственной географией, промышленностью, правительством, историей, законами, обычаями, языком и диалектами, но аэрогены не желали властвовать над лоскутными государствами, занимавшими оба острова.

Удивляясь, мужчины бормотали ругательства, женщины охали, дети попискивали от восторга, слушая Донала, рассказывавшего о том, что видел своими глазами. И о самом Иледуциеле... но город в небе не знал сравнений, и люди в смутном беспокойстве опасались подолгу разговаривать о нем.

Постепенно все привыкли и даже стали симпатизировать человеку из Клана. Какими бы силами он ни владел, какими бы знаниями, не ведомыми здешним жителям, ни располагал, к людям Донал был обращен не святой — человеческойстороной, пожалуй, привлекательной, хотя, быть может, и слишком открытой. Но самое главное, он оказывал Маэлю и Джосси великую честь, способную принести удачу всей округе.

Каждый день он старался встретить Катан, и скоро они уже гуляли рука об руку среди высоких цветов, а потом... она начала проводить ночи в его комнате.

Так часто случалось в тех областях, где подобные встречи допускались. Так было и в Бреже. Ни одна семья не взяла бы жену своему сыну, не удостоверившись перед тем, что она не бесплодна; нередко свадьбы откладывались до рождения ребенка — и притом здорового. Впрочем, союз со святым никогда не мог закончиться свадьбой: принадлежащие к Кланам вступали

* Франция, Фландрия, земли за Рейном, Пиренеи, Юра — горы, находящиеся в основном на территории Швейцарии.

** Англия.

*** Ирландия.

**** Бискайский залив.

в брак только между собой, однако подобная связь могла длиться долгие годы. Но родственникам женщины тем не менее она давала положение в обществе, а зачастую и ценные связи среди аэрогенов. И если связь кончалась, то не было более желанной невесты для свободного мужчины, с радостью принимавшего в свой дом отпрыска ее прежнего партнера.

Своим благосостоянием Маэль во многом был обязан тому, что дедом его был Восмайер Пир Квелвинд — явившийся сюда, чтобы просто поглядеть на новоприобретенную землю, и более не покинувший эти края. Дочь его вышла замуж за наследника фермера, хотя он мог бы взять себе в жены девушку из более состоятельного семейства. Подобные связи до сих пор были редки в Бреже.

Но... непохоже было, чтобы Таленс Донал Ферлей решил просто развлечься, да и Катан явно не питала каких-нибудь иллюзий и не трепетала перед героем. Завидев их вместе, женщины вздыхали, хихикали, покачивали головами и принимались за сплетни.

И все же пришел вечер, когда он и она остановились под яблоней. Цветы ее светились на прохладной голубой синеве, источая аромат близкого лета. Обняв Катан, Донал загляделся на искрящиеся звездочки, трепетавшие в ее глазах, и проговорил:

— Увы, завтра я должен отправляться в дорогу.

Голова девушки склонилась.

— Знаю, — прошептала она. — Но почему именно завтра?

— Я назначил этот срок и должен его соблюдать, иначе я никогда не уеду отсюда.

Дрожащей ладонью она провела по его щеке.

— Но зачем же тебе уезжать?

Он погладил ее волосы.

— У меня есть обязанности. Немногие из нынешней молодежи понимают это. Некоторые полагают, что Домен уже сделался всемогущим и их ожидают одни развлечения. Это неверно. Эспейнь, Италия, варвары за Рином, геанцы, маураи... всех не перечислить... убивают всякую уверенность в завтрашнем дне. Нет, я не могу оставаться праздным. Иначе честь моя рассыплется ржавчиной.

— Но почему я не могу последовать за тобой? — взмолилась она.

— Я уже объяснил все, девочка. Мой долг — еще и перед женой. Да и перед тобой. Тебе будет там одиноко, тревожно, ты будешь тосковать по своему дому. — И снова он помедлил, не сразу одолев эти слова: — К тому же я не молод. И не могу портить твое будущее — жизнь, которую тебе еще предстоит прожить.

— Ты — любовь моя. Ты — жизнь моя.

Она прижалась к нему и зарыдала. Он обнял ее и поцеловал в ароматную гриву волос.

— Хорошо, я вернусь. Не раз — если сумею. И пока сумею.

2

К середине зимы Катан родила сына. Она дала ему имя Иерн, которое выбрал сам отец.

Многие женихи добивались ее руки, но она отказывала всем, а Маэль не желал принуждать ее. Она жила на ферме отца, выполняла свою долю работы, в ласке воспитывала сына, ожидая возвращений Донала. Подраставшему Иерну отец казался фигурой могущественной и загадочной... он привозил подарки и расспрашивал о делах, но на самом деле являлся, чтобы утешить мать. Мальчик не жалел об этом: ее радости хватало и на него. Ну а дед и дяди мудро правили миром ребенка.

Они обучали его всему, что следует знать мальчишке, сделали даже больше — как требовало его происхождение. Они брали его в поездки, возили по всему Ар-Мору: к обрывистым утесам, по уютным деревням, видел он и порт Кемпер, куда корабли сходились с целого полушария. Древней была страна. Повсюду хмуро щетинились твердыни, сохранившиеся от злых старых времен, иные строились задолго до Судного Дня. Были и очень древние — средневековые городские стены, гробницы каменного века, менгиры, кромлехи, дольмены, курганы, насыпанные над могилами людей, скончавшихся неведомо когда... призраками тянулись они к небу под парящим Скайгольмом. На некоторых камнях еще оставались полустертые лишайниками и непогодой знаки, выбитые давнишними обитателями здешних мест: кельтская физиономия, римская фигура, крест поклонявшихся Жезу Кретту. Иерн был слишком мал, чтобы понимать истинный смысл знаков, однако угадывал в них дуновение времени — нескончаемого урагана, уносившего людей, народы и их богов, словно осенние листья. А во всем прочем он был смелым, веселым и симпатичным парнишкой. Благодарный за это превыше меры, Донал заботился, чтобы дом Маэля процветал, пока Домен вплетал Бреж в свою ткань...

...А через семь лет он явился, чтобы забрать своего сына.

3

Тьма сгущалась. Дождь бил в стены и ставни. Одинокая лампа в небольшой комнатенке лишь разгоняла тени по углам ее,

было прохладно. Донал стоял, непреклонный перед слезами Катан. Она была еще молода и свежа, а его кожа покрылась морщинами и волосы почти побелели.

— Не могу найти слов, чтобы описать свое сочувствие, — проговорил он.

— И все-таки ты забираешь его! — вскричала она.

— Я должен это сделать. Разве ты не слышала меня? Сомнений не остается: Розенн, жена моя, уже не сможет родить ребенка — здоровье не позволяет ей.

— Тогда почему ты женился на ней?

— Мы не знали этого. — Улыбка скривила его рот. — К тому же наши обычаи не такие, как у вас, дорогая. Сделка была выгодна и Таленсам Ферлеям, и Кронебергам-Ланье. Но честно скажу — мы с Розенн пара... и поэтому я не в силах отвергнуть ее за то, что не могу дать имя ее ребенку. — Твердой рукой подняв голову Катан за подбородок, он поглядел ей в глаза. — У тебя будут дети, любовь моя, — сказал он. — Тут у тебя проблем нет. А она... Что ж, у женщин Кланов нередко случались затруднения с родами. Слишком тонкие кости... печать вырождения, не помогает и примесь крови наземников... Виноваты мутации, вызванные пребыванием в стратосфере... Впрочем, едва ли тебе известно, что означает последнее слово... — Из рта его вырвался парок. — Не волнуйся... пойми и не осуждай меня за то, что я нуждаюсь в наследнике.

— Закон дает тебе право забрать сына, — отреченно проговорила она. — А не можешь ли ты взять и меня с собой?

Он покачал головой:

— Нет, тогда ты лишишься корней и завянешь. Погибнет и Розенн. Она не ревнива, но представь себе, каково ей будет, если ты окажешься рядом... Не беспокойся, Катан, она будет к нему добра, как и я сам. Он вырастет и станет аэрогеном, ты ведь понимаешь, что это значит. И он будет при любой возможности навещать тебя. Однако первый визит состоится не скоро... Он уже миновал тот возраст, когда поступают в кадеты, и учить его придется в сжатые сроки. Но позже... — Он привлек ее к себе. — Только не горюй, я постоянно буду приносить тебе вести о нем.

Напрягшись, она вырвалась из объятий.

— Нет! — возразила она; гордость превыше горя звучала в ее голосе. — Никогда!

Он сжал кулаки, но на лице его не было изумления.

— Не зря я боялся, что ты возненавидишь меня.

— Не то. — Она в отчаянии топнула ногой. — Я по-прежнему люблю тебя, Донал. И наверное, всегда буду любить. Но мне пора становиться собой.

4

Гость из Клана прилетел на легком самолете, посадив его на ровное пастбище. На следующее утро он улетел с мальчиком на восток — к Скайгольму. И более не вернулся в эти края.

Он присылал Катан посылки и письма, и при случае, на праздники, — Иерна.

Катан вышла замуж в Карнаке — за Райвола Крепкого, овдовевшего владельца нескольких кораблей и рыбацких лодок. Жили они спокойно и были рады кратковременным визитам Иерна.

А люди вспоминали ночь вскоре после его рождения, когда под покровом Маэля остановилась странница, утверждавшая, что наделена пророческим даром. Поглядев на младенца сквозь пламя свечи, которую слепила в форме кинжала, она пробормотала:

— Следите за младенцем. Он погубит богов.

Впрочем, быть может, предание это относится к числу тех, что появляются после свершения событий.

Глава 1

1

Шторм зародился где-то на западе океана. Ни один человек не знал, где это случилось. Крохотные луны, прежде караулившие планету, могли бы увидеть его заранее и предупредить людей, но многие из них еще столетия назад рассыпались и пали на землю погасшими звездами, а остальные умолкли. Домен не мог следить за всем земным шаром. Металла для аэропланов не хватало, топливо обходилось слишком дорого. Никому не ведомый — кроме, быть может, нескольких моряков, которые и погибли в нем, — шторм набирал силу, уходя на восток. Словом, когда суда, находившиеся возле Юропанского побережья, начали передавать о нем вести по радио, наблюдатели в Скайгольме также заметили первые зловещие изменения в облаках под собой и вызвали Погодный Корпус.

Иерна вызвали, когда он вернулся в Бейнак. Он объезжал земли Ферлеев в Дордойни, как полагалось в это время года, выслушивал арендаторов, свободных владельцев, селян, пастухов, дровосеков... их жалобы, идеи, надежды, достижения,

страхи, сплетни; смягчал скорбь, улаживал разногласия, вершил сделки в меру своих способностей; председательствовал на праздниках и церемониях, как требовала того традиция; награждал за благие дела и верную службу; позволял развлекать себя, а в ответ был приятным и общительным гостем, богатым на рассказы о том, что пряталось за дальним горизонтом... словом, заново плел связи между своей семьей и этими людьми, над которыми она главенствовала.

И теперь он с помощниками ехал домой вдоль реки. Осень пылала в лесах над холмами, но воздух был еще ароматен и теплый. Солнечный свет косо пробивался с запада, утесы сверкали; искристый поток стекал со склона. Вдалеке пропел горн дровосека, эхо ответило ему. Плащи всадников потускнели: пыль из-под копыт взметалась вверх клубами, словно дымящимися над костром.

Анс Дебирон, секретарь Иерна, пуская лошадь рысцой, подъехал к своему господину.

— Весьма удачное путешествие, мне хотелось бы сказать это вам, сир, — начал он разговор.

Уроженец этих мест, недавний выпускник Консватуара в Сарлате, он склонялся к пышности фраз, хотя во всем прочем был весьма компетентным и разумным человеком. Мягкое окситанское произношение слов франсея сглаживало угловатые фразы.

— Да, все сложилось достаточно гладко, — ответил Иерн. — Я даже не мечтал, что так удачно справлюсь с делами.

— Сир, вы им нравитесь, — объявил Анс. — Вы человек честный и не требуете подробных отчетов, знакомясь с делами. О, они понимают, как сложно вам выучить их диалект со всеми нюансами его, но вы также... добры. Подобными чертами здешние хранители замков бывали наделены не часто.

— Даже мой отец, когда он объезжал окрестности? — Иерн улыбнулся недовольству наземника. — Анс, скажу, не проявляя я неуважения, не позволительного для сына: он великий человек и властвует и здесь, и в Домене, но мы с ним совершенно разные люди. — Он помедлил, а потом решился; завершенное дело рождало чувство товарищества. — По правде говоря, когда он захотел, чтобы я занял этот пост, я едва не взбунтовался.

— В самом деле? Можно спросить — почему?

Иерн пожал плечами:

— Представь себе. Меня только что направили продолжать занятия по пилотированию и метеорологии; в кадетах я только этим интересовался. К тому же в уме я составил достаточно длинный перечень развлечений. Я даже сказал отцу, что лишен

талантов, необходимых администратору. И что соглашусь управлять фамильным поместьем только там, где девицы сами запрыгивают к тебе в постель. В общем, я ничего не знал о Дордойни. Ты помнишь, что у меня в Бреже родня, а там даже язык другой. — Помедлив, он продолжил: — Пора брать на себя часть ответственности, так сказал мне отец и тем самым поставил точку в разговоре. Такой он человек. Но теперь я не жалею. Здесь чудесная страна, приятные люди. К тому же я обязан находиться в замке лишь два-три месяца в году, а остальное время могу летать. — Остатки сдержанности еще сковывали Иерна, и он был рад окончить свою исповедь. Обогнув утес, заметили впереди замок Бейнак. — Эй, вот и приехали! — вскричал он, прищипорил коня и свернул на боковую дорогу.

Анс, открыв рот, глядел ему вслед и не сразу припустил галопом. Лишь половиной крови своей Таленс Иерн Ферлей принадлежал к аэрогенам и продолжал удивлять всех, кто помнил более строгих господ.

Рост его был всего лишь средним для человека из Иледуциеля, хотя коренастым дордойнецам он казался высоким. Благодаря пейзажной крови, Иерн был более мускулист, нежели отец, но узкое лицо того несколько расширилось в сыне и притупилось... широкие скулы, ярко-голубые глаза, каштановая взлохмаченная шевелюра и легкий баритон. В одежде Иерн предпочитал пышность.

Замок приветствовал его знаменами и солнечным отблеском застекленных окон на башнях. В этот замок Иерна заманила его красота. По всему Франсетерру сохранилось чересчур много подобных средневековых строений, вновь оживших после Судного Дня, породившего нужду в крепостях; перестроенные за века, они теперь представляли нагромождение стилей. У Ферлеев, как правило, был хороший вкус, но, когда он подводил кого-нибудь из них, последующие поколения устраняли ошибки. Могучий Бейнак вздымался высоко над рекой, и все современные пристройки к нему, даже радиомачта или воздушное жилое крыло, казались такими сокровищами, что их стоило спрятать за старыми стенами.

Как всегда, в эти мирные времена ворота стояли открытыми; несколько небольших пушек, бронированные автомобили, катапульты и дротикометы успели состариться, и часовой с горном выполнял чисто орнаментальную функцию. Подковы застучали по мощеному дворцу; Клан Таленсов мог позволить себе тратить железо на своих вождей и их непосредственных помощников. Обитатели повалили на двор и бросились приветствовать владельца, выкрикивая и жестикулируя, как подобает жителям

юга. Не меньший пыл проявляла наложница, которую Иерн привез с собой из Турнева, — кровь уже бурлила в нем; три с лишним недели, которые он провел среди целомудренных дордойнезцев, казались уже чересчур долгими.

А потом Таленс Халд Тирье, первый помощник Иерна, протолкался через толпу к его стремянам. Лицо его было суровым.

— Хорошо, что вы вернулись, сир, — проговорил он без преамбул. — Сегодня вас спрашивали из штаб-квартиры Погодного Корпуса. Вы должны немедленно позвонить туда.

Иерн обругал себя за то, что не прихватил с собой рацию. Неопытность. Такое не должно повториться. Выпрыгнув из седла, он бросился к донжону*.

Внутри башни лампа рассеивала мрак, придававший суровый вид мебели и произведениям искусства. Иерн едва заметил это. Он догадывался, зачем мог понадобиться Скайгольму, и оттого волновался.

Винтовая лестница привела его в комнату, где располагалось радиооборудование. Перескочив ее в три прыжка, Иерн бросился в кресло оператора. Пальцы его пробежали по клавиатуре... послышалось гудение, запахло нагревающимися проводами. Рядом с транзисторными переносными приемниками, которые ввозили из Федерации маураев, это устройство казалось огромным: столько места требовали вакуумные лампы в деревянном корпусе, однако мощности угольного генератора, которым располагал замок, хватало лишь, чтобы связаться со Скайгольмом; а больше и не требовалось.

Из башни он увидел аэростат, стоявший к северу невысоко над хребтом. Отсюда до него было много ближе, чем из той страны, где родился Иерн, и потому здесь Иледуциель казался крупней — едва ли не в полную луну — бледный и пересеченный тонкими линиями. Пронесся коршун, на короткий миг затмив ослепительное золото заходящего солнца. По спине Иерна пробежала легкая дрожь. Несмотря на все свои познания в науке и логике, он так и не мог забыть суеверия брежанских пейзаж, бормотавших возле своих очагов в пору его детства о зловещих приметах и знаках.

Он постарался не думать о предрассудках. Приемник согрелся. Иерн передал свой идентификационный код. После короткого жужжания из громкоговорителя донесся женский голос:

— Говорит коммуникационный центр. На связи лейтенант Дикенскит Гвенна Уорден. — В ее англее слышался ринландский акцент; должно быть, она проводила большую часть

* Самая высокая и крепкая башня замка.

своего наземного времени в этих краях. — Так вы... так вы — Таленс Иерн Ферлей? Переключаю вас прямо на Управление Погодой.

— Иерн, — поправил он первую букву своего имени. И усмехнулся себе.

Какая разница, как она произнесет его? А впрочем... быть может, судьба еще принесет ему славу, если он уцелеет... по молодости Иерн еще опасался ошибки в имени будущего героя.

— Извините, — безразлично проговорила Гвенна.

Определялась ли краткость ее извинений тем, что дело было срочным, или тем, что она тоже была молода и, подобно многим из нынешней молодежи, избегала проявлений формальной вежливости? На короткий миг он попробовал представить, какова она из себя. Но в Тридцати Кланах насчитывалось более шестидесяти тысяч человек; офицеров среди них было тысяч десять — всех за свою жизнь и не встретишь. Интересно, каково ей сейчас в воздушном гнезде, в тридцати километрах над землей, над морем и приближающейся бурей? Должно быть, надвигается страшный ураган. Иначе зачем Корпусу созывать Буревестников? Наверняка подняли всех лучших, иначе ему, Иерну, позволили бы завершить дела среди наземников.

Прожужжало, звякнуло, забормотало в наушниках, послышался другой женский голос, но он знал его обладательницу. Говорила его начальница, полковник Восмайер Тесс Рейман:

— Лейтенант Иерн!

— Мадам, — проговорил он в микрофон. — Приветствую вас.

— Вы, вне сомнения, обо всем догадались. Ураган уже в заливе, он движется к побережью Жиронн* силой двенадцать баллов. Он сровняет с землей весь Этан**, потопит не одну дюжину рыбацких поселков, быть может, заденет порт Бордо и уничтожит в нем все, что служит корабельному делу. Местные власти сообщили, что успеют эвакуировать не более трети населения. Потери будут огромными.

— Итак, вы полагаете, что мы сумеем побороть этот ураган? — В голове Иерна пели трубы, на коже ошетинились волоски. — Готов исполнить любые приказания, мадам.

Беспокойство смягчило ее тон.

— А вы уверены? Вы путешествовали целый день и, должно быть, устали. Подобное поручение на порядок сложнее всех

* Совр. Жиронда, департамент во Франции.

** Имеется в виду совр. Бретань.

предыдущих ваших полетов. Малейшая ошибка и... А нам необходимы данные, которые нельзя получить иным способом, но не разбитый самолет с погибшим пилотом.

— Это не про меня, мадам.

Тесс вздохнула; он словно увидел, как она покачала головой.

— Ни один мальчишка не понимает, что может умереть, — протянула она и добавила: — Хорошо, лейтенант, отправляйтесь в порт Бордо. Там вас проинструктируют... Особых подробностей не ждите: пока у нас нет вообще никакой информации о буре, а из всех Буревестников только вы можете своевременно добраться до цели, невзирая на опоздание. Все, что вы обнаружите, крайне важно для нас. — Она помедлила. — А теперь... в путь. Благословляю вас.

— Благодарю вас, мадам.

Иерн щелкнул выключателем, выпрыгнул из кресла и помчался вниз.

2

Из кабины самолета ураган казался черным горным хребтом, за которым уже спряталось солнце. Вырвавшиеся вперед облака затянули залив белыми хлопьями, правда, время от времени в разрывах можно было заметить белые гребни — корабли на плавучих якорях с убранными парусами: экипажи, отдавшие на волю судьбы, ожидали жизни или смерти. Позади, на востоке, на чистом фиолетовом небе мерцали звезды, над головой синело небо, на западе горизонт отливало зеленью. Скайгольм на севере еще отражал лучи солнца, под облаками внизу отблески и тени сменяли друг друга — до темноты уже оставалось недолго.

Ничего, решил Иерн, все равно в буре он окажется слепым. Но даже бормотание реактивного двигателя не могло заглушить шум ветра; самолет дергался и содрогался, но руки и ноги Иерна выплывали; управляя машиной, он восторженно хохотал. Нес его не маленький «воробей с пропеллером» — наполовину дерево и брезент, который доставил его из Бейнака в Бордо; теперь Иерн мчался на «соколе», ничем не уступавшем воздушным кораблям маураев. Одних только легких сплавов в нем было не выкупить за Капитанскую казну, машина сжигала топливо целыми реками; немного подобных ей существовало теперь на Земле... Самолет этот мог обогнать звук и подняться к Скайгольму. Оружия на нем не было. Кто смог бы атаковать его? В военных действиях его тоже нельзя было использовать: слишком дорого стоила эта машина. Когда придет черед Иерна вступить в бой, ему дадут самолет не лучше того, которым располагало поместье.

Мелькнула мысль, каково ему будет тогда? Эспейньянский конфликт случился еще до его рождения, а во время кампании в Италии он был еще кадетом. Ждет ли его своя война? Домен не сумел помешать Лонцо де Заморре забрать большую часть Иберьи в свои генеральские руки, но все же потом преградил дорогу его сыну, вознамерившемуся овладеть западной частью Средиземноморья... Иерн надеялся на мир. Ему не нравилося убивать людей, он не любил даже охотиться...

Голос в наушниках позвал его:

— Что там у вас, лейтенант? Вы что-то сказали?

— Ох! Ничего, — ответил он. Теплый румянец окрасил щеки. Профессионал не радуется предстоящему опасному поручению. И поспешно добавил: — Помехи мешают. Как слышите меня?

— Слышимость удовлетворительная. На окраины вышли еще три подразделения. Мы принимаем сигналы и от них, поэтому ситуация начинает вырисовываться. Будьте внимательнее.

Вверху в аэростате на единственном мощном компьютере Домена офицер-аналитик отстукивал ряд технических подробностей и цифр.

Иерн нахмурился:

— Этого недостаточно; разброс на целый полет стрелы.

— Конечно. Вы должны...

— Послушайте, — перебил Иерн. — Я ожидал этого. Но пока мы будем выяснять подробности, соблюдая осторожность, чудовище выйдет из моря на сушу. Нет, я отправляюсь прямо в него, в середину. И рекомендую своим коллегам-пилотам углубиться в толщу циклона, сохраняя высоту, на которой они находятся.

— Лейтенант!

— Передавайте мои рекомендации, майор. — Иерн знал, что коллеги последуют его примеру: гордость и честь Корпуса превыше всего. — Набираю скорость. Приготовьтесь увеличить темп измерений.

— Готов к спуску, — объявил он.

— Жезу да хранит тебя, — с трепетом в голосе проговорил майор.

Иерн пожал плечами. Он нес службу — так полагалось мужчине из Клана, но во всем прочем предпочитал оставаться агностиком.

— Благодарю вас, сэр, — отвечал он. — Я буду спускаться витками радиусом в три километра, на два километра за один

оборот. По-моему, так будет лучше всего. — Он не смог отказать себе в бравате. — Попросите моих товарищей пожелать мне доброй охоты, как и я им того желаю!

«Сокол» его нырнул вниз.

Вокруг машины сомкнулась ночь. Свирепствовал ветер, полихали молнии, грохотал гром; дождь и снег барабанили по металлу и кабине пилота спереди, сзади, сверху, снизу — со всех сторон. Почти оглушенный бурей и громом, он забылся в борьбе, стараясь помешать своему противнику разбить на куски его самолет или хотя бы сбросить его в море. Раз за разом Иерн выскакивал в самое сердце бури, но тут же копьём вонзался в ее стену. И пока он кружил, инструменты его измеряли, а остро-направленный ультразвуковой луч посылал людям нужные цифры, говорившие о давлении, скорости, ионизации, потенциале, градиентах... словом, называл все числа зверя.

В далеком Скайгольме техники-компьютерщики запускали в свою машину цифры, которые добывали Иерн и его друзья. Потом, просчитав, компьютер сообщал метеорологам о состоянии дел; на составление программы ушли сотни лет труда, размышлений и проб... случались и фатальные ошибки. Работа продвигалась даже во время Эры Изоляции, окончившейся с Реставрацией Энрика. Так стал аэроген царем — или царицей — среди небес.

Радароскоп Иерна просигналил тревогу: самолет его опустился почти до гороподобных волн. Иерн сделал все, что умел, а теперь еще был обязан спастись. Оставив турбулентные облака, он вынырнул в центр бури, задрал вверх нос своего самолета и форсировал двигатели. Небо над ним сделалось пурпурным диском, посреди которого дрожала звезда.

Вырвавшись на свободу, он заложил дугу над чудовищем и направился на восток.

— Докладывает Иерн Ферлей, — пропел он в микрофон, укрепленный на груди. — Задание выполнено, все в полном порядке. Информация принята?

— Да. Отличная работа, лейтенант.

— А как остальные?

— Они тоже в безопасности. К активным действиям мы приступим через считанные минуты. Выбирайтесь подальше: курс на Турнев.

Иерн кивнул и повиновался. Его самолет подобно всем машинам, что только что вышли из бури, нуждался в осмотре и, быть может, в ремонте, но столь сложную работу умели выполнять лишь в штаб-квартире. Ну а пилотов ждет традиционный

триумф победителя, а за ним, по крайней мере, неделя отдыха и развлечений. Только еще неизвестно — окажутся ли они победителями... Успехом завершалась отнюдь не всякая попытка.

Медленно Иерн осознал, что произнес эти слова автоматически. Сознание его еще оставалось в какой-то дали и едва начинало возвращаться к нему. Он не помнил уже в подробностях, как оседлал бурю; опыт выходил за пределы обычной жизни, в полете он слился со своим «противником»... а теперь тело его болело и ныло. Невзирая на защитный комбинезон, ремни, должно быть, оставили на его теле порядочно синяков. Но мир и радость наполняли его... Да, пережитое действительно было подобно мгновениям любви...

Но радости не закончились! Они только начинались...

Он заслужил славу и повышение, а своей семье и Клану — почет. Но только не право впустую израсходовать хотя бы литр топлива, пытаясь понаблюдать за спектаклем. Впрочем, можно было забраться повыше и не торопиться... отстегнуться и, встав на колени, поглядеть назад. Он вспомнил про темные очки — как раз вовремя. Ударили лазеры.

Каждый день, не зная помех облаков, туманов и дождей, солнечный свет играл на поверхности аэростата. На сферу диаметром в два километра падала мощность, измеряемая гигаваттами. Часть ее, проходившая обе оболочки, разогревала воздух внутри аэростата и тем держала Скайгольм в небесах. Но в основном свет падал на солнечные коллекторы и, пройдя термопреобразователи, становился электричеством. Оно питало реактивные двигатели, которые удерживали станцию на месте, противодействуя стратосферным ветрам, и использовалось для различных нужд на борту. Часть его передавали на Землю, чтобы производить синтетическое топливо, а также на нужды столь же важных производств. Однако их было немного, и, кроме этих заводов и редких местных энергостанций, Домен не знал электричества — металл для проводников был чересчур дорог. Так что большая часть солнечных элементов простаивала в ожидании войны или бури.

Но теперь контуры замкнулись, ставни отворились, и поток энергии хлынул в огромные аккумуляторы, а от них — к огромным лазерам. Свирепые, грозные молнии ударили во врага; их направляла не прихоть, не гнев, а холодный ум и руки, руководствовавшиеся теми данными, которые Буревестники вырвали из сердца бури-разрушительницы. Энергия лучей была

невелика по сравнению с жуткой мощью, вращавшей вихрь. Точно в уязвимые места ударили не знавшие равных световые столбы.

Перед Иерном промелькнули огненные копья, посланные небесами. Вокруг них горел и громыхал сам воздух. Они разили тьму, воспламенявшуюся огнем. Без очков Иерн ослеп бы на время, если не навсегда. Но и сквозь очки смотреть было невыносимо.

Вновь и вновь разряжались аккумуляторы... снова коллекторы наполняли их. Одни лучи, неподвижные, сверлили, разрушали бурю, другие короткими вспышками нарушали равновесие между областями урагана, обращая стихию против себя самой. Не зная колебаний, Скайгольм колол, рубил и протыкал... ну а Иерн и прочие Буревестники бежали, чтобы не подвернуться под его карающую руку.

Битва со стихией осталась позади него, Иерн мчался над Франсетерром под звездным пологом неба, укрывшим темнотой спящую страну. Аэростат еще ярко светился, отражая лучи солнца, которых не было видно пилоту, но скоро померкнет и Скайгольм. Иерн подумал о том, как могут сложиться дела внизу, если Скайгольм уйдет в ночь, не успев разгромить стихию. Лучи погасли. В наушниках раздалось с триумфом:

— Вот и все! Буря разрушена!

— Каковы перспективы? — спросил сухой голос.

Иерн узнал полковника Тесс.

— Ах-х-х... Вот предварительная оценка, мадам: мы рассеяли края бури. Ядро все еще активно, но значительно потеряло в силе и отвернуло на северо-запад. В ближайшие два или три дня у побережья ожидаются сильные ветры и дожди, смещающиеся в северном направлении. Но никаких неприятных последствий. Дальнейшее воздействие может отклонить ядро в направлении Эррии.

— Это не гуманно, не будем попусту сердить маленькие страны, которые стараются сделаться нашими надежными торговыми партнерами. Так что оставим их в покое... Командование погодой — всем Буревестникам: поздравления, благодарность и добро пожаловать!

Иерн летел. С этой высоты слева он заметил земли Брежа. Ар-Гоут не Ар-Мор, но все-таки Бреж. Ему вдруг захотелось повидать мать.

Скайгольм рос, заполняя все поле его зрения. Аэростат освещали одни только звезды, он казался огромной пепельной луной, на диске которой лишь кое-где поблескивали электрические огоньки. Теперь, также под ним, показалась река Лу, серебряной ниткой петлявшая по богатым низинам. Он начал спуск.

Поначалу Турнев рос возле Старого Тура, добывая строительные материалы в заброшенных частях города. Люди селились здесь не просто ради безопасности, а для того, чтобы ощутить утешительную близость Иледуциеля. Они перестраивали город потому, что большая часть старинных сооружений либо разрушилась, либо использовалась аэрогенами. Город зажил самостоятельной жизнью, потому что основатели будущих Кланов, немногочисленные и перегруженные делами, не желали брать на себя повседневные заботы о нем. Время шло, и когда где-то изнашивалось или устаревало промышленное предприятие, владельцу его проще и легче было перенести производство в процветающий новый город. Так постепенно Турнев сделался нижней столицей Домена, а Иледуциель — верхней. Старый Тур превратился в район его, скопище старательно отреставрированных домов, где жили только богачи и торговцы; кроме любопытных, его не посещал никто.

Тем не менее вид на старый город оставался романтическим. В сумерках Иерн стоял на башне, рядом была молодая женщина, и он ощущал, как зарождается в нем любовь. Ветер нес холодок, курилось дыхание, но плащи с капюшонами грели их, как и соединившиеся руки. Под ними простирались крыши и темные улицы. Вдалеке начинали светиться огни Турнева и газовые лампы, освещавшие самые крупные улицы и бульвары. Светляками подпрыгивали лучи фонарей, рабочие на окраине отыскивали путь домой. Вдалеке блестела река, огибая темное скопление барж и лодок. Усеянный фермами правый берег ее поднимался к северу до холма Консватуара. Из-за плюща на окнах кое-где просвечивали немногочисленные огни, отмечая комнату, где допоздна засиделся школяр. С незапамятных времен многие пейзажи считали это место священным. Холм этот был самой высокой точкой на дуге, с которой в определенное время года можно было видеть, как луна или солнце проходят за Скайгольмом. Аэростат висел прямо над головой, в семь с половиной раз превышая видимый размер обоих светил. Солнце еще прикасалось к нему. Как и всегда в течение двадцати минут после наступления ночи и перед рассветом, он светился отраженным светом. В этом свете Эшкрофт Фейлис Мейн казалась Иерну существом из брежегской легенды; обительницей лесов и дольменов, слишком прекрасной для существа из плоти и крови.

— Как часто я бывала здесь и мечтала, — негромко проговорила она. — Но никогда не думала, что мне предстоит разделить свои думы со святым.

Музыкальный бургойнезский акцент шел нежному голосу. Сердце Иерна затрепетало. Невысокая стройная девушка, с большими серыми глазами и длинными светящимися волосами... сосредоточенная и вдумчивая, студентка исторического факультета Консватуара. Не из той породы девиц, которых можно не церемонясь валить в постель — весьма добропорядочная дева. Его родственник Таленс Джовеин Орилак познакомил их несколько дней назад, и Иерн сразу же потерял интерес к портовым девчонкам.

— Ну что ты, — проговорил он с неловкостью, изредка посещавшей его. — Ты не деревенская пастушка; ты женщина из Клана и знаешь, что все мы, аэрогены, просто люди. Я выполнил свой долг, и ничего больше.

Она поглядела на него.

— Но мы носим в себе анимы наших предков, так ведь? И мне все кажется, что твой аним когда-то принадлежал первому Капитану.

— Что? Нынешний Капитан... Кстати, хочу сказать, что ты мне просто льстишь, и, кроме того, я не верю в это...

Она улыбнулась:

— Я тоже... если говорить откровенно. Но тем не менее, по-моему, ты... — Она помедлила. — Ты... органелла, которая истинно эволюционирует.

В недоумении он глотнул.

— Ты геанка?

— Ах нет. Но я полагаю, что геанцев осеняет иногда истинное откровение... но сама я — просто мечтательница, мышка, грызущая старинные книги. — Она поглядела вверх и вздохнула. — Я считаю, что существование наше имеет определенную цель. Иначе в нем просто нет смысла, правда, Иерн? Вспомним нашу историю. Разве могли бы мы с тобой стоять здесь этим вечером, счастливые и в безопасности, если бы судьба силой своей не вела наших предков?

— Ну...

Он попробовал отыскать слова, но сдался: зачем вступать в спор и портить, кажется, складывающиеся отношения? Прошрое он воспринимал куда прозаичнее.

Непосредственно после окончания войны Судного Дня, когда вся Юропа лежала в радиоактивном хаосе, те, кто был в первом экипаже, перевели Скайгольм, стоявший прежде над Парижем, на его нынешнее место над избежавшим разрушения Туром.

Конечно, в последующие годы и голод, и болезни не миновали его, но аэростат отгонял отчаявшихся чужаков, силой своей помогая выздоровлению.

Пытаясь — простейшим и бесхитростным образом — сделаться благородными правителями, тридцать — двадцать два мужчины и восемь женщин из полудюжины наций, ныне оставшихся лишь в памяти человечества да в наименованиях местностей — думали о себе. Небо давало им безопасность. Но людям нужно было есть и пить; самолеты, взлетавшие с посадочных платформ, нуждались в горючем и запасных частях; сама оболочка их небесного дома требовала замены по крайней мере один раз в десятилетие — целиком, до последней данели, потому что ультрафиолет и озон разрушали материалы; нужды их были бесчисленны, и ничто не могло удовлетворить их, кроме современных технологий, лишившихся ныне своей промышленной основы. Существовавшие тогда в разных краях подобные аэростаты падали на землю: нечем больше было заменить вышедшую из строя деталь. Тридцати повезло.

Под их охраной и руководством люди здешних краев смогли выделить часть своих не столь уж обильных ресурсов для возобновления основных предприятий. Местные жители даже хотели этого: если падет Иледуциель, у них отнимутся и те крохи, что еще оставались. Бедные, не укомплектованные ни людьми, ни оборудованием заводы поначалу действовали неэффективно; их продукции едва хватало, чтобы поддержать существование Скайгольма и его машин. И все же они выжили; тем временем фермы становились снова продуктивными, начала возобновляться торговля, а у некоторых нашлось время извлечь из тлена книги и почитать их.

Между тем власть Скайгольма распространялась. Это происходило почти само собой, нужно было разгонять банды и отражать нападения организованных врагов. Поколения сменяли друг друга, оборона населения сделалась политикой — обязанностью и судьбой. Иногда аэрогены пользовались наземными войсками, летные части помогали им, лазеры находились в резерве. Чаше область была рада тому, что ее аннексируют очередным тонким дипломатическим приемом... династическим браком или чем-нибудь вроде того. В конце концов, принадлежность к Домену сулила многое. Мир на границах и свободная торговля были наиболее явными преимуществами. Надзор сверху сделал жизнь безопаснее, позволял заметить заболевание посевов и богатые места для рыбной ловли. Скайгольм предоставлял современные карты, заранее предсказывал непогоду, а иногда и изменял ее. Консватуары, которые основывали Клань,

представляли собой сразу школы, лаборатории, библиотеки, музеи — словом, хранилища и источники знаний. Из них выходили врачи, агрономы, ученые мужи и жены любого толка. Скайгольм не требовал взамен слишком многого... ограничиваясь умеренной данью, выполнением нескольких законов, в основном касавшихся прав человека, и содействием в делах, важных для всего Домена. Во всем прочем, за исключением области вокруг Турнева, штаты оставались автономными.

Во всяком случае так гласила теория, а теории ценили во все века... Быть может, это был миф, но трепетные предчувствия и надежды сулили божественно избранной небесной расе власть над восстановленным миром.

Конечно же, этого не могло случиться: территориальному приросту скоро был положен предел — в спорных землях, где Скайгольм чуть поднимался над горизонтом. Передвинуть к ним аэростат значило лишить поддержки тех, кто издревле полагался на нее. Аэрогены не могли управлять всей планетой; невзирая на все могущество, они действительно были только простыми смертными.

Шар наверху померк. Выступили звезды.

— Мне надо возвращаться, — проговорила Фейлис. — Хотелось бы мне остаться, но моя репутация и... — Она умолкла.

Иерн едва смог заметить, как порхнули ее ресницы.

— А моя? — спросил он с дрогнувшим сердцем. — Со мной ты в безопасности. — Она хихикнула. — Тем не менее это так.

— Я знаю. И я хочу... но мы встретились так недавно!

— Так какая же разница?

Она не сопротивлялась, когда он привлек ее к себе. И через минуту принялась учиться тому, как надлежит целовать мужчину.

Этим Иерн ограничился. Он не смел дальше испытывать свою удачу. Освещая путь электрическим фонариком — знаком и принадлежностью избранного меньшинства, — они неуверенно опустились по лестнице, вышли наружу и направились вниз по улице; чему-то смеясь, перебежали по мостовой.

В Турневе уже следовало соблюдать все приличия: их окружал портовый район, здесь жили люди Кланов и богатые наземники. Вообще Фейлис обитала в общежитии при Консватуаре, но шла праздничная неделя, отмечался Урожай. И на время

каникул вместе с подругами она перебралась в уютный дом, принадлежавший семейству Орилаков. Места хватало, и подобные любезности среди своих были приняты.

В настоящее время в доме главенствовал Таленс Джовеин Орилак, он находился здесь по делам поместья, которым управлял в Приинийских горах. Когда слуга впустил Иерна и Фейлис, он вышел из кабинета. Лампы бросали тени на его лицо, на котором глубоко залегли глаза.

— Чарльз Великий, девочка! — воскликнул Джовеин. Там, откуда явился он, именем первого Капитана редко клялись. — Что ты делаешь? Знаешь ли ты, сколько сейчас времени?

Она ошетинилась.

— А вы, сэр, уверены в том, что имеете право делать мне замечания? — возразила она.

Джовеин напрягся. И через секунду взгляд его обратился к родственнику. Иерну показалось, что он заметил зародившееся зерно ненависти.

Впрочем, тогда Буревестнику было все равно.

Глава 2

1

Орион взойдет.

Эти слова Тераи Лоханнасo впервые услышал от маленькой девочки, потерявшей своего отца и ожесточенной, в доме, который ей предстояло оставить, у подножия снежного пика на земле, где он был нежеланным чужаком. Тераи так и не понял, почему слова эти настолько врезались в память. Ему несвойственна была подобная впечатлительность, и хотя он никогда не хотел приносить скорбь людям, но нередко был вынужден делать это.

Возможно, так случилось потому, что Тераи знал ее отца; видел, как он погиб, и явился, чтобы рассказать об этом матери девочки. Или потому, что грустная сценка пробудила в нем нечто неосознанное; память о том, что он делал, видел и слышал — иногда отдельные искорки, но, сложившись вместе, они намекали на огромную и страшную вещь. В любом случае в последние годы он нередко возвращался памятью к этому эпизоду и тому, что было до него, — к Лауни Биркену.

Мужчины познакомились еще до Энергетической войны, что не удивляло; Тераи командовал бродячим транспортом, припи-

санным к Авайям*; Лауни был совладельцем небольшой, но все же современной фабрички, изготовлявшей электронное оборудование, которое находило сбыт и в Федерации маураев.

Подобно многим судам, корабль Тераи под парусами шел через узкие проливы мимо Виттохрии**, города более культурного и политически важного, чем торговый Сизтл. Жители Северо-западного Союза, ничего не боясь, возводили города на прежних местах, еще когда радиоактивность не ослабевала. Уцелевшие стремились в первую очередь сохранить имя... в отличие от тех, кто не получил ядерного удара. Когда корабль приставал к берегу, суперкарго рассылал вести нужным людям. Получив известие, Лауни сам вез свою продукцию из родной деревни и оставался удостовериться в том, что все размещено надлежащим образом. Вечерком они с Тераи отправлялись пообедать и выпить. Лауни не знал маурайского, но спутник его бойко разговаривал на английском. Тераи случалось встречаться и с женой Лауни.

Во время недавнего конфликта оба они служили в противоборствующих сторонах, и это никак не мешало их дружбе. Не объявленная Китовая война продлилась недолго, обе стороны преследовали строго ограниченные цели, соблюдая полурыцарские манеры. В битве при Фараллонес*** восемнадцатилетний Тераи, лишь недавно поступив во флот Федерации, заслужил медаль, приняв командование над фрегатом, лишившимся мачты и горящим; после гибели всех офицеров, залатав пробину пластырем, он привел корабль в бухту Хила. Он не забыл, как какой-то из победоносных кораблей Союза приблизился к ним и послал своих людей, чтобы погасить пламя; потом северяне выразили сожаление: более они не могли помочь, поскольку должны были преследовать бегущие эскадры маураев. Лауни, старший из них двоих, капитанствовал на одном из тех каперов****, что остановили торговлю в восточной части Тихого океана. Судно его, оснащенное вспомогательным дизельным двигателем и прекрасно вооруженное, захватило двенадцать торговых кораблей и, ограбив, пустило на дно. Но Лауни всегда забирал экипажи на борт, не забывая даже про корабельных котлов. Почитатель культуры маураев, он обходился со своими «гостями» по-доброму: так, как приветствовал бы у себя дома. Итак, им было за что уважать... и даже симпатизировать друг другу.

* Остров Гавайи. Гавайские острова.

** Совр. Виктория, Канада.

*** Совр. Марианские острова.

**** Частное судно, занимающееся морским разбоем по поручению своего правительства.

Раз или два они поспорили о том, кто был прав в том конфликте. Последняя такая дискуссия — уже перед началом новой войны — произошла в тихой, обшитой деревянными панелями трапезной Сизтлского собрания Ложи Волка, к которой принадлежал Лауни.

Он пригласил туда Тераи — изысканную кухню можно было добавить к основным достижениям цивилизации северо-запада: производству, торговле и научным исследованиям. В просторном зале с высоким потолком без всякого порядка были расставлены столы... Белоснежные скатерти, тонкий китайский фарфор, приборы из слоновой кости. Декоративное пламя плясало в искусно сделанном камине, холод здесь прогоняло электричество, а снаружи завывал ветер и дождь барабанил по стеклу. Более того, весь зал был освещен электрическим светом. В этих краях было много рек, и год от года Союз использовал все больше угля: ежегодный прирост его потребления маураи считали ужасным.

— Я не понимаю вас, Лауни, — сказал Тераи. Бутылка вина и изрядное количество местного виски развязало его язык. Трезвым он был неразговорчив. — Как мог столь достойный человек, как вы, пойти в бой ради интересов кучки китобойцев? Вы же могли бы и не делать этого. Призыва не объявляли и стычки войной не называли. Да, я помню, вы рассказывали о том, как преуспевали в качестве рейдера... как все это будоражило кровь. Но если человек любит одиночество и его снедает беспокойство — Лесу Харисти! — перед нами целая планета, которую можно исследовать. Половина ее по-прежнему не изведена!

— И более чем половина ее населена отсталыми голодными дикарями, — возразил Лауни.

— О, ну что вы, я достаточно много странствовал: дела в среднем не так уж и плохи. По крайней мере, не всюду.

— Напротив, они достаточно скверны и в значительном количестве мест, — заторопился Лауни. — Я говорю не по книгам, я видел все это своими глазами.

— Мм-м... и где же?

— Мой отец искал железо — был жестянщиком, — пока его не одолел артрит. Он взял меня — мальчишку — в свою последнюю поездку. Мы с ним добрались до Лантического побережья. Я много чего там повидал, но города мертвы. Ни с какими опасностями мы там не столкнулись. Увы, главным образом потому, что туземцы слишком жалки, чтобы представлять угрозу. Они попрошайничают. Сколько женщин готовы были продаться — с одобрения своих семей — за иголку, пластмассовую

чашку, любую полезную вещь, с которой мы могли бы расстаться. Тогда я был еще слишком молод для подобных занятий, однако едва ли эти бедные костлявые грязнули пользовались вообще каким-либо спросом.

«Он мне нравится еще более, чем прежде, — подумал Тераи... — Не хочет отвечать на мой вопрос, быть может, преднамеренно, и все же не крутит, не пытается изменить тему».

А это можно было сделать вполне естественно, подумал он. Жестянщики — народ живописный, поначалу в их подходах виделась некоторая героика: ведь им приходилось силой, хитростью или кошельком прокладывать себе путь на оккупированные монгами равнины, где был металл! Позже их деятельность регулировалась договорами: предприятия Лож неподалеку от источников перерабатывали сырье, продукт грузили на поезда, без всяких приключений пыхтевшие по прериям и далее — по горам; иногда груз присылали из возрожденных месторождений, требовалось все больше и больше угля, но поисковики по-прежнему бродили по диким равнинам далекого востока, выискивая средства, способные вернуть крепость мышцам промышленности Союза. Если бы только ей можно было добавить ума и сердца...

— Хорошо, ограничимся цивилизованными странами, — продолжал Лауни. — Я бывал и на юге, доходил почти до Корrado*, там все в порядке; конечно, они ваши политические марионетки, но там жизнь что надо. И у монгов тоже. Я бывал и у них, они во всем не похожи на нас, невзирая на все перемены, но даже их серфы сытно едят и достаточно много знают. Безусловно, я бы хотел посетить когда-нибудь вашу Федерацию — в качестве частного лица. И еще — съездить в Юропу в ближайшие годы. Торговля с ней все время возрастает, не так ли? Интересно бы посмотреть на Скайгольм. Конечно, можно назвать и другие удачливые места. Но по большей части... — Он ядовито качнул головой. — Нет уж, спасибо. Я знаю страны, где богатым вполне хорошо, но как живут там бедные, мне тоже известно; видал я и такие земли, где все бедны, вот уж этих повсюду предостаточно.

Тераи возобновил нападение.

— Ну, если у вас такое мягкое сердце, как можно защищать убийство — пусть и китов? — спросил он.

— В прошлом и вы, маураи, охотились на них. И даже пытались разводить их как скот.

* Совр. Колорадо.

— Ну, это было давно — перед самым Судным Днем, еще до того, как наши ученые выяснили, насколько разумны китобразные. — Тераи взял свой стакан, понюхал смолистый аромат, глотнул крепкую жидкость. — Да вы слышали об этом. Так вот, помаленьку мы осознавали, что мир еще не впал в такую бедность, чтобы люди могли убивать китов просто ради мяса и жира.

Тераи поглядел на своего собеседника: он был высок, правда, чуть пониже ростом его самого, с грубым красным лицом; соломенные волосы ниспадали на плечи, лицо обрамляла коротко стриженная рыжевато-желтая борода. Норрмен был одет, как полагается для подобных okazji: шарф из импортного шелка, заправленный в открытый воротник шотландской шерстяной куртки, брюки из оленьей кожи, прочные полусапоги. Кольцо из слоновой кости на левой руке свидетельствовало о том, что он женат.

В этом климате Тераи одевался подобным образом; впрочем, невзирая на простой покрой одежды, весь облик его не был привычным для окружающих. Сидевшие вокруг них супружеские пары пытались не докучать своими взглядами иноземцу.

— Вы можете решить, но только за себя, — сказал Лауни, — а не за всю человеческую расу. И когда начали захватывать китобойные суда Северо-западного Союза...

— Мы всегда перехватывали рабовладельческие корабли. И вы никогда не возражали против этого.

— Нет, рабство у нас невозможно. — Движением ладони Лауни остановил его. — Подождите: мы за свободу, но для людей, а не коней и цыплят. Конечно, киты — животные смышленные, и лучше бы их оставить в покое. Вы ведь так и не сумели доказать, что они более чем животные. По чести говоря, у вас нет ничего, кроме теорий. — Выпив, он торопливо продолжил: — Вы решили все своей волей, решили, что вы всемогущи и вправе приказывать свободным капитанам, что им можно делать в открытом море, а что нельзя. Наверное, вы знали, что у нас китобойным промыслом занимаются лишь члены Лож Скопы и Полярис, и не рассчитывали, что остальные жители этой разболтанной страны решат помочь им своей кровью. Ну нет, ни одна Лож не бросит другую; войны с монгами научили нас взаимовыручке. Конечно же, мы сразу сказали вам, деловым: пошли вы в Рашу, но вы перешли к насилию. Что ж, тогда Лож набрали людей и денег, вооружились, выступили и ответили вам тем же самым.

«И в боях, и в налетах доказали нам, что лучше не настаивать, — не мог не признать Тераи. Он вспомнил тяжелый

броненосец Союза у Фаралоннес: паровые машины, укрытые стальными плитами, без катапульт, но с драконовой головой — пушками, извергавшими разрывные снаряды, и трубами ракетных пусковых установок. — Мы не поняли вас. Мы никогда не думали — в своем... своем “всемогуществе”, — что кому-то может потребоваться даже такая ценность ради столь ничтожной выгоды».

Голос Лауни сделался тише. Он наклонился вперед.

— Видите ли, Тераи, — откровенным тоном продолжал он. — Давайте не будем ссориться из-за пустяков. Позвольте мне добавить еще кое-что, а потом выпьем как следует, споем и повеселимся. Поймите: нам нужен спермацет* для смазки машин. Конечно, я знаю, что годится и масло жужубы. Но мы не можем импортировать его из тех мест, где растет жужуба, там ее не выращивают в нужном для нас количестве, даже торговля не способна стимулировать крестьян. Что касается китового мяса, масла для ламп, китового уса и всего прочего, мы продаем их монгам и покупаем у них все необходимое: будь то уголь или право проезда по железной дороге через их территорию. Когда промышленность наша вновь обретет силу, нам не потребуется китовый промысел. Он перестает быть выгодным. И вместо того чтобы скорбеть о нашем развитии и ме... да, мешать ему как только можно, провоцируя полномасштабную войну... почему бы вам не помочь нам? Тогда мы прекратим бить китов намного раньше. Почему не может случиться так, что вы — не вы лично, а ваши политики, ваши купцы — не хотите допустить, чтобы кто-нибудь на свете сделался столь же значительным, как и Федерация маураев?

— Нет! — принялся отрицать Тераи и на мгновение пожалел, что не может проявить полную искренность. «Однако перед самим собой влиять нечего, — подумал он. — Сколько раз повторяли мы это? Мы не хотим, чтобы планетой правила единая цивилизация; мы не хотим индустрии, которая губит планету...»

Откинув назад голову, Лауни остановил своего гостя коротким хохотом.

— Прошу прощения, — извинился он. — Мне вдруг подумалось... вот мы с вами повторяем газетные статьи, речи профессоров и ораторов... а вам отплывать с утренним приливом. О чем разговариваем!

Тераи расслабился и усмехнулся.

* Жир, добываемый из головы кашалота.

— В этом вы, бесспорно, правы. Время, которое можно употребить на хорошую выпивку, грех тратить на другое. Кстати, где тут у вас девицы пляшут?

— Я не забыл об этом.

Мужчины не нуждались в подружках из портовых кварталов: Лауни прибыл в Сизтл с женой, отпустившей его на травку на весь сегодняшний вечер; в экипаже Тераи кроме канаков были и вахины*. Но сизтлский стриптиз — это не скромная авайянская хула.

Вечер выдался запоминающимся.

Эта встреча оказалась не последней. Через пять лет после окончания Китовой войны началась Энергетическая — Федерация объявила войну Союзу. Она продолжалась три мрачных года, на сей раз каждый из противников намеревался сокрушить другого.

В том, что Лауни и Тераи подружились, не было ничего удивительного. Любопытны были обстоятельства их новой встречи в начале второго года второй схватки между обоими народами.

Возле берегов Оргона** состоялась морская схватка. Маураи победили. Теперь на море победа всегда доставалась маураям. Они успели получить суровый урок, внимательно пригляделись к обществу, которое прежде недооценивали, и заранее приготовились к конфликту, который реально мыслящие люди между ними полагали неизбежным. Сила и мастерство, богатство и численное превосходство были на их стороне, оставалось лишь вовремя мобилизовать все ресурсы... Впрочем, северяне сопротивлялись упорно. Корабль Тераи потопил вражеское судно и спас уцелевших. Среди извлеченных из воды оказался офицер-радист Лауни Биркен.

2

Под белыми кружевами пены бежали сине-зеленые волны, в тених по правому борту прятался континент, а на запад — плыви хоть до края мира. Волны приходили, шипя и насмешничая, брань их с корпусом судна проникала в кости людей. Солнце миновало полдень, на небе лужицами молока растекались

* Канак и вахина — мужчина и женщина по-полинезийски.

** Совр. штат Орегон в США.

редкие облака, между которыми сновали множество мелких капелек-чаек. Ветер нес морскую пену, охлаждал лица людей, серебил их волосы, наполняя уши шумом.

Невзирая на размеры, «Барракуда» топала против ветра на двадцати узлах. Подняв паруса — это производилось электромоторами, — она могла бы прибавить ходу, но тогда большая часть флотилии осталась бы позади. Искусство гидродинамики, за века сделавшееся столь же точным, как и баллистика, определяло конструкцию корабля. Тримаран был предназначен для скорости и маневра, а не для перевозки груза. Такелаж был похож на обычный — вообще-то судостроители-маураи не придерживались каких-то канонов, — но столь же эффективный и изощренный. Пять мачт, выстроившихся вдоль главного корпуса, несли по пять прямых парусов из прозрачной синтетической ткани, прочной и не поддающейся гниению... не парусов — несущих плоскостей. По приказу компьютеров их края-элероны создавали векторы, разворачивающие мачты под оптимальным углом. В бегущем такелаже не было необходимости. Для управления достаточно было четверых матросов...

...если бы корабль был торговым и вез скоропортящийся груз, но сейчас на палубе толпился многочисленный экипаж. Здесь было просторно. За исключением обтекаемой надстройки у мостика, каюты находились внизу, а двигатели, вооружение, спасательные лодки и прочее необходимое оборудование занимало немного места; солнечные коллекторы были развернуты — чтобы зарядить аккумуляторы, освежить бактериальные топливные ячейки и дать кораблю силу. Развернутые наверху гидроцилиндров, они напоминали зонтики, в тени которых вполне можно отдыхать. Однако сейчас под ними никого не было, маураи считали здешние воды холодными.

На гражданском корабле убранство было бы менее строгим, главный форштень был бы украшен фигурой — обычно в ходу была религиозная аллегория, резное изображение Троицы: Танароа-создатель, по правую руку его — Лесу Харисти, спаситель, а по левую — Нан-разрушитель с акульными челюстями.

Конечно, в расставленных ящиках цвели бы цветы. Но сейчас, если забыть про лакированную древесину палубы, надстроек и переборок, все яркие краски остались за кормой — там на флагштоке развевался Крест и Звезды Федерации*... и все же экипаж веселился, отдыхая между битвами. Иные, презирая погоду, были облачены в саронги, ожерелья и браслеты, с гирлян-

* Созвездие Южного Креста сейчас находится на флаге Новой Зеландии.

дами-леями, сплетенными из цветов, выращенных в горшках под палубой. Молодые и стройные тела всех оттенков кожи, от янтарного до черного, были вдвойне прекрасны среди полностью облаченных сотоварищей. Повсюду можно было видеть замысловатые татуировки на теле. Как всегда, на кораблях маураев большинство составляли мужчины, но хватало и предприимчивых женщин, еще не бывавших замужем.

Собираясь в небольшие группки, они праздновали удачу, оставившую их в живых. Перепархивали шутки, топали ноги, колыхались бедра, вились руки. Звуки флейты, барабана, волынки, аккордеона, кото и сонга одолевали ветер. Стучали кости; камешки катались по расчерченной мелом доске. Двое рассказывали о родных краях слушателям из далеких земель; ни печать, ни радиоволны не могли отобразить все черты разноликой страны, занимавшей половину Тихого океана. Еще двое сидели обнявшись, другая пара спускалась в открытый люк, чтобы заняться любовью. Двое или трое человек предпочли одиночество и раздумывали, утопая взглядом в волнах или же в глубинах собственной души. У борта посреди корабля горбился Лауни, глубоко запустив руки в карманы одолженной ему флотской куртки.

— И кто тут на вахте? — поинтересовался он.

Тераи пожал плечами.

— Как обычно, — ответил он. — Первый, второй или третий офицер. Первый, второй и третий инженер. Квартирмейстер у руля. Радиоофицер, кроме экстренных ситуаций, следит и за радарам. Кок вместе с помощником должен сейчас готовить чай. Осмелюсь доложить, что кое-кто... скажем, плотник и главный артиллерист — нашли дела поважнее. Но мы, маураи, во всем — даже на военном флоте — не любим соблюдать распорядок или чересчур усердствовать в работе. — Он ухмыльнулся. — Я слышал, что нас зовут лентяями, и не только норри, вроде тебя, но и мериканы, обитающие к югу от вас... наши собственные клиенты, которых мы из флибустьеров сделали цивилизованными землевладельцами, и так далее... и тем не менее мы как-то ухитряемся существовать.

— Действительно ухитряетесь, — с безразличием согласился пленник, какое-то время разглядывавший человека, стоявшего возле него. Посмотреть было на что: рост Тераи Лоханнасо превышал два метра; железное, подобное скале, тело обладало, пожалуй, даже чрезмерной мощью. Черты лица его в основном были полинезийскими — широкий нос, полные губы, редкая бородка, которую он сбрасывал, к ним добавлялись квадратная челюсть, серые глаза и кожа цвета слоновой кости, там, где годы,

проведенные на море, не обратили ее в темно-коричневую — наследие предков-инглиссов. Голос его громышал. Темно-рыжие локоны были заткнуты за уши или свисали на лоб, как полагалось нозеланнеру. В уголке открывшей предплечья рубахи с короткими рукавами виднелась лишенная волос грудная клетка; на левой руке были вытатуированы традиционный якорь, обросший водорослями, а на правой — молоток и клещи (Тераи упоминал, что некогда любил для развлечения заниматься кузнечным делом).

— Да, ваша жизнь вполне благополучна, — ответил Лауни. — Вы зовете себя легким и веселым народом, но усеяли своими форпостами все побережье Азии и Африки... а также западный берег Семерики и Юмерики, к югу от наших границ их не счесть... и местные правители делают то, что вы им прикажете, даже если это противоречит их собственной выгоде. Тем временем ваши исследователи, торговцы — ваш авангард — проникают в Юропу... да.

Глаза его обратились к остальной флотилии, состоявшей в основном из однокорпусных кораблей, менее быстрых, но более вместительных, чем «Барракуда». (Они не уступали в остойчивости тримарану, потому что были снабжены выносными поплавками с обоих бортов.) Парусное вооружение различалось, как и размеры кораблей: можно было увидеть все — от древнего вида шхуны до современного ветряка, крутившего гребной винт. Все корабли были деревянными, металл попадался изредка, издали они казались хрупкими и невинными, даже авианосец, на палубе которого покоилось двадцать аэропланов. Они не вгрызались в волны, пытая дымом и встопорщив стволы пушек, подобно северо-западным броненосцам.

Впрочем, корабли эти не напоминали и тех толстопузых купцов, которых Лауни захватывал во время Китовой войны. Он видел, как эти бегущие по волнам в клочья растерзали эскадру, в которой он служил. И теперь они направлялись на север — на randevу с флотом. Потом эти объединенные силы выйдут на поиски флота Союза, за чьим местонахождением постоянно следили разведчики Федерации. (Как правило, на парящую высоко в небе кинокамеру или гидроплан не стоило тратить снаряд или ракету. Они были на удивление увертливы, а в случае попадания обнаруживали удивительную живучесть; на случай падения они были снабжены спасательными плотами, к тому же спасательные отряды маураев действовали на редкость эффективно.) Ну а потом... он предполагал, что морская пехота Федерации высадится на берегах Союза.

— Нет, ты преувеличиваешь, — сказал Тераи неловко. — Я, конечно же, сочувствую тебе... у тебя погибли товарищи... но мы не намереваемся править миром. Зачем нам лишние хлопоты? Во всяком случае мы хотим, чтобы мир оставался... скажем, разнообразным, чтобы различные культуры могли взаимно обогащать друг друга... — Покраснев, он прищелкнул языком. — Извини, приятель. Получилось, как у наших пропагандистов, но тем не менее они правы.

— Так-так... вы действительно цените чужие обычаи и народную музыку? — ошетинился Лауни. — Но никогда не симпатизируете тем, кто отличается от вас. И всему, что способно нарушить господство маураев.

— Тогда может погибнуть вся цивилизация, даже сама жизнь, — возразил Тераи. Он стиснул зубы. — Иногда мне даже кажется, что Погибель пришла вовремя, она сохранила биосферу от вреда, который наносила ей прежняя промышленность.

— Геанские речи.

— Лесу сохрани меня! — усмехнулся Тераи. — Монги не любят нас еще сильнее, чем вы. Сомневаюсь, чтобы хоть один маурай в своих помыслах серьезно обращался к геанству.

— А почему тогда слова «экология» и «разнообразие» являются вашими лозунгами в Священной войне?

Долго сдерживаемый гнев полыхнул крохотным голубым огоньком.

— Все мы существуем на одной планете, — буркнул Тераи. — С нас довольно уже других результатов вашего безумия: продуктов сжигания угля и отходов химической промышленности. Но когда вы стали собирать делящиеся материалы и приняли за ядерную энергоустановку... это уж слишком! Вы отвергли наш ультиматум, и что нам оставалось, кроме войны? А теперь мы намереваемся сокрушить вашу мощь, чтобы она не погубила Землю.

Вспышка гнева улеглась мгновенно, Тераи не был холериком.

— Не страшитесь, Лауни, — проговорил он и принялся рыться в карманах. — Мы враждуем не с вашим народом, а с обезумевшими учеными, которые оттеснили нас от руля. Их мало — тех, кто забыл, что кладовые Земли почти опустели.

Он извлек свою вересковую трубку и кiset с табаком.

— Слыхал я все это, — ответил Лауни. — Не забывайте — отец мой был жестянщиком... мусорщиком... а я читал книги и слушал лекции.

В его уме промелькнуло краткое их изложение:

«Судная война со всеми последствиями не смогла стереть наши познания. Слишком много знаний сохранилось, нашлись удачники, сумевшие достаточно скоро приступить к возобновлению. Они имели свой шанс... но прежние технологические цивилизации израсходовали легкодоступные материалы, в избытке имевшиеся прежде на земной поверхности и делавшие возможным любое дело. Не осталось Мессаби*, не осталось Прудхоу Бейз, не осталось просторных девственных лесов, прежних тонн плодородной почвы на каждом квадратном метре пашни. Предкам все чаще приходилось ограничиваться заменами и перестройками. Общество потомков было проклято недостатком энергии и скудностью ресурсов, не могло позволить себе восстановить индустрию.

Поэтому многие из тех, кто выжил, вынуждены были обратиться к новым версиям дикарства и варварства. Некоторые из них уже успели подняться к прежним высотам; немногие сумели вновь осилить этот подъем, не будет и этих, если...

Ключ к лестнице, ведущей в будущее, в руках маураев, и они охраняют ее. Их предкам повезло: Нозеланн уцелел в войне. Конечно, и эти края получили свою дозу ультрафиолета, когда взрывы бомб разрушили озоновый слой, вытерпели вымирание микробной основы жизни, болезни и эпидемии, хаос и голод. Но сам остров остался цел. Все сооружения на нем уцелели: фабрики, лаборатории, гидроэлектростанции, даже истощенные месторождения железа и угля. Горожане вымерли, но сельские жители выжили; обитавшие в резервациях аборигены, полагаясь на племенное содружество, сумели приспособиться к новым условиям. И когда природа начала восстанавливаться, нозеланеры решили заняться реконструкцией и обнаружили чудовищную нехватку рабочей силы. Они истратили уголь и железо, чтобы построить корабли, и послали за эмигрантами, чтобы поселить их на Полинезийских островах. Вполне естественно, что они прибегли к научной и экономной технологии...

Мы другие, мы жители Северо-запада. У нас была более богатая основа. И мы не переменялись — за все суровые столетия на земле, мы по-прежнему смотрели вперед, надеялись и мечтали».

Набив трубку и взяв ее в рот, Тераи достал зажигалку — небольшой цилиндр из твердого дерева с плотно прилегающим колпачком. Сняв его, он вытряс немного порошка трута из отделения в своем табачном кисете в узкий канал. Упрятав кисет, нажал на поршень, опять вынул его и высыпал порошок на

* Месторождение железа на севере штата Миннесота неподалеку от Дулута.

табак. Сжатие воздуха нагрело вещество до точки воспламенения. Осторожно затягиваясь и прикрывая рукой трубку от ветра, Тераи раскурил ее.

— Вот-вот, — проговорил Лауни. — Эта неуклюжая штукавина, похоже, сделается мировым символом нашей цивилизации.

Тераи улыбнулся, от глаз его разбежались морщинки — словно гусиные лапки.

— Очень удобная вещь, если умеешь с ней обращаться. Только не говори, что ты предпочитаешь серные спички!.. Тут, чтобы один раз закурить, потребуется истратить заработанное за целый день.

— У нас дома мы используем зажигалку величиной с твой большой палец. Пластиковый корпус воспламеняется от искры — кремь по стали. Горит бутан, мы получаем его из угля или возгоняя опилки.

— Я знаю, видел. Подгулявший моряк и то менее экстравагантен.

— Тераи, подожди-ка минуту. Вы ведь тоже используете леса и поля, завели себе сады и рудники даже в морях.

— Мы возобновляем посадки, мы поддерживаем равновесие.

— Мы тоже, насколько это возможно. И могли бы делать это лучше, будь у нас больше энергии. В энергии — ключ ко всему.

Тераи указал на океан в сторону ветра и на небо.

— Да, конечно, это ваши мобильные энергоресурсы, — сказал Лауни. — Солнце, ветер, вода, биомасса — но в конечном счете все они порождены солнцем, а оно не дает больше киловатта с квадратного метра, да и то в полдень или в ясный день; на деле получается куда меньше.

— Ты знаешь, что мы в какой-то мере пользуемся и углем, — ответил Тераи. — Но мы добиваемся полного сгорания. И вы тоже могли бы так поступать.

— Нет, если мы намереваемся жить так, как подобает разумным людям, нам нужна эффективная промышленность. Конечно, нефть — чересчур ценное сырье, чтобы сжигать ее, а древесина слишком дорога — и когда она еще растет и когда уже срублена. Что тогда остается, кроме угля? Конечно, субстанции грязная, и ее не хватит на вечные времена.

Лауни взволновался.

— Тогда почему вы, маураи, запрещаете ядерные исследования? — возмутился он. — Мы спроектировали станции, безвредные и безопасные. Можно совершенно надежным обра-

зом избавиться от отходов: перевести их в стекловидное состояние, захоронить в геологически стабильных областях. Невинная штука по сравнению с угольными шахтами со всеми их кислотами, шлаком, газами. Мы готовы принять любые предосторожности, чтобы предоставить возможность создания ядерного оружия. Мы бы могли совместно создать термоядерную установку — неограниченный источник энергии до конца жизни на Земле. Энергии, которая могла снова поднять нас к звездам. — Он потряс головой и вздохнул: — Нет же, и сами не хотите пользоваться, и нам не позволяете. Почему?

— Мы объясняли уже миллионы раз, — грустно ответил Тераи. — Опасности, грозящие жизни при неисправностях ядерных станций, перевешивают любые возможные выгоды, но даже если придуманные вами системы смогут работать идеально и вечно, наша планета более не способна обеспечить развитие промышленности — в том масштабе, которого вы добиваетесь.

— Так говорите вы, — возразил Лауни. — А как насчет политических соображений: жадности, стремления укрепить свою... гегемонию? Ведь без них-то не обошлось, маурай. Я говорю не про тебя, Тераи. Ты всегда казался мне честным человеком. Меня смущает одно: почему ты взялся шпионить между двумя войнами? Следовало бы отказаться от предложения.

— Я не был шпионом, — кротко ответил Тераи. — Я лишь пользовался личиной морского торговца в качестве маскировки; я всегда оставался офицером морской разведки, но никогда не крал ваших секретов. Я гостил у вас, чтобы лучше познакомиться с вашей страной.

— На случай будущей войны? — Лауни попытался сдерживать свои чувства. — Вне сомнения, самому себе ты кажешься честным патриотом, лояльным подданным своей королевы и своего племени. Не сомневаюсь, что так оно и есть. Но в душе, при всей вашей лени и расслабленности, вы, маурай, фанатики. — Помедлив, он добавил: — Мой профессор истории в колледже любил говаривать: нет худшей неудачи, чем успех. Он был прав, и примером тому служит ваша цивилизация. В свое время вы достигли многого, но зачем вечно цепляться за старое? Ваши прежние достижения для вас святее самой Троицы; и если возникает какая-нибудь малейшая угроза статус-кво, вы сразу готовы на все... а потом еще нахваливаете себя за мудрость — дескать, как верно мы управляем Землей.

Он отвернулся, взялся за поручень и принялся разглядывать море, повернувшись спиной к своей сражающейся земле.

Тераи молча стоял, выдыхая голубой дымок. Наконец он положил ладонь на плечо норрмена и прогрохотал:

— Меня не задевают твои слова. Говори, что хочешь. Тебе нужно выговориться. Я по-прежнему твой друг и воспользуюсь любым шансом, чтобы доказать это.

3

Армады сошлись возле устья могучей реки Колумма*, было холодно, ветер с запада гнал ледяной дождь, смешанный со снегом. Течения подбавили путаницы в огромные волны: они затягивали корабли на восток, укрывая под собой рифы и мели. Словно бы сама природа пыталась защитить свою страну.

Если так, она старалась напрасно.

Среди экипажей Союза попадались опытные моряки, но практически каждый маурай знал высокие воды и дельфиньим чувством угадывал ход волн под ветром, приглаживавшим, подымавшим или нахлестывавшим их. Корабли Союза были отлично построены, но по большей части на верфях, что состарились еще до того, как прежняя цивилизация уничтожила себя; в бой их увлекали примитивные паруса либо толкали еще более неуклюжие угольные машины — дизелей на синтопливе было немного. Корабелы маураев блюли все каноны обеих динамик — воздуха и воды; они были маневренны, как акула или альбатрос, а топливные элементы приводили в движение вспомогательные электрические моторы. Самолетов обе стороны могли выставить немного, но примитивные машины Союза вынуждены были оставаться на земле, а пилоты-маураи летали и в такую погоду. Дождь не слепил их радары, сонары, теплотекторы и прочие приборы — в подобных вещах маураи значительно превосходили соперников. Артиллерия Союза использовала в снарядах порохов минерального происхождения. Скудность природных запасов ограничивала возможности оружейников. Маураи изготавливали свою амунизию, пользуясь веществами пусть не столь мощными, но безгранично доступными. Их взрывчатка имела биологическое происхождение, ее производили на морских фермах-фабриках бактериальных культур. Металлы им давала терпеливая электрохимия — перерабатывая морскую воду. Она же поставляла кислород и водород, и криогенные топливные элементы могли работать во время долгих походов.

Вспыхивали ракеты, пенили воду торпеды, бомбы со свистом падали вниз, и каждая из них точно поражала цель, рукотвор-

* Река Колумбия, по которой проходит граница штатов Вашингтон и Орегон.

ные молнии разили сам шторм, некстати разбушевавшийся. Грузные броненосцы Союза ворочались среди погибающих собратьев и лихорадочно отстреливались. Вторгшийся враг послал самые большие ракеты, снаряженные жидкими газами, взрывавшимися при ударе. Пробудились вулканы. Броненосные корабли разламывались. Гейзерами взметалась вверх вода, рушилась вниз, в муке вертела корпуса и обломки, сталкивала с них уцелевших.

Битва была закончена менее чем за два часа. Когда стих ветер и заплакал дождь, словно скорбя об убитых, потерянных ими сокровищах и утраченной надежде, маураи не ликовали: они разыскивали тех, кого еще можно было спасти, и ужас таился в глубинах многих глаз.

Повреждения получили маурайские корабли; меткий снаряд вывел «Барракуду» из строя, судно пришлось чинить; при разрыве погибли матросы, среди них оказался и Лауни Биркен.

Война продолжалась ещё более двух лет, потому что перешла на сушу. А суша была огромной. От гор Клатат в Калифорнии она тянулась вверх по побережью, до самой Ляски. На восток она доходила до Скалисов*, к югу территории Союза ограничивали Каскады**, здесь страна северян сужалась — они не селились на сухих безлесных равнинах. Гористые края, глубокие долины, бурные ручьи, проливы и фьорды, леса и болота и повсюду богатые фермы и уютные города; страна дождей, тумана, снега, застенчивого солнца, но иногда и невыразимо светлых зимних ночей, когда звезды мерцали и играло полярное сияние; война крепостей, укрытий, секретных маршрутов, засад.

Воинами здесь были все мужчины, женщины и дети. Тераи решил, что на норри сказала естественная селекция: их предки во время Погибели претерпели невероятно большие страдания, чем его собственный народ: так было и потом, когда монги хлынули из Сберики через пролив, на многие месяцы покрывшийся льдом, после того как ядерные взрывы наполнили воздух пылью. Пришельцы валили через Юконское плато и через высоты за ним, по тундре и прериям, не встречая сопротивления нигде, — его оказали им только предки северян. Они отвратили прилив вражеских орд от своих гор, вернули назад Ляску, преградили путь новым пришельцам из Азии; после столетней

* Скалистые горы США, штаты Монтана, Вайоминг, Колорадо; Канада — Альберта, Брит. Колумбия.

** Каскады — территория штатов Орегон и Калифорния, США.

войны отогнали незваных гостей, истощили их силы, укрепились на своей земле, отбили восточные дороги, и наконец покой и мир воцарились на их границах.

Не были склонны сдаваться без боя и их потомки. Норри не проявляли безумства: потерпев несомненное поражение, они угрюмо сдавались. Маураи захватывали их города и промышленные центры без лишней бойни. Однако этим война не кончилась. Что было толку оккупировать Сизэтл, Портанжелс, Виттохрию* и посылать отряд морских пехотинцев оккупировать рыбацкую деревушку на острове Санван, где происходили Великие Советы Союза («чтобы не нашалили», как некогда пояснял Лауни). Силы центрального правительства были настолько ограничены, что их едва можно было считать таковыми.

Больше власти имели территориальные столицы, но и она была невелика. Мозгом и стержнем общества являлись Ложи. Они были повсюду. Глава местной Ложи мог за ночь набрать полк и распустить его, когда дело было закончено.

С адской медлительностью маураи поняли, как заставить своего врага сложить оружие. У них не было ни сил, ни желания покорять страну, а мысль о том, чтобы опустошить ее — Землю, — никогда не приходила им в голову даже в кошмарах, однако они могли перекрыть поставки военного сырья. Одновременно стараясь облегчить людям лишения, предложить врачебную помощь, от чистого сердца помочь в реконструкции предприятий и торговли, а также ученым в их университетах.

И в этих трудах Верховный Комиссар Руори Хаакону проявил доблесть превыше героев настоящих сражений. Его ум, обаяние, неподдельные душевность и доброта только украшали его вполне реальные достижения. Не вредила и несомненная мужская красота. В то же самое время он не терпел никакой неразберихи и всегда был необыкновенно хорошо информирован. (Его отец Арутуру командовал разведкой и был высшим начальником Тераи Лоханнасо.)

Словом, — одну за другой — Ложи уговаривали сдать, примирялись с положением дел. Ситуация оставалась достаточно скверной. Однако по договору Северо-западный Союз отказался от продолжения работ по ядерной энергетике, флот его свели к силам береговой обороны, а промышленность — к технологиям, которые экологическая служба маураев считала не слишком опасными. Чтобы обеспечить выполнение соглашения, Федерация получала базы в стратегических областях и право беспрепятственной инспекции. Никакие коммерческие

* Сизэтл, Порт-Анджелес, Виктория — города в штате Вашингтон, США.

льготы не могли компенсировать такие утраты, а тем более исцелить кровоточащую гордость или уменьшить тяжесть оков, но во всяком случае наступил мир. И Тераи вскоре смог вернуться домой.

4

На этой деревенской улице ему было на редкость одиноко. Очаровательное селение, каркасные дома с крышами из цветущего дерна отступали от мостовой; окруженные лужайками и садами, они были ярко покрашены; двери, коньки крыш и торцы балок украшали искусные резные узоры. Позади них вздымался еловый лес; аромат его нес весеннюю свежесть. К югу небеса заполнял своей чистотой заснеженный пик Ренье*.

И все же иноземец Тераи был окружен отчуждением. Светлокожие норри и изредка попадавшиеся навстречу приземистые смуглокожие инжуны** застывали, заметив его; дети прекращали игры; псы, ощущая неладное, щерились и рычали. Игнорировали его разве что кошка, гревшаяся на крыльце, и ворон, отрывисто выкрикнувший что-то над головой.

«Ну а на что ты рассчитывал? Наверное, не следовало бы приезжать сюда, — устало подумал он. — Но я же обещал Лауни до конца выполнить свой долг друга».

Он нашел нужный дом, поднялся на ступени, взялся за деревянный молоток. Дверь открыла Аннес Биркен... высокая, хорошо сложенная, каштановые локоны опускались к плечам, в длинном — до лодыжек — платье, обычном для Союза.

— Добрый день, — проговорила она и, узнав его, отступила назад. Глаза ее расширились, так что зрачки охватил белый ободок. — Ух!..

Выполняя местный обычай, он прикоснулся к козырьку. В тот день Тераи надел парадный мундир: белую рубаху, куртку и брюки, но обошелся без украшений.

— Добрый день, мизза Биркен, — проговорил он. Познакомившись почти четыре года назад, они обращались друг к другу по имени. — Надеюсь, я не помешал вам. Если я не вовремя, то немедленно покину ваш дом. — Она не ответила. — Я писал вам, но, должно быть, вы не получили моего письма, — продолжил он. — Почта до сих пор работает с перебоями. Я узнал, что радифон в вашем селении не исправен. Другого случая посетить вас мне не представится: на следующей неделе я возвращаюсь в Нозеланн.

* Совр. гора Рейнир.

** Американские индейцы.

Ощутив прилив смелости, она спросила:

— Чего же вам от меня нужно?

Он смиренно стоял — слугою или подчиненным, — а потом ответил:

— Я приехал, чтобы повидаться с вами ради памяти о прошлом и выяснить, нельзя ли вам чем-нибудь помочь. И... э... если вы хотите... могу рассказать вам о последних днях Лауни и его смерти. Я был рядом с ним.

Над головой старательно каркал ворон, а женщина все стояла будто немая, и не сразу проговорила «входите», отступая в сторону.

Сумрачный и уютный дом, как везде на северо-западе, был полон всяких реликвий. Она отвела его в гостиную, предложила сесть в кресло — добротное, прочное, как и вся остальная мебель. Над очагом прикреплена была дубовая панель с резной эмблемой Ложи, к которой принадлежал Лауни, а значит, и его жена: бегущий волк со свисающей с шеи порванной цепью, под изображением значился девиз: «Вольному — воля».

— Пожалуйста, усаживайтесь, майор Лоханнасо, — проговорила Аннес. — Я не напутала в знаках различия? Теперь вы майор? Не хотите ли перекусить? Увы, ни кофе, ни хорошего чая у нас нет, но есть травяные настои, молоко, пиво; может быть, вы хотите сидра?

— Лишь в том случае, если вы составите мне компанию, — ответил он, осозная, каких усилий стоило ей это гостеприимство и какие объяснения придется потом давать соседям. Ему хотелось закурить, но Тераи помнил по прежним временам, что она не предавалась этому пороку, вновь распространенному в Союзе, когда ожила торговля с юго-востоком, а потому решил не извлекать свою трубку.

Аннес встала возле него с крепко сжатыми губами, ноздри раздувались и побелели.

— Вы хотите рассказать мне, как Лауни встретил свой конец? — сказала она ровным голосом. — Не сомневаюсь — самым достойным образом. Однако мне об этом ничего неизвестно, кроме самого факта. Все произошло год назад, так?

Тераи кивнул:

— Он попал в плен на мое судно. И был убит на месте при разрыве снаряда, посланного с одного из ваших кораблей. Он даже на миг не проявил слабости, и в тот день просто стоял наготове, чтобы оказать первую помощь в случае необходимости.

— Понимаю. Тогда мне хотелось бы, чтобы наша дочь услышала об этом... и сыновья тоже. Но они старше и уже ушли в школу. — Она вышла в коридор и позвала, обращаясь наверх: — Роника! Спустись сюда!

В комнате появилась девочка лет как будто пяти. Высокая для своего возраста, она все равно утопала в бесформенном подростковом свитере и джинсах... Подумалось — наверное, возилась с плюшевым мишкой в своей комнате. Когда мать представила дочку Тераи, девочка застыла, не проронив ни словечка, — прямо котенок рыси.

— Садись, Роника, — проговорила Аннес и, убедившись в том, что ребенок сел, продолжила беседу: — Вы так добры, капитан Лоханнас... потратили на нас свое свободное время. Нам просто повезло в том, что вы успели вовремя: через месяц мы переезжаем в... — Она запнулась. — Это не важно. Пожалуйста, расскажите еще раз все, что вы знаете.

Тераи уже не раз прикидывал этот разговор в своем уме... Но тем не менее, приступив к воспоминаниям, ощущал известную неловкость.

Зеленые глаза Роники то сужались, то расширялись, по щекам безмолвно текли слезы, лишь изредка прерывалось дыхание, но светлая головка ни разу не склонилась.

Неужели она забыла своего отца? Скорее всего — нет, ведь родня и Ложа Волка, собравшись, прочли похоронную службу... Да, она его помнила.

Хотя Тераи и старался смягчить свое повествование, девочка наконец вскочила на ноги и, стиснув кулаки, разразилась бурей яростных рыданий:

— Это ты убил его! Это ты убил его, старый злой маурай! Но мы убьем тебя! Орион взойдет!

— Роника, — вскочив с места, Аннес прижала девочку к себе.

— Орион взойдет!

Аннес посмотрела на Тераи суровым взглядом.

— Простите нас, майор, — проговорила она. — Я этого не ожидала. Если можете — подождите, а я отведу ее наверх и успокою.

— Я вполне понимаю вас, мизза Биркен, — ответил он, вставая. — Как вам будет угодно. Я снял комнату в гостинице и взял билет на завтрашний поезд до Сиэттла. Поговорим о Лауни... Или о чем-то другом, если хотите. — И неловко добавил: — Но если вы не против, можно побродить по вашим лесам, быть может, послушать птиц.

— Спасибо вам, майор, — проговорила она голосом, по крайней мере, менее ледяным, чем прежде. И поспешила со своей дочерью наверх.

Он опустил в кресло. «Какие странные слова для ребенка, — подумал он. — Наверное, она слышала их от взрослых, и фраза имеет какой-то смысл... Какой же? Лозунг, наверное. Орион здесь — охотник, в других частях света — это гигант в цепях. Но в этих краях так называлось зимнее созвездие, а территория Северо-западного Союза простирается и за Полярный круг. Тем не менее... это следует выяснить».

И последующие двадцать лет он выяснял — в меру своих возможностей.

Глава 3

*Выдриный ручей забрал меня и тело мое поволок,
Тихо-тихо,
Через тот летний день —
От тростников, шелестевших у Проваленного Моста,
В лес Идриса,
Где сплелись солнце и тень.*

*Заросли расступились только у фермы Арви,
Там под яблоней старой
Впервые девчонку я целовал.
А потом, рука в руке, мы стояли на холме медовом
И дивились кружению мира,
Пестрой бурей, дурманящей глаз.*

*Позади оставив Алфентон, скромный поселок,
И все мечты отбросив,
Тот мальчик — я прежний —
Стремился вместе с потоком
В бухту Пробуждения,
И там увидел он море.*

*А над Выдриным Перекатом
Седой вздымался пик,
Тысячелетья выдавший,
Ведет туда торговая дорога,
И с времен незапамятных
Гостиницы манят прохожих.*

*Но далее текла река до Типтона, где прежде
Под листвою ивовой
Учился делу я.
Была на месте вывеска, и, неудачника приветствуя,
Она глядела на меня и дальше —
На всех незримых здесь друзей.*

*А в Харпфорде все знали — я гуляка,
Пьянчуга и игрок,
И не люблю работать.
А женщин обожаю и шарю по садам —
Никто меня там не увидел,
Лишь галки да вороны.*

*Не так уж далеко от моего поселка
Закончилось скитание мое;
Под крышей ив на отмели
Безвестные мои белеют кости...
Но ветер и течение уносят
Те имена, что наполняли душу.*

Закончив петь, Плик тренькнул по струнам лютни, положил инструмент на стол, возле которого сидел на скамье, схватил стакан вина и единым глотком наполовину осушил его.

— Что это? — спросила Сеси.

Плик пожал плечами:

— Кажется, я зову эту песню «Имена».

Встав перед ним, барменша укоризненно погрозила пальцем. Движение это заставило ее бедра дрогнуть... очаровательные округлости, как и все остальное. Облегающее — по щиколотки — платье самым лучшим образом подчеркивало все ее достоинства. Хорошенькая: темные колечки рамкой вокруг карих глаз, курносый нос, полные губы, чистая кожа.

— Я хотела спросить, о чем эта песня, — сказала она. — Ты же знаешь — я не говорю на английском.

Плик пригубил питье, но уже медленнее.

— Нечто автобиографическое. Не то чтобы чистая правда, но там есть про мои родные места.

Она соблазнительно повела плечами.

— Хватит, все поняла. Кое-что разобрала и уже струхнула. Честно скажу тебе, Плик, когда ты впадаешь в это странное настроение, я всегда пугаюсь.

— Я не хотел тебя волновать, драгоценнейшая моя винная Лозочка. — Улыбка тронула его губы. — Приношу извинения. Следующую песню сложу на французском в твою честь. Кстати,

я уже скоро освою брежанежский... только не разговорный, а литературный. И сразу же сложу на нем балладу, воспеваю тебя и все твои достоинства.

Пригнувшись, она одарила его быстрым поцелуем. Плик потянулся к ней, но она отскочила назад с заученной легкостью.

— Ты такой милый, — хихикнула она. — Только давай не все обо мне.

— Ах, что ты, — скрежетнул Плик. — Если честно, конкуренция слишком велика. — Опустошив свой бокал, он полез в карман на поясе и извлек из него железную монетку. — Еще один, если ты не против.

Она взяла деньги и опустевший стакан и поглядела через стол.

— А вам, сэр?

Иерн мотнул головой:

— Пока повременю.

Мужчины проводили ее глазами, пока она подходила к бару возле бара. Полдень еще начинался, и в «Золотом петушке» они были втроем. Таверну эту в основном посещали рабочие и рыбаки. Почерневшие от дыма невысокие балки возносили дощатый потолок над утоптаным глиняным полом. Вокруг четырех столов стояли скамьи, окна были у самого потолка, и в подвальной комнате уже темнело.

— Экое приятное зрелище, — пробормотал на английском Иерн. — По правде сказать, я мог бы и повторить заказ, но лучше все-таки подождать, чтобы Сеси повторила прогулку: она так зазывно виляет задком.

Плик вздрогнул.

— Что? — спросил он на диалекте того же самого языка. — Вы говорите... как один из аэрогенов?

Иерн кивнул.

— Только не шуми об этом. Мне весьма понравилась твоя песня. Конечно, странная, но мне понравилась, и ты очень хорошо подогнал слова к старинной народной мелодии. — Он протянул руку. — Таленс Иерн Ферлей.

— Тот самый... Буревестник?... Это честь для меня, сэр. — Поэт ответил рукопожатием. — А я Пейт Ренсун из Девона, что за Каналом. Впрочем, здесь все зовут меня Плик.

Они оглядели друг друга. Англеман был высок, худощав и неловок в движениях. Узкая голова, тонкое лицо с глубокими морщинами, выступающий нос, длинный подбородок, бледно-голубые глаза. Алкоголь и табак заставили охрипнуть некогда мелодичный голос. Подобно Иерну, он был чисто выбрит, корот-

ко стриг уже редеющие светлые волосы. Но одежда его: куртка, брюки и ботинки — была куда хуже простых вещей человека из Клана.

— Могу я поинтересоваться, что занесло вас сюда? — спросил он.

— А я навещал в Карнаке* свою мать и отчима. Его старший сын недавно стал шкипером на небольшой грузовой шхуне, из тех немногих, что принадлежат его отцу. Он отправился по заливу в порт Бордо и зашел в Кемпер, чтобы взять груз. В ожидании я решил забежать сюда. Я бывал в Кемпере кадетом — в увольнении, в этом самом погребке. Но уже столько лет не видел города. Он не слишком переменялся, не так ли? За исключением нашей очаровательной серветрисы.

Плик скривился:

— Да, подобные города не меняются быстро: слишком много здесь всяких призраков.

Удивленный Иерн несколько секунд обдумывал слова поэта. Слишком много призраков? Ну что ж, Кемпер был самым большим городом Брежа, его главным морским портом, столицей Ар-Мора... Кстати, его узкие улочки помнили не только историю и предысторию. В средние века здесь был выстроен Кафедральный собор в честь святого Корентина, прославившегося среди бретонцев, что пришли сюда из провинции Британия, когда Рим утратил ее; с тех пор ветшающее величие собора извело обряды трех различных исповеданий... Музей, построенный через века после того, как время источило бывший его предшественником епископский дворец, хранил реликвии более древние, чем бретонские, римские или галльские — мегалиты, подобные тем, что стояли рядами возле Карнака...

Иерн подумал, что Плик, должно быть, имеет в виду призраки менее древние — всего лишь старинные к нынешним временам. Своим значением Кемпер был обязан тому, что избежал разрушения, поразившего великие города Брежа во время Судного Дня; к тому же инженеры решили, что сумеют расширить и углубить верхнюю часть реки Одет и выкопать котлован для гавани, вполне подходящий для тех кораблей, что были по плечу этому миру. И весьма тонко чувствующий историю Плик, обозревая эти окрестности, представлял миллионы смертей и утерянных надежд.

— Почему же ты тогда явился сюда? — взорвался Иерн. — Почему торчишь здесь?

* Городок на побережье к югу от Кемпера.

Осадив себя, он приготовился извиняться. Иноземцы в основном бывали польщены и просто сочлились счастьем, когда принадлежащая к Клану персона принималась расспрашивать... Они были готовы говорить без умолку. Человек этот был не таким, как те, с кем привык встречаться Иерн.

Возвратившись с вином для Плика, Сеси перебила его, замерев в выжидательной позе.

— Неужели вам обязательно говорить на англее, — пожаловалась она. — Я хочу сказать, мальчики, что в это время дня мне скучно. Вечером становится веселее, тогда меня развлекают гости.

«Не только своими заказами», — подумал Иерн.

— Лозочка моя, — проговорил Плик на франсее, — а ты знаешь, что у нас...

— Иерн, — перебил его пилот. — Просто Иерн. Незачем чересчур волновать девицу.

— Ах, хорошо, — возбужденно взмахнул Плик. — Почему бы тебе не присоединиться к нам, Лозочка. Налей себе и запиши на мой счет.

— Ух, не следовало бы... ну, спасибо, и девушкам хочется пить, когда они устают. Иерн, вам принести еще?

Человек из Клана допил свое вино.

— Пожалуй. Но угощаю сегодня я — и тебя тоже, Плик. Разве не принято платить поэту вином?

— Ага. Вы знаете больше, чем я думал. — Крупное адамово яблоко дрогнуло от глотка. — Конечно, во все века полагали, что мирское богатство и духовное не совместимы. Только, по-моему, все это придумали господа, желавшие сэкономить на развлечениях. Впрочем, это неважно: я разбогатеть не боюсь. — Говорил он с подчеркнутой медлительностью, свидетельствовавшей о том, что поэт уже пьян. И, подкрепив сложившееся у Иерна мнение, он откинулся назад — локоть на стол, нога на ногу — и, глядя вслед Сеси, разразился тирадой: — Вы хотите знать, что делаю я в изгнании? Не впервые поэт оказывается изгнанником уже дома, даже еще более чем на чужбине. Вы по-прежнему хотите слушать? Я не люблю говорить о себе, но друзья мои в «Золотом петушке» слишком часто слышали мою историю. Я пересказываю ее отрывками: в песнях, которыми я развлекаю их за то угощение, какое они мне предлагают... но никто и никогда не узнает ее целиком. Лозочка, моя дорогая! — крикнул он через комнату. — Не дуйся. Обещаю тебе, что на сей раз ограничусь самой короткой версией. Я говорил, что происхожу из девонцев: это на юге Англеланна. Вы слышали о нас?

— Да, я бывал там однажды с отчимом — он ездил туда торговать, — проговорил Иерн. — Прекрасная страна.

— Мирная, пасторальная и скучная, — ответил Плик. — Если забыть про те странности, которые можно отыскать в любом сельском краю. Сельские причуды не похожи на городские. Мой отец держал лавку в деревне, но мать моя в своих жилах несла частицу валлийской крови... надеюсь, и до сих пор несет ее. Покрывая позор, я сбежал из дома восемнадцать лет назад, когда мне было двадцать... Видите ли, я всегда был задумчивым, одиноким мальчишкой, старшим из троих выживших; дома от меня было мало проку: поскольку нос мой всегда торчал в книге, если я не слонялся по окрестностям. В дни своей юности я сделал попытку стать уважаемым человеком, но вы слышали мою песню. Клирик Свободной церкви, которая правит Девонем, оценил мои первые песни, и по его рекомендации меня приняли в Гласстобри*. Потрясающая удача — тысячи и тысячи книг... я старался быть прилежным студентом. Действительно старался — чуть больше года... Но ведь сколько было возможностей для пьянства, игр и женщин; наконец я предпринял один сложный розыгрыш, из-за которого меня исключили.

— Зачем ты это сделал? — спросил Иерн.

В кадетях он успел достаточно побрыкаться, но все-таки держался в разумных пределах. Он никогда не рискнул бы расстаться с небом.

Сеси принесла три полных бокала на подносе, а сама уселась возле человека из Клана.

Лицо Плика невольно скривилось, и он отрывисто бросил:

— Епископ так и не смог понять, что мне просто пришлось это сделать. Пришлось. Ведь Гласстобри — город древний — просто кишит призраками, куда там Кемперу. — Голос его выровнялся, хотя теперь Плик уже не разделял слова. — Конечно, нечего было думать о возвращении домой. И я решил поработать за границей. Капитан корабля, который привез меня сюда, полюбил мои песни и представил судовладельцу, а тот нанял меня выступать на банкете, который давал в честь Местромора. Его Благоволие Арнек IV остался доволен и решил держать меня под рукой... предоставив мне место в библиотеке... Ах, эти книги, книги, книги! Книга и бутылка... знаете, незачем пить в компании: есть такие книги, с которыми можно пить, не привлекая других собутыльников... Его Благоволие призвал меня ко двору, где меня щедро вознаграждали за мои таланты.

Иерн поглядел на сгорбленную фигуру.

* Совр. Гластонбэри, неподалеку от Бриджуотера.

— Ну и чем все закончилось? — спросил он.

Сеси тряхнула головой.

— А чего вы ожидаете? — проговорила она терпеливо. — Он вновь стал пить запоем. Запоем, понимаете? И являлся, накачавшись, ко двору на всеобщее посмеище. — Она склонилась к Иерну, он ощутил ее дыхание на своей щеке. — А теперь послушаем о вас, — съехидничала она.

— Мой демон снесдал меня, — жестким тоном объявил Плик. — Предоставляю вам самостоятельно определить, следует ли понимать слово «демон» в классическом или средневековом смысле. С моей точки зрения, беда была в том, что я постепенно потерял интерес к сочинительству, я не хотел больше создавать красивые мелодичные пустячки для чудесных маленьких человечков. Моя музыка их смущала.

— Тьфу! — Сеси вскочила на ноги. — Простите меня, Иерн. Сбегаю я лучше на двор... вернусь через минуту.

Она прошествовала к лестнице. Онемев, Плик следил за ней... она поднялась, закрыла за собой дверь. Тут он встряхнулся и закончил:

— Наконец и Местромор велел мне убираться. Впрочем, он добрый человек и позволил мне остаться в библиотеке. Но из всего, что касается книг, я умею только читать их. Впрочем, мои обязанности легки просто до жути, поэтому я выплачиваю половину своего скромного жалованья сменяющим друг друга студентам, чтобы они управлялись с делом за меня, а остальное зарабатываю в тавернах получше, чем эта, — там дают чаевые, а иногда сию писцом в будке на рынке. Жизнь грубая, но веселая.

Плик отпил вина. Наступило молчание. Иерн приложился к собственному бокалу. Дешевый напиток, слабый и кислый. Плику случалось пробовать куда лучшее.

— Не хочу вас задеть, — наконец осторожно проговорил человек из Клана. — Но мне кажется странным, что вы... что вы застряли в Кемпере. Вы могли бы начать все заново, например, в Турневе.

— Почему я этого не хочу? — спросил поэт. — А вы как думаете?

И взгляд его обратился к двери над лестницей.

— Она привлекательна по-своему, но... — Иерн решил не продолжать.

— Во мне обитает демон, — пробормотал Плик. — А в ней — богиня. К тому же христианин во мне скорбит о ереси, в которую впали мои брежадские друзья... Иногда она позволяет мне спать с ней. — Он коротко хохотнул и поглядел на пилота. —

Она права, я действительно изображаю осла, — проговорил он. — И опять только что сделал это. Давайте поговорим теперь о вас?

— К тому, что вы слыхали обо мне, — ответил Иерн, отчасти сознательно, — добавить почти нечего.

— Всему есть место. — Плик повел рукой. — Не только таким блестящим вещам, как ваш полет в сердце урагана в позапрошлом году; как ваш отец, которого сеньоры Кланов, вероятно, выберут Капитаном Скайгольма, когда умрет старый Тома Сарк: есть место и легендарному уважению, которым вы пользуетесь среди пейзан Ар-Мора и, насколько мне известно, повсюду. Вы командуете аэробатической планерной эскадрильей Погодного Корпуса; ваша блестящая общественная жизнь... нет, я даже не буду говорить о вашем лидерстве в таких важных вопросах, как доброта к животным или ваше широко известное мнение, что геанство угрожает Домену. Оставим все это. Мне очень хочется побывать в вашем обличе: понять, какова Земля из Скайгольма — там внизу — в целых тридцати километрах. Как можно верить, что аним самого Чарльза Таленса может однажды передаться тебе, сливаясь с той чередой предков, которые и без того уже обитают в вас. Хочется знать, как вы, аэрогены, и ваша могучая цитадель стали не только правителями и стражами цивилизации, а ее основным мифом. Ведь каждое жизнеспособное общество несет в себе миф, иначе оно — живой труп и незамедлительно падет на землю...

— *О-й-й-й!* — визг пригвоздил пышные речи поэта к столу. Мужчины посмотрели на Сеси. Незамеченная, она вернулась из отхожего места и замерла на площадке, вся превратившись во внимание. — Ох, так вы святой! Вы — Таленс Иерн Ферлей? — Она сбежала по лестнице и бросилась перед столом на колени. — Ах, сэр, ах, сэр!

«Ох, черт», — подумал Иерн.

Хотя... впрочем, с этим Пликом приятно было поговорить — быть может, лучше на трезвую голову. Сеси замерла в почти-тельной позе, чтобы он мог поглубже заглянуть в недра ее корсажа.

— Мне ничего не надо, — ответил Иерн. И нагнувшись, он подхватил ее под руки и поставил на ноги. Она прижалась к нему. Восхитительное ощущение. — Давай-ка будем друзьями, — предложил он.

— Но это так чудно, — выдохнула она. — Я так хорошо чувствую себя в ваших объятиях.

— Сеси, аэрогены не поощряют предрассудков, когда речь заходит о них самих: мы — такие же мужчины и женщины, как и все вы.

Она опустила ресницы.

— Вы весьма симпатичный мужчина, сэр, — поглядев на него, Сеси прикоснулась к его рукаву. — Не отойти ли нам в уголок на секунду? Пожалуйста. Тебе ведь все равно, Плик, правда?

Поэт одарил ее сухой улыбкой, вновь приступая к вину.

Сеси отвела Иерна в сторону, поднялась на цыпочки и, взяв его за руки, зашептала торопливо:

— Пожалуйста, не думайте, что я смелая, или пустоголовая, или какая-нибудь еще. Но я всегда обожала вас с того времени... в общем, так: по субботам владелец — он обслуживает бар вечерами — обычно закрывает заведение в восемь вечера, потому что наши посетители рано выходят на работу. Конечно, я знаю, что слишком простовата для вас. Но если вам хочется... я сплю в своей комнате наверху, и мне будет очень приятно...

Иерн спросил совета у своей совести насчет Фейлис. Ну ее — после почти двух лет замужества так и осталась холодной в постели; ей нравилось великолепие и блеск, которые давало ей положение его жены, но наедине она постоянно ссорилась с ним; и потом, она вечно читала свои геанские книги и — как ему было известно — переписывалась с Таленсом Джовойном Орилаком, обратившимся в геанство. Иерну уже не один раз случалось изменять ей. К тому же в Кланах не было принято всерьез относиться к подобным вещам.

Но оставался Плик. Иерн охотно вновь повидался бы с ним, ему хотелось получше узнать этого забавного человека, услышать больше песен.

Он бросил взгляд назад. Поэт перехватил его, криво ухмыльнулся и, приветственно подняв бокал, провозгласил:

— Не опасайтесь, я к этому привык. Я скоро вырублюсь, а потом проснусь и с головной болью побреду в свою нору. А моя Лозочка ничего плохого не сделает.

Глава 4

1

— *Орион взойдет!*

Это были первые слова в ее собственной жизни, которые Роника Биркен запомнила. Более ранние детские впечатления смутно маячили в памяти, подобно островам в тумане... Вспо-

мнилась песня, с которой мать укладывала дочку спать; отец, вернувшийся, должно быть, с войны, подбрасывал ее в воздух и подхватывал, а она хохотала; величественный олень-вапити, всеобщий любимец деревни, брал листья латука из ее пальцев; она помнила, как долгими часами возилась с мячом, чтобы научиться управляться с ним столь непринужденно, как мальчишки; а еще дождевые капли на темных окнах, рыдания матери...

В тот день она явилась домой и застала дядю Имана и другого мужчину в гостиной с Аннес; угрюмое выражение на лицах всех троих настолько потрясло ее, что она застыла в дверях и стояла незамеченной, тем временем тот, второй (кажется, это был Рикко Торсон, который был тогда тамошним мастером Ложи Волка; однако теперь она не могла припомнить его лица), говорил, что надо отвоевать свободу, а ее дядя ответил словами, которых она не поняла (ведь Звездный Охотник обязательно взойдет над заснеженными полями... не так ли?), но ощутила в них глубокую и трепетную магию.

Кажется, на следующий день явился незнакомец. Она забыла, каким именем он себя назвал, но рослая фигура и чужие черты лица впечатались в ее сознание словно шрам; хотя говорил он мягко, но рассказывал о смерти папочки и был первым из троллей-маураев, которого она увидела. Тут-то она и метнула в него волшебные слова разящей молнией. Но ничего не произошло, лишь мать немедленно увела ее. Но с того часа воспоминания Роники стали связными, словно бы это событие отметило начало ее подлинной жизни. В какой-то мере так оно и было. Вскоре семья переехала в Портанжелс на берегу пролива Уэнди Фука*, там Аннес нашла работу, о которой детям говорила только, что работает в Ложе. Незаметная гавань, на которую инспекторы-маураи почти не обращали внимания, была прекрасным местом для организации морской базы для секретных перевозок в Кенай**. Счетоводы требовались там не менее, чем моряки, инженеры или вооруженная охрана. Наконец она вышла замуж за Томми Джемиса — также из Ложи Волка (тайного компьютерщика, обслуживающего установки). Через несколько лет дело, которым они занимались, продвинулось настолько, что их услуги потребовались возле вулканов. И семейство переехало на Кенай, там в лесах на просторах Ляски и выросла

* Совр. пролив Хуана де Фука.

** Полуостров в южной части Аляски близ Анкориджа (совр.).

Роника. И к середине второго десятка своей жизни живая и вдумчивая девочка весьма быстро-сообразила, какие громы на самом деле грохотали за горами у входа в залив.

Она помалкивала. В то время она намеревалась стать Покорителем; училась, сдавала экзамены, работала проводником и снабженцем, иногда отыскивала и спасала заблудившихся — из тех, кто хочет вернуть дикие места человеку. Она стала послушницей в Ложе Волка. Это было почти неизбежно, и не только потому, что семья ее принадлежала к этой Ложе; более крупной организации в этом районе попросту не существовало. Как и повсюду, инжуны и эскимосы обычно предпочитали свои традиционные группировки, хотя некоторые и вступали в Ложи. В восемнадцать лет она завершила свои занятия и выполнила свое первое Поручение... а именно: доставила в рюкзаке лекарство в заваленный снегом поселок, который по радио запросил помощи... а потом выстояла свою Стражу.

Когда были выполнены все церемонии посвящения, мастер Ложи Беньо Смит вызвал ее в свой кабинет. С ней находился ее отчим Том Джемис и тот самый Эйгар Дренг, которого иногда видели в Кенае. Мужчины были в темных одеяниях, у Беньо на голове была шляпа, в руках жезл — знак власти. Момент был весьма торжественный. Над столом мастера Ложи в панель было врезано изображение волка, разорвавшего цепи и вырвавшегося на свободу.

— Роника, — проговорил Беньо, — старшие наблюдали за тобой долгое время, и в общем мы удовлетворены. Ты умна, храбра и предприимчива, однако не безрассудна, достойна доверия и... осмотрительна. — Он сделал паузу. — Что ты знаешь о том, что происходит среди нас?

Горло ее сдавило комком.

— Орион взойдет! — выдохнула она, ощущая стук сердца, стук крови в ушах.

Беньо кивнул:

— Давай пока ограничимся этим. Велика наша цель, и трудно скрыть дело настолько огромное и осмысленное... целью которого является возрождение всего мира. А перед Судной войной — попросту невозможно. И сейчас его трудно спрятать даже в месте, подобном Кенаю.

Он смачно вздохнул.

— Мы вынуждены привлекать новых людей, и не только потому, что многие из нас состарились или умерли, служа Ориону. Мы действуем, и нам нужны новые комбинации способностей. Ты — девушка перспективная. Только хочу сперва тебя предупредить: особых забав не будет — не жди. Тебя ждут, в

общем, только работа и лишения — ради Освобождения, которое все равно будет едва заметно в этом затхлом болоте, куда маураи так и не добрались. Если ты не готова отказаться от многих удовольствий и развлечений, скажи прямо сейчас — никаких возражений не будет, я обещаю. Ты будешь жить так, как и прежде. В конце концов, Покоритель нужен обществу.

— Но мне придется оставаться на Ляске? — спросила она.

— Пока Орион не взойдет, — отвечал Беньо.

— Если это случится вообще, — добавил Эйгар Дренг. — У нас до сих пор не хватает многого из того, без чего нельзя обойтись. А быть может, никогда и не будет.

Том Джемис криво улыбнулся приемной дочери.

— Да, Ложа рассчитывает, что ты не будешь скучать по цивилизации, — сказал он. — Сама знаешь — я уже десять лет сижу здесь безвылазно. Не потому, что кто-то боится предательства, просто я чересчур занят своей работой, к тому же зачем излишний риск? Мне здесь нравится, и ты тоже как будто окупаешь себя дома, не так ли?

Роника облизнула губы.

— Что... что вы хотите, чтобы я... делала?

Эйгар Дренг долго разглядывал ее и наконец медленно проговорил:

— Я изучал твои школьные журналы, беседовал с учителями. Из тебя получится инженер. Лидеры Ориону не нужны, да ты, откровенно говоря, не проявляешь блестящих способностей, но помощником будешь ценным... когда тебе не придется использовать умение Покорителя для жизненно важных интересов проекта. Мы хотим отослать тебя на юг — будешь учиться в университете в Виттохрии. Ложи берут на себя обучение перспективной молодежи. Но первое, о чем ты должна подумать и весьма серьезно, — добавил Беньо Смит, — сумеешь ли ты там, в новой для тебя среде и в твоём-то возрасте сохранить в тайне самый великий секрет планеты. Если у тебя есть хоть кроха сомнений — откажись, и мы будем тебе благодарны.

— А разве вы сами не могли бы научить меня всему необходимому? — поинтересовалась Роника. Хотя полностью неожиданной эту беседу назвать было сложно, она все-таки была удивлена предложением. — Мой брат Билл... он же отправился за пролив — в горы.

— А твой братец Закки вполне доволен местом дровосека, — проговорил Том. — Да, у нас есть учебные заведения и дома, в одном из таких и находится Билл, но... ты не такая, как он. Если ты согласна, тебе придется узнать о внешнем мире побольше.

Естественно, она согласилась.

Четыре года миновало, прежде чем Роника возвратилась домой, а потом она снова оставила кров и, взяв на север, направилась в дикие земли.

2

Пешком, в одиночестве, она преодолела горы Чугач и спустилась на полуостров. Маршрут пролегал через земли, где обитали лишь редкие охотничьи племена. И, за исключением дней, когда Роника набредала на их поселки и пользовалась гостеприимством хозяев, она промышляла охотой и собирательством. Чтобы прокормиться, ей не приходилось тратить много времени. Своей «кроличьей» палкой* она сбивала по пути небольшую дичь; умело отыскивала ягоды, корни — все съедобное, что в изобилии предлагала земля. С водой никогда проблем не было; а по вечерам, потратив, быть может, полчаса, чтобы поставить шалаш, принести дрова и развести огонь, она сооружала какую-нибудь ловушку и часто находила в ней на следующее утро белку или другого мелкого зверька. Когда случалось провести без еды день или два, подобное неудобство она относила — как и все прочее — к незначительным. Иногда она останавливалась, чтобы постирать и высушить одежду, выпросить нужное у туземцев — сваливая в кучу слова разных языков, — но в основном она просто шла.

Идти ей пришлось три месяца. А когда Роника вернулась в населенные края, наступила субарктическая осень. Леса, съезжаясь, превратились в рощи, а луга — в пастбища. Она спускалась по прибрежной дороге, справа играли волны на просторах пролива Кука, а за спиной вставали снежные пики; осины и березы еще желтели на фоне темных елей по левую руку, за ними вздымались горы, дым клочьями вырывался из труб добротных деревянных домов. Иногда орел, расправив золотые крылья, проплывал на фоне неба и облаков, оставляя пределы полуострова, и исчезал в тумане над морем... Видела она это, видела и другое — когда не было дождя. Но дождь шел почти все время. Роника привычно не обращала на него внимания — в противном случае она не сумела бы зайти так далеко.

Теперь она могла ночевать под крышей, среди друзей. Народу в этих краях было немного, все знали друг друга и искали компаний. Прибытию Роники особо обрадовались старшие сыновья владельца дома.

* Имеется в виду универсальный дорожный инструмент, служащий орудием труда и охоты.

В свои двадцать два года это была высокая, длинноногая, объемная в плечах и бедрах, полногрудая девушка с широким лицом; под темными ровными бровями зеленели глаза. Вздернутый нос, чувственный рот, белая, чуть веснушчатая кожа; волнистые янтарные волосы придерживала лента, расшитая бусинами; пряди ниспадали до самых плеч. Словом — ничего экзотического. Шерстяная куртка, брюки и шляпа потерлись и вылиняли от стирки, в рюкзаке же не было ничего, кроме запасной одежды и обуви, мелкой кухонной утвари и ее исследовательских приборов. Здесь она рассталась с «кроличьей» палкой и сверлом для разжигания огня; такое снаряжение она могла сделать в любой момент.

Весьма привлекательная девица, тем более что она лишь недавно закончила курс в Виттохрии — *в городе*. Молодые люди поначалу надеялись обнаружить в ней моральную неустойчивость, испытали разочарование и решили вместе с родней выслушать, что она расскажет им о краях, лежащих далеко за пределами их кругозора. Сюга Роника принесла разнообразные слухи и сплетни — весьма развлекательные, и все были довольны. О целях своей экспедиции ничего конкретного она не говорила, да никто и не спрашивал. Уже два десятилетия Волк вечно чем-нибудь промышлял в здешних окрестностях, ему помогали отдельные представители других Лож, но чужие дела не слишком-то затрагивали повседневную жизнь обитателей, усвоивших твердое правило — занимайся только своим собственным делом. Потом, большинство местных жителей все равно принадлежали к Ложе Волка и, считаясь с намеками мастера Ложи, остерегали соседей от излишнего любопытства.

К тому же Роника Биркен, Покорительница, провела целых четыре года вдали от дикой природы. Всем было понятно, как стремилась она освежить свои познания и умения, заодно проводя какие-то исследования и изыскания для своей Ложи и народа. Так что она без помех вернулась в Кенай. Один за другим появлялись перед ней ориентиры; давно заброшенная крепость, оставшаяся от войн с монгами, разрушенная и забытая, как и Энкрэдж*, — урочище, где добывались строительные материалы. Аммонийная горка могильным курганом прикрыла древний нефтехимический завод, когда несколько столетий назад он лишился всех полезных сооружений. Достаточно современное промышленное здание тоже лежало в руинах, поскольку

* Совр. Анкоридж, город на берегу залива Кука.

последняя капля природного газа, который здесь перерабатывался, давно иссякла, а корни и непогода разрушили все, что не использовал человек.

Впрочем, не так далеко оказалось более новое и доходное предприятие, превращающее отбросы и всякий мусор, в основном опилки, в топливо нынешнего дня; оно располагалось на краю Кеная, жившего по-прежнему интенсивной жизнью.

Пять тысяч жителей делали город самым крупным на огромной территории. Вдоль привычных улочек жались дома; деревянные мостовые подчас даже сменялись асфальтовыми. Дома были украшены искусной резьбой и раскрашены, как и на материке. Некоторые из них принадлежали торговцам, купцам, брокерам, докторам, ветеринарам и разным специалистам, имевшим свое дело на суше. Еще было несколько складов, фабрик, коптилен, лесопилка... гостиница, бар с грилем, школа, две церкви и парк с языческими святилищами... Над всеми зданиями высилось Собрание Ложи Волка, с трехъярусной крышей из дранки, тотемной* колоннадой и сторожевой башней; тут находилась администрация, в том числе и городской зал собраний, и библиотека... Эмблемы на частных домах указывали на места собраний других Лож... Все рыбацкие лодки были в море, но у причала оставались три грузовых судна, их наклоненные мачты вырисовывались на фоне тумана, укрывавшего далекие вершины; паром, на котором быки крутили гребные колеса, полз через залив из Тионека.

Народу на улицах было немного, в основном занятые игрой дети: белые, эскимосы, алеуты, инжуны и разнообразные метисы, бегавшие среди суетящихся дворняжек и важных маламутов.

Время от времени, стуча копытами, проезжал верховой, прогромыхивала телега. Встречные пешеходы здоровались с Роникой.

Здесь мужчины и женщины одевались почти одинаково, впрочем, нередко одежды были красиво расшиты; мужчины носили бороды и длинные волосы, женщины распускали волосы до половины спины; улицы пахли морем, смесью морской соли, смолы и рыбы, дыма и запаха человека. Солнце на западном горизонте опустилось за облака. В окнах мерцал свет ламп.

Роника направилась к Собранию Волка, поднялась по ступеням, взойшла на крыльцо и открыла парадную дверь; пол и стены впечатляющего своими просторами зала были обшиты панеля-

* Столбы выполнены в виде индейских инжунских тотемов.

ми твердого дерева, на которых причудливо змеились слои; портреты предков чередовались с трофеями; в каменном очаге пылали бревна, тени и отблески пламени плясали на стенах.

Двери были открыты для каждого. Роника назвала свое имя возле стола в приемной, далее ее направили вверх по лестнице в нужный ей кабинет.

Дверь оказалась закрытой. В сумраке коридора она заметила, что эмблему мастера Ложи лишь недавно обновили свежей краской. Винтовка и плуг, скрещенные над раскрытой книгой, напоминали о том, что Ложи породила сама необходимость; вместе легче было сражаться, помогать друг другу и сохранять знания. Роника нахмурилась — войны с монгами давно закончились, но маураи...

Беньо Смит не запрещал беспокоить себя, клерк внизу не упомянул об этом, и Роника хотела побыстрее выполнить свой непосредственный долг — отчитаться, а потом отправиться к матери и отчиму. Она постучала.

— Войдите, — ответил голос по транскому*.

Войдя, она сразу заметила усталость на орлином лице Беньо, сидевшего, впрочем, с прямой спиной, седые волосы и козлиная бородка** казались символами сопротивления. Гость, находившийся в кабинете, поднялся и отвесил ей любезный поклон. Прямо как маурай, подумала она с негодованием. Жест был вдвойне не к месту, учитывая голубую форму офицера Союза и знаки отличия капитана.

— Роника! — негромко воскликнул Беньо. — Входи... рад видеть тебя, дорогая.

— С позволения дамы представляюсь, — сказал незнакомец. — Микли Карст.

— Роника Биркен. — Она ответила на рукопожатие. Гость чуть задержал ее ладонь в своей руке, разглядывая ее в свете лампы и тех скудных отблесках заката, что еще брезжил за окном. Этому невысокому и крепкому мужчине было лет под пятьдесят, однако движения его оставались порывистыми. Крупная голова, острый длинный нос, небольшие льдистые голубые глаза, коротко стриженные седые волосы и борода, меж тонких губ проглядывали зубы. Высокий голос слегка тараторил. Когда гость улыбнулся, лицо его преобразилось; незнакомец умел очаровывать. Она обратилась к Беньо: — Сэр, экспедиция закончилась с успехом, — объявила она. — Как с подробностями? Доложить завтра?

* Коммуникационное устройство.

** Черты образа Дяди Сэма — воплощения США.

— Нет, выкладывай все немедленно. — В глазах старика вспыхнула радость. — Садись. Выходит, у нас повод для торжества.

Он достал бутылку и бокалы из буфета.

— А моему прибытию и не подумал обрадоваться, — усмехнулся Микли Карст, обращаясь к Ронике. — Естественно: вас лицеизереть одно удовольствие, не то что меня.

— Можешь говорить свободно, — пояснил ей Беньо. — Капитан Карст состоит в разведывательном корпусе. Он знает об Орионе, наверное, больше, чем я, и всегда честно служил Волку. Он только что рассказывал мне о своей самой последней вылазке.

Гость добавил:

— Учтите, хвастать не люблю, но в данном случае собственный опыт убедил меня в том, что нам необходимо срочно совершенствовать меры безопасности. Я прибыл сюда, чтобы обсудить на месте подробности с вашим начальством.

Опустив рюкзак, Роника приняла бокал. Отменное виски дымком прокатилось по языку и пищеводу. Отдых равным образом согревал ее мышцы.

Микли Карст извлек пачку сигарет и предложил девушке, получил отказ и закурил сам. Кончики пальцев его пожелтели. Она была рада, что приоткрытые окна выпускают этот смрад наружу.

— Насколько я понимаю, — проговорил он, — вы искали делящиеся материалы.

— А как вы узнали об этом? — проговорил мастер Ложи.

Офицер пожал плечами:

— Мисси Биркен, вполне очевидно, побывала в Наружье.

«Мисси, Наружье, — подумала она — ...маураизмы». Но сами слова не давали повода сомневаться в его лояльности. Она видела достаточно примеров иностранного влияния в городах юга, более того — тамошняя молодежь... люди, принадлежащие к ее поколению, — явным образом сомневалась в целях Северо-западного Союза, самой цивилизации, породившей эту страну.

— Одежда, загар... — Он ухмыльнулся. — В нашем климате загореть трудно. Итак, наша дама долго пребывала в лесу, причем по весьма важному делу, раз по возвращении направилась прямо к вам, сэр. Словом, остаются лишь делящиеся материалы. — Карст выпустил колечко дыма. — Мы знаем, что материалы, собранные для энергетического проекта, были конфискованы нашими уважаемыми противниками сразу после войны, — лениво продолжал он. — Однако я никогда не со-

мневался, что до Судного Дня на Ляске находились склады тактического оружия. И едва ли в том пышном оргазме они были эвакуированы все до последнего. Проблема заключается в том, чтобы после минувших столетий обнаружить их остатки на огромной и редконаселенной территории. — Он поглядел на Ронику. — Итак, вы располагаете какими-нибудь намеками?

— Нет, — возразила она. — Люди, пересекавшие горы Ренгли, — в основном торговцы и трапперы — слышали от местных туземцев кое-какие подробности, но, конечно, не догадались, о чем идет речь. Мы всегда выспрашиваем всех, кто приходит из леса; расспрашиваем обо всем, что с ними случилось в пути. Но ничем себя не выдаем. Разве Ложа не может интересоваться тем, что происходит в лесах? Мы ж ни хрена, — простите меня, мастер Смит, — ни черта не знаем. Однако рассказы эти кое на что намекали, и я вызвалась проверить.

— Роника у нас особенная, — с гордостью проговорил Беньо. — Она — профессиональный Покоритель, а теперь получила еще диплом инженера-электронщика. В основном она будет работать за Проливом и лишь изредка проверять подобные перспективы в походах.

— Прекрасная мысль, — проговорил Микли Карст. — Поздравляю вас, шеф.

Беньо склонился над столом. Его сухая фигура дрогнула.

— И сколько же ты отыскала, Роника?

— Три целых боеголовки, — отвечала она. — Есть еще несколько разрушенных; но делящийся материал можно извлечь из почвы. Если судить по характеру излучения, уран не представляет серьезных токсических проблем. — Она снова взволновалась, словно бы вновь оказалась на том скалистом склоне, под холодным мелким дождем, и услышала эхо своего торжествующего голоса, и добавила — негромко: — Период полураспада, как вам известно, миллион лет. По-моему, там сырья на дюжину килотонн. Место расположено выше границы лесов, так что туда редко кто заходит, впрочем, руины достаточно заметны. Скалы покрыты густыми пятнами ржавчины; их-то и заметили заплутавшие охотники, пересекавшие долину кратчайшим путем. Можно не опасаться того, что они проболтаются... дикари, наивные и простые, они до смерти боятся призраков древних времен.

Она откинулась на стуле, скрестила ноги и сделала хороший глоток. Микли приподнял брови почти с уважением. Опустив их, он обратился к Беньо:

— Сэр, операция по доставке материала должна быть обставлена как свадьба дикобразов. Я уже предупреждал вас, что

Инспекторы маураев становятся подозрительными. Увы, этого не избежать. Секреты — вещь очень хрупкая, даже когда их упрятывают подальше, но пока нам удавалось отвлекать противника. — Он хихикнул. — Кажется, я могу приписать себе авторство — в противном случае остановите меня — одной интересной идеи: много лет назад мы принялись утверждать, что все разговоры об Орионе — вещь обычная, из числа тех легенд, что возникают у угнетенной нации; спящий герой когда-нибудь должен пробудиться и всех освободить, а потом он будет править в мире и справедливости, и все такое прочее. Я уговорил ряд антропологов опубликовать статьи на эту тему... — Он умолк, загасил сигарету, достал следующую и прикурил. — Никто не может жить не изменяясь. Последняя миссия маураев угодила куда ближе к цели, чем я надеялся. Мне это не понравилось.

— Ты как раз собирался рассказать мне о ней, — ответил Беньо.

Тут Роника решила, что торопиться домой незачем: разговор обещал быть интересным.

— Итак, — начал гость, — все началось с того, что офицер их разведки явился в нашу штаб-квартиру в Виттохрии и потребовал, чтобы его провезли по северу. В соответствии с полученной им информацией, на Ляске происходило нечто запрещенное мирным договором, и он получил приказ проверить, как обстоят дела. Должно быть, дело усугубила недавняя смерть Верховного Комиссара.

Роника нахмурилась. Новость эта ее не порадовала. Студенткой она слыхала о Руори Хаакону только хорошее. Да, он не позволял независимому Союзу вновь обратиться к ядерной энергетике, которой страшились маураи; однако она была не на его стороне, но при этом превосходно понимала, почему идеалы родителей кажутся многим из ее ровесников сомнительными. Среди ее однокурсниц многие открыто признавались в любви к Руори.

— Нам пришлось «уйти его», — проговорил Микли Карст, — посему следовало рассчитывать на ответные действия.

Беньо и Роника вздрогнули.

— Что? — прошептал мастер Ложи. — Выходит, смерть не была случайной? А как же тогда пир, соревнования стрелков из лука; откуда взялся слепец, который попытался стрелять, руководствуясь чужим голосом, но не расслышал наставлений...

— Думайте, что хотите, — отвечал офицер. — В любом случае маурай действовал весьма эффективно. Когда взойдет Орион, ни к чему, чтобы наши люди были полны сомнений, они

и без того будут ошеломлены. Пусть они проживут несколько лет под властью.персоны менее симпатичной, чем прежний Верховный Комиссар маураев. — Чувствуя волнение слушателей, он решительным тоном продолжил: — Итак, этот их агент настаивал на том, что должен побывать на севере и все осмотреть. Как и положено, его проводник — лицо, считающееся штатским, — был выбран из моего корпуса. Случилось так, что это был я. Должен признаться, что этот Тераи Лоханнасо — личность впечатляющая. Мужчина средних лет, ростом с быка, одарен, быт может, и не столь блестящим умом, но тем не менее обворожительно мягок и дружелюбен.

Нечто шевельнулось в памяти Роники. Имя казалось знакомым... Нет, она не могла припомнить, что таилось за ним.

— Как и все прочие, я совершенно искренне утверждал, что ни о чем незаконном слыхом не слыхивал, что он может путешествовать, где захочет, и обещал по возможности облегчить путешествие и ему, и его персоналу. Вот это было путешествие!.. Я отвез его в поселение тлинкитов*, — продолжал Микли, — надеясь, что их общеизвестная склонность к праздникам отвлечет его. Куда там: он выпил и съел больше любого из них и уже на следующее утро был готов продолжить путь. Возле Кеная он заметил что-то подозрительное, взялся за лопату и выкопал из земли энергетический кабель — толстенный такой, — а потом, убедившись, что тока нет, приподнял его голыми руками. Я изо всех сил заверял его, что кабель остался с древних времен — кто же теперь может столь расточительно расходовать медь, но, поскольку изоляция оказалась надежной, мы используем его теперь для подачи тока с гидроэлектростанции. Пришлось повести его туда, но маурай проявлял явный скептицизм, и я понял, что без прискорбного и внезапного инцидента не обойтись. Он полез на гору с инфракрасным детектором, чтобы проверить, не имеет ли искусственного происхождения тепловой источник, который он там обнаружил. Мой помощник, сидевший наверху, спустил вниз лавину. Вся группа погибла, выжил лишь один Лоханнасо. Невероятно! Он сумел выплыть из этой ревущей снежной мешанины... правда, не без травм. В итоге он потерял большую часть своего отряда и поэтому вынужден был отказаться от дальнейших работ и вернуться назад — зализывая раны. — Микли нахмурился. — Но он вернется — он или его коллеги, — закончил офицер. — Да, транспорт в наши времена ходит медленно, связь нечего сравнивать с тем, что было до Судного Дня, разведчики стали наивнее, но

* Индейское племя, обитающее на Аляске.

чужие мозги не выключишь. Нам следует заняться совершенствованием маскировки, чтобы можно было свободно принимать в Кенае маурайских инспекторов.

— Сумеет ли? — усомнился Беньо с выдающей возраст легкой дрожью в голосе.

Гость широко развел руками:

— Конечно, мы с моими коллегами уже обстоятельно обдумали это дело. Наша организация готова сделать свой ход. Я прибыл сюда, чтобы внимательно обследовать окрестности и дать рекомендации. Например, можно где-нибудь поблизости — не здесь, конечно, — затеять работы по созданию ядерно-энергетической установки, под прикрытием синдиката, выпускающего синтетическое топливо. Пусть инспекторы маураев обнаружат его; если мы успеем наворотить достаточно сложностей, они решат, что обнаружили сам секретный объект. Может сойти и что-нибудь попроще. Посмотрим. Не беспокойтесь, мастер Смит. Орион взойдет. За мерами предосторожности приглядывает весьма компетентный бузотер, а именно я. — Беньо не выразил никакой радости. Микли обратил свой птичий взгляд к Ронике. — Вы внесли в наше дело весомый вклад, леди, — проговорил он. — Мне кажется, что вы понапрасну тратите свои дарования на Ляске. А не хочется ли вам повидать мир? Я нередко посещаю его.

Ошарашенная, она едва смогла выговорить:

— Не слишком ли вы торопитесь, капитан?

Он расхохотался:

— Вполне честное предложение, во всяком случае, я уже успел разузнать о вас. Из нас двоих получится первоклассный дуэт исследователей. Если мы сумеем к тому же и разделить досуг — чудесно; но если нет, не волнуйтесь, я умею быть скромным. Одно ваше сложение заставляет не забываться.

Он поболтал еще какое-то время и отправился восвояси, уговорившись встретиться с Беньо утром.

Когда за ним закрылась дверь, Роника шевельнулась. За окнами засинело, в комнате стало прохладно.

— Мне тоже пора идти, сэр, — проговорила она. — Я составлю отчет и немедленно передам его вам при первой же возможности. Если это необходимо, я могу провести туда транспортную бригаду... однако, по совести говоря, я не очень рвусь ковыряться в этой горе.

Беньо кивнул:

— Понимаю... возможно, вы захотите встретиться с капитаном Карстом?

— Мм-м... не слишком. А что вы можете рассказать мне о нем?

— Ничего особенного, просто мы временами встречались с ним, и я еще кое-что о нем слышал. — Бенью поискал слова. — Будьте осторожны, моя дорогая. Он человек странный и не слишком разборчивый. Вырос в трущобах Сиэттла; поговаривают, что мать его была проституткой. Чтобы избавиться от неприятностей, стал приватером в Китовой войне, потом поступил на флот и отличился в разведке — уже в Энергетической войне. Тем временем вступил в Ложу Лососа, потом вышел из нее. Причина осталась неизвестной, однако поговаривали, что якобы приставал к мальчишкам. Возможно, и врут. Женат, взял невесту из богатого дома — из Волков... жена предана ему, несмотря ни на что. И как ты могла сегодня заметить, не имеет цены для Ориона. Вполне возможно, именно он станет следующим главой Службы безопасности; Эб Мунсо собирается в отставку, так что смотри.

— Благодарю, — повинувшись импульсу, Роника наклонилась к столу мастера Ложы и прикоснулась к его руке. — Вы такой милый. Не волнуйтесь — я не наивная лесная девица. Справлюсь и с этим. — «И не девица вовсе», — подумала она. Вспыхнула боль. В этой самой разудалой Виттохрии у нее были свои любовные интрижки (если молодые маураи пользуются полной свободой, чего же нам отставать?). Но последняя — не ради забавы, романтики или чего-нибудь в этом роде. Она связалась с собственным профессором, семейным мужчиной, и в конце концов они решили не разрушать его семью. Это случилось как раз перед выпуском, перед тем как она на корабле направилась в Кенай, — бежала в лес и горы, надеясь найти в них исцеление. Она поднялась. — Ну что ж, спокойной ночи, — и добавила: — Конечно, я переговорю с капитаном Карстом, если он хочет этого, однако не опасайтесь за мою добродетель. Возможность побывать за рубежом весьма привлекает меня.

Она ощутила возбуждение. «Черт побери и ад возликуй, именно так! Карст слишком невозмутимо описывал эти смерти, Орион должен освобождать не убивая. Но что сделано, то сделано. Для этого были свои причины». А сама она теперь снова бурлила собственной жизнью — сколько всего еще предстояло прожить.

Глава 5

Шелестя пропеллерами, дирижабль оставил причал на посадочном поле Турнева и направился вверх. Такие воздушные корабли регулярно доставляли товары и людей в Скайгольм.

Пассажиров в этом рейсе было немного, так что Иерн и Фейлис могли вместе стоять возле переднего обзорного окна, наблюдая за приближением Скайгольма, выраставшего перед ними и делавшегося огромным.

— О-о-о-ох! — прошептала она, взяв его за руку. Хлынули слезы. — О, дорогой!

Он улыбнулся, повернул к себе прелестное лицо, нагнулся и поцеловал. Ее губы остались холодными, но все-таки дрогнули отвечая. Узнав о его новом назначении, Фейлис проявила некоторый пыл, прежде такого не бывало — за исключением медового месяца.

От счастья, решил он. Ей предстоял первый визит наверх... целых тринадцать месяцев! Расхаживая по их городскому дому, она распевала. Фейлис заказала себе новый гардероб, мех и шелка, шитье и самоцветы, он не стал корить ее за экстравагантность. Она так молода, то и дело напоминал он себе, не столь по годам — она была чуть моложе его, — но по опыту и настроениям напоминала ребенка. «Подобного блеска она еще не видела... роскошь, веселье, знакомство с важными персонами; пребывание в Скайгольме еще выше поднимет престиж. Мне не стоило волноваться: Бейнак приносит хороший доход. К тому же я могу сократить личные траты, да и нельзя позволять, чтобы моя холодность или ее прихоти разводили нас. Нам следует побыть вместе, разрушить уже сложившуюся привычку».

Для этого представлялась великолепная возможность. Тринадцать месяцев он будет находиться наверху и лишь изредка вылетать с кадетами в недолгие тренировочные полеты. А в основном — читать лекции, возиться с бумагами... давать консультации. Ему не случалось пока исполнять такие обязанности — пилоты по очереди занимали должность, — но полагал, что без труда справится с ними. Даже с удовольствием. Тем более что в свободное время он легко мог найти вполне милые развлечения... ну, конечно же, с Фейлис, осадил себя Иерн.

— Ни один снимок не передаст этого, — выдохнула она. — Ни один. — Протянув руку, она прикоснулась к стеклу. Ему представился младенец, тянущийся к луне.

Из-за дирижабля солнце метало свет, почти лишенный теней. В хрустальной черно-белой чаше стратосферы открывалась жемчужина... Скайгольм. Когда аэростат сделался ближе, жемчужина превратилась в луну... в целый мир. Рукотворный мир, два километра в диаметре, тем не менее казался настолько воздушным и легким, как никакое другое произведение человеческих рук. На прозрачной внешней оболочке играли призрачные радуги. Под ней прятались шестигранные соты системы тенсег-

рити*: шестиугольная сетка, тонкие тросы ее словно бы выткали пауки. В сотне метров за ней темнел полуночью огромный шар, отовсюду затянутый этой паутиной.

На экваторе сети исчезали. Жилища, общественные помещения, мастерские, лаборатории, центры управления — все пространство, отведенное людям, располагалось вдоль ребер Скайгольма, образуя широкий, богато украшенный пояс: на темной поверхности его мерцали огни, блестел металл. По периферии располагались четыре обсерватории, четыре лазерных комплекса, две платформы для запуска ракет, два посадочных узла, на которых — стрекозами с такого расстояния — покоились реактивные самолеты, и восемь двигателей, входивших в конструкцию самого аэростата. Остальную часть сферы покрывали небольшие инспекционные платформы и панели солнечных коллекторов. Поднимавшегося с Земли встречало отверстие в нижнем полюсе, там ребра расступались, образуя пентаграмму. От нее внутрь уходила широкая труба, и все, что находилось по другую сторону шара или ниже его — иногда отлетавшие от аэростата самолеты, — для глаза трепетало в низвергавшемся тепле.

Таков был Скайгольм, Иледуциель, Химмельхауз** (имен было много), который придумали люди и на крыльях гелия вознесли частями, чтобы собрать высоко в атмосфере.

Фейлис долго молчала и заговорила голосом негромким и застенчивым:

— Я вдруг поняла, что мало знаю о нем. Для меня он всегда наверху, как земля под ногами... Но никто не знает, для чего его сделали. Тебе это известно?

— Что? — спросил удивленный Иерн. — И это мне говорит историк?

— Ты знаешь, что я специализируюсь по Иберье.

— Хорошо, — проговорил он, — многие материалы погибли в войне Судного Дня и после нее, но кое-что уцелело, да и Тридцатка нашла время сделать заметки. Консорциум наций Западной Юропы решил обзавестись аэростатом Окресса, как сделали тогда уже в некоторых местах. Экипаж выбрал англей — точнее, его исходную версию — в качестве общего языка: тогда этот язык был общепринятым в аэронавтике...

Она вспыхнула. В тоне ее слышалось негодование.

* Конструкция, основанная на использовании растягивающих напряжений, фант.

** Небесный дом (нем.).

— Но я же не полная невежда, что бы ты обо мне ни думал. Все это преподают еще в приходской школе.

— Извини, — быстро ответил он. — Я просто не понял тебя.

Она успокоилась.

— Мне интересны причины, заставившие приступить к подобному делу. Я становлюсь полной идиоткой, когда речь заходит о технике. Помню — мне объясняли, но забыла все, что говорили.

— О, базу в стратосфере можно использовать самым различным образом, — пояснил Иерн. — Цели эти с тех пор не изменились: разведка — политическая и военная; слежение за погодой и океанами; релейно-коммуникационная станция. При необходимости — ночное освещение с помощью прожекторов. База для размещения самолетов, ракет, астрономических и разных исследовательских приборов. Получение солнечной энергии... но ты знаешь это. Кроме того, с них намеревались запускать космические корабли.

Внезапная скорбь сковала его язык. Некогда люди дотянулись не только до луны, но и дальше.

Она ничего не заметила.

— Да, дорогой. Для меня все это тайные знания. — Она хихикнула; благоговения хватило ненадолго. В эту секунду, как он понял, Фейлис вновь предвкушала удовольствия, которые сулит ей жизнь в Скайгольме в качестве жены тамошнего офицера. «Ну что ж, все лучше, чем тратить время на несчастного дурака Джовейна и его злобное и глупое геанство», — решил Иерн. — Но я никогда не понимала, — проговорила она, — почему этот шар не падает на Землю?

Он обрадовался тому, что представился повод забыть про Луну и поговорить о другом шаре. Быть может, триумф человечества был достаточно скромным, если сравнивать его с дорогой до самых ближайших звезд, однако он относился к числу немногих еще не забытых побед.

— Это не шар, — поправил он. — Жесткий каркас в целом подобен тому воздушному кораблю, на котором мы находимся. Однако принцип различен; там рама легче — используются растягивающие напряжения, а не сжимающие. Помимо этого, сфера не наполнена водородом, содержащим стабилизирующую добавку, противодействующую воспламенению. Полимерная оболочка состоит из двух слоев, внутренний содержит светопоглотители. Солнечный свет поглощается внутренней оболочкой и нагревает атмосферу внутри шара; оранжевый эффект — так это называется. Давление остается неизменным — снизу

есть отверстие, но нагретый особый газ внутри шара становится менее плотным, в итоге сила плавучести аэростата составляет тысячи тонн. Солнце дает энергию для всего, ее получают с помощью солнечных батарей и термопреобразователей. Солнечная энергия питает приборы, поддерживает комфортабельные условия внутри шара, ночью аккумуляторы компенсируют потери дневного света; она приводит в действие фабрики и заводы, изготавливающие топливо на земле, вниз она передается с помощью микроволн... И еще — вот эти моторы. Двигатели Скайгольма не сжигают горючего; это простые вентиляторы с электрическим приводом.

Он остановился, чтобы передохнуть.

— Спасибо за лекцию, — проговорила она. — Но столько информации мне за пять минут не переварить.

Глотнув, он сухо подумал, что ограничивается самой короткой лекцией, которая предназначалась бы для самых младших кадетов. Они нуждались в достоверных фактах, а вдохновение создавал уже Скайгольм и он сам — как популярный герой. Учиться поступали в шесть, заканчивали курс в двадцать, годы эти были полны труда, они казались бесконечными маленькому мальчику или девочке; те, кого ему придется учить высотным полетам, будут старше шестнадцати.

— Извини, — проговорил он, усомнившись в своей искренности. Не все женщины нуждались в этих бесконечных извинениях. В память впрыгнула Сеси из Кемпера. Да, туда надо вернуться — в основном ради общества Плика и его песен...

Фейлис отошла от него к призматическому видеоискателю, вокруг которого толпились несколько пассажиров.

— Гея! — выкрикнула она негромко.

Иерн присоединился к ней. Знакомое зрелище ничуть не теряло величия. Внизу, отделенная тридцатью километрами, планета плавно изгибалась во все края Домена... зеленая и коричневая, с белыми хлопьями облаков. Реки, озера... полированная бронза моря, изумруды Ангеланна и Эррии украшали серебряные браслеты проливов. Охватывая край мира, узкая бело-голубая полоска переходила вверх в лазурь, сливающуюся с небесной чистотой, что окружала планету. С усилием Иерн постарался изгнать из своей памяти имя, которое она произнесла. Фейлис не так уж редко прибегала к нему. Живую Землю звали Геей многие преданные геанцы. Он обнял рукой дивную тонкую талию.

Из кабины пилотов в салон вошел стюард.

— Дамы и господа, мы готовимся к прибытию, — объявил он. — Пожалуйста, займите свои места и застегните ремни.

— Почему? — поинтересовалась Фейлис у Иерна. — Снаружи все спокойно, так ведь?

С облегчением он приступил к пояснениям.

— Отверстие, о котором я тебе говорил, создает турбулентность около аэростата. Кроме того, двигатели Скайгольма нередко включают, чтобы удержать его на месте, компенсируя напор ветра. Ветры дуют и в стратосфере, здесь воздух разрежен, но скорость их велика, а аппараты легче воздуха — вещь неуклюжая; разве что топливо экономят. Если рядом вдруг работает реактивный двигатель, дирижабль теряет управление.

— Понимаю, — Фейлис прикинула к нему. Они сели на свои места, и все было великолепно... до тех пор пока дирижабль не причалил, и через протянувшуюся к ним шлюзовую трубу они перешли на аэростат, а там их встречал... Таленс Джовейн Орилак.

Он любезно приветствовал их, пребывая здесь по праву. Наверняка обменялся сроком с кем-то еще, а дату, должно быть, узнал от Фейлис. Но Иерн не имел права возражать против этого, как и не мог запретить жене поддерживать дружеские отношения со старинными знакомыми. Скайгольм принадлежал всем Кланам.

Тридцатка выбирала жен и мужей из числа людей, над которыми властвовала: браки были плодотворными, потомки множились. Последующие поколения соорудили жилые блоки, рассчитанные на большее число обитателей... Наконец был достигнут предел: увеличение числа небесных жителей означало, что придется им сократить научное и военное оборудование, а раз об этом нельзя было подумать — пришлось потесниться. К тому времени семьи родоначальников превратились в Клан, заключавшие браки лишь в своей среде и лишь изредка принимавшие в свои ряды достойных наземников; Клан владел в Доме обширной и процветающей собственностью, и перестраивать апартаменты в бараки было абсурдно... Поэтому пришлось переделать закон.

Лишь Капитан и его — или ее — ближайшие родственники имели право постоянно пребывать наверху, однако во все последующие столетия немногие Капитаны пользовались своей привилегией. Не упоминая о прочих неудобствах, космическое излучение в стратосфере было сильнее, даже чем в тех местах, где во время Судного Дня ядерное оружие творило свое губительное дело. Время от времени кто-нибудь, обычно из числа увлеченных делом ученых, запрашивал разрешение на продолжительное пребывание наверху; получал его, и, если вопрос был важным, той же самой привилегии удостаивались брачный партнер и дети этой персоны; однако подобное случалось не часто.

Постепенно население Скайгольма стабилизировалось на уровне двух тысяч человек — с легкими колебаниями. Взрослых — более половины. Набегала примерно сотня офицеров и техников — действующих дежурных — вместе с их партнерами по браку. (Специалисты из экипажа сменялись через три года... они часто посещали Землю, а потом еще три года проводили на вспомогательных предприятиях, рассеянных по всему Домену.) Более половины лиц, не достигших зрелости, составляли кадеты, готовящиеся к исполнению повседневных обязанностей, для этого в аэростате они проводили несколько сессий.

Все прочие подымались туда на месяц, пользуясь правом, предоставлявшимся каждому взрослому члену Клана раз в семь лет, в назначенное время прибывали и другие: сеньоры решали в Скайгольме неотложные и важные дела, исполняли обряды летнего и зимнего солнцестояния, хоронили усопших, весьма впечатлительных при жизни людей. Так было заведено, каждый может и должен участвовать в жизни Скайгольма. Не было единого исповедания веры; в глазах многих аэрогенов капелланы и службы были всего лишь одной из традиций, которой тем не менее не следует пренебрегать. Однако для любого из них свят был Скайгольм — в каком-то глубоком и невыразимом смысле. Так и шло цикл за циклом: рождение — зачатие — смерть. Но в конце концов время стирает все, даже святость.

Глава 6

1

После их дома в Турневе, не говоря уже о семейных поместьях, апартаменты в Скайгольме казались еще скромнее, чем были на самом деле. Все три комнаты были невелики: в спальне места едва хватало, чтобы Фейлис и Иерн могли подойти к постели. Вторая комната объединяла в себе кухню и столовую, она была чуть-чуть побольше, там размещались раковина и крохотная электрическая плита. Холодильник и ванна находились в конце коридора, в который выходили двери других помещений, — их занимали еще с полдюжины пар. Впервые в жизни Фейлис пришлось самой готовить, убирать и стирать. Домашние дела она ненавидела, делала их скверно, сердилась и плакала. Так что вскоре они с Иерном начали обедать в единственном ресторане аэростата; остальные же трапезы состояли в основном из сэндвичей.

Гостиная была несколько побольше и лучше обставлена, тем не менее в ней не было окон: жилые помещения были окружены

рабочими. Флуоресцирующие панели и ландшафтные обои не могли избавить ее от чувства заточения. Здесь все было не ее: картины повесили люди, давным-давно истлевшие в могилах... ковры, шторы, легкая мебель тоже не принадлежали ей. Благодаря удачному озарению, она прихватила с собой известное количество книг, хотя не рассчитывала, что, пребывая на небесах, сумеет возобновить чтение.

Стук в дверь оторвал Фейлис от книг. Она поспешила к двери с растревожившимся сердцем. Кто?.. Иерн был на работе, ну а с Джовойном она собиралась встретиться днем.

Открыв дверь, она увидела рыжеволосую молодую женщину в элегантном, пусть и слегка нескромном платье, длиной до половины лодыжки.

— Благословенна будь, — формально приветствовала ее незнакомка, широко улыбаясь. — Если я помешала, то покорно удалюсь.

— Ах нет, — отвечала Фейлис. — Пожалуйста, входите.

Та вошла. Они обменялись поклонами.

— Я Рикасоли Анжелан Скаут, — представилась гостя. — Мы еще не встречались, поскольку вместе с другом я обитаю в трех коридорах отсюда. Мы прибыли на положенный месяц и... надо же — он почти наполовину закончился, а мы только вчера узнали, что Таленс Иерн Ферлей также находится здесь. Можете себе представить наш восторг. Я пришла поинтересоваться, не согласитесь ли вы навестить нас.

— Ах да, да, конечно! Благодарю вас. Присядьте. Я приготовлю кофе.

— Нет, прошу вас, не надо, — рассмеялась Анжелан. — Как-то неудобно, начиная знакомство, доставлять вам подобные хлопоты.

— Тогда, быть может, бокал вина?

Получив согласие, Фейлис поставила на стол графин и бокалы. Чудесный древний хрусталь... он принадлежал Скайгольму, конечно, а не ей.

Анжелан оказалась приятной собеседницей. Веселая и приветливая, она развлекала Фейлис своей болтовней. По рождению она принадлежала к Клану Бергдорф из Тулу* на юге Франсестерра. Была замужем, но развелась; в ее возрастной группе теперь подобный поступок более не считался предательством, нарушением родственных связей, как полагали наивные предки,

* Совр. Тулуза.

и теперь делила квартиру со своим возлюбленным. По решению суда она получила независимый источник доходов и теперь могла не работать.

— Но я вовсе не эгоистка, — сказала она. — Дома я участвую в работе большого театрального сообщества. Каждый год на три недели мы отправляемся на гастроли... несем пейзажам крохи культуры, чуточку веселья. Быть может, наши спектакли успокаивают их. — Она склонила голову набок. — Надеюсь, что не шокировала вас.

— Нет, — ответила Фейлис, не зная, говорит ли она правду. — Я слыхала, что многие теперь разделяют подобные мысли, в любом случае не мне судить вас. Иностранцы вместе со своими идеями начали посещать нас сразу, как только закончилась Эра Изоляции, и теперь они пребывают здесь постоянно. Неизбежно приходится пересматривать собственные представления.

Анжелан внимательно поглядела на нее:

— Но вы же не такая, разве не так?

— С Иерном я познакомилась еще студенткой... Те люди, с которыми мы встречаемся, всегда предпочитали и предпочитают или — по крайней мере — склоняются к старомодным взглядам и серьезно относятся к долгу.

«Те люди, с кем встречаемся мы, — отметила Фейлис про себя. — Не те, с которыми он развлекается».

— Да, вы личность очень серьезная, это ясно. — Анжелан перевела взгляд на открытую книгу, лежащую на столе между ними. — Чтение... научная книга, толстая-то какая! О чем же, если не секрет? — Пригнувшись, она прочитала название: «Принципы геанской мысли». — Ох! — Гостья распрямилась в кресле и изобразила некоторое потрясение. — Это ваша религия? Вот уж не подумала бы!

— Геанство не религия, — ответила Фейлис. — Это комплекс обрядов и откровений.

— В самом деле? Мне не хотелось бы проявить невоспитанность, но, по правде говоря, я всегда считала этот культ, который родился среди кочевых варваров в далекой Мерики...

— Монги не варвары, — с легким недовольством объявила Фейлис. — И не номады. Их цивилизации много столетий, хотя она не похожа на нашу.

— Но, простите меня, мне так интересно. Здесь говорят об опасности, грозящей из Эспейни. Да, я четко помню статью в газете, в которой цитировались слова вашего мужа, назвавшего геанство угрозой.

— Я не обязана разделять все его мнения. Он служит в армии и потому в первую очередь видит военные угрозы. Но я думаю, что он преувеличивает опасности, которыми грозит нам Эспейнь. Да, Домен пытался помешать Лонцо, но мы потерпели неудачу, и он захватил большую часть Иберьи. Теперь Женера-лы настроены против нас, в особенности после того, как мы выгнали их из Италии. Конечно, геанские миссионеры многих обратили там в свою веру и теперь рвутся убедить всех вообще. Но они не намерены вторгаться к нам. У меня есть близкий друг, чье поместье расположено в Принийских горах, в северной Эскуал-Эрриейни*, на самой границе. Он воевал в Итальянской кампании... так вот, он утверждает, что в Эспейни среди вождей нет безумцев. Да, они могут покушаться нас на границах — там, где Скайгольм стоит низко над горизонтом, к этому все привыкли. Куда опасней для нас племена, обитающие за Рином.

— Фейлис, вы интересная личность, — проговорила Анжелан. — Такая спокойная, пока внутри не вспыхнет огонь. — Она помедлила. — А вы не могли бы объяснить мне, что такое геанство? Я никогда не интересовалась им и только слыхала — как вы сказали бы — общие места.

Тронутая комплиментом, Фейлис расслабилась и улыбнулась.

— Ну, как говорит Иерн, такое дело требует трех бутылок, — ответила она. — Наверное, и за час не управлюсь... Только учтите; я не геанка... пока еще. Быть может, мне так и не удастся одолеть их философию. Но я изучаю литературу и стараюсь разобраться в их взглядах на мир как можно глубже: дело в том, что, по моему мнению, геанство основано на глубоких истинах.

— А разве нельзя ограничиться несколькими словами?

— Тогда послушайте. — Взяв книгу, Фейлис открыла предисловие. И при первых же словах голос ее сделался громким; она словно засветилась изнутри.

«Жизнь на Земле едина. Это не метафора. Это констатация факта, простого и великого одновременно.

*Знание это не ново. Некоторые вероисповедания — по большей части хинжийские** — с незапамятных времен утверждали, что бытие основывается на фундаментальном единстве. Древние анналы, недавно введенные археологами в обиход, показывают, что в конце Эры Изобилия кое-кто из философов излагал эту мысль в светских терминах.*

* Область в совр. Басконии.

** Индийские.

Судная Война предала их работы забвению. Каракан Ефремовик никогда не слышал о них. Но этот юанезский мыслитель и эколог, вдохновленный буддизмом и христианством — двумя верами своего народа, — исходя из научных принципов, пришел к тому же заключению и тем самым приблизился к пониманию природы Геи.

Суть учения такова: Гея — планета, на которой мы живем, — представляет собой единый организм. От первых химических соединений в первородных океанах до человеческого сознания сила, находящаяся внутри Жизни, направляла ее эволюцию ко все большему величию и смыслу. Эволюция эта не заканчивается на нас. Она будет продолжаться, пока существует сама Гея.

Мы — органы или, точнее всего, органеллы, которые Она породила в собственных целях. Мы не можем существовать в отрыве от Нее, как не способны к самостоятельному существованию клетки нашего тела; мы живем, потому что являемся частью; мы, люди, служим колоссальному Единству, как и любое животное или растение, от самого крохотного микроба.

Учение Каракана верно, а потому лишено сентиментальности. Доныне эволюция реализовывалась как слепая сила; нередко заблуждаясь, она в конце концов поправляла себя. Человеческий мозг примитивен. И в Век Изобилия разум поддался чудовищному заблуждению, когда бездумным потребительством промышленная цивилизация нанесла серьезный удар биосфере и могла погубить ее, как рак убивает человека. Война Судного Дня оказалась не просто человеческой ошибкой, переоценкой сил куда более могучих и опасных, чем подвластные людскому разумению. Этой лихорадкой Гея излечила себя от болезни.

Давайте не забывать: жизненная сила может оставить нас полностью — как покинула она динозавров — и за несколько миллионов лет создать более мудрое существо. Наш удел — служить высшему организму, часть которого мы составляем. Мы должны уважать жизнь и растить в себе истинного человека, потому что таким образом мы развиваем в себе нечто от Геи».

Анжелан вскинула руки:

— Хватит! — и расхохоталась. — Для меня это слишком мудро.

Фейлис закрыла книгу, потянулась к вину.

— Думаю, даже надеюсь, что вы согласитесь со мной: это не просто нагромождение языческих суеверий, — проговорила она.

— Да, конечно. Философия впечатляющая: однако, увы, кажется не для меня.

— Хм-м, ее принимали самые разные люди. Конечно, не многие из них разбирались во всех тонкостях и не все схватывали сразу. Сложно по-настоящему понять ее глубины.

— Ну, вы такая усидчивая... наверное, я кажусь вам легкомысленной.

— Ах нет...

— А я не претендую на глубину. Мне нравится наслаждаться собой. Что еще может нас порадовать в жизни? — И быстро добавила: — Да, дорогая, вы рассказали мне о том, что у вас есть... для интеллекта. Но разве вам не хочется иногда развлечься?

Фейлис закусила губу.

— Случается, иногда.

Анжелан сочувственно качнула головой.

— Но, увы, не так уж часто? Вашего мужа все время нет дома — дела, но у вас нет никого, а друзья чересчур невнимательны... — Улыбка сделалась кислой. — Кроме того, и Скайгольм разочаровал вас. Во всяком случае, я могу это сказать о себе. Спортивные занятия в гимнастическом зале меня не развлекают. Театры, концерты и лекции надоели. Танцы и другие общественные увеселения здесь не приняты. Медитировать о многих вещах истории, окружающих нас... Ха!

Фейлис слабо улыбнулась:

— Мне нравится ваша откровенность.

Анжелан перегнулась через стол и прикоснулась к руке хозяйки.

— Ну что ж, мы с Жоуеном можем развлечь вас, пока мы еще не уехали. А вы в свой черед — нас. Все, что я читала в газетах или слышала об Иерне, свидетельствует, что он человек веселый, когда хочет этого. А когда вы сможете прийти?

— Мне надо будет спросить его; надеюсь, достаточно скоро.

— Хорошо. Я отлично готовлю даже на этой жалкой плите, поэтому нагуливайте аппетит. А потом... у меня есть проигрыватель — я прихватила его сюда. У меня есть необычайные пластинки. Вы не слышали Балеарский ансамбль? Суперэротика. Особенно если накуриться... Не смотрите на меня с таким осуждением. Если вы не хотите, мы не станем настаивать, но марихуана — не для грубой неотесанной деревенщины. Молодежь в Кланах нередко пользуется ею — во всяком случае, в моем кругу, — и ничего плохого ни с кем не случилось.

— Не хотите ли еще вина?

...Обе женщины расставались чуть-чуть навеселе. У двери Анжелан проговорила:

— Хочу еще сказать, дорогая, ваш муж стал моим героем с того самого дня, когда случился тот страшный ураган... Не позволите ли вы мне одолжить его у вас? Одна моя знакомая утверждает, что в постели он — просто чудо.

От удивления Фейлис широко раскрыла глаза. Краем сознания она догадывалась, что ночи вне дома Иерн не всегда проводил в одиночестве. Быть может, подобное случалось редко, но если об этом уже говорят...

Анжелан вернулась и погладила Фейлис по щеке.

— Спасибо, — сказала она. — Не волнуйтесь, я верну его в отличном состоянии. Привет!

Дверь закрылась. Фейлис, застыв, не могла отвести глаз от ее гладкой поверхности — пока не осознала, что близится время встречи с Джовейном.

2

Между ребрами каркаса аэростата были протянуты короткие коридоры. Ярусы соединяли круглые переходы — узкие и людные. Фейлис то и дело приходилось сторониться людей: сурового офицера, торопливого техника, задумчивого ученого, торжественного капеллана, умудренной горожанки, деревенского сквайера, на лице которого было написано удивление... молодой пары, прибывшей с первым визитом и занятой исключительно друг другом — рука в руке... пожилой пары, возможно, в последний раз посещающей Скайгольм. Люди из Кланов носили костюмы тех штатов, в которых жили; однажды попался темнокожий иноземец — наверняка маурай, поднявшийся наверх, безусловно, по какому-то делу.

Сама обстановка придавала стиль подобным столкновениям; превращала их в пляску, сопровождаемую привычными телодвижениями, соприкосновений следовало избегать и притом с независимым видом. Поначалу Фейлис была просто очарована, а потом такая манера начала казаться ей дикой глупостью.

Она уже удивлялась: как могут люди выдерживать постоянные командировки сюда. Ну хорошо, раз им интересна такая работа, значит, они, вне сомнения, привыкли к такой тесноте, и в уважении к Скайгольму видели основу культуры... так и должно быть. Она попыталась посочувствовать им. В конце концов и она, воспитанная в просторном бургойнезском поместье, смирилась со скромным общежитием в Консватуаре, — чтобы обрести познания и отточить интеллект.

Скайгольм в целом представлялся ей интенсифицированной версией Консватуара, но, оказавшись в нем, она поняла, что Иерн еще раз лишил ее невинности: никогда впредь не сможет она, подняв глаза к небу, увидеть нечто божественное в этом полном шаре. Скайгольм — всего лишь творение рук человеческих, позволяющее некоторым из людей властвовать над другими. Тайна и великолепие свойственны лишь самой жизни.

Переход наполнило благоухание. Она поспешила в сад.

Нижний ярус обитаемого пояса не только освежал воздух. Все эти аэропонные посадки — чтобы сэкономить для навеса почву, — производили абсолютно естественное впечатление. Сад ободрял: дух аэрогенов обновляли листва и цветы, плеск воды и щебет порхающих птиц, интимность природного уюта... Дети могли бегать по его дорожкам и лестницам, не тревожа влюбленных в отведенных для них укромных уголках; старики могли спокойно разговаривать или дремать на скамейках, медитатор — сидеть перед святилищем, скиталец — искать покой и гармонию. Минувшие века научили людей создавать красоту из ничего, когда того требовала душа, и делать восхитительной скудость.

Фейлис спустилась сверху к подвесной дорожке... поручни были искусно обвиты лианами, ступать приходилось по мху, дорожка уходила в прохладный зеленый сумрак, в увитом листьями тоннеле кое-где вспыхивали орхидеи. Она пересекла крошечный ручеек, бежавший по неровному желобу из отверженного дерева: вода кружила, приплясывала и журчала на перекатах. Наконец Фейлис повернула на лестницу, твердую древесину, из которой были изготовлены ступеньки, выбирали по красоте узора... лестница загибалась вниз вокруг бамбуковой рощицы, шелестевшей и постукивавшей ветвями на теплом вентерке, создаваемом вентиляторами. За ней ручеек, позвеневав водопадом над резной панелью, ниспадал в бассейн, где резвились золотые рыбки...

Здесь поступь Фейлис сделалась осторожнее: дорожка была из одного только металла — листы, балки и поручни украшены геометрическими узорами. Флуоресцентные краски сверкали на растяжках и тросах. Получалось — в тенях перекликались бесконечные шестиугольники. Плющ и пурпурный вьюнок, ипомеи, изредка кусты смягчали четкие линии. Моноволокна оплетали огромную клетку, где летали певчие птицы; их голоса раздавались повсюду. Колибри и бабочки — тигровые парусники — порхали живыми самоцветами.

Филенчатая арка отмечала границу поросшего травой двора с цветочными клумбами. Тайно пробравшись из пруда с

рыбами, ручеек выпрыгивал фонтаном и, нежно журча, разливался по алюминиевым чашам. Тут тропа разделялась на несколько ответвлений. Фейлис выбрала шедшую между рядов бонсаи тропинку мимо статуи хозяина Зимы — персонажа из легенды юрского края, изваяние светилось изнутри расцвеченным льдом. За ним открывался коридор из легкой синтетики, сумрачный и влажный, заросший пышными грибами. Он привел Фейлис к амариллисам, краски цветов пронзали самые ребра Скайгольма; безвредные, ярко окрашенные змейки нежались под инфракрасными лампами.

Деревянная рампа — простые доски на ней сменились паркетом — спускалась вниз между двумя небольшими деревьями. В кроне апельсина лампочками светились плоды. Домик в ветвях карликового дуба манил к себе детей. Пузыри искусственного гравия скрежетали под ногами на дорожке, между зелеными изгородями она вела к беседке, поросшей вьющимися розами: розовыми, белыми, желтыми, пурпурными, темно-голубыми.

Там ее ожидал Таленс Джовейн Орилак.

Отступив в сторону, без обычного приветствия он взял руки Фейлис в свои, и какое-то время они просто разглядывали друг друга.

Ему было около сорока, и для мужчины из Кланов он был не слишком высок, однако строен и изящен во всех движениях. Типичный для аэрогенов узкий череп и вытянутое лицо дополняли крючковатый нос, золотистые карие глаза, оливковая кожа и черные, чуть тронутые сединой волосы. Еще густая кровь Миди* позволяла ему кое-что: немногие могли позволить себе отпустить усы и остроконечную бородку — в стиле прини-ских иноземцев, обитавших в его поместье. Одет он был просто, но со вкусом; отороченную мехом бархатную куртку дополняли бриджи в обтяжку, опаловая подвеска на груди, украшенный янтарем пояс и невысокие сапоги. В музыкальном его англее слышался заметный акцент Эскуал-Эррии.

— Я уже опасался, что ты не сумеешь выбраться, моя дорогая.

— Почему же, я как раз вовремя.

Она указала на наручные часы, считавшиеся у нее едва ли не самым дорогим предметом роскоши; не столько в них было жезла и еще более драгоценного марганца — ценился долгий труд искусного мастера.

* Область совр. Франции к северу от Пиреней.

— В самом деле? — Он пригнулся, взял ее руку, без особой нужды разглядывая часики. Прикосновение его было приятно Фейлис, и она почувствовала себя виноватой, но немедленно вспомнила, что Иерн флиртовал с каждой привлекательной женщиной, попадавшейся ему на глаза. А зачастую не только флиртовал. — Ты права. — Джовейн распрямился. — Просто время так тянулось.

Он улыбнулся. Улыбка была нервной, и слова его звучали словно с граммофонной пластинки, и притом невысокого качества. Было в них нечто надуманное: ему не хватало непринужденности Иерна, однако взгляд его источал предельную честность.

Фейлис подумала: неужели и он не верен своей жене? Они были женаты уже пятнадцать лет, выжило трое детей — для женщины из Клана настоящее достижение, хотя, конечно, в жилах Джовейна текла отчаянная горская кровь. И все же — пусть сам он никогда не жаловался — Фейлис ощущала, что холодок опустился на его отношение к жене, когда Ирмали отказалась вместе с мужем принять геанство.

«И все же, — думала она, — он достоин своей семьи. Его предки, поколение за поколением, противостояли иберьянским налетчикам. Так поступает и он сам сейчас, хотя большая часть Иберьи уже сделалась единой нацией, с которой торгует Домен. Он, летчик, побывавший в сражениях над Итальянским полуостровом, заслужил боевые награды и уважение своих подчиненных, а потом в качестве хранителя замка добился преданности своих пейзазов».

Помимо этого, она мало знала о нем, и в большей части вся информация была получена от знакомых. Они никогда не встречались; разве что он оказывался в тех краях, где была и она, и разговоры его были не о себе, как и письма, которыми они обменивались с постоянно возрастающей скоростью. «Это его удивительный разум привлекает меня и, конечно же, чистая душа, загорающаяся всякий раз, когда он начинает говорить со мною о Гее».

Деловитый голос Джовейна заставил Фейлис вздрогнуть, осознав, что она думает о нем в величественных интонациях хроникера Алайнианской эры:

— Ну что ж. Надеюсь, ты без труда отыскала это место?

— Конечно, — кивнула она. — Тропы запутаны, но дорогу найти легко, невзирая на то что указатели не очень заметны. — Она вдохнула ароматный воздух. — Почему ты позвал меня сюда?

— Отсюда, с этой высоты, — негромко ответил Джовейн, — ты можешь увидеть ни с чем не сравнимый вид на Гею.

За руку он ввел даму в беседку. Розы наполняли ее сумраком и нежным ароматом. За шелестом вентиляций угадывалось гипнотическое жужжание лишенных жала пчел Скайгольма. Рамкой, скорей короной из шипов и цветов, что венчала чело Жезу цветы окружали призматическое окно, под которым внизу раскинулся мир.

Задумчивость Фейлис как рукой сняло. Подобное зрелище всегда останется чудом: вечно плывущие облака, блестящие воды, богатые растительностью равнины, высокогорья... болота, леса, луга, скалы, снег... в тени и в лучах солнца. под звездами и Луной, лишь в непогоду высокая крыша укрывала планету. День выдался ясный: отливая голубизной, белые хлопья плыли над летним ландшафтом, который золотил полдневный свет. Гея дремала.

Очень нескоро из-за спины Джовеин тихо спросил (губы его прикасались к ее волосам):

— Разве не сказочная картина?

— Да, — ответила она тоже негромко.

Он взял ее за плечи.

— Фейлис, я хотел, чтобы ты была рядом со мной, не только чтобы мы вместе увидели все это... чтобы разделить с тобой пережитое чудо.

И на какое-то мгновение воспоминания охватили ее...

Они находились в доме Орилаков в Турневе. После помолвки она покинула Консватуар, но все же не намеревалась возвращаться в Бургуйнь до свадьбы, чтобы быть возле Иерна, но дела нередко уводили жениха из города. Джовеин же сидел дома и старался растопить холодок, зародившийся между ними. Он преуспел; красноречивая картина мира в его изложении покоила ее.

Как-то бурной ночью они сидели в гостиной — друг против друга — перед огромным камином. В нем оставались только уголья, гаснувшие по одному, и лишь на каминном выступе мерцали свечи. Все в доме уже легли спать. Было тепло, слегка пахло дымком, и барабанный стук капель по оконным стеклам делал сумрак в просторной палате еще более таинственным.

— Как было бы здесь холодно, если бы стены не обогревались заложенной внутрь спиралью, — проговорила она.

— Почему же! — возразил он. — Можно было бы просто потеплее одеться... А вообще люди одеваются слишком тепло, и в итоге атрофируется система терморегуляции, которой при рождении наделяет их Гея.

— А ты бы извлек проволоку из стен, если бы семья позволила?

Он пожал плечами:

— Все зависит от того, на что потребовался бы металл. В конце концов, мы редко пользуемся электричеством не из-за недостатка мощности. Скайгольм может затопить нас энергией, будь металл для проводников менее дорогим.

— Но я думала... — проговорила она. — Кажется, я слышала о том, что мы намереваемся ввозить алюминий и различные изделия из него из Северо-западного Союза. Им хватает угля, чтобы производить металл...

— Ах да! — В порыве откровенности Джовейн склонился к ней. — Фейлис, неужели по молодости ты тоже разделяешь этот вульгарный предрассудок? Неужели и ты считаешь, что геанство враждебно любой технологии?... Что мы опустили бы на землю даже Скайгольм, если б только могли? Это совершенно не так!

— Но, — слабо возразила она, — я же слышала, Иерн тоже говорил мне это. Кроме того, я сама читала...

Он вздохнул:

— Безусловно, среди нас есть дураки и фанатики, но их мало. А вся беда в том, что нас просто неправильно понимают фанатики и дураки, оказавшиеся среди наших врагов. Выхватывая предложения из контекста, они пытаются доказать, что мы выступаем против всех технических достижений человечества — начиная от каменного века. Что мы стремимся уравнивать цивилизованные страны с тем невежеством, что окружает их. — Голос его сделался жестким. — Вернуть человечество к голоду, раз нечем будет сопротивляться вредителям, к болезням — без лекарств и антисанитарии... словно мы не считаем защиту от естественных врагов движущей силой эволюции! — В глазах его стальным блеском отразились свечи. — Неужели ты полагаешь, что я готов отрицать труды моих предков?

— Ну что ты, конечно, нет, — проговорила она торопливо. — Но иногда я невольно смущаюсь. То все кажется таким ясным, а потом вдруг... Да, кстати, ты говорил мне, что я сейчас читаю очень важную книжку; так вот, я только что дочитала главу, называющуюся «Миф прогресса»...

— Безусловно, ты согласишься с автором; мы не можем позволить Северо-западному Союзу и всем подобным ему развивать промышленность, которая убивает, захламляет и отравляет нашу планету. Маураи совершенно правы, запрещая это. — Нахмурясь, он оттопырил губы и покачал головой. — Увы, они слишком многое разрешают нормменам. А теперь и Домен принимает торговцев из Союза, позволяя богатеть этим грязным технократам. Это следует остановить.

— Ну, это сделать несложно, — проговорила она, — однако автор словно бы видит в маураях еще большую опасность.

Джовейн кивнул:

— Маураи считают, что охраняют живую Землю. И кое-что хорошее они действительно сделали. Но сам дух этот ложен: холодная рассудочность... какими бы мягкосердечными ни казались они. Маураи хотят сохранить биосферу — но чтобы эксплуатировать ее, а не влиться в нее, стать составной ее частью. Самым ярким примером является их генетическая технология... они заставляют Гею исполнять их волю, словно бы мудростью рода людского можно направлять эволюцию. Да, в определенных вопросах они могут оказаться нашими союзниками, но, по моему мнению, на самом деле они — худшие враги наши, и последняя наша война будет направлена против них.

— А потом? — поинтересовалась она.

Он вновь покачал головой, обретая спокойствие, отблеск того мира и высшего счастья, которые (по предсказанию Каракана) охватят все человечество, когда оно, став воистину единым, сольется с Геей.

— Я не могу ничего предугадать, и никто не может. Главное — не забыть все, чему пришлось научиться. А тем более свои ошибки, ведь ошибки — лишь способ учебы в понимании всей жизни и нашей крошечной доли в ней. Мы сохраним все хорошее. Скажем, построим еще несколько Скайгольмов. Но если мы пойдем на это, то лишь ради благородной цели. Чтобы не платить дорогую цену за познание Геи. Никакого одиночества, никакого уродства, никакой бедности... угнетения, войн... Наша раса Ее глазами, руками, умами протянется во Вселенную.

Эти речи она слышала и прежде или же читала в писаниях, которые Джовейн ей рекомендовал. В тот день они поговорили об аэростатах. Фейлис знала от Иерна и из печати, что маураи стремились купить информацию, которая позволила бы им соорудить собственный аэростат, подобный Скайгольму. Ничто не мешало им сделать это самостоятельно, и они, бесспорно, справились бы с делом, но техническая информация из Домена могла облегчить работу. Фейлис знала, что маураям аэростаты нужны были для тех же целей, ради которых использовался оригинал. Но зачем геанскому миру подобное устройство?

— Кое-что мы оставим, — говорил Джовейн. — Например, чистую науку. Только благотворительную — скажем, предупреждение о бурях.

Разрушение ураганов ему не нравилось: эти явления исполняли некую важную роль, значение которой для биосферы еще

не было осознано. Еще он допускал ограниченное использование связи — чтобы люди не попадали в рабство письменного слова, в ущерб прямому общению. А также созерцание величия Геи с высот.

Но в этот час Фейлис с Джовейном вместе были вверху — нет, не вверху, подобное означало бы разделение, — а они по-прежнему находились внутри целого, составляя его нераздельную часть. Они просто достигли уровня, откуда величие Геи воспринималось в еще большей полноте.

Пол укромного уголка был застлан губчатым ковриком, на котором можно было улечься или встать на колени.

— Ну что ж, — сказал он, — давай поищем единства... — На миг она испугалась... отшатнулась. Он ощутил это и улыбнулся с приязнью. — Не бойся, — заверил он. — Я имел в виду лишь те совершенно целомудренные обряды, которые ты исполняешь: размышления, медитации, упражнения йоги, которые уже известны тебе. Я полагал, что именно здесь они будут особенно тебе полезны.

Со внезапной радостью она скрестила ладони на груди и склонилась перед ним.

3

Потом — она не поняла, как это случилось — они поцеловались... сперва застенчиво, потом страстно.

Наконец она оторвалась от него и села, гордо выпрямившись, но слегка дрожа; голова ее шла кругом.

— Нет, — выдохнула она. — Пожалуйста, не надо, я не должна.

Руки его уже гладили только ее волосы, но Джовейн не отодвигался.

— Почему бы и нет?

Слова его тоже прозвучали с неуверенностью... На левом виске Джовейна билась жилка.

Сквозь слезы она смотрела на него.

— Это было бы... было бы — нечестно.

— Иерн не одобрит? Или же ты хочешь вести двойную жизнь? Душа твоя, Фейлис, для нее чересчур свободолюбива.

С усилием приподняв голову, она взглянула на него... На лице Джовейна ей виделась скорей не страсть, а мольба. «После победы геанства браков не будет, лишь всеобщее углубление мистического единства, очищенного от подозрительности и желания обладать». Тем не менее...

— Прости меня, Джовейн. — Она ощутила соль на своих губах. — Ты мой самый лучший друг, но я не могу. Отец не простит меня, если узнает.

Мужчина сразу выпрямился и проговорил:

— Я обязан считаться с вашими желаниями, мадам. И смиренно умоляю о прощении, если нанес оскорбление.

Напыщенные слова его утешили.

— Ну что вы, сэр, — ответила она застенчиво, — продолжим же наши отношения, какими они были прежде к нашему обоюдному удовольствию.

Взгляды их встретились... Наконец оба рассмеялись, самую чуточку.

— Спасибо тебе, — проговорил он. — С тобой я не одинок... ты даже не представляешь — насколько.

— А мне с тобой... — Вдруг она изменила тему. — Я знала, что тебе грустно, но из гордости ты не признаешь этого. Иначе зачем еще торчать тебе в своем холодном старом замке среди полудиких пастухов, не умеющих даже говорить на французском.

Джовейн принял более свободную позу, она последовала его примеру. Взгляд его обратился вниз — к земле, суше и морю. Край, где он правил, прятался в морщинистой шкуре старой Земли у самого окоема.

— Я хотела сказать, — проговорила она, набравшись смелости, — ты ведь нужен им не более чем на несколько недель в году. А в остальное время все дела может вести и управляющий. Ведь при необходимости он может вызвать тебя. Ты бы мог жить в Турневе рядом с нами и развлекаться чем-нибудь — как Иерн своими полетами.

«И находится рядом, когда Иерна не будет дома...»

Он нахмурился:

— Мои сыновья еще не утвердились в геанстве... сказывается влияние неверующей матери. Общество аэрогенов едва ли заставит их потерять веру, но если вспомнить про современный скептицизм... И — хуже того — иноземцев. Что так и кишат здесь: маураев, граждан Северо-западного Союза, мериканов, бенегалов... Нет, пусть лучше вырастут в своих диких, но чистых горах.

Она почти услышала насмешливый голос Иерна: «Что-то среди этих развратных иноземцев не числятся монги».

Ей самой, на людях, он говорил так: более всего пугает в геанцах то, что если они возьмут власть, то запретят все, с чем не согласны. Стоит лишь почитать их книги, вспомнить об Эспейни и комиссарах информационной службы. Настанет новая

Эра Изоляции — еще худшая. Все-таки в прежние времена правительство пыталось сберечь национальные традиции Домена. «Кстати, Джовейн, — мысленно добавила Фейлис, — твои слова не совсем убедительны. Это скорее предлог, чем причина. Чем же на самом деле ты занимаешься на этой границе?»

Но подобный вопрос она сочла недостойным.

— Итак, твоя вера для тебя главное? — пробормотала она.

— Вера — это неправильное слово, — ответил он. — Гея для нас не богиня, Гея — это жизнь на Земле. Безусловно, почти наверняка существуют и другие обитаемые миры, но Вселенная чересчур велика и загадочна. Мы никогда не узнаем ничего иного, кроме того что видно с этой планеты, и не сможем понять большую часть того, что увидим. Разве что это сделает следующий вид органелл, которых вырастит Гея через тысячу или миллион лет...

Она прервала его монолог, нагнувшись вперед и прикоснувшись к руке:

— Я знаю это. Но ты не ответил мне. Я хотела знать... неужели философия... значит для тебя все... Таленс Джовейн Орилак.

Он кивнул, глядя вовне — вниз.

— Выходит, что так.

— Ты никогда не объяснял мне причину.

— Почему мы что-то делаем или с чем-то согласны? Мы сами не знаем этого. Наше сознание само подсказывает нам действия, а основная часть мозга досталась нам от древнего млекопитающего... даже рептилии. — Он обернулся к ней с кривой улыбкой: — Или ты полагаешь, что я слишком много молюсь?

— Нет, — возразила она. — Мне так не кажется. Но я предполагаю — с тобой все-таки что-то произошло.

Он сморщился:

— Да, всему виной Итальянская кампания, не слишком серьезная, чтобы именоваться войной. Пустяк, по сути дела, всего лишь наша «помощь дружественной нации» против эспейнских агрессоров и их местных «прислужников». О, мы помогли им: помешали прихвостням женерала одолеть нашего собственного приспешника. — Он сжал губы в тугую линию. — Я был военным летчиком и не видел самого худшего. Но то, что мне довелось... смерть, раны, муки, горе, разрушения, опустошение... для чего все это?

Какая опасность грозила Скайгольму, способному уничтожить всякого врага, что посмеет вторгнуться в Домен? Ах да,

конечно, иначе наша коммерция может претерпеть неудобства, и очередная страна обратится в геанство и потому перестанет с нами считаться.

Я отправился домой и принял — этого от меня потребовали — пост хранителя замка моего Клана в Приниях. Он предоставил мне свободу и уединение, в которых я нуждался, чтобы осознать увиденное. В это время из Эспейни прибыл ученый Маттас, он пришел пешком, проповедуя и обращая в свою веру. Я упоминал тебе о нем, не так ли? Он не монг, джоруазец, хотя учился у Цяня Сартова. Я заинтересовался и пригласил его в гости. — Джовейн улыбнулся. — Он до сих пор обитает у меня. Только не думай, что это свихнувшийся тощий аскет. Маттас наслаждается жизнью. Мне бы хотелось обладать его способностью. Он заложил росток: доказал мне, что жизнь не жуткая череда событий и не прихоть некоего сверхчеловеческого интеллекта. Она творит, обладая собственным смыслом, судьбой и целью. — Голос его смягчился. — Вот тогда я и обрел внутренний мир. Неужели тебя может удивить, что я стремлюсь разделить его со своими соотечественниками?

— Ах, Джовейн! — Она потянулась, чтобы обнять его.

И тут с гневом и облегчением одновременно Фейлис заметила появившуюся внезапно возле входа пару. Рыжеватый блондин, в котором черты фламандца смешивались с обликом аэрогена, в простой одежде этой древней страны: вне сомнения, Маартенс из Клана Дикенскит. Женщина, невысокая и смуглая, явно принадлежала к Зильберам, хотя фамилия в данном случае была не столь очевидна.

— Приветствуем вас, сэры и леди, — провозгласил мужчина с акцентом: наверное, ему не часто приходилось оставлять родовое поместье своих предков. — Мы не собирались мешать вам.

— Этот уголок принадлежит всем. — Поднявшись и поклонившись, Джовейн исправил неловкость. — Позвольте приветствовать вас. Отсюда открывается необычайный вид. Мы уже намеревались оставить беседку, что и делаем по своей доброй воле.

Фейлис последовала его примеру. После нескольких подобавших ситуации любезностей она присоединилась к Джовейну.

Они пошли вперед. Когда его уже не могли услышать в беседке, Джовейн произнес:

— Ну, вот видишь, какое невезение: даже вдвоем нельзя побыть.

— Но нам еще нужно о стольком поговорить, — посетовала она. — Срок твоего пребывания здесь заканчивается через неделю. Когда-то мы еще встретимся!.. — Повинуясь порыву, она схватила его за руки. — Пойдем ко мне.

«Раз он прибыл сюда один, значит, свои апартаменты делит с другим мужчиной, тоже явившимся сюда в одиночестве».

Он помедлил.

— Иерн недолгобливает меня.

— Иерн не скоро вернется. Он повел свою лучшую эскадрилью смотреть на шторм над Заливом. — Фейлис торопливо прибавила: — Я вовсе не опрометчива. Выпьем чуточку вина, поговорим.

«И?...» Она удивилась себе... сердце заколотилось.

— Соглашаюсь с радостью, — ответил он. Они заторопились назад — вверх по рампе, мимо амариллисов, через тоннель, поросший грибами. — Ты всегда приносишь мне счастье, — проговорил он. — Я бирюк по натуре, но ты всегда очаровательна, и мне кажется, что сейчас сама Гей смеется.

«Не следовало бы позволять ему говорить подобные вещи, но мне тепло... по коже мурашки».

— Благодаря вам, добрый сэр, я согласна — нрав ваш склонен к уединению. Я слыхала, что вас называют человеком, не ведающим пороков. Впрочем, не сомневаюсь — люди могут ошибаться.

— О, конечно, я ведь тоже живой. Я люблю быть в форме, а для этого восхожу на горы, катаюсь на лыжах, играю в такую жесткую игру, как пелота*. А еще, знаешь, я играю на флейте и достаточно хорошо. Я вообще ценю искусство. Кроме того, я астроном-любитель. В ясную ночь на высокогорье звезды манят к себе мой дух, и он сливается с Геей...

Оживленно беседуя, они миновали Хозяина Зимы, фонтан, шестигранники, мельком глянули на маленький водопад, прошли бамбуковую рощу, поднялись по лестнице, вступили в заросший зеленью тоннель и по шаткому мостику направились к покрытой мхом подвесной дорожке. Она вернула их в будни Скайгольма, но это ничего не значило. Они расходились с встречными — вежливо и молча, стараясь побыстрее добраться до намеченного места.

Фейлис открыла дверь... все еще держа Джовейна под правую руку.

— Ого! — Иерн выпрыгнул из кресла. — Какого черта? — воскликнул он.

* Баскская игра в мяч.

— Но ты... ты говорил... ты сказал... — запинаясь Фейлис.

— Буря оказалась ерундовой, не стоила затраченного топлива. — Глаза Иерна сузились, и он выдохнул подбоченясь: — Не ожидала меня так рано, а?

— Сэр, — проговорил Джовейн, словно бы ударяя металлом о металл. — Ваша жена пригласила меня в ваши апартаменты, чтобы провести час или два за дружеской беседой.

— Об этом? — Иерн кивнул в сторону книги. — А потом, конечно, припрятала бы ее, не так ли?.. К моему возвращению домой, моя дорогая! Вместе с прочими уликами.

У Фейлис выступили слезы.

— Не смей так разговаривать со мной! — воскликнула она. Джовейн опустил ее руку, но оставался рядом.

— Подполковник Иерн, — проговорил он, — я не буду забывать о манерах и прибегать к грубостям, однако честь требует, чтобы я напомнил вам, что ваша жена — урожденная Мейн из Клана Эшкрофт.

Фейлис топнула ногой... В ярости она была невероятно хороша.

— Я тебе не рабыня из Хорасана! Я женщина не из гарема — из Клана. Свободная и цивилизованная!

Иерн побелел, ноздри его расширились. Внезапный страх поразил Фейлис. Иерн никогда ни с кем не дрался в ее присутствии, но был вспыльчив, как гасконец. (В памяти вспыхнули слова его приемной матери, видевшей причину этого в его происхождении. Опоздав с поступлением в академию, не знакомый с городским образом жизни, этот парень — при всем своем явном брежском акценте — был вынужден пробивать себе дорогу, завоевывать уважение своих соучеников.) Фейлис лишь однажды видела, как он взорвался. Они путешествовали по Нормании, где ни у Ферлеев, ни у Мейнов владений не было, а значит, и прав тоже: увидев пейзажа, в кровь избивавшего за какую-то провинность привязанного пса, Иерн соскочил с коня и хорошенько отделал мужика, а после этого на суде Клана и не подумал высказать сожаление о выбитых зубах.

Овладев собой, он проговорил сквозь сжатые губы:

— Майор Джовейн, я также не собираюсь нарушать приличный — соблюдем букву. Я утверждаю, что жена моя молода и наивна — если угодно, а вы постоянно подвергаете ее воздействию всякой злонамеренной чуши, которой она не в состоянии противиться. Я не могу предотвратить это законными средствами,

но я проверю, чего стоит ваша честь. Я требую, чтобы вы перестали вмешиваться в мою семейную жизнь. В противном случае в моем доме вы нежеланный гость. А теперь уходите.

Джовейн вспыхнул гневом:

— Это и ее дом!

Оскорбленная — это куда хуже, чем драка, — Фейлис переводила взгляд с одного на другого. Смятение охватило ее холодной арктической волной. Осев на пол, она зарыдала.

Успокоившись не менее быстро, чем вспыхнув, Иерн опустился на колени и обнял ее. Джовейн не шелохнулся, понимая, что попал в щекотливое положение. Приличия требовали, чтобы он уходил, но тогда надо будет признать свое окончательное поражение.

Гордость разыграла в нем и взяла верх. Джовейн остался.

Фейлис уже негромко всхлипывала.

— Пожалуйста, — промолвила она, — вы мне оба так дороги...

Иерн поднял ее, подвел к кушетке, уложил и подложил подушку под голову. Потом погладил по голове.

— Успокойся, любимая. Все будет хорошо.

Подойдя к буфету, он извлек оттуда бутылку вина и три бокала. Бросил кислый взгляд на Джовейна.

— Итак, цивилизованные люди не бьют физиономий, — подытожил он. — Давайте спокойно поговорим и выпьем, как полагается родичам из одного Клана.

— Благодарю вас, — достойным образом ответил Джовейн.

Иерн налил вина и раздал бокалы, однако ободком своего прикоснулся только к бокалу Фейлис. Она ответила дрожащей улыбкой. Тепло ладоней извлекло из бокала утешающий аромат. Джовейн прокашлялся:

— Сэр, не разрешите ли внести предложение?

Иерн склонил голову:

— Как вам угодно.

— У нас с вами накопилось достаточно недовольства друг другом, — заявил Джовейн. — Вам не нравится мое влияние на духовное развитие вашей супруги, мне — ваше, однако мы с ней встречаемся нечасто, и все время на людях. Безусловно, нам стоит обсудить все честно и с глазу на глаз, но сперва, я полагаю, необходимо разрядить атмосферу.

Напрягшись, Иерн проговорил:

— Что вы предлагаете?

Джовейн коротко хохотнул.

— О, ничего варварского. Никаких итальянских дуэлей, английских кулачных боев, эррианских пьянок — кто кого перепьет. Доброе здоровое состязание на солнечных крыльях. — Иерн с удивлением посмотрел на него. — Неважно, кто из нас победит, — проговорил Джовейн. — Главное будет заключаться в том, что мы чисто символически сразимся друг с другом, чтобы избавиться от взаимной ненависти.

— Мм-м... но честно ли...

— Я знаю, вы Буревестник. Ну а я предпочитаю планер. Вы должны знать, сколь коварен ветер в Приниях.

— Слышал. К тому же вы сражались с эспейньянскими истребителями... — Иерн взволнованно добавил: — Клянусь Чарльзом! Это будет интересно, не так ли?

Детали они обсудили, осушив бутылку до конца. Тем временем Фейлис обрела утраченное душевное равновесие. Наконец Джовейн тактично простился.

Глава 7

1

Обычно за состязаниями на солнечных крыльях следили тысячи, несколько схваток происходило одновременно. Так бывало на праздниках, где изобиловали всякие игры, соревнования и представления: от гандбола, бега и акробатики до шахматных турниров, демонстраций мод и балетных концертов. Стяги Кланов и штатов украшали стадионы, расцветавшие праздничными одеждами под музыку и приветственные вопли. Избранная дама с девичьим рвением вглядывалась вверх, стараясь заранее угадать победителей, которых надлежало увенчать гирляндами, а в синеве ныряли, поблескивая крыльями, летательные аппараты — повелители воздуха мерились силой.

Быть может, поэтому с первой минуты поединка Фейлис казалось, что обстоятельства складываются не так, как надо. Чувство это — поначалу она тщетно попыталась убедить себя в том, что оно абсурдно, — твердило ей, что затея добром не окончится. Вокруг не было привычных оживленных толп, радости и веселья, которыми до рассвета будет бурлить улица.

Она стояла на пастбище — вдали от всякого жилья. Невысокая, по лодыжку трава уходила во все стороны до горизонта, лишь на севере виднелся поросший лесом хребет. Переменчивый ветерок гонял по зелени серебристые волны. Вдалеке паслось стадо, возле него выступала заросшая сорняками гряда

каменной, должно быть, остатки жилища, стоявшего здесь до Судного Дня. (Проходя мимо него, она заметила растрескавшийся бетон старинного шоссе, куда менее стойкого, чем камни древнего Карнака, — с тех пор некому и незачем было расчищать дорогу или сделать новую из гравия или грунтовую.)

Несмотря на ветерок, было жарко: ароматы цветов и травы, запахи почвы, навоза ползли над пастбищем. На безоблачном небе позолотившее его синеву солнце медленно карабкалось к огромному ущербному полумесяцу Скайгольма. Сейчас в ярком свете дня Фейлис не могла разглядеть затененной части аэростата. Словно бы все тени исчезли из этого мира.

Невдалеке были привязаны кони, привезшие из Турнева людей, и две плоские платформы, доставившие солнечные крылья. Возле каждой из них находилось по несколько человек. Все были наземниками с наплечными полосами Клана Таленс на непохожих ливреях и повседневной рабочей одежде. Однако и они как будто бы разделяли зловещие предчувствия Фейлис, во всяком случае, осознавали, что предстоит не дружеское состязание, поэтому обе группы не смешивались и не заводили общего разговора.

Рядом на тонких распорках и хлипких колесах стояли оба невесомых аэроплана. Двадцатипятиметровый размах крыльев и яркие эмблемы все равно не внушали доверия. Фюзеляжи — прозрачный пластик, обтянувший тонкий каркас от пропеллера на носу до тонкого оперения, трепещущего под легким ветром. Аэропланы сгружал один человек, державший аппарат за шасси, остальным оставалось только придерживать крылья — чтобы не помялись. Не самолет — игрушка. Иерн был на собственном, а Джовейн как офицер-летчик одолжил крыло в местной академии, однако подобные самоделки, случалось, убивали людей.

К Фейлис подошел муж, костюм для верховой езды Иерн заменил набедренной повязкой, дополнив экипировку сандалиями и парашютом: всякий сброшенный грамм сработает на него. Мускулистый торс поблескивал потом, на широколобом лице сапфирами горели глаза, ветерок ворошил каштановые локоны, ослепительной белизной сверкали зубы. Поцеловав жену, он обдал ее запахом мужской плоти.

— Будь осторожен, — попросила она.

— Обещаю, но в разумных пределах — не до глупости. — И, прижав ее к себе, проворчал на ухо: — В конце концов, у меня сегодня на вечер есть кое-какие планы: смотри — завтра тебе будет ни сесть, ни встать. — Он расхохотался и направился прочь.

Вдалеке в одиночестве стоял Джовейн... Он поддел белую рубашку под парашютные ремни. Это подчеркивало в нем то достоинство, которое отбросил Иерн. Поприветствовав весьма благородным жестом Фейлис, он отправился к своей машине.

«Будь осторожен и ты, Джовейн!» — кричало ее сердце. Она вспомнила про то, как он приказал доставить взятый напрокат аппарат в мастерскую и провел там несколько часов, должно быть, изучая и приводя его в порядок.

Пилоты забрались в кабины, пристегнулись к весьма непрочным на вид сиденьям, прикоснулись к примитивным рукояткам. Солнечные батареи, покрывавшие верхнюю поверхность крыльев, начали впитывать энергию с неба. Пробудились электрические двигатели. Зажужжали пропеллеры. Медленно — против ветра — набирая скорость, солнечные крылья покатили по земле.

«О, если бы кому-нибудь из них сейчас подвернулся камешек под колесо! — молила Фейлис. — Тогда оба остались бы целы... и вся история завершилась бы одним поломанным самолетом». Впрочем, надеяться на это глупо. Мужчины проверили каждый сантиметр взлетных полос.

Солнечные крылья поднялись в воздух.

«Почему я боюсь? — спросила она себя, когда холодок сковал ее сердце. — Это же просто спорт, в котором приняты строгие правила. Победитель заставляет проигравшего опуститься к земле. Иерн утверждает, что занятие это безопаснее, чем конное поло».

Иерн по лихой спирали, Джовейн настойчиво и упорно — оба медленно забирались в небо. Свет играл на кругах пропеллеров, переливался на нижних поверхностях плоскостей. Теперь Фейлис не могла уже видеть насквозь прозрачную обшивку крыла... Но она знала, ведь знала...

Джовейн сделал вираж, накренив самолет... Фейлис едва успевала следить за событиями, но крылья Иерна сразу же оказались в тени — Джовейн прикрыл от него солнце. Если он сумеет удержаться в таком положении хотя бы минуту, двигатель самолета его соперника потеряет мощность, и Иерну придется либо опускаться к земле, либо разбиваться.

Или же вырваться на свободу! Нижний самолет резко вильнул, концами крыльев едва не задев соперника. Случись такое — обе машины разбились бы. Джовейн уклонился — избегая риска и воздушных потоков, подбросивших его хрупкий самолетик вверх. Иерн выровнял аппарат и повернул в обратную сторону. Должно быть, ввысь его нес восходящий поток... Наверняка он все заранее предусмотрел.

Теперь вверху оказался уже он. Закрывая восток, Иерн держался чуть позади, чтобы перекрыть свет лишь на половине крыльев Джовейна, догадалась Фейлис. И самолет южанина с ослабевшим мотором не мог уйти от него.

Но и Джовейн умел пользоваться воздушным потоком и, быть может, с большим искусством. Положившись на ветер и двигатель, он мог лететь. Но сколько? Фейлис слыхала, что соревнования, бывало, продолжались часами, пока усталость, замедлив движения соперников, не позволит верхнему полностью затенить крылья нижнего и заставить приземлиться.

«Это нечестно! Иерн моложе — на целых тринадцать лет!»

Словно бы в брачном танце солнечные крылья кружили по небу. Она не различала ничего, кроме шелеста ветра в траве и барабанного боя крови в ушах.

Кто-то из свиты обратился к другому, стоявшему неподалеку:

— Свихнулись они оба, что ли?

— Так уж они привыкли, Ханнес, — ответил второй.

Они говорили на алеманском — должно быть, на своем родном языке, а точнее, на его элсасском диалекте, полагая, что никто вокруг не сможет понять их. Но только не Фейлис, ведь она занималась развитием этой языковой семьи после Судного Дня.

— Да, — сказал его приятель. — Если ты из Клана, можешь позволить себе самые немислимые развлечения. Готт видит это. Они захватили лучшие земли в Домене, забрали себе самые большие фабрики и все, что хотели. Мало того, они же еще и обложили нас непомерным налогом.

— Нет, Фридри, тут ты не прав — ты же знаешь. Это наши господа в штатах дерут с нас налоги и выплачивают Химмельсбург его долю.

— Какая разница? Все равно из наших карманов — как ни крути.

— На самом деле это не слишком много... Не слишком много, если сравнивать с тем, что дерут с пейзаж в таких местах, как Эспейнь. И мы многое имеем от этого. В первую очередь и прежде всего — безопасность. Однажды мой дядя решил подработать наемником за Рином. И что потом он наговорил мне о войне!.. Нет, Фридри, радуйся, что эта старая ласковая луна еще торчит наверху.

— Это ты сказал, что они свихнулись, Ханнес.

— Йа, так я и сделал. Теперь в Кланах завелось много странных причуд и мотовства... бездумного, бесстыдного... особенно среди молодежи. Прежде такого не было.

— А кто платит — мы, наземники. Пойми, я не хочу показаться бунтовщиком или еще кем, но к нашему слову в Домене давно не прислушиваются.

Недовольная воркотня продолжалась: теперь многие ощущали угнетение, но в основном были попросту недовольны. Перемены прилетали из-за моря, ветер пригонял их, раздувая паруса иностранных кораблей.

Фейлис постаралась забыть о гортанном бормотании рядом. Всем своим нутром она устремила вверх. Джовеин попытался затормозить, чтобы соперник выскочил вперед, но солнечные крылья не способны опускаться прямо вниз, и Иерн быстро занял прежнее положение. Пляска в небе продолжалась.

«Кому же из них я хочу победы? И почему? Какая разница?»

Иерн — мой муж, грубый, неласковый и неверный. Джовеин же... что же? Сильный, ласковый, вдумчивый, под этой броней, ох, какой же ранимый. Он любит меня. А любит ли Иерн? Джовеин по духу ближе к отцу Иерна Доналу, чем к нему самому. Куда ближе, невзирая на противоположность их взглядов на мир. Для них сила прежде всего означает обязанность. (Да, Иерн достаточно добросовестен, но он просто выполняет свой долг перед Кланом и никогда не станет искать новых приключений на свою голову. Когда мы с Джовеином тогда шли из сада, он потерял самообладание и бросил в адрес Иерна — без уважения и с горечью — “золотой мальчик”.) Джовеин всегда хочет, чтобы я разбиралась в людях и событиях. Я стремилась к этому еще с юности, когда девочкой впервые усомнилась в Жезу. А потом я, как и эти двое бедных рабочих, усомнилась в том, что из абсолютной власти Кланов извлекают идеальную пользу. Джовеин сказал мне, что мы можем вновь обрести право на власть, если, подобно предкам, одарим людей чем-то новым. Они дали Земле мир и процветание. Мы можем подарить ей обновление».

Самолет Орилака повернул на север к высокому, заросшему лесом хребту. Аэроплан Ферлея, не зная жалости, преследовал его. Фейлис невольно восхитилась мастерством Иерна — он упорно преследовал своего противника, лишая его крылья света.

«А что делать, если они исчезнут из виду? Что, если случится нечто ужасное и никто ничего не увидит?»

Соперники скрылись за горизонтом. Она безуспешно пыталась вздохнуть... но что-то словно перекрыло горло...

На краю видимости — над холмами — крошечный фли-тер Иерна вдруг пошатнулся. Выскользнул из тени и самолет Джовейна, поднялся, описал круг и акулой бросился вниз на соперника.

Оба исчезли из поля зрения Фейлис.

Она не могла стронуться с места и оглянулась, лишь когда вокруг поднялся крик. И вдруг ее как будто подхватили чьи-то руки.

— Скорее, скорее! Прихватите с собой аптечку! — и бросилась к верховой лошади.

Перемешавшиеся обломки усеивали далекий склон. Солнце поднялось к полудню, и стихли все ветры. Отсюда можно было видеть дома, амбары, навесы, ветряные мельницы, теснившиеся возле северного горизонта, к нему тянулись огороженные пшеничные поля. Над головой призраком промелькнул рейсовый дирижабль, отправившийся из Турнева в Марсей*, и исчез.

Выпрыгивая с небольшой высоты, Джовейн сломал правую ногу. И теперь стоически покоился на траве, пока слуга его, знающий, как оказать первую помощь, обрабатывал ногу. Те же, кто приехал с Фейлис, стояли неподалеку, едва обмолвившись словом.

Иерн отделался синяками, теперь пантерой метнулся вперед и бесцветным голосом произнес:

— Мы столкнулись. Такое случается. Соберите все обломки и доставьте их в мой ангар — в утиль — для дальнейшей переработки. Пусть родича Джовейна отвезут в госпиталь. Мы с госпожой сами доберемся до дома. — Он не стал распространяться о длинном, обернутом в кусок ткани предмете, который держал в руках. Повернувшись к Фейлис, он добавил: — Прошу прощения, мадам, у меня есть для вас отдельное сообщение. — Она последовала за ним в сторону — на сотню метров. Остановившись, он обернулся к ней лицом и выпалил: — Джовейн пытался убить меня. Он задумал сделать это еще до поединка.

«Нет...» Она замерла онемев.

Стараясь скрыть от всех сверток, Иерн развернул перед нею ткань, показав Фейлис крупнокалиберную винтовку, и сразу же завернул ее.

— Она лежала в кабине, он рассчитывал воспользоваться ею, как только мы отлетим подальше, — сообщил ей Иерн. — Слышу — трах — свист. Вижу — две дырки в моем фюзеле-

* Совр. Марсель, Франция.

ляже в нескольких сантиметрах от меня. Я поглядел, он снова целится. Стрелял, понимаешь, прямо через оболочку своего аэроплана. Что мне оставалось делать? Эти стрекозы слишком медленны, чтобы удрать от пули. Пришлось врезаться в него, потом я выпрыгнул.

Она не могла ответить, не могла даже понять, верит ли мужу Иерн громыхнул смешком:

— Мы успели обговорить все на травке, прежде чем ты появилась. Надо отдать ему должное — несмотря на дикую боль, он выслушал меня. Я сказал, что ради чести нашего Клана не буду позорить его; итак, считаем — это несчастный случай. Но я сохраню оружие со всеми отпечатками его пальцев, а также куски пластика с пулевыми отверстиями. Интересно — подумал бы кто-нибудь искать в моем теле пулевое ранение? А он тогда просто поднялся бы выше, потом спикировал, выпрыгнул и спрятал бы винтовку. Кто заметил бы дырки на останках обоих аэропланов? И затем поведал бы тебе скорбную повесть о том, как мы случайно столкнулись... Ну, и что ты теперь думаешь о своем геанском наставнике, Фейлис?

Тьма накатывала на нее волнами.

— Что еще ты задумал? — выдавила она.

— Ничего, если он уберется восвояси, то есть к себе в замок, и займется там своими делами, не докучая нам обоим. — Иерн прижал жену к себе. После поединка от него разлило потом... Ей никогда не нравился запах его тела, но в этот миг следует сдерживать отвращение. — Клянусь Чарльзом! — вспыхнул Иерн. Щетина царапнула ей щеку. (Борода Джовейна казалась шелковой.) — Приобретение стоит потери — раз и навсегда отделаемся от этого сукина сына, не так ли, дорогая? Пусть слуги приберут здесь. А мы немедленно скачем галопом назад. Сейчас ты ляжешь, голубушка, и я тебя осчастливлю.

«Постараюсь изобразить радость».

2

Слезам капал тихий дождь в сгущающихся сумерках. Под уличными фонарями и освещенными окнами влагой отсвечивала мостовая. Здесь, в новой части Турнева, дома начали строить со времен благосостояния, крытые черепицей дома подымались на три-четыре этажа; но крутые фасады, массивные двери и ставни напоминали о временах смутных, предшествовавших процветанию. Фейлис, привыкшей к городской квартире, солнечной и современной, казалось, что на ее плечи лег тяжелый груз. Так одиноко было ей на улице в этот час среди

редких прохожих, велосипедистов; по камням мостовой копыта коня выбивали мерный ритм — как на похоронах. Добравшись до цели, она взялась за дверной молоток, и невидимые пальцы стиснули ее горло.

Дверь отворилась. Заметив гребешок Таленсов на ее капюшоне, дворецкий сложил вместе ладони и низко склонился.

— Мадам почтила наш дом своим присутствием, — проговорил он с абсолютной искренностью. — Чем я могу услужить вам?

Она едва сумела выговорить:

— Я... должна видеть... майора Джовейна.

— Кажется, он отдыхает, мадам. Он назначил вам встречу?

— Нет... но... я должна. Я думаю, он заинтересован в этом.

— Прошу войти, мадам. Позвольте ваш плащ?.. Если вы последуете за мной, мы узнаем желание моего господина.

Дом принадлежал семье Джовейна, но Орилаки редко посещали эти края. И сейчас в нем не было никого, кроме его самого и свиты, которую он привез из Эскуал-Эррии Норд, и постоянной прислуги. Под ногами Фейлис мягко шелестели ковры, с почерневших от времени резных панелей на нее смотрели портреты уже усопших людей... Она шла — вверх по лестнице, вниз — по другому коридору, в одну из комнат.

Дворецкий взял рупор и поглядел на нее.

— Кого мне объявить, мадам?

— Обойдемся без имени. Скажите ему... скажите, что я из Скайгольма.

Озадаченный дворецкий повиновался. Джовейн сразу все понял. В голосе его слышалась радость.

— Да,пусти ее!

Она вошла в комнату, заставленную тяжелой старинной мебелью, с темно-красными коврами на стенах. Дверь закрылась за ее спиной. Джовейн выбирался из кресла, опираясь на костыль. Он был в халате, черный бархат придавал ему болезненный вид, в свете газовой лампы она заметила новые морщины на орлином лице. Джовейн шагнул навстречу ей достаточно непринужденно. «Значит, травма не слишком тяжела», — подумала она, и тяжесть будто свалилась с ее плеч.

Они смотрели друг на друга, не отрывая глаз.

— Я не смел даже надеяться на такое, — прошептал он.

— Я пришла бы раньше, но не могла освободиться, — сказала она столь же тихо. — Я была просто в ужасе, опасалась, что ты уже уехал домой.

— Я собирался завтра отправиться в путь. Но... — Он облизнул губы. Фейлис была глубоко тронута тем, что столь мужественный человек может опасаться слов, которые собирается произнести. — Я могу остаться, если... А почему ты не вернулась в Скайгольм?

— Сказала Иерну, что нуждаюсь в отдыхе — настоящем, без тамошней тесноты... после всего пережитого. Он согласился отпустить меня на неделю, а сам отправился сегодня утром вверх на челноке. («Почему бы и нет? Анжелан согреет ему постель или кто-нибудь еще, если той не окажется на месте».) Мысль эта разгневала ее по-настоящему, выжигая застенчивость. Она заговорила громче, теперь уже без колебаний. — Я не могла прийти сюда раньше, чтобы он ничего не узнал. Иерн запретил мне встречаться с тобой.

Джовейн мрачно ответил:

— А что он сказал тебе обо всей этой истории?

— Я не могу верить его словам. Он сказал, что у тебя было с собой ружье, что ты стрелял в него. Что ему не оставалось ничего иного — как только протаранить твой самолет и выпрыгнуть. Он показал мне ружье. — Накатил гнев. Она схватила его за руку и впилась в нее ногтями. — Этого не может быть! Не может быть!

Джовейн покачал головой.

— Наглая ложь, — ровным голосом объявил он. — Он обдуманно пошел на столкновение. У моего самолета сразу отвалилось крыло, поэтому я не смог спланировать... и пока падал вниз, не смог вовремя отстегнуться и выпрыгнуть. Это он хотел убить меня. У него сломался пропеллер, однако он сумел сохранить высоту перед прыжком. А потом, когда мы еще были вдвоем, сунул мне под нос эту винтовку и пригрозил обвинить меня в том, будто я пронес ее на мирный поединок и воспользовался ею, если я не разорву все отношения с тобой и не перестану активно участвовать в политической жизни Домена.

Ощув вдруг дурноту, она припала к нему, Джовейн отставил костыль, чтобы обеими руками обнять ее. Губы его перебирали ее волосы. За мягкой тканью она щекой ощущала его сердцебиение.

— Винтовка принадлежала ему, — проговорил Джовейн. — Должно быть, прихватил ее на всякий случай, чтобы шантажировать. Если я не погибну.

— Сопrotивляйся. Потребуй суда Кланов.

Он грустно рассмеялся:

— Едва ли это разумно. Увы, я не могу доказать даже тебе, что не являюсь лжецом и незадачливым убийцей.

— Он говорил об отпечатках пальцев. Пусть покажет их... и пулевые пробоины.

— Они окажутся там, наверное, их уже сфальсифицировали... вместе с отпечатками пальцев... да, я взял в руки оружие, забывшись от боли и удивления, когда он бросил его в мои руки. Иерн тут же забрал ружье. На нем должны остаться и его отпечатки. Впрочем, любые отпечатки можно стереть, так что никто не догадается. — Джовейн вздохнул и обнял ее покрепче. — Нет, зачем мне вытаскивать на свет всю эту грязь? Ничего нельзя доказать. Все окончится просто скандалом, и ты, Фейлис, пострадаешь больше нас, хотя ни в чем не повинна. Я не хочу шума, а потому вернусь в родные горы... эта участь не пугает меня.

Она высвободилась, отступила на шаг, стиснула кулаки и крикнула ему в лицо:

— Ну зачем ему это понадобилось? Да, он эгоист и тщеславен... но я никогда не подозревала, что он — такое чудовище!

— Не преувеличивай, — пожал плечами Джовейн. — Будем считать это случайностью... Надеюсь, что когда-нибудь он пожалеет о ней. Просто он счел опасным высокопоставленного среди аэрогенов геанца, к тому же обладающего связями в Эспейни, которой он не доверяет. Я думаю, сильнее всего в нем говорила ревность. Он боится потерять тебя, зная, что мы с тобой всегда были близки по духу, хотя редко встречались лично. Он усмотрел в поединке шанс отделаться от меня и умело использовал его... Вот что, будем все-таки объективны. Он мог просто прикончить меня — я же был совершенно беспомощным — разбить череп прикладом винтовки и спрятать ее. И никто ничего не заподозрил бы. Иерн решил довольствоваться шантажом. Так что скорее всего он не намеревался меня убивать.

Она затрепетала.

— Скажи мне еще раз, — взмолилась она. — Повтори и не один раз, я должна в это поверить: говори — Иерн просто на миг обезумел.

— Потому что тебе придется жить с ним? — пробормотал Джовейн. — А надо ли? В любом случае он не имеет права решать, с кем тебе дружить.

— Ну... но он сумел подстроить тебе такую подлость? — задыхнулась Фейлис. — Что же касается остального... я тебе уже говорила. Мои родители — люди сельские и старомодные. Если я решусь на развод, горе отца делается в два раза тяжелее; ведь скорее всего именно мой тесть станет следующим капита-

ном, а папочка всегда утверждает, что, поскольку в Домене и без того довольно всяческих неурядиц, дом Капитана должен быть выше всяких скандалов. — Она отошла к столу и принялась нервно крутить чашу из резного хрусталя, вещь старинную и прекрасную. — Хочу напомнить тебе, — проговорила она, — что Иерн никогда не относился ко мне плохо. С его точки зрения, проявлял чистую доброту и благородство. Я выскочила за него по любви, однако, увы, ничего хорошего у нас не получилось, но он старается, как и прежде. Дело вовсе не в том положении, которое он мне обеспечивает. Если оказывается дома, он всегда ко мне пылок и терпелив. А если ему не удастся сдержаться, пулей вылетает из дома, но скоро возвращается — с роскошным букетом, тащит куда-нибудь в лучший ресторан... или придумывает что-нибудь в том же роде. Честно признаюсь, в семейной жизни я проявляла куда меньше рвения. — Фейлис повернулась к Джовейну. — Но как он мелок! — вырвалось у нее. — А теперь еще это. Я-то видела в нем честного человека, но после того что он сделал тебе...

Опираясь на костыль, Джовейн шагнул к ней. В разрезе халата Фейлис заметила поврежденную ногу — она была не в гипсе, а в лубках. Хорошо, перелом не тяжелый, только бы не было осложнений, и, видимо, не слишком докучает ему.

— Дорогая, — сказал он. — Не уходи от меня в тревоге за свою жизнь... Ничего не бойся. Говорю тебе, это, скорее всего, случайное совпадение. Я не хочу в чем-то винить его... Ты так очаровательна.

«А ты так благороден», — хотелось ответить ей.

Он потянулся к ней. Они опять были рядом. Пришло решение.

— Послушай, — проговорила она. — Я намереваюсь поддерживать с тобой связь — что бы он ни твердил. Конечно, если ты не против.

— Чего еще могу я желать?

— Мне нужны твои советы... Разреши мне писать тебе, как и прежде. Отвечать будешь на тайный адрес, откуда я буду забирать твои письма... Дорогие сердцу письма.

— Жаль, что тебе приходится идти на все эти уловки, — медленно проговорил он. — Ты чересчур чиста для подобных поступков.

— Увы, что делать, придется ловчить. Хотя бы временно, пока не найдется какой-нибудь способ изменить ситуацию.

— Найдется! — Он привлек ее к себе, и губы их слились в поцелуе.

— Найдется, любимый. А пока мы получили неделю быть вместе... Мне еще не приходилось изменять Иерну... Будь со мной ласков, дорогой.

И он не в силах был отказать ей...

Только поздно вечером Фейлис оставила его дом.

Глава 8

1

Достигнув известной меры Озарения, Ганна Уанговна Ким обрела наконец-то ясность, охватившую всю ее жизнь, принося с собой нечто большее, чем простое удовлетворение или даже счастье. И все это порождалось уверенностью в том, что она составляет единое целое с Геей.

Она не стала неуязвимой: боль и печаль все еще могли ранить ее. Так всегда и случалось, когда ей приходилось видеть несчастья других. Перечитывая исторические труды, она радовалась тому, что Красная долго наслаждалась миром и процветанием, а посему и страна ее, и сама она были избавлены от всяческих смут. Но Гея есть Гея, она дарует награды и в несчастьях, даже когда это заочное поощрение приносит всего лишь облегчение кому-то другому. Ганна старалась быть честной и избегать самодовольства. Уже одно призвание ее требовало этого, вырабатывая способность осознавать суть и духовный мир человека. «Ну, — говорила она себе, — мускулам хорошо, когда они используются, разве не так?»

В этот день Ганна вернулась от смертного одра старика. Она оставила его умирающего во сне, зная, что он не проснется. Слова и мантры*, совместная медитация даровали умирающему благословенное облегчение: тело его покорилося тому, что уже давно осознал разум: настало время свершения. Когда глаза старика закрылись, Ганна, повинувшись порыву, коротко прикасаясь губами к его губам, заметила на них улыбку. Старик еще чуточку улыбался, когда она ушла.

Она закрыла за собой дверь спальни, и сидевшие в столовой родственники встали и низко склонились.

— Он отдыхает, — сказала она. — И будет пребывать в покое до самого конца, которого теперь ждать недолго.

Они склонились снова.

* Аналог молитвы в буддизме.

— Достопочтенная госпожа, — проговорил седовласый старший сын старика. — У нас нет таких слов, которыми можно было бы выразить свою благодарность. Кто еще смог бы сделать такое?

Ганна подняла руку.

— Вы преувеличиваете, — возразила она. — Я только поговорила с ним. Вызовите своего врача, пусть он посмотрит, нужно ли дальнейшее лечение.

Сын ухватился за свою всклокоченную бороду, словно бы ему нужно было за что-то держаться, слезы заполнили уголки глаз.

— Нет, смиренно напоминаю, что отец просил вызвать именно вас, а не врача или священника. Разве мы осмелились бы иначе разбудить пророчину посреди ночи.

— Мне было бы жалко, если бы вы поступили иначе. Ваш отец прослужил верой и правдой в Библиотеке многие годы. И вся Библиотека в лице моей скромной личности выражает ему благодарность, и за эту честь я обязана вам и вашему дому, Сай Ильич.

Наступило долгое молчание. В окошко скользнул утренний свет, коснувшись фарфора в буфете, полок в книжном шкафу, плотно уставленных темными переплетами. А во всем прочем — скромное обиталище. Эта семья была из солдатаев, не достигших высоких чинов или же особого благосостояния; иные слугаи жили лучше. На глинобитном полу лежали соломенные маты. Возле стола, за которым ели хозяева, стояли пара стульев и скамьи. Из-за ширмы, отделявшей кухню, пахло теплом и пищей.

Старшая жена застенчиво проговорила:

— Не согласится ли Библиотекарь отобедать с нами?

Ганна подумала; голода она не чувствовала. В лучшем случае она обошлась бы привычной овсянкой и чаем, хотелось принять ванну и переменить одежду, а в этом доме ее будут старательно потчевать, к тому же затянут неловкий разговор, когда ей особенно требуется одиночество.

Но для них это столь важно.

— Вы так добры, — отвечала она.

...Потом она не сразу пошла к себе. Она оставила домик, сославшись на занятость, чтобы не пробуждать в сердцах излишних вопросов, а потом скрылась за продуваемой ветром цепочкой кленов. Из пригорода Дулу* она вышла на дорогу,

* Совр. город Дулут, штат Висконсин.

уводившую через луг, подальше от города и озер. Можно было погулять час-другой, а потом вернуться домой, чтобы привести себя в порядок. Неважно, что она опоздает на работу. Никто не станет спрашивать, зная заранее, что для этого у нее были веские причины. «К тому же нельзя считать себя незаменимой», — сухо отметила она. Но все равно следует привести себя в порядок после всего пережитого, чтобы даже ни на йоту случайно не навредить кому-нибудь.

Ласкавшее ее солнце превращало листву в изумруды, золотило рыжую шерстку пасущихся коров, рождало бриллиант в каждой капле росы. Луг исторгал благоухание из зелени и земли. Покой распростерся под небом, заставляя ее вдвойне ощущать свои шаги; движение собственной плоти, живой, пульсирующей, но единой со всей живой планетой.

А старый знакомец дорогой Илья Данивич Ли был... все еще есть и всегда будет. Жизненная сила забирала его изношенное тело, но его личность уже влилась в общий поток; так что он навсегда останется частью реальности, даже когда все, кто любит его, сами сольются с Единством. Достаточно такого знания человеку, хватит и меньшего, чтобы умереть с миром.

Понимание этого не сразу пришло к Ганне Уанговне: не в словах — чувством более непосредственным, подобным дыханию. И тогда она вновь одержала победу над очередной потерей — в этой ей помогал опыт. И горе растаяло, исчезло вслед за утренней росой и прокладой, мир лег на душу... и неизгладимое счастье. Повернув к городу, она заторопилась навстречу жизни. По иронии судьбы в этот самый день и пришли чужие солдаты...

События не отпускали ее до самого вечера. Оставшись дома, в одиночестве, она не сразу сумела избавиться от свежих впечатлений. Напротив, забыв о том, что пора готовить ужин, она принялась рыться в книгах и памяти, надеясь отыскать в них покой и согласие.

Сумерки незаметно перешли в ночь. Не зажигая огня, она недвижным изваянием застыла во мраке, в котором сгустками тьмы проступала ее скудная мебель. Свет, еще сочившийся с неба, струился в растворенные окна вместе с ветерком. Взгляд ее был прикован к призрачному букету цветов под свитком с аккуратной каллиграфической надписью; это была ее любимая мандала.

Она приняла новость со всем вниманием и незамедлительно приступила к исследованиям, ради которых приехал гость, принесший дурные вести. В глубине души голос кричал, что все напрасно. Но что же тогда может помочь? Вновь овладеть своими мыслями она сумеет, лишь преодолев ужас. Жизнь человека,

какой бы долгой она ни была, должна завершиться — это дело естественное, в отличие от события, о котором она только что узнала...

«Гея, Гея, мати наша... о чем можем мы молиться, зная, какую муку мы приносим тебе... Время — и энтропия, и иллюзия сразу. Прошрое, каким мы понимаем его, одновременно реально и нереально, как и то, что мы называем настоящим или грядущим. Придется обратиться к старинным анналам, одних воспоминаний сегодняшнего дня мало. Тогда я, быть может, вновь смогу одолеть чувство, которое губит во мне отвагу, и поверить в то, что и мои мысли, и сама я хоть в чем-то уникальны».

Дулу располагался едва ли не в сорока километрах к северу от ближайшей к нему насыпи камней, помечавших границу. И потому, Юанезские войска нередко занимали этот Краснаянский городок. Раздоры между двумя соседями бывали нередки, ссорились они едва ли не чаще, чем Юань, Чакри, Большарека и Улан с норренами и свободными мериканами.

Но эти чужеземцы жили далеко отсюда. Мерианов давно приручили и одомашнили (если не считать горцев на далеком востоке вместе с их соседями, обитавшими уже у побережья Океана Восхода; жалкие народы, чьи земли когда-то сочли не стоящими захвата), могло бы показаться, что у солдатаев не было причин для соперничества между собой. В самом деле, трудно было понять, что разделило их на пять государств: ведь по облику и языку, с точки зрения аборигенов, все они были монгами.

Ганна знала, что все не столь просто. Но должность заставляла ее знать обо всем, помогать людям сливаться в едином сообществе Геи. Сообщество солдатаев порождено было войной, основой его был воин и его полк; так было заведено с самого начала — по необходимости, — ведь предкам пришлось пробиваться с боем сперва из пустынных глубин Азии, а потом через весь новый континент. Однако покорившаяся монгам страна не могла остаться единой. Чакрианин, обитатель холодных лесов и студенох северных тундр, не был да и не мог быть похож на улана — наездника, привыкшего к прериям и полынным пустыням юга. На равнинах, разделявших оба края, обитали большареканцы и краснаянцы, обнаруживавшие вполне отчетливый россиянский элемент в своих культурах и крови. Однако юанезцы были ближе по крови к халканцам, маньчу, кореанам и синезам*, шедшим некогда в передовом отряде эмигрантов.

* Монголы, маньчжурцы, корейцы, китайцы.

И все же междоусобные столкновения обычно бывали менее жестоки, чем борьба с туземцами. Ложи Северо-западного Союза, города-государства и племена мериканов, обитавшие на юге Доны Мейки*, что жили за Рио-Гран**, были для пришельцев абсолютно чуждыми. Если солдатаи захватывали у них земли или же, наоборот, принадлежавшие солдатам земли захватывали соседи, побежденных ждала не просто оккупация; скорейшее преобразование нравов и обычаев, самого образа жизни, и тогда внуки становились не похожими на дедов.

Но, невзирая на все различия, все солдатаи восходили к общему корню. Разногласия между ними ограничивались территориальными, династическими, торговыми интересами... да еще честью: новым господам незачем было грабить, если достояние захваченного края переходило в руки местных жителей. Обычно грабили разбитые армии — отступая. Но даже тогда в обществе, издревле покорном закону и воинской дисциплине, женщина-солдатайка могла чувствовать себя в безопасности. Насиловать позволялось лишь женщин-слугаев из числа побежденных. Так что если провинция переходила из рук в руки, жизнь ее обитателей почти не менялась. Есть ли разница, с точки зрения простого солдата-пастуха, в том, кому платит налог и служит его полк, — юанезскому Тянь-Дзяну или Верховному Господину Красной; что ему до того, отчитывается ли его полковник перед имперским судом в Чай Ка-Гоу*** или перед лагерным Советом? Многие из оседлых слугаев и мерикан — не только фермеров, но и горожан-рабочих — должно быть, и не замечали никаких перемен.

Итак, улицы Дулу прекрасно помнили стук копыт вражеской конницы, звуки труб ее, помнили, как раскачивались и блистали наконечники копий врагов; однако за все времена они лишь однажды видели кровопролитие и два раза осаду, а за последние два столетия город посещали только торговцы. Мир сумраком сгушался над великой равниной, и поколение назад мгла его достигла гор Запада; там матери уже не говорили непослушным детям: «если будешь плохо вести себя, придет норрмен и заберет». Ганна Уанговна не знала войны, только читала о ней в трудах историков, воспоминаниях и отрывочных новостях из далеких краев. Вот и в молодости она сама ездила в Юань, в полковую школу, чтобы завершить изучение физики в Дедовском университете Чай Ка-Гоу; в тех же краях, в Доме

* Мексика.

** Совр. Рио-Гранде, река, по которой проходит граница штата Техас и Мексики.

*** Совр. Чикаго.

Откровения она узнала о Гее. Знание это преобразило всю ее жизнь, много лет она провела, служа Юанезскому учены. Вернувшись домой, она получила звание пророчицы — ясновидящей, и многие в свою очередь навевались к ней из-за границы в поисках просвещения. Караваны купцов — летом фургоны, сани зимой — из соседских краев были здесь привычными, как и торговые корабли, рыбацкие лодки с юго-восточных берегов озера Вышши*, которым владели юанезцы. Время от времени случались трения, но никогда — по радио, в журнале, в письме или устно — не слыхала она о серьезных разногласиях между двумя странами.

Тем тяжелее был удар, когда без предупреждения готовое к бою юанезское войско въехало в Дулу.

Она услышала шум и вышла посмотреть, что случилось. Стоял летний день, на редкость ясный для здешних мест. Глаза ее не сразу привыкли к яркому свету... потребовалось некоторое время, чтобы освоиться. Поначалу она ощущала одно только тепло, ниспадавшее на нее с неба — прогретые доски источали запах смолы. Балкон второго этажа, на котором она стояла, выходил на мощеную улицу; слуги содержали ее в чистоте: оба полка, совместно владевших поселком, ценили опрятность. Среди чисто прибранных домов рабочих — крутых крыш из красной черепицы с крашеными деревянными каркасами стен — там и сям виднелись городские дома офицеров с драконом на коньке, или увесистая туша купеческого дома, или храм с небесно-золотой луковкой-куполом. Вдалеке виднелись причалы, а за ними озеро уходило за горизонт... На расплавленном серебре вод мерцали праздные паруса, тяжело вздымались весла грузовых барж. Со стороны суши, за спиной Ганны, теснившиеся друг к другу дома разом уступали место пастбищам, огородам и лесопосадкам, вдали маячили сосновые леса, но сейчас их скрывало от нее здание Библиотеки.

Бегло обозрев все знакомое, она сумела наконец сосредоточиться на пришельцах. Всадников было около сотни, за ними следовали вьючные и запасные кони, находившиеся в распоряжении мальчиков... Итого — полная рота. Серо-зеленая форма, гребенчатые шлемы не могли принадлежать никакому из подразделений краснаянцев. Коренастые плосколицые воины, с раскосыми глазами не часто заезжали в эту страну. Хоругвь, поднятую над фургоном, украшала не белая звезда на черном фоне, а золотое солнце на алом. Но во всем прочем облачение было привычным — обязательный меч у пояса, в равной мере

* Совр. озеро Верхнее.

распределенные пики, луки и дорогие винтовки... Мул вез радиопередатчик... Путь пришельцам преграждал неподвижный эскадрон местных войск.

Тревога начала отступать.

«И все же... почему они прибыли сюда?»

Следуя обычаю, один из них, увидев, как она вышла на балкон, развернул свою лошадь и подъехал поближе. Он был облачен в столь же простое одеяние, как и все остальные, только знаки отличия на его плечах искрились под солнцем чистой медью.

Он грохотнул:

— Хоу-ох, приветствую! Мне нужен Библиотекарь.

Эти слова изгнали из души Ганны последний испуг. Его сменило негодование, прискорбное, вне сомнения, ведь она была не только геанкой, но и дочерью солдата, и выполняла обязанности, освященные временем задолго до того, как Каракану Ефремовику явилось первое Откровение. Она замерла на месте и негромким голосом, как требовали манеры геанства, проговорила:

— Библиотека Дулу, как и все Библиотеки, открыта любому, кто явился, желая познаний; мне выпала честь быть ее Библиотекарем.

Человек промедлил в седле буквально несколько сердцебиений — недвижимый и прямой. Устыдился ли он или же пожалел, что из уст женщины выслушал укоризну в священной формуле перед своими солдатами?

Заговорил он уже ровным тоном:

— С вашим почтением, преподобная госпожа. У меня здесь неотложные дела, важные и для Красной. Мы не захватчики, мы здесь по приглашению.

Сухая улыбка чуть тронула уголки рта Ганны. «Пригласили по требованию, — подумала она. — Пусть последний мирный договор и зафиксировал наше право на независимость, однако он же и лишил нас самых богатых владений. И с тех пор мы сделали страной скромных пастбищ и нигерских ферм. Наше единственное достояние составляют леса, но пушнина и лес не в состоянии прокормить много народу. И когда могучая Юань свистит, Красная виляет хвостом... Пока юанезцы не часто тревожили нас. И не пришли бы в город, не имея на то важных причин».

— Значит, вы будете приняты, — ответила Ганна. Если бы она немедленно удалилась внутрь Библиотеки, то произвела бы куда большее впечатление на гостей. Однако противиться испугу было немислимо. Офицер отдал приказ помощнику, тот

передал дальше — сержанту. Зазвучали трубы, звякнули гонги. Рота сомкнула ряды и направилась по Миньясота-стрит, строя предшествовали краснаянцы. Должно быть, они направлялись на поле неподалеку от города — там можно было стать лагерем. Командир обратился к двум своим воинам, которых оставил позади, и спешился. Боязливые мериканы начали выбираться из домов, мешаясь с солдатами, которые уже стояли на улице. Предводитель юанезцев помедлил, осматриваясь — и его нетрудно было понять.

Библиотека в Дулу была знаменита размерами и богатством своих фондов. С учетом сада и святилища ей принадлежало более гектара земли. Над вспомогательными строениями горой взгромоздилось главное здание, украшенное изящной колоннадой. Белыми кирпичами на фасаде были выложены изречения мудрецов, над входом мозаика изображала всевидящее око, чередуя мрамор, яшму, ляпис-лазурь, оникс и золото.

Но здание — только оболочка. Главное хранилось внутри: примерно миллион книг. Некоторые из них сохранились от цивилизации, предшествующей Смертному Времени и Миграциям... старомериканские или позже привезенные из-за границы. Много было и репринтов, точно воспроизведенных по оригиналам, хранящимся в прочих коллекциях. Но основная масса изданий хранила достижения в искусстве и познании поколений недавних... в особенности минувших двух-трех столетий. В Библиотеке сохранились карты, периодика, библиографические указатели, рисунки, фотографии, схемы... был даже современный компьютер, проделавший сюда путь на корабле из Нозеланна...

Ганна покинула балкон. Оказавшись в прохладном сумраке Библиотеки, она созвала своих помощников и аколитов. Первых она ободрила: вне зависимости от служебного положения, в основном это были слугаи, до мозга костей боявшиеся всего связанного с войной.

— Обратитесь к обычным делам, — проговорила она. — Страшиться нечего. (В справедливость двух последних слов не верилось и ей самой.) Аколиты были из урожденных солдатаев; они служили в Библиотеке и вместе с ее премудростями постигали геанские мистерии под руководством своей пророчины. Этих насчитывалось около дюжины, в основном молодые люди, среди которых было несколько девушек. В Красной — в отличие от других стран равнины — способная девушка чаще получала возможность стать кем-нибудь еще, кроме жены. — Образуйте Великолепный Строй и следуйте за мной, — приказала она.

Группа учеников в торжественных одеяниях, медленно высту­павшая за ее спиной, поможет поставить иностранного офи­цера на место.

Тот ожидал в фойе. Солнечный свет, пронзая цветные стек­ла, пятнами бросал краски на каменный пол. Когда Ганна и ее последователи спустились по большой лестнице, офицер по­военному поприветствовал их. Она отметила, что имеет дело с человеком приличным; пусть манеры его просты, но не он вино­ват в этом. Тренированное ухо лингвиста уже сумело по акцен­ту определить, что гость родом из провинции Е-минг *. Вполне вероятно, что он успел поучаствовать в последних пограничных стычках с Северо-западным Союзом в дни своей молодости и уж наверняка ловил бандитов в предгорьях.

— Приветствую, преподобная госпожа, — проговорил он. — Меня зовут Орлук Жанович Боктан, я нойон полка Бизона.

Медные ястребы на его куртке подтверждали: ее гость рангом уступал лишь полковнику своего полка. Одно его присутствие свидетельствовало о серьезности дела, даже если бы он не при­вел с собой целую роту.

— А я — высшая Ганна Уанговна Ким, Библиотекарь Ду­лу, приветствовавшая вас и предложившая помощь, — отве­чала она, кланяясь и принимая поклон.

Потом они смогли хорошенько рассмотреть друг друга. Перед ней был мужчина средних лет, подтянутый и сухопарый, с наго­ло бритой головой, бородой вразлет. Он же видел женщину лет под сорок, невысокую, хрупкую, как ребенок, с тонкими черта­ми лица на великоватой для такого тела голове. На сером одея­нии, подобавшем ее чину, не было никаких украшений, за исключением вышитого золотом синезского иероглифа «зна­ние», а на шее висел яшмовый диск, в который был врезан крест — эмблема геанского адепта.

Орлук натянуто улыбнулся.

— Не беспокойтесь, — заверил он. — Я не собираюсь лезть в ваши книги. Ваш майор Харсов сказал, что если кто-нибудь здесь способен помочь нам, так только вы. Нельзя ли нам пере­говорить с глазу на глаз?

— Конечно.

Отпустив своих помощников, Ганна повела его к своему свя­тилищу. Нойон был чуточку удивлен скромностью обстановки

* Совр. штат Вайоминг.

под пышными фресками; он уселся на скамье перед ее столом, скрестив ноги на западный манер. Она опустила на свой высокий жесткий стул и вопросительно подняла брови.

— Дело тайное, — предупредил он. — Если об этом узнают те, кому не надо бы знать, если они проведуют о том, что мы делаем, и подслушивают нас, могут вырваться на свободу такие демоны, с которыми не справится сам Октай.

На миг, почти бессознательно, она подумала, не язычник ли он; впрочем, офицер мог воспользоваться именем Тучегонителя, попросту чтобы придать силы своим словам. Во всяком случае, в искренности гостя трудно было сомневаться: выдержку его уже успела подточить крыса тревоги. Кожу подернуло холодком.

— Говорите же, — сказала она.

Нахмурившись, он тронул свою бороду. Вне сомнения, ему хотелось раскурить одну из сигар, которые торчали из нагрудного кармана, помедлив — почти полминуты — он выложил.

— Не обращались ли к вам люди, разыскивающие... уран, плутоний... ядерную взрывчатку? — Мозг ее словно взорвался. Ужас расширил глаза ее, пока гость безжалостно договаривал свои мысли. — У нас есть причина полагать, что уже в течение многих лет кто-то собирает ядерные боеприпасы. Неизрасходованные ракеты, снаряды, уцелевшие после Смертных Времен где-нибудь в забытых уголках. Конечно, агенты маураев давным-давно как будто бы собрали делящиеся вещества со всего света — я полагаю, что в этом нет причин сомневаться, — а потом, надежно упрятав смертоносный груз, затопили его в самой глубине моря... Недавно — мне не сообщали причин, но я полагаю, потому, что маураи сделали соответствующие предупреждения императорскому двору, — недавно мы разослали свои экспедиции по всей Юани, разыскивая забытые заряды; огромные в своих пусковых шахтах или прежде мобильные, брошенные старой мериканской армией, когда она рассеялась и погибла. Мы сумели обнаружить подобное оружие и в достаточном количестве; но все боеголовки отсутствовали. Причем они были сняты не маураями, сотни лет назад посещавшими наши края, но кем-то в течение последних десяти или двадцати лет. Об этом можно узнать по царапинам на металле, по степени их окисления... Стало быть, так: некто опять вознамерился оседлать под себя весь мир. А Юань занимает лишь часть тех земель, на которых древние держали свое оружие... Не хочу вас обидеть, преподобная госпожа, но Красная не обладает ни людскими ресурсами, ни организацией, способной провести подобное

дело с необходимой тщательностью. Нам придется обследовать глухие места, чтобы обнаружить забытые дьявольские устройства; быть может, нам удастся понять, кто роется в их могилах. Тянь-Дзян лично написал вашему Верховному Господину. Они согласились, что юанезские экспедиции должны совершить это дело. Я возглавляю первый отряд.

Гость откашлялся и умолк; на этот раз Ганне показалось, что более всего он хочет глотнуть из фляжки на поясе, в которой, бесспорно, был крепкий напиток.

«Неужели я обезумела! — простила она в душе. — Как можно браться за столь ужасное занятие?» Она заставила свои мышцы расслабиться, несколько раз глубоко вздохнула и мысленно прочитала мантру, обратившись к мандале. Через несколько секунд она смогла ответить спокойно:

— Я понимаю вас, нойон, и всем своим существом желаю помочь вам. Если такой враг вновь поразит Гею, Жизненная Сила ее может найти более радикальные целительные меры, чем новое Смертное Время. Но я боюсь, что у меня нет никакой информации на интересующую вас тему.

— Возможно, вы ею располагаете, не зная того; что, если где-то в грудях книг отыщется ниточка, которая приведет к удаче.

— Сомневаюсь. Но я немедленно распоряжусь, чтобы мой персонал безотлагательно приступил к этому делу, однако за истекшие века древняя коллекция прекрасно каталогизирована и индексирована. Наши новые приобретения, конечно же, окажутся бесполезными, не так ли?

— Возможно, и нет. Кто знает? Быть может, найдется какое-нибудь упоминание... мало ли что мог заметить какой-нибудь траппер в дремучих лесах. Кстати, преподобная госпожа, наверное, многие стремятся узнать об этом. Вы должны проследить за такими, в особенности за теми, кто пользуется старыми книгами.

— Верно. — Ганна, хмурясь, помедлила. — Извините, но я не сомневаюсь в том, что здесь никто не исследовал наши фонды в поисках интересующих вас данных. Если вы считаете, что подобное возможно, нойон, согласитесь, насколько это нелепо. Зачем преступникам оставлять здесь улики, способные изобличить их?

«Нет, — подумала она, — такие исследователи уйдут прямо в леса, к берегам озер: бдительные и внимательные, умеющие задавать невинные с виду вопросы местным жителям. Можно попробовать отыскать этих людей, нойон, однако, с моей точки зрения, занятие безнадежное. Наивным лесовикам эти изыска-

тели могли выдать себя за кого угодно, в зависимости от ситуации. Двадцать лет целенаправленных исследований, так выходит, войон? Возможно, мы опоздали». И она не смогла унять дрожь.

2

Внезапно, посещая владения, принадлежащие Клану в Вогезах*, Таленс Донал Ферлей охнул, схватился за грудь и пал мертвым.

Этого совершенно не ожидали. Успев разменять восьмой десяток, он сохранял телесную бодрость, не прибегая для этого к иным искусственным приспособлениям, кроме очков, а мужчины Ферлеев нередко доживали до девяноста. Негласная, но неоспоримая уверенность в том, что сеньоры Кланов изберут его Капитаном, когда одряхлевший Тома Сарк скончается, развеялась сама собой.

Этого хотели многие, не желая зла своему главе государства, но ощущая необходимость в том, чтобы Доменом правила более твердая рука. Годы принесли много новых угроз и надежд: торговцы и товары извне, а превыше — иноземные идеи разрушали старинные аксиомы. Более того, наземники все чаще косились на власть Скайгольма, а молодые аэрогены начинали считать подобные помыслы справедливыми. Геанство обретало вновь обращенных, но доктрина их грозила революцией... она сулила разрыв с теми, кто придерживался традиционных верований, грозила затяжной гражданской войной и распадом Домена. За Приниями** генерал Эспейни зализывал свои раны, полученные в Италии, копил силы и дожидался первой возможности. Племена за Рином, наперекор прежней отсталости объединялись, образуя конфедерацию, которая не могла не оказаться могущественной, и уже закупала оружие за рубежом. Новая Эра Изоляции была немыслима — экономика сделалась чересчур зависимой от внешней торговли, а потому и от хода событий по всей планете. Кроме того, в последнее время офицеры разведки то и дело получали зловещие вести от своих коллег-маураев...

И вдруг умер Таленс Донал Ферлей.

Похороны его были обставлены всеми подобающими почестями. Тело его, обернутое в триколор далеких предков, подняли в небо — в Скайгольм, а за ним и всех сеньоров, способных участвовать в церемонии; конечно, первое место было отведено непосредственной родне. Розенн, его жена, и Катан, мать его

* Совр. Вогезы, горный массив на северо-востоке Франции.

** Совр. Пиренеи.

сына, стоя бок о бок, вознесли молитвы — первая на франсее, вторая на брежане, а потом вдвоем на англее. Иерн вел процессию по коридорам, опустив горизонтально древко свернутого стяга; за ними маршировал караул — шлемы с плюмажами на локте, барабаны выбивали медленную дробь. В погребальной камере музыка была более тихой, произнесли несколько хвалебных речей, и капитан Тома прочел Отходную. А потом гроб скользнул за стальную дверь, на которой был выгравирован текст двадцать третьего Псалма*; вспыхнул белый огонь лазера; крышка люка, на которой чеканные слова призывали аним, распахнулась, и пепел Таленса Донала Ферлея унесли с собой ветры верхних небес.

После поминального обеда сеньоры сошлись на Совет. Невзирая на то что Иерну было всего двадцать шесть лет от роду, они избрали его в свои ряды... Не из уважения к памяти его отца. Власть сеньора — право голосовать по всем делам, касающимся Домена, служить управляющим и судьей — никому не представлялась просто так: ведь ни один Клан не мог иметь более одного сеньора на сотню взрослых членов. Все видели силу Таленса Иерна Ферлея, разумного, пусть и не совсем еще зрелого человека, его надежный, хотя слегка игривый характер; драматическая фигура нового сеньора импонировала не только аэрогенам, но и пейзазам — от Брежа до Дордойни и далее. Он будет полезен в Совете. И, быть может, его следует выбрать Капитаном.

3

Замок Валдор всегда был уединенным. Неподалеку от южной границы Домена высился он на крутом утесе, служа базой милиции, сдерживающей налетчиков, обитавших на высотах Приниев, от набегов на фермы и города. Варвары помалу утихомиривались, приобщались к цивилизации; наконец, Эскуал-Эрриа Норд выделилась в качестве штата. Однако высокогорья могли прокормить лишь горстку пастухов, поддерживавших тесные связи со своей родней за границей — в Иберье, чем с гасконцами к северу от них. Когда эспейньянцы оправились, восстановились и коммерция, но торговцы обычно горным проходом предпочитали морские дороги; так что, за исключением военной поры, Валдор редко посещали гости, а посему многие из Таленсов, владевших замком, старались проводить там как можно меньше времени. И лишь некоторые сумели одолеть

* Начинается со слов: «К тебе, Господи, возношу душу мою».

местный язык — трудный и не родственный ни одному из языков Юропы. Им приходилось прибегать к услугам переводчиков, чтобы общаться с личностями, не владеющими англеем или франсеєм.

Джовеин Орилак являл исключение в обоих отношениях. Он обнаруживал глубокую заинтересованность в благосостоянии не только слуг и арендаторов собственного поместья, но и проживавших поблизости селян и владельцев ранчо. За это его любили и видели в нем вождя. Подобные связи только окрепли, когда он провел целый год в своей резиденции, притом не про-являя стремления оставить эти края. Люди догадывались, что причиной всему было какое-то загадочное несчастье, но это — его личное дело. Однако, если он более не поднимается в Иледуциель и Турнев, чтобы сказать слово за них, то кто сделает это? Здешними землями полновластно правили местные магнаты, король же служил украшением. Сам Иледуциель казался в этих краях нереальным, он виднелся над горизонтом, только если взойти на вершину горы. Что сделали аэрогены для нас, эскуалдунов, бормотали пейзазы — только втравили в войну с нашими братьями в Иберье? Распространение геанских верований в этих краях лишь укрепляло общую подозрительность к властям Домена; немало помогали сему рассказы об иноземцах, приносящих свои заморские нравы в Франсетерр. Кланам при всей их наглости следовало помнить, что каждый мужчина-эскуалдун старше двенадцати лет носил оружие и умел пользо-ваться им!

Прежде чем направиться на встречу с представителем Эспейни, Таленс Джовеин Орилак постоял немного в башне возле открытого окна. Одолев себя, он все-таки решился на эту жуть — или же причиной тому была Фейлис — и теперь надеялся, что Гея дарует ему долю своего бесконечного внутреннего покоя.

Лето в высоких Приниях шло на убыль. Ветер, дунувший Джовеину в лицо, перед тем скользнув над заснеженным хребтом, впитал часть его холода. Трава внизу побурела, листва на редких дубах сделалась бронзовой. Долина — сады и рощи — еще зеленела, но готовые к жатве злаки пожелтели, да осенней сталью блестела река. Сверху ему была видна пара домов, горбившихся под дерновыми крышами, дым ключьями рвался из труб. Ближе — на склоне под самым замком — паслось стадо овец, ослепительно белых в поблекшем солнечном свете. Девушка-пастушка играла на деревянной флейте; до Джовеина

доносились минорные нотки. Но из всего этого он ощущал лишь шепот ветерка да еще напряженность, которую следовало изгнать из тела.

«Я делаю правильно, поскольку так будет лучше для Жизненной Силы, — заявил он себе. — Но если справедливость совпадает с моими желаниями... что ж — мои желания достойны... эволюционны. Я хочу вызволить из беды любимую женщину, быть вместе с ней, иметь от нее детей. И еще — спасти Домен от его нынешнего безумства, направить его на тропу мудрости, к знанию Геи, сделать Скайгольм маяком истины для всего человечества».

Он скрестил пальцы. «А искренна ли моя вера? Ведь у меня никогда не было истинного вдохновения... озарения. Мое обращение произошло чисто интеллектуальным образом, когда я попытался осмыслить ужасы, в которых мне довелось участвовать. А пьяница, обжора и развратник, старина-учены Маттас опять и опять воспримет единство жизни. Он ощущает экстаз; прочие, кого я встречал, осознавая единство, испытывают полную ясность; но провидец всегда выходит за пределы своей личности. Те же, кто подобны Фейлис и мне, со скорбью остаются в плену своего тела. Только мой телескоп умеет высвободить меня из этой плоти (туманность Ориона, где новые солнца и миры зарождаются почти на моих глазах) — и то не вполне.

Впрочем, если я могу подготовить путь для своих детей...»

Шаги вторглись в его сознание, заставили его обернуться. Вошла жена. Она остановилась посреди комнаты. Они обменялись взглядами.

В белом платье, под белоснежной шалью на белесых волосах... с нежной бледной кожей, присущей всей родне ее, Эйсонам из Клана Лундгард, она казалась призрачной, почти бескровной, лишь глаза горели на иссохшем лице.

— Я искала тебя, — проговорила она наконец, столь негромко, что он едва расслышал ее. — Можешь ли ты уделить мне несколько минут?

— Хорошо, но ко мне должны прийти очень скоро, — ответил он. — Не может ли подождать твое дело?

— Нет, — выдохнула Ирмали. — Большая часть наших дел может подождать, когда ты этого хочешь, но сейчас я имею в виду именно предстоящую встречу.

Он с нелегким чувством посмотрел на нее:

— Что ты хочешь сказать?

— Я внимательно наблюдаю за людьми, — проговорила она. — Иногда приходится. Человек, который явился, чтобы

договориться с тобой о торговле от лица своей компании, не эспейньянский купец — он держится как прирожденный солдат.

— Уммм... кажется, так о нем и говорили. Но что с того?

Она хотела подойти поближе, но остановилась, словно опасаясь прикоснуться к собственному мужу. Быть может, так оно и было. Он понимал, что ей пришлось собраться с силами для этого разговора. Она стиснула кулаки.

— Джовейн, — проговорила она. — Тот факт, что я не могу примириться с твоим геанством, не значит, что я дура. Я наблюдаю, думаю и сопоставляю. Весь последний год или более ты постоянно переписываешься, мне ничего не рассказываешь, но я постаралась узнать, откуда приходят письма. Вестники приходят и уходят, но я догадываюсь — по акценту, одежде, по тысяче признаков — откуда они берутся. Радио легче и дешевле, но ты пользуешься им только для обычных сообщений. Должно быть, ты что-то задумал и не хочешь, чтобы тебя могли подслушать. К тому же, Джовейн, я знаю тебя. Насколько далеко мы бы ни разошлись — я тебя знаю.

— И чем же, по-твоему, я занимаюсь? — отрезал он.

— Не знаю, еще не уверена, — нервно ответила она. — Опасаюсь, что ты вмешался в политический заговор и встречаешься с иностранными агентами... Джовейн, не надо!

Дунул ветерок, пошевелил ее волосы, прикоснулся к платью — живой ветер Геи. Джовейн впитал из него силу, в которой нуждался, и бросил ей вызов.

— Да, я веду конфиденциальные переговоры, но уверяю тебя, не затем, чтобы навредить Домену. Я не предатель. Но если ты допускаешь такую возможность, можешь денонсировать меня перед Скайгольмом.

Она отшатнулась.

— Я не могу этого сделать, — выдохнула она. — Я люблю тебя. И страшусь... за тебя же, за наших детей...

Теперь он смог подойти к ней, взять за обе руки (какие они холодные), улыбнуться в лицо (от нее, как всегда, пахло розами, как приятен был этот запах в день их свадьбы) и заверить ее:

— Ирмали, дорогая, это действительно крупное дело, но я не могу отрицать, что намерен исправить ужасное зло, приключившееся с нами. Пока я не могу сказать тебе большего... пойми, не могу. Верь мне, Ирмали, и ты получишь свою награду. — Он коротко прикоснулся губами к ее щеке, ощутив на ней соль. — Прости, я должен идти. Верь мне.

Он пошел к двери, уверенный, что она останется верной и только выплачется наедине. «Жезу Кретт! — проворчал он в

душе. — Если б только она не так нуждалась во мне!» Лестница, витками которой он спустился вниз, казалось, совсем закружила его, перепутала мысли. «Нет, я не прав. Ей нельзя отказать в отваге. Я же видел, как она год за годом отстаивала свою веру. Если бы только я мог быть с ней откровенным!»

Он улыбнулся. «“Ханжество, вот что смазывает ось вращения общества”. Так некогда высказался Маттас, сопроводив свое речение громоподобной отрывкой. А интересно, смог бы учены более пристойный, не столь земной негодяй, преобразить меня и направить к геанской философии. Да, я человек действия, но и идеалист одновременно... Ха, если бы мне удалось убить Иерна Ферлея во время той дуэли на солнечных крыльях! Моя неудача обошлась Фейлис еще в один год жизни с ним. И как бы моей прекрасной леди не пришлось заплатить большим. Но я скоро освобожу ее. Сегодня я сделаю огромный шаг... последствия его когда-нибудь соединят нас с тобой, Фейлис, милая Фейлис! Интересно, смогу ли я когда-нибудь признаться тебе в том, что он-то и рассказал тебе правду о случившемся на поединке. Наверное, нет. Я слишком люблю тебя, чтобы допустить столь излишнее потрясение.

А любовь — это проявление Жизненной Силы».

Лестница привела в коридор, завешанный гобеленами и трофеями. Слуги, попадавшие навстречу Джовеину, преклоняли перед ним колени; он не забывал отвечать им кивком и улыбкой. На пересечении со вторым коридором он столкнулся с Маттасом Олверой.

По сути дела, они едва не столкнулись. Как и всегда после обеда, старик был заметно пьян... Пузатый, в балахоне, заляпанном после обеда, провонявший потом, с бутылкой вина, он шатался, икал и бормотал отрывки из непристойной песни. Жирное лицо блестело, распухший нос горел угольком. Свисявшая борода, свисавшая до половины груди, скрывала яшмовый знак Земли, свидетельствующий, что он ясновидящий и пророк, учены и преподаватель истины. С того самого дня, когда запыленный Маттас явился сюда — пешком из Иберьи в качестве бродячего проповедника, он всегда утверждал что Гея не любит формальностей. Она не бог, Она — Есть, и это Единство даст понять каждому, каким ему надлежит быть.

— Ох, хо-хо! — возопил он, обхватив рукой шею хранителя замка. — Хорошая встреча, мой друг? Ты плетешь свой маленький заговор, а я иду к своей служаночке. Каждому свое!

После всех проведенных здесь лет его франсей оставался ужасным.

Джовеин выпрямился и отшатнулся.

— Прошу вашего прощения, сабио*, — сказал он, тщательно выбирая степень почтения. — Да, у меня переговоры, но по торговым вопросам. — Это было напоминание об осмотрительности: Маттас участвовал в деле с самого начала, он-то и связал Джовейна с сетью служащих Гее адептов в Иберье — и даже дальше за океаном, в Мерики, в обход правительств, наций и рас. Апостол бодро признавал, что во всех прочих отношениях он бесполезен; практическая политика не его призвание. Однако он умел объяснять всякому, что Жизнь Едина, и помочь тем, кто нуждался в его услугах, вступить в распространенную по миру коммуну. А еще — он утверждал, что жизнь дана для того, чтобы наслаждаться ею... Оставалось только завидовать ему.

Буквально на миг крохотные глазки учена прицелились в него стволами винтовок, ухмылка померкла и голос притих; Джовейн невольно усомнился в том, что учитель и в самом деле пьян.

— Господин замка, — проговорил тот, — геология и история в равной мере свидетельствуют о том, что существуют моменты, когда эволюция делает новый виток — к худшему или лучшему. Быть может, подобное событие произойдет через час. Если так, выпьем за прогресс.

Он расхохотался, извлек пробку, приложился к бутылке, пожелал хозяину добра и отправился к своей новой фаворитке.

Джовейн проследовал дальше.

Яго Диас Гарсайя ожидал его в назначенной комнате. Невысокий, борода лопатой, в полотняной блузе и полосатых брюках состоятельного бюргера Центральной Эспейни; Ирмали подметила верно, он действительно казался воякой куда больше, чем был на самом деле. Когда вошел Джовейн, Гарсайя привстал и изобразил полнейшее внимание. В конце концов, он мог находиться перед следующим Капитаном Домена.

— Добрый день, сэр, — приветствовал он Джовейна. Франсей его был безупречен, — с легким налетом гасконезских интонаций.

— Приветствую. Пожалуйста, садитесь. Не желаете ли?

Джовейн предложил коньяк и сигареты, хотя сам не курил. Это была не простая любезность, хозяин обязан сделать подобный жест, если представитель Клана Таленс встречается с посланником Женера Эспейни.

* Мудрый (исп.).

Тот был до бестактности прямолинеен и буквально через минуту уже спросил:

— Насколько серьезны ваши намерения в предполагающемся заговоре?

Джовейн поборол удушье, чтобы ответить с равной степенью откровенности:

— Стопроцентные. Я уже постарался все объяснить, но позвольте еще раз все повторить — вкратце. Потом, если вы сочтете мою позицию разумной, мы обратимся к подробностям. — Позволив глотку бренди прокатиться по пищеводу, он продолжил: — Я принадлежу к Домену Скайгольма. Поймите меня правильно, я предан только ему. Я воевал за свою страну, получил раны, рисковал жизнью, но тем не менее недоумеваю, почему мне так часто приходится обмениваться выстрелами с вашими воинами. Тем более если учесть, что народ ваш по большей части предан геанству; передо мной уже начали проступать контуры нового цикла всемирной цивилизации... Но не будем обмениваться лозунгами. Дело в том... — Гнев охватил его, кулак его непроизвольно ударил по ручке кресла. — Дело в том, что Таленс Донал Ферлей умер. После смерти Тома он был бы явным наследником капитанского места, хотя подобный исход едва ли следовало бы приветствовать. Однако Клан немедленно возвел его сына Иерна в статус сеньора, и поговаривают, что этот осел, этот технопоклонник, может быть избран... — Он глотнул. — К тому же Иерн — мой личный враг, и я способен сделать кое-что ради Геи. Ненависть может питать Жизненную Силу, не правда ли?

Диас Гарсайя кивнул.

— Полагаю, что так, — ответил он. — Я не адепт, как вы знаете. Я офицер и служу моему Женералу. Мы хотим только одного — чтобы следующее правительство Домена с большей благосклонностью отнеслось к законным интересам Эспейни, чем это делало прошлое. Если в дополнение правительство ваше станет геанским... что ж, тогда мы действительно сможем заложить ядро новой цивилизации. — Он затянулся сигарным дымком. — Очень хорошо, — проговорил он, — давайте обсудим подробности. Никто не знает, что произойдет. Например, кандидата менее противоречивого, чем Иерн Ферлей, будет сложнее отодвинуть в сторону, но в случае...

— Вы хотите получить оружие. Эспейнь не может предоставить его непосредственно: в таком случае разведка Скайгольма немедленно отметит, что мы производим больше, чем используем, и выяснит место, куда оно направляется. Однако в Мерике

мы связаны с Юанью, где можно найти посредника, который устроит сделку. А в наших горах очень удобно втайне тренировать людей... Словом, переходим к деталям, сэр.

Джовеина просто распирало от счастья.

4

*Лоза, Лоза моя, пусть сгустки солнечного света
Оставят запыленные бутылки, напомнив нам
Закаты льдистые и виноградник,
И кисти, налитые алым соком,
Что слаще поцелуев,
Которыми мальчишка наделяет свою девчонку,
Когда скрестятся легких две тропы.
И не считай им цену!
Альдебаран среди Гиад не столь уж ярк,
Как пламенный кларет*, что сердце согревает.
Ни золото, ни белизна зимы на море
Не схожи с мягким током шардонэ*.
Так пей же, пей — доколе не настало время уходить.*

— И вновь наши смиренные виноделы сотворили свое повседневное чудо... — Плик на время умолк... — Ба! — фыркнул он, извлекая сокрушительный дискорд из своей лютни и хлопнув инструментом по столу. — В изобилии, так что нам хватит. Налей-ка доверху, моя дорогая.

Сидевшая напротив Сеси удивленно глядела на него из-за свечей, пытавшихся разогнать сумрак. Примеру ее на скамьях за ближайшим столом последовало четверо посетителей — моряк, пара рабочих и пейзаж, приехавший на рынок, — более в «Золотом петушке» никого не было. Посетитель повалит попозже, когда мужчины пообедают дома, как сейчас это делал хозяин, наслаждавшийся обедом наверху в обществе своей семьи.

— Почему ты остановился? — спросила барменша. — Чудесная песня.

— Ерунда, — фыркнул англеман, — избитая донельзя. В ней нет ни капли вдохновения. Потом мне просто вдруг надоело квакать банальностью о вине и любви, когда можно выпить. — Ис внезапной игривостью добавил: — А потом заняться любовью!

Сеси качнула головой:

— Разве твоя песня предназначалась не мне?.. Ты умолк прямо на середине.

* Марки вина.

Плик вздохнул:

— Да, я намеревался воздать тебе должное, но эта песня, увы, не достойна моей Лозы. — Плик покачал головой, прищелкнув языком, склонил набок. — Обещаю тебе сочинить что-нибудь получше. — Он помедлил. — Кстати... могла бы и предоставить мне повод для вдохновения. Сама знаешь какой, пышечка. Начнем с бокала бургундского.

— Я заплачу, Плик, — предложил на брежанеге рабочий.

— Спасибо тебе, Ропарж, — ответил поэт на том же языке. — Если ты способен повторить угощение еще разок, тогда я, возможно, сумею сотворить другую песню... настоящую, что-бы забурлила кровь в жилах.

— Только на нашем линго, ладно? А то я не слишком хорошо понимаю англэй. А как насчет твоей «Бандитской баллады»? — Ропарж повернулся к своим компаньонам. — Тебе она тоже нравится, не так ли, Конег? И тебе, загородник, понравится... не сомневаюсь. Бодрит.

Плик подумал.

— Так она ж подрывная. — Многочисленные куплеты песни превозносили подвиги — боевые, за пиршественным столом и в постели — полупоэтического разбойника Жакеза, пять столетий назад ставшего наконецником копья в отпоре, оказанном пейзажами угнетателю Местромору. — Она популярна среди ваших — я слышал, как ее орали на окраинах Кемпера и в селах. Стоит, должно быть, того, чтобы пели.

Ропарж поскреб в своей гриве и задумался. Конег буркнул:

— Ях-ух. А ты знаешь, как теперь харч вздорожал? И жильё, и все прочее. А зарплата стоит на месте. А может, наша Лига заставит главного мастера повесить нам расценки? Нет?

— Но городские Лиги настаивают... — начал фермер.

Конег ядовито закивал:

— С тем же успехом они могут просто походатайствовать за нас перед святыми через голову Местромора.

— Что твоим драгоценным святым твои беды... Они их не волнуют, — взорвался моряк.

Человек этот не первым в здешних стенах говорил без уважения об аэрогенах, но Сеси показала матросу язык, а Плик проговорил:

— Они в этом не виноваты, дело в их собственных законах. По договору об аннексии они не имеют права вмешиваться в домашние дела штата. Если они попробуют пойти на это, вы, брежане, взвоете, как и все в Домене.

— Нечего все валить на нас, все равно мы выращиваем харч, — возразил пейзаж. — Нас давят не меньше, чем вас; однако нашу ассоциацию кастрировали только на половину яйца. Но она все равно не может остановить поток дешевого зерна с юга в Ар-Мор. Мы разоримся, если не сумеем закупить хоть немного современных комбайнов на десять лошадей; а ты знаешь, сколько они стоят?

— Да забудь ты свою Лигу, — буркнул моряк. — На хрен ее. На хрен все Лиги. Когда-то они были полезными... в старые времена людям приходилось держаться друг друга, но теперь они — только ярмо на твоей шее... Настырное ярмо, вечно сующее нос в чужие дела.

— Отрадно представить себе ярмо, что лезет в чьи-то дела... в этом есть, бесспорно, эльфийское очарование, — заметил Плик.

Сеси отправилась, чтобы принести ему вина.

— А чем же заменить их? — спросил Ропарж.

— Ничем, — отвечал моряк. — Просто упразднить их. Упразднить вместе с главными мастерами, со всяким клепаным чиновником, которого мы унаследовали от прошлого. Пусть люди добывают себе пропитание сами и как умеют; пусть плывут или тонут, коли не могут плыть. Если они хотят работать вместе — чудесно. Но пусть делают это по своей воле, пусть всегда имеют возможность и право выйти из дела.

Пейзаж в удивлении глазел на матроса. Горожане, более привычные к странным мнениям, призадумались. Сеси принесла Плику полный бокал. Он основательно приложился.

— Теперь не знаешь, кому можно верить, — наконец произнес Конег.

— Я рассказал вам, как это делается в Мерики... в Северо-западном Союзе, — произнес моряк. — И вполне обходятся, так ведь? Не то чтобы я сам бывал там... я даже не рассчитываю оказаться в этих краях. Но я разговаривал с их экипажами, которые добирались до наших берегов.

Дверь на лестницу распахнулась. Холодный ветерок пронзил дымный воздух таверны. За дверью в бледных сумерках падал снег. На улице, как и повсюду в городе, горели цветные фонари: до солнцестояния оставалось только три дня. Две персоны закрыли за собой дверь и спустились в зал. Снег запорошил их плащи и шляпы. За ними влачили тени, огромные и тревожные, как мрак вокруг очага. Плик пригляделся и внезапно воскликнул:

— Ну вот, заговорили о тузах и вытянули флешь-рояль! Вот вам и знатоки своей собственной персоной, если вы хотите

продолжить ваш разговор о Северо-западном Союзе. — Худощавая фигура поэта сперва распрямилась, а потом изобразила поклон. — Приветствую вас, сэр и леди, — произнес он на английском. — Выпейте с нами. Не сомневаюсь, что вы пришли сюда именно за этим, а посему приглашаем вас — присоединитесь!

Пара приблизилась.

— Наши благодарности, — ответил мужчина с акцентом на бойком французском. — Наверное, собравшиеся предпочитают этот язык? Он подталкивает иностранцев к вежливости.

Возле стола он остановился: невысокий, довольно уродливый человек с кривым лезвием носа, ледниковыми глазами, короткой седой бахромой вокруг скверных зубов. Одежду вошедшего, как и его спутницы, описать было сложно. Все внимание мужчин немедленно обратилось к ней, и не потому, что женщины в этих краях редко выходили в брюках. Высокая блондинка, молодая и симпатичная, казалась какой-то диковатой, хотя вроде бы не давала оснований для этого.

По-прежнему размахивая бокалом, Плик вежливо представлял собравшихся...

— Перед вами восхитительная Сеси, по достоинствам прозванная Лозой... Она готова обслужить вас. Чего изволите? Я заказываю, если джентльмены не захотят разделить расходы. Офицеры из Северо-западного Союза не часто заскакивают в нашу любимую гостиницу. Откровенно говоря, мы их здесь никогда не видели, так ведь? Это честь всему заведению, прошу.

Мужчина скроил неожиданно любезную улыбку и помахал компании.

— Меня зовут Микли Карст, — произнес он.

— Роника Биркен, — представилась женщина. — Сэр, неужели вы тот самый поэт, о котором мы слыхали? — Ее французский, откровенно говоря, никуда не годился.

— Время от времени сочиняю куплеты, — ответил Плик. Они уселись за стол, и Сеси приняла заказ: — Все, что тебе заблагорассудится, моя очаровательная, только в пределах возможностей этого тощего кошелька.

Микли Карст извлек пачку сигарет, пустил было ее по кругу, но получил отказ: Плик попросил Сеси принести ему глиняную трубку и запалил ее с помощью зажигательного устройства, вызвавшего многие комментарии. Затянувшись, иностранец спросил:

— А как вы вдруг узнали, откуда мы? Ложи не часто гостят в Европе.

— Так, но корабль из вашей страны прибыл сюда два дня назад, — объяснил Плик, — и весьма внушительного вида. — Он добавил для Сеси и пейза: — Пойдите посмотрите, если представится случай. Огромный катамаран с четырьмя мачтами да еще с самолетом. — Он метнул взгляд в пришельцев, в особенности на Ронику. — Несколько членов вашего экипажа забрели к нам вчера. Я пел — им, похоже, понравилось. Осмелюсь предположить, что вы, должно быть, от них узнали обо мне и пришли послушать.

Роника кивнула.

— Правильно, — сказала она. — Мне нравится хорошая песня. Быть может, вам хочется услышать какую-нибудь из наших?

— Вне сомнения, даже если я не пойму ни слова. — Плик извлек кiset с табаком и начал вновь набивать трубку. — Ваши люди, двое из них, сумели осилить крохи англея, сказали, что сперва вы побывали прямо в Северной Эспейни и, прежде чем направиться сюда, провели три недели в гавани Бильбы*. Но с какой целью, они умолчали. А вы можете внести ясность?

Микли развел ладони.

— Мы прибыли сюда, так сказать, в дипломатических целях, — проговорил он. — У меня и моих спутников были дела в Эспейни. Зеваки в Кемпере могут не спешить, поскольку наш корабль наверняка пробудет здесь несколько месяцев, пока экипаж не закончит все свои дела. Иные из них относятся к торговле — скажем, речь идет о тарифах, другие же просто представляют взаимный интерес. К сожалению, не могу сказать вам большего.

Но большее никого и не интересовало. Аристократы Домена, аэрогены и наземники не занимались своими делами на публике.

— Ладно, — ответил Плик, — надеюсь, что, когда дела приведут вас снова в Кемпер, вы посетите «Золотой петушок». А пока займемся единственно стоящим делом из всех, а именно — выпьем.

Вечер выдался особенный, но не из тех, подробностям которых стоило придавать значение. И мало кто помнил, что к концу вечеринки Роника Биркен вскочила со стула и, подняв бокал, провозгласила тост за восход Ориона. Микли Карст немедленно стащил ее вниз. Никто не знал, что подобное могло означать — у иностранцев странные причуды.

* Совр. город Бильбао на северном побережье Испании.

Когда его яхта вошла в бухту, Тераи Лоханнасо взялся за такелаж и на минуту повис на расчалке, отдаваясь на волю стихий.

Ветер нес навстречу ветер и соль, пронзая свет, омывавший плоть теплом; порывы подгоняли белопенные гребни. Живой сапфир то звездился бриллиантовой пылью, то отливал изумрудом там, где солнечный свет встречал валы — живой, текучий, подвижный; где-то далеко впереди буруны смеясь набегали на берег, отдавая ему свою пульсирующую мощь. Над головой кружили и взмывали чайки. Впереди горы подковой охватывали берег, у подножия их гнезился городок. Вершины гор поросли лесом, летней зеленью в тысяче оттенков ее. Только там, где река вырывалась к морю, редкие покосы ждали косаря. Над ними, на западе, громоздились высокие облака, золотое прикосновение заходящего солнца растворяло их белизну в глубокой синеве. Восхищенно вскрикнув, Тераи оттолкнулся и нырнул. Шлюп направился дальше. Тераи чисто вошел в воду, прорезая ее до холодных глубин, где, лаская его тело, янтарная вода сделалась аметистовой. Поднимаясь к поверхности, он заметил приближающийся длинный силуэт; Хити, домашний дельфин, весь день сопровождал яхту, подталкивал корпус, попрошайничал с каждым новым прыжком, — молил, настаивал уже кого-нибудь присоединиться к нему.

Они вынырнули на поверхность одновременно. Кормчий Рану, старший сын Тераи, повернул лодку... мелькнул гик, большой парус и рея. Девушка, приглашенная Рану, обнимала его за плечи. Второй сын Тераи, Ара, был ангажирован подобным же образом... возле старшей дочери Мари стоял ее приятель. Стройные, легкие, загорелые, блестя кожей, едва прикрытые купальниками, они стояли вдоль борта, а их темные волосы трепал ветер. Приятно было посмотреть. (Младшая Парапара предпочла провести первый день школьных каникул на детской вечеринке, намекая тем самым, что в десять лет ее уже волнует эротическая атмосфера, которой по возрасту она еще не в состоянии разделить.)

— Эхой! — воскликнул Тераи. — Бросайте якорь — поплаваем!

Младшие обменялись взглядами.

— Если ты, папа, настаиваешь... — откликнулся Рану с неловкостью. — Но мы бы хотели на берег. Мы намеревались... во всяком случае, я думаю, что нам лучше...

Тераи ухмыльнулся. «Чего еще следовало ожидать? В таком возрасте и восьми часов плавания с древним, по их мнению, старцем хватит с избытком. Веселье было и кончилось, теперь все нуждаются в уединении, чтобы заняться любовью».

— Ну, как хотите, — ответил он, помахав рукой, чтобы показать, что нисколько не задет отказом. — Я останусь здесь — ненадолго — а вы отправляйтесь куда вам вздумается.

— Папа, а ты уверен в том, что поступаешь разумно? — спросила Мари.

Тераи подплыл ближе.

— Моя дорогая, — крикнул он из воды. — Я и сейчас могу побороть каждого из твоих братьев три раза из трех; а Хити доведет меня домой, если я устану.

«Еще я могу как следует повеселить вашу мать; но сперва так хочется вволю поплавать. Слишком далеко был я от дома».

Он ездил на электоральный съезд представлять свое племя уривера. Королева состарилась, и здоровье уже подводило ее, а в эти бурные времена разумный заранее обсудит, кого почтить возведением на трон; конечно, сила монарха теоретически была весьма ограниченной, однако на практике производила могучий эффект, когда король или королева обращались к мана* — моральной силе своего ранга. Тераи прежде неоднократно отвергал требования старейшин, уговаривавших его в качестве магната представлять уривера в парламенте. Тогда ему пришлось бы оставить флот, не имея при этом склонности к политиканству, а тем более к формальной политике консенсуса, привычной в столь консервативной цивилизации, как маурайская. Однако он считал себя в долгу перед своим племенем, забывая о том, что уже отдал всей стране в целом.

Рану расхохотался.

— Ну что ж, завтра с утра можно будет и побороться, — сказал он. — Ладно, папа, лодку я оставлю у причала. Но мы, наверное, не придем на обед.

— Хорошо, иначе я бы разочаровался в вас, — ответил Тераи, и суденышко отправилось дальше под взрыв общего веселья.

«Хорошие ребята, — подумал он. — Только, по-моему, у них ничего не выйдет, разве что у Рану с Алисабет — молодежь всегда жаждет разнообразия, прежде чем утихомириться, — но

* Сверхъестественная сила, приписываемая народами Полинезии некоторым людям и объектам.

я бы не возражал против брака любого из моих детей с нынешним приятелем или приятельницей. — Он наморщил нос. — Эти, кажется, не из тех, которых я часто встречал в городах».

«Почему? — подумал он, быть может, в тысячный раз. — Зачем они рвут со старыми нормами; как обезьяны, копируют иноземцев, бурчат “о моральном падении мира, замкнутого в клетке износившихся институций”... а поступление рекрутов во флот уменьшилось до небывалых, пугающих цифр... Ах да, Энергетическая война потрясла всех; она и мне самому доказала — мы не ангелы. Но нас вынудили — разве не так? И если мы намереваемся передать чистую и безопасную планету тем самым детям, которые ныне жалеют ее... Но, Лесу Харисти, война ведь закончилась двадцать лет назад!»

Прикосновение клюва Хити вывело его из задумчивости. Тераи ощутил благодарность. Задумчивость была чужда его природе, тем более когда мысли ранили. Вместе с дельфином Тераи направился в бухту. В ней было полно лодок. Заметившие его экипажи подступали поближе, чтобы приветствовать. Возле рифа он нырнул, прибегнув к помощи спутника, чтобы восхититься подводными глыбами и яркими рыбами. Сегодня он смог остаться под водой лишь около трех минут, но ведь он попросту освежал в памяти сцены, изученные с аквалангом.

Что за дивный, таинственный и многоликий мир!.. И насколько душераздирающе уязвима наша планета!

Чуточку утомленный нырянием, Тераи взобрался на спину Хити и последний километр ехал верхом до причалов. Поднявшись на борт опустевшей яхты, он обнаружил нарезанную ветчину — угощение для своего «коня», вытерся полотенцем, надел рубашку, брюки, сандалии. Сейчас ничто не волновало плоть Тераи: ни молодость, ни нагая кожа. Быть может, подумал он, начинают сказываться годы — не только в седине и морщинах...

Небольшой городок в основном жил торговлей, было в нем несколько небольших фабрик... подобно жителям отдаленных островов и в отличие от нозеланнеров люди племени уривера обычно предпочитали жить семьями на земельных участках, разбросанных по обширной территории; земледелие в значительной мере обеспечивало их существование как непосредственно, так и в производстве продуктов для торговли. Переехавшие сюда из отечества отдавали тяжелый и долгий труд свой горстке предпринимателей. Легкие дома, украшенные при-

чудливой резьбой, выстроились вдоль вымощенных кирпичом улиц, круто поднимавшихся кверху. Дети играли с животными, музыкальные инструменты и голоса пели на верандах, хохот наполнял таверну, на площади плясали. Деревья раскинули ветви над его головой: пальмы, каури, матаи, ивы; в ветвях перепархивали певчие птицы; цветы и лианы окружали почти каждый дом; вечернее благоухание цветов и соблазнительные запахи кушаний говорили — ты дома.

Повсюду канаки и вахины приветствовали Тераи... приглашали к себе в гости поболтать, выпить, но он вежливо отклонял предложения. Тераи стремился домой, его ждал тодди с ромом, жена и постель; нужно было порадоваться маленькой Парापаре, когда та вернется домой... а потом — обед перед камином, и пусть огонь пляшет на бревнах, весело потрескивая. Конечно, приглашения радовали его: иные из старинных семей утратили связь с простым народом, безусловно, Лоханнасо в этом были иными. Вот и сам он, несмотря на занятость офицера морской разведки, сумел не растерять друзей своего детства.

Его дом мало чем отличался от прочих жилищ. Да, он возвышался над великолепным видом и пышным садом, но, за исключением размеров, был таким же, как остальные; постройки, где обитали слуги — по большей части родственники, — имели свои точные копии на многих фермах и ранчо. Возле жилищ были стойла и конуры, а еще — мастерская, где Тераи услаждал свою душу творчеством, изготавливая разные поделки. Но богатыми эти сооружения не назовешь. Под кров свой, подобно сороке, он успел натаскать коллекцию предметов со всего мира, но и это тоже было обычным в Маурайской Федерации, рассылавшей свои корабли по всему миру.

Он вошел в открытую парадную дверь. Соломенные циновки, кленовые панели... широкие окна наполняли прихожую светом.

— Хелло! — игриво взревел он.

Явилась жена. Он шагнул, чтобы обнять ее. В свои сорок лет с хвостиком Елена оставалась вполне привлекательной: невысокая, изящная, волосы, посеребренные белизной — словно светящиеся гребешки на ночных волнах. По рождению она принадлежала к Бовену из племени Те Карака; они повстречались в инженерном училище, когда флот послал его на повышение квалификации; едва познакомившись, они стали любовниками; потом переписывались, когда он участвовал в Энергетической войне, и поженились, как только их родители подписали брачное соглашение и устроили подобающее празднество.

— Мм-м, — мурлыкнул он ей прямо в ухо. — Волнующе пахнешь, вот что. — А затем, ощутив, как напряглась она в его объятиях, отпрянул назад, снял руки с ее бедер и заглянул во встревоженное лицо: — Ну, что случилось?

— Не знаю, — ответила она. — Тебя по радио вызывал сам Арутуру Хаакону. Он сказал, что ты должен немедленно прибыть к нему, удобно это тебе будет или нет. — Тераи нахмурился и закусил губу. — Он объяснил мне, будто прекрасно знает, что ты отсутствовал дома, исполняя обязанности электора, и с сожалением вызывает тебя на работу в подобной спешке, — продолжала Елена. — Но не стал объяснять ничего. По-моему, он не склонен шутить в серьезных делах.

— Да, это так, — согласился Тераи. — Такого не бывало после гибели его сына... Значит, так: завтра я отправляюсь утренним поездом из Напири*. Если хочешь, можешь проехаться до станции и привести назад мою лошадь.

— Конечно, кто же из детей захочет рано встать? — С напряженной улыбкой она погладила его по щеке. — Чтобы попасть на поезд, не обязательно подниматься до рассвета, сможешь отоспаться в поезде. Ты не очень устал?

— Еще нет, но рассчитываю устать вместе с тобой, — усмехнулся Тераи. В этом смысле они старались придерживаться старомодной флотской морали.

2

Строения Велантоа в основном были сложены из прочного камня и кирпича, под черепичными крышами белели оштукатуренные стены... Солнечный коллектор торчал на каждой крыше. Здесь люди тоже любили просторное жилье, и горы над бухтой занимали не дома — скорее семейные сады и общественные парки. В итоге, чтобы попасть куда-либо, приходилось пройти не один километр. Это не смущало горожан, невзирая на репутацию торопыг. В конце концов, любой мог воспользоваться велосипедом или лошадьми — по городу животным полагалось передвигаться в подгузниках; повозки и трамваи обслуживали ровные участки; во всем прочем следовало рассчитывать на собственные ноги — мягкий климат обычно делал прогулку удовольствием. Для редких экстренных ситуаций предусмотрены были автомобили: скорой помощи, пожарные и полицейские да

* Совр. Веллингтон, Северный остров архипелага Новая Зеландия.

еще такси. Возле воды всегда было шумно и многолюдно, на железнодорожном вокзале и станциях тоже, но вообще город был красив и изящен.

Вырисовывавшееся на фоне гор Тараруа Адмиралтейство видно было почти отовсюду; здание Парламента и Дворца замыкали оба конца того же самого хребта, город уходил вниз к очаровательному университетскому кампусу, к величественному Королевскому научному музею и проливу, за которым лежал Южный остров. В этот день ветер вырвался с просторов Тасманова моря, принеся проливной дождь; все затянула серебристая дымка, погода могла бы встревожить душу, склонную внимать дурным предзнаменованиям.

Отнюдь не суеверный Тераи невольно подумал, что такая погода просто соответствует сути учреждения, в котором он сейчас находился, и цели, ради которой его призвали сюда.

Располагавшаяся прямо под потолком эмблема разведывательного корпуса была самым ярким пятном во всей большой комнате; и очертания ее — сокол, пикирующий на кеа, — напоминали гостю о зле, которое воплощал овцеубийца-попугай. За исключением фотографий Руори, убитого сына Арутуру Хаакону, и его домашних, на столе ничего личного не было, украшала его модель корабля, на котором хозяин кабинета служил молодым в Оккайданской войне, располагавшаяся рядом с огромным глобусом; над ним на стене скрестилась пара копий, приобретенных в Африке во времена, которые он провел там в качестве полевого агента. Всю остальную площадь занимали книжные полки и шкафы с делами. В великолепных дубовых тумбах хранился разнообразный справочный материал. Официальных изображений Троицы не было: глава корпуса не почитал Танароа, Лесу и Нана; однажды в момент откровенности он признался, что чтит лишь человеческое упорство в смертной, как и люди, Вселенной.

— Благодарю вас за столь скорую реакцию, капитан Лоханасо, — проговорил Арутуру, когда Тераи вошел. Позвонил секретарю, попросил принести чай, спросил у Тераи о домашних, еще несколько минут потратил на обсуждение перспектив местной футбольной команды. Он прекрасно понимал, что и с подчиненными следует соблюдать хорошие манеры. Но под любезностью все равно проступал аристократ из племени аоранги... в них действительно вселилась доля мрачного величия их родных гор.

Наконец он выпрямился над полированным простором стола, и его единственный глаз обрел настолько сосредоточенное выражение, что искусственное происхождение левого сразу

сделалось несомненным. Серая радужка, седые волосы и белая борода, ниспадавшая на грудь... морщинистая и бледная кожа. Сказывается инглисская кровь — и в духе, и в теле, — подумалось Тераи.

Однако адмирал проявил любезность и не перешел слишком поспешно к делам. Маурайская сторона его темперамента требовала дидактического многословия.

— Я призвал вас, капитан, отчасти потому, что вы числитесь среди наших самых способных оперативников, тем более что сейчас нам так не хватает даже простых исполнителей, — проговорил он. — Вы куда лучше среднего подданного Ее Величества понимаете, чем грозит нам ситуация. Мы столетиями чересчур легко относились к своей власти. Но *вы-то* не сочтете, что гегемония нам гарантирована.

— Адмирал добр ко мне, — пробормотал Тераи и потянулся к трубке.

Арутуру издал гортанный звук, который, по всей видимости, означал смех.

— Какая уж тут доброта, если я отрываю вас от дома, когда вы заслуживаете длительного отпуска, да и к тому же для поручения, которое я намереваюсь вам предложить. Ради дела, которого, прежде всего, могло и не быть.

— Неужели, сэр?

Взгляд единственного ока устремился вдаль.

— наших коллег перед Падением труднее было взять врасплох. И по сравнению с ними, мы — как и все на земле — наивны, невежественны, недоукомплектованы, не имеем соответствующего оборудования и поддержки. У нас никогда не было такого врага, который мог бы потребовать от нас эффективных действий. Но вы слышали мое мнение об этом. — Арутуру остро глянул на Тераи. — Теперь мы как будто бы получили его: врага, глубоко продумавшего свои замыслы и проделавшего огромный объем подготовительных работ. Противника, для поединка с которым вы необыкновенно хорошо подготовлены — Выжидая, Тераи приподнял брови. — Я имею в виду ваше путешествие по Ляске*, — объяснил Арутуру.

Тераи вздрогнул.

— Едва ли мой поход можно считать успешным, сэр. Подозреваю, что мне там весьма умно морочили голову, и я рад был выбраться оттуда живым, так и не обнаружив никаких доказательств.

* Совр. Аляска.

— Я считаю, что вы были куда ближе к истине, чем все агенты, которые побывали в этих краях до вас или после. Одна только величина и дикость этой страны, ее народа, чересчур вольного, со всеми его проклятыми Ложам, в которые нам практически не удастся проникнуть... — В голосе Арутуру появились металлические нотки. — Я вспомнил о вас, встретив в последнем отчете из Юропы знакомое имя: Микли Карст.

Тераи едва не выронил свою трубку, но, овладев собой, поглядел на нее.

— Меня удивляет, как адмирал мог запомнить, что я имел с ним дело.

— У меня отличная память, капитан Лоханнасо, и еще лучшая система хранения данных. Ваши-то собственные воспоминания могли чуть поблекнуть после изрядного количества более поздних дел. — Арутуру хищно улыбнулся. — Да, конечно, в глазах норрменов вы теперь личность сомнительная и едва ли сможете помочь нам в Союзе... Однако как вы посмотрите на свидание с вашим старым противником в краях, новых для вас обоих?

Ветер выл, барабанил дождь, пишущая машинка в приемной выбивала похоронную дробь... словно скелеты, выплывающие на шабаше в ночь Духов. Тераи раскурил трубку, дым, ободряя, прикоснулся к небу.

— Прошу вас, сэр, продолжайте.

— На это уйдет время, — предостерег его Арутуру. — Мне придется начать с предыстории... До сих пор в Домене Скайгольма, к моему прискорбию, наших оперативников так мало, невзирая на увеличившееся присутствие маураев в этой стране. Хорошо развитые системы связи и воздушных перевозок несколько увеличили их возможности, и они регулярно посылают сообщения по КРС — кодированной радиосвязи, используя релейные морские станции, которые Федерация наставила по всему миру. Нам сообщили, что мощный корабль Союза, несущий на себе самолет, пришел в порт, расположенный на оконечности западного полуострова, и остановился на неопределенное время, — продолжал шеф. — Чуть раньше этот корабль побывал в Эспейни. Нам прислали целый перечень имен, дополнив его рядом предположений. Список возглавляет Микли Карст, очевидно, он и является начальником всей экспедиции. Намерения его не расшифрованы; только расплывчатые намеки на коммерческие и дипломатические переговоры. Корабль прибыл в порт около двух месяцев назад, после столь же тайной возни в Эспейни. Карст редко бывает в гавани, но его видели в таких местах, как Турнев, — в столице. Несколько членов его

отряда вообще не видели после высадки. Доходящие сюда слухи весьма тревожны, я решил, что пришло время — нам пора вмешаться. В восточных краях Домена видели незнакомцев, они пересекли реку Рин и растворились среди алеманов. Не исключено, что отряд этот послан с корабля северян.

— Как могли эти слухи достичь наших людей? — поинтересовался Тераи.

— Такое едва бы случилось, и в любом случае нам не предоставили бы никаких подробностей, если бы отряд не возглавляла весьма видная женщина. Именно ее присутствие и пустило сплетни вдоль многих торговых маршрутов. — Арутуру вновь улыбнулся. — Норрмены также делают ошибки. Впрочем, наверное, у них не было выбора, и лучшей исполнительницей они не обзавелись... какое бы задание она ни выполняла.

— Как вы полагаете, сэр, что они там ищут?

— Не следует делать выводов, не располагая информацией. И все же подумаем. — Арутуру начал загибать костистые пальцы. — Во-первых, — проговорил он, — подобный рейд невозможен без содействия высокопоставленных аристократов Домена. Штаты обладают значительной автономией, однако Скайгольм приглядывает за всем. В последние годы рука его стала ослабевать... однако же никому из иноземцев еще не удавалось организовать там свою базу, получить право свободного перемещения — без официальных объяснений, — не имея опоры среди власть держащих. Во-вторых, ситуация в Домене во многом загадочна: жизнь Капитана — как и Ее Величества — приближается к концу, но власть Капитана Скайгольма на много порядков сильнее той, которой обладает наш монарх. За пост этот сражаются традиционалисты, геанцы и дюжина различных групп заговорщиков из числа недовольных. Если Северо-западный Союз сможет воздействовать на выборы и привести к власти выгодный для себя, но не устраивающий нас режим, Федерация не только потеряет новый, еще растущий рынок; наши европейские операции — наша разведка — будут медленно задушены.

— Норрмены воспользуются добытыми преимуществами...

— Но что делает эта женщина со своим отрядом за Рином? Быть может, они ищут делящиеся вещества? И именно по этой причине норрмены ведут переговоры с аэрогенами?

Никто не мог бы назвать Тераи трусом, однако и он поешил-ся. Ветер, вывший за окнами, не мог принести более страшную весть, чем слова Арутуру.

— Сэр, я... да, я слышал подобные разговоры, но в это трудно поверить. Разве Федерация не избавила мир от этой дряни еще в старину... все эти вещества давно ушли под кору в глубоководных разъемах.

— Да, но в диких или опустошенных краях поиск проводился поверхностно, кроме того, предполагалось, что все обнаруженное в дальнейшем будет автоматически конфисковываться. Конечно, меры оказались недостаточными, и норммены перед войной без особых сложностей сумели скопить ядерное топливо на несколько реакторов. Но еще больше его может находиться в забытых укрытиях и складах. А пока... пока мы держим это известие в тайне, чтобы избежать паники в обществе. Однако получены вполне определенные свидетельства того, что кто-то снова собирает делящиеся материалы. Вам предоставят всю необходимую информацию.

Слова эти поразили Тераи ударом под дых. Почувствовав омерзение, он застыл.

— Но это ж глупо! — выпалил он.

— Почему же? — осведомился его начальник.

— Потому... клянусь зубами Нана — просто потому, что это глупо!

Арутуру откинулся в кресле.

— Перечислите свои аргументы, капитан. Мне уже случилось вести беседы на подобные темы, но вам необходимо освежить свои мысли.

— Ну... — Тераи глубоко затянулся, окутав себя дымным облаком. Негодование улетучилось, и ужас осел в глубинах души. Любое чудовище можно сразить. Но сперва следует понять суть его. Мысли вновь обрели порядок. — Итак, обратимся к логике, — продолжил он. — Предположим, что некто — назовем его *X* — собрал несколько сотен кило урана-235, плутония или чего-то еще в этом роде. Предположим, *X* наделает из него бомб. Что дальше? Оружие предназначено уничтожить нас, *поскольку мы властвуем над Миром*. Как доставить его? О бомбардировщиках или ракетах даже говорить смешно. Для них не найти топлива, не говоря уже о металле. Месторождения нефти — эти бесценные сокровища — накрепко захвачены химической промышленностью. Синтопливо — в конце концов производная солнечной энергии, ее слишком мало. *X* не может смонтировать соответствующее предприятие, заняться переработкой, прикрываясь потребностями гражданской экономики; мы непременно заметим это.

— Итак, *X* способен предпринять только диверсии: заложить бомбы в трюмы торговых кораблей или найти еще

какой-нибудь способ. Предположим, ему удастся предпринять скоординированную атаку против наших баз и форпостов во всем мире, — а я сомневаюсь в том, что подобное вообще возможно сделать, — но и тогда он не сумеет нанести нам сокрушительный удар. Мы чересчур широко рассеялись, чтобы понести смертельный урон. Слишком большая доля нашей силы поставляется селом, деревенскими и семейными предприятиями; но даже малая часть нашего флота все равно будет не по зубам врагу. К тому же нечего сомневаться в том, что большинство человеческой расы примкнет к нам, чтобы раздавить всякого, кто рискнет учинить вторую Погибель. Итак, сэр, если у X хватает ума пойти на подобный риск, значит, этот X слишком безумен, чтобы представлять реальную опасность.

Он остановился, задыхнувшись после столь внезапной и продолжительной речи. За окном бушевал дождь.

— По чести говоря, — сказал Арутуру, — я согласен с вашими доводами. Ядерное нападение на Федерацию — просто безумие, абсурд какой-то. Однако мы не можем оставить без внимания такую информацию.

— Какие же еще возможны мотивы? — осведомился Тераи.

Арутуру вздохнул:

— Я потратил на раздумья несчетное количество бессонных ночей — не хотелось бы считать их, пытаюсь ответить на этот вопрос. Ваш X мог бы построить энергостанцию, как хотели сделать норрмены перед войной. Но, учитывая нашу политику, ставку на постоянный запрет, это также выглядит неразумным. Делящиеся материалы будут копиться на задворках, там, где они не будут играть практически никакой роли... Что еще остается? Попытка вымогательства? Или, нарушая законы разума и морали, злоумышленник действительно попытается сокрушить Федерацию? Какова бы ни была его цель, действия X непременно будут направлены против нас. — Тераи промолчал: комментарий не требовался. Можно оспаривать право маураев считать себя хранителями Земли, но нельзя отвергать простейшего вывода: ядерная энергия в любом виде, используемая ради любой цели, означает возможность возрождения ядерного оружия. — Теперь кто этот X? — продолжал Арутуру. — Скорее всего Северо-западный Союз. О, конечно, неофициально. Ни одна нация не способна надежно упрятать столь адский секрет, в особенности при столь слабом правительстве. Но тесный консорциум Лож вполне может справиться с делом.

— Не следует забывать и про остальных, — напомнил Тераи. — Адмирал, безусловно, не забыл, что тайную попытку подобного рода предпринимали и в Бенегале.

— Вы правы. И знаете, сколько труда мы потратили на слежку за Бенегалом. Кто еще? Этот Х должен обладать технологическими возможностями, не доступными для огромного большинства нынешнего человечества. Причем большинство стран либо симпатизируют нам, либо — в худшем случае — поддерживают нас. Но Северо-западному Союзу мы мешаем осуществить самую заветную мечту.

— Геанцы нас тоже не любят, — добавил Тераи.

Арутуру кивнул:

— Верно. Но неужели вы можете представить себе, что они способны расщепить атом? Да, геанцы повесят всякого — свой он или чужой, — кто рискнет на подобное деяние. Ей-ей, Корпус следит за ними, как и за всеми кандидатами от Оккайдо до самого Домена. Однако не будем играть в подобные игры, они не для нас с вами. У нас есть главный подозреваемый. Точнее, несколько подозреваемых, что весьма усложняет дело, но вина с девяностопроцентной вероятностью лежит на Северо-западном Союзе. И наше дело отыскать виноватого, доказать его авантюристность, сокрушить... прежде чем будет слишком поздно. — Он умолк ненадолго. За окном бушевал ветер, но Арутуру продолжил самым спокойным тоном: — Тераи Лоханнасо, я не приказываю вам участвовать в этом деле. Подумайте. И отказ не будет поставлен вам в вину. Путешествие это, одинокое и странное, может привести вас прямо в объятия смерти... Вы заслужили лучшей участи.

Рослый мужчина напряг мышцы и волю.

— В любом случае, адмирал, — ответил он, — я обязан думать о своих детях и о детях, которые родятся у них.

На этот раз в улыбке Арутуру ощущалось тепло.

— Ну что ж, обещаю, что скучно вам не будет. С подобным вызовом вам еще не приходилось встречаться. Наши люди, что в настоящее время находятся в Домене, лишь собирают информацию — они не шпионы. Об их занятиях известно Скайгольму. Я же прошу вас отправиться туда с поручением. Возможно, что норри не разыскивают делящиеся материалы в Юропе. В любом случае едва ли подобная задача может быть их главной целью. Выясните ситуацию и примите соответствующие меры. Для этого вам будут предоставлены все необходимые полномочия.

— Что вы имеете в виду, сэр? — осторожно спросил Тераи.

— Во-первых, вы будете отсылать свои сообщения прямо сюда, Кабинету и Штабу Флота. Но если у вас возникнут какие-либо трудности, как бы вы ни поступили, правительство Ее Величества во всем поддержит вас. Оно доверяет мне, а я верю вам. — Арутуру чуть помедлил и закончил с видимой болью: — Помимо обычного персонала у вас будет напарник, на мой взгляд, весьма неординарный. Я достаточно хорошо его знаю. Это мой внук... Но об этом как-нибудь в другой раз...

3

Если бы восстановили один из древних каналов через Панамский или Суэцкий перешеек — подобные проекты до сих пор отвергали как чересчур расточительные, требующие много металла и топлива, — или если бы «Хивао» путешествовал на мотовской манер под парусами, корабль мог бы оказаться у антиподов раньше чем через два месяца, что в действительности ушли на дорогу. Непогода и сильные ветры не особо замедляли движение корабля, но возле мыса Горн к ним присоединились айсберги из Антарктики, и судну пришлось буквально ползти. Когда корабль повернул на север, течения мешали ему, однако уже перед концом путешествия он вошел в Гольфстрим.

Люди предвидели подобную неторопливость, и корабль был выбран однокорпусный, прочный, вместительный, но не быстрый. Сотрудники Разведывательного Корпуса, плывшие в Юропу, употребили свое время на занятия и полностью погрузились в них. Их ожидала совершенно чуждая цивилизация, которой по-настоящему не знал никто, кроме двух наставников. Наиболее очевидное препятствие представлял язык. Англей заметно отличался от диалектов инглисского, процветавших в местах, подобных Стралии и Авайям; а франсей ничуть не напоминал фаранасей, которым пользовались в районе Таити. Следовало заранее овладеть основами географии, этнологии, истории... законами, обычаями, традициями, верованиями, мнениями — список легко было продолжить.

Современная психопедагогика позволяла усваивать подобные объемы, — но на пределе. Путешествие не явилось увеселительной прогулкой ни для службы безопасности, ни для моряков. Женщин в обеих группах не было, их общества и связанных с ним радостей весьма не хватало, но, ошибочно или нет, адмирал решил, что на море воздержание более полезно его агентам, нежели эмоциональные развлечения.

Тераи быстро заметил, что Ваироа Хаакону редко посещал лекции и не присоединялся ни к кому в упражнениях на запоминание или в разговорной практике. Напротив, он запирался в

своей каюте с книгами или проводил часы на палубе, ни с кем не обмениваясь даже словом. Тераи решил выяснить причины. Человек этот должен был стать его партнером, остальные десятеро представляли собой всего лишь вспомогательный персонал для них обоих, но они встречались только дважды и то накоротке и формально — обе встречи состоялись до отплытия.

Возможность Тераи представилась в тот вечер, когда «Хивао», держа курс к юго-востоку, пересекал шестидесятую параллель. Он вынырнул из каюты наверх, чтобы подышать прохладой и перед обедом изгнать туман из головы. Было пасмурно, и на палубе находилось только двое вахтенных. Плотно одетые моряки в капюшонах в сумраке напоминали со спины каких-то гоблинов. За кормой на горизонте рдела пурпурная полоса. Сплошной облачный потолок темнел над головой — спереди на корабль накатывалась ночь. Тускло-серые волны маршрутировали навстречу грядущей зиме. В вышине реяла пара альбатросов — других признаков жизни за пределами корабля не было видно. Бежавший по ветру «Хивао» оставлял за собой его посвист и силу, но холод проникал в тело, а водяная пыль солью ложилась на губы Тераи. Он направился, как и планировал, вдоль борта, собираясь несколько раз обойти корабль. Дистанция была приличной: пятимачтовый «Хивао» нес прямые паруса... большой корабль — сто пятьдесят метров в длину, двадцать метров в ширину. Низкая застекленная надстройка мостика и укрытие для самолета только и нарушали обтекаемость палубы. Все прочее, даже спасательные лодки, размещались внизу ради аэродинамического эффекта. На корабле подобных размеров потеря грузоподъемности была незначительной.

Поднятые паруса в снежном величии возносились к небу, усиливая мглу под собой. На пути к поручню Тераи едва не наткнулся на подъемную машину, пристроенную возле обслуживавшейся ею мачты. Светили редкие фонари. Он прошел по вентиляторной решетке, ощущая слабый шум пропеллера и теплоту выброшенного воздуха. Когда Тераи вернулся назад, ему послышался какой-то шум в воздухозаборнике под планширом.

Он направился вперед. Хотя нос не украшала скульптура, обороты радара на верхушке передней мачты символизировали бдительность Лесу, хранящего людей от происков акулорубого Нана, и Тераи коротко отсалютовал. Религия не играла значительной роли в его жизни; Троица, с его точки зрения, вполне разумным образом аппроксимировала запредельную тайну; а церковь ее отменно служила интересам нации, совершая обряды либо умиротворяющие, либо вселяющие трепет.

Он отправился назад вдоль левого борта; за надстройкой ближе к корме располагался самолет; Тераи нахмурился — он не хотел брать с собой эту тварь. Присутствие машины трудно согласовывать с прикрытием. Зачем подобная штукавина частной компании, желающей установить выгодную торговлю с Доменом? Приходилось ссылаться на то, что самолет экономит время на изучение спроса.

Однако норммены самолет взяли и тем самым не оставили выбора маураям. Быть может, обе машины служили просто резервом на случай неудачи; офицеры безопасности Домена не позволяли иностранцам совершать полеты над их территорией. А если Микли нашел причину, чтобы нарушить этот эдикт, отыщет ее и Тераи. Самолет маураев намного лучше тех, которыми располагал Союз. Мирный договор после Энергетической войны установил определенные пределы, и с тех пор Высокая Комиссия и ее инспекторы только повысили их.

Возле самолета у поручней стоял человек; засунув руки в карманы, он глядел на море. Приблизившись, Тераи увидел, что перед ним Ваироа.

Ах-ха!

Тераи подошел поближе и остановился.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер и вам, капитан, — ответил довольно высокий тенорок.

— Должно быть, холодно встать вот так — без движения, не правда ли?

— Наши в основном так и считают. — И с легкой ноткой пренебрежения добавил: — Но ведь это не обязательно; полинезийцы прекрасно выживали в любом климате, заставляя свои тела приспосабливаться. Маураи сделались мягкими.

На что Тераи ответил:

— Но вам, естественно, приспосабливаться легче, так ведь? — Ваироа никак не отреагировал, он все глядел на море. Сумрак сгущался с каждой минутой. Тераи уже не видел ничего, кроме самых ближних волн, ударявших в борт и шипевших возле. — Ну, смотреть уже не на что. Не присоединитесь ли вы ко мне, — настаивал он, — погуляем по палубе, а потом можно выпить в моей каюте рюмку рому перед ужином?

— А я все прекрасно вижу... слышу, ощущаю... вкусы, запахи и все прочее, только объяснить не могу.

— Видите ли, — сказал Тераи глубоким голосом, задетый за живое, — нам вместе работать в Юропе. Как же мы сможем

трудиться вместе, если едва знакомы? Хотите вы того или нет, но придется знакомиться. Именно это я вам и предлагаю, рассчитывая на сотрудничество.

Удивленный Ваироа повернулся к нему лицом. Какой-то миг они разглядывали друг друга. Сейчас Тераи мог видеть немного, да и то было спрятано под одежду — быть может, более легкую, чем на нем самом и других моряках. Впрочем, он видел Ваироа в первый день гревшимся на солнце среди отдыхающих — до того как началась серьезная работа. Тогда Тераи подумал, не свидетельствует ли подобная открытость о пренебрежении ко всем остальным... Впрочем, возможно, Ваироа пытался заранее умиротворить всех любопытных.

Строго говоря, его тело нельзя было назвать уродливым. Ваироа Хаакону был высок — правда, в основном из-за длинных, как у журавля, ног — с широким и коротким торсом, объемистой грудной клеткой и крепкими руками. Голова его была очень вытянутой, на широком лице широкий же нос и узкие губы, высокий лоб, тяжелые надбровья, заостренный подбородок. Правый глаз — голубой, левый — черный. Прямые полосы черно-каштановых прядей откинuty со лба на затылок. Кожа его была скорее золотой, если не учитывать многочисленные родимые пятна, одно из которых маской покрывало верхнюю половину лица. Гость с другой планеты, возможно, счел бы его симпатичным.

— Прошу прощения, капитан, — ответил Ваироа. — Я нередко совершаю ошибки, когда имею дело с людьми, в особенности со своим собственным народом.

«Если только маураи действительно твой народ, — со внезапным сочувствием подумал Тераи. — Если во всей Вселенной ты можешь отыскать свой народ».

— Ну что ж, лейтенант-командор. Давайте попытаемся достичь взаимопонимания. Меня тревожат ваши постоянные пропуски занятий.

— Ах это? — Изумление казалось неподдельным. — Большую часть вопросов я уже усвоил, а с остальными мне проще справиться самостоятельно. Услуги инструкторов мне требуются лишь иногда.

— Что? Вы хотите сказать, что уже знаете эти языки?

— Нет, просто я быстро усваиваю. Инструкторы дали пример произношения, грамматику и слова можно почерпнуть прямо в текстах, идиомы — из литературы, которую я прихватил с собой. Вот послушайте... — И Ваироа отбарабанил несколько предложений, сперва на английском, потом на французском. Для хорошего слуха Тераи произношение было безупречным. — То же самое

относится к социологии, — продолжил Ваироа. — Я быстро усваиваю идею и тему и не хочу слушать, как лектор повторяет одно и то же. Быть может, вы заметили, что я одалживаю конспекты у товарищей, быстро прочитываю их и задаю конкретные вопросы. Две логики, обычная и подсознательная, которую чаще называют интуицией, с моей точки зрения, достаточно надежно заполняют пробелы. — Он пожал плечами. — В конце концов никто не ожидает, что урод станет выполнять все нюансы социального лексикона. Лучше поговорим об установленных фактах. Надеюсь, вы сумеете помочь мне, капитан. Я прискорбно невежествен в вопросах, касающихся Северо-западного Союза. Я работал в странах, от него удаленных.

Он остановился, словно бы выключенный, ожидая ответа.

Это непринужденно прозвучавшее слово «урод» будет преследовать Тераи много дней. Старший мужчина застыл молча, пытаясь придумать способ быть добрым. В глубине сознания его струились слова:

«Супермен или чудовище? Но как понимать оба эти слова? Я обескуражен. Мне казалось, что я представляю себе его происхождение: однако, как бы то ни было, мне нечем измерить его. Начну с того, что приведу свою информацию в порядок».

«Королевский генетический институт, заведение достойное, занимался не только чистой наукой, но снисходил и до практических нужд, таких, как контроль за мутациями и улучшение племенного стада. Его авангардные лаборатории располагались на уединенной Рангатире просто безопасности ради. Поэтому у них сложилась особая, слишком сильная мана. И научный персонал сделался каким-то подобием отдельного общества или племени.

Нет ничего аморального в экспериментах на человеческом материале, если стремишься познать суть рода людского. Неудачников безболезненно отбраковывали, а о тех, кто был так себе, подобающим образом заботились на острове. Ваироа появился на свет в результате одной из первых попыток объединить благоприятные тенденции, никогда не совмещающиеся естественным путем в одной личности. Ученые надеялись, что этот эксперимент прольет новый свет на основы молекулярной биологии, регулирующие жизнь организма.

Генетическая мозаика: берем две оплодотворенные яйцеклетки, помещаем в пробирку. Даем разделиться три раза, а потом соединяем их вместе. Если они благополучно сольются, помещаем в матку — оставляем расти. Получится один плод, но с четырьмя родителями. Метод известен исстари, еще до

Погибели, и в ограниченных пределах находил применение в современной агро- и марикультуре*. Потом эксперименты перенесли на человеческие клетки.

Родители-доноры были выбраны по хромосомам, которые, по мнению исследователей, должны были породить перспективный и жизнеспособный гибрид, сочетающий разные факторы наследственности.

Взяты были синез, чернокожий стралиец, белый мерикан и маурай. Из маураев был выбран еще не достигший двадцати лет Руори Хаакону, сын Арутуру, назначенного Верховным Комиссаром Северо-западного Союза и погибшего там. Дитя выносила маурайка, одна из ученых, работавших на острове. Итак, у Ваироа было два отца и три матери.

Сам он считал, что девять — мы разговаривали об этом пару минут в Велантоа. Детей на острове воспитывали сообща; и его приемная мать и шестеро тамошних женщин, собственно, и заботились о нем. Должно быть, начало его жизни — лет шесть — трудно назвать несчастливым.

А потом лабораторию закрыли, и персонал рассеялся по свету.

Эта работа никогда не считалась тайной или противозаконной, однако со временем о ней стали помалкивать. Споры продолжались до сего дня, и сомнения оставались: быть может, ученые подошли ближе к пределу, чем позволяла мудрость... или же толпа приняла привычный мотив “Федерация — хранитель живой земли” слишком близко к сердцу.

После Китовой войны общая уверенность в том, что нельзя насиловать природу, приблизилась к истерии. Журналисты прознали, что происходит на Рангатири, и поднявшийся фурор заставил закрыть лабораторию.

Женщина, усыновившая Ваироа, взяла его в Нозеланн. Там она скоро вышла замуж. Со своим приемным отцом он не ладил и оказался лишенным роду-племени неудачником, парией в своей возрастной группе, одиноким, угрюмым — и блестящим.

Выяснив это, Арутуру усыновил своего внука.

Я бывал в том доме на горе Аоранги. Странное сооружение во многом, но оно было домом для мальчика. Не зная общения с людьми, он искал компанию в своем собственном разуме; в четырнадцать лет поступил в университет и заслужил отличия по логике и лингвистике, перевелся в Академию, а окончив ее, поступил в Корпус Морской Разведки, откуда уже не уходил...

* Выращивание продуктов моря в прибрежных водах.

Теперь ему тридцать, кажется? Конечно, с его внешностью настоящий шпион из него не получится, но я слышал кое-что о его достижениях.

Вот и все, что мне известно о Ваироа Хаакону...»

— Могу добавить лишь немного, капитан. Ваша информация в основном точна. Благодарю вас за сочувствие, но дело в том, что мне не жаль себя.

— Ай? — Тераи аж перекосиле, и лишь через секунду он сумел вернуть челюсть на положенное место. — Неужели вы умеете читать мысли?

— Не напрямую. У меня гиперострый слух, и я могу понижать порог восприятия по собственному желанию. Таким образом мне удастся улавливать вокализацию на близком расстоянии. Одновременно гиперострое зрение предоставляет сведения о языке тела. Запахи я тоже ощущаю иначе... Словом, я располагаю необходимыми ключами, по которым логика часто может восстановить внутренний монолог.

— Но, должно быть, лишь пока проклятая штукавина длится?! — подивился Тераи.

— Действительно, мне лишь изредка удастся составить грамматические предложения, — признался Ваироа. — Сейчас я тоже не смог этого сделать, хотя смею заметить, вы были убеждены в обратном. Ведь так? Ваше сознание отключалось на некоторое мгновение, и вы действительно начинали говорить сами с собой. Словом, по контексту я понял, о чем идет речь. — Во мраке блеснули белые зубы, Ваироа отрывисто хохотнул: — Искушению потрясти вас трудно было противиться.

— Ха! — Мужчина постарше покачал головой. — Теперь я начинаю понимать, зачем адмирал послал сюда именно вас. Свое подозрительное обличье вы компенсируете с избытком. А каковы другие ваши способности?

— Не будем обсуждать их сейчас, капитан, здесь нас могут подслушать. И, конечно же, вы не расскажете никому о маленькой демонстрации, которую я устроил перед вами, не так ли?

— Ах нет, конечно, нет! — Тераи потер подбородок. — Надо признать, мне несказанно повезло; имея такого сотрудника, придется целиком пересмотреть свою стратегию. Должно быть, рассказы о вас, о ваших победах в Южной Африке не преувеличены... наоборот.

— Что за рассказы, будьте любезны?

— О том, как вы, ей-Богу, едва ли не голыми руками построили пошатнувшееся общество и сделали его стабильным и дружелюбно настроенным к нам.

Ваироа отвернулся и вгляделся в гладкую поверхность моря. Тераи подумал, что ночное зрение его спутника немногим уступит кошке.

— Это долгая и сложная повесть, капитан, — негромко проговорил он. — Предельно упрощая, скажу: они попытались провести модернизацию, потерпели неудачу и оказались в жутчайшей нищете, нежели прежде. Воцарился хаос. Бенегалы не простили нам прекращения их подпольных термоядерных исследований и заслали своих торговцев и политических агитаторов в эти края. Оттуда они собирались проложить себе путь внутрь Африки, а мы... мы морской народ, мы не способны обитать на просторах континентов. Я просто помог попавшей в беду нации создать социальный порядок, совместимый сразу и с привычной этикой, и с передовой технологией: вышла целая иерархия классов — от короля до серва.

«Поговаривали, что при этом вы сыграли странную роль, — подумал Тераи, — взяв женщину из каждого будущего класса, вы зачали с нею образцового ребенка... Было ли это необходимо, требовала ли этого культура и объективные реальности, или же только ваш произвол? Могу представить, что вам сложно найти себе женщину, кроме никчемных краев, где ваша внешность создает вам ману, или в цивилизациях, погрязших в проституции».

Он понял, что делает, и осекся, глотнув.

Ваироа расхохотался снова, напоминая койотов, голоса которых Тераи слышал в восточных землях Северо-западного Союза.

— Нет, капитан, — возразил он. — Я вслушивался в беседу китов в той стороне — великолепный звук... А вы не слышите? — Он задержал дыхание. — Учтите, в Африке я был не один. И лишь в главных вопросах брал на себя инициативу — основную массу грубой работы делали мои спутники. Результаты в общем-то обрадовали нас. Все выглядело достаточно перспективно, когда мы отправились восвояси, однако опубликовать результаты значило погубить их. Мы, маураи, любим поговорить о том, что разным народам — различные пути; что, мол, следует учиться друг у друга. Однако, если бы мир узнал, что мы поощряем рабство...

— Правильно, — согласился Тераи. — Я всегда избегал идеалистов, в особенности после Энергетической войны.

— Да, это было великое событие нынешнего столетия. — Внимание Ваироа по-прежнему было обращено на север, во

тму. — Но война еще не закончена. И поэтому мы с вами здесь. Вы и я. Судьба — это пагубная иллюзия, не так ли, капитан? Мы, маураи, полагали, что мир покорился нам, что мы построили прочное основание для гуманного и экологически разумного мирового порядка. Но мы возводили его на песке, ведь, кроме него, людям ничего не доступно. И он уже пополз из-под основания нашего дома.

— Э, подождите-подождите. — Тераи вынужденно хохотнул. — Конечно, пессимизм всегда драматичнее оптимизма, и я постоянно утверждаю, что единственно весомый способ окончательно утратить надежду — это перестать надеяться. Раз вы убеждены, что Федерация обречена, так почему же вы здесь?

— О, я уверен — у нас еще остался шанс, — ответил Ваироа. — Приятно быть начеку; ну а если дойдет до худшего, интересно будет протрубить в последнюю трубу.

Корабль исчезал в ночи.

Глава 10

1

Последняя болезнь Таленса Тома Сарка началась весной на двадцать девятом году его пребывания на посту Капитана Скайгольма. Его лечили лучшие медики. Доктора были искусны и многое знали, им была предоставлена возможность пользоваться океанской релейной связью маураев; по телеканалу они получали консультации у специалистов Велантоа. При такой поддержке некогда крепкое тело старика протянуло целый месяц после солнцестояния.

А потом он сказал:

— Довольно. Я не могу более выполнять свои обязанности, становлюсь в тягость и для моего Домена, и для моего Клана, и для моей семьи, и для себя самого. Пусть аним отыщет себе новый дом.

Доктора с уважением отнеслись к желанию Тома; уладив свои дела и приведя их в порядок, старик избавился вскоре от всех своих скорбей.

Весть о смерти Таленса полетела во все края страны, которой он правил. Событие не было неожиданным, и сеньоры стали съезжаться на конференцию сперва поодиночке, потом группами. Им следовало закончить временное правление административного бюро и избрать нового Капитана сразу после похорон — со всей возможной поспешностью.

В прошлом электоры нередко собирались целые месяцы, а потом в нерешительности тянули неделю-другую, поэтому прежние времена казались чересчур зловещими. Теперь же бюро прекрасно справлялось с государственной политикой. А это значило, что консенсуса следовало достичь еще до голосования. Что они и делали — неофициально и тихо. Тем не менее приходилось считаться с желаниями видных Кланов и наземников. Наиболее умудренные среди аэрогенов выслушивали пожелания пейзапов и просто горожан. И было невозможно утаить истинное направление мнений или полезный совет.

Вновь и вновь дирижабли из Турнева причаливали к Скайгольму, из них выходили сеньоры с супругами и свитой. Некоторые отсутствовали по различным причинам, но таких было ничтожно мало. Более тысячи мужчин и женщин собралось, чтобы в торжественной обстановке отдать Таленсу Тома Сарку последние почести. Нагрузка на аэростат была столь велика, что визитеров и кадетов пришлось отослать на Землю, пообещав, что все вернутся чуть позже; их заверили, что оказываемая ими любезность является частью долга, и они могут гордиться собой.

Речи и музыка сменяли друг друга; вспыхнул солнечный жар; пепел разлетелся по ветру, мешаясь с пылью, оставшейся от падающих звезд. А потом настал поминальный пир в зале Чарльза, сопровождавшийся представлениями — оркестровым, лирическим, атлетическим, драматическим и военным, — прощальное слово сказал каждый штат. Итак, все выглядело весьма достойно, однако поминки затянулись допоздна.

Следующий день был свободным, сеньоры могли отдохнуть и в случае необходимости переговорить между собой. На другой день надлежало собраться Совету.

2

— Выйдем-ка, Фейлис, — проговорил Иерн. — Надо поговорить, а наши апартаменты кажутся мне западной. Давай сходим в сад.

Она, не сказав ни слова, последовала за мужем. В переходах было полно народу, но никакой толкотни и шума. Напротив, медленные движения, негромкие голоса... мирная тишина, череватая разразиться грозой. Так что лишь немногие искали покоя среди листвы. словно бы люди не смели погрузиться в умиротворяющую зелень.

Иерн пошел путем, который всегда предпочитал. Он вел жёну мимо статуи Хозяина Зимы, по заросшему грибами коридору, через амариллисовые клумбы, по рампе между двумя деревьями, а потом по тропе... к беседке, увитой розами.

— Никого нет, — заметил он. — Давай зайдем. Там — наблюдательное устройство... Эй, что с тобой, дорогая?

Фейлис отшатнулась и сжала кулаки. Вскоре она совладала с собой, но бледность не исчезла.

— Ничего, — пробормотала она.

Он внимательно посмотрел на нее:

— Может быть, тебе плохо? Последние несколько дней ты просто как натянутая струна, и чем дальше, тем больше я опасуюсь, что она вдруг щелкнет и порвется. В чем дело?

Она облизнула губы. Пудра не помогла скрыть на лбу капельки холодного пота. Пятна его проступали и под мышками.

— Я... волнуюсь. А ты?

— Безусловно, в какой-то мере. — Он взял ее за локоть и повел в благоуханный сумрак за увитой цветами решеткой. Повернувшись к жене, он взял ее за плечи. И замер ненадолго, вглядываясь в ее глаза... Они порхали, метались из стороны в сторону — ему представились птицы в клетке.

— Фейлис, — проговорил он наконец. — Как ты смотришь на то, чтобы стать супругой Капитана?

— Я... с чего ты взял? — ответила она колким тоном.

Он стиснул зубы... потом сказал:

— Когда дела стали складываться в мою пользу и я понял, что меня могут избрать Капитаном, то решил — наконец ты чему-то обрадуешься. Уже два года, если не больше... ты была задумчива и не выказала никакой радости, когда меня сделали сеньором Клана, а теперь, когда я почти наверняка стану следующим Капитаном, ты смотришь на меня и вовсе волком.

Она вознегодовала... слегка.

— Если я мало с тобой общаюсь, так это потому, что ты никогда не слушаешь меня.

— Жезу! Неужели нужно опять повторять все сначала! — Он овладел собой. — Давай не будем спорить — кто прав, кто виноват. («Твоя угрюмость, холодность в постели, вечное одиночество, сидение взаперти, бесконечные геанские книги и даже открытое посещение геанских собраний».) Неужели ты не понимаешь? Это самое важное решение в моей жизни, и, даже если я откажусь, оно все равно останется самым важным. Я хочу высказать твое мнение, потому что, хаос тебя побери, наш брак кое-что для меня значит. («Неужто и в самом деле? В достаточной мере, как я полагаю. Мне не нравится, когда тебе больно, пусть

всего лишь потому, что ты — живое существо; и все-таки некогда мы были счастливы вместе».) Он знал, что таилось под этой мыслью. («Капитан, решившийся на развод, потеряет известную долю уважения среди консервативной части аэрогенов, а мне нужна единомышленная поддержка. Черт, придется скрывать любовниц... какая доука! Неужели я вожусь с тобой именно по этой причине?») — Ты ищешь повода, чтобы отказаться? — огрызнулась она.

Осекшись, Иерн кинул взгляд на вход в беседку, прислушиваясь к жужжанию пчел, к пульсации жилки на собственной шее... наконец, он изобразил улыбку:

— Быть может, Фейлис, быть может.

— С какой это стати тебе отказываться от поста?

И вновь он удивился, поскольку в голосе жены уловил рвение и надежду; он уже забыл, когда звучали в ее голосе подобные нотки. Он обратил к ней взор, Фейлис вся подалась вперед с широко открытыми глазами, приоткрыв рот... небольшая грудь торопливо вздымалась и опускалась.

— Все дело в ответственности, — признался он. — О, я, должно быть, сумею подобрать надежных советников и вполне справлюсь с властью — я в этом уверен; но декоративной фигурой на носу нашего корабля представить себя не могу.

— Почему? Многие Капитаны правили, но не властвовали.

— Так было в Эру Изоляции, а Реставрация Энрика оплатила все счета великих домов, не так ли? — Иерн покачал головой. — Нет, если не брать на себя ношу лидера, я обрету одни лишь хлопоты и никаких преимуществ от занимаемого поста. А хлопот тьма. Начнем с того, что Капитан всегда привязан к Домену, — кроме редких и нудных официальных визитов за границу. Ты ведь знаешь: я всегда мечтал попутешествовать по планете. А потом придется надуть сеньоров, которые избрали меня, доверились мне. Я понимаю: они ожидают, что я, молодой человек, возьму в советники мудрецов и буду слушаться их. Однако они рассчитывают, что глава государства будет самоотверженно принимать трудные решения и добиваться их выполнения. — Он ненадолго умолк... — Мой отец обычно говаривал, что если кто-нибудь полагает себя пригодным на роль Капитана, то не достоин этого поста; так что по этому критерию я вполне подхожу.

— А почему ты полагаешь, что, кроме тебя, достойных нет?

— Я так не говорил. («Чарльз! Сегодня она другая. Почему?») Хотя... какие еще реальные кандидатуры может представить Клан Таленсов? Айдвар Турайн — реакционер, откровенно

желающий, чтобы настырные незнакомцы скорее убрались во-свояси; безусловно, он не может вести с ними переговоры. Халд Симоней связан с геанцами. Эмма Жироду не геанка, однако полагает, что мы можем спокойно сократить вооруженные силы, а сэкономленные деньги потратить на социальные преобразования. Список этот можно продолжить.

Он заметил, как вздрогнули ее плечи, и пожалел, что был столь откровенно пренебрежителен в отношении геанского кандидата.

— И что же ты будешь делать на посту Капитана? — поинтересовалась она.

— Буду поступать согласно ситуации, — парировал он. — Кто в силах предвидеть будущее? Но я ощущаю — костным мозгом, хотя большая часть населения Домена еще не понимает этого, — будущее станет непохожим на прошлое, хотим мы того или нет; так что следует заранее попытаться подогнать его под удобную для нас форму, которую необходимо будет одобрить. Возьмем, скажем, разногласия на тему: следует ли предоставлять маураям информацию о сооружении и опыте использования аэростатов Окреса. Почему бы и нет? Они смогут построить их и без нашего участия. И если мы не поможем маураям, они сами сделают все, может быть, не так быстро, но уверен, разработают даже улучшенную модель. Почему бы не вступить в сотрудничество с ними, заслужить их благодарность, заложить основу для истинно дружеских связей? Конечно, реакционеры опасаются колоссальных перемен у нас дома, к которым приведет такое решение. Геанцы боятся подобной победы технократов, которая навеки оставит их в тени. Вне сомнения, правы и те и другие. А раз так — к черту и тех и других!

— Таким образом, ты оттолкнешь от себя многих, — решила предупредить она. — Не говоря уж об Эспейни и Северо-западном Союзе.

«С чего бы это она вдруг озаботилась делами Северо-западного Союза? Я-то думал, что она давно позабыла о его существовании... Должно быть, кто-нибудь из ее корреспондентов пробудил в ней этот интерес». Иерн не мог не знать, что жена его получала и отсылала множество писем, но, несколько раз получив от нее отпор в форме: «Это моей подружке по школе, все наши темы скучны тебе», он прекратил любопытствовать. Честь не позволяла ему шпионить; впрочем, любая ситуация не слишком тревожила его.

— Конечно, никаких «или-или», никаких революций за одну ночь, — пояснил он. — Уравновесить, добиться согласия — это так сложно. — Он решил смягчить разговор. —

Мне хотелось бы сделать многое, чего не занесут в исторические анналы, однако я не хочу медлить с этим до смертного одра. Начнем с законов против жестокости к животным. — Он кивнул. — А здорово получается — вот я своими руками смогу изменить мир к лучшему, пусть и на чуточку.

Она словно встрепенулась.

— Так, значит, ты уже согласился?

— Более чем наполовину, сама понимаешь, — проговорил он. — Но я хотел сперва узнать твое мнение. Давай пока забудем про общественные интересы... Чего ты хочешь?

Слезы разом наполнили огромные серые глаза.

— Не надо! — вскричала она. — Откажись... открыто откажись, так чтобы слышали все! Немедленно! — У него разом отвисла челюсть. Подобно слепой, она потянулась к нему. — Ах, пожалуйста, прошу тебя, Иерн! Не хочу, чтобы тебя могли ранить, убить... Разве тебе жить надоело...

Тревога наполнила его.

— Какого черта ты имеешь в виду? («Простая истерика? Но она же образованная женщина, она должна знать, что Капитаны не умирали насильственной смертью более пяти сотен лет».)

Зажав рот тыльной стороной ладони, она отшатнулась от него.

— Ничего, — прошептала она. — Ничего, только... О, пожалуйста!..

Он попытался умерить свой гнев, поскольку и без того слишком часто сердился на нее. Вспышка в окне — на краю зрения — предоставила удачную возможность отвлечь ее и успокоить. Он пригнулся к призме и протянул:

— Халлоу! Посмотри-ка, дорогая, сюда поднимается воздушный корабль. — Он пригляделся. Вокруг дирижабля крутился реактивный самолет. Очертания обоих аппаратов еще казались крохотными в небесной бездне, озарявшей солнечным светом свирепый металл. Иерн прекрасно знал все типы летающих машин, использовавшихся в Европе, и по литературе был знаком с их разновидностями, известными всему миру. — Это не регулярный челнок; транспорт одного из Кланов. А... самолет относится к классу «буревестников». Кто же это тратит столько топлива?

— Уже? — простонала Фейлис. — А я-то думала... — Повернувшись, она бросилась к выходу, задев его юбкой, порывистое движение растрепало светлые волосы. Минуту он слушал, как удалялись ее шаги.

Иерн решил последовать за ней, но остановился, едва сделал один лишь шаг. «Нет. Просто какой-то срыв. Дам ей время прийти в себя», — он с усилием обратил свой взор к приближающемуся аппарату.

Дирижабль уже был возле Скайгольма, и стало возможным различить эмблему — золотые розетки Клана Бергдорфов на черном фоне. «Итак... сеньор Пир Верине, сказавшийся больным, оправился от хвори, чтобы принять участие в завтрашнем Совете. Он будет голосовать против меня как сторонник геанства, если не обращенный... Но почему он привел с юга это огромное судно, вместо того чтобы на лайнере добраться до Турнева и челноком подняться вверх, как сделал практически каждый из нас?» Закручивая вверх витки в разреженном воздухе, реактивный самолет пролетел мимо окна. Иерн попытался разглядеть его, но успел заметить лишь гондолы на крыльях — машина пролетела чересчур быстро, чтобы можно было понять, что прячется под ними. Пулеметы? Годами уже поговаривали о том, что следует, наконец, вооружить несколько метеорологических суперсамолетов. Тогда они превзойдут все, что существует по эту сторону шарика, противоположную Маурайской Федерации. Смущало всех одно — количество горючего, которое расходовали эти машины. К тому же придется сократить расходы топлива на такие необходимые средства, как разведочные автомобили и полевые медицинские амбулатории; ну а если воевать придется в далеких краях, проблема снабжения топливом таких самолетов делается почти неразрешимой.

«Но офицеры, распоряжающиеся одной из этих машин, вполне могли забежать вперед и модифицировать самолет в порядке эксперимента. Получить разрешение на это наверняка не сложно. Специалисты нашего корпуса всегда возятся со своим оборудованием, в том числе и с самолетами... но зачем же вести его сюда без предупреждения? Или же Бергдорф Пир Верине запланировал яркую демонстрацию своих достижений, чтобы увеличить число голосов за Халда Симонея?»

Иерн потер подбородок... щетина легко кольнула палец. «Хм-м. Почему бы не встретить гостей и сразу все выяснить? Ничего лучшего не остается, — подумал он. — Ничего». И Иерн покинул беседу.

3

Огромный Скайгольм плыл в беспредельности. Сердце Таленса Джовеяна Орилака трепетало в груди. Он хотел прижаться лицом к окну, возле которого стоял... Сейчас он напоминал

больного ребенка, заметившего отца, который возвратился после долгой отлучки с охапкой подарков в день рождения... Сей день несет ему возрождение — власть, силу и славу... власть над землей, где он родился; силу, чтобы использовать власть как подобает; и славу, которую положит он к ногам Фейлис.

Но нет. Не следует компрометировать свое достоинство. Три дюжины мужчин в безмолвии за спиной его напряженно ожидали начала. И если он мог втайне плести свои замыслы целых два года, мог рискнуть всем, что имел и любил, значит, сумеет невозмутимо провести оставшиеся минуты — чего и ожидают глаза его сподвижников.

Он повернулся к ним лицом. Они сидели в зеленых мундирах — идея принадлежала ему: зеленый цвет — символ Геи, хотя незачем напрашиваться на излишнее сопротивление, объявляя об этом. Зеленые куртки заполняли всю неярко освещенную длинную гондолу. Примерно половина его людей, в частности все офицеры, были из Кланов... в основном молодые идеалисты со здоровой примесью упрямых, амбициозных оппортунистов; остальные были эскуалдуны из области Валдора, крепкие и умудренные люди, не враги аэрогенов, но и не друзья им. Он мог бы взять и эспейньянских солдат, однако их присутствие сделало бы его в глазах людей Домена предателем, а не реформатором. По той же причине он скрывал помощь, которую получал от авантюристов из Северо-западного Союза.

— Итак, настал решающий час, — сказал он заученным, проникновенным тоном, негромко, но одолевая шум двигателей, и добавил на эскуаре: — Момент истины. — А потом обратился к франсею, который здесь понимали все: — Вы знаете, наша цель — предотвратить новую юропейскую войну, которую легко может вызвать бездумный милитаризм, а также преодолеть чужеземное влияние, отравляющее нашу цивилизацию; мы хотим исправить давнишнее зло и установить новую справедливость и на этом основании открыть врата, ведущие в будущее... когда все на Земле, вся жизнь на ней обретет истинное Единство... Хочу произнести последнее слово, прежде чем мы приступим к выполнению нашего предприятия. Мы тщательно разучили обязанности каждого взвода; все знают те ключевые точки, которые следует захватить и удержать, знают, как поддерживать связь между собой, какие действия и какими контингентами следует предпринимать. Ваши предводители знают Иледуциель; не бойтесь заблудиться в этом лабиринте. Здесь нет огнестрельного оружия, во всем аэростате вы не найдете оружия опаснее, чем кухонный нож. Ваше появление окажется здесь полной неожиданностью.

«Вот сейчас уже, — промелькнуло в голове Джовейна, — пилот объясняет по радио, почему Бергдорф Пир Верине считает возможным являться сюда в подобном стиле — дескать, чтобы доказать, что воздушные танкеры, защищенные некоторыми новыми устройствами, позволяют нам располагать известным количеством мощных военных самолетов; подобная разработка способна повлиять на политику, и это достижение следует учитывать при выборах нового Капитана...» На самом деле Бергдорф Пир Верине лежал пластом в своем альпийском охотничьем домике. Заговор Джовейна он поддержал, однако не скрывал, что в случае неудачи объявит, будто потрясен, скорбит и недоумевает, как мог уважаемый коллега настолько неподобающим образом воспользоваться аппаратом, который одолжили ему якобы для вполне невинных исследований.

— В первую очередь — сдерживайте себя. Мы не можем... нанести Иледуциелю серьезные повреждения, следует постараться избежать любых разрушений. Столь же непреложно запрещаю причинять вред кому бы то ни было — без прямой угрозы для дела. С самого начала нам потребуется помощь некоторых, а потом — сочувствие многих, а уж после того — всех. Не забудьте, кроме необходимых для существования Иледуциеля техников, сейчас наверху пребывают сеньоры Кланов, их супруги и ближайшие помощники. Это не просто человеческие существа, имеющие право не подвергаться побоям и оскорблениям. Это — вожди, символы, воплощение власти. Иледуциель могуч, но не всесилен. Наши войска на земле в лучшем случае смогут лишь захватить несколько ключевых областей, но не сумеют удерживать их, а тем более распространить свою власть на сельские местности, — если ваше поведение наверху возмутит весь Домен.

Да, конечно, наши гарнизоны останутся жиденькими. Нельзя разместить большой отряд пришельцев в городке... возле аэродрома, важной фабрики, на укрепленном холме, не привлекая излишнего внимания... тем более держать его там месяц за месяцем... прибегая к различным поводам. Еще труднее привезти и спрятать оружие. Подобная операция была бы невозможна почти повсюду на Земле; но под охраной Скайгольма Домен почивал в мире столь долго, что уже начал считать свою безопасность условием гарантированным и неизменным — подобным воздуху и солнечному свету.

«Да, мои люди должны быть готовы; если же нет — я скоро умру». Эта мысль не смущала Джовейна, напротив — трубным зовом будоражила кровь.

Когда с высоты блеснет сигнал, означающий, что Скайгольм взят, люди Джовейна, оставшиеся на Земле, наденут свою форму, возьмут оружие и займут назначенные места. Если все пройдет гладко, драки не будет, во всяком случае серьезной. Народ будет растерян, деморализован, ошеломлен потоком сообщений из аэростата, так что солдаты будут просто необходимы как защитники порядка на весь переходный период. Хранители замков, командиры военных баз, шкиперы флота могут не поверить ему, а силами они располагают достаточными. Но они не посмеют уничтожать городские собрания, Консвагуары, склады, коммуникационные и транспортные центры — все, что могут занять джовейнисты, не вызвав на себя молний, которые не замедлит обрушить на них Скайгольм.

«А пока кутерьма успокаивается, сеньоры сойдутся на Совет, чтобы выбрать нового Капитана.

Но для этого сеньоры должны быть как минимум живыми».

— Ничего не бойтесь. Помните: сила на вашей стороне, стрелять можно только в крайней опасности — по приказу старшего офицера. Старайтесь ограничиться меньшей мерой насилия, и то лишь в том случае, если этого нельзя избежать и если без этого нельзя выполнить поручение. Мы пришли сюда не как враги, но как освободители. — Джовейн поднял руку, обратив ее к ним ладонью. — Вы все знаете сами, мои brave друзья. И я говорю это, лишь чтобы напомнить себе самому — в той же степени и вам. А теперь — вперед к победе!

Послышалось негромкое одобрительное бормотание. Блистали зубы, глаза и... обнаженная сталь. Джовейн уселся, проверил пристежные ремни. Дирижабль кренился, чуть поворачиваясь в потоках, огибавших огромный шар. Аппарат осторожно продвигался к причалу.

Вся масса его отозвалась на соприкосновение. Выдвинулись захваты, готовые принять причальные кольца. Двигатели умолкли. Люди в высотных костюмах с кислородными баллонами на спине вышли из переходника, чтобы привязать дирижабль упругими канатами. Одновременно другие освобождали причальную трубу и пододвигали ее к двери дирижабля, с которой она должна была соприкоснуться. Когда уплотнение сделалось надежным, насосы принялись качать воздух в трубу, поднимая в ней давление до атмосферного. Утих шум. Руководитель причального экипажа посмотрел на датчик, закрыл клапан и дал знак открывать дверь.

Первым был Эшкрофт Лоренс Мейн. Джовейн хотел сделать все сам, но его главные помощники дружно настояли на том, что это безумие. Тяжесть всего предприятия лежит на нем одном,

поскольку ни один Таленс не присоединился к заговору. Так что незачем принимать участие в самой операции; подобное желание порождено самыми допотопными эмоциями. Симпатичный блондин, брат Фейлис, сагитированный ею, обладал и необходимой внешностью, и престижем, достаточным военным опытом, чтобы возглавить отряд.

За ним следовала дюжина отборных молодцов. Они не держали на плечах оружия, свои пистолеты и ножи они извлекают, только когда окажутся в посадочном зале и займут все выходы в нем. Успех предприятия требовал неожиданности.

Внезапные крики и топот рассказали, как далеко они продвинулись. И через минуту-другую свисток на шее Лоренса сообщил *об успехе!*

Джовеин расслышал свой ликующий крик, теперь он мог вступить в свое царство. Сделав один шаг вперед, он бросился бегом по трубе. Блеклые стены, освещенные из дверей на обоих торцах, охватили его белым сумраком, растянувшимся на целую бесконечность. Грохотали сапоги, кто-то дышал ему в спину, но Джовеин едва мог расслышать эти звуки за барабанной дробью пульса. Холодный пот выступил на его теле, леденя кожу, которую изнутри обжигало пламя.

Высочив в зал из коридора, он бросился в середину его, к Лоренсу, и остановился, чтобы оглядеться. Волнение съежилось до внутренней дрожи. Никогда еще не были столь обострены его ум и чувства. По просторному залу гуляло эхо — под флуоресцентными трубками. С побледневших от времени фресок герои древности разглядывали прилавки, за которыми проверяли багаж и документы. Сбившись в тесные группы, повсюду стояли люди — их было куда больше, чем обслуживающего персонала; не отводя от них взгляда, его люди в мундирах перекрывали коридоры, веером разбегавшиеся во все стороны. Воздушный корабль заметили десятков пять-шесть человек и явились посмотреть, что он привез.

Джовеин узнал пару седовласых сеньоров.

— Успокойте их, полковник, — приказал он, пока выгружалась остальная часть его войска; мимо него бежали солдаты, винтовка с примкнутым штыком была у каждого четвертого. Многие были вооружены напряженными арбалетами, у остальных были ножи... и у каждого с пояса свисала дубинка.

— Да, сэр. Мегафон, сержант. — Лоренс взял инструмент, поднес его к губам и заговорил: — Внимание, внимание! Леди и джентльмены, прошу вас сохранять спокойствие. Вам нечего страшиться. Мы не пираты, и не иноземцы... такие же граждане Домена, как и все вы. Мы явились по необходимости — чтобы

защитить Скайгольм и всех вас. Оставайтесь спокойными и не мешайте нам исполнять важнейшее дело, и тогда безопасность ваша гарантирована.

Изысканно одетый молодой человек выступил из кучки зевак. Они закрывали его: невзирая на мускулистое сложение, он был ниже многих мужчин из аэрогенов. Пейзанская кровь угадывалась и в его широком лице, и во взлохмаченных каштановых волосах.

— Лоренс! — выкрикнул он. — Не понимаю... выходит, ты притащил сюда этого гада Джовейна!

Брат Фейлис опустил мегафон. Смятение омрачило его черты.

— Иерн, поосторожнее, — выкрикнул он в ответ.

Гнев и триумф, смешавшись, загорелись в Джовейне. Он не рассчитывал встретить своего врага тут же и настолько публично. Иерн способен возмутиться, устроить какие-нибудь неприятности в лабиринте ходов аэростата... Джовейн повернулся к офицеру слева от себя и приказал:

— Лейтенант, берите взвод и арестуйте этого человека.

— Слушаюсь, сэр!

Группа бегом взяла с места.

— Сэр, вы считаете, что это разумно? — нервно спросил Лоренс.

— Это приказ, — выпалил Джовейн.

— Хорошо, сэр, но Иерн — человек с норовом. Позвольте. — Лоренс вновь поднял мегафон. — Иерн, утихомирься. Отойди в сторонку. Все будет в порядке. Я обещаю. А все подробности объясню тебе при первой же возможности.

Иерн, пятясь, отступил от взвода, приближавшегося к нему.

— Итак, ты на стороне Джовейна? — выкрикнул он.

Мгновенным движением он развернулся и кинулся к ближайшему выходу.

— Остановите его! — выкрикнул Джовейн, рванувшись в погоню.

Охрана в дверях сдвинулась; между двумя эскалдунами с холодным оружием замер третий с пистолетом. В зале послышались крики, люди разбегались в стороны, иные ложились на пол.

С разбега Иерн прыгнул. Нога его, мелькнув, ударила в живот пистолетчика, как раз под грудной клеткой, тот мешком рухнул на землю. Его спутники попытались сойтись. Иерн с ходу ударил одного из них прямо по горлу. Человек с ножом отшатнулся и повалился, задыхаясь и дергаясь. Уклонившись от третьего, Иерн помчался по коридору.

— За ним! — Джовейн достал оружие. — Стреляйте! — и выстрелил первым.

Звук был невероятно громким. Свистнув, пуля ударила в косяк, за которым только что исчез Иерн.

Приблизившись к своему предводителю, Лоренс взмолился:

— Сэр, сэр! Ваши поступки не соответствуют доктрине, они погубят всю операцию. Пусть он уйдет. Возьмем его позже...

Джовейн сдался... поежился, глубоко вздохнул, пытаясь прогнать нахлынувшее головокружение.

— Ты прав, — отозвался он. Голос его со скрипом вырвался из пересохшей гортани. — Продолжим.

К вечеру Скайгольм лежал у его ног.

Для того чтобы занять его сердце и нервные центры, потребовалось чуть более часа. Безоружные аэрогены сдавались, практически не оказывая сопротивления. Один из пилотов попытался бежать на небольшом реактивном аэроплане, но ему пригрозили: обещали сбить, если он не вернется. С земли не поднимался никто, а потому истребитель оставался в доке, готовый вступить в бой в надежде, что обойдется без кровопролития.

Потом время тянулось очень медленно. Люди Джовейна должны были расположиться, установить охрану, договориться с техниками, без которых нельзя было обойтись, устроить жилье и питание. Патрули должны были обеспечить порядок. Разосланные повсюду представители должны были убедить аэрогенов, что ничьей жизни и собственности опасность не угрожает; а полное и обстоятельное объяснение событий последует незамедлительно, посему сопротивляться не следует. Потребовалось достаточно времени, чтобы собрать сеньоров в удобном для Джовейна месте; отразив шквал вопросов и протестов, он пообещал, что конклав состоится завтра, как и планировалось, и сам он откроет заседание откровением, способным доказать его правоту. До и после этой встречи он заседал с офицерами — своими помощниками и из Скайгольма, даже кое с кем из сеньоров — заранее знавшими о его прибытии и готовившими ему победу..

Смутно ощутив, что его терзает голод, Джовейн проглотил сандвич и кофе, доставленные ординарцем, и вернулся корпеть над информацией, полученной от разведчиков... вернулся спорить, убеждать, угрожать, издавать директивы и решать, решать, решать...

Закатившееся солнце сменилось луной, и ночь принесла известный покой. Начинали гаснуть огни, аэрогены укладывались спать — с нелегкой душой. Джовейн оставил работу, сказал

часовым, где искать его в случае кризиса, и покинул узурпированный кабинет. Можно было отправляться навстречу своей любви.

Звонкое эхо его шагов гуляло по тусклым коридорам. Нескольким раз он наткнулся на своих людей, молча отдававших ему честь, и ощущал себя куда более одиноким, чем рассчитывал. Наконец жилая секция закончилась. Переходом к следующей служили простые дорожки, подвешенные к тенсегритическим ребрам, паутиной терявшимся вдаль. Внешняя оболочка светилась густым лунным молоком, внутренняя растворялась во мраке. Джовейн шел словно между полым небом и опустошенной Землей. Аэростат сдерживал натиск ночного ветра, и шелест его двигателей царствовал... негромкий, подобный плеску далекого водопада, ниспадающего в бездонную пропасть.

Где-то неподалеку притаился Иерн. Снова и снова рука Джовейна искала спокойствия у изогнутой рукоятки пистолета. «Всего двое раненых: оба охранника получили серьезные травмы, их поместили в госпиталь. Человек с перебитой гортанью может не выжить... Не знал, что наш золотой мальчик настолько жесток. Что же с ним делать, когда он окажется в наших руках?»

Джовейн понимал, что еще не обдумал всю эту проблему как подобает. Он размышлял в категориях совершившегося факта, когда соперник его будет значить не более чем мотылек, бьющийся о стекло. Но раз Иерн постарался натворить дел — что ж, тогда его можно задержать как представляющего угрозу всеобщему спокойствию, а потом, быть может, выпустить под надзор. «Впрочем, не знаю, поможет ли это.

Его сегодняшнее поведение заслуживает ареста, и приказ уже отдан. Если его случайно убьют — при сопротивлении властям, которое он уже проявил сегодня... что ж, это избавит меня от многих хлопот. Кроме того, он может умереть и позже — при попытке к бегству».

Джовейн коротко вздохнул. «И что это лезет в голову? Я не убийца!

Но тот поединок на солнечных крыльях... Фейлис не узнает правды о нем. Не сомневаюсь: она не станет допытываться с излишним старанием.

Прекрати. Думай о ней. Ты идешь к ней». Джовейн ускорил шаг.

Следующая секция относилась к числу обитаемых... ее секция. Даже после двухлетней ссылки путь к апартаментам Ферлеев был впечатан в его память. Он толкнул дверь. Она отворилась. За ней оказалась Фейлис. Голубое платье облегло

стройную фигуру. Он шагнул вперед. Она просто упала ему на грудь. Обнявшись и целуясь, они простояли несколько минут и только потом вспомнили, что следует закрыть дверь.

— О дорогой, дорогой!.. — страстно выдохнула она. — Я так боялась за тебя... в своем одиночестве, час за часом...

— Я мог бы опасаться за тебя, не будь ты в такой безопасности. — Он погладил ее голову. — Спасибо тебе за то, что выполнила свои обещания... спасибо тебе за все, что ты сделала.

— Но это такая ужасная малость.

— Нет, это не так.

Он не знал, насколько искренне говорил. Он с трудом вынул ее взять на себя главную роль. Поначалу ее письма — почерк школьницы, обтекаемые фразы между взрывами страсти, — уверяли: она не замедлит оставить Иерна, но и он должен разлучиться с Ирмалю; и он уже ощущал желание поступить подобным образом, но учены Маттас заставил его смириться с судьбой: И Джовейн написал ей строгое письмо. Но сердце ныло, он не доверял ее способностям к конспирации и не хотел, чтобы она рисковала. Фейлис должна была просто снабжать его информацией, прощупывать людей, с которыми встречалась, подбирать таких, кто мог бы, по ее разумению, помочь делу. «Как это было важно, — подумал он. — Я был заточен в горах... конечно, у меня были агенты, но кто из них мог сделать для нас то, что сумела ты, Фейлис. И, превышая свои полномочия, ты сумела сагитировать своего брата Лоренса — у меня нет более ценного человека. Да, ты достаточно хорошо послужила Жизненной Силе, возлюбленная».

— Обними меня снова — покрепче, — попросила она.

Он обнял ее, вдыхая благоухание женского тела.

— Бедная моя... бедняжка, — пробормотал Джовейн. — Могу представить, чего ты здесь натерпелась.

Глотнув, она припала к его груди.

— Мне было в основном не до страхов... в основном, но я... я чувствовала, что разрываюсь. Не сомневайся, я всегда верила в тебя, Джовейн, но... бедный Иерн. В общем-то он не хочет ничего дурного. — Она отодвинулась и подняла глаза вверх: радужку их окружали белые ободки. — А что с ним? Он цел?

Джовейн нахмурился:

— Не хочется огорчать тебя, но он... он повел себя безрассудно. Нет, он не ранен. И если он опомнится... ты же знаешь, что я не желаю ему зла, и все простил. («Я хочу, чтобы он умер — любым удобным для меня способом... чтобы только можно было выступить с тщательно отшлифованной речью и оплатить расходы на похороны и сооружение скромного памятника».)

Он коротко поведал о том, что случилось. Она поежилась.

— Значит, он где-то прячется, один, скорее всего голодный и отчаявшийся. Я не хотела этого!

Джовейн обнял ее крепче.

— Я тоже, — проговорил он. «Хотя, если кто-то вообще заслуживает подобной участи, так это, в первую очередь, Таленс Иерн Ферлей». — Не бойся, я не сомневаюсь, что он поступит разумно и завтра же сдастся. Я постараюсь спасти его от последствий собственного безрассудства. Ну а теперь настало наше с тобой время, Фейлис... после двухлетней разлуки. Наконец-то оно настало.

Он не отпускал ее. Она не сразу согрелась и ожила в его объятиях. Наконец, они отправились к постели... Тут Джовейн осознал, что слишком вымотан сегодняшним днем и встревожен...

4

Иерн встал и нажал на кнопку часов. На экране выступили цифры: 20.51.

— Пора уходить, — проговорил он.

Восмайер Тесс Реймен, сеньора своего Клана и полковница корпуса метеорологов, тревожно посмотрела на него из своего кресла.

— Так рано? — спросила она. — Часовые начнут подремывать позже.

— На это нельзя уповать, мадам, их солдаты слишком дисциплинированы, они обнаруживают профессиональную выучку. Чем большая часть ночи останется у меня в запасе, тем выше мои шансы исчезнуть, не оставив следа.

— Я полагаю, что вы можете посидеть у меня подольше. Вы так и не смогли заснуть.

— Я слишком взбешен; было бы удивительно, если бы я чувствовал себя иначе.

— Но ваш план слишком рискован... по-моему, это ясно.

Иерн пожал плечами:

— Зачем мне прятаться здесь подобно мыши, спасающейся от кота Джовейна. Можно рассчитывать, что в первый день ему будет не до серьезных поисков, и сегодня я еще могу надежно спрятаться у верного человека. А завтра, мадам, — держу пари на любую сумму — они обыщут все помещения и закоулки Скайгольма до последнего метра и не остановятся, пока не отыщут меня. — Он ухмыльнулся. — Или же пока не удостоверятся, что я удрал. А потом пусть гадают, как это мне удалось.

Худая и седовласая женщина не разделяла его пыл.

— Не сомневаюсь: они обо всем догадаются. Остается только надеяться, что нам удастся скрыть участие Дени.

Ей помогал сын, которого она вызвала к себе после появления Иерна и отправила за снаряжением, в котором тот нуждался.

— Сомневаюсь в этом, мадам. Кругом сумятица, но техники — обслуживающий персонал — должны работать. Захватчики в основном из наземников, абсолютно незнакомых с местной жизнью. А кто станет уделять особое внимание молодому человеку, который спокойно открыл шкаф и надел на себя высотный костюм? Все решат, что у него есть работа снаружи.

— Если он отправится с вами, у вас будет надежный партнер, товарищ по оружию; Жезу знает, как вы нуждаетесь в помощи.

— Нет. Спасибо, мы все это уже проходили. Пусть он прямоком возвращается к себе — в спальню для холостяков. И если с утра его там не будет, улика укажет непосредственно на вас.

Тесс подняла голову.

— Вы правы. Откровенно говоря, Иерн, вы много умней, чем я, признаюсь, ожидала. Что делает еще более весомым мое стремление, оставаясь здесь, сделать все возможное на Совете, чтобы поправить ситуацию в вашу пользу.

— Мадам, ценю вашу отвагу и доблесть, на которые я и рассчитывал, иначе я бы не пришел к вам.

Резкий профиль был обращен к фотографии покойного мужа.

— Что ж, попытаюсь выполнить то, что сделал бы в таком случае Арик. — Иерн отправился в спальню — к снаряжению — и начал задергивать занавеску. — Ерунда, — сказала полковница. — Оставьте, поговорим по ходу дела, а так я ничего не услышу. Я отвернусь, чтобы не смущать вас.

— Ну... — Он расхохотался. — Мадам, скажу откровенно — поступив под вашу команду, я всегда сожалел о возрастной разнице между нами. Или же — возжелавший вышестоящего командира предается военно-полевому трибуналу?

— Да, я замечала это, — ответила она ровным тоном. — Мне было приятно, но я была скорей рада тому, что и возраст, и ранг разделяют нас. Ничего бы не вышло: не люблю быть чьим-то трофеем. — В голосе ее послышались трезвые нотки. — В этом отношении, Иерн, вам еще необходимо созреть. Не исключено, что причины того несчастья, что обрушилось на вас сегодня, отчасти объясняются отношением к этой стороне жизни.

Он помрачнел. «Согласен. Мой зять помогает моему врагу... Что же сказать о моей жене, если учесть все, что она говорила и делала, о чем умалчивала... Но представить себе подобное просто не могу».

Сбросив одежду, он начал влезать в высотный костюм. В столь узкой комнатенке это приходилось делать на постели.

Голос Тесс настаивал:

— Мы, сторонники законных властей, не знаем, как реагировать, пока не поймем ситуации целиком. Я не рассчитываю выслушать завтра полный отчет, но Джовейн будет стараться убедить нас, привлечь на свою сторону и умаслить. И раз он заручился поддержкой среди Совета, вне сомнения, есть и колеблющиеся; есть и те, кого ваша кандидатура не удовлетворяет, и они прислушаются к выдвинутому Джовейном обвинению... Иерн, пусть любые новости, которые вы услышите, вас не смущают. Не рассчитывайте на хорошее. И не рискуйте понапрасну. Надеюсь, у нас будет время, чтобы разобраться в происходящем и посмотреть, что получится, прежде чем придется принимать контрмеры. Быть может, нам придется и повременить.

Он натянул нижнюю часть костюма на ноги и на тело, сантиметр за сантиметром проглаживая черную гладкую ткань, чтобы ее обработанные молекулы, меняя свое положение, плотней прилегли к его телу.

— Да, я лягу и буду нем как рыба, — обещал он.

— А где — вы можете сказать мне?

— Это смотря куда будет дуть сегодня ветер. Дордойн — идеальный край для ведения партизанской войны, но Бреж предоставляет мне дополнительные преимущества. Вот два наиболее очевидных укрытия.

Он нутром ощутил, как она нахмурилась.

— Но не думайте братья за оружие, Иерн, хотя бы не сразу.

— Ах нет. Я просто хотел сказать, что в горах Дордойни легко укрыться и пейзажи помогут мне. Но, быть может, лучше отправиться за границу.

— Да, наверное, это разумней всего остального. — Тесс помолчала. — Хотелось бы мне дожить до более счастливых времен.

Облачившись в облегающий костюм и задернув молнию до горла, Иерн принялся за плотный наружный комбинезон. Он должен был защищать от повреждений нателный слой. Кроме того, в нем находились карманы и петли, позволяющие пристроить всякие необходимые вещи.

Он вышел в гостиную, и Тесс помогла ему закончить подготовку. Носки и ботинки защищали его ноги. На мягкий подшлемник сверху надевалась жесткая оболочка, крепившаяся по основанию к внутреннему слою. Он не стал закрывать лицевую пластину. Провел рукой по петлям, застегнул пряжки, повесил на спину баллон с кислородом. Тесс подсоединила его и отрегулировала клапаны: важное дело. От выдыхаемого воздуха тело Иерна будет потеть. Вентиляторное устройство охладит водяной пар, чтобы избежать перегрева. Затем последовал парашют, но не из тех, которые надевали техники, выходя наружу. Падения с аэростата случались редко, а потому словесные наставления заменяли практические тренировки, способные сохранить людям жизнь. Словом, их снаряжение было простым. Дени же принес парашют, который предпочитали опытные парашютисты, с такими прыгали с самого аэростата.

Иерн однажды проделал такой трюк много лет назад. Тесс узнала об этом, вызвала его на ковер и, не стесняясь в выражениях, запретила ему вытворять подобные авантюры. «Страна потратила целое состояние, чтобы научить вас летать, — резала она. — А вы вчера вдруг решили порезвиться? Что, молодой человек, хочется косточки разбросать по всему Домену?»

«Ну, сегодня дело другое», — подумал он, аккуратно натягивая высотные перчатки. Она застегнула пряжки на его запястьях.

Они стояли друг против друга, молчание затянулось.

— Ну, — проговорил он наконец. — Я... э... мне пора... Спасибо вам за все.

Улыбка на ее лице дрогнула.

— Вот что, негодник, постарайтесь вернуться сюда с честью. Чтобы мои внуки — а они у меня вот-вот появятся — могли наслаждаться жизнью! — Она приподнялась на мыски и поцеловала его — легко, словно ласточка тронула крылом его щеку. — Прощай, Таленс Иерн Ферлей. Удачи тебе.

Он вышел, переполненный смущением, которое охотно скрыл бы. Она помахала ему вслед.

Далее путь был ясен. Иерн целенаправленно шагал, полуприкрыв лицо забралом шлема, чтобы никто не мог заметить его и пристать с ненужными расспросами.

К счастью, он никого не встретил: дожидаясь утра, Скайгольм как бы втянулся в себя.

Облаченный в зеленый мундир часовой стоял возле воздушного шлюза С-3. Заметив Иерна, он приподнял винтовку и выкрикнул:

— Стой! — Эхо порхнуло по залу, вдоль стен которого стояли шкафчики. Часовой нервно заговорил с густым эскуарским акцентом: — Куда ты?

— Как положено — наружу, — ответил Иерн. — Пропусти.

— А бумага у тебя есть?

Иерн хотел было подойти поближе, чтобы ножом пырнуть часового. Но тут же взял себя в руки: в случае неудачи могло сорваться все мероприятие. И он нашелся:

— Зачем мне пропуск для обычного дела?

— Чего же тебе там надо?

Иерн с досадой вздохнул.

— Ну подумай, компадре. Здесь же не причал, нет и лазеров, никакого вреда я причинить не могу. Здесь у нас наблюдательная площадка. Моя обязанность — проверять состояние оболочки. Потом я перейду на другую платформу, дальше на следующую. Ультрафиолетовый свет и озон разрушают материал. Нам приходится заменять панели, когда они начинают крошиться. Ваше появление сегодня нарушило все режимы. Перепады давления на закате генерируют напряжение в конструкции. Мой начальник приказал мне проверить состояние дел. И как, по-твоему, мне выполнять поручение?

Часовой шагнул в сторону:

— Ладно, иди.

Иерн внутренне усмехнулся. Он солгал лишь в том, что получил приказ. Просто придал голосу важности и не стал упоминать о том, что среднее время службы панели составляет десять лет. Инспекции проводились ежегодно — с помощью прецизионных инструментов — и уж во всяком случае не ночью. Он сказал часовому, что износ панели может привести к падению Скайгольма. Это было не так: если дырка возникнет даже в плавучей внутренней сфере, движение воздуха немедленно развернет адгезивную заплату, способную продержаться несколько часов, прежде чем давление заметно упадет. Создавая аэростат, предки предусмотрели многие ситуации.

Но не предвидели одного — того, что небесный город могут предать.

Иерн опустил лицевую пластину и прошел в шлюз. А когда оказался снаружи, застыл: хотелось наглядеться впрок. Быть может, ему уже не придется видеть мир с высоты. На востоке в призрачной мгле ослепительно сияла полная луна. Звезды толпились на небе — немигающие разноцветные льдинки — и Галактика мостом легла от горизонта до горизонта. Внизу не было даже облака; четко вырисовывались Бискайский залив и

Англиканский канал, на черной Земле под ним тут и там мерцала река, озеро или снеговая вершина, но поодаль все растворялось во тьме, под серебряной лунной дымкой... Земля казалась ему немыслимо отдаленной, не такой Иерн видел ее прежде. Но самым нереальным казался огромный светящийся бок захваченной небесной твердыни. Из-под оболочки слабо проступала сетка — ему представились вены, голубеющие в наполненной молоком женской груди... тут он вдруг остро да так, что едва не охнул, вспомнил о матери. Уснувший гигант мирно парил, разогревая свое нутро запасенным солнечным светом. Ухватившись за поручень платформ, Иерн ощутил легкую дрожь — это воздух вырвался из реактивного двигателя, одного из двух, и ему представилось, что слух доносит до него — брррр-уууу-ммм — звук, бросавший вызов всем ветрам верхней атмосферы в течение восьми сотен лет.

Иерн встряхнулся, словно бы только что вынырнул из зимней реки. «Ну, пора и в путь, парнище», — пробормотал он.

Трепет оставил душу, потрескивал, разгораясь, огонек восторга; ему предстоял удивительный прыжок.

Перебросив ноги через поручень, он чуть помедлил и оттолкнулся.

Поначалу он летел как во сне, лишенный веса, тела... парил под холодным светом луны. Тело его поворачивалось медленно и ровно. Все вращалось вокруг... Землю сменял белый шар, от которого Иерн удалялся. Неужели ветер и в самом деле запел, или же для этого воздух был еще слишком разрежен? Конечно, холод вокруг мгновенно мог превратить в льдышки его глаза, но в своем комбинезоне он плыл среди звезд по небу, словно в чреве матери. Ум его, что-то вычислявший и измерявший, удалился в неведомые дали, ничем не влияя на сознание, подобно сердцу и легким. Его истинное «я» растворилось в беспредельном просторе.

«Когда совершаешь затяжной прыжок, раскрывать парашют следует точно в нужный момент — при достаточной плотности атмосферы, иначе он только разорвется и саваном прикроет тело, метеоритом вонзившееся в почву. Но когда это сделать? Если опоздаю — сгорю или прожарюсь в нижних слоях атмосферы.

В прошлый раз я делал это на высоте пятнадцати километров, но тогда у меня были инструменты... Что ж, прикидывай, птица, думай, не ошибись».

Он потянул за шнур. Пошел вытяжной парашют. Толчок — и раскрылся главный, расправился и наполнился, жестко ударив стропами. Иерн повисел немного, прежде чем смог позабыть о боли. «Я чересчур затянул падение. Завтра будут синяки». И в восторге: *свободен!* Мысль эта полностью вернула его в сознание. Иерн выбросил из головы все неземные красоты; ведь он —

авиатор, которому предстоит посадка. Точных данных у него не было, но никто не мешал наблюдать. Иерн принялся осторожно манипулировать стропами. Обычно стратосферные ветры дули с запада на восток... куда ему нужно было в последнюю очередь, однако им он мог противопоставить умение; внизу, в тропосфере, ветры будут меняться, дуть в разные стороны на разных высотах. Можно подобрать купол и падать быстрее, когда направление ветра не устраивало, или же, открыв его пошире, задержаться подольше в нужном потоке.

Диск Скайгольма над головой уменьшался. Наконец вернувшийся вес тела и посвист дали понять Иерну, что он вошел в эфирное королевство. Звездный полог померк, оставшиеся светила наконец сложились в привычные фигуры созвездий. Раскачиваясь под широким бледным колоколом, Иерн по возможности управлял им. Канал и море не хотели съеживаться на горизонте, или не так?... Ах-ха! Ветер-то с юго-востока... даже стропы трепещут.

Набравшись духу, он потянул за корд, и парашют вспорхнул вверх, стропы его щупальцами медузы вились в лунном свете. Началось падение, но не свободное, как прежде, а в плотном потоке... Иерн опускался, продавливая воздух, наконец раскрывшийся второй парашют затормозил полет.

Иерн рисковал и знал это. Основной парашют спокойно донес бы его до земли, однако в таком случае он мог особо не сомневаться, какой край встретит его внизу. Второй парашют представлял современное устройство, порожденное вдохновением ученых-маураев. Сложный, казалось бы, непрочный — лопасти, несущие поверхности, элероны, трубки Вентури — но точный в полете, как глайдер. Такими пользовались не более чем в нескольких километрах над грунтом.

Он отвлекся. Люди верили в него: Тесс, Дени, его собственные друзья и пейзаны... Фейлис? Ну что ж, если ему суждено разбиться, значит, этого не избежать. Имело значение только то, что с помощью этого парашюта можно было добраться до Брежа*, края, где его родила мать.

Крик Иерна зазвенел в шлеме.

...Он опустился на землю — едва не перышком — на дорогу, которую наметил сверху, пыль порхнула из-под ног серобелым облачком. В лунном свете с обеих сторон вздымались деревья, предутренняя роса поблескивала на траве. Иерн разделся, и влажный ветер омыл его тело земными благовониями... Над головой заухала сова.

* Область Бретанского полуострова, старинная форма Брейз.

Первым делом следует позаботиться о самых компрометирующих деталях наряда. Иерн не стал углубляться в лес, на опушке с помощью ножа упрятал под дерн все ненужное. Обувь и плащ он сохранил, сняв знаки отличия. В таком виде вполне можно сойти за батрака.

А потом он вышел на дорогу, прекрасно представляя, куда идти. Не так уж далеко отсюда тропа уводила к руинам замка, брошенного за века до Судного Дня. Отшельник, обитающий в нем, предоставит ему кров и будет помалкивать, когда он уйдет.

Луна поднялась выше. В кротком свете ее плыл Скайгольм, уже ушедший в земную тень.

Глава 11

1

Новости дошли до Роники Биркен вскоре после того, как она пересекла реку Сейн, возвращаясь из похода по землям, лежащим за Рином*. Паром с длинными веслами переправил ее отряд — полдюжины человек, фургон и коней — к пристани на левом берегу. Разместившиеся на сиденьях фургона и в седлах, они тронулись в путь — до Фонтейбло оставалось три или четыре километра.

Алек Заксон прищипорил коня, чтобы догнать ее.

— Прекрасное утро, не так ли? — спросил он, оказавшись рядом.

Она огляделась вокруг. Деревья — больше всего было ольхи и березы; ветви сходились над головой, образуя тенистый сводчатый коридор, а листья зеленоватым золотом отражали последние лучи солнца. Пора была уже не жаркой, однако до осени было еще далеко. Дорога хрустела гравием под копытами и колесами. Вокруг перепаркивали птицы. На миг тоска по дому охватила Ронику, но Ляска лежала по ту сторону Северного полюса, и дикий простор ее лишь отдаленно напоминал прирученный лес посреди Домена.

— Прекрасное, — согласилась она.

— Может, отдохнем завтра? — предложил Алек. — Ты гнала нас самым безжалостным образом.

— В нашем положении медлит только безумец, — отрезала она. — Ты знаешь это.

* Совр. Сена и Рейн.

Мелькнуло воспоминание: «Можно было задержаться среди варваров на далеком востоке, они явно трепетали перед нами; в любом случае у них не было огнестрельного оружия. Там нам пришлось попотеть, дороги не изменились после Судного Дня. Но от полуцивилизованных западных алеманов следовало уходить побыстрее, чтобы кому-нибудь из них не взбрело в голову ограбить нас. Пусть отобранный груз скоро убил бы грабителей, но это не могло послужить заметным утешением».

— Видишь, мы в безопасности уже целую неделю. — Он показал вокруг. — А ты все еще погоняешь нас кнутом. Куда ты так гонишь, Роника?

— Нас могут ждать на корабле.

— Если так, капитан Карст уже известил бы нас, не правда ли?

Она кивнула: да, в глуши они были лишены связи, но здесь ситуация переменилась. В любой самой крохотной деревушке Домена был общественный радиоприемник. Примерно один час в сутки Скайгольм транслировал платные сообщения, объявления принимали в центральных почтовых отделениях и передавали по графику. Микли заставил ее запомнить наизусть целый перечень кодовых фраз. Но она еще не слышала ни одной из них и теперь уже не рассчитывала — вполне обоснованно — получить указания по радио до прибытия в Кемпер. Быть может, ничего нового они не встретят и там, если в это время Микли будет занят своими махинациями вдалеке от корабля.

— Домен — это целая виноградная кисть штатов, и, хотя в каждом из них действуют свои собственные правила, — напомнила она Алеку, — наши бумаги позволили нам миновать все проверочные пункты. Но для местных мы всего лишь подозрительная шайка иноземцев, и если мы начнем медлить в дороге, какой-нибудь случайный чиновник, заметив это, легко может сделаться до чесотки любопытным.

— Ну и что? Пусть он прочтет наши документы, зачем ему интересоваться археологическим грузом, предназначенным для... э, Консватуара?

«Тоже мне — археологические находки: четыре неповрежденные плутониевые боеголовки, найденные возле Чехийского хребта. Опасливые туземцы обходили их стороной... Что могут добавить эти четыре головки к смертоносному содержанию других ракет, изломанных или разъеденных коррозией, уже проникшему в биосферу Земли...»

— По пути излишне подозрительных мы не встретили. Да ну, чего их бояться! — настаивал Алек. — Здесь мир царит не первый век; мы для них словно глоток свежего воздуха. Поверь мне, Роника. Я знаю эту страну.

Она не сомневалась в этом и кивнула в ответ.

Без Алека эта экспедиция была бы безнадежной; да, она умела найти дорогу через леса, болота, по лишенным дорог перевалам и через бурные реки, могла найти пропитание для своих людей и укрыть их на ночь. В случае неприятностей, как случилось не однажды, она могла разместить своих спутников, создавая облик внушительного отряда, и враги отставали. В конце концов она умела руководить поисками боеголовок. Но она не знала даже Франсестерр, не говоря уже о лоскутных племенах, обитавших к западу от него. Ее познания в юропанских языках ограничивались англеем более чем скудным и франсеем еще менее бойким; языками она занялась на корабле, отправившемся из Сиэттла. Алек Заксон провел многие годы на этом континенте в качестве антрополога. Он непринужденно владел франсеем и несколькими алеманскими диалектами, знал даже несколько шлавянских. А посему мог разузнать дорогу в варварских краях и тактично выяснить, где и что можно найти.

— Не пойму, почему бы нам не провести день-другой в Фонтейбло? — спросил он. — Восхитительное место — и сам городок, и окрестности тоже. Кроме того, подумай о наших бедных животных.

Роника посмóтрела вниз на коня, опустившего голову и уныло перебиравшего копытами. Чувство вины укололо ее. «Он прав. Я подгоняла их жесткой рукой, но теперь можно более не торопиться. Дома ведь я не убью зверя и не срублю дерево, не шепнув ему: прости меня, брат... или сестра, у меня есть в том нужда. Следует ли мучить животных только потому, что я тороплюсь... неизвестно куда и зачем? Сама не знаю, что меня гонит. Впрочем...»

— Хорошо, — решила она. — Если только нам не прикажут поторопиться.

— Чудесно! Ты не пожалеешь. — Алек подвел поближе своего коня и прикоснулся к руке Роники незаметным для остальных жестом. — Я покажу тебе окрестности. Местные вина великолепны, блюда восхитительны, окрестности живописны, можно найти идеальное место для пикника и чтобы...

Голос его умолк, но рука обещала многое...

Горячая мужская ладонь обожгла, и все же Роника не убрала свою руку. Пульс ее зачастил. Что-то судорогой пробежало по телу... не страстью и не хворью. Украдкой она искоса взглянула на него. Алек отличался от крепких и коренастых солдат и механиков, ехавших сзади. Худой, гибкий как кнут, с тонкими чертами лица и аккуратной бородкой, сохранявшей опрятность в самых невероятных условиях, блестящий собеседник... Алек

держался с ней столь же ровно, как и прочие. Но при этом никогда не позволял ей забыть, что считает ее целомудрие лишь средством сохранения дисциплины.

«Черт, наверное, прошла вечность с тех пор...» Она вспомнила искушения, подворачивавшиеся по пути, когда случалось освоить начатки какого-нибудь языка. Сбегать, не усложняя себе жизнь, в кусты с каким-нибудь симпатичным молодым туземцем было бы так легко. Вся беда была в том, что она не обладала иммунитетом к богатому набору мерзких хворей, свойственных этим краям, к тому же далеко не все из них поддавались антибиотикам. (В этот вдруг ставший головокружительным вечер ей захотелось забыть о жалких вонючих хижинах, скудных полях, заскорузлых людях, согбленных, беззубых и уже в свои сорок лет стоявших на краю могилы, грязных младенцах в обшарпанных люльках, очевидно, умиравших под облаком мух. И это при том что, как она читала, восточно-юропанцы жили лучше, нежели большая часть человеческой расы.) Она полагала, что люди ее по тем же причинам решили терпеть до возвращения во Франсетепп. Во всяком случае, в Алеке она не сомневалась.

«Я не распутница и могу обойтись без этого удовольствия столько времени, сколько потребуется — даже не месяц. В жизни столько хорошего... но...» Она внутренне улыбнулась. «Не хитри с собой, Роника. Ты явно не против, чтобы тебя хорошенько отделили. Почему бы и не здесь?» Она похлопала коня по шее. Шерсть на теплой шее щекотала ее ладонь. «Потерпи еще немножко, друг мой, — подумала она. — И у тебя будет свой праздник. Господь знает, что ты заслужил его».

Алек отпустил ее руку — они выехали из-под полога леса, и перед ними завиднелся город.

Они шли через север Франсетеппа, чтобы избежать внимания маурайских агентов, крысами сновавших по всему Домену. Ничего подобного еще не видела Роника.

— Хой-ах! — воскликнула она, радостно хлопнув в ладоши.

Лес уходил вправо темной дугой. Повсюду вдаль тянулись виноградники, перемежаясь лугами, и садами, вдоль дорог выстроились рядами клены, светились окна попрятавшихся в низины ферм. Уютный городок теснился к потемневшим от времени, но по-прежнему казавшимся легкими стенам старинного дворца. Чистое небо — фиолетовое на востоке — становилось серо-голубым над головой, западный край его зеленел там, где только что зашло солнце. На юго-западе парил Скай-

гольм, чуть уступая в поперечнике полной луне, до восхода которой оставалось недолго. В небе суетились ласточки, а далекий колокол благовестил голосом вечернего покоя...

— Да, — согласилась Роника. — Да, да.

Прищелкнув языком, она прикоснулась пятками к ребрам коня и послала его вперед, но не слишком быстро. Алек держался рядом. Кони их спутников и фургон, грохоча, поотстали.

Мощенные камнем улицы грохотали под копытами, стены из местного песчаника отдавали часть дневного тепла. Обитатели городка приступали к обеду, редкие прохожие с округлившимися глазами и раскрытыми ртами сопровождали взглядом чужеземцев, направляющихся в гостиницу, что украшала рыночную площадь. Лавки уже закрылись на ночь. Посреди площади торчал высокий столб, фонарь на вершине его еще не горел. Под ним располагался рупор. Роника направила коня через площадь.

Но тут громкоговоритель вдруг пробудился. Роника остановила своего скакуна столь грубо, что, невзирая на усталость, конь поднялся на дыбы. Звуки франсея, хлынувшие из рупора, ничего не говорили ей. Однако интонация и тревога, читавшаяся на лицах людей, высыпавших на площадь, предвещали что-то недоброе.

Успокоив коня, Роника подъехала ближе к Алеку и схватила его за руку.

— Что стряслось? — спросила она. — По-моему, что-то жуткое.

Лицо его белело в сумраке, однако Ронике показалось, что оно вдруг посерьезнело.

— Внимание, внимание, бюргеры! — начал переводить он скованно и поспешно. — Специальное уведомление из Иледу-циеля всему Домену... — Мгновенно обернувшись к ней, он сказал на англее под уличный гомон: — Какой-то политический заговор... Всеобщий политический кризис, чрезвычайная ситуация, по радио велют всем оставаться спокойными, однако... ничего определенного не говорят; только выходит, что наверху крупная свара.

Она мгновенно овладела собой.

— Что ж, поторопимся в Кемпер... не откладывая, — приказала она. — Лучше не останавливаться в городе; только Йау знает, что может случиться. Станем лагерем за пределами его. Еда у нас есть, а завтра с утра вновь отправимся в путь.

В голове пощелкивали цифры, словно бы она уже вернулась к вулканам. «На скорость надеяться не приходится. Самая луч-

шая дорога в Домене — просто коровья тропа, если сравнить с любым захудалым шоссе в Союзе. Наш фургон легок — груза почти что нет, — но кони близки к истощению. Быть может, придется обменять их на лошадей не столь хороших, но свежих. До Кемпера ехать неделю или около того, хорошо бы отхватить денек от этого срока...

Ну что ж, черт побери, попытаемся». Роника извлекла свой меч, взяв его словно скипетр, чтобы люди впереди расступились.

— Поехали, мальчики, — вскричала она. — Рысью!

2

Два года назад подразделение маурайского Инспектората высадилось в Кенае, стало лагерем и, используя город в качестве базы, целый месяц исследовало окрестности. Маураи объявили, что есть основания предположить, будто здесь происходит нарушение договора, однако в подробности вдаваться не стали, потому что — как признался их шеф мастеру Ложи Беньо Смиту — сами ничего толком не знали.

Хотя чужаки старались соблюдать приличия, незнакомцев встречали враждебно и не стремились помочь. Лясканцы держались независимо даже по меркам Северо-западного Союза и саботировали действия Высокого Комиссариата в еще большей степени, чем южане, для которых подобное сопротивление сделалось привычным. В особенности после смерти Руори Хаакону; невзирая на хорошие манеры, его наследник не обладал обаянием.

Исполняя свои обязанности, инспектора потребовали, чтобы им разрешили посетить горы за заливом Кука — область, которую уже примерно двадцать лет посещали только считанные единицы.

— Почему доступ туда ограничен? — спросил командор Окума Самуэло.

— Я бы этого не сказал, — ответил Беньо; его маурайский был лучше, чем англий его гостя. — Просто мы рекомендуем всем держаться подальше, поскольку здешние окрестности принадлежат Ложе Волка или с самого начала, или в результате браков и наследования. Наше общество основано на добровольном сотрудничестве, как вы знаете. — Он добавил с ехидцей: — Безусловно, нам приходится считаться с людьми. А как же еще поступать в приграничных районах вроде нашего, где общее согласие необходимо, просто чтобы выжить! Лица, не входящие в Ложу, уважают ее права. А почему бы и нет? Места у нас хватает.

— Прошу вас не водить меня за нос, сэр, — проговорил Окума. — Так чем вы там заняты?

— Видите ли, после того как вашими заботами рухнули наши планы на возрождение промышленности, мы решили перестроиться и организовать там заповедник. Отчасти чтобы подстраховаться, учитывая прирост населения на севере, но в основном территория используется в научных целях: там занимаются экологией, генетикой, прочими привычными для вас науками. Делами там заправляет Ложа Волка; ей помогают отдельные представители других Лож. Волк по традиции заправляет интеллектуальной сферой. Уже не один век из наших рядов выходит больше ученых, преподавателей и военных, чем следует из численного соотношения.

— Действительно, и военных, — негромко согласился Окума. — Вы ведь считаетесь полувойскальной организацией, по крайней мере в наши дни, не так ли?.. Но почему ваши ученые так редко публикуют свои труды?

На лице старика появилась улыбка.

— Мы, норри, любим соревнования в бизнесе, но не в академических науках; Ложа делает свое дело, проводит собственные исследования, даже если на них уходят поколения, и не стремится к сиюминутной славе. К тому же исследования обычно проводятся весьма малочисленными группами. Толпа не сумеет заметить необходимого.

— У меня есть причины полагать, что в эти края отправляются значительные корабельные грузы — много и ежегодно.

— Что же в этом удивительного, — согласился Беньо. — Разместить аппаратуру на столь огромной и пересеченной местности — дело нелегкое. К тому же в целях эксперимента иногда приходится изменять рельеф, а для этого необходимо тяжелое оборудование. Ну а если честно, я полагаю, что вы преувеличиваете нашу активность. Должно быть, вам доносят о грузах, в действительности предназначенных не для этих краев. Ведь так легко ошибиться, пребывая в такой дали от родины... в стране, столь не похожей на нашу.

Беньо качнул длинной трубкой церковного старосты.

— Смотрите сюда, командор, — проговорил он. — Я хочу, чтобы вы все увидели своими глазами. Я знаю, что вы хотите этого. О'кей? Пусть будет так. Предоставьте мне несколько дней, чтобы подобрать проводников. — И в предчувствии возражений добавил: — Нет-нет, вы сможете отправиться куда угодно, мы же не сумеем спрятать за одну ночь что-нибудь по-настоящему крупное, не так ли? Просто вам нужны надежные проводники, которые смогут помочь действием и советом и

уберечь от неприятностей. Места здесь опасные — снежные лавины, камнепады и тому подобное. Кроме того, признаюсь, мы бы хотели, чтобы ваш отряд оказал по возможности меньшее воздействие на окружающую среду. Полагаю, вы не станете возражать. Ваша Федерация так же ориентирована на науку, как и наш Союз.

Переправившись на другой берег залива, Окума вместе с помощниками не обнаружили ничего подозрительного. Перед ними лежал дикий край, лесистые и гористые просторы, совершенно чуждые маураям. Они понимали, насколько легко можно спрятать здесь Бог знает что... но что же именно? — и в других условиях сделали бы свою работу лучше. Однако короткое субарктическое лето приближалось к концу, налетали шквалы, принося дождь со снегом, туман сокращал и без того недолгий день. Наконец исследовательский отряд, работавший на востоке, прислал по радио волнующее сообщение: они наконец обнаружили возле Якутата явные свидетельства незаконной активности в недавние годы... предполагалась попытка создания самолета более скоростного и дальнего, чем было разрешено Союзу по договору. Израсходовав все местные возможности, проект мог быть перемещен в едва картографированный район Юкона, или же — по секретному соглашению — в монгское государство Чакри.

Инспекторы оставили Кенай и не вернулись. Прощаясь, Окума с горечью говорил Бенью:

— Вынужден признать ваши действия честными; возможно, какая-то Ложа — ваша, Лосося, Бобра, Полярис, Можжевельника, Чинуков*, называйте любую — проводит нелегальные работы, но рядовой член ее о них знать не будет. Остается только просить вас, если случайно вам попадетсЯ какая-нибудь информация, забыть местные интересы и вспомнить о благе всего человечества... всей Земли в целом — и обратиться к нам.

Ответ мог показаться дружелюбным:

— Не завидую вашим трудам, командор: невозможно остановить вращение мира.

В последующие два года земля на континенте грохотала и сотрясалась чаще, чем прежде. Дружно пробудились вулканы — так уверяли людей.

Эксперт Волков выступил перед городским собранием и пояснил, что бояться нечего и паниковать тоже. Но если над

* Американское племя индейцев.

пиками позади залива кто-нибудь заметит яркую вспышку, за которой сразу не последует грохота, необходимо прикрыть глаза и лечь. Событие состоялось летним безветренным утром. Ночью землю покрыл туман столь густой, что, когда рассвело, люди на ощупь пробирались в нем, утром влажная серая мгла делала призрачными их силуэты. На темных, почти не видимых стенах домов проступали редкие лужицы освещенных окон; огни фонарей нельзя было различить за два дома. Скорбно и глухо доносился от воды рожок маяка.

И вдруг во мгле полыхнуло пламя — ослепляющее, белоголубое. Разрастаясь, оно превратилось в огненный шар, яркий как солнце. Не послушавшие предупреждения и не отвернувшиеся в сторону получили бы ожоги сетчатки, если бы мгла не прикрывала землю, море и небо; однако люди закрыли ладонями лица, но долго еще плясало в глазах темное пятно. Стоявшие к вспышке спиной увидели перед собой огромную радугу, цветной аркой пробившую туман.

Следующая вспышка оказалась слабее и выше. Только потом пришел звук. Даже на таком расстоянии он сотрясал землю и небо, повергая в трепет человеческое тело, колебля сердца и вызывая ужас, которому не было имени.

Звезда в небе погасла. Облака успокоились. Мужчины и женщины обменялись удивленными взглядами — все живы и целы — и поспешили утешить испуганных детей. Эскимос, холодно считавший собственный пульс, отправился дальше, объявив, что, по его мнению, взорвался вулкан где-нибудь в сотне километрах отсюда и, должно быть, в коротком пароксизме изверг вверх одно-два облака раскаленной лавы... расплавленный камень должен был вызвать жуткий всплеск и столб пара, если бы попал в воду, а уж на земле последствия падения просто трудно представить.

А за заливом, глубоко под землей, директор Эйгар Дренг вместе с ближайшими помощниками взволнованно наблюдал за приборами.

— Поехала, — проговорил он, стиснув кулаки, грудь его вздымалась, по щекам текли слезы. — Клянусь семью громами, поехала.

На крыльях радио закодированное известие порхнуло к трем кораблям, перенеслось к далеким станциям слежения. Капитан объявил новость своим людям, те поздравляли друг друга... плясали, обнимались, бросали в воздух головные уборы, а потом вновь принялись за работу. Вскоре, как они надеялись, одному из экипажей действительно предстоит бездна дел.

Столы унесли и рядами расставили стулья, Чарльз-холл превратился в зал заседаний Скайгольма... а точнее — в помещение, где происходили собрания сеньоров Кланов. Знамена Кланов, украсившие стены в привычных местах, преобразили зал, сделали фрески с историческими сценами фоном для калейдоскопа цветов и красок — надменных символов вековой доблести, разнообразных и торжественных.

Ожидавший на возвышении Джовейн, понимавший, насколько маленьким кажется он на фоне расшитого золотом занавеса из синего шелка, редко чувствовал себя более одиноким.

Пропели трубы, начальник караула воззвал к порядку, капеллан произнес молитву, и президент Административного Совета приступил к формальностям. Снизу, из партера, сеньоры смотрели на Джовейна.

Невзирая на присутствие собственных солдат, вид собравшихся более шестисот мужчин и женщин, избранных, чтобы представлять свои Кланы, устрасал его... Отдельные группы разграничивались проходами. Акустика вполне удовлетворяла его; слышны были даже легкие шорохи и бормотание, которые только подчеркивали общую тишину. Все были одеты разнообразно: в военные мундиры и местные наряды, в скромных и торжественных городских платьях, но нашивка на каждом плече повторяла цвета знамени Клана. В основном люди были средних лет, попадались среди них старые и молодые («Как Иерн, черт бы его побрал... черт бы побрал этого скользкого гада, куда же он подевался?..») внимательные и осторожные. Ближе к нему сидели Таленсы, имевшие право высказываться, но не голосовать на выборах Капитана. На нескольких лицах Джовейн прочел настолько откровенную ненависть, что взгляд его невольно направился вдоль двадцати девяти выделенных групп, выискивая людей, которые, как он знал, поддержат его. Воздух, вырывавшийся из вентилятора, влагой омывал его кожу.

«Прекрати! — принялся ругать он себя. — Судьба есть судьба». И когда президент объявил о его, Джовейна, выступлении и он поднялся на лекторн, отвага вернулась, а с ней — воля и уверенность. Он и в самом деле не так все себе представлял. Не предвидел ни этой нервозности, ни сомнений, ни укоров совести, неотвязных дум о подробностях, которых нельзя забывать... ни свербежа между лопатками, ни запаха холодного пота, покрывшего тело, ни грустного отпечатка прошедшей ночи и тяжелую голову... ведь поспать толком не удалось. «Но разве удавалось тебе хоть что-нибудь предвидеть заранее?»

Переписанный текст ему не потребовался. Лекторн был снабжен микрофоном для обращения к публике, и, деловито опустив на него руку, Джовейн начал:

— Господин президент, достопочтенные сеньоры, Клань и народы Домена, позвольте мне искренне и смиренно поблагодарить вас за терпение. Нынешняя ситуация беспрецедентна, а поэтому дважды трудна...

Нельзя сказать, чтобы слова эти были излишни: обезьяны перебирают друг другу шерстку пальцами, люди убаждают людей словами. Кроме того, банальности позволяли ему поймать ритм, скопить энергию, ощутить приход вдохновения. «Вряд ли Фейлис сегодня ночью снова будет разочарована».

Сейчас ему предстоит, подобно Буревестнику, нырнуть в самое сердце бури и успокоить ее. Кому еще представало более трудное дело после Судного Дня, закрывшего весь мир радиоактивным облаком, когда Чарльз Таленс собрал экипаж и приказал терпеть. «Неужели я и впрямь ощущаю, как его аним присоединяется к моему? Нет, это просто тщеславие; я не сумею ощутить этого, какова бы ни была истина. К тому же геанская философия не поощряет подобных верований... впрочем, и не запрещает».

— Я обращаюсь непосредственно к суровым фактам, характеризующим ситуацию. Скайгольм в опасности. Беда грозит всей цивилизации. Быстрыми и решительными действиями мы, как я считаю, можем избежать беды, к описанию которой я собираюсь переходить. Но еще более великое и долгое зло только ждет нас... а с ним и безграничные перспективы — если мы сможем перестроиться, чтобы овладеть ими.

Кое-кто из слушателей извлек блокнот и карандаш. Предстоит услышать несколько резких вопросов...

— Приношу глубокие извинения за вчерашнее вторжение. Никогда прежде не нарушались мир и священный покой Скайгольма. Но заверяю вас: другое, намного худшее зло... бесконечно трагическое разрушение началось бы, если бы мои верные друзья и я не приняли контрмеры. Мы не посмели обратиться к вам заранее — так скоро следовало ввести сюда вооруженный отряд. Конечно, это неслыханно. На подобный поступок мог бы решиться разве что Капитан, которого у нас нет. Ваше достопочтенное собрание потребовало бы от меня свидетельств, доказательств, начало бы обсуждать дело, отыскивая самое мудрое решение, а враг тем временем нанес бы удар...

— Вы спрашиваете, кто этот враг? Позвольте мне вкратце обобщить все, что я знаю и к каким выводам и заключениям

смог прийти. К деталям я обращусь позже. Фактические свидетельства могут быть представлены достойным доверия лицам, которых выберет Совет.

«А теперь гребень вздымается и набегает на берег!» Мы привыкли представлять себе Эспейнь единой и монолитной нацией. Однако те из вас, кто знаком с темой, хорошо знают, что это не так: народ Эспейни лишь недавно и насильственно скован воедино...

...Мое положение на границе, мои связи за ней...

...Заговорщики...

...Политические интриганы...

...Информация, предоставленная мне миролюбивыми лицами и организациями...

— ...Да, вы скажете, что опасность преувеличена мной, и об этом всего лишь мечтают те немногие безрассудные честолюбцы, у которых нет сил, чтобы захватить Скайгольм в любой ситуации. Но я... я не могу быть в этом уверен. А раз так — я не посмел рисковать...

— Десятки поколений спокойно сменяли друг друга в нашем стратосферном гнезде. Мы успели забыть о том, что отважный всегда изыщет неожиданную и непредвиденную возможность. Теперь мы вновь обрели безопасность... на какое-то время. Но я хочу закрепить эту безопасность на грядущие времена...

— Если вы не согласны, отошлите меня с моими людьми: но — молю вас — только после того, как наш новый Капитан введет постоянную охрану в Скайгольме, в сердце нашего отечества.

— Должно быть, мне следует теперь сойти с трибуны, чтобы вы могли приступить к обсуждению. («Нет, сперва я должен навязать вам свою волю».) Прикажите мне сделать это, если вы этого хотите. («Только не забудьте, в чьих руках здесь оружие».)

Пауза.

— ...Хорошо, тогда прошу у вас индульгенции на какое-то время. Я уже говорил, что та опасность, которой мы едва избежали — избегаем, — есть не что иное, как первая волна, разбившаяся о рифы, над которыми нам еще предстоит проплыть. Надеюсь, что вы поймете меня; благосостояние Домена требует, чтобы вы выслушали мою речь до конца.

Любезности, вопросы, аргументы из зала. Подручные Джowej-на получили подробные наставления; те, кто ему симпатизировал, отреагировали достаточно единодушно.

— Благодарю вас, благодарю. То, что мне приходится говорить, многозначно, как и сам мир: сложный, переменчивый,

обманчивый и вместе с тем полный надежд, от которых не укроешься в новой Эре Изоляции. Наше соприкосновение с несчастьем — «примем за аксиому без всяких обсуждений, что так оно и было» — показало, что нам тоже может грозить истребление, что не раз случалось с множеством сообществ в человеческой истории, начиная от самого истока ее до войны Судного Дня. Однако такой судьбы можно избежать. У нас есть альтернатива, мы можем овладеть будущим...

— Опасность поднимается и из наших рядов. Дело... уважаемого... Таленса Иерна Ферлея угнетает меня. Я надеялся доказать и ему, и этому высокому собранию, что его технолатрический* милитаризм помешает нам сотрудничать с теми в Эспейни, кто мог бы стать нашими друзьями. Но вместо цивилизованных дебатов он выбрал физическое нападение на невинных людей и бегство от правосудия. Дамы и господа, я не психиатр. Не мне судить, не мне ставить диагноз. Но я спрашиваю вас, неужели право решать вопросы войны и мира может оказаться в подобных руках... и то предпочтение, которое он отдает Маурайской Федерации, этому колоссу, чересчур долго властвовавшему над миром?..

— ...Культивирую взаимосвязи с Северо-западным Союзом, восстающим из оков, которые наложили на него маураи. («Пусть посмеются».) Меня считают преданным геанству. Ну что ж, признаюсь, в геанстве есть нечто важное для любого из нас. Многие из вас согласятся со мной. Но разве есть что-нибудь геанское в поощрении отяжелевшего от машин Северо-западного Союза? Не в качестве союзника, ничего подобного, в качестве противовеса биологически настроенной Маурайской Федерации... Ну что ж, остается сказать, что только геанство в этом случае понимается совершенно не так, как следует.

«Но ни слова — никогда и никому — об эмиссарах Союза, разыскивавших меня и вступивших со мною в контакт. Этот странный человек Микли Карст занимался своими делами в Юропе, прежде чем эспейньянцы нашли меня. Поговаривали о том, что кто-то собирает ядерную взрывчатку... насколько мне известно, это всего лишь слухи. Быть может, в секретных архивах Капитанства найдутся какие-нибудь материалы... Я выясню это».

— Ради своей собственной жизни, ради всего будущего человечества, Домен обязан преобразиться... глянуть вовне... Мы должны стать мировой силой, созидающей не империю, но мир...

* Технолатрия — поклонение технике.

— Сеньоры всегда могут сойтись и сместить голосованием неудачного Капитана. Подобное дважды случалось в нашей истории... «тогда в Скайгольме не было ни единого солдата...»

— Во всем смирении, уважая прошлое и надеясь на будущее, я предлагаю Домену свои услуги.

4

По иронии судьбы Тераи и Ваироа услышали новости на пути в Принии. После месяца пути, разговоров и бдения оба предприимчивых торговца — прикрытые — сумели подыскать кое-какие ключи к замыслу, вызревавшему в этих горах. Подобные свидетельства, по сообщению агентов, обнаруживались и в других областях Домена.

Тераи и Ваироа собрали большую часть своей информации самостоятельно.

Первый. — добродушный и находчивый — легко заводил разговоры с местными жителями, с наземниками или аэрогенами, когда дела сводили их на обширных просторах, и направлял беседы к реально интересовавшим Тераи вопросам; потом деловые взаимоотношения заканчивались дружеским застольем.

— Да, конечно, у нас, маураев, нет никакой монополии на посещение вашей страны. Я слышал, что теперь у вас бывают деловые агенты и даже туристы из Мерики.

— Да, и миссионеры монгов.

— Неужели столько северян? В самом деле? Я удивлен. А вы не можете намекнуть, где их можно встретить почаще? Чтобы я сумел понять, на какого рода конкуренцию придется рассчитывать... Благодарю вас, сэр, вы очень добры. Я буду обязан вам, если мы пустим здесь свое предприятие. И если судьба приведет вас в Нозеланн...

Тем временем Ваироа сидел, просто наблюдая — доверяясь своему шестому чувству и удивительному разуму. Или занимался тем же самым, слоняясь как бы без дела возле любого нового пришельца, заявившегося в городок. В присутствии его некоторые люди умолкали, некоторые, наоборот, начинали бойко трещать, но появление Ваироа всегда смущало их, лишая равновесия и открывая его удивительные дарования. Он скрупулезно читал газеты и журналы, внимательно выслушивал радиопередачи, в особенности посвященные торговле и мореходству.

Куски головоломки складывались воедино: Микли Карст крутился повсюду, в основном стараясь общаться с аристократами, однако фокус его интересов лежал в Приниях, а может быть, и за ними.

— У него слишком мало людей, он не станет рисковать, затеяв в одиночку какие-то козни, — усомнился Тераи, — но, может быть, я не прав?

— Чтобы реакция пошла, хватает крохи катализатора, — ответил Ваироа. — На юге есть магнат по имени Таленс Джовейн Орилак. Следует повнимательней приглядеться к нему.

— Э? Почему?

— Вспомните, о нем иногда упоминали. Причем язык, как и тело говорившего, выдавали, что он может занимать более важное положение, чем кажется на первый взгляд. Почему он провел эти два года практически в ссылке? Что поссорило их с Иерном Ферлеем, которого называют наиболее вероятным кандидатом на пост Капитана? Я слышал только намеки, а интуиция подсказывает большее.

«Интуиция, — подумал Тераи. — Подсознательная логика? Не знаю, однако догадки Ваироа стоят куда большего, чем мнения многих людей».

— Ну хорошо, дрейфуем в ту сторону.

Но если направиться туда непосредственно, возникнет слишком много вопросов, и Тераи лениво петлял по воздуху, железной дороге и жутким дорогам: он разыскивал видных коммерсантов. А потом дружелюбно и многословно выяснял у них степень возможной потребности в копре, кораллах, продуктах марикультуры, синтетических волокнах, бактериальных топливных элементах и тому подобных товарах. Их друзья, в том числе и люди из Кланов, прознали о нем и нередко сами разыскивали. Тераи, богатыря-маурая, приглашали в дома, знакомили с местными достопримечательностями, иногда развлекали в постели. Он не мог считать это нарушением супружеской верности, ведь Елена находилась на другой стороне мира — аналогично рассуждала бы и она сама. Его «помощник» Ваироа держался в тени, наблюдая и обдумывая.

Новости о перевороте Джовейна застали их в Тулу*.

— Ого! — воскликнул Тераи, сидя в гостях, а как только они с Ваироа остались вдвоем, проговорил: — Пожалуй, всем нам лучше вернуться на корабль. Один Нан-разрушитель знает теперь, что будет дальше... но не я.

* Совр. Тулуза, Франция.

— А не покажется ли это подозрительным, ведь мы только что прибыли сюда.

Время от времени Ваироа обнаруживал удивительное непонимание человеческой психологии.

— Нет, в нашей робости ничего подозрительного нет. Мы незнакомцы в чужой земле и все такое... Вполне естественно, что мы нервничаем. Я придумаю сомнительный предлог. Они решат, что это в моем характере. А ты выполнишь остальное.

Ваироа кивнул, и они начали сборы. Они возили с собой в чемодане радиоприемник, способный давать сигнал на чувствительное записывающее устройство, находясь от него в пятистах километрах... Кодированный сигнал — и всякий настроившийся на волну решил бы, что слышит импульс помех. Получив послание, агенты должны были в свой черед передать дальше: *все в Кемпер, и как можно быстрее, насколько позволяет вам ваше прикрытие!*

На следующее утро оба маурая сели в дирижабль, направляющийся в Ренн*, столицу Ар-Гоута. Тут они могли пересечь в сторону Ар-Мора**. Пассажиры напряженно ожидали новостей. Музыка, доносившаяся из громкоговорителя кабины, не приносила успокоения; пища и вино тоже.

В Ренне пахло взрывом, Ваироа провел ночь, разгуливая по городу, подглядывая и подслушивая. Поутру он нашел Тераи.

— Повсюду одно: страх и гнев, — сообщил Ваироа.

— Ну что ж, ничего подобного здесь прежде еще не случилось, — сказал Тераи. — Ужасное потрясение.

— Многие полагают, что Джовейн предотвратил заговор. Во всяком случае, хотят верить в это. Но кто же тогда они, те загадочные заговорщики, так и оставшиеся неизвестными, и какое новое зло они замыслили? Прочие же видят во всем этом обман и боятся, что Джовейн намеревается пичкать их геанством против всякого желания. Есть и другие... словом, Домен больше не прежнее единое и стабильное государство, каким так долго казался со стороны. Теперь его раздирают соперничество и антагонизмы: этнические, религиозные, социальные и экономические. Когда никому не известно, чего ожидать, все начинают опасаться, что кто-нибудь сумеет добиться внезапного преимущества.

Тераи нахмурился:

* Город на реке Вилен, Франция.

** Отголосок древнего названия этой области Арморика, «прибрежная» по-бретонски.

— Федерация в последнюю очередь добивается гражданской войны в этих краях... Домен — наш естественный партнер, точнее, должен стать им, ведь аэрогены также заинтересованы в сохранении стабильности... Ну что ж, будем надеяться, что до обмена ударами дело не дойдет. А теперь давай позавтракаем, если ничтожный франсейский рулет и чашечку травяного настоя можно считать завтраком.

Прилетев в Кемпер, они узнали: Совет Сеньоров выбрал новым Капитаном Таленса Джовейна Орилака.

— Могу представить себе этот спектакль, — буркнул Тераи, обращаясь к Ваироа на родном языке. — Дружки его были готовы к возражениям и намеревались организованно надавить; едва ли Джовейн заранее регламентировал свои планы. Таких, кто разделяет его воззрения, скажем — склонность к геанству или противодействию иноземным влияниям, — убедить было легко. Осторожные и трусливые последовали за большинством. Осмелюсь заявить, что вооруженный горец представляет собой достаточно убедительное зрелище вне зависимости от того, что сулит его босс... В любом случае спокойнее сказать «да» и отправляться домой.

— Кстати, он едва добился простого большинства, — указал Ваироа. — И наверное, не смог бы победить, если бы оппозиция не разделилась между несколькими кандидатами.

— Или же если бы наверху оказался Иерн Ферлей. Как я понимаю, он здесь популярен, какого же Нана с ним случилось?

Радио начало передавать речь Джовейна. Она оказалась недолгой и успокоительной: он уговаривал людей без страха приступить к своим повседневным делам, обещал вскоре обнародовать подробную программу, которая послужит нуждам и чаяниям всего Домена.

— Клопინные речи, — пробормотал Тераи.

— Что такое? — переспросил Ваироа.

— Ничего... Шутка из области древней истории. Мы опускаемся...

В аэропорту они сели на повозку, направлявшуюся к речному причалу, где оставался «Хивао», и поднялись на борт. Там Тераи остановился и огляделся. Здесь легко дышалось, события остались где-то далеко, спрятанные за пестрой и мирной шкуркой городского пейзажа.

Увольнения на берег запретили, и весь экипаж находился на борту. Все поставленные задачи были выполнены, и не только по части разведывательных вояжей, но и по заведению знакомств.

Помогала экзотика. Шкипер не видел причин запрещать гостям посещение корабля. Звучали флейты и барабаны, топали босые ноги, девушки смеялись, болтали, обнимались и время от времени одна за другой ныряли под палубу вместе с моряками. Заходили и посторонние мужчины — в основном из торгового и военного флота — выпить, поболтать и поиграть. Тераи обратил внимание на одного из гостей, стоявшего у левого борта, этот не был похож на брежада — высокий, тощий, светловолосый, с лошадиным лицом; он играл на струнном инструменте и пел перед группой слушателей — не забывая прикладываться к кружке.

Несколько метров отделяло их от корабля Северо-западного Союза — катамаран этот, подобно «Хивао», был снабжен само-летом. Экипаж корабля избегал маураев, стараясь не общаться с ними даже в тавернах... вне сомнения, по приказу. Жест этот говорил Тераи, что норри являются не гражданскими моряками, как это было объявлено, а военными. Вахтенные смотрели на праздник на борту «Хивао» с явной завистью.

Полдень выдался ясным и теплым. Вода плескалась о корпус, паровая драга переваливала свою добычу в баржу, углубляя гавань и канал. Из верфи припахивало смолой. Над складами высились двойные башни собора; посмотрев в сторону храма, Тераи вспомнил о его древности и на миг ощутил себя мотыльком.

Он постарался выбросить из головы все мелочи.

— У нас есть дело, — проговорил он.

— Какое? — осведомился Ваироа.

— Мм-м... какое-то время нам придется подождать — посмотреть, как все сложится. Не сомневаюсь, что Микли со своей командой тоже скоро заявится сюда. Имеют ли они какое-либо отношение к случившемуся или нет, все равно рано быть уверенным, что этим все и закончится. А потому надежнее быть поближе к базе, не так ли?

— Ему не следует знать, что вы в Домене.

— Согласен. Но пока он не прибудет сюда, я полагаю, что могу передвигаться достаточно свободно, естественно, не называя себя по имени.

— Что вы задумали?

— Мы уже встречались с местными шишками. Едва ли они были вовлечены в какой-нибудь заговор, так ведь? Но перед нами корабль, простоявший в этом порту семь месяцев. Простой народ, безусловно, неоднократно вступал в контакт с норр-менами. Информация могла просочиться наружу, даже если

горожане не понимают ее смысла. Но для нас... — Тераи усмехнулся. — Словом, у нас есть веская причина походить по кабакам.

5

В паре-другой километрах к северу от Дулу — незачем было заходить дальше, чтобы попасть в густой лес, — община Ганны Уанговны устроила святилище. Ясновидцы и предсказатели поодиночке расходились по укромным уголкам, чтобы ближе и полнее познать Гею; иных привлекали макушки холмов, других — пещеры, третьих — берега реки и рощицы... и так далее. Ганна искала иного — большего, чем нетронутая природа; она хотела оставаться неотделимой от человечества, трудясь на благо его, подобно воздуху, солнечному свету, невидимым крошечным жизням. Это было открыто ей годы назад... такое подобало пророчинам. И вот на рассвете она отправилась туда — не в одиночестве, не возглавляя учеников, как нередко бывало, но с единой помощницей. Воздух еще дышал прохладой и влагой, клочья тумана ползли над благоуханной землей, мешаясь с колким запахом хвои. С правой стороны свет, взошедший на небо, боролся с обступившей тропу вечной зеленью, таился в хвоинках, растворялся в тенях, и неожиданно вспыхивал на высокой ветви или перебирал бриллианты росинок, густо усеявших паутинное узорочье. Пронзительными голосами перекликались птицы; зачуяв репеллент*, с визгом отлетали москиты; белка, кометой мчавшаяся по суку, замерла и принялась трещать, но в остальном лес безмолвствовал. Только едва видная в лесной подстилке тропа мягко утопала под ногой.

Оставив позади поле, две женщины, соблюдая благопристойное молчание, долго шли между деревьями, прежде чем Ганна негромко спросила:

— Чем ты обеспокоена, девочка?

Джиэн Роббс с трудом глотнула. Она казалась чистокровной мериканкой или смешанного происхождения; светлая макушка девушки высоко поднималась над головой учены, платье из грубой шерстяной ткани плотно обтягивало тугое тело. Джиэн еще не было шестнадцати, она принадлежала к слугаям. Руки ее, грубые и покрасневшие от домашней работы, к которой ее недавно приставили, сложились вместе.

Ганна отступила в сторону, чтобы пойти рядом с девушкой, и легким перышком опустила свою руку на ее плечо.

* Химическое вещество, отпугивающее насекомых.

— Рассказывай, моя дорогая, — негромко проговорила она. — Позволь мне облегчить твои невзгоды в меру моих скромных сил, а потом не противься, и пусть Гей дарует тебе мир.

— Я... я боюсь... — Джиэн не могла продолжать.

— Страх должен быть у тебя в услужении, он не может быть господином... нельзя давать ему слишком усердствовать, гони его прочь, когда в нем больше нет нужды. *Однако нельзя забывать, что жизнь бывает жестокой.* Чего ты боишься? К тебе плохо относятся? Одного моего слова будет довольно...

— Ах нет, леди. Но я... я боюсь, что меня в конце концов не отпустят из дома. — Джиэн потеряла глаза костяшками пальцев. — Мне так жаль.

— Что? — Ганна постаралась спросить ровным голосом. — Но майор не возражал против этого, не так ли? — Семейство Роббс было слугаями Харсовых. С рождения все они служили по дому; Роббсы не обязаны были возделывать почву, и уже не одно поколение их жило в городе. Многие занимались работами, требовавшими мастерства или доверия, словом, проживали в умеренном благополучии.

Действительно, Борс Харсов, майор полка Синей Звезды, владевший половиной всего, что было вокруг, не желал отпустить Джиэн. Он разрешал ей быть послушницей в свободное время... Да-да, конечно, в Гее все мы едины, слуга и солдат, но разрешать ей учиться дальше — дело другое. Вне зависимости от способностей данный пример может заронить строптивость в подобных ей... Но Ганна настаивала, и он не осмеливался противоречить Библиотекарю по столь важному делу.

— Нет, но его младший сын Ольг — вы знаете — о, преподобная леди...

По слову Ганна вытянула из нее всю историю. В том, что Ольг совратил ее, ничего из ряда вон выходящего не было. Как и в том, что он намеревался после женитьбы сделать ее своей официальной наложницей, уважаемой в доме: молодой человек пребывал в самом порывистом возрасте. Проблема заключалась в том, что Джиэн отчаянно влюбилась и сомневалась в том, что выдержит долголетнюю разлуку с ним. Но... но... она, несомненно, наделена была Даром; а под руководством Ганны, безусловно, могла узреть все, что сулило полное Единство.

— Ах, моя бедная милочка. — Ганна остановилась. — Смотри, вот бревно, давай посидим; я тебя обниму, и ты выплывешь. Плакать — дело естественное, ты ведь знаешь. *Я тоже.*

А потом она преподавала девушке упражнения и мантры, наконец покой к ней вернулся, нахлынув приливом. Ганна не пыталась убеждать. Решение должно было сложиться само собой... Оставалось надеяться, что девица все-таки решит уехать. Ведь здесь Джиэн никогда не получит нужной свободы, чтобы без помех исследовать Истину. Потеряет не только она сама, все человечество в целом может лишиться способной учены. Словом, утро уже давно миновало, когда они, продолжив путь, добрались до святилища. Оно представляло собой скромный приют, окруженный цветочными клумбами среди небольшого луга. Зимой Ганна ходила сюда на снегоступах, в теплой одежде, и на ощущения ее во время медитации мягко ложился иней, закрывая Вселенную, через просторы которой в вечном кружении неслась Гея. Летом можно было подумать о жизни и о себе — крохотной органелле, затерявшейся на просторах энергии и среди всех чудес ее.

Ганна подняла руки. Птицы облаком окружили ее; малиновки, щеглы и синицы, пересвистываясь и чирикавая, опускались на ее ладони и пальцы, она ласково касалась их тонких ножек. Выскочили олень с оленухой, пробежали мимо, но постеснялись Джиэн и не подошли, чтобы им почесали за ухом; Ганне потребовалось десять лет, чтобы добиться подобной дружбы — столь же ценной, как и Озарение, — полностью оправдывавшей потраченное время. Теперь даже близкий сосед медведушко не сердясь делил с ней черничники.

Единство, единение, мир и любовь... трудно было объяснить ученикам, что боль и смерть — также аспекты того же всеобъемлющего Единства... и что сейчас, пока она стоит, окруженная своими пернатými друзьями, белые клетки в ее кровеносных сосудах бьются против хищных бактерий; молодежь должна осознать и это — и полностью принять, иначе они не сумеют целиком слиться с Геей.

Птицы упорхнули: у них была собственная жизнь. Ганна и Джиэн вошли в приют. Внутри на бугристом дубовом пне высился окатанный ледником валун, на котором была выбита манда-ла. Женщины опустили в позу лотоса перед камнем.

— Я предлагаю тебе сегодня выбрать лист, — проговорила Ганна, кивнув в сторону дикой лозы, оплетавшей решетку, пропускающей внутрь золотые искорки света. — Один только лист. Сделай его центром всего космоса, центром всего. — Голос ее обрел гипнотическую мягкость. — Погляди на его черешок, прожилки, бесконечные взаимопереходящие оттенки цветов, представь, как трепещет он под легким дуновением. Представь себе весь его жизненный цикл, предшественников, клеточную архитектуру... начиная от квантов, ощути его единство с тобой...

Сама Ганна тоже закрыла глаза, стараясь распознать каждый запах из тысячи тонких ароматов, наполнявших воздух.

Грудились облака, их подгонял вперед громкоголосый ветер, затягивая небо.

Налетел дождь. Он не прервал медитации, только усилил ее. Расставшись с одеждой, женщины вышли, чтобы омыться под небом. Жизн уже умела не замерзать в такую погоду.

Гроза миновала, кожа высохла, и обе оделись. Теперь разговор принял привычное направление. Ганна с помощью простейших предметов... веток, камней и других вещей — иллюстрировала элементарные основы физики. Эта наука трудно давалась ее ученице.

— Ты должна заучить все основы, если хочешь приблизиться к истинному Единству, — напомнила Библиотекарь уже не впервые. — Геанство не бездумный мистицизм, что бы ни думали в своей массе те, кто называют себя геанцами. Или, быть может, точнее считать, что его мистицизм порожден сердцем реальности. Люди не в состоянии воспринять мир со стороны. Это немыслимо. Волновые функции не только полагают предел точности и определенности наших познаний; они делают нас частью всего, что мы изучаем, и всего сущего на свете. Вероятность не делается равной единице, прежде чем завершится эксперимент. Мы сами создаем реальность — в той же мере, как и она создает нас. — Ганна заметила порыв заинтересованности на лице девушки, улыбнулась и предостерегла ее: — Да, звучит прекрасно. Безгранично прекрасно. Вселенная — это чудо. И слова мои исполнены великой звучности, но в них мало смысла. О Предельном правильнее говорить на языке математики.

Она почти слышала мысли, проносившиеся в разуме девушки. «Неужели подобное понимание не стоит... даже Его?» Чтобы предотвратить негодующее «нет!», Ганна взяла Жизн за руку.

— Но я наговорила слишком много, — сказала она. — Утро давно состарилось, а ты только перекусила поутру. Тебе надо есть, ты еще растешь. Поворачиваем — пора домой.

Заныла старая рана. Ганна тоже некогда отказалась от любви — раз и навсегда. Брак не всегда совместим с Озарением, хотя нередко бывало иначе. Где-нибудь в просвещенном будущем все переменится, но тогда иными станут и брачные узы. Ей уже не дожить до этих времен. Когда они наступят, она уже возвратится своим существом к Жизненной Силе.

Назад они шли торопливо; молчание нарушало лишь дыхание и шаги.

Раскрылась прогалина, за ней красные крыши Дулу жались к берегам огромного серебристого озера. Обняв девушку за плечи, Ганна распустилась с ученицей и прошла в одиночестве в Библиотеку. Надлежало исполнить некоторые прозаические обязанности, прежде чем можно было отправиться домой, приготовить себе какое-нибудь скромное кушанье, а потом усесться за чтение. Сегодня она возьмет что-нибудь полегче, лучше развлекательный исторический роман, если только Библиотека еще не получила от издателя самый последний роман Чен Яо. Невероятно увлекательно пишет.

Внизу в прихожей Библиотеки ее поджидал аколит.

— Преподобная леди, — обратился он, склонив голову под благословение, — пришла кодированная радиোগрамма на ваше имя из высокого святилища в Чай Ка-Гоу. Я положил ее на ваш стол и охранял снаружи.

«Что?» Усилием воли Ганна замедлила сердцебиение.

— Спасибо тебе, Рейхо.

Теперь она не могла заставить себя шествовать с философической неторопливостью. Адепты прибегали к подобным способам общения, только если речь заходила о весьма зловещих делах; а это послание исходило из того, что геанство почитало своим центром. Закрыв за собой двери, она отыскала стул и в тревоге сгорбилась над бумагой.

Число наверху отмечало использованную для шифра матрицу. Она умела расшифровывать послания в голове, словно читала книгу. Опустив кисть в чернила, она приступила к письму и через минуту с удивлением заметила, что пишет каллиграфическим почерком.

Усмешка, едва застыв, выпала из нее льдышкой, когда выяснилось, насколько серьезно дело. Закончив, она долго сидела недвижно. А солнце клонилось, уступая дорогу ночи, втекавшей в комнату.

...Всем посвященным высших степеней в Пяти Нациях. Абсолютно секретно. До особого разрешения вы не должны обнаруживать никаких признаков того, что располагаете следующей информацией. В течение часа после прочтения выполнить Упражнение Осторожности.

...власти приказали провести исследования: сейсмологические, радиологические, геологические и атмосферные... Никаких публичных упоминаний о настоящих испытаниях не было сделано, но военный министр Юани состоит в доверенных отношениях с Пророком Чипой и всегда ищет его совета...

...над Чакры обнаружено едва заметное увеличение фона излучения, высланы самолеты, собравшие пробы. Вне сомнения, продукты деления урана...

...источник не определен. Достаточно сильных сотрясений Земли, позволяющих провести триангуляцию, не отмечено. Взрыв произведен либо в воздухе, либо на крайнем западе. Скорее всего, справедливо и то и другое...

...потенциальным виновником не обязательно является Северо-западный Союз. Об этом никогда не заявлялось публично, однако юанезской военной разведке известно, что бенегальская попытка создать ядерный реактор близилась к успеху, когда, узнав об этом, маураи направили диверсионную группу, разрушившую реактор. Внутри самой Федерации имеются личности, способные к тайным действиям. Домен Скайгольма, похоже, не связан со случившимся. Однако, безусловно, обладает соответствующим техническим потенциалом, как и Эспейнь, свободная Мери́ка, Мейка* и, быть может, некоторые из маргинально-технологических обществ. Взрыв или взрывы произошли на большой высоте, но, поскольку ныне заброшены многие земли и воды, всякая страна может послать в такие места испытательные экспедиции. Подобное обвинение является весьма серьезным и способно вызвать сильную негативную реакцию, чтобы можно было вслепую...

...Правительства солдатайских народов стараются сохранить эти сведения в тайне от иностранных властей...

...Сообщаем тем, кто числится среди Хранителей Человечества. Вы должны отворотить пути его от новой Гибели, иначе Гея может избавиться от слишком опасного для нее рода людского. С практической стороны, вы являетесь элементами сети, покрывающей большую часть земного шара. Будьте бдительны, и всякий, кто может располагать малейшим ключом, пусть сообщит шифром...

...виновного, кем бы он ни был, следует выявить и уничтожить. Вы являетесь оборонительными клетками Геи... через вас действует Жизненная Сила...

Ганна долго сидела в темноте одна перед новейшим откровением. Потом сложила бумагу и спрятала ее на груди, чтобы отнести домой и сжечь. Кожа ее ощутила жесткое прикосновение. Резким движением Ганна оперлась локтями о стол, спрятала лицо в ладонях и зарыдала.

* Совр. Мексика.

Дверь наверху лестницы отворилась, и полдень, слепя солнцем, брызнул в дымное нутро «Золотого петушка». Едва дюжина пьянчуг отвлеклась от столов, а Сеси изменила позу, как свет прикрыла пара коренастых силуэтов. Дверь закрылась, забухали сапоги по ступенькам. Мрак вернулся, прихватив с собою молчание: пришли чужаки, к тому же вооруженные.

Они остановились у подножия лестницы. В этот час почти все посетители были с пришвартованных в порту кораблей. В четверых из этой пестрой компании нетрудно было признать иноземцев. Первый из них, Плик, привалившись к стенке, вытянул вперед длинные ноги. Напротив него сидел другой чужестранец — невысокий бледный мужчина, до последнего мгновения казавшийся разговорчивым — со стриженной шевелюрой, аккуратной бородкой и длинным носом; с улыбочивым ртом спорили ледяные глаза. На нем была куртка со стоячим воротником и брюки из оленьей кожи. За два стола от них маурай докучал барменше шутками и предложениями; хихикая, она поощряла его, освобождаясь от очередного заказа. В уголке устроился еще один маурай, если судить по блузе, сандалиям и саронгу. Но этот был какой-то странный: длинноногий, с коротким телом, волосы черными и коричневыми прядями окружали нескладную физиономию, кожу покрывали темные пятна — одно из них маской лежало около глаз... Единственный, он не заинтересовался вошедшими.

Рукава одинаковых зеленых мундиров украшали знаки отличия, на плечах эмблемой лежал земной шар. На головах склеритовые каски, а у пояса, кроме обычных боевых ножей и дубинок, — пистолеты.

Сеси шагнула к вошедшим, нарушив тяжелое молчание, улыбнулась и, подчеркнуто вильнув бедрами, проговорила на французском с акцентом:

— Приветствую вас, господа. Какое удовольствие желаете получить?

В интонациях сержанта явно слышалась эскуарская нотка:

— Мы здесь по делу Домена. Внимание всем!

Полупьяный матрос ошетинился и усмехнулся:

— Домена? Что за чертовщина такая? Никогда не встречал мундиров вроде ваших, а я-то свет повидал.

Теперь слово взял капрал, голос его свидетельствовал, что хозяин его происходит из Марнаубе.

— Мы служим в новых частях, в терранской гвардии. Сам Капитан приказал организовать ее.

— Уже через пару недель после вступления в должность? — пробормотал Плик. — О нет, едва ли. Должно быть, из тех вояк, что захватили власть на Земле и в Скайгольме во время славной революции. Так, мой друг? — спросил он своего собеседника.

Микли Карст пригнулся и ответил негромко:

— Вполне очевидно, но не следует вслух говорить об этом. — Он ухмыльнулся. — Для простого пьянчуги ты умеешь понять и подмечать слишком многое, однако ты не знаешь нравов авторитарных правительств... Не попади в беду!

Плик нахмурился и поежился.

— Вольно, — провозгласил сержант. — Мы обходим город с объявлением, оно слишком важное, чтобы доверить его только радио и газетам. Внимание!

Он извлек из кармана бумагу, развернул ее и, прокашлявшись, приступил к чтению:

— Таленс Джовейн Орилак, Капитан Иледуциеля, вождь Домена, стремясь к всеобщей безопасности и процветанию... Вам известно, что недавняя опасность, заставившая ввести войска в аэростат, еще не ликвидирована. И пока положение не изменилось, полеты на него будут совершаться лишь при наличии важных дел. Аэростат работает нормально и обеспечивает всех традиционными услугами. Власть и жители каждого штата могут продолжать нормальную деятельность до получения иных указаний.

Опасности и смуты противостоят нам со всех сторон — конфликтующие амбиции и мятежное недовольство дома, враждебные нации набирают силу за рубежом; весь облик мира меняется, словно несомый ветром: грядут политические, социальные, экономические, технологические и даже религиозные перемены. И хотя пост повелевает мне хранить нераздельность Домена, я не вправе даже ради подобной цели заковать страну в панцирь новой Эры Изоляции. Мы должны быть готовы к здоровым преобразованиям. Иные из них покажутся вам радикальными. Но уже очевидно, что Домен не может впредь оставаться столь рыхлым, как было доселе. Необходимо учредить сильную центральную власть... готовую к решительным действиям при необходимости. Для этого я организовал терранскую гвардию, части безопасности, старшие по рангу, чем милиция любого штата; полицейское войско, равное регулярным вооруженным силам, но четко разделяющееся с ними по роду действий и полностью находящееся под управлением Капитана.

Люди Домена, все вы можете помочь своей стране в час беды. Расследование направленных против нас вражеских планов успешно продвигается вперед, и вы получите полный отчет о них сразу же, как только он будет представлен правительству. Тем временем нам никак не удастся обнаружить несколько персон, имевших непосредственное отношение к делу.

Мы самым настоящим образом разыскиваем моего родственника Таленса Иерна Ферлея, сеньора своего Клана, подполковника ВВС. Возможно, вы видели или слышали сообщение о его сопротивлении, оказанном отряду, занявшему Скайгольм, и о — по всей видимости — бегстве из аэростата, осуществленном при содействии пока неизвестных соучастников. Не хочется заранее говорить плохо о столь популярной личности, тем более что в настоящее время он находится под следствием лишь в качестве свидетеля. Однако нам уже совершенно ясно, что Иерн Ферлей знал обо всем куда больше, чем могло казаться. Если он жив, его свидетельства будут иметь существеннейшее значение при розыске групп, подрывающих наше благосостояние. Утаивать подобную информацию преступно. Если же его нет более среди нас, то и этот факт может дать кое-какие ключи хранителям Домена.

Этим указом я требую содействия от всех, кто может знать о его местонахождении. Напоминаю всем жителям Домена, что в первую очередь они подданные Иледуциеля и его Капитана. За информацию, могущую указать правительственным агентам местонахождение Таленса Иерна Ферлея или привести к его телу, назначена награда в пять тысяч золотых аэров.

Солдат продолжал читать: «...автоматическая амнистия... предпочтение... описание внешности...»

Тем временем Плик тихонечко присвистнул, Микли погладил бороду и улыбнулся, моряки и Сеси таращили на терранца глаза, а Ваироа наблюдал.

Закончив речь, сержант рывкнул:

— Ну как, ясно? Вопросы есть?

Таковых не оказалось. Коротко отсалютовав, он щелкнул каблуками. Капрал последовал его примеру.

— Служу Капитану! — воскликнул он, хотя подобный обряд был нов для Домена. Вояки разом сделали поворот кругом и отправились восвояси.

Снова воцарилось молчание, до тех пор пока полупьяный моряк хлопнул ладонью по столу и рывкнул:

— Жезу на мизени*! Они ловят Буревестника? Просто потому, что он против этого их сучьего геанства!

* Имеется в виду бизань-мачта.

Сидящий поблизости мужчина вздрогнул.

— Эй, приятель, попридержи язык, — проговорил он. — Я геанец и этим горжусь.

— С чего это вдруг? — спросил третий. — Не хочу тебя обидеть или задеть, но объясни, что такого ты нашел в геанстве?

— Истину, вот что, — ответил второй. — Ну, конечно, многое мне не по силам. Наверное, я никогда не сумею ощутить Единения самостоятельно, но я знаю, что оно существует. А также целая куча народа посмысленней, чем мы с тобой, приятель.

— Вот что нас ждет, — возразил четвертый. — Иметь дело с геанцами становится все труднее и труднее, если ты не геанец и не выражаешь почтения к их вере; а сделки становятся жирными, очень жирными. — Он потер подбородок. — Да, пять тысяч аэров мне быгодились. А ведь я видел Иерна в этой самой таверне не столь уж давно.

— Заткнись! — рявкнул первый. — Всякий, кто предаст Буревестника, ответит передо мной. — Он поднял узловатый кулак. — Я из Этанга. Если бы не он, моя жена погибла бы вместе с детишками. Клянусь всеми дьяволами и твоей задницей, если бы Иерн был избран Капитаном, он не стал бы устривать того дерьма, которым нас обложили. Запомни — нас больше.

— Так куда же он делся? — спросил второй. — И почему он бежал, зачем ему прятаться?

Сидевший Плик вдохнул аромат вина и, пригубив терпкий напиток, буркнул Микли:

— Шкуру прячет. — На англее вышел каламбур.

Северянин улыбнулся.

— Ваш высокочтимый Капитан, безусловно, скажем так, решительный человек, — проговорил он негромко, — должно быть, поступки Иерна заставили его поторопиться.

Плик внимательно разглядывал его через винные ароматы. Они успели познакомиться, и между ними уже рождалась дружба. Микли нравились песни Плика, англеман любил расспрашивать о Северо-западном Союзе; каждому нравились едкие слова другого.

— Интересно, — спросил Плик, — чем все-таки вы на самом деле заняты в Юропе? Ваша уклончивость относительно истинных целей вашего пребывания здесь сделалась почти что поэтической.

Микли позволил своим бровям пару раз подняться и опуститься.

— Неужели я выражался менее конкретно, чем вон тот маурай? Кто будет хвастать коммерческими и квазидипломатическими переговорами? Подобные забавы чреватy крупным убытком.

— Ты проявляешь, пожалуй, меньше скорби, чем следовало бы, учитывая, что Джовейн и его прихвостни с откровенной прохладцей относятся к вашей нации.

— К маураям они относятся еще прохладней. — Микли раскурил сигарету и между затяжками воспользовался ею как указкой. — Интересный парадокс: ты полагаешь, что геанцы будут проявлять симпатию к маураям? Экологически настроенное общество — консервативное, но терпимое. А вот мы, норри, заражены страстью к технике и видим в земле не собственный дом, а склад сырья. Но посмотрим внимательнее: маураи претендуют на власть над планетой, эту роль геанцы отводят себе, к тому же маураи слишком реалистичны и прагматичны. Бесспорно, если Домен сделается силой мирового масштаба, это ослабит гегемонию Федерации. И поэтому Союз будет с восторгом помогать вам. И тем самым, быть может, впишет новую главу в свою сложную историю.

— Ну, я не стал бы тратить на это свои деньги.

— Конечно, не сразу. Джовейн не собирается разрывать отношений с какой-либо страной, даже если бы он обладал соответствующей властью. Возможности Капитана ограничены, их нельзя расширить за несколько дней; к тому же он, вполне естественно, будет стремиться оставить за собой свободу выбора. Пока можно ожидать простого переноса удара, до тех пор пока он не укрепит своего положения, отделавшись каким-то способом от докучливого Таленса Иерна Ферлея. Помимо затруднительного положения нашего воздушного гостя, сильно пострадала и его репутация. Ты слышал новости о его жене?

Плик кивнул и подвинул бокал к Сеси, рассчитывая на продолжение.

— Незачем повторять очевидное, — сказал он. — В частности потому, что я не согласен с вашим предположением.

— Почему же?

— Дело в том, что я не просто пьянчуга, но весьма начитанный пьянчуга, и к тому же отчасти поэт. Говорят, что только лишь математика может придать физическому миру подобие разума. Но лишь музыка и поэзия способны сделать разумным мир, населенный людьми, поскольку среди животных мы наименее рациональны... Какой же еще символ можно адресовать нашему безумию? — Плик покачал головой. — Нет, другой, на которого я надеюсь, рассчитывая на новый бокал, нет,

вы все точно вычислили за Капитана Джовейна, но гарантирую: замысел его не удастся. Он точен и логичен и выгоден своему автору, а потому не отвечает человеческой природе.

— В самом деле? Но замысел этот сформулировал человек. Какой же фатальный дефект виден в нем?

— Дело в душе народной. Ведь у каждого народа есть душа — она если уж не бессмертна, то... во всяком случае, ее очень трудно убить. — Плик развел ладони. — Я не могу объяснить этого, разве что спеть. — Явилась Сеси, он обнял ее за мягкое место и прильнул щекой к животу. — Налей-ка, Лозочка. Учи — платит этот джентльмен.

— Оплачу, — подтвердил Микли, — если ты исполнишь мне эту песню.

— Сейчас не могу, — помотал головой Плик. — Я пою, когда поется. Когда ты пытаешься заставить себя петь, получается какой-то идиотизм. Думаю, чудная песня скоро появится на свет. Подождите-ка денек-другой.

— Честная сделка. — Микли опустил монету на стол. — И мне тоже один кальвадос, милашка.

Зазвенело. Северянин мгновенно распрямился, подобравшись, как кот.

— Нет, мне не надо. — Он снял с пояса миниатюрную рацию, приложил к уху, послушал мгновение и, прислонив диск микрофона к губам, кратко ответил на английском. Поднявшись, он проговорил: — Прошу прощения, я должен идти. Пей на все, Плик, с чистой душой за наше здоровье, хотя здоровья это не принесет ни мне, ни тебе.

— Значит, именно этой вести ты ожидал последние несколько дней, — заметил англеман.

Микли улыбнулся, улыбка оказалась достаточно привлекательной, невзирая на скверные зубы.

— Отнюдь не эпохальный вывод. Да, наш один отряд ходил в страну алеманов, чтобы изучить возможности для торговли. И они только что сообщили, что вскоре прибудут сюда. Мне надо распорядиться, а у тебя остаются песня и... барменша.

Он вышел, несколько минут спустя Ваироа в одиночестве последовал его примеру. Выйдя на улицу, он чуть побродил взад-вперед, собирая необходимую информацию, направившую его в нужную сторону. При своей заметной внешности он был достаточно неловок для шпиона, а потому старался держаться за пределами нормальной слышимости и не проявлял излишнего интереса к окружающему. А потом он увидел усталый, пропыленный и пропотевший отряд, въехавший в город; посреди верховых ехал легкий фургон с укрытым грузом, впереди находилась

рослая блондинка. Микли уже вел навстречу им отряд от своего корабля, люди его вежливо, но решительно устранили с пути всех любопытных. Ваироа видел, как из фургона выпрягли коней, грузовая лебедка подняла его на цалубу. Издали было заметно волнение на лице Микли; радостно прыгая вокруг, он то и дело прикладывался к рукам женщины — ясно было, что маленький седой человек радовался не ей, но грузу, который она доставила.

Той же ночью Ваироа тенью скользнул на борт чужого корабля. Сходни были подняты. Кроме вахтенных, возле повозки были выставлены часовые. Но никто из них не расслышал, как мягко прикоснулся к поручням обтянутый резиной крюк, который маурай, подплыв, выбросил из воды, ни того, как он поднимался по веревке и перелезал через ограждение. Шли часы, и поскольку Ваироа оставался недвижимым, его пятнистая нагая кожа слилась с лунным светом и тенями. Он не стал подходить к фургону, а спрятался за крышкой люка — с делом можно было справиться и отсюда. Ваироа взял с собой только один прибор — ручной ультразвуковой генератор был невелик и прост, — поскольку Ваироа был единственным человеком на корабле и во всем мире, кто умел слышать и анализировать беззвучное эхо. Соблюдая всяческую осторожность, он не стал возвращаться к причалу, пока море не затрепетало под легким светом, озарившим восток. А потом он поспешил в гостиницу, где его ждал Тераи.

2

Вновь пришла ночь, принесла с собой ветер и шум. Луна, уже округлившаяся наполовину, поднялась, когда Плик оставил дом, в подвале которого располагался «Золотой петушок».

Слегка навеселе, он спешил, насколько позволяли ему редкие фонари; холод проникал под изношенное пальто. И все же луна, явно летевшая над остановившимися облаками, вызвала у него улыбку, и Плик замурлыкал мотив, стараясь заглушить посвист ветра, стук ветвей и шелест мятых бумажек, перепархивающих по мостовой. Неподалеку кот приступил к серенаде в честь своей киски, ночевавшей в тепле за парой ставень, и Плик негромко расхохотался.

— Удачи, приятель! — возопил он. — Про трубу не забудь!

Путь в жалкое убежище, где Плик снимал две комнаты — одну для себя, другую для книг, — вел его через площадь мимо кафедрального собора Святого Корентина. Лишь луна причудливо освещала ее, в этот час на площади не было никого, кроме

него самого и пыльных вихрей. Храм вырастал над ним — тенью, холмом, увенчанным двумя башнями-близнецами. Плик обогнул юго-западный уголок. Шаги его гулко отдавались по мостовой.

— Плик! Остановись!

Повинуясь приказу, он обернулся и неловко двинулся навстречу человеку, столь бесцеремонно остановившему его. Из тьмы, соединявшей стену с башней, выступил Иерн. Плик бегом бросился навстречу и обнял его. Иерн ответил объятием, от которого англеман застонал:

— Прости. Мои ребра, пожалуй, ни к черту не годны, но они все-таки мои.

— Извини, — Иерн выпустил его, отступая на шаг. — Я просто... рад... слишком слабое слово... рад видеть тебя. Ждал несколько часов. Уже гадал, вернешься ли ты домой? С каких это пор таверна начала закрываться так поздно?

— Ее давно закрыли. Но сегодня Сеси проявила ко мне симпатию. Так бывает всегда, когда я сочиняю. Психические феромоны, наверно. — В голосе Плика появились резкие интонации. — Похоже, приятель, теперь ты попал в обвиняемые. Как у тебя дела?

Он скосился в неровном свете. На аэрогене была куртка пейзажа и мешковатые брюки. Широкополая фетровая шляпа скрывала лицо. Впрочем, легко было увидеть, что он выбрит, умыт и сыт, чего нельзя было сказать о сочинителе баллад.

Иерн торопливо повелал:

— Как ты, наверное, догадался, я выпрыгнул из Скайгольма на парашюте, когда Джовейн захватил его. — Он кивнул как-то неловко, заметив невольный трепет во взгляде. — Я знал, кому можно доверять, и по ночам перебирался из комнаты в комнату. А на земле сразу же постарался переодеться, а потом обменял свою одежду на эту. — Приподнятое настроение угасло, следуя за луной, зашедшей за облако. — Я не смел где-либо задерживаться. В деревне чужестранец всегда на виду, а слухи распространяются куда быстрее, чем можно представить. Я бы мог подвергнуть опасности любой дом, если б задержался в нем, и тогда меня, наверное, быстро выследили бы. Понятно одно — к матери и отчиму я пойти не могу; за ними, вне всяких сомнений, следят. Тогда я решил, что лучше Кемпера места не найти. В городе спрятаться куда легче, правильно? Так что, когда стемнело, я пришел сюда и с тех пор жду.

— Меня?

— Плик, ты теперь моя единственная надежда. В Кемпере ты знаешь каждый закоулок, каждый воровской притон, тех,

кто может помочь мне за деньги или ради симпатии. — Иерн сжал кулаки и опустил голову. — Я понимаю, что прошу многого. Мы ведь только выпивали вместе, а не кровные братья, этот край даже не родной тебе. Но к кому еще я могу обратиться? Респектабельные люди, способные помочь мне, весьма подозрительны и неопытны в подобных вещах. Поэтому я избегаю Бейнак и его окрестности. И от тебя мне ничего особенно не нужно. Я просто прошу, чтобы ты познакомил меня с кем-нибудь, кто может укрыть меня пока... пока я не придумаю, что делать дальше. А сейчас я рассчитываю на тебя.

Плик задумался. Ветер перебирал его поредевшие волосы. Он поежился, а потом медленно произнес:

— По-моему, мне не стоит ввязываться. — Пилот, онемев, смотрел на него. — Не то чтобы мне не хотелось тебе помочь, — продолжил Плик. — Я сочувствую тебе куда больше, чем ты думаешь, Таленс Иерн Ферлей. Но твое дело больше тебя самого, больше пределов Домена. В нем есть трансцендентность. Я не могу доказать этого, но ощущаю... чуть ли не нутром. Но кто я, чтобы нарушать волю богов, мешать им добиваться исполнения своей, для меня неведомой воли?

Глаза Иерна расширились.

— Ты... странный человек.

— Да, и всегда был таким. Иначе я никогда бы не смог написать даже одной стихотворной строчки. Все было бы чистой прозой. Конечно, ты будешь говорить, что прозой-то все и обходится. — Ухмылка полумесяцем выплыла на лицо Плика и перешла в откровенность. — Дело в том, что я не знаю таких, на кого можно было бы положиться. — Он рассказал Иерну о назначенном вознаграждении. — Пять тысяч аэров... целое состояние для местного обывателя... Такие деньги открывают дорогу наверх из своего класса. Обещана и дополнительная плата; так что, если кто-то и поможет тебе, сосед может выдать.

Иерн отвернулся, поглядел вдоль улицы, казавшейся темным тоннелем.

— Джовейн проявил неожиданное рвение, я не рассчитывал, что он так будет стремиться поймать меня, — неторопливо проговорил он. — Почему? Я же не глава заговора против него. Такого еще не существует, разве что в умах некоторых людей. — Он помедлил. — Правда, если меня не будет, значит, моя жена... Тем более если не откроется, что именно он убил меня. Он ведь уже пытался это сделать около трех лет назад.

Плик по-прежнему молчал, сотрясаясь всем телом — теперь намного сильнее, — пока наконец Иерн вновь не поглядел на него. На мягком лице певца проглядывала мука.

— Извини, — пробормотал бард. — Я думал, ты уже слышал.

— Что?

— О ней. Конечно, почта в брежегские фермы приходит один раз в неделю, и радио не у всех. Но здесь все уже знают. Аэрогены, вернувшиеся из Скайгольма, рассказывали, а теперь об этом сообщено даже в газетах... — Плик положил руки на плечи Иерна. — Таленс Фейлис Ферлей открыто живет с Капитаном Джовейном. Она стояла рядом с ним на инаугурации. Она подписала воззвание, призывающее всех объединиться под его руководством. А вчера объявила, что начинает бракоразводный процесс. Уверяла всех, что ты был жесток, неверен и совершенно не уделял ей внимания.

Плик ждал, уронив руки. Иерн не шелохнулся. Выражение лица его лишь угадывалось под широкими полями шляпы. Ветер скулил, тени облаков бежали по мостовой, и резные камни над головой, казалось, шевелились.

Наконец Иерн прошептал:

— Этого я и боялся. Ее брат... но я все уговаривал себя в том, что несправедлив к ней, что сама Фейлис не способна вступить в заговор против меня и предать... — Он поежился, прокашлялся, сплюнул и звучно топнул. — Ну и шлюха, — взревел он. — Подлая сучонка.

— Тихо, тихо, не то полиция услышит.

Иерн развернулся на пятке и растворился во тьме, там, где стена примыкала к башне. Он ударил кулаком по твердому камню, прижался к нему... закрыл глаза.

Плик, ожидавший на свету, не мог видеть этого. Он услышал только неразборчивые глухие слова...

— Я любил ее, и она любила меня...

Затем последовало отрывистое глубокое рыдание... мужчины, не знавшего слез. Впрочем, времени на это ушло немного: Иерн появился из тьмы, выступая твердо и резко, распрямив спину и подняв голову. Шляпа по-прежнему прятала лицо. Он проговорил ровным, далеким тоном:

— Прости. Не ожидал. Наверное, придется украсть лодку и в одиночку переплыть через пролив Англеманн или Эррию. Не знаешь ли ты, где это можно сделать?

Обхватив себя руками, Плик заставил свои скулы прекратить выбивать дрожь.

— Нет, боюсь, что нет. Из этих процветающих краев весть о тебе немедленно вернется сюда, и, если Джовейн серьезно охотится на тебя, а в этом трудно усомниться, его агенты разыщут тебя, где бы ты ни укрывался. Конечно, ты можешь взяться за плуг в какой-нибудь заброшенной полуварварской деревушке, но ты не знаешь сельского ремесла и не сумеешь подобным образом прокормить себя. А лишнему едоку никто рад не будет. И даже если сжалится кто-то, как тогда ты будешь связываться со своими сторонниками в Домене?

— Зачем? С чего это вдруг?

— Придется, куда не денешься, — серьезным тоном сказал Плик. — Видишь ли, от тебя разит роком, как молнией перед грозой. — Он помедлил. — Я не знаю, какова будет твоя судьба... быть может, этого не знает и сам Бог. Возможно, ты не спасешь, а уничтожишь душу своего народа. Я могу только заметить, когда ему стремятся навязать нечто чуждое, как это сделал Джовейн... тогда демоны вырываются на свободу.

— Ну вот, опять воспарил! — воскликнул Иерн. — Зачем нам попусту мерзнуть? Пошли искать лодку, и я оставляю этот город еще до рассвета.

Что-то вспыхнуло в Плике, он неловко ухватился за пейзажную куртку.

— Нет, подожди, подожди! Беглец, который может сделаться опорой целой нации... — Плик потянул за грубую ткань. Ноги сами несли его. — Пошли, поговорим по пути. В голове моей бурлит целый водопад.

Словно металлическая статуя двинулась за Пликом, но Иерн быстро поймал шаг. Они пересекли площадь и вышли на улицу. Узкую мостовую стискивали стены, фонарей не было, и двигаться приходилось весьма осторожно.

— Так что ты хочешь мне предложить?

— Ты не слыхал о кораблях из Маурайской Федерации и Северо-западного Союза? — спросил Плик. — Уже несколько месяцев они торчат в порту, пока экипажи шастают по Домену. Конечно, молчат как рыбы — скучища, но поверь мне: какими бы различными ни были их цели, оба экипажа находятся в близком контакте со своими правительствами. — Он лязгнул смехом. — Возможно, их прислали следить друг за другом.

В голосе Иерна проступило возбуждение.

— Да, клянусь Чарльзом! Почему я забыл о них? Маураи...

— Мм-м, не советую. Я попытался приручить этих мореходов; конечно, люди они сердечные, приглашали меня к себе на корабль выпивать, но никогда ни единым словом не прогово-

рились. Я вижу, что ты предпочел бы вступить в отношения с Федерацией, только не рассчитывай, что они будут рады и рискнут скомпрометировать свою миссию, укрывая тебя. Еще раз повторяю, с моей точки зрения, они представляют собой неизвестную величину, и к тому же едва ли смогут спрятать тебя. Под палубой столько не просидишь, а они пускают гостей по всему кораблю и как будто бы пока никуда не собираются. Белый человек в их компании покажется еловой шишкой.

— Так, значит? Выходит, остаются северяне?

— Да, я слегка подружился с их начальником... Удивительный негодяй, зовут Микли Карст. И не сомневаюсь — этот тип возьмет тебя на борт пусть из одного лишь хулиганства, хотя, бесспорно, не забудет о перспективах, которые может открыть перед его страной пребывание в ней опального лидера аэрогенов. Не забудь, Северо-западный Союз сейчас под маураями и не согласен с таким положением. А для этого норри обязаны рисковать. Более того, вчера, забежав выпить, он намекнул мне, что в самое ближайшее время намеревается оставить гавань. Ясно, Карст закончил здесь важное дело... Он умело пытался скрыть свое ликование, но я видел, как оно трепещет в нем... Да-да, видел. Далее — он уже известил капитана в порту и всех нужных чиновников, что выйдет в море на пару дней — сегодня же утром, чтобы потренировать людей перед долгим возвращением в родные края. Так ты получаешь достаточно времени, чтобы скрыться из поля зрения врагов. У пристани корабль пробудет короткое время, и им легко будет спрятать тебя. Кстати, если ты переоденешься в северянина, можешь выходить прямо на палубу. У них все время кто-нибудь приходит или уходит, так что беглым взглядом тебя и не узнают.

— Все это звучит убедительно, — проговорил Иерн, — но я вижу две большие неясности. Почему бы им не получить за меня деньги?

— Что ты, Микли такого не сделает, для него деньги ничего не значат: голодать ему не приходится. В худшем случае он не захочет связываться с тобой, потому что является тайным агентом, не желающим привлекать к себе излишнего внимания. Но если он возьмет тебя, не сомневаюсь, ни один человек из его экипажа слова не скажет. Увы, они столь же не разговорчивы, как и маураи.

Иерн еще колебался.

— Ты так все хорошо разложил, — проговорил он. — Но слова для тебя — привычный материал. А вот уверен ли ты, что умеешь понимать людей? Я ведь просто летчик и хранитель

замка... не более. Что я знаю о народе, политике и всем остальном? С чего это тебе померещилось, Плик, что я в состоянии командовать более чем эскадрилей...

Улица выходила к причалу. За темными корпусами и покачивающимися над ними мачтами вода поблескивала под торопливой луной. Фонари вахтенных звездочками нарушали ее покой. Ветер успокаивался, становясь холоднее. Иерн поглядел на запад, на оба огромных корабля, обошедших половину планеты. И расправил плечи.

— Ну что ж, рискнем. Веди.

Они не сразу попали на борт «Маунт Худ». Командир северян — или капитан корабля — приказал вахтенным извещать его о любом необычном событии, когда бы оно ни случилось. После короткого разговора у борта часовые опустили трап, и вскоре Иерн и Плик уже попивали сдобренный бренди кофе в каюте Микли Карста.

Здесь было тепло, пахло крепкими сигаретами хозяина и табаком из глиняной трубки поэта. Иерну очень хотелось отогнать противный дым ладонью. Голубые струйки его ползали в воздухе, освещенные парой ламп. Снаружи ветер барабанил снастями, стучал волнами в борта, поскрипывал швартовыми. Палуба чуть раскачивалась на волнах. Мужчины сидели на обитой кожей скамейке, огибавшей стол. Рядом располагался шкаф с делами и пишущая машинка. Дополняли обстановку постель с одеялом, сшитым из бобровых шкур, бюро и дверь в душ. Все оставшееся место занимали специальные полки с книгами. Среди них находились тома на самых разных языках, было даже несколько древних книг, сохранившихся не от столетия, предшествовавшего Судному Дню, — эта типографская калтура давно уже истлела, — но от двух-трех веков до него, когда бумагу и переплеты еще делали на совесть. Никаких фотографий в каюте не было, хотя Плик знал, что Микли женат и имеет детей. Личного вообще ничего нет — одна только вещица, прикрепленная к полке нитями, — фигурка женщины в плиссированной юбке и с кошачьей головой. Микли заметил, что отыскал ее много лет назад, в руинах музея, затерявшегося среди болот Нила.

Разговор продолжался, пока рассвет не заставил иллюминаторы посветлеть.

— Ну что ж, договорились, — сказал невысокий человек. — Я беру вас с собой, и моя страна предоставит вам убежище. Естественно, сейчас я не могу обещать никаких условий, однако не сомневайтесь — стеснительными они не окажутся.

— Почему вы так уверены? — спросил Иерн и закашлялся.

— Знаете, странное учреждение, которое мы любим называть правительством Северо-западного Союза, не в состоянии задержать человека, если за ним стоит Ложа, а я уверен, что в Ложе Волка вам будут рады. Конечно, ваше пребывание будет по возможности тайным. Вам придется дожидаться того времени, когда можно будет вступить в контакт с подпольными движениями в Домене. Во всяком случае, сперва они еще должны возникнуть... если этому суждено случиться. Не опасайтесь, полковник Ферлей, все это время вам скучать не придется.

Плик выдохнул дымное колечко и проводил его взглядом — оно растворялось во мгле.

— Человек предполагает, — сказал он. — Естественно.

Микли поднял палец. Взгляд его пронзил Иерна.

— А теперь прошу вас понять меня правильно, — заявил он. — В настоящий момент вы вправе сойти на берег и забыть про нас. Но если вы примете наше покровительство, мы будем вынуждены обеспечить и собственную безопасность, то есть вам придется повиноваться приказам. Готовы ли вы к этому?

— Конечно, — ответил Иерн. — Я отлично понимаю вас, приму вашу протекцию и благодарен вам за нее.

— Великолечно! — ответил с энтузиазмом Микли. — Тогда я могу сообщить вам, что в западном полушарии вы окажетесь намного быстрее, чем предполагали. — Взгляд его обратился к Плику. — Но это не тема для пьяной болтовни и даже для песни.

Англеман улыбнулся.

— Песня моих бокалов журчит словно ручеек из пословицы, — объявил он, — впрочем, надеюсь, не столь монотонно. Но приходилось ли вам когда-нибудь слышать, что я проговорился, о чем не следовало бы? Большая часть поэтического дара состоит в умении опускать лишнее.

Северянин улыбнулся в ответ.

— Мне будет жаль прервать нашу беседу: мы равным образом склонны к велеречию. — Он обернулся к аэрогену. — Мы выходим сегодня в море, но не только для того, чтобы потренировать своих мореходов, — сказал он. — Быть может, вы заметили на палубе самолет. Мы не намеревались бороздить воздушное пространство Домена, но, когда окажемся за горизонтом, какая им разница? Не упоминал я и о том, что посадочная площадка окажется пустой, когда корабль возвратится назад. — Он потянулся за новой сигаретой. — Дело в том, что нам необходимо срочно отослать домой кое-что... Не важно, что именно.

— Домой? — отрезал Иерн. — Но как?

Микли чиркнул зажигалкой и затянулся.

— Ах да, вы понимаете нашу проблему, не так ли? Маураи запретили нам пользоваться некоторыми разновидностями самолетов... и мы не можем добраться до Союза без посадки, разве что в самых диких восточных областях. Унизительно, не правда ли? В итоге нам придется дозаправиться по пути.

Иерн представил себе карту.

— В какой-нибудь из стран монгов.

Микли резко глянул на него:

— Э? Почему вы так думаете?

В возбуждении Иерн выпалил:

— Просто не могу представить себе, что вы способны оставить такое количество ценного горючего в диких краях. Незачем вводить в искушение туземцев: они могут похитить его, залить в свои лампы и разграбить металлические детали. К тому же вам было бы трудно сохранить свою базу в тайне от маураев на достаточно долгий срок. Итак, вы втихую с кем-то договорились. С Красной, наверно. Город расположен в удобном месте для этой цели, не столь беден и примитивен, как Чакри, и не оживлен и амбициозен, как Юань.

— Вам следует воспитать в себе умение держать язык за зубами, Иерн Ферлей, — отрезал Микли и, добавив дружелюбности в голос, продолжил: — Обращаю ваше внимание на пилота. Это очаровательная молодая леди, первой завершившая здесь свои дела. Увы, не могу рекомендовать вам физически контактировать с ней: настоящая пума. — В голосе его зазвучала откровенность: — Вы заставляете меня изменить план. Я не намеревался забегать вперед. Но, учитывая наше выдающееся достижение и ваш потенциал, придется. Мне хочется присутствовать и иметь возможность высказаться при вашей встрече с нашим руководством.

Иерн строго поглядел на него.

— Тем более что, — заявил Буревестник, — вы в основном закончили здесь свою работу, по крайней мере в настоящее время. Иначе вы просто не решились бы оставить эти края. Успех заговора в Скайгольме означает, что ни вам, ни маураям больше нечего делать в Домене, пока не прояснится, как пойдут дела здесь дальше.

Микли зашелся кашляющим смехом.

— Великолепно! Поздравляю! Вы абсолютно правы. Конечно, все ясно — как покойник на пьянке, но тем не менее вы правы. — Он поднялся. — Ну что ж, — предложил он, — итак, зовем Ронику Биркен, это наш пилот, готовим завтрак,

заодно и познакомитесь? — Он поглядел на третьего. — Мм-м, Плик, не хотелось бы показаться негостеприимным, однако, быть может, вам лучше кое-чего не слышать?

Англеман улыбнулся, распрямляясь во весь рост.

— Согласен, — проговорил он. — Кстати, я устал как собака, а поспав, смогу закончить песню.

Иерн неловко поглядел на него со своего места.

— О которой ты говорил... обо мне? — спросил он.

Плик кивнул:

— Да, но не бойся, она скорее о том мифе, что сложился вокруг тебя.

— Каком еще мифе?

— Увы, пока он едва превышает клетку, только что зачатую в чреве матери. Пусть растет, а когда родится... только поэты понимают мифы как надо... а кто и когда слушал поэтов?

Плик нагнулся и, обняв Иерна за плечи, приблизил губы к уху аэрогена.

— Прощай, принц, — выдохнул он. — Возможно, мы больше не увидимся, но, когда ты станешь богом, героем или демоном, я буду помнить, как приятно было выпить в твоей компании.

— Что за хаос у тебя в голове? — Иерн ответил дружеским объятием. — Свихнулся, наверное... но ты спас меня, и я благодарен тебе больше, чем умею сказать. До свидания.

Плик распрямился и оставил каюту. Микли последовал за ним к двери и махнул вахтенным, чтобы пропустили гостя на причал по трапу.

Солнце еще только вставало, но над восточными крышами небо уже позолотилось, хотя кое-где на нем еще оставались редкие звезды. Луна и Скайгольм побледнели в дымке, которой затянул небо уже утихший ночной бриз. Причалы еще пустовали. Роса поблескивала на смолистых досках и швартовых тумбах. Пара ранних чаек пикировала в снежную реку. Из рта Плика вырвался дымок. Он торопливо зашагал и, тронув пальцами невидимые струны, запел следующие слова:

*Они низвергли принца с высокого трона,
Объявив, что настало новое время,
А свое беззаконье назвали древним словом «свобода»,
Ступая по тропе, привычной к ногам кесарей.
Объединив наши души, они устремляют их
к новым высотам,*

*Освободив нас от тирании,
Они отвергли злое прошлое,
Ведь сейчас их власть в стране.*

Тут голос его окреп, и вдруг в мелодии затрубили трубы.

*Но вслушайтесь в стон пыльного горна,
В дробь барабанную,
В шепот из старой осевшей могилы,
Где кости пророчат: «Идет! Он идет! Он идет!»
И увидите вы знаменья — идут облака,
луной озаренные,
Идут от пустыни, где бродят холодные ветры,
И древние призраки скачут из темени,
Дорогу домой пролагая принцу!*

3

Тераи, беспомощный, стоял у борта и следил за кораблем северян, отходящим от причала... Миновав корабль маураев, он отправился вниз по течению. Солнце едва озарило восточные крыши, высветив зелено-белый флаг, насмешливо вильнувший ему на прощанье. На катамаране не было парусов: Микли Карст не стал дожидаться прилива, он был готов израсходовать топлива вспомогательных дизелей, чтобы уйти побыстрее.

«Что делать, что делать?» В сотый или тысячный раз мысли Тераи ударялись о несокрушимую скалу фактов, покрывая ум его синяками и кровоточащими ссадинами. Эта мошенница вместе со своей шайкой или же отважная патриотка с друзьями — неважно, в какие слова облачить правду, — притащила на борт корабля делящееся вещество. По мнению Ваироа, в этом нельзя было сомневаться. Не было сомнений и в том, что груз направляется в Союз... хотя в какой именно глухой уголок, пока оставалось неясным.

Тераи подумывал о погоне, но по иронии судьбы «Маунт Худ» был быстрее его однокорпусного корабля, пусть и не столь вместителен. Тераи уже подумывал, не обратиться ли по радио в Нозеланн, чтобы флот перехватил корабль, но на успех едва ли можно было рассчитывать: широки моря и маловато над ними самолетов. К тому же Тераи рассчитывал, что корабль северян вернется через день-другой. Так утверждал его капитан, кроме того, несколько членов экипажа остались на берегу. В противном случае правительство Домена выкажет недовольство; Карсту оно ни к чему... (Однако он, должно быть, уже завершил свою политическую активность в Домене, какие бы цели ни преследовали северяне. Похоже, они включали контакт с Таленсом Джовейном Орилаком, режиму которого потребуется время на консолидацию сил, прежде чем он сможет послужить кому-нибудь еще. Если со временем он не докажет свою ста-

бильность, тогда северянам лучше не входить в слишком тесные отношения с джовейнистами. Уже поэтому Карсту следовало быстро отправляться домой.)

Уяснив все это, Тераи заключил, что враг предпримет попытку переправить свое жуткое сокровище по воздуху и, оказавшись за пределами видимости, поднимет свой самолет.

Им необходимо дозаправить его во время полета, но северяне, безусловно, договорились об этом заранее. Но где и как?.. Ждет их корабль на море, остров или какой-то уголок континента, сказать было трудно, не зная, куда они летят. Северяне наверняка предприняли все необходимые предосторожности.

Самолет на борту «Хивао» по всем статьям превосходил те, которыми располагали северяне; но турбореактивная машина, скоростная и отлично вооруженная, способная залететь дальше северян едва ли не на четверть пути, была столь же беспомощна в сложившейся ситуации, как и сам Тераи. Самолетом можно воспользоваться для разведки, но, конечно, тогда Карст не станет поднимать в воздух свою уязвимую машину; передаст по радио извинения и задержится на море до тех пор, пока баки у аэроплана маураев не опустеют. Долго им ждать не придется. Если маураи будут дозаправляться на своем родном корабле, они быстро растратят все запасы горючего. А власти Домена не продадут топливо иноземцам — чтобы не летали над их землями. В том числе и над заливом Бискаев (вне сомнения, Карст рассчитывал, что сможет подняться в воздух незамеченным).

Тераи серьезно подумывал о том, чтобы выйти в море, поднять самолет и попытаться потопить «Маунт Худ» с воздуха. Но это заметят телескопы Скайгольма — взгляд маурая обратился к диску аэростата, однако солнечные лучи еще скрывали его. Разразится скандал, последуют дипломатические осложнения. Впрочем, в случае удачи риск стоит свеч. Однако, скорее всего, ничего не получится, решил он: реактивный самолет маураев — истребитель, а не бомбардировщик. Едва ли подобный аэроплан может отправить на дно моря большой корабль, особенно если и Домен вышлет свои военные самолеты. Кроме того, если корабль потонет, плутоний долго не продержится в соленой воде и тогда окажется, что он, Тераи, выбросил в море не одно кило яда... Это он-то, человек из Океаний. И чего ради? Эти черти из Норамерики уже, должно быть, награбили такую кучу этой мерзости, что потеря не станет для них существенной, а тайные намерения их погибнут вместе с экипажем.

Катамаран удалялся, растворяясь вдали. Тераи барабанил пальцами по поручням, надеясь, что боль плоти смягчит его душевную муку.

— Ах, вот бы напиться! — выдохнул он.

Первый помощник, стоявший возле него, кивнул.

— Я намереваюсь именно так и поступить, когда моя вахта закончится, сэр. Могу вам даже порекомендовать адрес одной чистенькой особы. Опрятная бабенка и берет не дорого.

— Нет, спасибо. — Тераи невольно отвернулся и припал к борту. («Наемный секс — сколь развратили нас эти проклятые месяцы безделья».) Он дернулся. («К тому же сомневаюсь, чтобы я был на что-то годен сейчас».) Душа простонала: «Разве что с тобой, Елена».

Выйдя на причал, он не заметил подошедшего к нему человека. Пальцы, прикоснувшиеся к локтю, остановили Тераи. Он обернулся и увидел перед собой маску Ваироа.

— У меня есть кое-что, шкипер, — прошептал сын девяти матерей.

— Ай-й? — Тераи моргнул. Сердце его радостно забило. — Ты хочешь сказать, что у нас появилась надежда? Давай!

Он мгновенно провел своего спутника в свою каюту. Здесь все было как дома и более безопасно, чем в том номере, что он снимал в гостинице, чтобы принимать деловых партнеров. Татами пропускали свет, лившийся внутрь через открытые иллюминаторы, мешаясь с ароматной прохладой. Стены были завешаны реликвиями и снимками домашних. На большой полке выстроились книги, в основном справочники, пара биографий и далее в том же роде — Тераи не любил стихи и романы. Между столом и койкой располагался верстак, за которым в часы досуга он создавал украшения — из проволоки, камней и ракушек, когда не требовалось обращаться к услугам металлообрабатывающих мастерских Хивао.

Он едва не бросил Ваироа в кресло и протянул руку — мышцы вились питонами — к стойке с ликерами.

— Что у тебя? — спросил он. — Танароа! У нас появился шанс?

— Чистой содовой, если можно.

— А?.. Ну да, до полудня еще далеко, однако... — Откупорив бутылку воды для своего гостя, Тераи плеснул себе неразбавленного виски. Гигант способен был проглотить эту дозу, испытав разве что легкое головокружение. Опустившись у стола, Тераи принялся набивать трубку. — Говори, не томи душу, не води меня на крючке.

— Я не предлагаю надежных мер, — проговорил Ваироа самым педантичным тоном. — Просто я получил некоторую информацию, которая позволила мне кое-что придумать.

Тераи постарался сдержать нетерпение и обратился к услугам разума — не самого острого в мире, он не льстил себе, но все же надежного и трезвого.

— Продолжай.

— Узнав, что «Маунт Худ» выходит из гавани утром, я отправился приглядеть за норри, — начал Ваироа. Тераи подумал: где, как и когда спит этот человек. — Поздно ночью на борт поднялись двое мужчин. Один из них остался на борту, а другой покинул судно на рассвете. Судя по портретам, опубликованным в прессе и словесному описанию, остался Таленс Иерн Ферлей, которого разыскивает новый Капитан.

Тераи невольно охнул. «Ночь была темной и ветреной, и Ваироа не мог подойти близко, но у него, наверно, глаза совы».

— Что, во имя Нана, может это означать?

— Позвольте мне сперва изложить информацию, а потом я представлю вам свою интерпретацию событий. Ферлея сопровождал алкоголик-англей, сочинитель баллад, которого вы, быть может, помните по портовой таверне возле Кафедрального Собора. Пейт Ренсун по прозвищу Плик. Из разговора между ним и бодрствовавшей охраной на борту корабля стало понятно, что он убедил вахтенных вызвать мистера Карста, после чего они с Ферлеем на несколько часов засели в его каюте. Охрана находилась слишком близко, поэтому я не смог подняться на палубу. Когда наконец Ренсун вышел и отправился домой, он был взволнован и выкрикивал песню, явно только что сложennую и мятежную по настроению. Я не стал далеко провожать его, помня, что в первую очередь должен проследить за «Маунт Худ», но более ничего интересного не произошло. Итак, Ферлей на корабле сейчас покидает отечество.

— Грррум, — раскурив трубку, Тераи извлек из нее утешение и задумался. — Итак, каковы твои выводы? Ты дольше меня обдумывал это...

— Я понял, что Ферлей часто посещал любимую таверну Ренсуна, когда бывал в Кемпере, а значит, безусловно, является приятелем Ренсуна. И теперь отыскал его, вступил в контакт и попросил помощи. Кроме того, Ренсун подружился с Карстом. Вы этого, конечно, не заметили, в отличие от меня. Все получается очень естественно, разве не так? Северяне доставят беглеца в свое отечество. Терять Союзу нечего, а приобретение может оказаться полезным... подобная эскапада во вкусе Карста, который одновременно избавится и от своих ядерных трофеев.

Тераи глубоко вдохнул дым и зажал в ладони теплую чашечку трубки.

— Ну хорошо, они решили покатасть своего беглеца. Скорее всего, на этом же самолете. Ну и что?

— Ренсун находился в этой каюте достаточно долго, — заметил Ваироа. — Возможно, он мог понять, куда они направляются.

— Хо! — Тераи выпрыгнул из кресла.

— Если мы узнаем план полета, а главное, место, где они будут заправляться, можно последовать за ними и перехватить.

— Да-да! — взревел Тераи. — Лесу Харисти! — Он расхаживал в тесной каюте вперед-назад, вперед-назад, яростно дыма трубкой. — Да, если бы мы смогли перехватить их над пустынными землями, то сумели бы заставить их приземлиться. Это было бы здорово, Ваироа. Ты достиг колоссального успеха, обнаружив, что именно эти норрмены многие годы собирают делящиеся материалы. Но твоим словам никто не поверит. Кроме нашего начальства, конечно... но кто еще? Ты же знаешь, насколько циничными сделались люди на островах. Они не поддерживают объявления новой войны по голословному обвинению, а для того чтобы уничтожить это чудовище, потребуется масштабная кампания. Тем более что мы еще не знаем, с чем именно имеем дело; не знаем ничего, кроме того, что северяне крадут ядерные заряды. — Он схватил свой бокал и плеснул жидкое пламя в глотку. — Вот если мы захватим их, то получим конкретные улики. И, кроме того, будет кого допросить. Клянусь Троицей, я никогда не прибежал к пыткам за всю свою жизнь; но теперь — вот этими руками — сделаю все что угодно и вырву из этих северян правду, чтобы потом не снились кошмары. У меня ведь жена и дети, надеюсь, что будут и внуки.

Непривычный к долгим речам, Тераи резко умолк, опустил-ся опять в свое кресло и посмотрел на многоликого человека.

— Пытки не потребуются, в особенности там, где речь идет о Ренсуне, — обещал Ваироа. — У него нет особых причин молчать, если мы посулим ему денег и заверим, что не имеем ничего против его дружка Ферлея. По-моему, главную проблему составит скудость информации, которую он сможет представить: вряд ли Карст излишне разболтался в его присутствии. Я хочу проверить, не проговорился ли он случайно, так что Ренсун даже сам этого не заметил. Дело долгое и, боюсь, потребует еще более долгих прелюдий — подкупа, угроз или просьб, которыми можно добиться его сотрудничества.

Тераи глянул на тлеющую трубку.

— И в конце концов мы можем остаться ни с чем. Понимаю. Но мы, конечно, должны попробовать. Где он?

— Уверен — спит в своих меблированных комнатах. Я только что оттуда. Похитить его нельзя. Он только разозлится, если его разбудим, что бы мы ему ни сулили. А картежники внизу будут сражаться весь день.

— Мм-м, да, едва ли нам следует привлекать внимание полиции. Но тем временем смертоносный груз будет улетать все дальше...

— Думаю, так, — сказал Ваироа. — Потратим следующие несколько часов, чтобы получить разрешение на выход в море. Конечно, надо было бы сделать это заранее, но вы можете заявить, что пример норрменов вдохновил и вас, да и выдался удобный денек. Я тем временем приглашу за домом Ренсуна и, когда он, наконец, проспится, извещу вас. Вы уладите это дело гораздо лучше меня. Встретитесь с ним, проявите изобретательность, угостите, пригласите к нам на импровизированный праздник. А как только он окажется на «Хивао», мы запрем его и выйдем в море. И когда будет удобно, запустим наш самолет. Влетим втроем — вы, я и он — в западном направлении. Я его допрошу во время полета. Если мы получим от него ниточку, определяющую намерения врага, соответствующим образом скорректируем курс. Нет — возвращаемся в Кемпер и выдадим ему деньги на пропой, оплатим беспокойство, которое причинили. Вот мое предложение... Есть ли, на ваш взгляд, какие-нибудь упущения?

— Нет, — ответил Тераи подумав. — Ничего важного мы не забыли. А приобретем, быть может, весь мир или же хотя бы спасем его.

Глава 13

1

Самолет в отличие от емких топливных баков был достаточно невелик. И его нынешний груз занял большую часть свободного пространства внутри фюзеляжа. Роника Биркен находилась у штурвала, Таленс Иерн Ферлей сидел возле нее, а Микли Карст — позади; им едва хватало места, чтобы пошевелиться. С этим можно было смириться, потому что полет должен был продлиться всего двенадцать часов. Двухмоторный винтовой моноплан был снабжен устройствами для вертикального взлета и посадки, которых требовало применение на борту корабля.

«Неплохая конструкция с учетом всех ограничений, наложенных маураями, — подумал Иерн. — Что удивляться тому, что норри недовольны. На их месте я бы тоже так поступил».

Он поглядел на рослую молодую женщину... «Мало им этого, так еще и пилот что надо... Эта девица весьма искусно подняла самолет в воздух при такой тяжелой волне».

Потрясая белоснежными гривами, серо-зеленые валы, посланные уже стихшим ночным ветром, теперь гнались за самолетом, и в открывавшемся с пятнадцати метров высоты обширном круге вода не знала покоя. Лишь несколько облаков, освещенные солнцем из-за спины, разрывали впереди синеву наверху — Скайгольм опустился за восточный горизонт.

Сердце Иерна частило: должно быть, он устал после бессонной ночи. Микли не дал ему вздремнуть, пока «Маунт Худ» выходил из гавани. Иерн ни о чем не скорбел и не страшился. Лишь какая-то кроха сознания укоряла за легкость и даже радость, с которой он оставлял Домен и всех своих знакомых по невзгодам. Ему было не до того. Он вновь свободен и готов к бою, но прежде чем вступить в него — увидит мир!

Предательство Фейлис более не томило его. «Отлично — все вышло наружу. Едва ли мне захочется мстить ей, когда я вернусь. Эта женщина уже словно забытый сон — далекий и нереальный».

Ну а пока... он все острее поддавался обаянию Роники. Он не имел женщину уже более двух недель. Фейлис упиралась, поискать на стороне не хватало времени (тем более что подобное сочли бы неуместным во время всеобщей скорби по старому доброму Капитану Тома), а потом он был в бегах. Великолепная фигура соседки была просто переполнена жизнью. И ежели ему не мерещилось, он угадывал не просто страстность — притихший огонь, готовый вспыхнуть при малейшем прикосновении.

— Эх, жаль, нельзя повести этот самолет, — вслух пожалел Иерн. Она коротко глянула на него. Глаза цвета океанской волны на волевом лице, волосы из-под расшитой бисером ленты ниспадают на плечи густыми янтарными волнами. Грудь распирала рубашку, наполовину расстегивая ее; брюки облегли полные бедра, длинные ноги. Огромный нож в ножнах добавлял ей манящей дикости.

— Почему бы и нет, — прозвучал ее голос сквозь гул двигателей, наполнивший кабину и заставлявший ее вибрировать. — Я просто рассчитываю на то, что вы подмените меня, зная, что имею дело с Буревестником. Быть может, удастся чему-нибудь научиться у вас.

Англий в устах ее звучал не так четко и правильно, как у Микли. Однако понять было легко.

Иерн ухмыльнулся:

— С охотой, мамзель, чему вы желаете научиться?

Пропавшее табаком дыхание Микли хохотком прикоснулось к его спине. Северянин часто смеялся, однако смех его напоминал скорее лисье твяканье, чем здоровый хохот.

— Вижу, ты собрался полетать на ее тюфяке. Забудь об этом, — посоветовал он. — Настойчивость опасна для жизни — во всяком случае для рук. Знаю по собственному опыту.

Загорелое лицо Роники зарумянилось, но обиды она не выказала.

— С женатыми любовь не кручу, — деловым тоном пояснила она.

— Ну, меня женатым теперь назвать трудно... — начал Иерн.

Она чуточку рассердилась.

— Это я про Микли. У него такая жена, такая добрая женщина, всегда так хорошо ко мне относилась, но вот ведь несчастье — любит этого типа. Опасайтесь его, Ферлей. Он лезет с предложениями ко всем, кто расхаживает на двух ногах, и не уверена, что иные из четвероногих останутся без его внимания.

«И это она так о своем начальнике?» — Иерн скрестил на груди руки, чтобы скрыть замешательство.

Микли только расхохотался.

— Мы с Роникой неплохая пара, — сказал он. — Умеет подколоть, не так ли? И дает не хуже, чем получает; так время скорее проходит. Мне ее не хватает, когда мы не работаем вместе; а что касается ее самой — знаю — ей нравятся мои шутки, а значит, мы в чем-то родственные души.

— Хватит дурачиться, — отрезала женщина, внимательно вглядываясь вперед. — Да, Ферлей, вы можете попробовать, но только позже, а сейчас самолет летит на автопилоте, и я бы предпочла, чтобы все подольше оставалось как есть.

— Понимаю, — сказал Иерн. — Легкий самолет требует летчика лишь в непогоду. Вы думаете, что она ждет нас?

— О, встреча с ней возможна всегда. — Роника вновь улыбнулась. — И кто знает, насколько скверной она окажется? — Облачко скользнуло по лицу Роники, она вздохнула. — В старину люди умели делать такое, могли бы и мы. Нужна только станция на орбите...

Роника умолкла. Микли откашлялся и продолжил разговор:

— Мисси Биркен, к счастью, не моя подчиненная, она не из моего корпуса. Интересно, кто бы мог заставить ее соблюдать военную дисциплину? Иногда ее отпускают с основной работы, тогда она может заняться совсем другим делом. Поэтому нам удавалось несколько раз поработать вместе.

— И чем же вы заняты? — поинтересовался Иерн.

Она качнула головой и помедлив ответила:

— Лучше переменим тему.

Иерн подумал о корзинах, стоявших за его спиной. Ему порекомендовали держаться от них подальше и не интересоваться их содержимым. Может быть, книги? Ну какие тут могут быть секреты? Наркотики? Едва ли женщина будет заниматься подобным делом, и к тому же, насколько он знал, Северо-западный Союз не облагал налогами и не ограничивал свободу любой торговли — иностранной или местной. Ценные металлы? Древние города в Западной Юропе грабили не один век. И хотя Иерн слышал, что эта женщина путешествовала на восток, он сомневался в том, что там еще можно было что-нибудь отыскать. Не одно уже поколение племени не привозили подобного товара в места обмена.

Так что же делали иноземцы в Домене? Плик предполагал, что их привел сюда скорее политический интерес, об этом отчасти говорил и собственный опыт Иерна, однако он мог ошибиться. Более того, все, что аэроген знал о Союзе, — на удивление мало, как он только что осознал, — не позволяло ему четко различить общественные и частные интересы.

Возбуждение улеглось. Иерну предстояло долгое одиночество, в незнакомой земле, посреди чужого народа.

— Можно мне спросить кое о чем? — проговорил он. — Не отвечайте, если, на ваш взгляд, этого лучше не делать.

— Ну что ж, приступим. — Роника вновь улыбнулась ему и, потянувшись, прикоснулась к руке... ее ладонь была твердой и теплой. Ниже закатанных рукавов рубашки солнечный свет золотил крошечные волоски. Он понял, что вот-вот позабудет обо всем на свете. — Как я понимаю, вам порядком досталось. Давайте расслабимся. Я хочу выслушать вашу историю!

— С удовольствием... впрочем, не особым в моей ситуации, но... кстати, правильно ли я догадался относительно того, что дозаправка будет в Красной?

— Да, — насторожился Микли. — И будем надеяться, что противник не вычислит того же.

— Противник?

— Маураи, а кто же они? — огрызнулась Роника. — Если они догонят нас, поедem прямо в землю.

— Зачем им сбивать нас? — возразил Микли. — С какой стати? Конечно, они заметят, что мы с тобой не вернулись в Кемпер, и заключат, что я закончил свои грязные дела, а ты повезла меня домой. Но каковы бы ни были мои злодеяния, я с ними покончил, а для любых отчетов, конечно же, предусмотрел различные способы отправки. К тому же мы окажемся в

Сиэттле еще до того, как корабль вернется в порт Кемпера. Тратиться на розыски — нет смысла. Кроме того, каким образом они могут выйти на наше уютное заведение в Красной?

Иерн откашлялся, напрягаясь всем телом. Ток пробежал по его нервам.

— Ваши слова, — выдохнул он, — доказывают, что и вы, и они являлись секретными агентами в Домене...

— Не о чем спорить, — непринужденно ответил Микли, запалив сигарету.

Почувяв запах табака, Роника сморщила нос и чуть опустила окно. Холодный воздух, дунувший внутрь, чуть успокоил Иерна, как и ее слова:

— А поговорить можно. Наши действия не были направлены против вашей страны. Наши враги — маураи.

— Так что вы у нас делали? — осмелился бросить он вызов.

— Занимались собственными делами! Микли, давай ты...

— Ей сообщали только минимум необходимого, — сказал северянин. — Обычная предосторожность среди разведывательных служб. Я, например, в основном занимался сбором информации, в частности, относительно действий маураев в Юропе. Кроме того, я надеялся навести кое-кого из ваших лидеров на мысли о тесном сотрудничестве с Федерацией... Хотелось пробудить в них некоторые сомнения. Могу вас заверить: все, что плохо для Домена, столь же скверно и для Союза.

— Был ли неожиданностью для вас заговор Джовейна? — строго спросил Иерн.

— О Боже! Конечно же. Он не сулит нам ничего хорошего: Капитан Джовейн будет поддерживать геанство, настроенное против всех ценностей, принятых в Северо-западном Союзе. Тем более что он собирается взять на себя активную роль во всем мире, начиная с Восточной Юропы, возрождая там цивилизацию. Континент под властью геанцев...

— Но, быть может, вы сумеете что-то противопоставить ему? — Роника бросила на Иерна взгляд сперва удивленный, а потом ставший задумчивым. — Но тем не менее, — продолжил глава Клана Таленсов, — вы направляетесь в Красную, к геанцам.

— Ну, это другое дело. Разве вы не слышали? Войны с монгами окончены, — сказал Микли с легким сарказмом. — Их государства и Северо-западный Союз поддерживают корректные отношения, пусть и без особого восторга. Действительно, Юань — самая большая и самая сильная держава — единст-

венная среди них все еще обладающая известным весом. Но Красная больше не встречается ни в какие авантюры. Она стала миролюбивой просто до застенчивости.

— Что вы имеете в виду?

— Некий полк — реджимент, как бы вы сказали, — в Красной имеет собственное летное поле в довольно укромном уголке. Его командир готов помогать летчикам Союза, которые посещают эти края. Мы заключили договор, разрешающий нам каждый год совершать ограниченное число полетов над территорией монгов. Маураи, конечно, знают об этом, но — я рассчитываю — не догадываются ни об этом аэродроме, ни о стремлении его хозяев сотрудничать с нами. Наши пилоты не часто бывают там. Рты своим офицерам он затыкает деньгами. Потом, с чего бы вдруг им протестовать против наших полетов? Обычно мы там дозаправлялись во время исследовательских полетов на дикий восток и юг.

«Каких исследовательских полетов, чего там можно искать?» — подумал Иерн.

Роника сама ответила на возникший в его голове вопрос:

— Нет, я там не бывала. Обычно я брожу в других местах. А теперь захотела побывать в Юропе, но... Кстати, что мы там будем делать, Микли? Как охраним груз от любопытных? Останемся у самолета?

— Нет, гостеприимные хозяева отказ примут за оскорбление. Утром — можешь не сомневаться — пломбы на наших корзинах останутся целыми, — сказал ее спутник. — Во-первых, командир не захочет расстаться с источником побочного дохода, да и зачем ему надо, чтобы обо всем узнали наверху?

— Отлично! Неплохо будет полежать вечером. — Роника крутнула локтями, вновь всколыхнув сердце Иерна. Он почувствовал известное облегчение: вокруг были если не друзья, то хотя бы люди доброжелательные.

Девушка внимательно посмотрела на него.

— Ты, должно быть, валишься с ног, — проговорила она. — Ну что ж, перекусим, а потом можешь поспать. Но когда проснешься, поговорим о тебе.

Иерн кивнул. Голова его уже начинала тяжелеть и глаза слипались.

— Я положила сэндвичи и бутылку вина в ту красную сумку. Рядом с тобой, Микли, — продолжала она. — Но сперва мне надо пописать. — Она отстегнулась. — Дай сюда горшок, слышишь? Черт, почему у нас нет никакого укромного уголка... Впрочем, какая разница? Если подобная распущенность с моей стороны шокирует вас, Иерн Ферлей, прошу отвернуться на пару минут.

Тераи взлетел после полудня, на борт самолета они поднялись вместе с Ваироа и Пликом, и легкие крылья понесли их, как только «Хивао» вышел из устья реки. На негодующий запрос береговой охраны он ответил:

— Прошу прощения, понимаю, что нарушаю все нормы, еще раз приношу свои извинения, но дело в том, что внезапная необходимость требует спешки. Я как летчик персонально отвечаю за свой поступок, в котором не следует винить никого, кроме меня. Прошу отметить, что я не пролетал над сушей и сразу взял на запад — над морем. Если вы хотите принести формальный протест, лучше всего обратиться прямо к послу Федерации — общение двух наций было весьма незначительным, чтобы можно было заводить речь об учреждении консульства.

Поддав давление в кабину, Тераи резко пошел вверх. Ни один самолет в Юропе не мог догнать эту машину, за исключением разве что первоклассных машин Погодного Корпуса. Однако, насколько ему известно, все они находились довольно-таки далеко отсюда и не имели вооружения. Тераи обернулся, чтобы через заднее окно посмотреть на уменьшающуюся и опускающуюся к горизонту луну-Скайгольм. Если там решат его сбить, лучше поторопиться. Впрочем, Тераи сомневался в этом; допущенное им нарушение невелико, а наверху и без того хлопот бездна.

В кабине поместилось бы полдюжины человек, но сейчас их было в два раза меньше. Тераи решил не брать людей. Если он все-таки обнаружит свою дичь в удобном месте, то сперва заставит их опуститься, а там он или Ваироа под прикрытием пулеметов возьмет преступников в плен. Не пока ему не удалось перехватить беглецов, люди — лишний груз, их присутствие приведет к неоправданной потере времени, да и жизни понапрасну подвергнутся риску. Слишком многое следовало еще разузнать в Домене. В соответствии с уставом Тераи как начальник отряда должен был отправить в полет подчиненного. Но особая важность задания заставляла вносить коррективы. Его заместитель прекрасно справится со всеми делами, а Тераи с Ваироа, как никто, пригодны для настоящего дела.

Кроме того... мощное тело напряглось... впереди, должно быть, его ждет сам Микли Карст. У Тераи есть к нему особый разговор.

Рядом сидел скорбный Плик. Ваироа пытался ободрить его.

— Увы, мы заманили вас на борт, чтобы похитить. Мы сожалеем об этом даже больше, чем о нарушении воздушного

пространства Домена. Но сейчас все объясним, и вы согласитесь, что у нас не оставалось иного выхода. Мы не причиним вам вреда, вернем домой при первой же возможности и, кроме того, выплатим щедрую компенсацию.

Англеман откинулся назад, разжал узловатые кулаки и некоторое время разглядывал своего спутника.

— И как же вы меня вернете? — спросил он. — Сомневаюсь, что власти разрешат вам посадку после всего случившегося.

— Мы можем распорядиться, чтобы корабль принял нас на борт прямо в море. Или, если по каким-то причинам этот вариант нас не устроит, мы можем доставить вас через Эспейнь. Путь, конечно, будет дольше, но, повторяю, потраченное время вам щедро оплатят.

Плик оглядывал узкую кабину, пулеметные установки, окна, полные неба, но со стальными задвижками. Взгляд его вернулся к загадочной фигуре, расположившейся возле него. Потом перешел к Тераи. Оба маурая были в белых мундирах, отнюдь не гармонизировавших с его рубашкой и брюками (полинявшими, заштопанными, вытертыми)... словом, снег рядом с опавшими листьями.

— Должно быть, у вас важное дело.

Голос Ваироа сделался строгим:

— Да.

Тераи вновь огляделся.

— Знаете, Плик, — сказал он, — вам предоставляется возможность испытать истинное приключение. Неплохо с высоты посмотреть на мир, как, по-вашему?

Певец кашлянул и разразился кислым смешком.

— Хитро закручено!.. Однако можно поторговаться. — Он потер налитые кровью глаза. — В первую очередь, как насчет того, чтобы выпить и позавтракать?

Ваироа кивнул, отстегнулся и направился к буфету. Он вернулся с бутылкой виски, которую Плик схватил, прежде чем маурай успел повернуться, чтобы разогреть пищу и сварить кофе. Тераи остановил подъем на десяти километрах и включил автопилот. Самолет мчался почти со скоростью звука.

Тераи уселся напротив Плика и, склонившись к пассажиру, прогрохотал:

— У нас очень мало времени. Нам нужна ваша помощь и быстро — или же ничто не поможет. Приступим немедленно к делу!

— Аа-ах! — Адамово яблоко Плика, подпрыгнув впечатляющее количество раз, вернулось на место, когда тот опустил бутылку. — Я согласен, начнем. Но за вами числится должок, я хочу услышать объяснения. Начинайте.

Тераи извлек трубку и кiset с табаком. Заняв руки делом, он строго проговорил:

— Мы знаем, что вы провожали Таленса Иерна Ферлея на борт корабля из Северо-западного Союза, и полагаем, что сейчас он летит, рассчитывая на убежище. Учтите, мы не сомневаемся, что он совершенно не представляет, во что вляпался. Мы ничего не имеем против и сами были бы рады предложить ему убежище. Вас мы выкрали лишь потому, что надеемся получить от вас информацию и, узнав, куда именно Иерн отправился, вовремя перехватить самолет.

— Как это — вовремя?

— Мне не хотелось говорить об этом, но самолет везет груз, предназначенный для новой Судной войны. — Плик едва не выронил бутылку. Тераи несколько раз утвердительно покачал головой. — Да, — проговорил он, — на нем — ядерная взрывчатка. — Он коротко привел доказательства. — Так что Иерн Ферлей случайно подвернулся им под руку. Я полагаю, что Микли прихватил Иерна с собой, усмотрев в нем важную шахматную фигуру. К тому же Микли — прирожденный смутьян. Любит разворошить муравейник и посмотреть, что получится. Он сам признался мне в этом. Остальные члены его банды могут быть искренними в своих побуждениях, однако сам Микли Карст, несомненно, безумен. Он собрался еще раз ткнуть факелом в нашу планету и посмотреть — не сторит ли.

— Ядерная взрывчатка... — прошептал Плик. — Значит, моя дотадка оказалась куда вернее, чем я предполагал...

— Что?

— Архетипы, — лихорадочно проговорил Плик. — Демоны восстают против богов. Но кто же теперь демоны и кто боги?

Основательно глотнув еще раз, Плик обернулся, чтобы глянуть на Ваироа, и спросил:

— Кто ты?

Ваироа не поднял взгляда от своей работы.

— Я назвал тебе свое имя, — ответил он.

— Тогда что ты из себя представляешь? Вопрос, конечно, тот же. — Плик нахмурился. — Я... не хочу... ненароком оскорбить тебя. Но ты странный человек; я часто гадал, кто ты такой,

но теперь хочу знать наверняка. — Он поглядел на Тераи. — Я не соглашусь помогать вам, пока не выясню, в каком мифе мы находимся?

«Ну что ж, он тоже лунатик, и, скорее всего, он безвредный, лучше подбодрить его». Тераи объяснил, каким образом Ваироа появился на свет.

Лицо Плика напряглось.

— Спасибо, — с сарказмом произнес он. — Теперь мне понятно, почему геанцы считают своими худшими врагами вас — маураев.

— Ханх! — вскричал Тераи в удивлении. — Ты геанец?

— Нет-нет, я христианин... никенийский христианин*, смехотворная древность, не так ли? Но Господь всегда позволял, чтобы в мире творилось много странных вещей. Он нередко являет себя путями, которые кажутся нам ужасными. Я хотел сказать про то, как хладнокровно вы манипулируете жизнью. — Ваироа принес поднос, на котором стояла тарелка с ветчиной, яйцами и намазанными маслом кусками обжаренного хлеба, стакан томатного сока и кружка кофе. — Что ж ты меня не спросил, а может, я против подобного существования. — Плик долго смотрел на Ваироа, пока тот устанавливал блюдо на столик, и потом — когда маурай опустился возле него. — Наверное, ты самый одинокий человек на земле, — наконец пробормотал англеман. — Но владеешь собой, словно стальная пружина. — Ваироа вздрогнул — самую чуточку, и едва не заговорил. — При твоих особых чувствах и способностях... — Плик задумался. — Да, иногда это здорово — быть великим Наблюдателем. И в конце мира отпустить заводной ключ.

Тераи потерял терпение.

— О чем, скажи во имя Нана, ты болтаешь? — воскликнул он. — Погляди туда и пойми — мощь, которой хватит, чтобы погубить несколько городов, сейчас улепetyвает на запад. Нам нужна твоя помощь, чтобы остановить норри, и, клянусь Тана-роа, мы ее добьемся. Мы не позволим тебе надрызгаться, пока не выясним все, что ты знаешь.

Тераи сразу же пожалел об угрозе. Но с невероятным облегчением увидел, что Плик энергично кивает.

— О, запираться не буду, к делу — так к делу. Я читал исторические хроники и не хочу, чтобы моя Лоза рыдала среди руин с выжженными глазами и обугленной кожей. Только сперва поем.

И он со здоровым усердием приступил к еде.

* Имеется в виду никейский символ веры, то есть Плик — православный.

Ужас, что гнезвился в костях каждого маурая, заполз прямо в плоть Тераи.

— И как ты можешь говорить такие слова, — пробормотал он, — а потом садиться есть?

Плик проглотил душистый кусок ветчины и ответил достаточно благодушно:

— Ну, я в некотором роде поэт, а ужас — истинный источник вдохновения поэта.

Начавшись обычным допросом, собеседование между Пликом и Ваироа превратилось в незаурядное событие; Тераи мог только в трепете наблюдать, ничего не понимая; грудь его теснило дыхание, он напрягался... А самолет мчался на запад. Позже Ваироа признался, что такого собеседника еще не встречал. Ему никогда не доводилось работать с кем-нибудь, подобным Плику, и не дай Бог еще раз встретить такую личность.

Они скрупулезно продвигались к цели. Был и гипноз, высвобождавший погребенные воспоминания, все закончилось обоюдным трансом, когда молчание говорило обоим собеседникам не меньше, чем слово; только Тераи не угадывал даже намека в этих речах. Шепот, обрывки фраз, жесты, не запахи же...

Плик расположился на подушке сиденья посреди прохода, а Ваироа возвышался над ним.

— Красная? — догадался он.

«Лицо Микли, его тело...» Догадка была правильной.

3

Тесные апартаменты Капитана превыше всякого места в Скайгольме были освящены традицией. Фотографии людей, прежде занимавших этот кабинет, здесь со стен не снимали, хотя время уже почти стерло изображение с самых старых снимков. Под фотографией Чарльза Таленса прямо над столом в рамке висел подлинный экземпляр Турской декларации с подписями — и его, и всех предков... Зернышко, из которого вырос Домен. («Мы ставим перед собой цель не просто возродить все, что человечество потеряло материально. Мы посвящаем свои жизни всему, что приносит мир и порядок, стабильность и справедливость, предельное воссоединение... мы предназначаем для выполнения этой цели приборы, хранителями которых мы стали...») Стол — дар из Высокой Миди — появился в покоях Капитана после воссоединения с этим краем; стекло прикрыло сверху инкрустированную слоновой костью столешницу, но пять веков оставили пятна и шрамы на дубовых тумбах. Сове-

менная консоль: радиодфон, видеозэкран, терминал компьютера, принтер и т. д. и т. д. — был источником и каналом для информации. Рядом полка с книгами, которые поднялись наверх с Тридцатью. Только ученый мог теперь прочесть эту французскую Библию, новеллы Джейн Остин и Каstellо Бранко, комедии Хольберга, стихотворения Вийона и Гете; но эти реликвии были последними — все прочее истлело. Шерстяной ковер на палубе не был таким древним, однако и он был знаком благодарности Девона, когда поколение назад Скайгольм испепелил пиратский флот, угрожавший берегам Ангделанна. За сотни лет до этого Капитан приказал выгравировать над входной дверью слова: «МЫ СЛУЖИМ».

Усевшись поудобнее в кресле, угрожающим образом прогибавшемся под его весом, Маттас Олвера напоминал грязный сапог, оказавшийся в музейной витрине. Он ворчал, бурчал, фыркал, рыгал, скреб себе под мышками, тер огромное брюхо. Блохи скакали в его усах и по засаленному одеянию. Сигара наполняла комнату вонью; остававшийся за столом Джовейн должен был постоянно напоминать себе, что перед ним учены, пришедший наставить его в вопросах доктрины. Что ж, наверное, Капитанство действительно превратилось в музейную древность, и давно пришло время освежить это учреждение.

— Я не политик, — бубнил Маттас. — Крутить-вертеть — это не для меня, разве когда подворачивается сочная молодая бабенка, аха-хоу! Но тем не менее я считаю — не следует чересчур торопиться, не следует, вот! — Он погрозил пальцем. Ноготь был оторочен черным ободком. — Однако, мальчик, если совсем не спешить, можно и опоздать. Пока люди поддерживают тебя, у них нет никаких причин для сопротивления. У каждого семья, положение, имущество, собственная родная шкура, и они надеются, что, изъязвив повиновение, получают возможность жить, как и прежде. Кстати, и об оппозиции: не следует давать ей возможности созреть и укрепиться.

— Так. — Джовейн сдержал раздражение.

— Так что же ты тогда предпринимашь?

— Мы разыскиваем Иерна Ферлея, а Фейлис помогает разрушить ту репутацию, которой он пользуется среди населения; я хочу доказать, каким ничтожеством является он на самом деле. («Она выставила условия: хочет, чтобы я гарантировал ему жизнь и свободу. Ладно, но я ведь не фокусник и не могу управлять одновременно всеми событиями».) Я ежедневно принимаю сеньоров и прочее начальство, склоняющееся на мою сторону по различным причинам... ради геанства, пацифизма

или социального прогресса. — Джовейн изобразил улыбку. — Или, скажем, рассчитывая на реставрацию социалистических добродетелей.

— Все это вполне возможно совместить. — Маттас широко распростер руки. — Гея проявляется в нас каждым аспектом. Действуй, осуди прежний застой, посули возродить старинную чистоту нравов. Если это обратит их к геанству — тем лучше.

— Ты знаешь о моей терранской гвардии, — продолжил Джовейн. — Конечно, она только ядро. Но она будет расти и позволит в конце концов разоружить и аэрогенов, и отдельные штаты. Более эффективная и управляемая, а посему и приемлемая для наших соседей. («И повинующаяся не местной заносчивой знати, а мне, Капитану».) Эспейньянцы уже готовы к сотрудничеству.

Вчера как раз в этом самом кресле сидел Яго Диас Гарсайя и обсуждал тот же вопрос.

— Да, Ваше Достоинство, мое правительство готово смириться и пойти на определенные унижения. Разве мы планировали поступить иначе? Вы оправдываете свои действия угрозой с нашей стороны, мы приносим извинения за разнузданных экстремистов. Наша гордость не пострадает ради более высокой цели, — он пренебрежительно махнул рукой. Заученный жест, понял Джовейн. — В конце концов каждому информированному человеку понятно, что наш режим еще не утвердился на всей территории страны, и в глазах населения Домена подобная мысль делает нас не столь зловещими. Оба правительства заявят о стремлении к постоянному сотрудничеству. Начнем с сокращения вооружений.

— А сможет ли Женерал в действительности пойти на него? — спросил Джовейн.

Он уже прозондировал эту почву, но следовало учитывать слишком многое; все было пока еще настолько неопределенным...

— О да, при соблюдении взаимности, — ответил посол Женерала. — Кто еще может реально угрожать нам, помимо друг друга?

— Ну скажем, брожение в Восточной Европе, — вынужденно проговорил Джовейн.

— Заключив союз, мы сможем добиться вежливого отношения к себе минимальными силами. Маураи продемонстрировали нам, как это делается. — Эспейньянец остановился, чтобы подобрать слова поточнее. — Но они далеко отсюда, Ваше Достоинство, Северо-западный Союз тоже — следует назвать имена наших самых главных соперников — и в ближайшем будущем нам незначительно серьезно опасаться кого-либо из них.

— Я не настолько уверен в этом, — сказал Джовейн, вспоминая отрывистое сообщение, полученное сегодня утром. Два самолета сбежали на запад, один из них поднялся в воздух, нагло нарушив суверенитет Домена, другой сделал это лукаво... следовало запросить объяснений у Микли Карста с помощью кода, который иноземный агент дал ему. Однако внимания Джовейна требовали тысячи дел, штаб не был по сути дела организован.

— Возможно, — согласился посланец. — Но не следует ли из этого необходимость в первую очередь крепить единство обеих стран? — Он улыбнулся. — Какой парадокс: чтобы усилиться, надо урезать вооруженные силы? Но ситуация требует того.

«Действительно: ведь армии обеих стран до этого времени были региональными, верными Клану, области, или иному подобному архаизму». В Джовейне шевельнулась надежда. Разве могло быть иначе в его мире, где теперь пребывала Фейлис?

— Хорошо, — торопливо проговорил он. — Опускаем барьеры между собой, увеличиваем торговлю, открываем путь для миссионеров.

— Помни, на это требуется время, — сказал он Маттасу. — Мы должны преодолеть унаследованное от предков недоверие, различие в интересах... ты все это знаешь.

— Я изучал комаров и все их концепции, — отрезал ученый. — Ко мне они не имеют отношения. Я пришел сюда, чтобы спросить, скоро ли ты вступишь в страну Истину?

— Домен никогда не ограничивал свободу исповеданий и философии, — проговорил Джовейн, вновь возбуждаясь.

— Ты знаешь, что я имею в виду, сын мой.

Джовейн погладил бороду. Ее шелк утешил.

— Знаю, — ответил он. — Разве мы не обговорили все это за последние два-три года? Финансовая поддержка учителям и ясновидцам будет предоставлена из казны Капитана; наконец, Учение начнут преподавать всем детям в школах... — И торопливо добавил: — О нет, я никого не предаю. Я по-прежнему разделяю эти цели. Но только теперь я начинаю осознавать — насколько долгим и сложным может стать этот процесс...

При необходимости Маттас умел быть весьма прямолинейным.

— А я говорю тебе: глину мнут, пока она мягкая, — возражал он. — Реакционеры обескуражены. Они не знают, чего ожидать, и возмущаются, получив долгий мир и призыв к мо-

ральному обновлению. Добавь в эту упаковку маленькую помощь для нас, сперва немного, не указывая конкретно, для чего она предназначена... Ты понимаешь меня...

Джовейн вернулся домой поздно. Как и всегда. Когда же они с Фейлис могут побыть вдвоем? А пока каждый момент, проведенный совместно, был украден — отобран у чего-то еще. Но все же он старался напоминать ей, что лишь недавно занял пост и сперва должен укрепить свое положение, прежде чем приступить к осуществлению их общей мечты.

Поэтому к его занятию она относилась спокойно. Джовейну казалось, что идея любви интересует ее больше, чем сама любовь. В отличие от Ирмали... однако в их отношениях уже столько лет одна любезность и вежливая прохлада.

Он застал Фейлис в их апартаментах. Как и все наверху, они были скромны: традиция равенства соблюдалась и в этом. Конечно, у нее была здесь прислуга, и все свое время она могла уделять чтению книг, которые нравились им обоим.

Она плакала. Джовейн встал на колени перед ее креслом, обнял легкую фигурку, попросил объяснить, что случилось, и понемногу утешил ее. Наконец Фейлис опустила ладонь на листок, белевший на ее коленях.

— М-мой отец, — выдавила она. — Вот письмо от него. Он отказывается от м-меня... Из-за того, что я сделала... вместе с тобой — ох, о-о-о-ох! — взвизгнула Фейлис, крепко прижавшись к нему. — О-о-о-ох, ох, ох!

Он позволил ей выплакаться, желая, чтобы она поскорей успокоилась, но ум его лихорадило. «Выходило скверно: теперь не только Мейны, должно быть, весь Клан Эшкрофтов настроен против меня, за исключением одного Лоренса, — старик ведет обширную переписку. А я ведь уже имею на своей шее Лундгардов Ирмали; эти встряхнут каждого традиционалиста в Доме-не. Что тут особенного, если хранитель замка такой-то завел дюжину наложниц. Но Капитан обязан являть идеал, не смея позорить аним Чарльза.

Должно быть, Иерн был более искусным ханжой, чем я».

Грубая сила Маттаса передалась Джовейну. Он поднял голову — на его плече покоилась голова любимой женщины — и сказал себе: «О'кей, как говорит Микли Карст — о'кей. Рано или поздно этого следовало ожидать. Победа будет за мной. Победа будет за мною».

Полет продлил день для троих, летевших на запад, но солнце уже спустилось к самому горизонту, когда маурай догнали свою дичь.

Освеженный сном Иерн рассказывал Ронике о себе. Он намеревался ограничиться тем, что представляло его в максимально привлекательном виде, однако Роника делала круглые глаза и то и дело задавала меткие вопросы, задевавшие глубоко. И все равно он был доволен собой. Чудесное настроение отчасти вызвало зеленое диво, словно ковер, расстеленный внизу. Иерн даже не представлял, что на Земле может существовать такой колоссальный лесной массив... скорее темно-зеленый океан, гладь которого нарушали лишь частые глаза озер и серебристые нитки рек... Воздушная дорога теперь вела их вдоль берегов самого большого из здешних озер — настоящего моря посреди лесных просторов. Уходящее на север зеркало вод расплавленным серебром горело под косыми лучами золотого закатного солнца.

Самолет жужжал и подрагивал. Иерну представилось, что машина стремится вперед, будто лошадь, почуявшая родную конюшню. Микли только что сверился с картой и объявил, что осталось около часа пути. Иерн охотно оставил бы эту тесную и шумную вибрирующую клетушку, но Роника была рядом и уделяла ему свое внимание, и он не особо торопился расставаться.

— ...Летал и в Пирефф*, — говорил он, — в Элласе это главный порт. Его Господин дружен с Доменом, мы ведем обширную торговлю в этих краях. Мы намеревались тогда нанять лодку и провести пару месяцев, плавая от острова к острову.

Аэроплан трянуло. Сердитый свист пропилил фюзеляж и окна. Запахло дымом. Незванный гость описал километровую дугу и, залетев вперед, покачал крыльями, призывая к вниманию.

Иерн так и поступил: принялся рассматривать большой двухмоторный реактивный самолет, выкрашенный в серую краску, так что отражение от обшивки не ослепляло его... видны были пулеметы и ракетная установка. Опылительных знаков он не заметил, однако, прочитав все, что было написано в мире о летающих машинах, Иерн великолепно знал эти обтекаемые линии.

— Чарльз! — завопил он. — Маурайский истребитель!

* Совр. Пирей — порт в Афинах.

Пот выступил на его теле, холодный и липкий. В топоте пульса едва не потонула непристойная реплика Роники. Позади них слабо прошелестел голос Микли:

— Засекли, сволочи! Но как и почему? Настрой радио, девочка... скорей, ради Бога! Стандартный диапазон.

Роника кивнула и повиновалась. Губа ее оттопырилась, обнажив зубы.

Из приемника вырвался басок:

— ...Вызываю вас. Приказываю опускаться и быстрее.

Иерн различил нозеланнский акцент во франсее. Громкоговоритель перешел на другой язык, здесь он понял лишь несколько слов — англиш, предположил он. Пульсирующий покой окатил его. Иерн еще не представлял, что сулит подобная встреча и что произойдет дальше, но он был Буревестником.

Микли нагнулся вперед и коротко ответил. Реактивный самолет, поднявшись вверх, исчез из поля зрения. Радио принесло ответ. Не понимая диалога, Иерн поглядел на северянина и отметил напряженность на хмуром лице.

Умолкло все, кроме двигателей. Роника выключила передатчик и пояснила аэрогену:

— Они требуют, чтобы мы сдались. Где-то впереди есть пляжная полоса, удобная для посадки. Если мы не сядем сами, они вынудят нас это сделать.

— А в чем... собственно... причина? — проговорил он.

— Здесь не место обсуждать это. — Она продолжила на англее и спросила: — А что ты думаешь, Микли?

— Ну что ж, подчинимся, — ответил ее спутник.

Она не заметила отрешенности на его лице.

— Нет! — вспыхнула она. — Пусть лучше небо рухнет. Если нас возьмут в плен, маураи могут узнать об Орионе — от нас.

«Тайна... колоссальная тайна», — понял Иерн. И произнес:

— Я не слышал, чтобы маураи пытали людей.

— Будут, после того как увидят наш груз, — взорвался Микли. — Однако, скорее всего, обойдутся без этого. У них такие искусные врачи и психологи. Вкачают наркотики или... словом, они умеют извлекать информацию из человека; так они, должно быть, и вышли на наш след... Еще бы, уж из нас они выжмут все до последней капли.

Роника решительно повернулась. Она взглянула перед собой, взялась в задумчивости за подбородок и пробормотала:

— Быть может, приземлиться, а потом бежать в лес...

— И сдохнуть с голоду! — огрызнулся Иерн, прежде чем вспомнил, что грядущий поединок — не его дело.

— О, я выведу вас к цивилизации в прекрасной форме, — механическим голосом ответила она. — Я специалист по этому делу. — Она оглядела его. — Ты можешь оставаться, у них нет причин охотиться за тобой.

— Ты забыла, что сказал Лоханнасо, — напомнил ей Микли. — Мы не должны выходить без приказа. Их самолет тоже способен сесть вертикально, и его пулеметы будут провожать нас на всем пути. Если мы побегим, этот маурай откроет огонь; нечего и сомневаться — я знаю его. Приходилось встречаться. Он ненавидит смерть и увечья, но, если уверен, что их не избежать, не станет тратить время на мучительные раздумья.

Роника кивнула.

— Так или иначе, — сказала она медленно, — они захватят плутоний.

— Плу... что? — Иерна словно громом поразило. «Нет, я, наверное, ослышался; конечно же, я не расслышал».

Роника вновь кивнула.

— Ну что ж, у нас остался лишь один шанс, — продолжала она вполне ровным голосом. — Я утоплю самолет в озере, тогда им не достанется ничего.

— Минуточку! — хором воскликнули Иерн и Микли.

Взгляд ее обратился к пассажиру.

— Простите меня, Ферлей, — негромко произнесла она. — Вы могли бы выпрыгнуть, если бы я сейчас последила за своим языком. Но теперь вы слышали то, что может знать только мертвец, если он не принадлежит к Ориону.

Он напрягся, намереваясь схватить ее за руки, но нож ее, выпрыгнув из чехла, уже колот его грудь. Заметив, насколько привычно ее движение, он отодвинулся. Левая рука ее лежала на штурвале, и самолет накренился.

— Они собьют нас, заметив что-нибудь подозрительное, — предупредил Микли.

На лице Роники застыла ухмылка. Секунды спустя она выпалила:

— Ну и пусть мы лучше разобьемся и сгорим среди деревьев. Если у маураев хватит ума, они и близко не подойдут. Старые корпуса боеголовок не выдержат, заряды плутония раскрошатся. Неприятная штука. — Микли говорил на английском. Роника качнула головой и сказала Иерну: — Он не боится умереть, просто не знает, что можно сделать. У него нет оружия при себе, а наши винтовки убраны — не достать... Кстати, дорогой мой Микли, если ты придумаешь какую-нибудь глупость, я отправлю нас напрямик вниз. Видишь — как низко мы опустились.

Теперь уже не уйти... Иерн, мне действительно очень жаль. Сама я не стала бы так поступать, но, увы, — здесь дело не во мне. А тебе бы понравился восход Ориона. Мне — так уж точно.

— Безумная фанатичка, — пробормотал Микли.

— Нет, — сказала Роника. — Просто я дала клятву.

Озеро заполняло все большую и большую часть открывшегося перед ними мира. Маурайский истребитель с визгом пронесся мимо. Роника коротко хохотнула.

— Не знают, какого черта еще придумать, — зло заметила она, не забывая искоса поглядывать на мужчин.

Солнце, невысоко стоявшее над хвойным лесом, наполняло своими лучами кабину. «Солнце!» — вспыхнуло в душе Иерна. Дуэль, сыгранную с Джовейном в земле грез, ушедшей в прошлое на миллион лет и удалившейся на миллион световых миль... Он не стал медлить более.

— Перестань, — проговорил он, ощущая нож у горла. — Возможно, у нас есть шанс сохранить ваш секрет и спасти наши шкуры. Самый крохотный. Я — Буревестник.

Нечто родственное заре проступило на лице женщины. Шепоток в душе Иерна подсказал — перед ним не фанатичка... эта девушка ценит жизнь сильнее многих. Но лезвие не дрогнуло.

— Говори, — велела она. — Быстро!

— Нам потребуются парашюты, — вырвалось у него. — Мы снаряжаемся, тем временем Микли заговаривает зубы маураям. Пусть надует их — кажется, это и есть его специальность. Тут, Роника, ты передашь мне управление. — Оно было сдвоено. Иерн уже воспользовался им и успел понять, что самолет норри — поворотливый и легкий зверек. — Просто я более искусный пилот, чем ты. Тогда я беру вверх и тараню их истребитель. Падать придется вместе, но мы приготовимся и, может быть, выберемся.

Она поглядела на него:

— Тебе не позволят приблизиться.

В голосе Микли потрескивала энергия:

— Возможно, подпустят, ежели я одурачу их. О'кей, Роника, я пошел за парашютами, а заодно и за пистолетом, только знай — не затем чтобы тут же всадить тебе пулю в лоб. Хотя настолько ты мне доверяешь? Я тоже мечтаю, чтобы Орион взошел, хотелось бы поглядеть на тот славный хаос, который тогда начнется.

Иерн услышал, как Микли отстегнулся и полез через груз.

Плутоний, подумал азроген. «К каким же чудищам меня занесло? Но мертвец бессилен, он не может ничего узнать, а я не выживу, если не спасу их».

Микли передал ему парашют. Иерн в тесноте не без труда пристроил ранец к спине. Тем временем Роника вернула азроплан на курс, соответствующий намерениям маураев.

— Прикрепи свой парашют, — сказал Микли. И бросил Иерну: — Только без шуток, дружок. Мой пистолет предназначен для тебя, а не для дамы.

«Увидев, что цель все-таки реальна, он готов пройти по канату, — решил Иерн. — Возможно, риск доставляет ему удовольствие». Азроген сам почувствовал воодушевление, словно вновь вступая в борьбу с ураганом.

Микли потянулся вперед, включил передатчик. Зазвучали отрывистые английские слова. Наконец он отключился и произнес:

— Я сказал им, что мы, как того и следовало ожидать, хотели разбиться, но не сдаваться им. А потом сказал, что мы передумали, но требуем гарантий, что нас не убьют. Лоханносо заверил меня, что не имеет подобных намерений — я в этом не сомневаюсь, — но я потребовал, чтобы мы снижались одновременно, а не они после нас. Тогда, сказал я, на земле мы можем еще поторговаться, вместо того чтобы ожидать пулю из его пулемета. Не сомневаюсь — он решил, что мы собрались бежать в лес. Он явно намеревается арестовать нас или пристрелить, но, что хуже всего, нам не избавиться от плутония. Он об этом умолчал, но этого не избежать, еще он получит Ферлея, который уже может кое-что рассказать ему. Он знает, что ты с нами, Ферлей. Хотелось бы знать, каким образом он мог выяснить это... Большого мне выторговать не удалось... Вы довольны?

Чиркнул кремьень, протянулась резкая нотка.

— Надеюсь, что да, — подтвердил Иерн. — Могу ли я уже вести самолет, Роника?

— Давай! — приказала девушка. Нож вновь оказался в ее руке.

Он взялся за рычаг высоты. «Подъем не встревожит противника. Они решат, что он пытается разглядеть пляж, на котором должен приземлиться». Нетерпеливо жужжа, реактивный самолет поднялся повыше.

Вскоре он увидел место назначения, полумесяц белого песка, за ним заходящее солнце. Иерн двинулся к нему. Потом, повиляв вверх-вниз, направился к земле. Почти сразу впереди в

сотне метрах от них появился снижавшийся самолет маураев. Он ощутил, как колыхнуло легкую машину норри в турбулентной струе могучих двигателей.

Внутренняя дрожь сотрясла тело Иерна. Сейчас ему предстоит атаковать храбрых людей, не сделавших лично ему ничего плохого; людей, которые были бы благодарны ему за жизни двух дьяволов... «и чтобы спасти себя самого. Потом Роника, быть может, все объяснит; по чести говоря, я всегда сомневался в законности Энергетической войны».

Пошел! Он нажал на педаль и повел рукояткой. Зрение и чувство равновесия помутились, пропеллеры взвыли, запел металл. Иерн увидел, как дернулся маурай, но он был Буревестник, а самолет — просто продолжение его самого. Машины столкнулись. Удар потряс его тело.

— Наружу! — взревел он, отстегнув пристежной пояс и открывая дверь со своей стороны. Роника прыгнула с противоположной, за ней последовал Микли.

Иерн вывалился в свистящий воздух и сразу потянул шнур; парашют расцвел белым облачком и, ударив стропами, замедлил падение. А потом Иерн понял, что парит в воздухе, и, взявшись за стропы, направил к земле свой полет. Невдалеке он заметил Ронику и Микли, тоже, как и он, под куполами парашютов.

Взгляд его обратился к аэропланам. Охваченный огнем, самолет Союза падал как камень. Вот он прикоснулся к воде: волны вскипели, повалил пар, самолет исчез из виду. Иерн подумал о его грузе: вода должна была смягчить удар и помешать контейнерам открыться. Но мало-помалу они разрушатся и извергнут свой яд; *ничего страшного — если успеет спасательная экспедиция.*

Реактивный самолет, кренясь, все еще летел. Когда Иерн был еще за штурвалом, он пытался нанести фронтальный удар и повредить управление, но вместо этого задел правый двигатель и, похоже, ударил по левому крылу. У маураев был хороший пилот. Теперь их самолет не мог приземлиться, но все ж он каким-то образом сумел выровнять машину и постарался по возможности замедлить падение. Самолет опустился на озеро в километре от берега; брызнула пена — золотая в вечернем свете. Фюзеляж несколько минут раскачивался на волнах, прежде чем самолет затонул. Тем временем люди из него успели выбраться наружу и поплыли. Только один из троих прибег к помощи надувной подушки.

Радость — все остались живы — заставила Иерна заплакать от счастья. Он приземлился первым. Следом за ним Роника

и Микли повалились на песок и, вскочив на ноги, отстегнули парашюты. У женщины был нож, у северянина — автоматический пистолет. Микли махнул на грудь выбеленного водой плавника.

— Прячьтесь, — проговорил он. — Канаки направляются к нам. Едва ли они сумеют самостоятельно выжить в наших краях — это тебе не южное море. Скорее всего, они вооружены. Но мы должны опередить их.

— Не торопись, — ответила Роника. — Они не смогут так быстро доплыть сюда. — Она повернулась к Иерну и воскликнула сияя: — Да, это работа мастера! Господь — свидетель, ты не солгал, такого летчика я не встречала.

Она обняла его за плечи и шумно чмокнула.

Солнце опустилось за сосны. Небо позеленело. Холодные тени поглотили пляж. Тоненький голосок — *плюх-плюх* — невысоких серебрящихся волн набегал словно от края мира. Когда пловцы приблизились, Иерн встрепенулся.

— Клянусь анимом Чарльза! Это Плик! — Он вскочил, собираясь перелезть через бревно, за которым лежал.

Роника ухватила его за ногу.

— Ложись, пустоголовый! — рявкнула она. — Хорошо смазанный пистолет может стрелять, даже если ты с ним купался.

Микли разрядил свой в знак предупреждения. Громкий хлопок пробежал над общим покоем. Встревоженные птицы с шумом оставили ветви, на которых уже устроились на ночь. Некоторые взлетели высоко вверх — так, что к крыльям их прикоснулся играя солнечный свет.

— Внимание! — закричал он на англее, глядя перед собой через спутанные мертвые корни. — Если вы, парни, намереваетесь выбраться на берег живыми, то сделаете это, подняв руки и бросив оружие.

— А как мы будем добывать еду без оружия или разделявать ее без ножей? — прогремел бас, который Иерн слышал по радио.

— Что за ерунда, вы ведь не ради прокорма прихватили с собой эти игрушки... или не так? — откликнулась Роника почти веселым тоном. — У меня есть свой нож, его хватит на всех. Но если бы его и не было, я придумала бы что-нибудь. Ведите себя как подобает, мальчики, и я выведу вас к людям в целости и сохранности.

Движения в воде засвидетельствовали о повиновении... но с колебаниями. Добравшись до мелкого места, три фигуры направились к пляжу. Прилипавшая к телу одежда не выказывала никаких сомнительных выступов.

Микли встал.

— Очень хорошо, — проговорил он, опуская пистолет в кобуру. — Только не забудь, Тераи, что я его достаю очень быстро.

Огромный седоволосый мужчина кивнул. Роника перепрыгнула через ствол и пошла навстречу какому-то уроду, шедшему возле маурая.

— Теперь разденьтесь — одежда скорее высохнет, — посоветовала она. — Завернитесь в парашюты. Если схватите пневмонию, я ничего не смогу поделать, к тому же ваш народ... Ох! — Она застыла на месте. Правая рука зажала ее открытый рот, левая сжалась в кулак. Но Иерн ничего не заметил: он бежал к Плику. Зубы певца выбивали дробь, сотрясаясь, он обнимал свое тощее тело. Иерн встряхнул его за плечи.

— Что же ты наделал, сукин сын? — яростно взревел аэроген.

— Н-н-н-не то... на что рассчитывал. — Плик смотрел на него с несчастным видом. — Они сказали мне, что намереваются перехватить самолет северян, взять их в плен, кон-конфисковать их груз, но тебя они обещали отпустить и даже предоставить убежище... если от этого откажутся те маньяки, с которыми ты связался. Иерн, они везли делящиеся материалы! Оружие Судного Дня! Что мне оставалось, кроме как помочь маураям?

— Я уже знаю об этом. Хорошо, Плик, я все понял. — Иерн отпустил приятеля и похлопал его по спине. — Ты не виноват и я тоже, а что случилось, то уже случилось. Давай попробуем извлечь из ситуации все, что она способна нам предоставить.

— А выпить ты с собой не прихватил, а?

Иерн не мог сдержать смех.

— Боюсь, что до ближайшей таверны придется идти и идти.

— А до Сеси еще дальше.

Плик сгорбился на берегу.

Приблизившись к Ронике, Иерн услышал слова, которыми обменивались девушка и бронзовокожий гигант.

— Значит, это вы, — выдохнула она. — Вот не знала, но тогда я была просто ребенком... это случилось двадцать лет назад, но я никогда не забуду...

— А ты не забыла, что я был другом твоего отца? — прогрохотал басистый голос. — Не врагом его, хотя злая судьба поставила нас друг против друга в этой злосчастной войне; и другом его я пришел к твоей матери, чтобы она могла узнать о нем все... я еще надеялся помочь ей.

— Ну что ж, поговорим об этом попозже.

Роника отвернулась от него и отошла в сторону. В сгущающемся сумраке на щеках ее сверкнули слезинки.

Маураи разделись. Иерн старался не глядеть на уродца. Микли просто не поворачивал к нему голову. Роника стояла на коленях возле парашютов, сердито размахивая ножом. Она разрезала шелк на куски, чтобы использовать его в качестве покрывал и тог.

— И ты тоже разденься, Плик, — посоветовал Иерн.

— Если леди отвернется, — отвечал англеман.

По лицу ее пробежала вялая ухмылка.

— Нечего стесняться, — сказала она. — Я вполне представляю себе все последствия купания в холодной воде... в том числе и воздействие ее на мужчин.

— Я никогда не подозревал в тебе подобной застенчивости, Плик, — заметил Иерн.

— Просто ты меня никогда трезвым не видел, — кисло ответил приятель.

Роника не стала спорить, и вскоре он тоже прикрылся. Дрожь начала отпускать его.

Микли вскочил на бревно.

— А теперь слушайте все! — воскликнул он. — Идите сюда, говорить будем.

— А кто назначил тебя боссом? — спросила Роника.

— Председателем, — поправил он ее. — Просто такая должность скорее подходит мне, а не тебе. — Остальные собрались перед ним: маураи справа, Плик и Иерн слева, Роника — отдельно от прочих — посередине. — Дело в том, — продолжил Микли, — что она, вот эта девушка, будет распоряжаться, поскольку ей досконально известно, как выжить в такой глуши. Вы не должны оспаривать ее распоряжений, а поэтому повинуйтесь, если хотите снова увидеть своих женщин. Теперь давайте знакомиться. — Он назвал имена всех присутствующих, за исключением человека с темным пятном, лежавшим на коже лица, назвавшего себя Ваироа Хаакону и этим ограничившегося. — Вопрос первый, — резко проговорил Микли, — зачем вы преследовали нас? Сперва нарушили законы Домена, а потом вторглись в Краснаянское воздушное пространство. Какие вы можете назвать причины?

Тераи оцетинились.

— Ты великолепно их представляешь, — буркнул он. — Вы везли плутоний.

Микли приподнял брови:

— Что? О чем ты говоришь?

— У тебя было много кило плутония на борту самолета. Разведка Федерации долгие годы пыталась обнаружить тех, кто собирает эту адову гадость. Мы узнали, что это делаешь ты. В Велантоа уже получили от нас сообщение; конечно, точных доказательств мы тогда не имели. Но уже этого хватит, чтобы уделить вашей стране больше внимания, чем прежде, ведь вы и без того числитесь среди основных подозреваемых. Нам необходимы конкретные доказательства как повод к действию. Неужели ты, свинья, мог решить, что я позволю тебе улететь с ними?

— Смешно, просто смешно... Кто же вложил подобные фантазии в твою голову? Я-то считал тебя реалистом, Тераи.

— Ваироа проскользнул на борт вашего корабля после прибытия вашего отряда. У него был с собой детектор.

— В самом деле? Безотказный? Видишь ли, позволь объяснить тебе ситуацию. Нас попросили прихватить с собой пробы... из старинного взрывного кратера для научных исследований; конечно, они обладали известной остаточной радиоактивностью. Жаль, что ты у нас такой нервный, я бы все показал тебе, но теперь камешки на дне озера.

Встревоженный Иерн осознал, как могут подобные объяснения остановить карающую длань Федерации.

— Ты лжешь! — выдохнул он. — Ведь ты сам сказал мне об этом плутонии в самолете!

— Вот так! — Тераи поднял молотоподобный кулак. — И если ты, Карст, позволишь себе хоть одно слово лжи — я переломлю твой хребет об колено... если до того я не разобью твой жалкий череп и не вытряхну из него гнилые мозги. — Он гневно огляделся. — *Ядерное оружие*. Когда закончится война, я походатайствую, чтобы всю твою шайку залили бетоном в том самом блоке, в котором мы потопим всю эту мерзость.

— Нет! — яростно выкрикнула Роника. Она подняла руки. — Это не оружие, я клянусь.

Сочувствие смягчило тон Тераи.

— В ее голосе слышится искренность, — сказал он. — Что же вы тогда затеяли? Тайную энергостанцию? Вот глупость.

«Они зовут эту вещь Орионом, — подумал Иерн. — Но об этом он не мог говорить: Ронике будет больно, и притом — без малейшей пользы. Впрочем, что мне до нее?»

— Я не имею права говорить, — она прерывисто вздохнула. — Могу только поклясться, что речь идет не о ядерном оружии. В противном случае, узнав об этом, я бы сама кричала на весь мир. Я клянусь в этом перед вами, Лоханнасо, памятью моего отца, достоинством моей матери, честью моей Ложи и народа.

«Похоже, она говорит искренне, — подумал Иерн. — Конечно, я не знаю ее, так почему я так уверен: просто не могу представить ее лгущей... но и разбирающей боеголовки тоже.

Так кто же она на самом деле? Жительница варварских краев? Она говорила, что живет на Ляске. Разве ее нельзя одурачить? Впрочем, едва ли. Речь и поведение свидетельствуют о первоклассном уме».

На лице Плика также был написан укор.

— Но ты собирала плутоний на востоке, — проговорил англеман.

Она отрывисто кивнула:

— Да, но ради добра, ядерная энергия веками пугала людей. Они отказываются представить, что она может служить миру, а не уничтожать.

— Это дракон Апокалипсиса, — выпалил Плик. Его взгляд пробежал по лицам, потом устремился в лесной мрак. — Неужели мы, именно мы, сошлись вместе только случайно?

Крякнув, он плотнее завернулся в ткань.

Разговор что-то пробудил в Иерне. Эта женщина, дочь лесов, говорила разумную вещь, а цивилизованный человек нес чепуху. Читая отчеты о прошлой войне, Иерн всегда сомневался в том, что маураи имели право затевать Энергетическую войну. Почему атом непременно должен сделаться оружием? Уцелевшие хроники свидетельствовали, что до Судного Дня старая Франция получала около половины своей энергии от атома, а старая Франция была последней страной, в которой люди были счастливы и процветали... И даже тянулись к звездам...

Кристаллизовалось решение. «Пока я не узнаю больше, не стану принимать чью-либо сторону. И все же весьма вероятно, что Роника... в известной мере права». Он радовался, что ему не придется отречься от нее, и теплые волны окатывали душу.

Пронзительный хохот гагары пробежал над водой. Верхушки деревьев расставались с позаимствованными лучами.

Микли прочистил горло.

— Хорошо, признаюсь перед всеми в том, что вы и без того уже поняли, — сказал он. — Я переусердствовал. Я не намеревался искать здесь делящиеся вещества. Просто не сумел противостоять искушению и пригласил Ронику, чтобы она посмотрела, можно ли там их искать...

«Выходит, она занималась такими же делами на родном континенте, — подумал Иерн. Его влечение к ней чуть утихло. — От страха? Нет, не совсем...»

— Так чем же ты там занимался? — спросил Тераи.

— А ты? — парировал Микли.

— Сбором информации, в основном о тех кознях, которые вы затеваете в Юропе.

Роника овладела собой.

— Помолчите, — сказала она начальственным тоном. — К черту политику, скоро стемнеет. Ни у кого нет фонарика? Ну что ж, придется развести костер с помощью зажигалки Микли.

Северянин покопался в карманах.

— Похоже, я выронил ее, когда вверх тормашками вылетел из самолета.

— Черт.

— Остается назвать эту ситуацию насмешкой богов.

— Хорошо, — сказала Роника. — Давайте приготовимся к ночлегу, пока еще видны собственные руки.

— Что нам делать? — спросил Иерн.

Микли спрыгнул с бревна и отвесил Ронике подчеркнутый поклон.

— Предоставляю вам трибуну, леди, — объявил он.

Она взлетела вверх кошачьим движением и встала на фоне леса и потемневшего неба.

— Чтобы выжить, нужно иметь три вещи: воду, укрытие и огонь — в таком вот порядке, — объявила она. — Без огня нам не обойтись. Но придется подождать до утра, когда я сумею сделать сверло для разжигания костра. Но здесь климат холодный, и лето уже кончается. Нам необходимо соорудить укрытие.

— А как насчет еды? — удивился Тераи.

— Она не столь уж необходима. Ты сможешь продержаться на чистом воздухе в течение месяца. Но я клятвенно обещаю добыть нам что-нибудь на обед еще до завтрашнего полудня.

— А не начать ли нам прямо с укрытия? — предложил Иерн.

Она удивила его ответом:

— Мы можем соорудить его за полчаса, даже менее того, но сперва следует уладить взаимоотношения. Наш отряд состоит из двух пар соперников и пары нейтральных лиц, попавших в чуждую всем нам страну. Если не считать редких дикарей, эти края практически не обитаемы. Повернув в глубь суши, мы можем наткнуться на цивилизованный поселок, но шансы невелики, поскольку карт у нас нет. Неделями можно бродить возле них и так и не найти, а осень уже близка, и зима не замедлит за нею. Я предлагаю идти вдоль берега, в юго-западном направлении. Этот путь приведет нас к достаточно крупному городу... Дулу, если я не путаю. Пройти надо километров триста. Конечно, придется поторопиться, но мы вполне способны туда добраться.

— А что будет потом? — поинтересовался Тераи.

Роника пожала плечами:

— Все зависит от того, как отнесутся к нам местные жители. Но краснаянды обычно приветливы... во всяком случае, я так слыхала.

— Да-да, — подтвердил Микли.

Тераи посмотрел на Иерна.

— Тебе повезло, что мы попали не в Юань, — объявил он.

— Почему? — спросил аэроген.

— А ты не знаешь? Пусть мы с Ваироа собрали лишь клочки информации, но у нас есть достаточные основания полагать, что именно юанезцы поставили большую часть снаряжения для личной армии Таленса Джowejна Орилака. Оружие доставляли контрабандой через Эспейнь. А это свидетельствует о том, что его гневные слова против этой страны являются дымовой завесой.

Иерн онемел на время.

— Я же сказала вам, заткните свою политику куда-нибудь подальше! — отрезала Роника с бревна. — Я понимаю так: мы, северяне, не хотим, чтобы вы, маураи, вернулись домой с той информацией, которую сумели собрать об Ори... о нашем проекте. И с подтверждением того, что Союз собирает делящиеся вещества, и обо всем, что вы могли заподозрить, увидев нас вместе с Иерном. Вам же не нужно, чтобы мы спокойно вернулись домой со своей охапкой секретов, до которых вы так и не докопались, да еще узнав о предупреждении, которое вы дали вашему командованию. Тем не менее нам придется сотрудничать по пути. Иначе мы едва ли доживем до того, чтобы иметь возможность пырнуть друг друга ножом в спину на улицах Дулу. Прошу вашего сочувствия, поддержки, дружбы или — клянусь Господом — я уйду отсюда одна и брошу вас на верную погибель.

Иерн подавил протест, Плик облизнул губы, Микли как будто задумался, Тераи сердился, Ваироа казался бесстрастным. Помедлив, мужчины дружно забормотали.

— Хорошо, — Роника с улыбкой соскочила вниз и прикоснулась к ладони Иерна. — Ну уж вас-то обоих я не брошу, — шепнула она. — Вы здесь ни при чем. Но этих троих нужно хорошенько припугнуть. — Она возвысила голос. — Ну а сейчас давайте строить укрытие. Следуйте за мной.

Плик подтолкнул Иерна.

— Мы-то ни при чем? — хрипло прошептал он. — Разве что отчасти, но не безвредные. Ты представляешь куда большую, чем кто-либо из них, угрозу старому миру, к которому мы привыкли.

— Ты действительно так думаешь? — поинтересовался аэроген. — Почему?

— Что-то собирается. Сгущаются силы. И ты находишься в самой их сердцевине. Милостивый Христос, как я хочу вина.

Роника скоро нашла необходимое: обломившийся длинный сук, годный, чтобы воспользоваться им как шестом; сосну, свесившую ветви до самой земли, возле которой не было сухостоя, способного упасть на шалаш в бурю, да еще на пригорке, чтобы дождевая вода обегала их; заросли папоротника и невысокие кусты, которые легче всего было наломать.

— Будь у нас больше времени, мы могли бы устроиться и получше, — проговорила она. Быстро темнело, мрак сгущался, лишь далекие отблески озера вспыхивали между стволами деревьев, пробиваясь сквозь ароматную листву. С каждой минутой становилось все холоднее. Заухала сова. — Скажем, могли бы соорудить шалаш, развести костер перед входом, сложив за ним камни, чтобы отражали тепло внутрь. Завтра мы так и поступим, я обещаю. Но сегодня следует поторопиться, и я хочу, чтобы нам было тепло.

Тем временем она заострила шест, уложила конец его в развилину и начала обкладывать со всех сторон ветками поменьше. Мужчины последовали ее примеру, переплетая настил поперечными ветвями и сучьями; ходили за материалом — щипали мох, ломали с деревьев ветки с листьями, снова носили мох. Наконец толщина укрытия составила пять или шесть сантиметров, тогда сверху добавили еще слой прутьев, чтобы не сдуло.

— Проверьте — нет ли внизу камней и сучьев, трава будет нашим матрасом. Потом будем спать в роскоши: на можжевельных ветках. Нам потребуются одеяла. Вы, три мокрые крысы, берите парашюты, у нас сухая одежда. Итак, заваливайтесь листьями и всем прочим.

Когда ночь рассыпала звезды по небу, все вползли под навес и собрались потесней. Живое тепло быстро согрело их, а ложе было достаточно мягко для усталых тел. Однако Иерн заснул с трудом: он сумел устроиться возле Роники и слишком откровенно реагировал на ее соседство...

2

Началась дорога, и Иерн скоро обнаружил, что потрясен: жизнь складывалась самым великолепным образом. Половину времени шел блеклый докучливый дождь. Потом облаками налетали москиты, и писк их раздражал не менее, чем укусы. Клещи впивались в плоть, извлекать их нужно было весьма осторожно, иначе головка могла остаться под кожей и вызвать нагноение. По совету своего проводника мужчины далеко обходили иногда встречавшихся медведей, гремучие змеи вызывали куда большее опасение; все привыкли выискивать взглядом ядовитый

плющ. Но и без того хватало густых кустов, бурелома, трясин, ручьев и запруд, преграждавших путь и зачастую заставлявших углубляться в лес — от берегов внутреннего моря. Потом они вышли к холмам, дно оврагов давалось труднее, чем склоны. Несколько раз на берегах они замечали другие холмы, поменьше. Кирпич и стекла проступали из-под наростшей зелени, их обходили. Столетия назад тут были поселки, скорбно было думать об их участи. Для неловких, не знающих мозолей рук путешественников на стоянках находилось множество дел: нужно было собирать дрова для костра, устраивать ночлег, прятать припасы от ночных воришек... Поход продолжался, но лес охватывал все вокруг: безграничный, безжалостный — и прискорбно дикий.

Только в объятиях бури или женщины Иерн так наслаждался собой.

У него хватало ума не восхищаться вслух, остальные же не жаловались. Большая часть удовольствия была следствием удачи: он был молод, силен от природы, сноровист и попал в лес в подходящей обуви. Бедный бестолковый Плик хромал в городских туфлях, немилосердно натиравших ногу. Элегантные полуботинки Микли еще держались, но он сам признался, что обувь жмет, и, как выяснилось, его сухощавое тело сохранило меньше сил, чем он рассчитывал. Тераи напротив — силы было не занимать, и ловкие руки моряка-кузнеца справлялись с любой работой, но задумчивые зеленые стены, вечно обступавшие его со всех сторон, заставляли нервничать морехода, подтачивая его нервы. Ваироа, казалось, полностью приспособился. Но кто мог подтвердить это, если сам он молчал?

Иерн же учился у Роники.

От нее он узнал, что дождь — это душ, а не докука, и что под ним лучше всего раздеться догола, поскольку холод под промокнутой одеждой может убить. (Тело ее ослепляло, а нагота или полунагота была непринужденной, но не зовущей, как доказала дружеская, но сокрушительная оплеуха, заработанная еще в начале пути.) Сок дикой мяты и подорожника отгонял насекомых, а иммунная система быстро справлялась с укусами тех, кто все-таки добирался до кожи. Шумы больше не раздражали, а завораживали; лес был сокровищницей звуков, вкусов и запахов, нес отдых глазам. Вот логово мускусной крысы, он не видел его, пока Роника не показала; вот оставленные лапами следы — для него немые, пока она не рассказала ту долгую историю, которая была отпечатана ими. Никогда он еще не был столь осмотрительным. Идти стало проще, когда она обучила его всему нужному. Например, кусты следовало раздвигать коленями и руками одновременно, проскальзывая между ветками. Она не торопила их — зачем? Конечно, можно нестись, но тогда

кто-нибудь, глядишь, свалится по пути, а это не шутка — зима не за горами. «Давайте не пыжиться, идем ровно — по двадцать щелчков в день».

Четыре раза Роника объявляла привал, по две ночи они проводили на одном месте; отдыхали и занимались разными делами, такими, как стирка; она сказала, что, если у них нет мыла, это не причина, чтобы оставаться грязными.

Она обработала ноги Плика, наложила повязку из мха и ткани на мозоли, заметив, что воспользоваться можно многими материалами: птичьей кожей, лыком, травами... Мы остаемся на месте, пока не обуем тебя подобающим образом. Иасу Крист! Неужели твой папочка никогда не говорил тебе, что дырка в носке проделает дырку в ноге?

— Вчера ты сказала, что можно сделать лодку... из березовой коры, кажется? — заметил Иерн. — Почему бы не поступить таким образом, чтобы не тащиться в такую даль?

— На это уйдет время, а потом нас свяжет погода; грести против ветра тяжелее, чем идти по любому болоту. Кроме того, при всякой необходимости придется причаливать к берегу. Нет, на своих двоих, пожалуй, проворнее.

Роника, согнувшаяся над лодыжками Плика, распрямилась.

— Придется добыть сырой кожи для мокасин. — Она вздохнула. — Ненавижу убивать оленей, когда приходится оставлять брошенной большую часть туши, но придется... пусть братец Ворон и приятель Червь порадуются добыче, так что потеря не так уж и тяжела. — Сперва она постояла в дыму костра, который, осторожно раздувая, сама и развела с помощью деревянного сверла, сучьев и древесной крошки. (На сверло пошло дерево и парашютная стропа. Роника заметила, что ее можно было бы заменить кишкой животного или каким-нибудь из растительных волокон. Оставшись без стального ножа, она сумела бы изготовить надежный каменный нож.) Иерн спросил, почему она окуривает себя дымом.

— Звери боятся человеческого запаха, — объявила она. — В конце концов люди были хищниками не менее миллиона лет, как говорили мне палеоантропологи (удивлял и ее словарь). Но инстинкт не заставляет их бояться запаха дыма, если только не вспыхнет пожар в лесу или прерии.

И Роника продемонстрировала, как будет выслеживать добычу: разыскивая слабые отпечатки, оставшиеся в траве и на почве, катышки помета, обкусанные листья... показала, как будет подкрадываться медленно, замирая, когда переменчивое внимание зверя обратится в ее сторону.

— Дома, в лесах Ляски, я развлекаюсь, подбираясь к зверям поближе, чтобы потрогать.

Она намекнула, что, если Иерн увяжется за ней, удачи не будет. И исчезла среди сосен.

Микли отказался одолжить Ронике свой пистолет, и поэтому убивать придется ножом. Из всего прочего она пользовалась лишь своим посохом — кроличьей палкой, — которую повсюду носила с собой из принципа. Этот прямой кусок твердого дерева, длиной около метра, удобный для руки, она обычно держала под мышкой. Им она сбивала сухие ветви для костра или всякую мелкую живность, попадавшуюся на пути.

— Однажды на Ляске, — как-то поведала девушка, — я встретилась с гризли, находившимся в скверном настроении. Я взялась за палку. Конечно, драться с ним бесполезно, но палка заставила зверя остановиться, и, пока он думал — ах ты, маленькая настырная бродяжка! — я успела добраться до дерева, слишком толстого, чтобы он мог вывернуть его, и более высокого, чем он мог зацепить. Наконец мишке надоело, и он оставил меня в покое.

Она вернулась вечером, забрызганная кровью, с плеча ее свисала шкура, набитая мясом и теми частями туши, которыми, по ее мнению, путники могли воспользоваться. Опустились сумерки, вся группа расположилась возле костра, но Роника не сразу ободрилась; уйдя в себя, она сидела скрестив ноги и глядела на языки пламени. Иерн спросил — почему?

— Сегодня я своей рукой остановила жизнь, — тяжело вздохнула она.

И вновь он удивился ей.

Убийства менее персональные ее не смущали. Она подбирала деревяшки, подпирала ими валун, оставив под ним приманку, и таким образом нередко добывала на завтрак белку или нечто подобное. Роника била рыбу деревянным копьём, или удила на крючки из костей, или же складывала каменные ловушки, если путники под вечер выходили к ручью. Иногда брошенная ею палка сбивала птицу; дрозды оказались просто великолепными на вкус. Как-то раз туманным утром она разделась, обмотала голову травой и безмолвно и медленно поплыла по озеру. Подобралась к стае уток и ухватила двух за лапы.

К этому времени ее спутники уже перестали печь мясо на углях. Она научила их готовить в полых обрубках или ямах с помощью нагретых камней, или запекать, сложив очаг из камня и дерна. Так лучше сохраняются витамины, утверждала она. И по той же причине настаивала, чтобы мужчины ели все органы животного. Роника все нахваливала свой отвар из личинок, но в данном случае столкнулась с подчеркнутым отсутствием интереса.

Она не настаивала, поскольку в растительной пище также не было недостатка: самые разнообразные ягоды, клевер, семена трав, отдельные части тимофеевки, осоки, чертополоха, одуванчика, крапивы. Некоторые продукты требовали специальной обработки, например кипячения; некоторых следовало избегать, например пурпурных семян травы — в них могла оказаться спорынья. Но кое-чего в это время года просто не было — например опавших спелых шишек сосны. Другие продукты требовали слишком усердной возни, как, например, желудди. Однако Роника доказала, что лес охотно одарит изобилием всякого, кто знает, где искать и как брать — «всегда с любовью и заботой», сказала она в один из моментов откровенности.

Мокасины для Плика и Микли она сработала на скорую руку — по собственному признанию, — однако они должны были выдержать до конца весь остаток пути. Так и случилось. Как правило, большую часть дня она где-то ходила, что-то добывала, а мужчины, предоставленные себе, брели к намеченной цели. Под вечер она появлялась с провиантом и вела всех к новому месту стоянки. У каждого появились обязанности, исполнявшиеся с большим или меньшим успехом. Плик и Микли собирали хворост и камни для готовки; Тераи копал яму, если это было необходимо, исполнял всякую тяжелую работу; Иерн и Ваироа, самые способные ученики Роники, помогали ей в делах, требующих истинного мастерства, — в подготовке снастей и шалаша для ночлега.

Набирая сил и обучаясь, путешественники обнаружили, что у них появился досуг: дневной привал, пара часов возле костра перед сном или в шалаше, если шел дождь, где по стенам плясали тени другого костерка, для безопасности разложенного у входа, — в тепле, исходящем от стенки, выложенной из камней. По общему согласию, все старались воздерживаться от разногласий. Роника вспоминала обширные просторы Ляски, Иерн — Юропу, Тераи — южные моря и азиатские страны, в которых бывал, Микли время от времени загибал забавную и циничную повесть, Плик иногда пел, а Ваироа однажды в памятный вечер рассказал о том, что видел в Африке.

Луна съежилась, потом снова пополнила...

3

Они приближались к окраинам цивилизации. Еще четыре-пять дней, и они окажутся в Дулу.

Ночь выдалась теплой не по сезону, и они легко управились со всеми делами. Иерн придремывал и не мог уснуть по-настоящему. Ощутив, что Роника оставляет укрытие, сразу встрепенулся:

вечером они обменялись парой многозначительных взглядов. Он рассчитывал, что она скоро вернется, справив естественную надобность, но Роники все не было. Наконец, повинаясь импульсу, Иерн поднялся, пробрался между спящими спутниками и вышел наружу.

Было опять полнолуние, как в ту ночь, когда Люцифером он падал с небес, в каком-то невообразимо далеком прошлом. Не-высоко поднявшись над огромным озером, луна заливала его своим светом, и гребни волн вспыхивали тонкими золотыми проволочками на черном обсидиане, жившем своей собственной жизнью. Повсюду над головой перемигивались звезды. Лунный блеск озарял и траву, поднимавшуюся по склону к деревьям. Посреди серебра и теней конус шалаша казался пальцем, указующим в недра Галактики. Молчание гнездилось под небом. Ветерок нес влагу, приправленную запахом хвои.

Иерн оставил в шалаше свое покрывало из парашютного шелка. И прежде чем отойти ко сну, повесил одежду сушиться. Прохлада омывала кожу, роса — ноги. Каким-то чутьем он угадал, что искать ее надо у ручейка, что, мерцая, напевал, приближаясь по склону к озеру.

Роника сидела на траве, густой, но подсохшей к концу лета. Обхватив колени руками, она глядела на воду. Лунный свет инеем серебрил волосы, сбегающие на грудь.

Роника уловила его присутствие.

— Привет, — сказала она ровным голосом, оборачиваясь.

— Можно с тобой посидеть? — осведомился он.

— Наверное, да, а может быть, и нет. Посмотрим. — Она похлопала по земле возле себя.

Он присел рядом. Через эти разделявшие их сантиметры он ощущал жар ее крови... слышал барабанный стук ее сердца... Она сидела отвернувшись.

Шло время. Иногда губы ее или бровь чуть дергались, словно от боли. Наконец он посмел пробормотать:

— Что тебя тревожит, Роника? — Она не ответила. Выждав, он сказал: — Ну ладно, молчу.

— Спасибо тебе за это, Иерн, ты хороший человек.

Она все глядела на восток, откуда величественно выплывали луна и созвездия. Небо вращалось вокруг Полярной звезды. Он вспомнил про Орион... Рановато. Орион будет виден зимой, когда умрет старый год и народится новый.

Вдруг она повернулась к нему, схватила за руку и скорбно воскликнула:

— О Боже, Иерн, что мне делать? Мы ведь почти пришли.

«Сюрприз за сюрпризом», — подумал он. Вспыхнула надежда. Дрожа и чуть стиснув ее пальцы, он тихо спросил:

— Что ты имеешь в виду? Роника, что так тревожит тебя?

Она ударила кулаком о землю.

— Мы прошли вместе такую дорогу... Тераи, какой он добрый, а Ваироа... ох, не знаю... не человек — тайна, только, наверное, мужественнее его я никого не встречала. Меня тревожишь не ты или Плик, — выпалила она. — Думаю, вы легко приживетесь в Северо-западном Союзе, там к вам — уверена — хорошо отнесутся. Но вот маураи — враги, и с этим ничего не поделаешь. После того что они узнали, их нельзя просто так отпустить домой. Нельзя. Они же не смолчат, тогда все раскроется... Микли задумал такое отчаянное дело, он уже говорил со мной... Пистолет или нож, пока они спят... Но нет, нет, хватит с меня и того оленя! Я обещала убить его самого, если он только посмеет... Эти маураи были нашими друзьями в пути... Что же делать?

Она припала к нему. Иерн обнял ее: Роника не плакала, только ее бил озноб.

Наконец она подняла лицо, улыбнулась под светом луны и чуть волнуясь проговорила:

— О'кей. Решать, выходит, и нечего. Я не допущу смертоубийства, но... по крайней мере пока. Только мне нужно... нет, я хочу... нет, не то. Не думай, что я не вижу, как ты смотришь на меня: ты тоже влечешь меня... А знаешь — мне ужасно хочется... М-м-м-м...

Она была львицей... бурей... огнем... А в промежутках они с удивлением осознавали, какие счастливые мгновения могут подарить друг другу.

Глава 15

1

Путь близился к концу. Лесные дебри начинали редеть. Вдруг Роника заметила нечто, заставившее ее замереть на месте. Было раннее утро, но она уже добыла жирную куропатку и мечтала побыстрее наткнуться на новую дичь, чтобы скорее вернуться к Иерну: пусть остальные тащатся вперед, а они вполне успеют развлечься, а потом догонять спутников.

— Ого... — выдохнула она, припечатав смачным словом. Подобные следы требовали внимания. Поломанные ветки, изуродованные кусты и глубокие рытвины в почве остались,

видимо, еще с прошлого года — лес уже начинал залечивать раны. Быть может, лишь покоритель мог заметить оставшийся шрам. Ох, лучше бы не замечать.

Ее заколотило, и она забыла про все на свете...

«Отложим забавы. То, что здесь происходило, может утянуть нас в адский котел последствий». Роника опустилась на четвереньки. Припав носом к земле, она сучком счищала листья и иголки со следов, которые хотела разглядеть. Они уже и без того были невидимы глазу, однако же за целый год их никто не нарушил, и это вселяло в душу беспокойство.

Солнечный свет струйками лился сквозь зеленое сито, сочился по щелям, золотил благоуханную землю и травы. Жужжали насекомые; вдали скрежетали вороны; лаяла дикая собака. Осторожность отодвинулась невесть куда. Припав к земле, Роника с головой окунулась в изучение тайны леса, пытаясь понять косноязычную речь следов...

А мужчины тем временем уже выбрали место для отдыха. Они разбили стоянку на крутом берегу живописного озера, деревья поднимались в сотне метрах от них. Над головой безмолвно метались стрижи и летучие мыши. Густая трава под ногами вбирала тепло из воздуха, летние запахи шли на убыль. Солнце уже успело опуститься за зеленую стену, когда Роника вынырнула из теней.

Иерн поспешил навстречу.

— Эй, где же ты застряла? — крикнул он. — Мне уже всякое думалось... — Он обнял ее целуя. Его мягкие усы и борода ждали бритвы, но ей это даже нравилось: для нее он во всем был мужчиной... настоящим. Она ответила ему с пылом — насколько позволяла усталость; отношения их не были секретом.

Наконец он отступил назад и сказал, взглянув на сурка, притороченного к поясу из сыромятной кожи:

— Итак, ты охотилась, но, видно, не повезло.

— Придется обойтись тем, что есть, — сказала она. — Если я не сбилась с пути, завтра мы окажемся в Дулу, там нас покормят. А если мы решим обойти город, я устрою вам сытную трапезу.

Все столпились вокруг, озадаченные: громадный Тераи, пегий Ваироа, тощий Плик и Микли — помойный кот. Он-то и спросил отрывистым голосом:

— Ты о чем это? Что-нибудь обнаружила?

— След, — ответила она. — В этих лесах в прошлом году потрудились группа мужчин, они привезли с собой тяжелое оборудование и припасы, в основном навьючив на коней. Я нашла

место стоянки, где они провели некоторое время, делая пешие вылазки, а потом двинулись дальше. Оставшиеся от их стоянки улики свидетельствуют, что это были солдаты. — Она сделала паузу. — Но не местные, что доказывается их неопытностью. Я никогда не была в этих краях, и то управляюсь лучше... Черт, да и вы, ребята, этому научились. Насколько я понимаю, большая часть краснянцев умеет жить в лесу, ведь многие из них лесорубы или трапперы. Но если эти брали проводников, им, должно быть, приходилось лезть из кожи, чтобы как-нибудь удержать этих дурней. — Она опустила руку в карман. — Я покопалась там и обнаружила оставленные кучи мусора. Пустые коробки от полевых рационов и все прочее. Этикетки еще можно прочитать, но я не знаю этот алфавит. Микли?

Он взял у нее полуистлевшие бумажки и напряг зрение.

— Юанезцы, — проговорил он. — Армия империи Юань... все понятно.

Роника увидела, как Иерн побледнел под приобретенным в этих краях загаром. «Юань! — вспомнила она. — Маураи утверждали, что знают, чем именно Юань помогла его врагу. Должно быть, он полагает, что очутился в ловушке». Ей хотелось обнять его и утешить.

Микли обратился к ней:

— Говоришь, это было в прошлом году? Тогда никакой войны здесь не было. Что же случилось с тех пор?

Тераи напрягся и тут же расслабился, но Микли успел заметить его реакцию.

— Отвечай, что ты об этом знаешь? — резко потребовал северянин.

Тераи расправил бычьи плечи.

— Почему я должен отвечать на твои вопросы? — прогулел он гулом далекой канонады.

«Итак, мы вернулись к цивилизации, к застарелой вражде...» Роника стиснула руку Иерна.

— Давайте соберем в кучу все данные, — проговорил Микли уже достаточно мягким тоном. — Мы рассчитывали, что нас примут здесь радушно и помогут отправиться домой. Но ксенофобия составляет одну из основ общества монгов. И если тут что-то случилось, нам незачем лезть к ним в пасть, не выяснив заранее, чем нам может грозить пребывание здесь.

Тераи кинул на него гневный взгляд.

— Во всяком случае, тебе, грязный охотник за ураном, рекомендую помалкивать о своих мерзких делишках, иначе тебя

просто разорвут в клочья. По мне, так пожалуйста, только Ронику жалко. — Он с симпатией посмотрел на нее. — Девочка, тебя одурачили, и теперь я, кажется, понимаю, каким образом... Когда-нибудь ты и сама поймешь это.

— Ах так... — Микли резанул его взглядом.

— Тераи, — начала Роника, — клянусь тебе, что мы не занимаемся изготовлением оружия Судного Дня... мы не делаем ничего плохого. Вы, маураи, фанатично относитесь к ядерной энергии... Почему вы даже не хотите разобраться...

Микли усмехнулся:

— Давайте перекусим... Быть может, потом настроение станет более мирным. Надо приготовить этого зверя; кстати, неподалеку я заметил заросли смородины. Не будем откладывать трапезу — скоро стемнеет.

Он побрел к шалашу.

К ее удивлению, Ваироа нарушил свое обычное молчание:

— Роника, мы не фанатики, просто мы помним историю. Да, я знаю, что атомные электростанции могут быть безопасными, во всяком случае, менее вредными, чем угольные, которые так расточительно дымят в Северо-западном Союзе. Действительно, радиоизотопы, выделяющиеся при сгорании угля, создают на порядок больший радиоактивный фон, даже если забыть о влиянии продуктов сгорания и летучего пепла на жизнь... и о ранах-рудниках в коже земли. Но атом позволит оживить энергоемкие технологии. Оживить во всем мире... а этого планета не вынесет.

— Да, вы уверены? — негромко спросил Плик. — Конечно, атом — демоническая сила, разрушительная для прежних порядков. Но таковыми в свое время были огонь, каменные орудия, земледелие... корабли, металл, письмо, книгопечатание и так далее, и так далее. Человек вечно пробуждал демонов, и я думаю, что снова...

В нескольких метрах от него Микли резко повернулся на месте, и пистолет его выпрыгнул из кобуры.

— Всем стоять! — крикнул он. — Ни шагу, или я стреляю!

Роника не ощутила смятаения, подобного с ней никогда не случалось в опасных ситуациях. Она отметила, как сжался Иерн, принявший инстинктивную и бесполезную стойку бойца. Тераи яростно протрубил, Ваироа застыл без движения, Плик припал к земле. Ум ее сфокусировался на невысоком человеке с пистолетом в руках, и сознание сделалось чистым и ясным, как стеклышко.

— Прошу прощения, — сказал Микли с ухмылкой. — Требую, чтобы мы, наконец, поговорили по-настоящему. И прошу не забывать, что я мастерски владею этой штуковиной.

— Какого дьявола тебе надо? — выдохнул Иери.

— Тебе опасаться нечего, — заверил его Микли. — Сперва позволь мне порассуждать вслух. — Прикоснувшись к бороде, он начал: — Подобно армии империи Юань, ты, Тераи, не заметил многих улик, хотя думаешь иначе. Итак, ты подозреваешь нас в том, что мы добывали в Юропе делящиеся вещества. То есть ваша служба уже обнаружила, что кто-то собирает их везде, где только возможно. С точки зрения маураев, естественно заподозрить в этом Северо-западный Союз и призвать к бдительности монговы, запросив их содействия. У вашей Федерации не хватает ресурсов, чтобы все расследовать самостоятельно. Словом, я полагаю, что в Юропе тебе, Тераи, в первую очередь надлежало выяснить, не собирает ли кто-нибудь эти материалы и там; в случае утвердительного ответа следовало добиться поддержки Скайгольма, убедить аэрогенов проследить за подобными попытками и прекратить их... Во всяком случае, ты едва ли предполагал, что краснаянцы готовы убить каждого, кто занимается розыском делящихся материалов, даже не зная о ваших стараниях. И притом — без публичного заявления... при максимальной секретности; но, конечно, кто-то из гражданских лиц узнает, о чем беспокоятся власти. В особенности после того, как юанезские войска побывают в этой стране. Краснаянцы уже не способны обследовать свою территорию. Безусловно, Тянь-Дзян предложил помощь своему доброму другу, Верховному Господину. Впрочем, едва ли они что-нибудь обнаружили. Потом юанезцы отправились домой. Но они оставили свое дерьмо на память нам с Роникой. Получается повесть, которую моя служба сочтет весьма любопытной.

«Подобного не могло случиться перед войной Судного Дня, — мелькнуло в голове у Роники. — Тогда каждый был под прищмотром. Но ныне шпионов — даже простых наблюдателей — так мало; им не хватает и оборудования, и способностей... неужели мне и в самом деле хотелось бы, чтобы Древний мир ожил?»

Она услышала голос Микли:

— Прав ли я в своих выводах?

Тераи молчал, но Ваироа, быть может, менее привыкший к злодейским играм, в которые играют правительства, произнес:

— Ты прав! И, наверно, теперь понимаешь, почему в Дулу тебе лучше помалкивать.

Тераи, предупреждая, положил руку на плечо соотечественника. Микли улыбнулся снова с ехидцей и сказал:

— О да, и вам тоже. Ни завтра, ни когда-нибудь еще... Роника, отойди в сторонку. Пока я позволял вам идти с нами, но теперь вижу, что остаток пути могу одолеть самостоятельно. Будете вести себя хорошо — я возьму вас с собой.

Тераи взревел и метнулся вперед. Микли прицелился.

Казнь, поняла Роника. Он пристрелит маураев и каждого, кто способен причинить ему неудобства...

Посох вылетел из ее руки. Как ни странно, в этот момент она вспомнила, как однажды за делом разговаривала с Тераи о его детях, какими они были в детстве, и о том, как он ждет внуков.

Рывкнул пистолет. Пуля миновала Тераи, зигзагом метавшегося из стороны в сторону. Палка жестко и твердо ударила по правой руке Микли. Тот взвыл и выронил пистолет. И пошатнулся, ошеломленный болью. Роника оказалась возле него, чуть опередив Тераи.

Ярость превратила лицо рослого маурая в львиную маску... смертоносный оскал. Подняв палку с земли, Роника ткнула ею в живот набегавшего. Жесткие мышцы были прочны, словно корсет, но Тераи с ревом согнулся и, задохнувшись, пал на колени. Роника взяла пистолет, подбежала к краю откоса и зашвырнула подальше в озеро.

Когда она вернулась, обе жертвы ее были уже на ногах. Ваироа помогал Тераи, Иерн и Плик неловко переминались сзади. Она показала им нож, опустила его в ножны и обвела всех взглядом.

— Вот что, — сказала она, — чтобы впредь без глупостей, пусть все бывшие обиды останутся в прошлом. Кто разведет огонь? Я голодна.

— Ты была великолепна, — сказал ей Иерн, когда наступили сумерки и они вновь занялись любовью.

Ночью ее разбудило легкое прикосновение и шепот: она всегда спала очень настороженно.

— Выйдем, — прошипел Микли. — Надо поговорить, ради Ориона.

Они подыскивали укромное место под огромной елью. Освещенные ущербной лунной, ветви укрывали их колким ароматом, от леса веяло теплом. В густой тени они почти не видели друг друга. Позади бледно-голубой луч протянулся до края озера — к обрыву, — над отражавшим звезды темным зеркалом.

— Слушай, — прошептал Микли бесцветным голосом. — Слушай внимательно. Сегодня ты вела себя по-идиотски — до предательства...

— Может, вынесем это дело на суд Ложи? — возразила она.

Он хихикнул:

— Разве ты не помнишь — я не принадлежу ни к одной из них. Я служу им на свой собственный манер. Что ж ты хочешь, чтобы мы все забыли и простили друг другу? Я могу простить — правда, рука еще жутко болит, — но вполне понимаю причины твоей выходки. Увы, склонность отдельных личностей к идеализму каждое столетие обходится человечеству в миллионы смертей. Итак, забудем прошлое, ведь Орион должен взойти.

От этих слов по ее телу всегда бежали мурашки. «Знает ведь, сукин сын, чем взять, — подумала она. Вспомнилась древняя поговорка: — Быть может, он и сукин сын, но он — наш сукин сын... Так, наверное...»

— О'кей, — согласилась она. — Я не могла позволить тебе совершить на моих глазах хладнокровное убийство. Но я понимаю — у нас есть проблема: нужно каким-то образом заткнуть рот маураям. Информация, которой они располагают, отправит их службу по горячему следу... прежде чем Орион будет готов.

— Согласен, я действовал чересчур импульсивно, — ответил Микли. — Моя вина. Впрочем, я зря взял тебя в Юропу, без твоего умения можно было обойтись: в конце концов жадность и подвела меня. — Он прищелкнул языком. — Сделанного не воротишь, но все же мы можем извлечь известную выгоду из ситуации. Действительно, сейчас мы точнее представляем себе, как маураи продвинулись по нашему следу. Следует информировать об этом наших сотрудников и приступить к контрмерам.

— Что, по-твоему, мы можем сделать?

— Тут уж все будет зависеть от случая. Но я всегда умел плутовать в кости... Во время нашего путешествия я установил в разговорах, что ни Тераи, ни Ваироа не знают монгских языков, а это дает нам значительное преимущество. Я уже говорил тебе, что краснаянцы по своему неведению помогут всем нам вернуться домой. — И сардонически добавил: — Кроме Иерна, конечно; я-то знаю, за кем он увяжется... Но теперь мы узнали, что краснаянские власти имеют причины с двойной подозрительностью относиться к иноземцам, явившимся из леса. Этим следует воспользоваться.

Роника напряглась.

— Вот что я придумал, — приступил к делу Микли. — Я хочу, чтобы всех нас там задержали. Не для того, чтобы казнить или расстрелять, ничего подобного, просто по подозрению. Всех, кроме тебя. Сценарий я симпровизирую по ходу дела. В удобном месте ты отделишься от всех нас и отправишься в Юань. Ты мастер своего дела, а граница не так далеко. Там ты вступишь в контакт с неким лицом; конечно, до того тебе придется выдержать обычную бюрократическую канитель, но я тебе дам ключевые имена в городе и пароль — «код-19». Запомнила? «Код-19». Когда тебя, наконец, доставят к чиновнику, который в курсе, что это означает, ты объяснишь ему, что весь проект в опасности...

— Какой проект?

— Тебе не нужно знать об этом, моя дорогая. Элементарный принцип работы секретных служб. «Код-19», с тебя хватит и этого. Еще попросишь о том, чтобы юанезцы послали вооруженный отряд и перехватили пленников. А после этого предоставь дело мне. Я добьюсь того, чтобы всех нас, включая твоих бриллиантовых маураев и бесценного аэрогена, доставили в нашу страну.

— Но я... на монгском знаю разве что пару слов.

— Нет проблем: многие солдатаи знают английский. Кому хочется, чтобы твои серфы разговаривали на непонятном языке. Здешний диалект не слишком отличается от принятого в Союзе, справишься. Ну как, твои принципы протестуют против подобной миссии?

Она игнорировала сарказм. Пульс ее участился.

— Да, — проговорила она, — такой вариант меня устраивает. А теперь выкладывай подробности.

2

Когда появились незнакомцы, Ганна Уанговна медитировала в своем приюте. Резкий ветер сек серое небо, бушевал в деревьях, хлестал кусты, теребил траву на лугу. Трава поблекла, цветы сникли, а листья виноградной лозы, оплетавшей приют, покраснели и стали ломкими, да пара берез золотилась на фоне скромной ели. Раньше, еще в девичестве, Ганна дрожала бы от холода в таком тонком платье. Ныне же, познав глубины геанства, она избрала эту погоду мандалой, над которой раздумывала, открывая дорогу к Единству.

Земля вновь шествовала навстречу северной зиме — тепло оставляло ее и, улета в пространство, сливалось с наполнявшей космос энергией, вмещающей в себя все тайны бытия. Ни один физик или математик еще не придумал волновую функцию, описывающую Первоимпульс; находились уверенные в том,

что такого быть не может — сей парадокс лежал в основе самой реальности. . . Но ее, Ганну, нельзя было отделить ни от дальней звезды, ни от едва упорхнувшего мгновения. Такая мягкая, такая вкусная вода, попадавшая прямо в рот и наполнявшая сосуды ее тела, состояла отчасти из тех атомов водорода, что образовались в первые секунды Великого Взрыва. Они будут существовать, пока не прекратится Вселенная, кроме тех, что, ускользнув в глубины пространства, сольются воедино в недрах новых звезд, преобразаясь в железо. . . Но если она способна сливаться с галактиками, какое предельное единство составляет она с Геей — живой Землей!

Пусть этот серый и ветренный день сорвет с нее личность — олицетворение Жизненной Силы, которая сыграла свою роль при эволюции, но теперь примитивному самосозданию пора отмереть. Так сезон гона, когда животное сделалось человеком, преобразился в любовь между мужчиной и женщиной. Пусть она хотя бы в короткий миг откровения отдаленно воспримет весь организм, поймет, чем может она, крохотная частичка Ее, послужить Единству.

Медитация не была трансом: сливаясь всем существом с миром, Ганна лишь открывала навстречу ему свои чувства. И потому услышала шаги незнакомцев еще вдалеке, хотя шли они, не производя шума. Она могла бы оставить их без внимания — незачем нарушать ее покой, не имея важного дела. Но чуть позже, когда они приблизились настолько, что обостренные чувства ее могли воспринимать их речь, по интонациям Ганна осознала — идут чужаки.

«Искатели делящегося материала. Взрывы на Западе, как было во время Погибели». Воспоминание прокололо внутренний покой, и вдруг, оставшись в умственном одиночестве, она шагнула наружу и встала так, чтобы ветер мог беспрепятственно обдувать ее.

Его сырая отвага вернула ей спокойствие и решимость. «Эти люди могут оказаться безвредными. Во всяком случае, у них нет причины нападать на меня». Еще в ученичестве в ней воспитали не бояться смерти и боли; отсутствие страха за собственную жизнь сделалось для нее столь же естественным, как дыхание. Однако ей нравилось свое бытие, оно несло пользу другим: пророчина, учена, Библиотекарь, человеческое существо; Ганна не хотела расставаться с жизнью, прежде чем Гея откажется от ее услуг.

Следуя по оленьей тропе, гости вышли на луг. И, увидев ее, остановились, а потом целую минуту молча перебрасывались взглядами, метавшимися взад и вперед.

Компания была невероятно разношерстная, но в равной мере обветренная, небритая, оборванная. Самый рослый мог быть только маураем: судя по остаткам одежды, высокая белокурая женщина и седой коротышка были из Северо-запада. Молодой человек и пугало озадачивали, что же касалось шестого члена группы — нет, это не урод, он не от Геи... чужак.

Седовласый мужчина поклонился и, улыбаясь, шагнул вперед.

— Приветствую вас, моя госпожа, — сказал он достаточно непринужденно, однако акцент действительно свидетельствовал о том, что пришелец родом из Союза. — Пожалуйста, не пугайтесь. Мы путники, застигнутые бедой, просим помощи. Мы уже возле Дулу?

— Да, — ответила Ганна более взволнованным тоном, чем собиралась. — Я отведу вас в город, если вам туда нужно.

— Премного благодарны, вы очень добры к нам, моя госпожа. Позвольте представить вам нашу смешанную команду. — И он указал на пришедших. — Меня зовут Микли Карст. Мы с Роникой Биркен родом с Территорий, как вы уже, по-моему, догадались. Тераи Лоханнасо и Ваироа Хаакону родом из Федерации. Таленс Иерн Ферлей и Плик — люди еще более экзотичные, они попали к нам из Домена Скайгольма в Юропе. Но, к сожалению, лишь один я знаю ваш язык.

Домен!

Ганна осознала, что по-детски открыла рот. И заставила себя ответить любезным тоном.

— Благодарю вас, сэр, я — Высокая Ганна Уанговна Ким, — добавила она на английском: — Приветствую вас.

Потом повторила эти слова на маурайском и англее.

Более всех удивлен был молодой человек.

— Вот уж не ожидал, что сумею здесь говорить на родном языке! — воскликнул он.

Ганна отреагировала мгновенно:

— Как Библиотекарь, я должна владеть основными языками мира; мне приходилось знакомиться с весьма интересными материалами из вашей страны, сэр.

— Но вы же говорите... даже без малейшего акцента.

Ганна улыбнулась. Он нравился ей.

— У нас есть записи, и мы читаем вслух. Как же иначе могу я наслаждаться вашей поэзией!

«Таленс, — отметила она. — В Домене они нечто вроде королевской семьи. Какая же невероятная цепь событий могла привести его в Мерику, да еще в подобном обществе?»

— Готова услышать вашу повесть, — сказала она.

— Наша повесть не слишком проста, высокочтимая Ганна, — предостерег ее Микли. — Мы имеем право поделиться с вами лишь частью ее. — Он обратился к высокой блондинке на английском: — Итак, стратегия говорит, что тебе пора уходить, моя дорогая.

Лицо Роники внезапно обрело строгость, она коротко кивнула и, ответив «ага», припала к Иерну с коротким, но энергичным поцелуем. А потом поспешно скрылась в лесу.

Негодование овладело Библиотекарем.

— Что вы себе позволяете?

— Не волнуйтесь понапрасну, мадам, — наставительным тоном сказал Микли. — Мы ведь не арестанты и не обязаны срочно прибыть в Дулу? Но всем нам необходимо в город, и мы будем рады, если вы проводите нас. Будьте любезны, отведите нас к офицеру службы безопасности.

«Как же тогда они могут собирать делящиеся материалы? Бессмысленно». Ганна попросила у ветра прохлады. Она по очереди оглядела всех оставшихся иноземцев, прибегнув к своему дару чтения лиц. Микли самодовольно улыбался, Тераи подавлял раздражение... черты лица Ваироа словно застыли неподвижно, однако обоих маураев явно озадачило исчезновение Роники. Плик тоже недоуменно озибался, Иерн, похоже, знал обо всем заранее (это было понятно, он явно был близок с ушедшей...), но вполне определенно не был ни во что замешан... Ему предстояло ждать. Нет, единства среди них не было.

Но кто же они такие?

— Вам придется дать пояснения, — предостерегла Ганна.

— Я понимаю, — ответил Микли. — Так давайте же пойдем, чтобы мы могли дать их.

Почти автоматически она направилась по тропе, уводившей домой. Они последовали за ней... Микли шел рядом. Ганна не хотела этого; она не доверяла его благовидному облику.

И потому спросила на английском:

— Этот язык у нас общий? Тогда давайте воспользуемся им.

— Да, Танароа! — вырвалось у Тераи. — Я мог бы столько вам рассказать об этом вероломном, подлом шакале...

— Полегче, полегче, — осадил его Микли. — Все твои обвинения останутся бездоказательными, пока наши краснаянские хозяева не проверят их. — Последовала угроза. — Но если ты станешь обвинять меня, то вспомни, что и сам не безупречен... в итоге мы оба окажемся мертвыми.

Ганна внезапно облизнула пересохшие губы.

— Можете ли вы объяснить мне хоть что-нибудь? — спросила она. — Быть может, я смогу дать совет, если вы неповинны в злых кознях. В Дулу я — влиятельная персона.

Микли явно не рассчитывал иметь с ней дело, но взял на себя роль оратора. Должно быть, придется восхититься его импровизацией.

— Моя повесть менее чем приятна, моя госпожа. Речь идет о государственных тайнах. Наверное, вы будете исполнять при допросе роль переводчика и поэтому сумеете заметить все различия. Конечно, я хочу поблагодарить вас за благородное предложение, но поверьте, всем нам следует стараться обдумать свои слова, прежде чем приступать к признаниям. Начнем, например, с Тераи и Ваироа, — бросил он через плечо. — У вас, маураев, есть агенты разведки среди всех пяти наций. И мне известны многие из них. Если я назову их имена, солдатаи предпримут известные меры, и ваша служба немедленно испытает множество неудобств. Но я не сделаю этого... я буду соблюдать профессиональную этику, но коль и вы будете делать то же самое. Пусть заинтересованные правительства спокойно уладят дела между собой. — И добавил, обращаясь к Ганне: — Надеюсь, что я не шокировал вас, моя госпожа.

— Ох нет, — ответила она тусклым голосом.

«Конечно же, маураи завели среди нас шпионов. Они хотят знать, наверное, что мы не ударились в авантюризм и геанство не вывернется из-под контроля».

— А что касается вас, Иерн и Плик, — продолжил Микли, — не в ваших интересах высказывать сейчас все, что вы думаете, если вы рассчитываете на поддержку Лож и наконец репатриацию... Впрочем, достойная Ганна, Иерн может поведать вам много интересного о своей жизни... из того, что не является секретом в Домене; он может рассказать вам и о недавнем заговоре... вы, вероятно, уже слышали о нем. Плик займет нас песней-другой. Особенно если вы пообещаете ему спиртное. Так что будем друзьями.

Все сдались — в различной манере. Маураи пошептались и умолкли. Иерн воздержался от описания своей дороги по этим лесам, но весьма романтическими красками живописал свои прежние испытания. Ганне докучало его антигеанство, но она терпела; не зная ничего о геанстве, молодой человек был способен многому научиться; и притом, бесспорно, он терпел от геанцев самую настоящую несправедливость. Увы, одна принадлежность к геанству не делала человека ни мудрым, ни честным. Подобно религии (в прямом смысле этого слова) — для большинства верных оно представляло определенное сочетание ми-

фов, обрядов и фраз. Поколения, быть может, столетия, должны миновать, прежде чем геанство делается чем-то большим для человечества. Но что тысячелетия для Жизненной Силы?

...А тем временем Плик наконец завел песню, которую представил под названием «Искусство правления», но аритмичная и дикая, Ганне она не понравилась...

*...А теперь вождь тех, кто захватил власть,
Заклучит землю в оковы своих обычаев,
Дабы не было больше войны против его воли,
И запрещает ложные верования.
Но исчез принц, что вел нас
По бесконечным дорогам ночи,
И мы приветствуем юное солнце разума,
И благодарим наших владык за свет.
Словно клинки, которые доставали отцы наши из
ножен,*

*Воят ветры, вторя волчьему вою,
Хлысты молний полосуют тучи,
Под раскаты, о которых в старину пели ведьмы,
На холмах собирает оружие темная сила,
И вновь зажигает злое пламя,
И закон древний изгнан, собирают войска партизаны.
Так вернется наш принц!*

Борс Ливович Харсов, майор полка «Синей Звезды» и магистр префектуры Дулу, откинулся назад. Его мериканское кресло потрескивало. Он поглядел через стол на сидевших на скамье перед ним, покрутил ус, тронул расшитый воротник рубашки и без всякой радости проговорил:

— Ваши повести не стыкуются, и ни в одной из них не слышно истины.

— Сэр, — заторопился Микли Карст, — я ограничился только тем, что позволяет мне долг. Повторяю, мы доставляли Таленса Иерна Ферлея в свою страну, где ему предоставлено политическое убежище, когда эти маураи догнали наш самолет и напали на нас. В столкновении наши обе машины погибли, и нам пришлось пешком выходить к цивилизации.

— Да-да, но где же ваша спутница?

За грязными окнами в косом луче света плясали пылинки. В кабинете было душно. Четверо вооруженных охранников стояли возле стены.

— Она у нас лесная дева, не любит городов. Побоялась ареста.

— Концы с концами не сходятся, вы сами все понимаете. — Борс яростно посмотрел на Иерна и Плика. — Что вы можете добавить?

Ганна Уанговна перевела вопрос. Ответ аэрогена был еще короче, чем перевод.

— Никаких комментариев, сэр.

— А что вы можете сказать, представители Маурайской Федерации? — настаивал Борс, воспользовавшись английским, как и прежде.

— Карст лжет, — огрызнулся Тераи Лоханнасo. — Простите меня, сэр, я не могу сказать более. Он нарушил закон, совершил преступление настолько большое, что — я не сомневаюсь — ваши власти признают: мы имели право преследовать его. Но подробности в настоящее время я могу предоставить лишь дипломатическим представителям Федерации.

— Мы пошлем за ними, — обещал Борс, — но вы должны проявить терпение. У нас в Красной нет совершенных радиопередатчиков. Мы люди бедные, электроника нам не по карману, не говоря о релейных мачтах, а о телефонной сети нечего и думать. Завтра я отправлю курьера. Вы можете послать с ним письмо, с которым я должен сперва ознакомиться. В это время года Господин обычно отдыхает... Чиновники и послы тоже, суд закрыт. Я слышал, что маурайский легат любит рыбачить в тихих озерах. Быть может, потребуется неделя или более того, чтобы отыскать вашу представительницу, а потом еще придется добираться сюда.

— Я могу подождать, — произнес рослый маурай с мрачным удовлетворением.

«Как любопытно, — отметила Ганна, — Микли Карст и Иерн тоже были довольны. Северянин, должно быть, предвидел поддержку; ясно было, что он хорошо знаком с законами и обычаями Красной. Как и почему?»

Борс обратился к нему:

— Ближайший консул Союза находится в Джинии*, не так уж далеко отсюда. Вы можете написать вашему послу в Миньятонку, если угодно.

— Это бесполезно, сэр, — выпалил Карст, — что может кто-либо из них сказать в мою защиту? Может быть, лучше я дам вам адрес в Союзе и Домене, куда вы можете написать. Ответ покажет, что мы с моей спутницей действовали на законных основаниях.

* Джиния — город Вирджиния, штат Миннесота. Дулу — Дулут, штат Миннесота на берегу озера Верхнее.

— На это потребуется значительное время.

Карст улыбнулся и, подражая голосу Лоханнaso, проговорил:

— Я могу подождать.

Борс застыл в своем кресле.

— Тем временем, — сказал он, обращаясь к группе, — вы должны признать, что ваши показания не согласуются. Не хочу вас оскорбить, однако вы можете оказаться контрабандистами или... охотниками за ураном... мне не остается ничего иного, как задержать вас до выяснения обстоятельств.

— Я вполне понимаю вас, сэр, — мурлыкал Карст, — действительно, никаких обид с нашей стороны.

— У вас будут вполне комфортабельные помещения...

Ганну осенила мысль.

— Дistinguished майор, — проговорила она, — могу я попросить одолжения?

Тот был удивлен.

— Чего вы просите, преподобная госпожа?

— Джентльмены из Федерации и... distinguished Карста... вы можете разместить там, где сочтете нужным. Конечно, не вместе, но подобающим образом. Однако позвольте мне взять на себя ответственность за двух остальных джентльменов. В Библиотеке, как вы знаете, есть комнаты для гостей. Можно выставить возле них охрану, если угодно, но я сомневаюсь в том, что эти люди вызовут какое-нибудь беспокойство.

Борс поднял брови и покрутил усы. Им приходилось и ссориться и помогать друг другу.

— Могу ли я спросить о причинах вашего предложения, преподобная госпожа?

— Конечно, — ответила она, ничего не желая скрывать, — у нас никогда не было гостей из Европы. У меня к ним миллион вопросов, я хочу узнать о миллионе аспектов Геи.

3

Сад оказался большим и роскошным, Иерну не приходилось видеть ничего подобного. Не было здесь ни многоцветного буйства бургойни, ни строгих клумб и стриженных деревьев, обычных для Брежа. Дворик с одной стороны ограничивало здание библиотеки, а с других трех сторон — старательно и экономно выложенная стена. Камень в ней чередовался с деревом, все детали были старательно продуманы и создавали впечатление полной гармонии. Напротив огромного здания — ворота под деревянной аркой; на железных створках свернулся клубком чеканный символ Инь-Ян. Посыпанные гравием извилистые дорожки огибали клумбы, мхи, клевер и травы. Тут и там

замысловато гнулись деревья, наводя на размышления своими причудливыми формами. Золотые рыбки мелькали под листьями водяных лилий в прудах, не схожих друг с другом величиной и формой. Кое-какие из композиций состояли из утоптанной грунтовой площадки вокруг валуна, стелы или абстрактной скульптуры. А за ним вдруг вырастал густой куст сорняков напоминанием о дикой неухоженной природе, непонятным образом гармонирующий со всем остальным.

Отмывшийся от дорожной грязи, причесанный, сытый, в свежей одежде, Иерн расхаживал возле Ганны. Хотя вчера они проговорили за полночь, а колокола и гонги, созывавшие всех к обрядовым действиям, пробудили его на рассвете, он чувствовал себя отдохнувшим. Утро только что начиналось, завтрак оказался легок, но вкусен, как и вчерашний обед; Ганна расстаралась побыстрее освободиться, чтобы заняться с ним. Плик отсыпался после вчерашнего: выпивку с разрешения Библиотекаря представил ему негодующий служитель с явным сожалением.

Под ногами похрустывал гравий. Стены укрывали собеседников от ветра, шелестевшего верхушками поднимавшихся над ними деревьев. День выдался солнечным, но холодным, над головами торопились клочки облаков.

В основном разговор шел о нем самом и его мире, который остался за окнами. Выложив все, что было можно, он без особых сложностей избегал всякого упоминания о событиях, о которых Роника просила его умолчать. Наконец Ганна согласилась, что наступила его пора задавать вопросы. К тому же, заметила она, застенчиво улыбаясь, его вопросы еще подробнее расскажут о нем. Они уже успели достичь понимания, позволяющего рассказывать о личном.

— Я всегда вела спокойную жизнь, — поведала она. — Быть может, вам она покажется скучной, но я нахожу ее безмерно богатой. — Он обратил к ней восхищенный взгляд: невысокая, легкая, в свободном сером одеянии, подчеркивавшем грациозную женственную фигуру... Большоголовая для своего роста, с продолговатыми карими глазами, курносый носом, округлым подбородком, губами, розовевшими лепестками. На коже цвета слоновой кости проступали легкие морщинки, в ниспадавших до середины спины черных волосах, перехваченных на уровне шеи, проступала легкая седина. Ее голос, пожалуй, был слишком тих, но, наверное, лишь потому, что она рассказывала о себе. Энтузиазм вольет в него силу.

— Я родилась в Алданском полку, он стоит на севере отсюда. Мой отец преподавал в школе. Я выросла среди лесорубов, охотников, трапперов, рыбаков, ремесленников. Мы, алдан-

цы, держим немногих слугаев и не считаем ручную работу унизительной. Вне сомнения, такая жизнь была мне полезной, иначе склонность к чтению заставила бы меня проводить среди книг все свое время. Словом, книги вместе с природой сделали меня геанкой еще в самом начале жизни.

— Простите, — перебил Иерн. — Я кое-чего не понял. Что такое полк... И слугаи?

— Мм-м, придется освежить ваши познания в истории.

— Я не возражаю, напротив, буду только рад; пожалуйста, продолжайте.

— В общем, слово «полк» соответствует английскому «реджименту», хотя ныне понятия эти не совпадают. Дело в том, что нашим предкам, изгнанным с родины жуткой нуждой, пришлось пробиваться в Мерику с боем. И вся их деятельность в новых краях определялась воинской организацией. Они воевали даже друг с другом: мы пришли не единой волной и не из одного места. Любой склад лекарств или топлива мог послужить причиной кровопролитного боя. Пять наций сложились не сразу, и войны между ними были нередки до последних времен. Поэтому полк сделался основой всего монгского общества. Солдатой рождается в своем полку и часто вступает в брак внутри его; в противном случае жена записывается в полк мужа. У каждого полка свои эмблемы, почести, обряды, традиции... Полк посылает своих представителей в национальное правительство, но, если приходится изменить подданство, в этом нет проблемы, поскольку человек верен прежде всего полку.

Конечно, за истекшие века природа его преобразовалась. Сегодня в войске служат немногие, хотя каждый из нас проходит военную подготовку и числится в запасе. В основном все мы занимаемся другими делами, — улыбнулась Ганна. — Я, например, Библиотекарь.

Иерн обдумал услышанное.

— Выходит, слугаи не числятся в полку? — догадался он. — Значит, это потомки местного населения, так сказать, собственность полка.

— Ах, нет-нет, они не рабы, — ответила она чуть оборонительным тоном и продолжала уже уверенней: — Это тоже началось во время Миграций. Сельское хозяйство на равнинах пришло в упадок во время Погибели. Поля поросли травой, а солдатаи привыкли к мобильной жизни: так что по понятным причинам они стали животноводами, номадами-пастухами. И все же им было необходимо вступить в контакт с оседлыми людьми, выменивать продукты их труда, начиная от зерна и плодов, кончая машинами и химикатами. Поэтому каждый полк самым

естественным образом защищал уцелевших мериканов, живущих на его территории, и пользовался за это их трудом. Каждый слугай рожден, чтобы служить конкретному семейству солдатаев, и не может оставить его. Но все они гарантированы от унижений. Каждый слугай обладает правом обратиться непосредственно к полковнику. Семья солдатаев отвечает за благосостояние своих слугаев — вплоть до уголовного ответственности. Теперь лишь немногие из них, как и прежде, занимаются земледелием, обычно это те, кто сам предпочитает такое занятие. Помните, их нельзя выгнать из дома. Большая часть их имеет право самостоятельно выбрать себе работу. Как правило, единственное ограничение, накладываемое на них, обязывает их извещать своих хозяев о своих занятиях и платить умеренный налог с заработка. Если кто-нибудь из них захочет изменить место жительства, в разрешении редко отказывают; хозяин переписывает их своими родственниками. Нередко бывает, что семейство солдатаев старается, чтобы многообещающий ребенок их слугаев получил соответствующее образование и начал карьеру. Взаимные отношения между солдатаями и слугаями обычно колеблются от терпимости до глубокой привязанности. Легальные браки запрещены, но неофициальные случаются достаточно часто. А дети от подобных союзов становятся солдатами.

Иерн вспомнил скептицизм, с которым Плик слушал вчера вечером, как Ганна изображала свою страну миролюбивой и благодушной. Потом она пыталась выяснить, что они знают о делившихся веществе. Очевидно, ей было известно о том, что за ними охотятся; вместе с тем казалось, что Ганна знает нечто большее — ужасное — и терпеливо умалчивает об этом. Иерн изобразил неведение; ах, Роника, Роника...

«Но тот, кто занимается этим делом, не обязательно абсолютное чудовище, — заявил тогда Плик. — Чиста ли теперь даже Красная? А сохранит ли она относительную чистоту, если сделается мировой силой? Ни на грош. Заверяю вас: сила и нравственность не совместимы. Я совершенно не хочу обидеть вас, моя госпожа. Я только искренен. Но вы полагаете, что человечество способно, наконец, утихомириться и обрести нравственную чистоту, по исходящему из этих краев откровению. Я же усматриваю в геанстве новейший вариант Пелагианской* ереси». — И разъяснил неясное слово.

Иерн задумался: «Почти все люди, которых я встречал и о ком слышал, по необходимости смирялись с условиями, в кото-

* Лжеучение британского монаха Пелагия (360–420), отрицавшего первородный грех и допускавшего способность человеческой воли добиться спасения без божественной благодати.

рых им выпало жить, старались своими трудами добиться лучшего. Отсюда не следует, что они полагали, будто лучше жить невозможно. Кто посмел бы смутить нашу добрую ученую хозяйку повествованиями о мерзостях и жестокости рода людского? И зачем?»

Ощутив этот уход в себя, она мотыльком прикоснулась к его ладони и дважды серьезным тоном произнесла:

— Пожалуйста, не считайте нас варварами, какими были наши предки. Они были грубы по необходимости, но никогда не разрушали бесцельно. А знания, заключенные в книгах, всегда были для них священны. Вместе с книгой солдатай нес в своей переметной суме остаток цивилизации. Отношение это сохранилось. — Ганна умолкла. Две или три минуты они молча прогуливались под блеклым осенним небом, наконец она разразилась смешком. — Октай, что со мной! — сказала она. — Позабыла, что я не на кафедре и не читаю лекции своим аколитам.

— Мне не было скучно, — заверил ее Иерн. — Но если вы закончили историческое отступление, может быть, расскажете о себе?

— А не посидеть ли нам? — она указала на скамью — гранитный блок на краю семиметрового круга, выложенного камнями. Природа пометила поверхность каждого камня особой красой, способной послужить предметом размышлений над его глубинной сутью. Площадку покрывал белый песок. На нем, в строгом порядке, словно бы вполне естественно, были разложены причудливые морские раковины, от крупных конхов до спиралевидных конусов. Чуть в стороне от центра круга поднимался высокий, в рост человека, коралл.

Ганна уселась и принялась разглядывать розовый камень. «Она просто не могла устать, — подумал Иерн. — Должно быть, она хочет... Чего же ей нужно? Обрести здесь силы? Или покой?» Он подумал, что она, возможно, никогда не видела океана.

Опустившись на скамью возле нее, он обнаружил, что камень слегка согрет солнцем. Неужели сознание ее впитывает и это? Промелькнула неуважительная мысль; тоже мне откровение — через попу. Но почему бы и нет? Насколько я представляю, с ее точки зрения, каждая часть живого существа хранит собственное достоинство. И тайну.

— Вы говорили, — продолжил он, — что еще девчонкой решили сделаться жрицей.

Не отводя глаз от коралла, она улыбнулась.

— Нет-нет, жрица — это совершенно не то слово. Оно вводит в заблуждение, как и заимствованные у церкви обряды,

наряды, та организация, которой геанство сделалось за века. Да, все это помогает людям и утешает их, но геанство не религия. Это просто философия и образ жизни, не противоречащий ни одной известной мне вере. Мы не еkkлeсия. Да, конечно, у нас есть взаимосвязи, и в серьезных вопросах людям моего уровня лучше следовать руководству Великого Центра и приучать своих учеников поступать подобным же образом. Нас никогда не принуждают. Ограничивать суждение личности значит ограничивать само выражение заключенной в ней Жизненной Силы.

Легкая боль затенила ее лицо. «О чем она вспоминает? О недавней беде?» Тема эта могла напомнить Иерну слишком многое.

— Вы вновь уклоняетесь... — торопливо поддразнил он.

На этот раз ее улыбка оказалась еще шире.

— Ну что ж, я предупредила вас! — Она вздохнула. — У меня нет биографии, мой друг. Полку всегда необходимы учены — преподаватели, церемониймейстеры, специалисты. И если судьба сделала меня пророчиной — адептом, ясновидящей, у вас в англее нет точного слова — это честь для полка, такое заносится на знамена. Поэтому полк обеспечивал мое образование все десять лет, в том числе и курс в Чай Ка-Гоу в Юани. — Она умолкла на некоторое время, потом негромко добавила: — Затем я вернулась в Красную, а дальше — поселилась в уединении на год возле древней заброшенной шахты, в Ай-пинге*, возле не заживающей в земле раны. Там я смогла понять, как и почему Жизненная Сила порождает боль, разрушения, горе: так она полнее открывает себя. Наконец меня вызвали в Дулу. Как учена, я много пользовалась здешней Библиотекой, и потому сменила прежнего Библиотекаря, когда он отправился в свое Последнее Уединение. Это моя основная работа, хотя я также преподаю, даю советы и ощущаю счастье — любовь маленьких детей... Но все это похоже на хвастовство, Иерн. Довольно.

Голос ее, уже превратившийся в шепот, умолк; Ганна глядела на коралл, словно бы загипнотизированная. Он подумал, что, наверное, она была более откровенной, чем претендовала по скромности. Но он уже опасался чем-нибудь задеть ее — Ганна пробудила в нем глубокую симпатию — и надеялся познакомиться с ней получше, чтобы, быть может, преодолеть барьер верований, их разделявший.

Поэтому он произнес:

* Совр. Хиббинг — городок к северу от Дулута.

— Но об истинном вы мне не сказали, так ведь? — Она шевельнулась, ветерок прикоснулся к челке над ее лбом. — Конечно, я здесь чужак, — продолжил он. — И если я нарушаю ваше уединение, скажите мне — я уйду.

— Нет, — возразила она. — Уединение среди нас ценится не так, как среди ваших людей, а вы к нему относитесь куда более спокойно, чем северяне, которые зачастую словно одержимы им. Здесь мы просто пытаемся соблюдать обыкновенную вежливость. — Она снова вздохнула. — Ну что еще сказать, Иерн? Не сомневаюсь, вас удивляет, почему я не замужем. Я намеревалась это сделать в Чай Ка-Гоу. Но перед этим побывала в Доме Откровения, не в качестве пилигрима или паломника, но в качестве ученицы и... пережила то, что сделало меня пророчиной. Он тоже был учеником, но озарение и власть чаще проявляются в женщинах, нежели в мужчинах, а он не рискнул жениться на такой... но не жалейте меня. Я уже говорила вам — жизнь неизмеримо богата... Геей и любовью тех живых существ, которых я знаю.

«Власть», — отметил Иерн. — Я слышал, что их верховные адепты умеют читать мысли, ходить по воздуху, предвидеть будущее, подымать из гробов мертвецов. Суеверие? Я кое-что знаю о плодах, которые может принести углубленная тренировка. Я не смог бы стать Буревестником или прыгнуть с парашютом из Скайгольма, если бы не тот старый сержант, что так безжалостно гонял нас, кадетов.

Но как я ненавидел его тогда! Безусловно, Ганна не принуждает своих учеников. Должно быть, она ведет их, открывает перед ними двери».

— Психическая сила, — проговорил он вслух, едва замечая это. — Если здесь не кроется нечто другое — абсолютная дисциплина и устремленность. Да, сила эта вселяет трепет... вдохновляет фанатиков. Но мне понятен испуг обычного человека, боящегося жить с ней рядом.

Ганна повернула голову и обратила к нему раненый взгляд.

— Что вы, Иерн, разве я — фанатичка? Или у вас есть основания считать иначе? Разве я запрещаю вам иметь собственное мнение и выражать его... или сделать что-либо еще?

— Нет, речь не о вас, — быстро проговорил он. — Наверняка среди вас, провидцев, это не принято. Для этого — вы слишком близки к просветлению. Вас можно назвать своего рода святыми. («В противоположность нам, аэрогенам, зовущимся этим именем среди пейзажей».) Но, быть может, ваши ученики,

которые еще не зашли столь далеко, как вы, не ощущают себя в такой безопасности. Быть может, им приходится заставляя себя верить в Жизненную Силу, чтобы не утратить веру.

— Иерн, — обратилась она самым мягким голосом, — горечь говорит вашими устами, а не вы сами. Я симпатизирую вам: вы пережили тяжелый удар и потерю. Вы видите, как клонится к упадку ваша цивилизация, которая в свое время сослужила службу всему человечеству. Я не хочу сказать, что испытанное вами оправдано с человеческой точки зрения. Жизненная Сила — это также *Heautontimoroumenos*, Мучающий Себя. Я привыкла примиряться со всем, что происходит в жизни, и надеюсь, что вскоре и вы научитесь так поступать.

Вспыхнула ярость.

— Принять неизбежное? Но я не согласен — разве судьбу нельзя изменить?

Она произнесла слова мягко, поясняя и утешая:

— Геанство, если назвать этим именем трезвый взгляд на жизнь, распространяется по миру. А почему бы и нет? Что ужасного в мире любви, согласии человеческого тела, ума и духа с Единством Жизни... со всем существующим.

Ответ он позаимствовал у комментаторов, которых читал дома:

— Кто знает, что служит причиной тому — сама ли Вселенная или просто правительства монголов поддерживают движение жирными субсидиями? Правящие классы за границей зачастую приветствуют геанство. Их народы теряют покой, затевают смуты, а геанство поощряет покорность; зачем тебе свобода или какие-то там права, если можно спокойно углубиться в свои собственные мысли. Впрочем, геанство способно послужить оружием против врага... Как я обнаружил на собственном опыте.

Облака, бросая тени на сад, пролетали над головой... наконец Ганна проговорила еще более мягким тоном:

— Иерн, вы мотылек... нет, ястреб, бьющийся в кровь о стеклянное окно. Если бы вы только могли отодвинуть стекло в сторону... ведь за ним нет ничего — только будущее и свобода. — Она взяла его за руку. — Давайте переменяем тему, у нас еще остались истинные сокровища друг для друга.

Он глотнул.

— Благодарю вас. Согласен.

Замечил: «Кровь монголов слабеет. Они потеряли волю к власти. Но древний воинский дух еще живет: пусть он и преобразился в стремление проповедовать. — Иерн посмотрел на

женщину, сидевшую возле него. Во взгляде ее видны были забота, сочувствие и ни на йоту уступки. — Она — истинная дочь солдата».

4

К четвертому дню Тераи едва мог владеть собой, да и Ваироа обнаруживал признаки беспокойства.

Не то чтобы их содержали в тяжелых условиях. Им предложили пустовавший домик слуги — обставленный неприхотливо, но вполне пристойно. На еду и питье жаловаться не приходилось, хрустящие, обжаренные овощи и сыроватое мясо напоминали авайянскую кухню, травяной чай и крепкое пиво дополняли трапезу. Вооруженная охрана бдительно стерегла единственную дверь, но была настроена доброжелательно и охотно вступала в разговор на английском. Ежедневно, под удвоенным караулом, задержанных выпускали наружу — погулять час-другой; часенко прогулка заканчивалась гандбольным матчем с собственной охраной. Им предоставляли все развлечения: карты, шахматы, го... и любые книги, которые они могли пожелать. Маураев заверили в том, что легат не замедлит с прибытием и оговорит условия их освобождения.

— Вся беда в том, что Микли — свинья, — с самого начала бурчал Тераи.

Ваироа кивал полосатой головой:

— В кабинете он держался напряженно, но уверенно. Я ощущал это. К сожалению, он не субвокализирует, а язык его характерен лишь для него самого. У меня нет ключа к его думам.

— У него есть план, — грохотнул Тераи смешком. — Ронику он отослал не затем, чтобы досадить ее любовнику. В подобном случае она бы ему все уши пообрывала... Но что же он поручил ей тогда?

— Передать агенту Союза просьбу о помощи.

— О какой еще помощи? Он может связаться со своими через юанезцев, которые, как мы полагаем, сотрудничают с северянами. Но набег... смешно.

Ваироа положил локти на подлокотник, вглядываясь в дождливую ветреную ночь.

— Ему необходимо заставить нас молчать, — предположил он.

— На некоторое время он этого добился, — отвечал Тераи. Поднявшись из кресла, он принялся расхаживать по глиняному полу, холодившему босые ноги.

Ваироа следил за ним взглядом.

— Я действительно не понимаю, почему мы должны молчать. Конечно, я не всегда сведущ в отношениях между людьми и тем более не понимаю монгов. Но почему мы не можем прямо сказать, что северяне собирали делящееся вещество? Мы могли бы проводить их к озеру, извлечь из воды все доказательства.

— Разве ты не слышал? Микли пригрозил разоблачить всю нашу разведку среди Пяти Народов, выложив все, что ему известно, а он может знать достаточно много. Союз имеет дело с монгами уже столетия, безусловно, они внедрились среди них целую сеть агентов, которые, в частности, обязаны выслеживать наших разведчиков; должно быть, Микли сам занимался здесь этим делом, судя по тому, насколько хорошо он знаком с местной обстановкой. — Тераи кисло улыбнулся. — Ну а Иерну вполне можно доверять. Он не вымолвил ни слова, которое могло бы причинять неприятности его драгоценной Ронике. Плик последует его примеру.

— А ты уверен, что Микли не блефует?

— Нет, но я не могу рисковать, пока у нас остается альтернатива. К тому же в любом случае я не могу сказать, какотреагируют на информацию монги... и Домен, когда вести доберутся туда, что, безусловно, произойдет... и, кстати, наша же собственная Федерация. Мы можем затеять всемирную кровавую бойню. Наибольшую опасность представляет, на мой взгляд, Союз. Как поступят норри, когда их тайна будет раскрыта? Эти заговорщики должны были предусмотреть запасные варианты. И... Роника клянется, что они не производят ядерного оружия. Не думаю, что она лжет, хотя, возможно, и ошибается, но как в этом убедиться? В худшем случае мы можем развязать войну, которой никто не желает, а можно обойтись и без драки, уладив это дело должным образом.

Тераи взял со стула трубку и табак. Трубка была вырезана из стержня кукурузного початка; он попросил ее, потому что потерял свою еще при крушении. Тераи не хватало старой верной подруги, вересковой трубки, но он надеялся, что скоро вернется домой к своей коллекции, к Елене и детям, увидит друзей, родные землю и море... какими далекими кажутся они сегодня.

— Увы, — ответил он. — Микли вынуждает меня помалкивать, пока существует угроза моим товарищам по корпусу. Я не сомневаюсь, что норри рассчитывают на это. Черт побери, он прав! Куда лучше информировать только наше правительство, и пусть оно решает, что нам делать.

— А как ты передашь информацию?

— Я все расскажу легату, когда он явится сюда, если мы сможем переговорить с глазу на глаз и в безопасном месте. Если

нет — я дам ему понять, что он должен побыстрее добиться нашего освобождения. Он, безусловно, сможет устроить, чтобы нас доставили в штаб-квартиру инспектора в Виттохрии. Пока нас ни в чем жутком не подозревают, так что и магистрат, и сам Господин едва ли посмеют прогневать Маурайскую Федерацию плохим обращением с нами.

— Микли должен понимать твои намерения, — сказал Ваироа.

Тераи набил трубку плотнее.

— Да, безусловно. И все же этот сын тередо* был весел и спокоен... если дойдет до худшего, мы расскажем все монгам.

К полудню четвертого дня юанезский отряд вступил в Дулу. Во главе его, возле командира, ехала Роника Биркен.

Морось холодила воздух, прятала крыши и стены, увлажняла мостовые. Толпа, собравшаяся было поглазеть, разошлась из-за непогоды, и болтовня притихла до бормотания, когда кони и крепкие, облаченные в серо-зеленые мундиры солдаты с азиатскими лицами, окружив Тераи и Ваироа, скрыли их от посторонних... ото всех, кого они знали.

За исключением Микли. Скрестив руки и широко расставив ноги, он глядел на маураев с триумфальной улыбкой.

— Эти веревки снимут с ваших запястий, а кляпы вынут из ртов, когда мы выйдем из города, но только если вы будете вести себя хорошо, — сказал он на маурайском. — А до тех пор, — он пригрозил указательным пальцем, — каждый из вас постоянно будет под прицелом четырех стрелков, которым приказано убить вас, если вы попытаетесь произнести одно только слово или попробуете что-нибудь написать... Или если им покажется, что вы собираетесь это сделать. Отряд отборный, людям сказано, что вы и есть охотники за ураном — те самые, которых они пытались поймать. Они считают, что у вас на теле могут быть спрятаны миниатюрные передатчики, и вы сумеете предупредить соучастников, получив шанс заговорить. По общему мнению, маураи могут располагать подобными устройствами, но монги не представляют себе ваших возможностей. А поэтому — ни слова... Повторяю то, что я говорил вам у дома, — ни слова, иначе смерть. Что ни в коей мере не расстроит меня. Еще раз поблагодарите Ронику за свою жизнь. Это она настоящая. И поверьте, ей-Богу, так лучше, будет меньше слухов... все-таки я рассчитываю переговорить с вами подробнее в более подходящих условиях. — Откинув назад голову, он зашелся смешком. — Простите мне самодовольство. У нас как во время игры

* Тередо — корабельный червь-древоточец.

в кости, на ее исход влияет чересчур много факторов. Если вы сейчас поможете нам, мы отнесемся к вам достаточно хорошо. При правильной постановке дела, быть может, все окончится репатриацией. Так что расслабьтесь и радуйтесь.

Он отошел, юанезские солдаты расступились перед ним, чтобы вновь сомкнуть свое кольцо вокруг людей, к которым были обращены их взгляды, исполненные предельной ненависти.

Публичные проявления страсти считались здесь дурными манерами, так что Иерн и Роника просто пожали друг другу руки и обменялись долгим взглядом. На влажных волосах мерцали капельки, грудь вздымалась и опадала. Плик с завистью поглядел на них и глотнул из бутылки, которую провидческим образом прихватил с собой.

— Жезу, как чудесно! — выдохнул Иерн.

— Нет еще, вот останемся вдвоем, — шепнула она на ухо, — и я тебе покажу, что такое настоящее чудо.

— Я боялся за тебя.

— А я за тебя, — ответил грудной голос. — Ну, как ты?

— Отлично, только волновался. Нас прикутила здешняя пророчина, доказавшая мне, что и геанцы могут быть порядочными людьми. Мы с ней разговаривали о многом, она кое-что мне показала, например, как она воздействует на зверей и детей... Ну а что было с тобой?

— Я делала свое дело. Все сложилось почти так, как намечал Микли. Я перешла через границу, отыскала юанезскую военную базу — констабуларий, как они их зовут, — наделала там достаточно шума, потом они, наконец, подвели меня к радиопону и связали меня с высокопоставленным офицером в Чай Ка-Гоу, тот отыскал того, кто знал кодовую фразу, ну а после все сразу завертелось. Хуу-ха! Вот это была картина! У меня только спросили имя Карста, где он находится и чего хочет. Вести метались взад и вперед, тем временем собрался этот отряд, и на заре мы выехали. Ты заметил, как устали лошади — заводные тоже. Бедные звери — надеюсь, они не простудятся под дождем. Ну а потом, когда мы добрались до города, нойон приказал местному полковнику провести нас к Микли, а после того командовал уже Карст... я его уговорила не расстреливать Тераи и Ваироа прямо на месте.

— Как ты умудрилась этого добиться? Ведь он об этом только и мечтает?

— Я сказала ему, что успела подружиться с ними. Напомнила про такую вещь, как честь Ложи, и пригрозила, что пожалуй-

юсь Волку. Кроме того, он прекрасно понимает, что я всегда могу застичь его врасплох где-нибудь в глухомани — и выпустить кишки. Он не стал спорить.

— А что будет дальше?

— Не знаю в точности, хотя и не сомневаюсь, что нас ждет возвращение домой — в Союз. Я мечтаю показать тебе мою страну. «И как я надеюсь, увидеть собственными глазами, что там не гнездятся чудовища», — промелькнуло в его голове.

...В дни, когда Орлук Жанович Боктан стоял в Дулу, команда отрядом, безуспешно пытавшимся выяснить, кто же собирает смертоносное оружие, и потом — во время последующих, уже более коротких посещений — они с Ганной Уанговной подружились. Несхожесть их делала встречи интересными, он, со своей стороны, уважал ее ум и власть, а она считала его добрым человеком, хотя бы в сердце своем.

Теперь она стояла под редким дождем и внимательно слушала, как он говорил Борсу Харсову:

— Нет, сэр. Простите, я не имею права сказать вам больше, к тому же я просто ничего не знаю. Мне приказано освободить Карста и доставить всю эту группу на базу, живыми или мертвыми. Те двое, которых мы связали, подозреваются в контрабандном вывозе урана, а подобное дело не может ждать.

— Чтобы маураи связались с этим ужасом?.. Не верю! — вмешалась Ганна.

— У них может быть своя цепь заинтересованных лиц, — проговорил Орлук. Он явно по пути все тщательно продумал. — Федерация — стадо такое же разношерстное, как и наши Пять Наций; она расползлась по всей Океании. Возможно и существование интернационального преступного синдиката, привлекающего соучастников отовсюду. Не исключено, что и верховное командование маураев теперь жалеет о том, что предшественники его утопили всю ядерную взрывчатку.

— Тем не менее... — Она поежилась и поглядела на вооруженных незнакомцев, окружавших ее.

— Похоже, северяне запустили свою ложку в этот котелок, — сказал Борс недоверчивым тоном.

— Я знаю. Но они не обязательно остаются нашими врагами. И если они получили ключ к чему-то и обратились к нашему командованию, потому что мы способны быстро отреагировать... Откровенно говоря, за последние несколько лет я нередко замечал северян у самых важных юанезских кабинетов... — Орлук умолк, не собираясь говорить больше, чем следовало.

— Что же мне сказать маурайскому легату, когда он прибывает сюда? — вслух подумал Борс.

— Не следует понапрасну ерошить ему перышки, — посоветовал Орлук. — Объясните, что его соотечественники, если они и впрямь маураи, выданы по уголовному обвинению; что у вас не было другого выбора, кроме как повиноваться... он может затребовать информацию по дипломатическим каналам. — В руке нойона была перчатка с отворотами. Он пристукнул ею о бедро, словно кнутом. — Ну что ж, в путь!

Борс пошелестел полученными бумажками, чтобы показать, что и впрямь не имеет выбора.

— А вы не хотите задержаться и отдохнуть, достопочтенный сэр? — спросил он, как требовал того этикет.

— Нет, сэр, приношу свою смиренную благодарность, но, к сожалению, об этом я не могу и мечтать.

Обменявшись поклонами, они отдали друг другу честь. Борс отбыл.

Орлук повернулся. Ганна ухватила его за рукав. Страх стучал в ее груди.

— Но что вы думаете об этом на самом деле? — спросила она его.

— Вай? — Он заморгал в удивлении.

— Обо всем, что кроется за этим делом? Я чувствую... предельную неправду... зло... — Последнее слово она выдавила. Истинной геанке не подобает произносить его, за исключением крайней необходимости.

Выдубленная непогодой физиономия Орлука обнаружила недовкость:

— Как так, преподобная госпожа?

— Не знаю. Все случилось настолько внезапно. И вместе с тем... Ужасные силы вырвались на свободу, они заключают преступные союзы, повсюду сеют ложь и тайну, тайну и ложь... Орлук, ветер дунул из завтрашнего дня и принес запах войны: не наших несколько битв, за которыми последует мирный договор, — нет, но жестоко и с погибелью... всего мира. Что вы скажете? Что мы можем сделать?

Капельки пота покрыли его лоб и бороду. Она заметила, как он заставил себя собраться.

— Преподобная госпожа, — выдал он, — я почти ничего не знаю, кроме того, что уже сказал. Происходит нечто скверное, но суть еще сокрыта во мраке. — Он расправил немного сутуловатые плечи. — Пусть будет, что будет, пусть демоны вырываются из ада; я выполняю свой долг, каким бы он ни оказался. Я должен ехать.

— Еще минутку, — молила она, вознесясь на духовной волне к Единому — в этот час, когда ясность разлетелась в клочья

под бурей, ревущей из будущего. — У меня брат в армии. Все мы резервисты, все мы солдатаи. Когда перед битвой пробуждаются страхи, что таятся в глубинах наших сердец, — древние воспоминания о Смертных временах — войско приходит в смятение. Пророчина умеет успокаивать людей. Позовите меня.

— Преподобная госпожа!.. — Он был переполнен чувствами.

Ганна улыбнулась; теперь, когда она все сказала, покой поглощал ее, покой абсолютной решимости.

— В добровольцах недостатка не будет, — сказала она. — Мы будем биться за Гею... за все человечество, иначе Гея отбросит его — уже навсегда. Я обращаюсь к вам, потому что мы сроднились духом. Красная не может выставить большую армию и потому выступит под объединенным юанезским командованием, можете рассчитывать на меня; мне хотелось бы поехать на бой рядом с другом.

Находясь на второй ступени Тянь-Дзян, Орлук отпустил ей поклон третьей степени смирения; она благословила его. Отойдя, нойон загремел приказами.

Вновь обретя мир, Ганна отыскала Иерна. (Потом она отправится домой и позволит Единству овладеть ею.) А сейчас она хотела проститься с молодым человеком, чтобы никогда не встретиться снова. Морским ветром он вдохнул в нее новую жизнь — она еще никогда не видела моря, хотя читала о нем стихи и видела картины, — но все мечтала увидеть, насколько бы ни была невероятной такая мечта. Он рассказывал ей о чудесах своей страны, открыл перед нею свой дух — о большем она и не мечтала.

Рядом с ним стояла любовь его — Роника. Быть может, у нее хватит доброты отступить на шаг в сторону, пока Ганна простится с Иерном.

5

Белый туман клубился над землей, но небеса были чисты, и с востока уже сияло ослепительное солнце. Обретя очертания, дыхание резко вырывалось из ноздрей, но ласковый аромат конского тела уже начинал ощущаться. Отряд ехал в безмолвии, только топот копыт, скрип кож да звяканье металла окружали его. А потом издали, слабый, но беспредельно ясный, донесся колокольный звон.

Колокол говорил совсем не так, как в Франсетеппе, и ему гулко вторил басок огромного барабана. Дальний перезвон довершил ощущение нереальности, охватившее душу Иерна... или, может, он сам покинул реальность. В километрах от него

храм, увенчанный луковой куполой над многими крышами, будил селение у подножия своего, поднимая людей к поклонению и труду... но все вокруг было таким незнакомым... словно бы располагалось на другой планете. Непривычно раскроенные поля тянулись от далекого горизонта к этой дороге — никаких заборов, живых изгородей, стенок, пограничных камней, разграничивающих владения. Деревья были оставлены лишь, чтобы служить ветроломами или давать тень усталому работнику. Иерн ощутил, как нежно заботились об этой земле люди, принадлежащие ей.

По правую сторону вдоль дороги тянулся рядок кленов — как дома, но там их сажали в два ряда. Влево от нее покрытые корой жерди, переплетая стволы, ограждали пастбище, уходящее вдаль... На краю видимости растворялось в тумане стадо с парой конных пастухов.

Вчера, радуясь свободе и дороге, он не замечал ничего странного. Потом они с Роникой ускользнули из лагеря к стогу сена, который заметили заранее.

— Что нам до того, мокрое оно или нет? — усмехнулась она. — Прогреется.

Утром же тело ощущало усталость и нервы дрожали, расслабившись после пережитого напряжения, и он вдруг осознал, как далеко оказался от дома.

Стремясь приободриться, он поглядел за спину — на солдат: в них опора. Но все было чуждым: очертания фигур, лица под гребнистыми шлемами, знамена, все вплоть до посадки всадников... и ритма, в котором раскачивались, отражая лучи солнца, наконечники копий. Воинов, так державшихся в седле, да и всего этого отряда просто не могло существовать, однако тем не менее вереница их казалась ему змеей, готовой к броску. Зевки сменялись разговором, вполне людским по интонации, и лишь когда кто-нибудь отпускал шутку, высокие голоса смеялись не по-юропански.

Он перевел взгляд на командира, справа от которого ехал. Человек подтянутый, Орлук Боктан держался столь прямо, что казался выше, чем был на самом деле. Обветренное лицо, плоский нос, раскосые серые глаза, седые усы и раздвоенная борода, на левой щеке бугрился шрам. Орлук ехал с непокрытой головой, открывая бритую макушку. Расстегнув воротник, командир пытел жуткой сигарой, дружелюбным — в чем Иерн на всякий случай все-таки сомневался, — хриплым басом отвечая на вопросы.

Роника ехала слева от него, она переводила с английского на англэй. Плик и Микли следовали прямо за ними. Тераи и Ваироа

замыкали колонну, их не было видно отсюда. Бедняги, подумал Иерн. Однако Роника объяснила ему, что так надо — лучше, чтобы они не имели возможности говорить. Скверным или нет было дело, которому она служила, ставить его под угрозу она не намеревалась... «Какой точеной кажется под колоссальным куполом здешнего неба его сильная фигура. Неужели я влюбляюсь?»

— Да, — Роника перевела ответ Орлука. — Я происхожу из Йо-Минга*, на западе, и достаточно хорошо знаю пограничные горы. У их подножия полк Бизона располагает волостью, там обитает моя старшая жена, наши дети и внуки. Когда удастся, я бываю у них.

— А как случилось, что вы перебрались жить на Дальний Восток?

Орлук ухмыльнулся:

— Ваши помогли. Мне повезло — я участвовал в нескольких последних стычках. Они обеспечили мне быстрое повышение в чине и внимание моего начальства. Много добрых воинов полка Бизона перебрались в Чай Ка-Гоу, когда город начал расти. Когда умер их старый нойон, меня пригласили занять его место. Конечно, трудно перебраться с гор на равнину, иметь дело с войсками, набранными на ранчо и в городах, вместо привычных охотников, трапперов и лесорубов... Ну, я-то понадобился потому, что здесь тоже есть леса, где бизонцам когда-нибудь придется драться. Истинный солдатый не отказывается от обязанностей. Но я хочу, чтобы мои дети выросли в стране своих отцов.

— И долго вы здесь пробыли?

— Пятнадцать лет. Ничего. В Чай Ка-Гоу у меня отличный дом, чистый, шумный, симпатичная младшая жена, растут дети от нее, надеюсь и на внуков — через несколько лет. Могу смело сказать, что с делами я справляюсь неплохо. Кого отправили в Краснаянские леса искать охотников за бомбами?.. Бизонов! — При этом напоминании Орлук потерял веселость, нахмурился и отчаянно запыхтел сигарой. — Впрочем, мы ничего не нашли, — сказал он, — кроме вашей группы... Когда я думаю о моих женах, детях, внуках... Ха, если вы хотите выжать правду из этих собак, только скажите: я сам щипцами вырву им яйца.

— Чего-то не похоже на геанца, — встрял Микли.

— Я не из них, — отвечал Орлук. — Конечно, я считаюсь с их принципами, отношусь к адептам с положенным уважением. Возможно, они правы. Но медитации и всякие теории не для

* Совр. штат Вайоминг.

меня, и от моих похвал славы им не прибавится. Я поклоняюсь древним богам — Октаю, Эрлику, Ленину — и предкам. — Он подумал. — Впрочем, не сомневаюсь — ни один истинный геанец не проявил бы мягкости в этом деле. Куда направляют этих двоих?

— Мой департамент об этом не знает, — объявил Микли.

— Неужели? — Орлук искоса взглянул на него. — Сомневаюсь: ты говоришь куда меньше, чем знаешь.

— Ты прав, — ровным голосом отвечал Микли. — Например, знаю способы, с помощью которых мой отряд выяснил, чем были заняты эти двое, ведь это мы с Роникой выследили их. Но такие подробности чересчур откровенно указывают на вещи, которые моя служба предпочитает скрывать от посторонних. В моих глазах вы, нойон, достойны всяческого доверия, однако кое-что вам просто незачем знать. Как военный, вы должны понять меня.

— Да, это так. Но когда я был молод, все было еще не настолько закручено...

Дальше Иерн уже не слышал, о чем они говорили: Орлук сердито глянул на Ронику, и она перестала переводить. Она ехала рядом с командиром и слушала разговор на английском. Чувство одиночества в душе Иерна усилилось. Он отстал, чтобы присоединиться к Плику, а Микли подался вперед.

Англеман был трезв в связи с отсутствием зелья и, мрачно поглядев на приятеля, произнес:

— Ты обескуражен, мой друг. Не испуган, ни капельки волнения, просто обескуражен. Так ведь?

Иерн поглядел вперед — спина Роники на фоне монгского ландшафта вдруг напомнила, как эта женщина чужда ему.

— Полагаю, что ты можешь так назвать мое состояние, — пробормотал он.

— А ты понимаешь почему? Ведь ты направляешься в безопасное место — в пределы Союза, да еще в очаровательной компании.

Последняя фраза напомнила ему о Ганне. Та не стала возражать, когда в нарушение здешних обычаев он взял ее обе руки и поцеловал. Какими нежными они были, какими красивыми. «Да благословен будешь ты, Таленс Иерн Ферлей, — шепнула тогда Ганна. — Пусть тебя встретит счастье, ты его заслуживаешь». Тут она ошиблась, кольнула его память о прошлых проступках. Она нараспев произнесла несколько строчек на своем языке, а потом пояснила: «Это не молитва за тебя, мы не молимся Гее. Я просто пожелала от всей души, чтобы Она отме-

рила тебе полную долю жизни, оставив ритуальную торжественность. Я буду вспоминать вас — часто-часто. Счастливого пути».

Иерн ответил Плику иносказательно:

— Я лечу вслепую, вот почему... вслепую, и все приборы молчат.

— Действительно, тревожная штука — оказаться вдали от дома.

— Что? Нет же, я не об этом. Понимаешь, наше пребывание в Дулу заставило меня усомниться во многих истинах, которые я прежде считал незыблемыми. Я же не глуп, и никогда не считал, что все геанцы — скверный народ. В Юропе мне попадались среди них действительно прекрасные люди. Но в массе своей они всегда казались врагами, причем фундаментальными... противниками всего, чем живет Домен, притом во всем заблуждающимися? Но Ганна со своим терпением и умом...

Иерн закрыл глаза и подставил лицо солнцу. За ресницами заиграла радуга. Ганна заставила его вспомнить про бесчисленные мелкие чудеса, подобные этому, подумать о них и ощутить.

— Конечно, ее можно считать образцовой геанкой, — размышлял вслух Плик. — Во всяком случае, в одном из аспектов геанства... Так святой Франциск Ассизский и святой Иоанн от Креста воплощают в себе два предельных аспекта христианской личности. Я имею в виду *душу, эмоциональность* — это другое трусливое слово. Лучше сказать *духовность*. Духовна ли вера... ее не поймашь иначе, только душой. Отчасти она пояснила тебе свою суть, просто являясь собою.

— Но разве не может быть, что она на самом деле права?

— А бывает ли, по-твоему, стихотворение правильным или неправильным? Да на ее стороне могучий миф.

Молчание разделило их. Туман, редея, оставлял землю, открывая слева убранные поля, готовые к запашке под озимь, и справа — серебристо-зеленые прерии. Слугаи в синих одеждах выходили из глинобитных домиков. Над головой порхали птицы. Воздух, прогреваясь, уже приносил ароматы почвы и трав, животных и человека. Все шумы кавалерийского отряда слились в равномерный синкопированный ритм.

— А эти юанезцы? — вырвалось у Иерна. — Чем они в принципе отличаются от краснаянцев? — Согласен, я почти не имел дела с теми и другими, но я все менее и менее верю в то, что они подстрекали Джовейна в далекой Юропе и вооружали его для переворота, как мне о том говорили.

— Почему же ты переменил свое мнение? — спросил Плик.

— Конечно, установление геанского правления в Домене, бесспорно, удовлетворило бы их; некоторые из их чиновников, наверное, и в самом деле оказали заговорщикам тайную поддержку. Тем не менее... судя по их действиям, более всего они опасаются Северо-западного Союза. И скорее всего это так — один континент на двоих. Но я что-то не замечаю в них империалистического духа — ни прямо, ни косвенно. Геанство в корне своем не воинственно. Я узнал это. Оно убеждает, а не заставляет.

— Ты узнал, — подчеркнул Плик. — Но логических доказательств не имеешь. Наш вид одарен способностью интерпретировать всякую доктрину, подгоняя ее под свои действия. Ты попал сюда, потому что некоторые из геанцев предприимчивы и воинственны, не так ли? Все, что творится в мире, всегда выходит за пределы логики и всех разумных объяснений.

Иерн бросил на него резкий взгляд.

— Ты вновь заводишь странные речи?

— Странна вся Вселенная. По-моему, слову «реальность» в нашем мире нельзя дать положительное определение.

Плик подвинулся ближе.

— Послушай, — проговорил он. Иерн еще не видел поэта столь серьезным. — Да, я подонок и алкоголик, но и поэт, а посему время от времени прикасаюсь к вещам, о которых невозможно говорить прямо. Я ощущаю приближение колоссальной драмы, конфликта настолько глубинного, что человеческие существа, вся цивилизация волей-неволей преобразуется в архетипы, вновь повторяя мифы незапамятной древности... Лишь в них и в музыке может крыться намек на подобные истины... Апполонийский Домен и маурай-артурианцы выступили против орфического геанства и фаустианского северо-запада*. Или, если хочешь, демоны-северяне готовятся низвергнуть богов неба, земли и моря — ведь у хтонических** богов всегда была темная сторона, — а грядущая война принесет конец всему миру.

Роника...

— Нет! — вскричал Иерн. — Ты обезумел!

Ему хотелось пустить коня в галоп, чтобы ветер, скорость и напряжение мышц прогнали из памяти этот ужас. «Собственно, откуда этот ужас? Это всего лишь слова, Плик любит играть с

* В данном контексте «апполонийский» соотв. «аристократический», «артурианский» — «рыцарственный», «орфический» — «музыкальный, певчий», «фаустианский» — «несущий дух познания».

** Подземный.

ними. Эксцентричный малый — не безумец и не пророк. Орлук не позволит ему опередить отряд». Иерн выехал вперед к Ронике и заговорил с ней — слова сами сыпались с языка.

Та весело отвечала, и кошмар поблек. Ужас забылся совсем, когда она зашептала ему на ухо, весьма откровенно описав, чего именно ожидает от него, когда отряд остановится на дневной отдых.

Они добрались до военной базы к вечеру. Контур блокгауза на фоне темного неба говорил о веках истории, бывших иными в Европе; но меньшие сооружения были достаточно прозаичны и функциональны. Привычен был и маленький аэродром, несколько самолетов на нем и запах синтоплива.

Один самолет прилетел с северо-запада — укрупненный вариант того, что остался на дне озера со своим смертоносным грузом. Иерн заметил опознавательный знак на руле — бегущий волк, с шеи которого свисала разорванная цепь. Когда отряд приблизился, с полдюжины человек вышли вперед приветствовать его предводителя. Среди них, без сомнения, было двое соотечественников Роники; другие ожидали возле самолета.

Юанезский офицер отдал честь, сказал какие-то слова и передал лист бумаги Орлуку. Нойон прочитал его, нахмурился и задумался. Микли что-то сказал ему, получил короткий ответ и направился к месту, где его ожидали Роника и Плик.

— Сегодня самолетом из Чай Ка-Гоу прибыл приказ, — проинформировал он их. Судя по его манере, Микли именно этого и ожидал. — Эта машина немедленно увезет нас домой вместе с Тераи и Ваироа.

Пульс аэрогена заколотился: ночной полет скроет от него многое из того, что он надеялся увидеть. «Но она будет возле меня, и когда мы окажемся там...»

— Наш достопочтенный командир, похоже, не одобряет подобную спешку, — метко подметил Плик. — Он подозревает жульничество и сомневается в том, что его командиры приняли правильное решение.

Микли усмехнулся.

— Они не принимали его, — сказал он на французском. — Нам следовало любой ценой не дать кому бы то ни было из юанезцев допрашивать маураев. Вне сомнения, наш представитель выложил всякие аргументы... дескать, мы, поймавшие злоумышленников, знаем больше всех остальных, а потому наилучшим образом можем расследовать дело, избавляя Юань от напрасной траты времени. Конечно, согласие кое-кого из важных юанезских чи-

новников удалось получить с помощью известных дополнительных доказательств. Так что поправляемся с хозяином — и в путь.

Они обменялись любезностями. Вооруженные северяне взяли пленников под стражу. Держась за руку, Иерн и Роника последними поднялись на борт. Она остановилась у двери кабины и огляделась. Закат вызолотил землю самым невероятным образом, делая ее нереальной. Оставаясь на коне, Орлук, отбрасывая долгую тень, глядел вслед отбывающим иноземцам.

Глава 16

1

Первый месяц, проведенный Иерном в Северо-западном Союзе, показался ему идиллией — сплошным путешествием в неизведанное.

Первым сюрпризом был оказанный прием, точнее, отсутствие оного. Никаких проверок документов, таможи, обмена денег и разносортных чиновников.

Самолет приземлился на посадочную полосу возле какой-то деревни просто потому, что в городском аэропорту наверняка окажутся агенты маурайского инспектора. Тераи, Ваироа и пара охранников задержались на борту, чтобы присутствие задержанных лиц на прилетевшем самолете не вызвало слухов. Все остальные направились в ближайший отель.

Когда Иерн выразил удивление, Роника фыркнула:

— Зачем, если ты в здравом уме, содержать этих бездельников? — спросила она. — У нас принято, чтобы каждый честным трудом зарабатывал себе на пропитание.

После нескольких часов сна отряд встретился за гаргантюанским завтраком, поданным совершенно безукоризненными официантами:

— Это заведение принадлежит Ложе Волка, и мы здесь по ее делу, — объяснила Роника. — В ином случае нам бы пришлось платить. Но все равно не член Ложи платит в два раза больше.

— Нам с тобой придется зайти к здешнему мастеру Ложи, прежде чем отправиться дальше, — сказал Микли аэрогену. — Не наболтай лишнего.

Дом собрания находился на той же самой улице. Иерн видел некоторые фотографии и читал воспоминания редких путешественников, бывавших в Союзе; в Юропу они заезжали, хоть и не

часто. Поэтому он не был удивлен архитектурой в общем-то менее экзотичной, чем монгская. Мебель внутри дома оказалась простой, стены украшали картины, реликвии местной истории и над дверью резная панель, на которой волк, разорвавший цепь, бежал над девизом «Вольному — воля». Мастер Ложи, крепкая женщина средних лет, выслушала короткий отчет Микли, задала несколько отнюдь не праздных вопросов, но вскоре, повинаясь его желанию, пожала руку новоприбывшему, пожелала приятного пребывания в этом крае и отпустила его.

Иерн ожидал каких-то формальностей, убежище должен ему предоставить тот, кто имеет на это власть.

— Но мы просто нанесли визит вежливости! — воскликнул он, оказавшись снаружи.

— Именно, — ответил Микли. — Почему бы не соблюсти приличия, в особенности если это не требует от тебя слишком больших усилий. К тому же Дорда была явно заинтригована, когда я сообщил ей, что наше дело относится к компетенции Главной Ложи и мы вправе уделить ей лишь немного времени и ограничиться легкой болтовней. Провинциальные собрания всегда жалуются на неразговорчивость руководства.

— А кому мы должны доложить о себе?

— Никому, если не считать небольшого числа людей, в помощи которых мы нуждаемся. Тебя не будут держать вне общества, но и привлекать внимание к себе тоже не следует.

— Разве это незаконно?

Микли восторженно хрюкнул.

— Цыпа, тебе придется многому выучиться. Конечно, офицеры соответствующих служб Ложи Волка с восторгом воспримут известие о Тераи и Ваироа. Но если нас разоблачат маураи, то обвинят нас в неоправданном нарушении прав человека. Мало того, что придется отпустить наших пленников; мы получим еще внушительное обвинение за ущерб, нанесенный чести Ложи, вдобавок к тому обвинению, которое выдвинут против нас сами маураи.

— Но правительство... — Иерн сдался.

У взлетной полосы их ожидали два больших автомобиля. Алюминиевые и деревянные детали были ярко окрашены. Иерн заметил, что в них использовались паровые двигатели на угольном порошке; запах его ощущался в выхлопных газах. Однако не было ясно, сделаны ли шины из синтетического эластомера, как в Домене, или из природного каучука, полученного торфовым путем.

Охрана и пленники поехали в одном автомобиле, Микли, Плик, Иерн и Роника — в другом.

— Позвольте, я сяду за руль, — настоятельно проговорила женщина. — Иазу Крист! Больше года, кажется, не прикасалась к баранке.

Говорила она на английском, но Иерн понял. Время от времени по дороге Роника учила его разговорной речи, да и у Ганны он видал книги на этом языке. В письменном виде язык достаточно напоминал английский, которым он владел, так что сумел быстро научиться читать и даже писал достаточно хорошо. Другое дело разговор; пока он мог понимать только Ронику, поскольку привык к ее интонациям, и то отчасти. Однако ему стало ясно — как заметил Микли однажды вечером у костра, — что оба языка преобразовывались друг в друга по достаточно строгим правилам. И усвоив их, нетрудно было овладеть языком — дело практики и накопленного словаря.

Диалекты инглисса, доминировавшие в различных областях Океании, представляли нечто отличное. Что касается маурайского, хотя его грамматическая структура была в основном хинджа-юропанской*, вряд ли даже половина слов восходила к английскому или французскому, да и те по ходу развития языка претерпели бесчисленные мутации.

Роника включила двигатель. Машина ракетой рванулась с места... Хотя ровная дорога была покрыта гравием, Иерн решил, что ста пятидесяти километров в час, пожалуй, многовато для наземного транспорта... в особенности когда машина с ревом, по широкой дуге объезжала конные фургоны с негодующими возницами и телеги, неторопливо влекомые быками. Должно быть, второй шофер разделял его мнение, поскольку его машина вскоре исчезла позади за облаком пыли.

Во всем прочем их окружали мирные сцены. Солнце гоняло облачные тени над вечнозелеными лесами и расчищенными полями. Вдали вздымался в небо могучий снеговой пик горы Ренье**, свистел за окном рассекаемый воздух. Через приоткрытое окно внутрь сочились запахи: прохлады, сена, дыма, влаги... осенние ароматы, вытеснявшие летние.

Иерн испытывал странное чувство.

— Ваши фермы, — наконец сказал он, — совсем не такие, как у нас дома, но при этом они прямо как ферма моего отца Маэля, где я родился. Просто не могу понять, в чем дело.

— Свободные владения, — ответила Роника, имея в виду какое-то из его предшествующих воспоминаний. — Большая

* Индоевропейской.

** Вулкан Рейнир в Каскадных горах неподалеку от Такомы.

часть их не сменяла хозяев целые поколения, Наемники и арендаторы, поколение за поколением обитают поблизости. Все они здешние уроженцы, как и землевладельцы.

— Образ жизни не идеальный и не настолько надежный. И никогда не был таким, — бросил Микли с заднего сиденья. — Подобно большей части наших учреждений, Иерн, этот вид сельского хозяйства возник по необходимости при обороне от монгов. Теперь картина меняется; все больше и больше фермеров продают свои владения деловым людям... потому что их сыновья и дочери переехали в города. Три или четыре года назад Великий Совет принял резолюцию, скорбящую об упадке йоменства — станového хребта Союза — и вызывающую к исцелению. Хе-эх! Правительство Северо-западного Союза обладают единственным достоинством: его рудиментарность только делает очевидной никчемность любых правительств, всю их бестолковость, которую они пытаются укрыть под тяжелой рукой.

— Ах, не знаю, — возразила Роника. — По-моему, мы создали чертовски неплохую систему, пока нам не напортили мау-раи. У нас снова все будет отлично, клянусь Господом.

Она подняла голову, и Иерн вспомнил этот боевой клич — Орион взойдет.

Вдвоем, то подтверждая, то оспаривая друг друга, Роника и Микли набросали Иерну контуры неписаной конституции Северо-западного Союза.

Членство в Ложях осуществлялось добровольно и на любой срок. В теперешние дни значительная часть населения к Ложам не принадлежала, но даже их члены свою повседневную деятельность осуществляли вполне самостоятельно. Тем не менее Ложі оставались фундаментальной основой общества — или обществ — занимавших эту огромную и разнообразную территорию.

Действительно, власть в Союзе была в основе своей местной, выборной и в высшей степени представительной, учитывая публичные сходки, на которых голоса слышались громче. Она следила в основном за полицией и судами. Прочие службы — дороги, школы, библиотеки, госпитали, пожарная охрана, уничтожение отбросов и так далее... нередко даже полиция — действовали либо на основе свободного предпринимательства, либо же оплачивались Ложами (по пути в Сияттл машина дважды останавливалась у турникета, и Микли платил); конкуренция удерживала рост цен, поскольку закон никому не предоставлял исключительных прав.

Над муниципальными властями стояли территориальные; пятьдесят два региона, весьма различавшиеся по размеру и

характеру, органично вырастали из культурной и этнической традиций. Характер местных правительств менялся от парламентарных до аристократических, они собирались периодически, чтобы решить вопросы регионального значения (в этом отношении территории напоминали штаты Домена или племена Федерации), и обыкновенно обладали столь умеренной исполнительной властью, что им приходилось считаться с желанием — или нежеланием — сообществ выполнять в месте своего обитания меры, предложенные правительством.

Слабый аналог Федерального парламента, Великий Совет Союза, собирался ежегодно, во время летнего солнцестояния, и, если ситуация не требовала чрезвычайных мер, надолго встречи его не затягивались. Сходки осуществлялись на острове, лежащем в проливах, с которого легко было попасть в близлежащие города; но дорога все же была нелегкой, и законодатели не особенно стремились затягивать заседания.

Законодательный орган состоял из двух палат. Палата Делегатов была крупнее, в нее входили представители территорий, каждая из которых могла иметь от одного до трех делегатов в зависимости от своего вклада в национальную казну, а размер его она назначала сама, как и способ выбора своих представителей. В Палату Лож входило по одному представителю от каждой, в том числе представители инжунских, эскимосских и алеутских племен, добившихся равного с Ложами статуса. (Некоторые, полностью контролируя свою территорию, не видели в этом нужды.) Председательствовал над всеми Шеф, избранный делегатами по совету и согласию Лож.

Делегаты принимали законы; Ложи имели право вето. Принятые законы не распространялись на территории, чье законодательство входило в противоречие с новым законом. Однако неразумное и эгоистичное несогласие вызывало укоры, даже всеобщий бойкот. Великий Совет занимался в основном интересующими всех вопросами: общественным здравоохранением, защитой окружающей среды, кооперацией между территориями — в очень ограниченной степени. Он даже напрямую не выпускал денег: это делали сами территории. Курс союзного доллара определял степень их участия в общих фондах (валютная система была повсюду достаточно гибкой, обычно основываясь на серебряном или медном эквиваленте или недвижимости — так было лучше; в ходу были и бумажные деньги, однако закон не устанавливал — кто должен их выпускать).

Совет поддерживал существование церковных и исследовательских предприятий в той, во многих отношениях сонной,

рыбачьей деревеньке, где обычно происходили собрания. Для связи пользовались радиофонами, распечатками или же информацию отправляли с нарочным.

Служба Шефа располагалась в Виттохрии. Она ведала оборонными вопросами и иностранными делами. Во всем, что касается обороны, она полагалась на территориальную добровольческую милицию, хотя существовало определенное количество профессионалов. Шеф назначал и смещал дипломатов, а казна кормила небольшую организацию профессиональных экспертов и их подчиненных. Любое международное соглашение — насколько бы ни было оно тривиальным — требовало одобрения обеих палат; поначалу это не было обременительно, поскольку в дни своей славы — после упадка монголов и перед приходом маураев — у Северо-западного Союза не было особых причин считаться с нуждами иноземцев.

Нынешнее время требовало большего смирения, и, представляя собой весь народ, Шеф, Великий Совет и территориальные власти должны были сотрудничать с Инспектором оккупантов во всех своих предприятиях.

— Я вижу медвежью западню, в которую угодили власти, и испытываю известную симпатию к правительству, — сказала Роника. — Наши местные коллаборационисты и оппортунисты также не совсем помогают его престижу. Чем больше власти они хотят получить над нами, тем меньше удобств получают, поэтому они хотят завести побольше законов, оставляющих им простор для уловок, а народ распрямляет спину и пытается найти выход из положения.

— Все не так просто, — продолжил Микли. — Среди нас мало кто нуждается в сильном правительстве. Говорят, что, если бы у нас было такое, мы бы не проиграли войну; а теперь оно нужно нам, чтобы... э... «войти в современный мир» — популярное словосочетание среди интеллектуалов.

— Ах, конечно, — фыркнула Роника. — Всегда находилось известное число меркантильных людей, желающих, чтобы кто-то другой совершал ошибки за них, а интеллектуалы всегда готовы помочь в этом. — Она взглянула на Иерна. — В последние лет десять—двенадцать число членов Лож постоянно увеличивается по сравнению с послевоенным. Простые люди осознают — как и во времена монгских бесчинств, — что им больше некуда обратиться.

— Когда лихорадка сожрет жир, — пробормотал Плик за ее спиной, — наружу проступит истинная плоть, а потом и скелет.

Ближе к Сиэттлу деревни стали тесниться, дороги сделались мощеными, вокруг появились автомобили. Больше всего было грузовиков, автобусов и мотоциклов, встречались даже личные машины; должно быть, в столичном округе числилась не одна тысяча автомобилей. И это помимо многочисленных железных дорог, по которым вечные паровозы тянули составы. Появились провода, подвешенные на деревянных столбах. Иерн узнал, что по ним передавалась электрическая энергия, телеграфные, а иногда и телефонные сообщения. Днем, ночью ли цветные флуоресцентные знаки прыгали по фасадам многих магазинов. С наступлением темноты в домах засветят почти все электрические лампы с углеродными нитями. Немало семейств включают радиоприемники, которые обеспечивают им вечерние развлечения.

— И как вы сумели устроить все это? — удивился Иерн.

— Чистое везение, — ответил Микли. — После войны Судного Дня здесь осталась прорва металла. Один-единственный небокол — так, кажется, звали высотные дома — давал уж не знаю сколько тонн стали и меди; важным источником сырья сделались древние свалки автомобилей; и так далее. К тому же природа наградила северо-запад избытком рек, на которых вырабатывается электрическая энергия, еще мы ввозим уголь с колоссальных месторождений на востоке. Поэтому у нас нет недостатка в энергии или в химическом сырье. Мы получаем алюминий из глины, магний из морской воды, синтетику из угля и древесины... если хочешь, с подробностями можно ознакомиться в инженерной библиотеке.

— Тут нужна была не только удача, — объявил Плик. — Другой народ не сделал бы такого.

— Ага, — с гордостью согласилась Роника. — Мы свободный народ, каждый у нас занимается собственным делом... благодаря которому он зарабатывает себе на пропитание. — Роника проползла через загруженный перекресток. — Надо бы поставить здесь светофор, — заявила она после оживленной перепалки на перекрестке дорог с погонщиком мулов, также не стеснявшимся в выражениях, но признавшим себя побежденным. — Вот в центре их много. Только, чтобы их установить, нужны материалы — в основном электротехнические, которых так не хватает повсюду. Все поговаривают, что электрические кабели можно заменить керамическими трубками, наполненными солевыми растворами; они позволят сэкономить много металла. Но затраты труда потребуются невероятные. — С горечью она продолжала: — Чего бы только мы ни могли сделать,

если бы маураи не мешали! Изобилие энергии... всю бесконечную Вселенную получили бы! Нет же — бояться за свою ничтожную гегемонию...

Микли прикоснулся рукой к ее плечу и осадил:

— Полегче.

...Сиэттл был огромным. В Союзе никогда не проводили переписей, однако считалось, что в городе живет целых пятьдесят тысяч жителей. Иерну город показался уродливым. Безусловно, улицы его были чисты, лошади и вся их четвероногая братия в городе разгуливали в пластиковых подгузниках, как и в Домене. Но во всем прочем не ощущалось мощи промышленных областей, не было благоговейно сохраняемых седых руин, подобных тем, что башнями возвышались над Чай Ка-Гоу. Дома из кирпича и бетона напоминали прокопченные дымом коробки. Пыхтели повозки, фабрики извергали вонь и сажу, пестрели замусоренные рынки: словом, хаос, посреди которого кое-где в поэтическом одиночестве скучали дома, оставшиеся от прежней эры. Увиденное несколько разочаровало Иерна.

Роника отмахнулась от его замечания:

— Но это же рабочий город. Нам не нужны парки; рядом острова и паромная переправа, а до ближайшего леса легко добраться на автобусе. Воздух обычно бывает чище: дождь умывает город за нас. К тому же весьма привлекательные районы еще впереди.

И все же он испытывал неприязнь на уровне более глубоком, чем эстетический.

«Почему? — гадал он. — Неужели Плик прав, и земля эта принадлежит демонам? Нет, это абсурдно. Но откуда тогда это нелегкое чувство?» Иерн не привык копать в себе.

Роника выполнила свое обещание. Толпа кораблей у берега весьма вдохновила Иерна. Потом машина повернула на север, и причалы со складами скоро уступили место домам, окруженным лужайками и садами. Свежий ветерок дул с Саунда, искрившегося вокруг крылатых парусов, обтекал острова, еще отливавшие зеленью, на которой кое-где уже проступали краски осени. Горы вздымались к небу.

Машина свернула в боковой проезд и остановилась у портика. Здание впечатляло — длинное и высокое... из массивных темных бревен. Парадную дверь венчал знак Волка.

— Сиэттлское собрание Ложи, — объявил Микли. — Мать-Ложа располагается к югу, на горе Худ*, на месте, где Волк заседал впервые, но это самое большое собрание, и в его доме мы проведем ночь...

* Совр. вулкан Гуд, штат Орегон.

Обед вылился в настоящий обряд, председательствовал бело-бородый мастер Ложи в голубом облачении, он сидел за столом с покрытой головой, а когда гости поднялись, принял посох из рук прислуживавшего постуланта. Присутствовали еще двое мастеров Ложи — мужчина и женщина и еще несколько персон, в чьем совете явно нуждались. Угощали дарами моря, блюда были великолепны, местное вино тоже. Невзирая на официальную атмосферу в обеденном зале, где висевшие под потолком портреты столетиями созерцали стол, разговор завязался бойкий, хотя Иерну требовался переводчик. Вскоре оказалось, что Иерн рассказывает о своей нации все: историю, сегодняшний день и надежды.

После обеда все перешли в палату, мрачное великолепие которой одновременно и смягчалось и углублялось собранными в ней реликвиями. Роника показала их юропанцам: знамена и оружие с полей минувших битв, в которых нормены отразили натиск монгов; логарифмическая линейка, принадлежавшая руководителю первой инженерной бригады, восстановившей гидро-энергетическую плотину, невзирая на мучительные болезни и докучливых туземцев; журнал корабля, осмелившегося нарушить арктическое безлюдье и, презирая туманы и бури, в течение трех лет промерявшего ледяные воды, чтобы восстановить карту... Памятки о Волках, хорошо послуживших своему народу и принесших славу своей Ложе. В особенности Иерна тронули таблицы логарифмических и тригонометрических функций. Вскоре после войны Судного Дня их переписывали от руки в каком-то глухом уголке общества с изрядно потрепанной печатной книги.

Прислуга расставила напитки, принесла все нужное для курения и исчезла. Занавеси скрыли заслезившуюся дождем ночь. Все заняли кресла и уселись для серьезного разговора.

Роника даже не пыталась держать иноземцев в курсе дела, этому мешало ее стремление опустить в поток собственное весло. Пару раз она вступила в серьезный спор. А спустя несколько часов Микли подвел итог:

— Мы не можем рисковать тем, чтобы наш секрет раскрылся. Не сомневаюсь, что вы не предадите нас преднамеренно. Однако ваше присутствие может предоставить врагу ключи, а маураи будут активны, в особенности после сообщения, переданного Тераи из Юропы. Итак, Иерн, вы получите безопасное убежище, о котором просили. Увы, мы не можем позволить вам установить контакты со своим отечеством, по крайней мере в ближайшее время, но разве вы рассчитываете приступить к ним немедленно? Подождем год или два, посмотрим... куда прыгнет кот. Не сомневаюсь, что вам будет интересно узнать нас поближе. — Он усмехнулся. — В особенности если учесть, кто станет вашим учителем.

Роника ничуть не смутилась.

— По-моему, я заслужила отдых, — вставила она.

— А как насчет меня? — спросил Плик. — Когда я могу вернуться назад?

— Прошу прощения, но придется подождать и тебе, — ответил Микли. — Однако мы уладим твое пребывание здесь, насколько это возможно. — Он прокашлялся. — Наши друзья, безусловно, на первых порах будут более заняты друг другом. Мы предоставим тебе комфорт и развлечения, Плик, а Иерн будет навещать тебя время от времени.

— Понятно, — медленно сказал англеман. — Ну что ж, бренди здесь намного лучше, чем тот, который я могу позволить себе дома. Что до моей Лозы... — Просвистел вздох. Опустошив бокал, поэт наполнил его заново, уже менее твердой рукой. — Вы меня не осудите, если я угощусь еще разок?

— А что будет с Тераи и Ваироа? — поинтересовался Иерн. — Где они?

Заслышав имена врагов, северян словно окатили раскаленным металлом.

— Будут числиться военнопленными, — ответил Микли. — Мы не станем плохо обращаться с ними.

«Итак, война». Иерн и Плик переглянулись. Дождь барабанил по оконным стеклам.

— Надеюсь, что они смогут вернуться домой, когда Орион взойдет, — торопливо добавила Роника.

— Умолкни! — воскликнул Микли.

Она кисло глянула на него.

— Молчу, молчу, — ответила она на том же английском. — И все же лгать не стану — ни словами, ни умолчанием.

Сидевший аэроген обхватил себя за плечи.

— Мне бы хотелось попрощаться с Тераи и Ваироа, — сказал он.

— С ними все будет в порядке, они останутся живы, если не ударятся в безрассудство, — обещала Роника. — Возможно, ты сумеешь встретиться с ними, когда получишь возможность вернуться домой... когда весь мир станет свободным.

3

Остров Ванкуве*, за проливом Уэнди Фука**, трудно было назвать местом ссылки.

* Совр. о. Ванкувер на Тихоокеанском побережье Канады.

** Совр. пролив Хуана де Фука.

Воспользовавшись чужими именами, Иерн и Роника провели первые три дня в Виттохрии. Одевшись по-местному, Иерн не привлекал внимания здешних космополитов, обитателей города, невзирая на чисто выбритые щеки и относительно короткие волосы. Роника же пользовалась понятным и привычным — не более — вниманием со стороны мужчин. На людях Иерн завязывал горло, она поясняла, что муж ее оправляется после хирургической операции и потому не разговаривает. Однако состояние гортани не мешало ему хорошо есть; да и Ложа Волка не стала экономить на них.

Виттохрия являла собой почти полную противоположность Сиэттлу. Этот в основном культурный и в меньшей степени политический, но не торговый центр сохранил, несмотря на все протекшие века, легендарное изящество, которым прославилась Виктория еще перед войной Судного Дня. Уцелевшие с древних времен здания были с любовью отреставрированы; большая часть новых сооружений гармонировала с ними; парки и сады были повсюду. Роника показала Иерну окрестности, исторические места, знаменитые виды, музеи, университет, в котором училась. Каждый вечер они куда-нибудь ходили — в концерт, на балет или инжунские пляски, а потом возвращались в гостиницу, чтобы насладиться друг другом.

Он уже начал осознавать, что почти «полная противоположность» родине была не более чем заблуждением. Да, люди казались здесь покультурнее и не такими суетливыми, как дома, но в них обитал тот же демон энергии и воли. Он угадывал ее в отчаянных гонках на лодках, заплывах, играх с мячом; в напряженном изгибе моста или статуи; в Зале Предпринимателей, где ежедневно ввывешивали сообщения о перспективах на выгодное размещение денег по всему земному шару; в людных, шумных и дымных тавернах, где пиво пили литрами, заливая зельем покрепче; на стенах, сохранивших следы уличных боев Энергетической войны и бунтов против маураев; в свободных походах здешних мужчин и женщин. И в раздраженных взглядах и резких словах, обращенных к редким на улицах маураям.

— А мне жаль их, — сказал однажды Иерн, оставшись вдвоем с Роникой. — Должно быть, более скучного дела не сыщешь на всей земле.

— Наверное, — согласилась она. — Инспекторов в наших краях не густо. Конечно, ставлю серебряную монетку против капустной кочерыжки — все эти маурайские, так сказать, моряки — бизнесмены, ученые и туристы — просто агенты в штатском.

— И как вы с ними обходитесь?

— По обстоятельствам. Кое-кто не будет даже разговаривать с маураем, только плюнет, проходя мимо. Некоторые держатся холодно и вежливо. Но теперь многие стремятся понять маураев и относиться к ним по справедливости. А некоторые откровенно прислуживают им.

— Ну, наверно, иногда завязывается и настоящая дружба... всякие любовные пашни и браки.

— О да, без этого никак... Кстати... — Она потянулась к нему.

...Потом они перебрались в хижину, принадлежавшую Ложе Волка, и провели там остаток месяца — в уединенном, очаровательном уголке на западном побережье.

Земля круто поднималась от моря, за обрывом дремал сонный лес, за ним дыбились горы. У них было все необходимое: припасы, книги, радио, фонограммы и музыкальные записи, лодка и рыболовные снасти. Когда им хотелось разнообразия, можно было проехать на велосипеде несколько километров до грунтовой дороги, к остановке автобуса. Обычно их интересовали красоты природы — огромный остров был заселен весьма редко, иногда они забредали в рыбацкую деревушку, в ее уютный паб.

К этому времени Иерн научился говорить на английском, постепенно обретая уверенность. Роника настаивала, чтобы он обходился в разговорах с ней только английским, не прибегая к другим языкам, хотя бы половину каждого дня. При людях он, как и раньше, изображал немого, однако к концу месяца она сочла, что можно объявить его выздоравливающим, и разрешила произносить простейшие фразы — голосом, так сказать, еще не возвратившим природной интонации. Она по-прежнему вела за него все разговоры, легко переходя от истинных воспоминаний к бесстыдной выдумке.

Это был выносливый и упорный народ. Из невысоких крохотных домиков, способных устоять под любым ветром, в утлых лодчонках отправлялись они в океан. Среди могильных камней на кладбищах было немало таких, под которыми не было могил; столетия стерли многие имена, но не могли изгладить отвагу.

Те, кому везло, возвращались к своим женам, работавшим, по крайней мере, столь же усердно, как и мужья; и к детям, которые всегда посещали школу, невзирая на обязанности. Они шли в церковь, потому что верили Иазу; потом заходили в лавку и, конечно, — в таверну; обычно владелец отводил под нее комнату в своем доме; автобус, велосипед или пони, впряженные

в тележку, доставляли их до селений побольше; там стояли дома Собрания Ложи — обычно простая потемневшая от непогоды изба.

— Мне нравится твой народ, — сказал Иерн Ронике в их коттедже. — Чем больше я узнаю этих людей, тем больше они мне нравятся...

Она улыбнулась. Лампа янтарем заливала ее волосы и кожу, тени, колеблясь, подчеркивали очертания крепкого тела, глубокую впадинку между грудями. Она готовила обед, и тепло комнаты пахло ароматами пищи и — чуточку — смолой. За окнами царила ночь, но звуки мира пробивались внутрь — ропот прибоа, колыхание деревьев, крик совы.

— Тебе нравится все, что вокруг, — улыбнулась она. — Такой ты у меня человек.

— ...И тем меньше я их понимаю, — продолжил он из кресла, в котором сидел, восхищаясь ею.

Готовила она несравненно лучше, чем он, а Иерн мыл тарелки после еды: разумное разделение труда. Еще она искусно колола дрова кремневым топориком, на котором сама навела, как положено, острую кромку, а он только таскал поленья домой.

— Как так? — продолжила она деловитым тоном.

Каменная плита, лежавшая сверху на кирпичной печке, прогрелась, и вода закипела в сосуде из теплостойкого стекла, поставленного в отверстие над огнем; алюминиевая сковородка с синтетическим покрытием уже раскалилась, ожидая жаркое.

Он подыскивал нужное слово:

— Не знаю, как сказать, даже не могу задать правильных вопросов. Но это же форменное противоречие — с одной стороны, всеобщий индивидуализм; тут тебе и свободные фермы, и мелкие, но вполне самостоятельные бизнесмены, шкиперы, распоряжающиеся жалкой лодчонкой, но идеал у всех...

— Моя мать и приемный отец рассказывали мне, что перед войной люди не были настолько озабочены заработком. Все шло как бы само собой. Я вижу в этом реакцию на маураев.

— Так, но, с другой стороны, возьмем эти Ложи, регламентирующие жизнь своих членов... или я ошибаюсь?

— Объяснить так сложно, — сказала она. — Даже не знаю, сумею ли я это сделать, поскольку выросла в этом обществе. Ты смотришь на нас со стороны и, должно быть, кое-что видишь яснее, чем я. Давай-ка продолжим этот разговор за обедом.

Иерн был в восторге. Он давно успел убедиться, что женщина эта выросла среди варваров. И он никак не мог понять, какова она на самом деле.

Северо-западный Союз никогда не был основан, он просто рос — сам собой. Наименование восходило к ассамблее Виттохрии, зафиксировавшей сложившиеся отношения. Однако после нее прошла еще сотня лет, прежде чем перестали присоединяться новые территории.

В темную и бедную хрониками эру, последовавшую за войной Судного Дня, когда города гибли или умирали на корню, климат стал холодным и буйным, хворала сама природа, и уцелевшие жители Северо-запада входили в контакт лишь с захватчиками-монгами, каким-то образом сумев одолеть их. Необходимость держаться вместе — плечом к плечу — и породила Ложи.

Здесьшний народ всегда был самостоятельным и склонным к общению. У них были свои церкви, клубы, гражданские организации, добровольные службы и тому подобное. Старейшие Ложи — Оленя, Лося, Льва и Масона — возводили свое происхождение к временам, предшествовавшим катастрофе. Они послужили ядром и примером; аналогичным образом уцелевшие небелые аборигены, сохранившие остатки трибализма, возобновили его в новых формах. (Являя тем самым почти единственную аналогично ранней маурайской истории.)

Сперва Ложа считалась мужской организацией, предназначенной для взаимопомощи. Чаще всего помощь эта носила военный или полицейский характер. Здесь, там и далее Ложа становилась милицией, набирала рекрутов, обучала их, изготовляла и копила материалы, строила опорные точки и укомплектовывала их людьми... воевала — когда была необходимость. Добавим к этому ее гражданские функции. Ложа организовывала медицинские и пожарные команды, заботилась о престарелых, искалеченных и осиротевших, отвечала за сохранность книг и прочих реликвий, строила школы для детей, создавала общественное мнение, формировала цивилизованное поведение. Обряды, костюмы, инициации, ранги, мистика давали членам Лож силу: в них был и отдых, и восстановление. Членство всегда было добровольным, поскольку призраки древних Соединенных Штатов и Канады еще долгое время терзали умы людей; но когда Ложи окрепли, нашлось немного желающих держаться вне их покровительства.

Постепенно и неторопливо Ложи распространяли свое влияние за пределами своих первоначальных Собраний. Члены Лож, перебиравшиеся на новое место, основывали дочерние собрания в тесном взаимоотношении с первоначальными. Выработав иерархию для принятия решений, братства всегда сохраняли кое-что в тайне, а военные функции Лож подкрепляли эту привычку. Постепенно высшие офицеры стали распоряжаться значи-

тельными силами, однако не бесконтрольно, любой недовольный мог затеять на общем собрании голосование против неугодного ему решения, обратиться к гражданским властям или просто покинуть Ложу. Однако, когда речь заходила о ресурсах, природных и человеческих, общества, расположившего свои Собрания от Берингова моря до мыса Мендоцино*, вкладывавшего средства во все предприятия, начиная от фермы и кончая интерконтинентальными торговыми компаниями, сила эта делалась весьма влиятельной. В отличие от некоторых аборигенных племен, которые воспользовались этим именем, Ложу не следовало отождествлять с местностью. Географически их территории налагались. В начале истории Союза члены какой-нибудь из них могли иногда оказаться во враждующих лагерях во время стрельбы. (В те времена столкновения мексиканцев с индейцами происходили достаточно редко. Чаще всего случались стычки между драчливыми и обычно недолговечными городками. Когда норрмен воевал с норрменом, или монг с монгом, он не гнушался искать союзников среди чужаков. Козни и предательства трудно было счесть. А потом среди коротких перемирий могущественные семейства заключали перспективные браки за рубежом, расцветала торговля товарами и идеями и возникал блестящий центр наук и искусств, привлекая к себе иностранцев и местных жителей.)

Братства, впрочем, старались смягчить борьбу и собрать родственников вместе. Они хотели, чтобы норрмены выступили против монгов, отогнали их с восточных гор... потом оставалось выковать новую и единую цивилизацию.

В этой цивилизации человек делал то, что считал необходимым. В основной массе общественных дел он участвовал через свою Ложу. Государству было оставлено не так уж много обязанностей, и оно предпочитало, чтобы так все и оставалось.

Они: он и она. Еще перед Судным Днем жители Северо-запада успели привыкнуть к тому, что оба пола обладают равными политическими правами. Лишь немногие их сообщества забыли впоследствии это правило, да и те все равно потом вернулись к нему. Бессмысленно голосовать за времена юношеских скитаний, но труд и опыт жены означал все, и она имела право на свой голос в городском Совете. С самого начала Ложы видели в своих женских отделениях важную опору для общего выживания. Времена становились менее отчаянными, детей требовалось меньше, одновременно становилось больше дел, в которых

* Мыс на севере штата Калифорния возле города Юрика.

женщины могли принимать полное участие. Понемногу Ложи допустили их до членства первого класса. (Чего там, они всегда наставляли мужей, как надо голосовать, усмехалась Роника.)

В нынешние времена при браках членов двух различных Лож — подобная ситуация случалась чаще обратной — или же когда кто-нибудь из Лож вступал в брак с чужаком, что бывало тоже нередко — было принято, чтобы один из супругов переходил в другую Ложу. Но к этому не принуждали. Человек вправе сохранять старые связи и не проходить заново стадию послушания.

Обычно член Лож выплачивал положенный взнос, выполнял назначенные обязанности, принимал участие в обрядах и праздниках. Он или она могли занимать в Ложе ответственный пост, становиться в ней наемным работником. Членство в Лож в первую очередь вселяло в людей чувство солидарности, преемственности, взаимопомощи; Лож предоставляли школы, социально-медицинскую помощь и кров тому, кто оказался без крыши над головой, возможность для отдыха и исследований; душевный огонь, возникающий от свободной службы, придавал жизни цвет, блеск и веселье.

И кое-что еще...

Ложа Волка возникла возле горы Худ, куда монги так никогда и не добрались; в этих краях было несложно оборониться от любых смутьянов. Поэтому Ложа Волка была не столь озабочена военными действиями, как восстановлением порядка и производства, сохраняя, по возможности, наследие погибшей цивилизации. Волк принимал участие в общей обороне, поставлял большое число офицеров, в особенности инженеров и штабных. Потом Ложа Волка решила готовить ученых, преподавателей, инженеров, физиков, любых специалистов высокой квалификации, потребность в которых заставляла Собрания Лож пущинками одуванчика разлетаться во все стороны. Их престиж позволял Лож более требовательно относиться к новым кандидатам. К нынешним временам взносы в Ложу Волка были самыми высокими во всех градациях членства, и хотя внутренняя pompa и блеск уступали почти любой другой Лож, не было Лож более влиятельной в технике, науке, коммерции, искусстве, образовании... в военных, гражданских и национальных делах.

Конечно, Волк соблюдал все свои обряды, начиная с положенных при открытии и завершении регулярных собраний. Самым торжественным был день Возвращения, когда в средизимний Сочельник собрание сходилось, чтобы помянуть усопших. День

Летнего Солнцестояния приносил с собой воздание Почести. Пирушки сопровождали инициации, повышения в ранге, браки, крещения и золотые годовщины. Похороны оформлялись величественно, суды были суровы. Волки принимали участие в местных празднествах, впрочем, без особого пыла, и занимались филантропической деятельностью: школами, культурой и наукой, милицией — все как обычно, — не забывая про собственные столь же полезные коллективные предприятия, долю в частном бизнесе и представительство в Великом Совете. В целом Ложа Волка более прочих полагала, что члены ее сами будут строить свою жизнь и судьбу. Она предоставляла им скорее помощь, чем поддержку. Взамен Ложа ожидала от них труд и взносы и не задавала лишних вопросов. Демократичная в местных домах собраний, она становилась весьма олигархичной на более высоких уровнях, где умели держать язык за зубами. Члены, которым не нравилась эта надстройка, неоспоримо бывшая необходимой двадцать лет назад в военное время, вольны были жаловаться, требовать расследования, импичмента или отставки. Кое-кто так и поступал, но на них не обращали особого внимания. Среди Волков древние законы стаи оставались столь же незабываемыми, как — некогда — связь между Капитаном и аэрогенами. Такова была Ложа, затеявшая Орион и до тех пор возглавлявшая все труды, чтобы добиться его восхода.

4

Под солнцем, клонившимся к западу, волны вспыхивали зеленоватым огнем, отливали пушечным металлом и ртутью. Во всей грозной мощи валы катили к берегу, вздымались и разбивались об утесы, поднимая пенные фонтаны. Ветер со свистом рвался в леса и истоиво трепал ветви, срывал желтые, красные, бронзовые листья. И давил, обтекал, кружил, нес влагу... соленую морскую пену, запахи водорослей и дальних странствий. Кружили и мяукали чайки: черная казарка встала на крыло, заметив поблизости вынырнувшую морскую выдру, вдалеке время от времени среди волн вдоль берега вздымался кит; корабль скользнул под парусами у горизонта, оставив в памяти свои белые крылья.

Полоска густой травы у края обрыва, где расположились Иерн и Роника, благоухала запахами осени.

Побродив по лесу, они присели на берегу передохнуть, понаблюдать за проплывающими мимо китами. Роника обхватила колени. Взгляд ее скитался у края вод — где-то на северо-

западе, обращенный к дому или к небу. Она призадумалась, губы ее приоткрылись. Иерн прикоснулся к рукаву... шерсть макино* шершавила его пальцы.

— Ты сегодня почему-то печальная, — сказал он.

Роника глянула на него. Волосы ее спускались на плечи. Только один локон выбился из-под кепочки и трепетал на лбу. В жизни своей он еще не видел ничего более родного.

— Неужели? — спросила она, словно бы медленно пробуждаясь.

— Ты сегодня такая весь день. Ты пыталась справиться с собой и казаться радостной, но я уже успел узнать тебя, Роника.

Она вздохнула с горькой улыбкой:

— О'кей, будем откровенными. Боюсь, что все это скоро кончится.

Разочарование кольнуло его.

— Нет, этого не может, не должно быть!

— Мы с тобой прожили чудесный месяц. Я не помню лучшего времени в своей жизни. Но я не имею права вечно паразитировать. У меня есть работа, родня... мастер Ложи дал мне отпуск на месяц. Для меня это щедрая награда. — Зеленые глаза беспретпетно глядели на него. — Но тогда я не представляла, как тяжело будет сказать тебе: «До свидания».

На момент голова его пошла кругом, отдавая барабанной дробью в ушах, так что, казалось, смолк даже ветер.

— Неужели надолго? — протонал он.

Боль исказила строгое лицо.

— Не знаю. Я попытаюсь получить отпуск и встретиться с тобой, прежде чем... взойдет Орион... но все зависит от многих обстоятельств... и еще от того, насколько нужны им мои услуги. Не бойся, Иерн. В воздухе над Красной ты спас мечту Волка, Ложа этого не забудет. Мы не можем позволить, чтобы маураи узнали о тебе; ты знаешь слишком много, знаешь и о том, куда мне предстоит направиться; если их врачи прибегнут к наркотикам, то скрыть эту тайну вряд ли удастся. Тебе предоставят пристойное место для жилья, а потом — надеюсь — мы поможем тебе возвратиться к себе на родину.

— Но надолго ли мы расстаемся?

— На год, может быть, на два... не знаю. Я всего лишь младший инженер, и меня не было там столько...

— Итак, я должен тебя ожидать... — взорвался Иерн, ударив кулаком по ладони. — Нет, черт подери! — завопил он на английском. — Это не для меня! Я слишком тебя люблю!

Она ахнула:

* Шерстяная накидка или одеяло.

— Ах, Иерн, ах, Иерн. — И они упали друг другу в объятия.

...Смеясь, со слезами, поблескивающими на щеках, она поднялась на локтях и неуверенно сказала:

— Ну что ж, летун, ты победил; я все твержу себе, что это судьба. Ты был чужаком, сперва мне было только интересно, но я еще не встречала человека, который настолько бы увлек меня и заставил себя уважать. Впрочем, я так долго была одна... Ну что ж, я оказалась недальнозоркой. Ничего не заканчивается с этим совместным отдыхом... я хочу быть с тобой всегда.

— И я. — Он нагнулся, чтобы поцеловать ее во впадинку, где сходятся ключицы. От гладкой и теплой кожи пахло летом — минувшим и теми, которым наверняка еще надлежит прийти. — Вместе нам будет нелегко, Роника. Мы с тобой не просто разной национальности... мы принадлежим к различным культурам... Но я... — выдавил он, припав к ней лицом. — Теперь только я начал понимать, насколько ребячливо вел себя всю свою жизнь. И я не могу исправиться за пару недель.

— Ах вот оно что! — Она взлохматила его волосы. — А не одеться ли нам, пока напроць не замерзли.

Так они и поступили, а потом сели и взялись за руки, обменявшись улыбкой и легким поцелуем. Ветер, киты, прохлада, заходящее солнце отодвинулись в небытие.

— Ты поедешь со мной на Ляску, — радостно проговорила она. — Я могу это устроить. По сути дела, для тебя нет более безопасного места.

— Но я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Как насчет свадьбы... я не знаю, какие у вас обычаи на этот счет. По закону аэрогенов Фейлис может получить развод только через год и один день после того, как подаст заявление, если оно останется неопротестованным. А как относится законодательство Союза к браку, совершенному в другой стране и более не являющемуся действительным?

— По этому поводу законодательство Союза набрало в рот воды. Неужели ты полагаешь, что мы позволяем правительству вмешиваться в столь важные вещи? И нечего понапрасну тревожить свою красивую головешку. Мои родственники все поймут, а формальности мы уладим, когда получим такую возможность.

Они обнялись, а потом она посерьезнела.

— Давай-ка обдумаем еще кое-что, мой дорогой, — предложила она. — Там, куда мы направимся — если, конечно, не передумаешь, — тебя ждет не тихое убежище с невинными сельскими развлечениями — задворки культуры. Тебе не решать ни отпусков, ни внешних сношений до завершения рабо-

ты, а до этого как минимум может пройти еще пара лет. Я буду занята — что твой однорукий осьминог, и, приходя домой, буду валиться с ног. Наши действительно торопятся. Быть может, меня снова отправят разыскивать делящиеся вещества, а ты не умеешь этого делать. Конечно, Ляска — страна живописная, там тебе — охота, рыбалка и все прочее... Но и суровая зима на носу. Рассчитывай на то, что все время придется сидеть дома.

— Ну, — возразил он, — полагаю, что мог бы...

— Иерн, — перебила она его, — ты только что назвал себя ребячливым, быть может, так оно и есть в известной мере, но в главном ты — мужчина, энергичный и не любящий отдыха. Неужели ты сможешь вести жизнь наложницы мужского рода?

«Сумею ли?» — удивился он про себя.

— А надо ли? — услышал он свой напряженный голос.

Она помрачнела.

— Да. И... о Боже... — Она стукнула кулаком о землю. — Чем больше я думаю об этом, тем более думаю, что подобная ситуация отравит наши отношения. Быть может, нам все-таки лучше расстаться? Как бы долго ни продлилась разлука.

— Нет! — он вспыхнул гневом. — Зачем держать меня пленником? Разве я не заслужил доверия?

— Орион — предмет для нас чересчур важный, мой дорогой. Чересчур важный для меня самой. — Она выложила все напрямик. — Ты ведь говорил, что как сеньор своего Клана выказывал особое расположение маураям.

«Я могу накричать на нее и разрушить то счастье, которого мы добились, — сверлил новый голос голову Иерна. — Или же я могу ответить осторожно, вдумываясь старательнее, чем когда-либо в жизни».

Пытаясь умно подбирать каждое слово и говорить ровным голосом, он поешился.

— Роника, слушай. Действительно, я стремился к более близким отношениям с маураями. Но... тогда я считал, что будущее науки и техники принадлежит им. А у вас я узнал, что Союз продвинулся в этом направлении, быть может, дальше. Неужели оба пути несовместимы? Неужели освобождение Союза означает гибель маураев?

— Ах нет, — прошептала она. — Я же говорила тебе, что Орион — не оружие. По крайней мере, он не может убивать людей миллионами. Если все сложится как надо, мертвых не будет.

— Итак, ты можешь работать над ним с чистой совестью?

— Да. — Нелгкое воспоминание о Плике вползло в память Иерна. Он отбросил его, повинувшись порыву... как во время

того полета в бурю или перед прыжком из Скайгольма. Иерн ощутил, что это решение давно тайно созревало в нем. И теперь вырвалось на свободу.

— Почему тогда я не могу присоединиться к вам? — потребовал он ответа.

— Что? — воскликнула она.

Голос его отдавался в голове.

— Запиши меня в вашу лавочку. По твоим обмолвкам я уже отчасти представляю, чем может оказаться ваш Орион. Если я не ошибаюсь — великолепно. Я хочу помочь вам. И если я не прав, все равно постараюсь помочь вам. Я предлагаю вам свои услуги... помимо технического образования, я еще и первоклассный пилот. Могу сделать пару полезных предложений. Роника, беру меня.

— Иерн, Иерн, Иерн! — Он заключил ее в объятия. — Иерн, мы вместе увидим, как взойдет Орион.

Вовсю свистел ветер, волны мощными валами катились к берегу: от Северного полюса надвигалась зима.

Глава 17

1

Новый порыв ветра вырвался из Саунда и, взмыв над городскими домами, сбросил дождь на крыши и улицы. Вода хлестала струями, бурлила в канавах, поблескивала на мокрой мостовой, под фонарями, гнавшими раннюю тьму. Улицы были полны пешеходов в плащах с капюшонами, велосипедистов и мотоциклистов в пончо, пузырились лужи, мылись под дождем автомобили и автобусы, то и дело проскакивал всадник, проползала телега, влекомая животными. Гудки, звяканье, стук... шумные вокзалы, дворы, доки, фабрики, работавшие допоздна. В небе — огненные вывески таверн, ресторанов, игорных домов, театров, публичных домов. К дверям их жались бродяги, другие слонялись по переулкам, стараясь удержать в себе тепло, которое приносила доставшаяся по случаю кружка дешевой выпивки или сигарета с марихуаной.

Патруль Инспектората шествовал по нижнему Сизттлу, намерзая ледяной коркой, от них разбегалось молчание, и повсюду сапоги маураев топали в неимоверной тишине. Все были вооружены; не просто дубинками и ножами — пистолетами и винтовками. Патрульные шли тесным строем и неприязненно

поглядывали по сторонам. Казалось, они были бы рады открыть огонь... это мягкосердечные-то маураи, так стремившиеся после войны завести здесь друзей.

Но дом Элвина Халмера не видел их. Он прятался среди старых домов, местами еще сохранившихся в индустриальных районах, проглотивших соседние кварталы. В теплой гостиной, уставленной всяческими реликвиями, неяркие отблески очага ложились на пастельные обои. Устройство камина было тщательно продумано, но сложен он был из грубых камней, над резными костяными подсвечниками на каминной доске висела эмблема Волка, выжженная на куске моржовой шкуры.

— Шах... и как будто бы мат, — объявил Плик.

Его хозяин и страж поглядел на доску.

— Черт побери! Ты прав. Ну что ж, неплохая партия. — Тон его противоречил словам.

Плик распрямился и вышел из-за стола к буфету с бокалом в руке, чтобы налить себе виски. Норрмен покачал головой.

— И как это ты умудряешься? — удивился он. — Пьешь так, что вот-вот разоришь Ложу, и тем не менее выигрываешь у меня три партии из четырех.

— Быть может, тебе тоже лучше бы выпить, — предложил Плик. Теперь его английский был вполне приличным. — Раз Ложу проявляет ко мне любезность и платит за все, наверное, я могу поделиться с тобой. По-своему я прав: твои хозяева хотят, чтобы я был доволен своим заточением, а кто может радоваться, когда пить не с кем.

Элвин нахмурился:

— Ты же знаешь, что я тут ничем не могу тебе помочь, мне надо сбросить лишний вес.

Среди маураев своего возраста он бы не вызвал удивления. Однако в этих краях полнота не была в обычае.

Плик ухмыльнулся. Жидкость забулькала в горлышке бутылки.

— Я знаю, я как раз сочинил для тебя песню, мой друг.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну же... я говорил тебе, что дома был сочинителем всяких баллад. Позволь, спою — без сопровождения...

Доктор сказал — диета: так есть, а вот так пить.

Я кивнул и подумал: все-таки будут кормить.

Потом заглянул в тарелку — крохи, но главная боль:

В моем бокале водичка, а не алкоголь.

Боль! Боль! Боль! Водичка не алкоголь!

Боль! Боль! Боль! Водичка не алкоголь!

- Неплохо для тебя, — буркнул Элвин.
Плик вернулся в свое кресло.
— Слушай дальше.

*Милка, моя умилка! Я в ужасной тоске —
Кормят меня как птичку, ругая при каждом глотке.
Мой рацион, голубка, очень похож на ноль,
Но хуже всего: водичка не заменит мне алкоголь.
Боль! Боль! Боль! Водичка не алкоголь!
Боль! Боль! Боль! Водичка не алкоголь!*

(Следующий куплет требует женского голоса.)

*Миленок мой, приободришься, голубем не стони.
Знаю я верное средство: вот как будем одни,
Прыг в постель и, как хочешь, метель. Но уж изволь —
Забудь про диету и алкоголь.
Боль! Бо...*

— Ну-ка, цыц! — воскликнул Элвин, сжав кулаки. — Ты решил еще посмеяться надо мной, тощая свинья, жалкий пьянчуга?

Плик потянулся к трубке и горшочку с табаком.

— Да нет же, с чего это ты взял? Во всяком случае, не более над тобой, чем над собой.

— Целый месяц я испоганил на тебя и твою охрану...

Побагровевшие от выпитого щеки англемана приобрели еще более густой оттенок.

— Трудись на свою паршивую Ложу, получишь повышение за труды, переведут на следующую ступень... Назовут клоподавом первого класса, что там у вас на этот счет принято. Или ты полагаешь, что мне приятно сидеть в твоей конуре, да еще чтобы гулять выпускали только на коротком поводке?

— Ага, и к кошкам на ближайшую крышу. Они выбрали мой дом не просто из-за расположения, но и потому — ты, сукин сын, сам знаешь это, — что моя жена уже год как в могиле и я не шлюсь...

— Если ты считаешь, что я преднамеренно... это оскорбление, сэр.

Они яростно глядели друг на друга через стол, напряженность, собиравшаяся неделями, готова была разразиться грозой... Бурю унял один из стражников — он вошел, как всегда, при ноже — они следили, чтобы Плик оставался в доме, и сопровождали его в городе по различным оказиям.

— К вам гость, — объявил он.

Вошел Иерн. Аэроген скинул дождевик, но влага еще покрывала лицо, казалось, источавшее запах вечернего дождя. За ним невозмутимо следовал его собственный адъютант.

— Добрый вечер, — сказал Иерн на английском.

— Рад, рад, рад и еще раз рад! — Плик сорвался с места и, оступаясь, рванулся навстречу другу. — Кому еще, кроме Лозочки, могу я так радоваться? — булькнул он, отступив назад. — Ну как ты, старина?

— Дела все, — рассеянно отвечал Иерн. — А ты?

— Хм, здесь, конечно, уютно, меня просто завалили развлечениями; прогулки там, театры, книги, сам представляешь — но время все равно тянется, как резина... Но к черту мои горести — в особенности если ты принес мне свободу. Так ведь?

Иерн помедлил.

— В известной мере.

Они разговаривали на английском. Элвин Халмер недоуменно кашлянул.

— Да-да, правильно. — Иерн перешел на английский. — Мой охранник все понимает. Но, все равно, извините. — Он решил приступить к делу. — Я пришел, чтобы обсудить свои планы с вашим гостем.

— А почему в такой поздний час? — спросил Плик.

— По вполне очевидной причине — чтобы не привлекать внимания. Теперь в Сиэттле маураи кишмя кишат, как, наверное, и в каждом городе Союза, в который могут добраться. Сумели даже еще прислать.

Плик внимательно посмотрел на Иерна:

— Итак, ты решил встать на сторону северян.

— Умм... в известной степени. Но я не могу разговаривать с тобой о подробностях, пока ты не примешь решения.

Они сели. Элвин заставил себя проявить гостеприимство и предложил выпивку. После того юропанцы не замечали остальных.

— ...Я отправляюсь с Роникой на север. Вне сомнения, ты прекрасно понимаешь, в чем дело, но я обещал молчать, да и, по сути дела, мне ничего не сказали, обещали все объяснить в пути. Не хочешь ли ты отправиться с нами? Учти, на все уйдет год или два. Если ты откажешься, весь этот срок тебя продержат здесь в заключении. Но здесь ты сохранишь все развлечения, которые только что перечислил, а в тех краях, где мы окажемся, о них придется забыть.

— Ну вот, уже и разговариваешь, как она.

— Неужели? Ну что ж... я попросил за тебя, она уговорила своих начальников; словом, Ложа тебя приглашает. Я считаю,

что ты заслужил, чтобы тебе предоставили право выбора. Там тебе будет менее одиноко. Но вообще-то не исключено, что подобное приглашение принимать просто глупо.

Плик вспыхнул.

— Глупо? При чем тут скулящий от страха слабый умишко, когда представляется шанс увидеть гибель богов? Конечно, я согласен!

Иерн пристально разглядывал его: тени порхали по худощавой физиономии поэта, а в глазах его мерцали отсветы очага.

— Не понимаю тебя.

— Неужели ты, изгнанный принц, не понимаешь? — по-лились слова. Плик отчаянно зажестиковался. — Ну что ж, такое часто бывает; он не знает себя самого — кто он есть и кем был прежде, пока не вернет своего королевства или не встретит смерть. Здесь ты попал в миф; понимаешь, полностью погрузился в него. Ты стал на сторону Ориона, а в этих краях он — спящий герой, который пробудится, чтобы освободить свой народ, или же гигант в цепях, который разорвет свои оковы и приступит к отмщению. Мертвецы оставляют свои могилы. В этой дождливой земле я увидел, как древний мериканский дух восстает из земли, в которой он покоился столько столетий, и основания мира уже сотрясаются...

— Плик, ты пьян, ты снова напился.

— А как же иначе? Иди сюда, выпьем, пока у нас еще есть такая возможность.

2

Полог тумана, густого и белого, скрывал даже ближайшие деревья. От вечной сырости Тераи постоянно чихал... она отдавала могилой. Безмолвие царило в доме. Изредка вдалеке запевала труба, но не призывая, а скорее скорбя о давно потонувших кораблях.

В хижине было и тепло, и светло, однако куда деваться от холода, ее обступавшего? Тераи видел причину в том, что хижина служит тюрьмой, и окна ее — на скорую руку — прикрыты прочными решетками, а входная дверь укреплена и забита гвоздями. Им с Ваироа была отведена половина домика, и через внутреннюю дверь были слышны голоса охранников в другой его половине. Они сидели за покером, Тераи хотелось выйти и присоединиться к ним, чтобы просто чем-то заняться, нарушить однообразие, но у него не было денег. К тому же игра игрой, но он сомневался в том, что его примут: скука заставляла северян

недовольно коситься на пленников. Маураи могли бы завязать со своей стражей лучшие отношения, и теперь уже было поздно заводить дружбу.

Тераи расхаживал между стен из суковатой сосны. Трубка в зубах дымила, окутываясь собственным облачком, голубым и едким... Во рту уже стоял вкус горелой кожи, но что остается делать мужчине?

Ваироа сидя читал книгу. Вожди Волков щедро обеспечивали ими узников. Еще у них было радио, фонограф и запас записей к нему. Ложа устроила на острове курорт для своих членов. В это время года окружающие хижины пустовали, или же редких гостей уговаривали переехать в другое место на остаток отпуска. Тераи мечтал, чтобы его допустили в мастерскую, и он мог бы заняться каким-нибудь ремеслом, но тюремщики имели строгий приказ остерегаться громадного маурая. Им с Ваироа разрешали прогулки на воздухе, однако всегда под строгой охраной.

— Из огня да в полымя, от монгов к норрменам, — тихо пробормотал он. — Лучше бы мы оставались у монгов. Они обращались с нами намного лучше.

Не отрываясь от книги, Ваироа откликнулся. Он всегда умел делать несколько дел сразу.

— По-моему, вежливо извинившись, эти бы просто перерезали нам глотки. Наше присутствие могло бы создать серьезные неудобства для различных влиятельных персон.

— Да знаю я, знаю. Мы же столько раз говорили об этом. Но я не могу понять, как ты можешь оставаться настолько спокойным.

— Раздражают лишения. У меня нет семьи, о которой я мог бы скучать, и на этом клочке суши меня окружает вечно переменчивая реальность. Кругом вода, над головой небо. Разве ты не помнишь, что говорила Роника Биркен... Ну-ка, тихо.

Ваироа опустил книгу и поднял руку.

Еще минуту Тераи прислушивался к тишине, и только потом наконец услышал далекий шум мотора приближающейся лодки. Удивленные восклицания, довольные возгласы, стулья, застучавшие по дощатому полу, засвидетельствовали, что услышала и охрана. «Кто же, во имя Нана, явился к нам? Это не случайный лодочник, держу пари... кто может позволить себе так тратить топливо». Сердце в груди Тераи застыло.

Мотор умолк, и от воды понеслись другие звуки: из тумана вынырнули несколько человек, путь им показывали люди, казавшиеся незнакомыми в клубах тумана. Их повели в сторону, —

вероятно, под крышу — всех, кроме одного, направившегося прямо к их хижине и исчезнувшего из виду за углом. Вскоре перед маураями предстал Микли Карст.

— Скажи, ради Харисти... какой ты хочешь от нас радости... мы ведь не забыли, что ты собирался убить нас?

Сидевший в кресле Микли поглядел на нависавшего над ним маурая.

— Это было желание профессионала, а не личности, — ответил он. — Я бы на вашем месте относился к нашим взаимоотношениям как спортсмен.

— А потом заперли нас, как зверей, что еще хуже, — буркнул Тераи.

Ваироа сидел безмолвно в углу, наблюдая исподлобья, впивая все вокруг своими загадочными чувствами. Туман за окном был еще более красноречив, чем его лицо. Из соседней комнаты до Тераи не доносилось ни звука: охрана притихла за дверью, вне сомнения, надеясь, что скучная служба наконец закончилась.

Микли взмахнул сигареткой.

— Я бы сказал, что эти звери у нас словно сыр в масле катались, — усмехнулся он. — Сами же понимаете, у нас не было иного выхода: или убить вас, или лишить возможности общаться с людьми.

«Да, мы слишком много знаем, — устало подумал Тераи в сотый или тысячный раз. — Знаем, где искать плутоний и обломки перевозившего боеголовки самолета — безусловное доказательство вины северян; такой повод для войны убедит самого трусливого пацифиста, — и все доказательства того, что Ложа Волка увязла в этом деле по самые кончики своих мохнатых ушей. Наш корпус не может добиться никакого толка от правительства Союза, потому что это сборище бессильных клоунов ни черта не знает. А след ведет к Волку... в Кенай, судя по тому, что они говорили по пути... истинный след, и Федерация сможет, наконец, выследить чудовище».

— В конце концов ваши люди достаточно давно знают о том, что в Норамерике собирают делящиеся вещества, — продолжил Микли. — Они уведомили правительство монгов...

— Откуда тебе известно, что это сделали мы? — возмутился Тераи. Ответом Микли можно было воспользоваться, если ему суждено вырваться на свободу. — Неужели они не могли узнать это самостоятельно?

— Едва ли. У них нет для этого нужных приборов. Даже Домен проявил откровенное невежество. Маураи, вне сомнения, доселе не имели причин извещать Скайгольм, поскольку

даже не могли предположить, что в Юропе сохранились подобные антики. — Микли выпустил дым из ноздрей и продолжил ленивым голосом: — Теперь, конечно, власти Федерации встревожены — не только вашим сообщением, но целой серией настоящих ядерных взрывов.

— Что? — взревел Тераи, Ваироа шевельнулся в углу.

Микли кивнул:

— Это случилось почти одновременно с заговором Джowej-на и теми интересными событиями, что последовали за ним. Поэтому вас известить просто не могли. Я и сам услышал об этом, только когда вернулся домой. Но наблюдатели монгов действительно обнаружили следы атмосферных взрывов, произведенных на больших высотах к западу от них. Они известили о них маураев, те подтвердили. Контакты сторон осуществлялись на сверхтайном уровне. Незачем ворошить без нужды муравьиную кучу, по крайней мере пока не выяснишь, кто в самом деле виновен. Иначе один черт знает, чем может закончиться глобальная истерика, которая незамедлительно разразится.

Федерация лихорадочно укрепляет свой Инспекторат в Союзе. Флоты маураев из всех уголков планеты сходятся к Авайям — своей ближней базе к Союзу. Вполне очевидно, что мы и являемся главными подозреваемыми.

— Преступниками, — выпалил Тераи, вздрогнув от усилия, с которым сдерживал себя, чтобы не убить голыми руками эту тварь.

— Ну что ж, мы с вами это знаем, но где решающие доказательства у правительства? Кого будет атаковать флот? Новая война против Северо-западного Союза окажется войной против ни в чем не повинных людей; они будут сражаться, хотя не принимали даже малейшего участия в создании... Ориона. Война будет долгой, как и последняя, может и дольше, армия Федерации не отмобилизована, как тогда, к тому же затеянная на основе одних только подозрений война будет не популярной.

Тераи глотнул. Ему было плохо. Все, что он слышал, было точным; не правильным, ведь правда есть справедливость, именно точным. Он вспомнил многих ученых профессоров Велантоа, считавших Энергетическую войну делом рук обнаглевших милитаристов. Да, ядерных реактивов не должно существовать, но убеждать в этом норри следовало на переговорах, а не силой. Он вспомнил комментаторов и проповедников, объявляющих присутствие маураев в Западном Союзе «культурным» империализмом... сапогом, давящим то самое разнообразие, которое Федерация всегда ценила — по собственным словам. Он вспомнил демонстрации молодежи и ее седобородых, но пустоголовых

прихвостней; моду на одежду северян — в знак мира и свободы. Словно этих понятий доселе никто не знал; иные даже осмеивали его мундир. Вспомнилась и молодежь в городах Союза, обезьянничавшая с маураев, но более всего его угнетала память о беседах с вполне зрелыми племенными вождями в разных концах Океании, утверждавшими, что контроль за всем миром слишком тяжелым бременем ложится на плечи их народов... Тем не менее все это было не столь важно, пока маураи охотились за тенью... и если даже Федерация незамедлительно высадит армию на материк, Волки со всеми своими союзниками по-прежнему будут заняты делом, не говоря о том, что они уже опробовали свое проклятое изобретение.

Отчаяние Тераи перебил сухой хруст слов Ваироа:

— Разрешите вопрос, Карст. Откуда вы знаете, что монги обнаружили взрыв и информировали маураев, если все сохранялось в таком секрете?

С легким смущением Микли ответил в тоне, менее задиристом, чем обычно:

— Разведка донесла.

— Далее, — продолжил Ваироа. — Почему нас отослали из Юани в ваше распоряжение? Почему юанезцы доверили норрменам дело настолько существенное, как наш допрос?

Вновь обретя равновесие, Микли ухмыльнулся:

— Признаю — мы в известной мере сотрудничаем с ними.

— С некоторыми офицерами юанезцев, иначе весь мир знал бы о вашем альянсе или, по крайней мере, о сотрудничестве между прежними врагами.

Микли затушил сигарету и потянулся за свечой.

— Вы куда умнее, чем я предполагал, Ваироа Хаакону!

— Вы внедрили туда своих агентов, — объявил гибрид. — Не ваше ничтожное правительство, а Волки и прочие Ложи, которые участвуют в деле. У вас было двадцать лет. Полки теперь перестали быть кочевыми военными отрядами, где каждый знаком с каждым, на деле их солдатаи разбросаны по стране, подчиняясь обстоятельствам, заставляющим каждого действовать индивидуально. Вы могли послать туда агентов, способных сойти за монга и выслужиться — инжунов, северян азиатского происхождения, да и кое-кого из собственно монгов, кое-где еще обитающих на ваших восточных территориях. Даже белых — ведь монги народ смешанный. Вы могли подкупать, шантажировать, даже уговаривать честных людей помочь вам в деле, самым выгодным образом отвечающем интересам их стран. Но не смели обратиться к властям, это было бы слишком рискованно, особенно в рамках полковой иерархии и системы отли-

чий. Вы могли и просто разместить своих агентов в узлах, через которые проходит информация и приказы. Спящих агентов... приступающих к действию при необходимости. Монги прискорбно наивны — в отличие от вас и вашей родни.

— Да-а-а, осмелюсь предположить, что в тех случаях, когда офицеры монгов предполагали, что имеют дело с представителями вашего правительства, их роль выполняли Волки, передававшие Виттохрии лишь то, что считали нужным, не более того. Поздравляю, вы неплохо справились со своим мерзким делом.

— Какая целеустремленность, подумать только, двадцать лет упорных трудов! — Волна негодования захлестнула Тераи.

Вполне очевидно, Микли не собирался пассивно слушать. Он поднялся и как отрезал:

— Ну что ж, вы можете получить шанс задавать дополнительные вопросы, если присоединитесь к своим друзьям в нашей небольшой лесной прогулке.

Тераи расправил плечи, готовясь встретить очередной удар.

— Что ты имеешь в виду?

— А вот, скажем, — поддразнил его Микли, — Иерн Ферлей решил записаться под наши знамена, и Плик, естественно, тоже последовал за ним. Мой дом на Ляске безопаснее, а поэтому я направляюсь туда. Почему же нам всем, старым друзьям, не собраться вместе? Мы больше не можем держать вас здесь; ваши инспектора снуют повсюду, как водяные жуки. Мы забираем вас с собой. Собирайтесь, через час мы отправляемся, пока позволяет туман.

Он повернулся и вышел в соседнюю комнату. Дверь за ним захлопнулась. На миг оба маурая застыли, онемев, а потом Ваироа медленно проговорил на родном языке:

— Что за злой человек. Не просто враг, он весь пропитан ненавистью. Разве ты не ощущаешь этого?

— Нет, — ответил Тераи. — Но я верю тебе. — Он глянул на холодное белое облако за окном и сказал: — Я сумею сообщить об этом домой. Я сделаю это или погибну.

3

Облака летели низко над землей Дордойни, их серый полог затягивал небо, лишал яркости осенние краски, разрисовавшие кручи. Выл ветер — еще более холодный, чем сам воздух. Влажное небо то и дело изрыгало шквалистые ливни. Дороги превратились в реки грязи, хлюпающей под копытами усталых коней.

Как никогда прежде, замок Бейнак казался своим в этой стране. Все современные постройки представлялись сонным видением, нереальным рядом с крепкими древними стенами и башнями. После дороги из порта Бордо Эшкрофт Лоренс Мейн надеялся на тепло, огонь в очаге и отдых, а он себя не считал слабым. Так решили они со свитой: пейзажи должны своими глазами увидеть нового хранителя замка и убедиться в том, что он желает им добра. Но те бросали на него кремнистые взгляды и не проявляли любезности. Оставалось гадать, какой комфорт ждет его в конце пути.

Перед воротами толпились местные жители — в плащах с капюшонами. Они выставили почетный караул, что вселяло надежду, милицию в мундирах и шлемах, увенчанных плюмажами, с кинжалами у поясов, пиками, арбалетами и винтовками за плечами.

Лоренс послал свою лошадь на последний подъем, подобрал поводья и протянул руку в знак приветствия. Он узнал знакомых по прежним визитам. Первый офицер, родственник Иерна Ферлея, Халд Тирье, с жестким лицом и прямой спиной ожидал впереди. Секретарь, молодой наемник по имени Анс Дебирон, держался возле него, в руках у него был пергамент, а на лице — никакого восторга... Как и у всех, кто загородил дорогу пришельцу.

За спиной Лоренса фыркнули кони и, топоча, остановились. Он сосчитал местных: отряд в два раза превышал его собственный, причем две дюжины были вооружены. Желая избежать провокаций, он ограничил вооружение своего отряда ножами, несколькими пистолетами и четырьмя пиками, главным образом служившими древками для вымпелов.

— Приветствую вас, люди Клана и добрый люд, — проговорил он. — Мир и благосостояние да будут с вами.

Подхватив вежливую формулу, ветер унес ее следом за опавшими листьями.

— Приветствую, — отозвался Халд. — Могу ли я узнать ваше имя и цель приезда?

Ошеломленный Лоренс сумел лишь воскликнуть:

— Но ты же знаешь меня!

— Эти очевидцы хотят знать ваше имя и поручение, сэр.

«Наверное, так велит какой-нибудь дордойнезский закон или обычай? Это не ласковая Бургонь, где мы с Фейлис детьми играли на виноградниках».

— Я... Эшкрофт Лоренс Мейн, полковник терранской гвардии, недавно назначенный хранителем замка Бейнак и его

окрестностей. Я прибыл сюда, чтобы приступить к своим обязанностям. — И, повинаясь порыву, добавил: — Вы же знаете это! Я направил письменное извещение.

— Известие о вашем назначении не соответствует древним обычаям, а потому мы решили, что не получили его.

Лоренс ударил кулаком по седельной луке, но взял себя в руки и мягко — это стоило ему многих усилий — проговорил:

— Халд, ты знаешь, какие теперь времена. Этот район важен для безопасности Домена; ваши дикие горы и ущелья способны приютить мятежников и бандитов. Оформлять все надлежащим порядком чересчур долго, ведь ни один Таленс, имеющий право на этот пост, не примет назначения от Джowej-на. Меня назначил сам Капитан, пользуясь своими чрезвычайными полномочиями, к тому же я брат жены исчезнувшего хранителя Замка. Я намереваюсь сохранить крепость для семьи и народа, твоего собственного народа, Халд. Я уступлю свое место кому-нибудь из родни при первой возможности.

— И когда же этого ждать... сколько своих гарнизонов вы сперва разместите среди нас? — Халд также с трудом сдержался. Отряд его не шевельнулся, с гневом люди разглядывали пришельцев. Руки всадников белели на прикладах оружия. Офицер повернулся к Ансу Дебирону. — Прочти декларацию отказа, — сказал он гнусавым голосом. — Ты составлял ее.

Секретарь поклонился, шагнул вперед и развернул свиток. Его гладкие щеки то краснели, то белели. Голос иногда дрожал и ошибался, но слова падали камнями:

— Во имя Господа Милосердного, ради анимов предков, мы, люди Пай Бейнак, собрались сегодня...

Лоренс услышал позади себя одно-два негромких проклятия. Он сидел, слушая краем уха, ощущая не только потрясение — этого можно было ожидать, — но скорее усталость.

— ...Старые права, подтвержденные договором в Периге*, когда Дордойнь стала штатом Домена... но это было века назад. Давно пришло время, чтобы Франсетерр вновь сделался единой нацией, единством внутри Единства. Как смеют такие людишки противиться этому?

...собрать всех сынов Пай Бейнак, братьев наших по всей Дордойни... Они осмелились.

* Город на реке Иль, впадающей в Дордонь (совр.).

...не признавать права властей ни при каких условиях вообще, назначать хранителем Замка лицо, не принадлежащее по закону к семье Ферлеев... «Фейлис бросила Иерна, теперь они бросили ее».

...сохранять верность Домену и его установленным институтам, Иледуциелю и аэрогенам, пока подобная верность не будет взаимной; но нарушение закона, обычаев и прав считается вероломным предательством. Мы требуем созыва сеньоров Кланов и глав ряда штатов, чтобы выяснить... «Итак, фактически они не бунтуют; Скайгольм способен испепелить любую армию, которую они могут вывести на поле. Но что делать с партизанами? Как быть — они отказались повиноваться? Скайгольм не может испепелить саму землю. Это будет преступлением против Геи, хуже которого может быть только атомный взрыв, а лишившись поставок с Земли, Скайгольм скоро упадет с небес».

— И посему, Эшкрофт Лоренс Мейн, мы просим тебя ехать с миром, мы требуем, чтобы ты уехал.

Он выслушал подписи и титулы. Анс отступил, тяжело дыша. Лоренс выдавил скупую улыбку.

— Ну что ж, все очень ясно, — сказал он в набегающий ветер. — Вы прискорбно не правы, но тем не менее я не желаю вам зла и возвращаюсь домой. Предложат ли нам здесь приют и ночлег?

— Нет, — ответил Таленс Халд Тирье.

Лоренс повернулся в седле и, жестом успокоив негодующий отряд, обратился к родичу Иерна:

— Мы найдем себе гостиницу. Не наказывай ее хозяина за то, что он примет нас. Пусть отношения останутся хотя бы равными.

Халд ответил коротким кивком. Лоренс развернул коня и направился вниз.

Дождь припустил по-настоящему.

4

В уютном кабинете Капитана Джовейн наклонился к столу и проговорил:

— Серьезное дело, быть может, весьма серьезное.

Худая седовласая женщина не шевельнулась.

— Будьте добры — ближе к делу, сэр, — ответила она. — Когда вы опять вызвали меня, я заранее говорила, что для разговоров сейчас крайне неподходящее время.

— Но вы не дали мне объяснений, полковник.

— Но разве не понятно? — проговорила Восмайер Тесс Рейман. «Удивительно, как искусно она владеет своим голосом». Презрения как такового Джовеин уловить не смог. — Мои люди волнуются, как и все вокруг. Мальчики слышали о том, что вы намерены сократить армию вообще и управление погодой в частности. Но когда, насколько и каким образом? Неуверенность хуже самого топора. Они нервничают, попадают в неприятности за пределами базы, начинают больше думать о доме и родне, о безопасности своих штатов, чем о службе. — Он открыл рот, она остановила его, подняв палец. — Я имею в виду не только пилотов и персонал, набранный из аэрогенов, — они подозрительны и говорливы, но вне воздушных сил своей жизни не представляют. Я говорю в первую очередь о наемном персонале, люди эти в основном родились на Земле, летают из них немногие: о механиках, диспетчерах, компьютерщиках, электронщиках, квартирмейстерах, поварах... о всей подкладке нашей организации. И уверенность в будущем испытала тяжелый удар.

— Уже? Но что, собственно, случилось? — Джовеин нахмурился. — Я не слышал еще ни о чем.

— И не должны были... пока. Сир, в самом начале недовольство заметно только вблизи. А когда произойдет взрыв, узнают все, но тогда будет слишком поздно. Мы, офицеры корпуса, пытались найти способ вырваться из неприятностей и дать рекомендации Капитану.

Отвлечшись, невзирая на собственное нежелание («неужели мне вечно будут чинить здесь помехи, мне-то, принесшему им бархатную революцию?»), Джовеин потянул себя за бороду и сказал:

— Напомните им, что вооруженные силы и вспомогательные части существуют, чтобы служить Домену, а не наоборот. Если нам потребуются изменить их размеры и роль, тогда вас будет ждать перестройка, а не увольнение, и никто не потеряет того, что заслужил по закону.

— Если не говорить о смысле их жизни... сомневаюсь, что они найдут его в другом месте, — возразила Тесс. — Ваше Достоинство, — он понял, что почетным титулом она хочет подчеркнуть важность своих слов, — будьте добры, не забудьте: люди и штаты Домена объединяют как раз те дела, которыми они заняты вместе.

Джовеин собрался.

— Я об этом не забываю, полковник. Однако настало время избавиться от устаревших институтов и практики и обратиться к новым целям. Но во всем, что касается единства... — Капи-

тан распрямился потягиваясь: — Разрешите мне быть откровенным, — проговорил он. — Полагаю, ничего иного вы не заслуживаете. Все мы можем — вполне честным образом — заблуждаться относительно того, что полезно Домену. Я уважаю все мнения. Я стремлюсь учесть их и бываю разочарован отсутствием реакции на мои предложения. Но мы должны добиться единства. Несогласие, должным образом выраженное, — дело другое. А заговор или прямой бунт — третье.

— Безусловно, — сухо согласилась она.

Вышла колкость.

— Полковник Тесс, — отрезал он, — я предоставлю вам возможность обсудить лично со мной весьма серьезные трудности, возникшие в результате ваших поступков. — Он вздохнул. — Нами разыскивается Таленс Иерн Ферлей. Объявление о розысках его было широко опубликовано. И преднамеренно уклоняясь и не желая отдаться закону, он сам нарушает его требования. Но если он не может явиться с повинной, потому что с ним что-то случилось, тот человек, что скрывает важную информацию, совершает преступление. — Он выдавил улыбку. — Лично я ничего, кроме хорошего, ему не желаю. Безусловно, у нас были некоторые разногласия, но теперь судьба его уже тревожит меня.

— Действительно, это так, сир.

«Это безразличие или сарказм? Не обращай внимания. Нападай».

— Полковник, либо он спрыгнул отсюда с парашютом, либо просто выбрлся и так принял свою смерть. Третьей возможности не существует. Как вы понимаете, наши отряды обыскали весь Скайгольм, каждый отправлявшийся отсюда воздушный аппарат. Следователи обнаружили, что человек, во всем похожий на Иерна, обманув часового, вышел на инспекционную платформу и не вернулся. У него был парашют. Нам прекрасно известно, что вы дружили с ним. Следователи выявили еще одного охранника, который ранее заметил некую персону со снаряжением для высотного прыжка. Методика выявления глубинных воспоминаний позволила извлечь из памяти его описание, которому соответствует ваш сын Дени. Связь очевидна, — закончил Джовейн. — Вы можете что-нибудь сказать мне?

— Да, сир, — ответила она холодным тоном. — Вы имеете дело со слухами, собранными, когда весь аэростат был охвачен смутением и никто не мог, по сути дела, являться свидетелем чего бы то ни было... тем более те чужаки, которых вы сюда навезли.

— Итак, вы отвергаете свою причастность к этому делу.

— Сир, по кодексу аэрогенов у вас нет права задавать подобные вопросы. — Тесс откинула голову назад еще выше, чем прежде.

— А где находился Восмайер Дени Рейман?

Тесс ухмыльнулась:

— Откуда мне знать? Я предоставила ему вполне заслуженный отпуск, и он у меня здоровый молодой холостяк.

— Вы заставляете меня объявить и о его розыске.

— У Капитана Скайгольма есть такое право.

— Я выдвину обвинение и против вас, полковник.

— Капитан Скайгольма может просить мое начальство или сеньоров моего Клана выдвинуть обвинение против меня. — Тесс дала ему возможность прочувствовать точную формулировку. — Я бы посоветовала вам воздержаться от этого, сир. Я уже объяснила вам, что подобные, с позволения сказать, свидетельства не имеют никакой цены. Военно-полевой суд, не говоря уже о суде Клана, даже не станет их рассматривать.

«Кланы и офицеры защищают своих собратьев». Едкая кислота хлынула в глотку Джовейна, обжигая ее.

— Помните, я могу арестовать вас своей властью.

— И, продержав меня в заключении весьма ограниченное время, представить перед судом. Сир, вновь рекомендую вам не делать этого. Мои помощники и я и без того чересчур заняты, пытаюсь стянуть расползающуюся ткань.

«Что там еще?»

Джовейн проглотил кислоту.

— Ну что ж, полковник, — отступился он, — раз вы отказываете мне в сотрудничестве и даже отвергаете такую возможность, можете возвратиться к своим обязанностям. Вы обязаны известить терранскую гвардию, как только узнаете о месте нахождения вашего сына Дени. Хочу дать вам совет: я не считаю корпус офицеров чем-то независимым и постараюсь заставить его проявлять больше сдержанности и ответственности, чем в прежние времена. Всего доброго, мадам.

Она поднялась, отдала честь и вышла.

Кабинет наполнился покоем, шепот и подрагивание Скайгольма остались в тонких стратосферных ветрах, вечная молчащая бесконечность — снаружи. Запах собственного пота оскорбил Джовейна. Изнеможение накатило на него: он скрыл лицо в ладонях. «Фейлис, Фейлис!»

Но нет, есть еще работа, работа есть всегда. Дело Восмайер Тесс Рейман, быть может, случай предельный, но в нем — первое предупреждение. Бунт в вооруженных силах не представляет прямой угрозы Скайгольму, который способен испепелить

своей молнией любое подразделение; но недовольство на Земле... Ему необходимо было переговорить с людьми, которым он мог доверять, кто поддерживал его дело. Он позвонил помощнику... День этот собирался закончиться глубокой ночью.

5

На закате женщины оставили Карнак. Вечер был ясный и морозный. Западный горизонт скоро угас, оставив небо зеленым. Быстро стемнело. На востоке небо уже стало пурпурно-черным и низкий Иледуциель тихо светился над голыми костяными вершинами леса. Когда селение осталось позади, на дороге под ногами застучала мерзлая почва, захрустели подернувшие лужи тоненькие льдинки, зашелестели опалые листья.

Их было около сотни, простых брежегских домохозяек, девиц и бабушек, вдруг ставших какими-то странными под капюшонами своих плащей. Фонарей они не брали — дорога была всем знакома, а обратный путь будет освещать луна; но при каждой была свеча и все нужное, чтобы воспламенить ее. Они шли без особого порядка, разговаривать тоже никто не запрещал, но каким-то образом толпа сложилась в процессию, и негромкая речь панихидой висела над нею.

...Богохульство... дурное предзнаменование... ослепленное святостью... убийца... отмстить, чтобы бедные призраки смогли успокоиться...

Розенн старалась напомнить себе — то, что случилось вчера, было только бунтом, а то, что предстоит этой ночью, останется простым жестом. Геанцы намеревались устроить в Карнаке свой центр, предназначенный для разделявших их верования, безусловно, надеясь на новообращенных. Капитан Джовейн не скрывал своих намерений; он будет «поощрять культурный обмен» и «гарантирует свободу вероисповедания всех верований и философий». Ни одно сообщество не могло запретить сооружение геанского центра на земле купленной и оплаченной. Носился слухок, что казна Капитана помогала подобным приобретениям, что отвечало его правам, однако не нравилось морякам и земледельцам, уже прознавшим о том, что более контроля за бурями не будет. Но более глубокий корень тревог, думала Розенн, лежал в консерватизме этих пейзажей. Джовейн не понимал этого. Карнак... что ж, Карнак не так уж удален от космополитического Кемпера и сам является морским портом... Джовейн старался изобразить, что понимает все зоны истории мира, но не имел реального представления о древности. Ему и в голову не приходило, что люди обладают правом сохранять собственную природу, имеют право на нетерпимость.

Словом, на прошлой неделе группа местных жителей, вооруженных ножами, гарпунами, косами и дубинками, велела группе рывших землю наемных рабочих прекратить работы и убираться. Мэр Карнака отверг протесты, полученные из Иледуциеля, и процитировал гарантии автономии в союзном договоре. Чтобы защитить работников, терранская армия послала подразделения; собралась толпа, швыряла камни, стреляла, трое молодых человек из города остались на земле мертвыми. Работа вновь прекратилась, и обкатанные умиротворяющие фразы порхали между мэром, Местромором и господами наверху.

Прискорбный инцидент — таким в истории несть числа — инцидент и не более... ничего особенного, простая и традиционная реакция, беспомощная попытка, позволившая людям выпустить гнев. Шагая в холодных сумерках, Розенн ощущала, что более не верит этому.

«Почему я здесь? — удивлялась она самой себе, едва не в отчаянии. — Я, женщина из аэрогенов, жена человека, бывшего среди них величайшим при жизни; у меня великолепное образование; я прошла от края до края Домена, и мне незачем участвовать в примитивных обрядах, в особенности когда можно не сомневаться, что Джовейн приглядывает за мной».

Она поглядела вниз — на невысокую Катай. Бок о бок — родная и приемная матери Таленса Иерна Ферлея вели процессию к стоящим камням. «Долг чести перед хозяйкой? Но зачем я отправилась к ней? Мы ведь редко встречались. Нас ничто не связывало, кроме разделенных воспоминаний — о нем и его сыне, которого она отдала мне; о сыне, которого, возможно, нет больше на свете».

Боль, терзающая Розенн, вдруг напомнила ей, какими были и остаются эти причины. Она потянулась, чтобы пожать руку женщине, шедшей рядом с ней. Та ответила рукопожатием и долгим взглядом, но в сгустившемся мраке Розенн не поняла, улыбается ли ее спутница или безмолвно рыдает.

Скайгольм наверху погас. Звезды мерцали на небе, выпали все новые и новые светила.

Когда женщины добрались до камней, света вполне хватало, чтобы обозреть окрестность: над головами толпились созвездия, леденел Млечный путь. По одну сторону дороги призрачно-серые поля растворялись во тьме. Окна далекой фермы казались низкими звездами. На противоположной стороне дороги стеной замер лес, грозя небу копиями голых веток. Между ним и дорогой высились мегалиты.

Ряды камней уходили неведомо куда. Иней посеребрил их грубые формы. Тени сгущались — и вокруг, и под ними. «Тени

времен, — подумала Розенн, — призраки неведомого народа, который возвел их еще в те века, что не ведали истории». Не зная причин, она ощущала в них силу, не подвластную угрызениям совести, и терпение, знакомое разве что холодным звездам. Как сумели они вернуть свою святость? Или же это произошло во время Хаоса, после Судного Дня, когда все прочее возойшло из рук человека и только они остались?

Зашелестело, зачиркало, замелькало; женщины молчаливо зажигали свои свечи. Каждый огонек высветил лицо под капюшоном; дневной свет, мужа или дети не видели эти черты. Тени... тени, а в них — щека... глаз, отблеск зубов. Руки прикрывали язычки пламени, и каждая женщина отыскивала свой камень, и гoblinские огоньки, крохотные и ясные, прогнали мрак.

Катан поставила Розенн перед рядами. За спиной женщин выстроились камни кромлеха. Под ногами ломалась пожухлая трава и ледок, планета приближалась к северной зиме... скоро взойдет Орион.

— Мне не следовало бы, — прошептала Розенн в полубытьи. — Я не знаю здесь ничего, я не отсюда...

— О нет, — возразила Катан. — Мы родом отсюда, мы возглавляем этих людей, мы — матери истинного Капитана, который вернет правду. Подними свою свечу, чтобы он видел, куда держать путь, и жди.

Она подняла над головой свою собственную свечу и возвысила голос. Розенн почти не знала брежангского, но Катан сказала ей на французском:

— *Во имя Святого Господа, Жезу Кретта, и всех святых, что на земле и на небе и в потустороннем мире, мы собрались, чтобы призвать погибель на совершающих зло. Пусть скорбь, которую породили они, и гнев, ими разбуженный, обратятся на тех, чьи имена мы теперь называем...*

Первым прозвучало имя Таленса Джовейна Орилака.

Глава 18

1

«Грейм Трейдер» рано отбыл из Сиэттла в чистое утро. Паджей Саунд искрился серой зеленью волн и белыми гребнями, на нем было полно судов. Осень вычертила острова и материк, вдали высились снежные пики. Холодный ветер с северо-запада гнал чаек и облака.

Простой и неторопливый корабль — ничего такого, что могло бы привлечь любопытство маураев, небольшой прибрежный транспорт, обычный в этих краях. Надстройка посреди палубы, на крутящейся башне ротор с четырьмя лопастями и хвостом, чтобы всегда поворачивался к ветру. Через практически лишенную трения магнитную трансмиссию лопасти вращали парный редуктор, генерируя умеренное количество электричества. На всякий случай был предусмотрен крохотный дизель, но использовали его неохотно — синтопливо обходилось дорого. Как и уголь, непосредственно необходимый для изготовления стали, что пошла бы на паровую машину, способную сдвинуть с места корабль. На море марали воздух редкие трубы — не то что на берегу, подумал Иерн. Сжигающая спирт турбина потребовала бы меньше металла и была бы чище, но даже на Северо-западе этот продукт больше не производился в широких масштабах; слишком много плодородной земли погибло в прошлые века при погребении растительных отходов этого производства, которые приходилось возвращать в почву.

Стоя с Роникой у поручня, Иерн видел в море лишь паруса, иногда древние, иногда аэродинамически совершенные. Почти над всеми сколько-нибудь современными судами реяли Крест и Звезды.

«Если судить в долгой перспективе, цивилизация Северо-запада обречена, — подумал он. — Атомная энергия запрещена, и норри удастся держаться лишь за счет экономии и ввоза угля. Когда-нибудь или монги отрежут им дорогу к угольным месторождениям, или же уголь в них кончится. Тогда останутся две возможности: технически-прогрессивное, но диффузное и тщательно управляемое общество, подобное маурайскому, или же аристократическое, основанное на интенсивном труде, по сути дела, статичное общество Домена.

Или же Орион... и тогда все кувырком».

Угрюмость его развеяла Роника — она развела руки широко и от счастья рассмеялась. Тени роторов порхали над ней, и волосы ее оттого вспыхивали каждый раз, когда солнечные лучи возвращались к ним.

— Как здорово — мы в пути, — восторгалась она. — Иезу всемогущий! Я возвращаюсь домой и... вместе с тобой!

Он положил руку на ее плечи и обнял. Палубный матрос, оказавшийся поблизости, подмигнул.

— Ну а теперь ты можешь сказать мне, что мы там будем делать? — спросил Иерн.

Она протрезвела.

— Пока еще нет, дорогой. То есть я могла бы, но будет лучше подождать, чтобы могли послушать и Тераи, и Ваироа.

— Э?

— Плохо уже то, что они ближайшие один-два года проведут в одиночестве, зная, что их родственники дома оплакивают их как мертвых. Пусть они хотя бы узнают, что мы не чудовища.

— А где они?

— Их доставили на борт ночью, сейчас они под палубой. Их стерегут, мы не можем riskовать, предоставив им даже относительную свободу в этих мутных водах. Тераи, например, способен проложить себе дорогу к борту, прыгнуть в воду и доплыть до ближайшего маурайского корабля. Сама суматоха на борту и попытка к бегству могут привлечь слишком много внимания. Вот когда мы выйдем в пролив и никого рядом не будет, можно будет их выпустить.

Однако, появившись на палубе через несколько часов, пленники оказались связаны; их сопровождали двое охранников, снабженных огнестрельным оружием. Шкипера и экипаж из шести человек подбирали специально; большую часть времени они занимались обычной торговлей, но иногда исполняли дела, о которых не следовало задавать вопросов и никому не рассказывать.

Роника, Иерн и Плик ожидали в салоне, где крытый кожей диван с трех сторон охватывал стол. Солнечный свет пробивался сквозь стеклянные иллюминаторы. Палуба чуть покачивалась и слегка подрагивала под ногами.

Трубка Плика исторгала ароматный дымок, клубившийся в воздухе.

Роника спрыгнула с сиденья и схватила Тераи за руки.

— Рада вас видеть, — сказала она с неподдельной искренностью. — Так рада видеть вас снова! — и повторила, обращаясь к Ваироа: — И вас тоже.

Она призналась Иерну, что в отношении к гибриду никак не могла избавиться от смеси жалости и брезгливости.

Тераи ответил кислой улыбкой:

— Я предпочел бы, чтобы мы встретились в других условиях.

— Да, конечно, у вас было поганое время, друзья мои. И боюсь, что конец ваших неприятностей еще не близок. Но хочу рассказать вам кое-что. Надеюсь, что слова мои облегчат ваши переживания. — Роника указала стражам на дверь. — Спасибо, можете идти.

— Э, подождите, мизз Биркен. Капитан Карст приказал нам не выпускать из виду этих ребят, — возразил один из них.

Роника фыркнула:

— Я отменяю приказ. Если капитану Карсту не нравится, он может поспорить со мной, когда проспится после вчерашнего. Подождите за дверью, если это может утешить вас.

Она проводила их наружу и закрыла за ними дверь.

— Конечно, мы могли бы при них говорить на английском, — пояснила она, — но я не совсем в ладу с его технической терминологией.

— Если вы не хотите говорить об этом со своими людьми, зачем же делать это перед нами? — осведомился Ваироа.

— Ну о вас беспокоиться нечего, — брякнула Роника. — Вы никуда не денетесь, пока Орион не взойдет. Я хочу, чтобы вы знали, о чем речь. И втянули свои рожки. Мне бы не хотелось, чтобы вас пристрелили во время какой-нибудь героической глупости. — Она улыбнулась. — Вы же помните, что нас подружила дорога. Давайте выпьем за дружбу. — Она налила всем из графина, а потом подняла свой бокал и торжественно провозгласила: — Выпьем за день, когда мы сможем встретиться снова, свободные, как весь мир. — Иерн выпил. Вкус вина еще услаждал его рот, но голова кружилась по другой причине — ее голос, поза юной Богини Победы. Плик в два глотка опустошил бокал и потянулся, чтобы восполнить выпитое. Ваироа помедлил, пожал плечами и выпил. Тераи застыл без движения. — Понимаю, — заметила Роника, обратясь к могучему маураю. — Быть может, вы захотите выпить, когда услышите все до конца.

Она села — но только физически. Роника вся лучилась энтузиазмом. Иерну, сидевшему по правую руку от нее, казалось, что она словно излучает пламя.

— Что такое Орион? — начала она. Слова хлынули. — Это не бомба, не то, что вы подозревали... не адская машина. Орион — это космический корабль. Точнее, целый флот их.

Для Иерна откровение это было не совсем неожиданным. Тем не менее оно молнией пронзило его. Тераи замолчал, словно бы получил удар в живот. Ваироа не пошевелился, Плик обнаружил интерес.

— Это корабль, который способен отправиться к планетам, — восхищенно говорила Роника. — Люди начали их создавать перед войной Судного Дня, вы помните это. Вышли на орбиту вокруг Земли и до Луны долетели, побывали даже за нею. А потом забыли свою мечту: слишком трудно было выжить, когда всего так мало. В старину космические корабли летали на химической тяге. Они сжигали топливо с ужасающей скоростью. Мы не смогли бы вернуться в небо, полагаясь на них. К тому же

никто не сможет скрыть подобные работы. Вы, маураи, остановили бы их в самом начале. И, быть может, вы были бы тогда правы... именно правы, а не просто эгоистичны — в желании сохранить свое мизерное превосходство. Откуда можно еще взять энергию на нашей бедной истощенной планете? — Пальцы Роники стиснули ножку бокала. — Из атома, — объявила она. Тераи поежился и принялся ожидать продолжения. Ваироа широко раскрыл свои странные глаза. Плик охнул. Сердце Иерна пело. — Идея эта уходит корнями далеко в прошлое, — услышал он. — К тому межпланетному веку, который умер, еще только зарождаясь. Человек по имени Фримен Дайсон предложил ее и произвел теоретические работы. Что за чудесное имя, как оно подходит для него... Фримен — свободный. Он дал имя и самому проекту «Орион». Но ничего более не произошло, главным образом по политическим причинам, так я слыхала. А потом рухнула цивилизация. И идея пролежала забытой сотни лет. Вы же не слышали о ней, не так ли? Никто не слышал, никто — пока народ Северо-западного Союза не заинтересовался атомной энергией и не начал разбираться в старых записях. Сохранились материалы по Ориону, даже ссылки на колоссальный объем литературы по космическим кораблям. Конечно, сами эти листы не сохранились, всю эту литературу давно пересняли на микрофиши и так разослали повсюду. И все, что погибло в одном из найденных библиографов архивов, уцелело в другом.

Но некоторых Орион воодушевил. Поначалу важнее всего было спроектировать атомные энергостанции и построить их. Вы помните, что наши изыскатели собирали делящиеся вещества, которые маураи пропустили в своих прежних поисках, и рассчитывали найти больше. Понимая, что Федерация это весьма не понравится, мы старались держать свои действия в тайне; словом, публикация проекта «Орион» привела бы к ненужной шумихе. — Роника вздохнула, горечь услышалась в ее голосе. — Северяне не ожидали, что Федерация прореагирует с таким фанатизмом. Энергетическая война... ушла в историю. Но в результате мы получили на свою шею Инспекторат со всеми ограничениями на наши действия. — Она выпила и вновь налила себе. — Но уже в последнюю пару лет войны, когда было достаточно ясно, что мы потерпим поражение, вспомнил об Орионе кто-то из членов Ложи Волка. Как вам известно, наша Ложа всегда занималась наукой, техникой и управлением. Орионом занят по сути дела лишь Волк, хотя мы пользуемся услугами полезных и достойных доверия людей отовсюду.

Тераи скупно кивнул.

— Да, понимаю, — пробормотал он, — популярная, богатая и влиятельная... но частная организация, чьи члены привыкли ощущать плечо друг друга и не могут потребовать отчета от своих вождей. Так?

— А как работает этот космический аппарат? — поинтересовался Ваироа бесстрастным тоном.

Весь пыл вернулся к Ронике.

— Ну, в общем, идея кажется безумной, — загорелась она. — Но это не так. Берешь несколько маленьких атомных бомб, взрываешь их позади толстой пластины в задней части корабля. Взрывы ускоряют его. Я не могу входить в подробности, поскольку работаю не в двигательном департаменте. Мое дело — система управления. А еще... — Она расхохоталась в чистом блаженстве, как прежде на палубе. — Слушайте. Я сама не знала этого до последнего времени, когда мы с Иерном вернулись в Сиэтл. Прости, дорогой! В тот день я оставила тебя в доме собраний... — Она стиснула руку своего любовника. — Они произвели опытные испытания месяца два-три назад; непилотируемый аппарат со всей телеметрией был выловлен в море. Результаты оказались совершенно неожиданными... Двадцать лет работы и жертв не были напрасны, клянусь Господом; мы вывели этот корабль за облака и вновь опустили его.

— Это безумие, — простонал Тераи. — Бомбы, реактивные осадки. Сколько же человек умрут от рака из-за этого одного запуска? Сколько же детей родится уродами?

— Никто... ищи — не найдешь, — покраснев, возразила Роника. — Да, конечно, какое-то заражение будет. Но в основном все остается в пусковой шахте. Безусловно, известное количество радиоизотопов ускользает в атмосферу, они увеличивают радиоактивный фон в ближайших окрестностях, как если бы вы вознеслись отсюда на вершину горы Денали. Заражение уменьшается с расстоянием, и к тому же изотопы быстро распадаются. А сколько людей ежегодно погибает от рака, Тераи Лоханнасо, потому что вы заставляете нас сжигать уголь? Я видела цифры — несколько тысяч.

— Мы не заставляем вас сжигать уголь, — сурово ответил он. — Мы просто мечтаем, чтобы вы прекратили делать это.

— И сделались вашим очередным спутником, как наша юго-западная родня? Ну хорошо, скажите мне другое. Сколько людям по всему свету приходится терпеть невежество и нищету... И умирать от голода или болезней, потому что вы в своей проклятой самоуверенности не позволяете настоящей продуктивной технологии вернуться в мир?

— Танароа, женщина! Мы делаем все, что умеем, и если бы не приходилось выискивать подобных вам, справлялись бы с делом лучше. Но факты гласят: ни Земля, ни биосфера не могут...

Ваироа выставил ладонь.

— Предлагаю остановить риторику, — произнес он прохладно. — Здесь уже все с нею знакомы. — В наступившем молчании ударил его голос: — А как вам удалось сохранить тайну целых два десятилетия?

— Организация, — просто сказала Роника. — Микли говорил мне, что мы никогда бы не сумели справиться с этим делом в прежние дни, но теперь ни один разведывательный корпус не обладает прежним оборудованием или опытом. Проект «Орион» укрыт под Леутианскими горами на Ляске. Это не просто далекий край, там хватает вулканов, чтобы замаскировать такие вещи, как сброс тепла.

Тераи кивнул:

— Некогда мне случилось побывать возле одного...

— Но вы должны были произвести достаточное количество испытаний, — настаивал Ваироа.

— Не спорю, но почти все они проведены под землей, ведь надо же разрабатывать заряды, — ухмыльнулась Роника. — Местные привыкли к внезапному грому и содроганию земли под ногами.

Ваироа кивнул. Солнечный свет серпом лег на его тигровые волосы.

— В самом деле. Итак, сброс радиоактивности был не слишком велик, чтобы его можно было заметить, когда ни у кого нет причин, чтобы контролировать фон, меняющийся в природных условиях. Но ваш испытательный запуск — это же другое дело, не так ли? — Он сел в жутком спокойствии. — Вожди Волков в курсе, что маураи узнали о том, что кто-то собирает делящиеся материалы. Они должны понимать, что объявлена глобальная тревога и ведется контроль над выпадением подобных осадков. Как могут они надеяться, что запуск останется необнаруженным?

— Об этом они не мечтали, — уверенно произнесла Роника. — Да, в планах был предусмотрен худший вариант. Как вы можете обнаружить источник при столь редкой сети слежения? Конечно, вы заподозрите, что всему виной северяне, и станете лезть повсюду... но как вы намереваетесь найти и выявить тех людей, что располагают нужной информацией? Словом, ступайте и ищите, — порекомендовала она с пренебрежением к разведывательной службе. — Долгая будет охота, поскольку вам

нечем быстро прочесать нашу страну из конца в конец. Тем временем, раз этот запуск оказался успешным, едва ли нам потребуется много повторных, нам бы следовало провести их, но вы ведь не позволите; быть может, по этой причине нам суждено потерять несколько кораблей, несколько жизней. — И вдруг вырвалось: — Итак, все правильно! Даже если моя жизнь окажется одной из них, Орион взойдет прежде, чем вы сумеете разыскать нас!

Зимний холодок охватил Иерна.

— Bon Dieu*, я не представлял себе, с чем связался!

Тераи казался больным; но Ваироа настаивал:

— Какая военная цель всего этого начинания? Она же непременно военная.

Роника кивнула. И с такой же суровостью, как и он, ответила:

— Из-за вас — вот вам и первая цель: чтобы мы, северяне, вновь смогли стать свободными. Иерн, на эту идею нас вдохновил Скайгольм. Сам собой он управляет Франсетерром, поскольку никто не может напасть на него, а он может поразить все что угодно. Что, если подняться повыше? Мы сооружаем десять космических кораблей «Орион», в два раза больше, чем нам потребуется, — с учетом всяких неудач. Мы выводим их на околоземную орбиту. Их экипажи могут проследивать движение одиночных кораблей вниз. Их несущая способность будет колоссальной; система, которую мы уже соорудили, позволяет поднимать вверх семьдесят пять тонн на каждый килограмм урана или плутония. Как вам понравится, если какая-нибудь заостренная болванка, наведенная с ювелирной точностью, поразит вас со скоростью метеорита? Если придать такому объекту массу в несколько тонн, при соударении его с поверхностью океана, погибнет каждый корабль в радиусе десяти километров. И лазеры... мы развернем солнечные коллекторы, чтобы питать от них лазеры, как в Скайгольме — точно прицеленные молнии, мой друг. И вы ничего не сумеете противопоставить нам. — В молчании Роника села. Потом, пригубив бокал с вином, проговорила очень негромко: — Нет, мы не собираемся мстить, ничего подобного, мы надеемся, что у маураев хватит ума понять, что они проиграли. Когда Орион поднимется в воздух, мы проведем демонстрацию-другую на мишенях без экипажа; надеюсь, что вы, безусловно, согласитесь жить и давать жить другим. А тогда мы приступим к работе, которую нам хочется делать.

* Боже милостивый (фр.).

Молчание. Тераи и Ваироа переглянулись. Голова Иерна кружилась. Плик изумил компанию, наконец-то оторвавшись от трубки и бокала с вином:

— Ах да. Ваше истинное дело — воскресить старого змея и приблизить конец мира...

Роника резко оборвала его:

— Нет! Если на то пошло — спасти мир.

— Но не таким, каким люди привыкли видеть его, — парировал Плик. — В том числе и ты, моя дорогая; люди — это все мы, мужчины и женщины. Нет, боги обречены, они погибли повсюду, и когда придут новые боги, ступая по их пеплу, этого мы уже не увидим.

Последовала яростная перепалка, но Плик в ней больше не участвовал — просто упился и уснул.

2

Корабли на Северо-западе просигналили штормовое предупреждение. Капитан «Грейм Трейдер» жался к берегу, огибая бурю, отклонившись от прямого пути между проливом Уэнди Фука и заливом Кука.

На четвертый день путешествия Иерн вышел на палубу из каюты, которую делил с Роникой. Утром им приспичило заняться любовью и она дремала в каюте; он же не был наделен ее кошачьей способностью засыпать, когда представится такая возможность, и потому вышел вдохнуть свежего воздуха.

Обжигающие порывы холодного ветра налетали из мглы на западе. Ветер жалил его лицо, брызгал соль на губы, завывал и свистел в рамах башни, всей силой налегая на лопасти. Под свинцовым небом над свинцовым морем вилась серая дымка... белели только гребни на высоких волнах. Корабль вздрагивал, раскачивался во власти их гнева. На востоке вставали горы, свирепые их очертания растворялись в облаках.

Вахтенные держались внутри. Иерн с удивлением обнаружил у правого борта Тераи. Пленники могли больше не соблюдать недостойных запретов — что они могли сделать теперь, куда им было бежать; маураев только на ночь запирали в каюте, а охрана занимала соседнюю. Тем не менее маураи держались настороже, выходили из каюты, только чтобы поесть и погулять, и редко разговаривали с кем-нибудь. Иерн не мог осудить их за это.

Вновь заметив одиночество, сквозившее в позе богатыря-маурая, аэроген подошел к нему.

— Добрый день, — начал Иерн на английском. Маурай буркнул нечто в ответ, продолжая разглядывать землю. —

А вам не холодно в такую погоду? — поинтересовался Иерн. На обоих были фуражки, горохового цвета куртки и брезентовые брюки, но просторная на Иерне одежда обтягивала могучее тело Тераи; для ног его на борту не нашлось никакой обуви, и маурай вынужден был обходиться парой домашних шлепанец.

Тераи как будто бы чуть оттаял.

— Уже нет, — отвечал он. — Вчера матрос подыскал мне длинное шерстяное белье. Оно слишком плотное и колется, но мне тепло.

— Они все же не такие плохие ребята, эти северяне, а?

— Как к людям у меня претензий нет. — Тераи помедлил. — Вот, например, только что выпросил полкило масла у кока. — Он на миг вынул руку из кармана куртки, чтобы показать куб вощеной бумаги. — Лишние калории помогут мне выжить в холодной каюте.

— О? Я никогда не слышал, чтобы... — Иерн смолк.

Быть может, мысль и неплохая, или же просто фантазия... или у людей океанийской расы другой метаболизм? А его слова могли бы задеть раздражительного пленника.

— Люди, в своей основе, добры, — добавил Тераи. — На моей памяти немногих можно назвать злыми, только вот деяния их служат злу.

— Ну что вы, Тераи... конечно, в вашем положении трудно одобрять Орион. Но ведь вы теперь знаете, что речь идет не о дьявольщине — не о ядерном оружии, корабль этот не может создать прямую угрозу вашей стране. — Иерн натянуто улыбнулся. — Из жителей Северо-западного Союза не получатся империалисты. Для этого они слишком... неуживчивы, что ли; они и сами так говорят. Сделать из них армию завоевателей не легче, чем собрать кошек в стадо.

Тераи яростно поглядел на него:

— Разве вы не понимаете, что эти проклятые корабли будут сеять над всем миром жуткую отраву?

— Но Роника говорила, что заражение окажется пренебрежимо малым, если сравнивать с...

Ответ Тераи сокрушил Иерна.

— Неужели вы надеетесь, что они остановятся только на этом? Ступив на такой путь, в случае успеха они ограбят планету... изнасилуют ее биосферу так, как сделали их предки. Настроят ядерных энергостанций — реакторов, размножителей, энергоблоков — и остальным придется поступить точно так же, хотя бы просто из страха, и снова появятся бомбы... — Маурай часто задыхался. — Сынок, — объявил он, — я не историк и не философ, но успел повидать немалую часть земного

шара, так что могу сказать тебе с абсолютной уверенностью: всякая возникающая возможность обязательно будет использована.

— Это не так, — возразил Иерн. — Вы не обо всем знаете. Роника рассказывала мне о тех мерах безопасности, которые они установят после освобождения.

— Это после того, как они низвергнут твоих врагов и все вы будете жить мирно и счастливо? — фыркнул Тераи. — Так вот чем они купили тебя помимо очаровательной плоти? Ну что ж, женщинам не впервой служить телом интересам своей шайки бандитов. А хочешь, я расскажу кое-что о том, чем твои драгоценные северяне занимались в твоём драгоценном Домене...

Ярость охватила Иерна.

— Заткни свой поганый рот! — выкрикнул он. — Пока я тебя не убил!

Вынув из карманов огромные кулаки, Тераи мрачно поглядел на него. Призрак рассудка шептал Иерну между раскатами грома: «Не пробуй, ты не выиграешь, к тому же слова его пусты, они — просто крик боли». Иерн отвернулся и направился в противоположную сторону вдоль борта — чтобы обрести покой. Тераи стоял на месте, глядя ему вслед... а потом спустился вниз.

Фейлис визжа упала с неба, но она была луной, и ее нагонял волк, что должен пожрать ночное светило. Кровь битвы окрасила снег, сплошь покрывший всю землю за годы бесконечной зимы. Вороны рвали трупы. Дерево, в котором притаился Иерн, погибло от холода; ветви его тянулись к небу, на котором исчезало солнце. Дольмены выпускали своих мертвецов. С севера плыл черный корабль, а из кипящих морских глубин поднимался змей, сплетая кольца и извергая ядовитый туман. Падая Скайгольм, с каждым мигom приближаясь к Земле, увеличиваясь всем своим золотым диском... А когда он упал, содрогнулась вся Земля, и даже убитые содрогнулись в снегах, а позади Скайгольма падали звезды, оставляя огненный свет, и каждая из них стонала...*

— Что там такое? — воскликнула Роника. — Дорогой, проснись, наверху что-то стряслось.

* Фенрир — в скандинавской мифологии волк, что пожрет луну в конце света.

Она встряхнула его. Иерн спал на верхней койке. Он потянулся к ней — белому призраку в темной каюте, пахнущему женщиной. Крики и топот окончательно разбудили его. Резко откинув одеяло, Иерн соскочил на холодный пол.

— Посмотрим. — Роника приоткрыла дверь и выглянула. Желтый свет из коридора прикоснулся к ее гриве и нагим рукам. — Никого. Шум наверху. — Она скользнула вперед. Иерн последовал за ней. Дверь напротив висела на одной петле, но Ваироа стоял в каюте. Соседняя дверь раскачивалась в такт с движением корабля, но охранников там не было. Из каюты выскочил Микли, взлохмаченный, в пижаме. Ваироа, увидев его, отступил внутрь. Плик был слишком пьян, чтобы пробудиться.

Вместе с холодным дуновением крик пронесся по коридору:

— Челове-е-е-ек за бортом!

Роника затопала по лестнице. Оказавшись наверху, Иерн заметил, что включили все освещение. Лучи прожекторов перечеркивали струи смешанного со снегом дождя. Холод сразу вонзил клинок в тело Иерна. У борта позади корабля стояли охранники, тоже в пижамах... Припав к канатам, они вглядывались вниз, держа в руках пистолеты. Ночной вахтенный корчился возле них на коленях, с окровавленного лица его стекала кровь на доски палубы. Подошли капитан и четвертый матрос — эти были в куртках и брюках. Пятый явно находился у прожектора на крыше настройки. Рулевой дал обратный ход. Корабль остановился.

— Какого клепа случилось? — спросила Роника, перекрывая свист воздуха.

— Большой маурай прыгнул за борт, — судорожно проговорил охранник.

— Ты, ты и ты, — указал капитан. — Берите спасательную лодку. Орик, стань рядом, чтобы бросить ему спасательный круг, если заметим его в воде.

— Что случилось? — спросил Иерн, одолевая внезапную дурноту.

Микли взял его под руку.

— Нам и придется выяснить, — проговорил офицер разведки. — А раз мы ничем здесь помочь не можем, пошли вниз — воспаление легких нам ни к чему.

Чон Тилл, капитан «Грейм Трейдер», вполне мог быть уроженцем юго-востока Мексики. В нем заново проявилась африканская кровь, следы которой угадывались почти во всех северянах: смуглая кожа, курчавые волосы, толстые губы и

широкий нос. И при этом — отнюдь не бедный варвар, скорее истинный член Ложи Волка. На допрос он явился в синем мундире с пуговицами из слоновой кости.

Капитан оглядел салон. Снаружи, за теплом его, выл ветер, дыбились огромные волны, град барабанил по стеклам. Тихо светила неяркая электролампа на потолке. Перед ним за столом сидели Микли, Иерн, Роника, а напротив них — Ваироа.

— Я уже переговорил со свидетелями из экипажа, — резал капитан, загибая пальцы. — Охрана проснулась от громкого шума. Они сразу отреагировали, но Лоханнасо одним ударом выбил дверь и бросился бежать. Охранники увидели его в конце коридора. Один бросился следом, другой, вполне естественно, остался, чтобы приглядеть за Хаакону, но когда услышал крик «человек за бортом», тоже поднялся на палубу. Впередсмотрящий увидел, что Лоханнасо выскочил на палубу, хотел остановить его и получил сильный удар по переносице. Боль помешала ему проследить за ходом событий. Маурай мог поскользнуться и упасть за борт, мог и выпрыгнуть. Я хочу знать, что именно произошло.

— Как ты намереваешься допросить мертвеца? — фыркнул Микли.

Тилл поднял брови:

— А ты уверен, что он мертв?

— Мы искали его более часа. Конечно, он сильный человек и хороший пловец, но... Роника, как по-твоему, сколько может выдержать человек в такой воде, прежде чем холод убьет его?

Женщина пожала плечами, лицо ее было печальным:

— Примерно полчаса, может, чуть меньше. Но я бы скорее предположила, что меньше, Тераи не северянин и вряд ли выдержит субарктические температуры.

— Он мог продержаться на плаву достаточно долго, — предположил Тилл. — Мы бы нашли его, в особенности если бы он крикнул. Меня интересует, во-первых, не мог ли он удариться головой о корпус или обо что-нибудь еще и сразу утонуть; во-вторых, имеем ли мы дело с преднамеренным убийством или же с чем-то другим. — Он обратил свой взгляд к Ваироа. — Что вы можете сказать по этому поводу, Хаакону?

Такой ответ могла бы дать и машина:

— Я проснулся от скрежета — Тераи ломал замок. Потом я увидел, как он выскочил в дверь. Тераи обладал чудовищной силой и мог сделать это достаточно легко. Но пока я поднимался с койки, уже все забежали, и я решил оставаться на месте.

— Но ты же был его другом! — вырвалось у Иерна. — Ты должен был знать, чего он хотел... знать причины, заставившие

его так поступить. Бедный Тераи. Он так рассказывал мне о родных краях — там в лесу возле костра; я даже мечтал погостить у него когда-нибудь. Надо бы написать его вдове — когда меня выпустят... после того как взойдет Орион...

— Я не читаю мыслей, — оправдывался Ваироа. — Подобно всем вам, я мог только заметить, насколько он ушел в себя: не исключено, что Тераи действительно предпочел умереть.

— Ну нет, — возразила Роника. — Не верю. Для этого в нем слишком бурлила жизнь.

— К тому же, — сказал капитан, — свидетели утверждают, что он был основательно одет. Зачем одеваться тому, кто решил покончить с собой?

Микли поскреб в бороде.

— Ну, о самоубийцах говорить сложно, — заметил он. — Они делают подчас самые невероятные вещи. Я знал врача, у которого был неоперабельный рак. Кто знает, возможно, его можно было спасти, если бы нам разрешили производить радиоизотопы, но он впрыснул себе отраву... предварительно простерилизовав иголку.

— Тераи принадлежал к чуждой нам культуре, — настаивал Иерн с известной неловкостью. — Подобная ситуация могла повергнуть маурая в отчаяние. Возможно такое, Ваироа?

— О да, — согласился человек с темной полосой на лице.

Роника ударила кулаком по столу.

— Нет, черт побери, — взъерилась она. — В свое время я была знакома со многими маураями. Истинного мужчину нетрудно узнать... Тераи просто не мог совершить подобный поступок. О чем ты умалчиваешь, Ваироа?

Ответ был едва слышен:

— Он не поверял мне свои думы. Если вы намерены использовать наркотики или пытки, чтобы выяснить, лгу ли я, прошу учесть — у меня сил предостаточно сделать все ваши усилия тщетными.

Роника скривилась.

— Крист, за каких же свиней ты нас принимаешь?

Явившаяся идея взволновала Иерна.

— У меня есть предложение, — сказал он. — Как вы помните, мне самому удалось совершить невероятный побег. Должно быть, Тераи надеялся совершить подобное. И если бы он сумел обезвредить вахтенного, завалить дверь чем-нибудь тяжелым, чтобы на несколько минут остаться наверху в одиночестве и спустить за это время спасательную лодку...

— И отгрести от нас, — продолжил Тилл. — Ну хорошо. Предположим, он поднял мачту с парусом, прежде чем мы огляделись. Все равно никаких перспектив — скорость лодки намного меньше, чем у нашего корабля.

— Но ночь ведь темная и непогодная, — возразил Иерн. — Он был невероятно силен. Мог бы отплыть подальше и получить таким образом час или два, которые ему необходимы. А далеко ли мы от суши?

— В пяти морских милях лежит цепь островов. Потом внутренний пролив, а за ним материк. Края дикие и едва населенные — почти на тысячу километров в обе стороны.

— Но в лодку можно погрузить припасы и снаряжение. Сэр, я сознаю, что риск просто астрономический. Но я готов представить себе, что Тераи мог рискнуть жизнью, чтобы добраться до людей и передать своим информацию об Орионе, чтобы остановить работы над ним. Он ничего не сказал бы вам, Ваироа. Зачем вовлекать вас, если вы ничем не можете помочь? Лучше сохранить вас в резерве, на случай его вероятной неудачи.

Маурай кивнул.

— Ваша гипотеза кажется вполне разумной, — ответил он ровным голосом.

Микли поглядел на Ваироа, явно желая сказать: не думай, что тебе представится возможность повторить его попытку.

Капитан потер подбородок.

— Ну что ж, — сказал он. — Похоже, что этот вариант говорит сам за себя. Конечно, не всякий человек способен на подобный поступок. Впрочем, кто знает, как все было на самом деле. — Он огляделся. — Комментарии будут? Если нет — расходимся по каютам. Труп всплывет через несколько дней. Но куда его понесет — гадать нечего. Продолжаем наш путь.

Иерн и Роника провели остаток ночи на ее койке, теснее прижимаясь друг к другу. Она даже поплакала немного.

3

Прибой ярился в скалах у подножия утеса. Ни лодочник, ни пловец не мог пройти через него не пострадав. Тераи почти ослеп во тьме — ветреной, среди сгустков пены и хлопьев снега, но он слышал впереди грохот валов и ощущал их откат. Он повернул налево, полагаясь на волю случая, и направился параллельно незримому берегу. Быть может, ему попадетсЯ такое место, где удастся выйти на берег, пока он еще не превратился в льдышку.

Тераи уже давно не ощущал боли, изнеможения, оков холода... Когда же он перестал их ощущать? Он смутно помнил, что, по его предположениям, до берега надо было плыть часа три. Эти часы можно было считать тремя столетиями. Плыл не он — нечто неодушевленное.

Но потом... потом он ощутил покой, текущий под бушующим ветром. Его растрескавшиеся губы абсолютно не ощущали, что вода сделалась менее соленой. Осознавая это не разумом — инстинктом плывущего в реку лосося, он направился к суше вдоль русла и скоро почувствовал под ногами камни. Тераи выполз на берег и припал всем телом к благословенной тверди. Ветер свирепствовал над ним. Тераи заставил себя подняться, сесть, выбраться из одежды. Некогда — в полузабытом сне — Роника предупреждала его, что на холоде человеку в мокрой одежде грозит верная смерть.

Но все же эти вещи спасли его... Принесли свободу. В ту минуту, когда кто-то из матросов по дружбе предложил ему — как же они зовут эти кальсоны, объединенные с нижней рубашкой? — ах да, союзный костюм, он как раз обдумывал, как бежать, как сойти за мертвого и все же остаться живым.

«В наших краях самая лучшая ткань — это шерсть, — говорила Роника у костра. — Ничто не держит тепло лучше ее, мокрая она или нет. Лучше иметь дело с сырцовой шерстью, смазанной природным жиром. Но подойдет и обыкновенная. Жаль, что у нас здесь нет ничего подобного».

Но на борту корабля Тераи нашел именно то, что было ему нужно. Он и Ваироа, запершись в каюте, целый час натирали нижнее белье маслом. Дверь он выбивал одетым, но лишь для того, чтобы спрятать под верхней одеждой свой костюм и тем скрыть свои намерения. Оказавшись в воде, он сразу же сбросил верхнюю одежду, заранее набив карманы, чтобы она утонула, и отправился к берегу в облачении, соответствующем примерно морскому гидрокостюму.

Но он все равно едва выжил. И смерть еще поджидает его, если он не найдет, где согреться.

Сантиметр за сантиметром он поднялся на ноги и побрел в густой мрак впереди. Быть может, удастся нагрести кучу хвои, листьев, гумуса, сухой травы... зарыться в нее и дожидаться рассвета. Потом в пути он сумеет сообразить что-нибудь получше.

Получше будет... потом. Вне сомнения, он очутился на острове, и, кроме покрытого жиром исподнего, при нем не было ничего. Вряд ли следовало искать здесь людей. Впереди лежал неизведанный, но огромный путь по горам и чащобам к цивилизации и маурайскому Инспекторату.

Тераи вступил под сень деревьев. Они гасили ветер, и он почувствовал, что стал меньше дрожать. Теперь он уже мог думать. Утром первым делом он отыщет подходящие камни и изготовит орудие с острием — нож или рубило. А потом устроит шалаш, сделает ловушки для местной мелюзги и вершу для рыбы... Конечно, пока можно прожить на личинках, корнях, клубнях, сосновых орешках, ссохшихся мерзлых ягодах — на чем придется. Потом, быть может, найдутся подходящие кости для шила, кинжала, острые камни для скребков... он добудет кишки и сухожилия, чтобы изготовить такую нужную штуковину, как сверло для разжигания огня. Придется подумать и об одежде. Шерсть долго не послужит, если не прикрыть ее сверху от ветвей и земли. Быть может, удастся убить и ободрать крупного зверя, но поначалу какое-то время придется обходиться накидкой, сплетенной из травы или чего-нибудь в этом роде. Ему придется привести в порядок снаряжение, накопить мяса, в общем, собрать запас еды на дорогу, а потом с помощью деревянной лопаты и бревна перебраться через узкий пролив на материк...

Он не смел надеяться на успех. Близилась зима, которая вполне могла унести его жизнь. Но (в порыве гордости он поднял свою усталую голову) шансы у него есть: он силен, руки искусны, и путь по лесам в компании с Роникой Биркен многому научил его.

Глава 19

1

Под горами Ляски рождалась невероятная краса.

Директор Эйгар Дренг не был похож на волшебника... Невысокий, крепкий, наполовину эскимос. Плоское тяжелое лицо выглядывало из-под гривы поседевших черных волос. Рана, полученная в Энергетической войне, заставляла его прихрамывать, опираться на тросточку. За одеждой он не следил, держался приветливо, пока чей-нибудь промах не вводил его в гнев, и тогда по части крепких выражений мог заткнуть за пояс любого моряка дальнего плавания. Он был женат, возраст четверых детей укладывался в диапазон от тридцати до двадцати пяти; старшая, замужняя, уже наградила его внуком. Свободное время он отводил вечеринкам и покеру, а также принимал активное участие в работе кенайского собрания Ложи Волка.

Происхождение было едва ли более ярким, чем внешность: уроженец этих краев, он учился на юге, а потом работал над

созданием самолетов. Во время войны записался в волонтеры, дослужился до майора и был отчислен в запас по инвалидности. Еще бушевали последние битвы, но он — среди первых — уже начинал мечтать об Орионе и обдумывать проект. Место для работы выбрали по его предложению, и он руководил всем в течение начальных, самых жестоких лет подготовки. Но тем не менее выкраивал время, чтобы «выдумать штуки» (его фраза), которые инженеры, занятые над проектом, находили полезными. Когда пятнадцать лет назад проект начали воплощать в металл, боссом, естественно, назначили его. Он был здесь всегда, координировал все работы, начиная с экспериментальных устройств — грубых, примитивных, почти игрушек, самым прискорбным образом отказывавших на каждом последующем этапе; тем временем мужчины и женщины очень старались, создавая машину, никогда не существовавшую прежде.

И все же...

— Этот человек — волшебник, — объявил Плик Иерну через день после того, как они встретились с ним. — Фауст. Но с каким же дьяволом он заключил свой контракт?

Решимость, железная воля, которая направляла создание Ориона, потрясла не менее, чем сам проект. Эйгар Дренг никогда не оставлял эти края — вместе со своей семьей и несколькими сотнями рабочих, подчинявшихся ему, с их семьями, в том числе супругами и детьми, не занятыми непосредственно в Орионе и мало знавшими о нем. Иногда заезжали специалисты из дальних мест, консультирующие по сложным проблемам, но лишь когда офицеры службы безопасности были абсолютно уверены в том, что им можно доверять. Секретность, однако, была не единственной причиной, заставлявшей это общество пребывать в изоляции год от года. Людей нельзя было принуждать работать в здешних условиях, и они были выбраны за свои стремления и способности. В этом краю их держала мечта. Сознательно или нет, они готовили пути своему Господу — как умели.

— Сперва нам нужна свобода, — сказал юропанцам Эйгар Дренг. — Мы должны добиться ее, прежде чем сможем продолжать свое дело; а когда это случится, многие из нас смогут спокойно уйти в отставку. Но не все: потребуются новые силы. Сперва — свобода, но не превыше всего!

— А что потом? — спросил Иерн, хотя Роника уже говорила ему об этом.

Словами своими она привнесла в него отголоски пламени, бушевавшего в Эйгаре.

— Космос! Планеты и звезды! Конечно, мы не сможем часто запускать ядерные корабли с Земли: чересчур много радиоактивных осадков. К тому же у нас тогда скоро кончатся взрывчатые вещества, однако нам этого и не придется делать. При нашей полезной нагрузке всю нужную технику на земную орбиту и на Луну... — к мосту, что проложит путь человеку вовне, — можно доставить за несколько путешествий. А потом все пойдет само собой. При наших возможностях иначе просто не может быть. Ресурсы космоса безграничны, древние уже доказали это. В наших архивах ждут своего времени их превосходные разработки и планы. Уже лунный реголит сам по себе содержит почти все сырье, которое нам необходимо. Астероиды дадут нам еще больше — в более концентрированной форме. Один-единственный астероид, переведенный ракетным двигателем или солнечным парусом на земную орбиту или же разрабатываемый на прежнем месте роботами, катапультирующими добытые материалы на Землю... Один-единственный железоникелевый астероид, один-два щелчка в диаметре, поставит мировой промышленности все, что ей потребуется, по крайней мере на век. И не одни конструкционные сплавы, а все необходимое для электроники. Не только для одного Союза, для промышленности всего мира, включая то, что необходимо отсталым народам, чтобы вернуть прежний уровень жизни. В том числе энергию. — Он расхаживал по своему кабинету, подобно поллярному медведю в клетке. Узкая блеклая комната подчеркивала это впечатление. У обитателей этих пещер не было времени украшать их. — Столько энергии, сколько мы сможем использовать; чистой, свободной, неистощаемой. Нужно только доставить в космос большие солнечные коллекторы. И никаких сложностей: ни ночей, ни непогоды, ни пыли... птица не какнет. Хотя я, пожалуй, оживил бы другую древнюю идею. Вместо того чтобы строить в пространстве, построим станции Криссвелла на Луне — из местных пород. Но энергию все равно придется с помощью микроволн передавать на Землю, преобразовывать ее в электричество. Что там!.. Если сложится все, как надо, мы осчастливим и маураев: разберем ядерные энергоустановки, которые построены на Земле. Они нам больше не понадобятся.

Имея новый источник энергии, мы сможем изготовить любое количество топлива и не из угля или биомассы; мы будем использовать водород, взятый прямо из морской воды. Можно делать и топливо для химических ракет-носителей... если мы решим потом производить запуски с помощью лазеров, а при спуске использовать строго аэродинамический вход и никаких больше ядерных взрывов в атмосфере. Действительно, надеясь

получить неограниченный источник энергии, мы сможем позволить себе сжечь некоторое количество запасенного нами топлива при самых первых полетах. Девять запусков «Ориона» освободят нас; еще десять или двадцать вышедших на орбиту тяжелых кораблей создадут основу для дальнейших космических разработок. Базируясь на них, система «Орион» будет действовать наверняка — там, где ей надлежит быть. Где надлежит быть и человеку. Конечно, наши корабли скоро устареют. На чертежных досках уже появились космические корабли с термоядерным приводом.

— Вы преобразите мир, — пробормотал Плик.

— Быть может, в меньшей степени, чем ты думаешь, сыннок. — Голос Эйгара, только что потрескивавший и спотыкавшийся, сделался поспокойнее... угас огонек фанатизма, только что освещавший черные щели глаз. — Разве что вновь цивилизуем его. Следом за горными разработками переместится в космос и производство. Нам не потребуется больше доставать сырье из шкуры матери-Земли и превращать в грязное месиво ее раны. Вернись сюда через сотню лет или около того, и ты обнаружишь, что мы живем в пасторальном раю.

Плик покачал головой:

— Для рая пригодны одни только ангелы.

Эйгар нахмурился.

— А для чего же тогда годны люди? — Он решил не сердиться. — Только чтобы работать. О'кей, давайте сходим посмотреть, что у нас вышло.

Более чем в сотне метрах над Землей, в десяти шахтах под старательно закамуфлированными крышами, как в сотах, выросал «Орион». Шахты связывала уходящая под хребет паутина коридоров, комнат, камер, рельсов, труб, кабелей... троллями усердствовали машины.

Только построить такое предприятие уже значило совершить подвиг, непосильный любому Геркулесу. Обнаруженные естественные пещеры и высохшие fumaroles предоставили основу, но потом все делалось динамитом, скудным горно-проходческим оборудованием и человеческими мышцами... Днями и ночами, в солнце, в дождь, в туман, в снег, в мороз... и так более четырех лет. Траты были и оставались гигантскими: бетон, металл, приборы, труд, топливо... электричество создавало здесь все, начиная с флуоресцентного освещения... Оно вращало вентиляторы, плавило металл, откачивало грунтовые воды...:

Строителей нанимали на юге; больше года тут никто не выдерживал, кроме тех немногих, что знали истину. Им говорили,

что здесь по заданию консорциума предпринимателей строится промышленный центр, способный эксплуатировать природные ресурсы севера... Местные жители слышали то же самое. И не жаловались слишком громко на то, что не участвуют в общем деле: у всякого хватает забот, а допытываться... выяснять, о чем это молчат люди, северяне считали дурным тоном... Наконец, использовав небольшое количество собранного урана-235, Эйгар изобразил извержение вулкана. Консорциум объявил, что сотрясение погубило все постройки, а на восстановление у него не хватает ресурсов. К радости, сие несчастье приключилось после окончания проходческих работ — перед поставкой оборудования, людей под землей практически не было, погибших тоже. Потом Ложа Волка, члены которой возглавляли погибший проект, весьма любезно согласились приобрести место, где прежде велись работы, чтобы организовать там заповедник и научный центр по изучению дикой природы. Маураи выслушали это, но интереса не проявили. Их Инспекторат еще организовывался, и сил его хватало только на юг; Ляска же таяла в далеком тумане, у маураев еще не было повода заподозрить мошенничество.

Над поверхностью выступало немного: хижины, навесы, примитивные дороги, лаборатории, вполне уместные на обычной экологической исследовательской станции. Но на той горе, под которой строились космические корабли, их не было... Там не было ничего, кроме скалистых вершин и лесов пониже; до Тионька на берегу залива Кука на целых восемьдесят километров тянулась лесная глушь. Сотрудники вместе с семьями обитали под землей. Впрочем, внизу было не столь тесно, как опасался Иерн. Крохотные комнатки представляли больше удобств и здоровья, чем большая часть помещений, в которых обитало человечество Земли. Здесь их украшали произведения народного искусства; были устроены места для встреч, игр, спорта, любимых занятий, праздников; школе и общественной библиотеке оставалось только завидовать; обедать приходилось в общих залах, однако и кухня, и продукты были великолепными. Люди могли объединяться в разнообразные группы по интересам. Они могли выйти наверх в любое время и пользовались этим правом, когда были свободны... поднимались на горы, катались на лыжах и лодках, охотились, рыбачили, гуляли по лесам, резвились или просто наслаждались величием окрестностей. Иногда в путешествия отправлялись группами — на яхте или автобусе, — что предполагало посещение увеселительных заведений Ситки*.

* Архипелаг Александра, к югу от Аляски.

Естественно, изоляция не была да и не могла быть тотальной. Изрядное количество личностей, подобно Ронике, часто отправлялись по заданию невесть куда. Были в организации и такие, кто никогда не имел возможности являться сюда — например, ее мать и приемный отец. Оставаясь в Кенае, они работали агентами на одном из коммерческих предприятий Ложи Волка. Это была самая настоящая работа, но она тоже служила прикрытием их службы в разведке — они ненавязчиво переправляли грузы на противоположный берег залива.

В целом, почти для всех, принимавших участие в деле, достоинства работы перевешивали ее недостатки и принесенные жертвы.

Конечно, быт их не был идеален. Все не любили цензуры, которой подвергалось любое письмо вовне; многие тосковали по югу, кому-то хотелось переменить окружение и соседей, хотя все понимали, что не могут оставить этот уголок мира, пока не взойдет Орион — если не умрут раньше. Они старались смотреть на недостатки сквозь пальцы, разводились, болели, встречали утраты, горе и разочарование. Кто-то даже совершал преступления, их наказывал трибунал, учрежденный правившим здесь Директоратом. У троих возникли психозы, их поместили в гуманное, но постоянное заключение.

Подростковых бунтов было гораздо меньше, чем следовало ожидать. Большая часть выраставшей здесь молодежи лишь смутно помнила о чем-то другом; предполагалось, что, достигнув нужного возраста, они также будут работать на предприятии — в меру способностей, — пока дело не будет завершено. Представители меньшей части юного поколения не одобряли подобную перспективу и сожалели о том, что им придется оставаться здесь и после того, как они станут взрослыми. Пусть родители их согласились жить под диктатом, сами они тут ни при чем... разве северяне не свободные люди? Или нельзя допустить, что они способны держать рты на замке?

Ответ был: нет, нельзя. Да, это было великое нарушение личной свободы, но когда народ освободится, недовольные получат щедрую компенсацию; при желании они даже могут затребовать крупные суммы за ущерб. Однако попыток побега пока не было, хотя при тщательной подготовке успех был бы вполне возможен. В конце концов, все они были детьми из интеллигентных семей, воспитавших их в атмосфере терпения, усердного труда и возвышенных надежд. Как они себя будут чувствовать, если каким-нибудь образом предадут Орион? Или же если Орион взойдет без них?

Все предприятие было метастабильно. Рано или поздно какое-нибудь случайное событие должно было сорвать завесу секретности, еще не достигнув заветной цели. В сущности, само предприятие было отчаянным, рискованным и невероятным. И уж только этим фактом оно поднимало дух. Орион... Ради такой махины стоит жить. У этих людей была цель, и она полностью владела ими.

Космические корабли находились на различных стадиях готовности. Один из них уже подвергался разборке: это был непилотируемый испытательный аппарат, слетавший этим летом; инженеры разбирали его, чтобы изучить состояние всех деталей. Потом его соберут снова, но уже с учетом модификаций. Этот корабль был плавучим, его подобрали в море — вдали от посторонних глаз — и доставили сюда уже в разобранном виде. Остальные были предназначены для наземных посадок.

Планировали еще два подготовительных полета. Иерн имел достаточное техническое образование, чтобы понимать, насколько угнетает создателей подобная скудость, но выбора у штаба не было. Каждый запуск давал ключ к природе и расположению всего предприятия, а ищейки маураев принимались к каждому подозрительному следу. По этой причине розыск новых делящихся материалов пришлось прекратить; необходимость этой меры подтверждало трудное спасение группы Микли. Тем не менее при наличии времени враг неизбежно должен был обнаружить эту твердыню. Эйгар не намеревался предоставить ему этой возможности.

Уже следующий полет должен был быть пилотируемым, чтобы проверить системы управления и посадки. Эйгар надеялся произвести его через несколько месяцев, как только будут внесены некоторые коррективы, ставшие необходимыми после первого запуска. В третьем полете пилотируемый аппарат будет снабжен лазерами, солнечными коллекторами и металлическими снарядами; испытание произойдет через год или около того. При удаче — без крупных и мелких несчастий — по результатам его вооружат весь остальной флот. Орион должен был взойти в полной силе меньше чем через два года.

— Я понимаю, что времени у нас маловато, — говорил Эйгар. — Мы будем производить запуски последовательно в течение недели, если только маураи не успеют уже свалиться нам на голову. Так мы получим шанс избежать некоторых ошибок, которые, судя по опыту, мы совершаем. Я полагаю, что мы потеряем пару аппаратов, еще пара окажется бесполезной из-за неисправностей. Но дайте мне пять кораблей, находящихся в

рабочем состоянии, и... — Он протянул руку вверх ладонью, согнув пальцы в виде когтей. — Дайте мне горстку кораблей, и мы освободимся.

Электрический холодок бегал по хребту Иерна, рассматривавшего Орион-2.

Коридором он спустился на платформу в десяти метрах от дна стартовой шахты. Лестницы, трапы, паутина лесов таяли в прохладном мрачном сумраке. Яма на дне — ее фильтры и вентиляторы впитывали в себя действительно скверные яды первого взрыва — казалась подобной ночному озеру. Рабочие карликами сновали на лесах вокруг корпуса. Ему показалось, что они не обслуживают космический аппарат, а служат ему.

Плик перекрестился.

Расположившийся в центре шахты корабль блистал красотой. Под копейным наконечником носа виднелись окна и воздушный шлюз. Ниже корпус плавно расширялся метров до двадцати семи; там располагалось оборудование и система жизнеобеспечения, за ними следовал радиационный экран, грузовой трюм, где разместят оружие, готовое к грядущей войне и боевому дежурству, если для сохранения мира потребуются патрулировать; за вторым радиационным экраном располагались двигательные системы и третий радиационный экран, защищающий металл, пластик и электронику, но не экипаж. Примерно от середины корпуса откидывались короткие крылья назад. Со своего места Иерн видел люки за и под ними, откуда должна появиться трехногая посадочная опора. Он отметил чешую теплозащитных плиток, отполированные до синевы, керамика напоминала металл. Корму замыкали три толстые пластины, последовательно расширяясь до четырнадцати метров, они были разными и по размеру, и по форме и очень хитрым образом связывались между собой.

— Конечно, мы во всем изменили первоначальный проект, — объяснил Эйгар. Энергия пульсировала под сухими фразами. — Но это был всего лишь набор вычислений и набросков. Старик Дайсон так и не получил своего шанса; интересно, каким был бы сегодня мир, случись все наоборот... Его корабль был бы больше, его следовало собирать на орбите. Нам же нужно судно, способное стартовать с Земли и возвращаться назад, свободно маневрировать в воздухе и пространстве, опускаться на любую посадочную дорожку, даже на ровный участок грунта, корабль должен лететь без помощи Земли — ведь мы не можем разместить станции по всему свету, как это делали древние. На нем будут компьютеры и экипаж, управляющий с нескольких пультов. Можно создать интегрированную систему, с которой

способен справиться один человек, но тогда срок осуществления проекта продлится на годы и годы. Отсутствие эстетики корабль восполнит сугубо силой. Если он промахнется при посадке, у него хватит мощности, чтобы зайти еще раз.

Нам пришлось обратиться к старинной литературе по астронавтике, ядерной физике, в особенности о взрывных устройствах, к опыту нашей собственной цивилизации с ее аэропланами; потребовалась и просто вера — в то, что это можно сделать. — Он указал вниз. — Никакой особой красоты здесь нет. Следующие поколения «Орионов» мы сделаем лучше. Итак, по команде двигатель выбрасывает атомную бомбу на парашюте, в пластинах открывается клапан перед ней, потом закрывается позади. Крепким должен быть клапан! Бомба автоматически детонируется за последней плитой, если пилот не отменяет взрыв. Тип заряда восходит к древним тактическим боеголовкам. Их несколько вариантов — от пятидесяти тонн до пяти килотонн. Пилот выбирает величину и частоту взрывов, он может уменьшить тягу, сделав минимальным заряд и смягчив опору, поглощающую энергию. Твердотопливные ракеты нельзя увидеть отсюда, они кажутся узкими ребрами, но пилот располагает и ими, чтобы маневрировать в космосе; для этой цели внутри корабля установлены гироскопы.

Первый же взрыв посылает корабль в полет! — восторгался Эйгар. — А потом бах, бах, бах! Крохотное заражение от атмосферных взрывов. От взрывов в космосе заражения не будет. Дельта-5* ограничена числом и размером бомб, которое несет корабль. Его можно отправить куда угодно — вокруг Земли... и на Луну — с грузом небольшого океанского корабля; он способен высадить экспедицию на Марс и вернуться.

— Минуточку, — вставил Иерн. — В космосе высокий вакуум. Как там будет передаваться энергия кораблю?

— Хороший вопрос, — расхохотался Эйгар. — Донная пластина состоит в основном из синтетического материала, который поглощает энергию, сжимается, расширяется и передает движение кораблю. Это — сжимаемая решетка из насыщенных фторсиликонных цепей и углеродных колец, образующих клеточную структуру. Тот же самый состав обеспечивает гидравлику верхних пластин, ослабляющих удар на корпус: трясина не будет. Невзирая на присутствие маураев, мы успели разобраться в иных основах наук, которых не знали предки.

* Приращение скорости. Дренг использует современный аэронавтический жаргон.

«Из-за присутствия маураев мы лучше знаем биологию и психологию, — подумал Иерн. — Разве их позиция полностью не разумна?» Он постарался напрочь забыть эту мысль: теперь он на стороне Роники и ее дела.

— А когда корабль завершит полет, как будет он опускаться на Землю? — спросил Плик.

Внимательно поглядев на него, Эйгар ответил:

— Если мы еще не вышли на орбиту вокруг Земли, разворачиваемся, даем импульс-другой, чтобы уменьшить скорость. Теоретически корабль способен сесть в атмосфере на ядерной тяге, но наша система управления не приспособлена к этому, да и такой спуск приведет к излишнему радиоактивному заражению. Итак, спуск будет осуществляться аэродинамически. Вы видите крылья и теплозащиту. В цилиндрах под крыльями размещены турбореактивные двигатели, расходующие углеводородное топливо. Корабль не будет падать камнем. При тяге, которой мы добились, можно даже позволить себе возить лишнюю массу. Признаюсь, если бы не требования секретности, мы могли бы подняться повыше и только там выпустить первую бомбу. Но пока нам приходится прятать машины в этих шахтах, и мы устроили в яме установку, поглощающую радиоактивность... и еще, чтобы врагу труднее было заметить, откуда поднимается корабль.

— О, это будет не сокол или орел... нет, это будет дракон. Да, дракон!

2

Ваироа сидел сгорбившись в камере, обдумывая тонкие закономерности, проявляющиеся в воздушных потоках. Задвижка отъехала в сторону, и охранник поглядел через глазок в прочной двери.

— Привет, — сказал он. Ваироа отключил гиперчувства, поднялся и принялся ждать. — Шеф хочет повидать тебя, — объяснил охранник. — Конечно, если ты не против.

Маурай изобразил улыбку.

— Ты имеешь в виду Микли Карста, главу вашей разведывательной и секретной группы? — съязвил он на том же английском. — Едва ли директор Дренг был бы настолько ехиден.

Охранник нахмурился:

— Черт побери, заткнись! Когда ты наконец научишься молчать? Мы стараемся быть с тобой добрыми, а ты... что с тебя взять? Идешь?

Ваироа кивнул и натянул нижнее белье, куртку, брюки и сандалии: он сидел обнаженным, наблюдая всеми своими порами.

Дверь отворилась, и маурай шагнул вперед. Двое вооруженных людей отступили в сторону. Эти наемные солдаты обычно охраняли шахты от вторжения сверху, лишь иногда служили в качестве подземной охраны, непривычные к роли тюремщиков. «Да пленник-то странноват», — думали они.

— Сюда.

Один впереди, другой позади — они повели Ваироа по прохладным, освещенным тоннелям. Вентиляторы, жужжа, посылали ветерок, припахивающий маслом и химикалиями. За тюремной секцией народ сновал деловито. Люди бросали удивленные взгляды на Ваироа. Официальный бюллетень был немногословен в его отношении. Вид маурая невольно заставлял их умолкнуть. В конце коридора находилась прихожая, где женщина-офицер возилась с документами под дробь машинки, на которой секретарша выстукивала письма. У первой было оружие.

— Входите, — сказала она Ваироа. — Подождите здесь.

За дверью оказалось еще одно помещение — не слишком просторное; скальные стены были прикрыты тем же мягким сине-голубым материалом. Большую часть задней стены занимал дверной проем. Слева от него располагался книжный шкаф; на правой стене над большим, покрытым стеклом столом во всей первобытной мощи загибалась вверх пара мамонтовых бивней. На крышке стола располагались телефон, интерком, онисковый стаканчик для ручек в виде йони, хрустальная пепельница и несколько справочников в зажиме — меж человеческих челюстей — и никаких фотографий, хотя у Микли Карста была жена и дети. В воздухе стояла синяя и удушливая табачная дымка.

— Приветствую тебя, — сердечно сказал северянин из-за стола. Он указал в сторону кресла: — Садись. Не хочешь ли кофе, чая или чего-нибудь покрепче? — Ваироа покачал головой, согнулся, опустил в кресло, откинулся на спинку. — Не надо запираться. Зачем эта мрачность? — продолжил Микли приветливым тоном. — Для военнопленного с тобой обращаются достаточно хорошо... Кем ты, собственно, и являешься, не так ли? Живешь в комфортабельной камере, никто не нарушает твоё уединение, на еду и питье грех жаловаться... читай, что хочешь, есть где размяться; в случае необходимости тебе будет предоставлена медицинская помощь... и общество людей, если ты захочешь общаться со своими врагами. Сперва им было интересно, они хотели подружиться с тобой. И не виноваты в том, что ты оттолкнул их.

— И что же ты опять собираешься мне предложить? — спросил Ваироа.

— Экий проницательный. Тогда скажи, с чего ты взял, что я буду тебе что-то предлагать?

— Ты слишком любопытен, но не глуп; не рассчитываешь, что я выдам какие-то секреты, однако намереваешься выудить что-нибудь полезное из разговора со мной. Ну а если не удастся, хотя бы развлечешься.

Микли потянулся к сигарете.

— Оцени, по крайней мере, мою гуманность. Тебе надлежит пробыть здесь много месяцев; и я устроил все так, чтобы твое пребывание в одиночном заключении не оказалось бесцельной жестокостью.

Голос Ваироа оставался спокойным.

— Ну, в этом ты лжешь.

Микли сузил глаза:

— Я не рекомендую тебе оскорблять меня.

— Тебя оскорбить невозможно.

Микли кашлянул смешком:

— Неплохо! Я люблю развлекаться.

Он запалил сигарету, вдохнул, выдохнул дымное колечко и сказал:

— Вот мое предложение: ты получишь право свободно передвигаться по секциям, отведенным для жилья и отдыха. Кое-куда вход ограничен, и, как ты понимаешь, туда не войдешь без пропуска. Если захочешь, время от времени ты сможешь подниматься вверх, но под охраной. Под землей тебе разрешается подходить ко всем и свободно разговаривать, однако можешь заранее быть уверен, что на ряд вопросов тебе ответа не дадут. В подобных прогулках тебя сопровождать не будут: у наших людей хватает дел, зачем им попросту на тебя время тратить... Ограничения таковы: ночи ты должен будешь проводить в своей камере под замком. А днем через каждые четыре часа будешь отмечаться в тюрьме у дежурного офицера. Кроме того, на тебе всегда должно быть это устройство. — Микли извлек из ящика оббитое мягким материалом кольцо, снабженное замком. — Ты наденешь его на шею, — проговорил он. — Кольцо свободное и удобное, можешь мыть шею, — сам понимаешь — через голову его не стянуть. Внутри находится антенна, транзисторы и небольшая, но достаточно емкая батарея. В случае возникновения каких-нибудь подозрений относительно твоего местонахождения нажатием кнопки офицер пошлет радиосигнал, который активирует передатчик в ошейнике. Таким образом мы сумеем обнаружить тебя. Не хочешь посмотреть?

Ваироа принял устройство, повернул его разок и вернул назад.

— Нетрудно предположить, что передатчик включается и при попытке снять кольцо, — объяснил он. — Частоты те же, что и в системе оповещения, иначе стены заэкранируют столь слабый сигнал. Но наверху его можно обнаружить с помощью чувствительных приемников на значительном расстоянии даже вне прямой видимости. Поэтому, насколько я могу судить, частота находится в диапазоне...

— Какая тебе разница?

— Хотелось бы посмотреть на передатчик, способный работать в этом волновом диапазоне при таких размерах антенны. Толково придумано.

— Я не сомневаюсь в том, что ты способен усовершенствовать его. Ну а я просто запросил необходимое у одной из наших ведьм-электронщиц, и она вручила мне товар через два дня. Ты согласен на мои условия?

— Да.

Микли поднялся.

— Тогда предоставь мне честь: нагнись сюда. Только не пытайся выкинуть какой-нибудь фортель: я крепче и быстрее, чем ты предполагаешь. К тому же отсюда бежать некуда.

— Своим сопротивлением я мог бы лишить тебя сексуального удовлетворения, — отвечал Ваироа. — Но удовольствие не стоит хлопот.

Микли напрягся. И через несколько секунд отрывисто сказал:

— Ну ладно, давай. — Ваироа поднялся. Микли застегнул ему ошейник. Оба сели. Микли успел обрести душевное равновесие. — Кстати, о сексе. Могу познакомить тебя с женщиной, которая находит тебя интересным. Она не красавица, да и ты тоже. Если ты предпочитаешь молодых людей, могу устроить и это.

— Нет.

— Как хочешь. А мог бы и поблагодарить.

— За что?

— Видишь ли, мое время — достаточно ценная вещь. Я не могу его тратить попусту на каждую мрачную рожу.

— Просто я люблю точность, — ответил Ваироа. — Нам с тобой есть о чем побеседовать, когда будет свободное время. Ты интересное существо.

— Ты тоже... не знаю, насколько ты человек.

Ваироа чуть пожал плечами:

— Скажи мне, что такое человек?

Микли кивнул и ткнул окурком в пепельницу.

— У нас с тобой есть вполне определенное сходство, — задумчиво сказал он. — Оба мы какие-то... обособленные... и одновременно рождены, чтобы участвовать в вечной войне... разве не так? Говорят, что есть такая штука, как наследственная память... Все время видишь одни и те же кошмары... Быть может, людские расы помнят зло, которое когда-то причинили друг другу?

— Интересно, оказывается, и ты пользуешься словом *зло*, — заметил Ваироа.

Микли моргнул, встряхнулся и извлек свежую сигарету.

— Ну что ж, даже если судить со строго научной точки, смешно предполагать, что у рас может быть идентичная психика. Когда отличается все: походка, сложение, пропорции, цвет кожи, способность переносить внешние факторы — как могут быть идентичными мозги и нервы? Если взять характеры собак разных пород...

Зажужжал интерком. Микли щелкнул переключателем.

— Простите меня, сэр, — послышался женский голос. — Мне нужна папка из хранилища. О'кей?

— О'кей. — Микли отключил инструмент. — Неплохо бы познакомиться, прежде чем переходить к метафизике, — буркнул он. — Ты не хочешь познакомить меня с каким-нибудь эпизодом из твоей прежней жизни?

— Позволь мне подумать об этом минутку, — сказал Ваироа.

Вошедшая из приемной женщина в офицерской форме направилась к массивной, окованной железом дубовой двери погребца.

— Будь добр, отвернись, пока она будет набирать комбинацию, — попросил Микли.

Ваироа крутнул кресло и притих. Когда дверь открылась, он повернулся, бросив взгляд на хранилище, уставленное стеллажами с документами, — женщина как раз выдвигала ящик.

— Нет, ты что-то путаешь, — несогласился он. — По моим наблюдениям люди должны сперва познакомиться, а уж потом обмениваться подробностями из автобиографии. Можем начать с разговора о деле? Чем были заняты наши с вами отряды в Юропе?

Микли пыхнул дымком.

— Хочешь рассказать мне о своих делах?

— Нет, зачем же? Однако обмен некоторыми подробностями стоит труда. Например, скажи — основная цель вашего визита была связана с заговором в Скайгольме?

Женщина-офицер затаила дыхание. Микли нахмурился:

— Если ты хочешь сказать, что мы участвовали в нем, отвечу — нет.

— Но наш отряд узнал, что вы побывали в Эспейни, а потом путешествовали, встречаясь с высокопоставленными аэрогенами и при этом не были первыми агентами Северо-запада в этих краях. Кстати, именно сообщения о вашей прежней активности заставили мое командование послать туда собственных следователей.

Женщина извлекла нужную папку, закрыла ящик, потом сейф и вышла. Тем временем Микли произнес:

— Подобные вещи трудно держать в тайне. Однако воспользуйся своим здравым смыслом. Конечно, мой корпус желал бы знать, что происходит в Домене, в особенности после того, как вы, маураи, просто засели там. А чем занимались там мы? — Губы его скривились в улыбке. — Как говорит старая поговорка — на общий вопрос не дашь точный ответ: мы без шума собирали бесконечные куски головоломки, которые могли сложиться в картину или нет. О, конечно, мы были рады увидеть в Домене режим, благоприятный нам и враждебный вам. Но что вышло на самом деле? Власть захватили геанцы, вдохновляемые идеями, во всем нам враждебными. Зачем нам помогать им, сам подумай?

— Но вы поддерживаете торговые и культурные взаимоотношения с монгами.

— На взаимовыгодной основе. Если информация об Орионе попадет к ним раньше времени, мы получим войну на два фронта; вы придете с моря, а они — через горы. Но, увы, они, как и вы, подозревают нас в краже урана, и наши отношения сделались напряженными.

— Но кто предоставил Джowejну помощь, в которой он нуждался?

— Все свидетельства указывают на Юань. Неужели не понятно?

Ваироа кивнул.

— Мы можем ожидать, что новое правительство Домена начнет вымораживать нас, — сказал он. — Оно воспользуется своими внушительными ресурсами, чтобы превратить восточно-юропанцев в геанство, чтобы привлечь на свою сторону их растущую силу. Межконтинентальный альянс... неужели таковы долгосрочные надежды юанезских лидеров? Неужели имперский дух вновь оживает в солдатах?

— Тебя это беспокоит, — ответил Микли. — Но политики маураев всегда старались искоренить все потенциальные очаги беспокойства на самой ранней стадии, не давая ей возможность... так? Но что вы предполагаете делать в Юропе?

— Я не член Кабинета Ее Величества и не лорд Адмиралтейства.

— Неважно, — сказал Микли с легкой насмешкой. — Когда Орион взойдет, мы защитим и вас от всякого агрессора. Видишь ли, тогда мы уже будем заинтересованы в сохранении статус-кво, после того как прольем дождем блага космоса на все человечество.

Ваироа поглядел на него:

— Ты не веришь в это и никогда не верил.

— Конечно, — расхохотался Микли. — Пусть Эйгар Дренг и его единомышленники наслаждаются пустыми фантазиями. Полет мысли стимулирует их инженерный гений... согласись, весьма впечатляющий. Азбучный пример того, как желание побеждает логику.

— Итак, по-твоему, в случае успеха Орион позволит Северозападному Союзу сделаться доминирующей силой на Земле?

— Ну что ж, из любопытства я втихую провел ряд исследований руками людей, не склонных размахивать топорами при слове «космос». К тому же я стараюсь мыслить самостоятельно.

Микли махнул рукой.

— Конечно, — согласился он. — Мы не можем поставить гарнизоны по всему земному шару и не сделали бы этого, даже располагая соответствующей силой. Поэтому нам необходим Орион и крупная система, обслуживающая карающую длань небес. Поэтому на мирные исследования мы не выделим почти ничего, пока не построим отдельный флот специально для этой цели, а на это уйдет уйма времени, в особенности учитывая, что вложения капитала не посыплются на столь дорогое и ненадежное предприятие. Но даже если я и не прав, Дренг с невероятным оптимизмом оценивает темпы работ. Он закрывает глаза на все возможные социальные и экономические неурядицы. Тем временем каждое общество, в том числе и наше, будет преобразовываться. Сам Орион, положивший руку свою на старый штурвал маураев, гарантирует это... но характер изменений предвидеть трудно. — Он ухмыльнулся... ну точно акула. — За исключением одного: мы никогда... никогда не позволим Земле превратиться в обитаемый парк, обслуживаемый заводами, разбросанными по всей Солнечной системе. В природе человека — гадить в собственном доме.

После недолгого молчания, когда говорил только вентилятор, Вайроа шевельнулся в кресле и негромко спросил:

— Если ты так мало веришь в свое дело, почему же служишь ему так преданно?

— Это самая веселая игра в нашем городе, — возликовал Микли, — и закончится она пышным фейерверком. А почему ты служишь своей цели?

— Потому что не сомневаюсь: ты прав; если вы победите, ничего другого нам ждать не придется, все будет, как ты сказал.

— Какая тебе разница?

— В моей природе быть наблюдателем. — Маурай помолчал, а потом деловито добавил: — Мы с тобой рождены, чтобы убивать друг друга: я — тебя, а ты — меня. И посему мы можем быть более откровенны между собой, чем с кем бы то ни было на Земле.

3

*И снова виноделы сотворили свое смиренное чудо,
Чтобы соединить вас с годам, давно миновавшим,
Унесенным порывом осеннего ветра.
В нем память о пламенеющих виноградниках,
Ясная, как твой дух, которому в путь уходить,
И судьба уносит его навсегда. Но куда —
Так быстро, и рано, и так неожиданно?
Так пригубим же лето, что дремлет внутри чаши,
Вспомним солнцем позолоченного сокола,
Что замер в небе, крылатый, как наши сердца,
И музыка, музыка без конца.
Вином обновленный, я живой любовник навеки.*

Плик закончил эту песню перебором аккордов и отложил гитару. Левая рука его потянулась к стакану, правая легла на грудь молодой женщины, сидевшей возле него. Он улыбнулся и чмокнул ее в щеку.

Аплодисменты запорхали по залу. После обеда столовую переоборудовали в таверну, названную «Каблук сапога». Никто не знал, как это вышло, но всякий знал почему: с незапамятных времен у северо-западных инженеров была поговорка — «инструкции напечатаны у тебя под каблуком». (Бар представлял собой стойку, на которой выстроились бутылки, и рядом бочонок с пивом; клиенты обслуживали себя самостоятельно, бросая деньги в кувшин по принципу — кто сколько может. Свет причудливых ламп сменил флуоресцентные панели, создавая ощущение праздника в романтических сумрачных уголках. Свежий

запах сосны помогал изгнать запах горелого жира, табака, ма-рихуаны и гашиша. Лишь кучка питухов сидела еще на скамейках в столь поздний час.) В неделю каждому предоставляется один выходной — в разные дни, но не все пользовались ими, как и отпусками: главным был Орион.

— Для кого ты сочинил эту песню? — спросила молодая женщина. Прежде, когда в комнате было полно народу, Плик сопровождал свои номера посвящениями, зачастую достаточно откровенными.

— Для тебя, милочка, для тебя... для кого же еще? — мурлыкал он, отпив огнедышащего местного виски.

Лисба Ямамура свела брови, пригубив шерри.

— Мм-м, в таком случае ты зачем-то назвал меня Лозой и утверждал, что мы знакомы с незапамятных времен.

— Поэтическое преувеличение, — соврал Плик.

Крепкая девица с пикантным, чуть азиатским лицом... живая и смышленная, работала в технической библиотеке. Она искоса глянула на него.

— Выдумываешь ты все. А по-моему, это ты написал для другой женщины, там в Юропе, и просто перевел на англиш, пока мыл тарелки.

Днем Плик работал на кухне, где не хватало рук, а вечерами пел — ради выпивки и чаевых; здесь он преуспевал, поскольку развлечений было немного.

— Нет, что ты, — возразил он. — Не буду спорить, основу произведения я задумал там, пользуясь некоторыми литературными мотивами, но, повстречав даму, достойную чувств...

— Ладно... — улыбнулась она. — Буду вежливой: считай, что я верю тебе... очаровательный негодник. — Губы его скользнули по благоуханным иссиня-черным волосам. — К тому же ты иностранец. Это волнует. Мы здесь живем в такой изоляции...

— Так ты завтра не работаешь?

— Нет, у меня выходной.

— Я тоже. Можно бы и развлечься. А ты не торопишься? Мне так одиноко.

— А твои друзья...

— О, мои сотрудники и соседи по холостяцкой секции — народ добрый, внимательный, но, откровенно говоря, чужды мне; к тому же все они — мужчины. Иерн и Роника приглашают меня к себе выпить и поболтать, но не часто. Почти все время они заняты делами и друг другом. Ваироа же... после освобождения Ваироа наблюдает.

— А капитан Карст? Я слышала...

Плик скривился:

— Зачем я ему? Этот кот всегда найдет себе более жирную мышь.

Лисба чуть отодвинулась от него.

— Кого ты имеешь в виду? Маурая?

Икнув, тот выпил.

— Нет, псов, бегущих по его следу. Он должен перехитрить их, успеть забежать к ним в конуру и загрызть их щенков. А мыши — это мы, простые люди, беспомощные и несчастные, миллионноликие. Более того, когда загорится наш мир, он свернется клубком и, согревшись у огня, примется мурлыкать.

— Мне не нравится твоя речь. — Она отодвинулась подальше.

— Прошу прощения. — Он выговаривал слова подчеркнуто точно. — Быть может, я что-то сказал не так. Слишком много выпил. А давай не будем допивать и...

— Э, нет, подожди, мистер! — Она выпрямилась и яростно взглянула на него. Те, кто еще оставался в зале, не могли слышать их негромкие голоса; все разговаривали, не обращая ни на кого внимания. Уединение, редкое в комплексе Орион, ценилось в Союзе. — Я хочу понять, о чем это ты... Микли Карст для нас вроде героя; ты ведь не знаешь всего, что он сделал ради проекта. Если же он для тебя плох, значит, плохи и все мы. А я в этом сомневаюсь.

— Я тоже, я тоже, — торопливо сказал Плик. — Не будем обсуждать его геройство. Вы делаете это из самых честных побуждений, намереваясь облагодетельствовать весь мир. Ты довольна?

— Э, нет. — Ноздри девушки расширились. Даже в сумраке ему показалось, что она побледнела. — Ты хочешь сказать, что мои коллеги и я подобны слепым глупцам, служащим делу, способному повлечь за собой новый Судный День? Это симптомы той же самой истерии, что въелась в плоть и кровь маураев... Я думала о тебе лучше. На самом деле.

Плик ошетинился.

— Все дело в том, — рявкнул он, — что каждый «Орион» способен погубить несколько городов. Кто будет контролировать командиров кораблей... и сколько времени они будут летать? А потом навезут радиоактивных материалов из космоса, настроят термоядерных реакторов на Земле, запустят на полный ход ту самую биотехнику, пользуясь которой создали бедного Ваироа. Вы освобождаете демона — вы и ваш народ. Демона энергии.

— Силу не обязательно использовать во зло.

Плик качнул головой, выпил и сел.

— Эти слова почти что бессмысленный шум, моя дорогая. В самом лучшем случае — неуместный. Мы никогда не используем силу. Это она использует нас, потребляет нас, даже после того как исчезнут вызвавшие ее причины. Сила существует ради себя самой, она — собственный бог. Ты полагаешь, что Орион сделает вас свободными. Быть может, так и будет, но только на время. А потом, потом...

Лисба поднялась.

— Доброй ночи, — отрезала она.

Он схватил ее за запястье.

— Подожди, пожалуйста! Я не хотел тебя обидеть. Знаешь что! — вскрикнул он. — Это не я говорю, а спиртное.

— Вот что скажу тебе: я устала слушать его. Спокойной ночи! — сказала и ушла.

Плик поглядел ей вслед, перевел взгляд на захмелевшую компанию. Изобразил приятную улыбку и громко объявил:

— Она не может усомниться в собственной правоте, как и все вы. Так что все мысли лучше держать при себе.

Он поднял бокал...

4

Самым жестоким врагом беглеца стал туман: здесь не так уж и холодно даже в разгар зимы. Острова укрывали его от сильного ветра. Дожди редко бывали сильными, хотя без них не прошло ни дня. Несколько раз тонкой пеленой выпадал снег, таявший едва ли не в воздухе. Тераи шел и в такую погоду, и лишь закат заставлял его искать убежище.

Но потом спустились облака, полные прохладной мороси. Они проглотили мир, спрятали его за серой бесформенной пеленою, лишили Тераи утренних и закатных часов, сократив и без того недолгий день. Слепой, ничего не видящий в нескольких метрах перед собой, он не мог наметить свой путь через высоты и глубины, что лежали впереди. Оставалось брести вперед наудачу, держась поближе к воде, чтобы слышать шум волн; иначе он мог заблудиться. Но низкие облака глушили прибой, искажали, путали направление. Однако истинным кошмаром была влага, пропитавшая одежду его, самую плоть до мозга костей, куда не мог забраться ветер: сырость заставляла его кашлять, дрожать, вспоминая о южных морях — о далеком несбыточном сне.

Он не мог остановиться и подождать на месте, пока облака разойдутся. Это могло бы стоить ему слишком дорого. В удачные дни, по своей оценке, Тераи одолевал километров по тридцать,

но такие победы были редки. Часто местность замедляла движение. Необходимость заставляла его останавливаться, готовиться к ночлегу, вырывать из дебрей все необходимое для жизни, и опытными руками, вооруженными орудиями каменного века, придавать кускам ее нужную форму. Есть на небе туман или нет — он должен идти вперед.

Берег протянулся полоской вдоль подножия гор, корни их, погружаясь в воду, вновь и вновь дыбили ровный пляж, невысокие гряды приходилось перелезать... на смену им приходили фиорды, которые следовало обходить, и реки — их он переплывал или переходил вброд. У Тераи не было другого пути. Взяв к востоку в поисках легкой дороги, он скоро бы заблудился, тем более что небо оставалось постоянно завешанным облачной пеленой. В предгорьях его могла погубить первая же метель, если лавина, падение или медведь гризли не расправились бы с ним до того. Здесь же вода направляла его путь, а лесистые склоны поддерживали его жизнь: оленей в это время года хватало. Он надеялся наткнуться на поселок или рыбацкую лодку и попросить помощи. В пути, потратив изрядное количество времени, Тераи придумал историю, которую расскажет, если встретит людей. Повесть сия должна быть надежной и... столь же дикой, как и его внешность. Истощенный, обветренный, покрытый шрамами, босой, грязный, облаченный в мокрую шерсть и сырые шкуры, сшитые вместе сухожилиями, — одежду он менял, когда она грубела, а не когда разила запашком — с дорожным посохом в руке, грубым кисетом на груди, полным камней — чтобы бросать и резать ими, с запасом пищи в грубом плетеном мешке за спиной, он способен потрясти самого ничтожного из дикарей, населяющих эту глушь.

Впрочем, он-то дикарем не был... он был мужчиной и маураем, у которого есть цель, оправдывающая любые испытания, и дом, который ждал его. Каждый день он напоминал себе об этом, чтобы не сдаться.

Тераи Лоханнасо брел вперед под плачущими облаками...

5

Огонь приветливо потрескивал за слюдяным оконцем в двери керамической печки. От нее исходило тепло. В трубе что-то низко жужжало, расположенный там вентилятор поглощал часть энергии поднимающегося дыма, большая часть которой поступала в теплообменник и возвращалась в дом. Свет ложился на обои, занавески, картины, мебель, ковер... отражался от оконного стекла, отвергая ночь, затаившуюся снаружи. Пахло обедом, по гостиной плыли ароматы кофе и бренди.

— Но ты уверена, что присутствие Иерна ничего не раскроет? — спросил Том Джемис. — Ему придется встречаться с людьми в своих поездках. Кенай — это большая деревня, здесь будут говорить прежде всего о том, что ты не представила своего жениха, но, оказавшись на юге, они смогут упомянуть его при чужих ушах.

Роника улыбнулась отчиму. Этот рослый мужчина, лысый и седобородый, чем-то напоминал Лауни Биркена — и статью, и сердцем.

— Да, об этом я должна поведать вам, — сказала она ему и своей матери. — Можете не беспокоиться, мы соблюдаем всю необходимую осторожность. Сам Микли Карст одобрил и нашу поездку, и ее прикрытие. Иерн — из свободной Мерики — из Корадо*, — его я встретила в путешествии, о котором не имею права рассказывать. Не забывайте, что в Орионе работают и несколько иностранцев. Но официально — он ученый, специалист по экологии. Зовут его Ерно Сунну Фернан, что должно объяснить все возможные его ошибки в языке. Акцент его сойдет за диалект англиша, которым пользуются возле мейканской** границы, там, где чувствуется влияние испаньолского. — Она вдохнула, впитывая благоухание спиртного, запила глотком крепкого кофе. — Как вы понимаете, мы заехали ненадолго. Неужели я не могу повидать родственников и показать им своего мужа?

Иерн потянулся, взял ее руку и пожал: любовь хлынула сквозь пальцы и возвратилась обратно. На миг Вселенная вокруг него покачнулась: прошло уже больше трех месяцев, а его прикосновения по-прежнему волновали Ронику. «Мне придется стать ужасно старой и дряхлой, чтобы он потерял эту способность. Нет, скорей всего мы будем гоняться друг за другом в инвалидных колясках и похотливо каплять, шокируя наших внуков».

— Ты у меня милая девочка, — сказала ее мать, — правда, сорванец. — Аннес прежде времени поседела, но это была единственная уступка, которую она сделала времени. — Ты мне нравишься, Иерн, и, наверное, со временем будешь нравиться больше.

— Весьма польщен, мадам, — отвечал аэроген неожиданно застенчивым тоном.

— Я надеюсь, что мы с Томом получим такую возможность, — продолжила Аннес. — Но едва ли можно надеяться, пока не взойшел Орион. Потом — у тебя будут дела в Европе. Ну, не будем заранее беспокоиться. Интересно, прямо скажу, до небес. А как вам нравится за проливом?

* Совр. Колорадо.

** Совр. мексиканской.

Он ответил с восторгом:

— Просто чудесно. Все так интересно: даже конференции, отчеты и вся ерундистика, которой занимаешься большую часть времени. Но мы выйдем в космос!

Роника понимала его. Ей тоже приходилось работать на имитаторах, отлаживая системы управления.

По вполне понятным причинам Иерна готовили в пилоты. Здесь он был самым опытным летчиком. И сейчас, еще только пытаясь овладеть кораблем, который еще когда-то придется пилотировать, Иерн уже давал практические советы, помогал улучшить конструкцию, устранить недостатки. Да, их служебные обязанности переплетались, как делали они сами, оставаясь наедине. Все-таки и днем они были рядом.

«Только не в имитаторе. Там он оставлял меня и не сразу возвращался назад, выходя из кабины. Его взгляд, его душа еще долго блуждают неведомо где. Я не могу винить тебя в этом, Иерн, дорогой мой. Я могу лишь завидовать, ведь ты никогда не бываешь столь достоин любви, как в эти моменты, когда голова твоя полна звезд... А ведь они здесь — всего лишь компьютерная картинка... изображение на экране, имитирующее показания приборов и — отчасти — ощущения, дающие нам представление о том, что мы должны еще построить и совершить. Древние могли позволить огромную службу слежения и управления полетом — на просторах планеты. Мы не в силах этого сделать. А потому — должны создать корабли, экипажи которых будут зависеть лишь от себя, — и ты полетишь на них, Иерн. И я возле тебя!»

Вечера они проводили у себя. Прежде чем лечь спать, выходили наверх — рука в руке, чтобы полюбоваться необыкновенно чистым небом. Здесь, на окраинах мира, темнота и звезды принадлежали им одним. Холод гладил их щеки и заставлял дыхание куриться белизной снежных вершин. Снег под ногами скрипом изгонял безмолвие. А наверху плыл и сиял Млечный путь, отражаясь в эбеновом зеркале вод. Бриллианты окружали их. И могучий, вздымался над восточным хребтом Орион — созвездие пришедшей зимы.

Глава 20

1

«Как же мало таких, с кем я могу говорить откровенно». Сейчас при нем было двое наперсников. Капитан Джовейн по-

глядел через свой стол и ощутил, насколько он одинок. С этими людьми он мог поделиться только мыслями, но не сердцем. Сердце не с кем было делить.

— И что вы думаете? — спросил он у Бергдорфа Пир Верине.

Магнат шевельнулся в кресле. Этот великий спортсмен служил офицером в итальянской кампании и весьма отличился. Дома он решительной рукой управлял семейными владениями у озера Женеве и брокерским заведением, которое основал. И все же теперь он колебался.

— Я нуждаюсь в дополнительной информации, сэр.

Маттас Олвера разразился громогласной непристойностью.

— Что еще нужно? — рявкнул он. — Свидетелей истины преследуют за Каналом. Это явное нарушение договора осуществляется прямо под носом Скайгольма — перед лазерами его. Если мы неотреагируем, кто первым примется досаждать нам с тыла? Какие из восточных варваров?

— Подожди, подожди! — Джовеин поднял ладонь. Наступило молчание, усугубляемое вечным тихим дыханием аэростата. На геанский манер он заставил себя ощутить все окружающее, творения и вещи предков, ледниковую твердость стен под ладонью. И, собравшись с силами, осадил своего ментора: — Я уже слышал эту риторику, Маттас. Сегодня мне нужен совет.

Ученый булькнул что-то и осел в кресло, наливаясь кровью.

— Надоело слушать, как алеманов называют варварами, — добавил Пир Верине. — Некоторые из них действительно таковы, но мои соседи вновь нашли дорогу к цивилизации. У них есть крепнувший класс грамотеев... торговля, законы... амбиции, которые когда-нибудь превратят их в соперников Домена, поскольку Конфедерация племен расширяется и совершенствуется. — Он отвесил Маттасу иронический кивок. — Но в известной степени вы правы; ради наших внуков мы должны смотреть вперед и принимать меры заранее.

— Вопрос в том, какие и как, — сказал Капитан. — Мы не можем проявлять мягкотелость, иначе Домен развалится на части. Скоро я соберу своих официальных советников, обсужу с ними вопросы, издам приказы. Но сперва я хочу понять — в какую сторону лететь. Я призвал тебя, Пир, поскольку верю, что твое мнение будет объективным и независимым. «Во всяком случае ничего более разумного я не услышу», — с нелегким чувством подумал он. — Можно ли надеяться на него? Пир Верине в прошлом рисковал многим, но всегда заранее вычислял последствия и тщательно продумав предосторожности. Он

счел возможным поддержать мой заговор, он был готов отречься от меня в случае неудачи. Он может предать и сейчас — если усмотрит в том выгоду».

Второй аэроген провел ладонью по лысой макушке.

— Ну что ж, — ответил он. — Если ты разрешаешь мне быть откровенным: я не вижу причин, по которым мы должны серьезно относиться к случившемуся в Ангелеланне.

— Что? — взорвался Маттас. Он вскочил и заходил взад-вперед. — Можно игнорировать... не обращать на них внимания, если хотите позволить банде безмозглых узколобых реакционеров запретить покорному населению знакомиться с Истиной. Ты объявил, что симпатизируешь геанству. А ты помнишь, что означает эта вещь? Это память о том, что мы избавили Девон от пиратов, грабивших его берега, хотя эта страна не принадлежала к Домену, и Скайгольм ничем ей не обязан. И это была единственная любезность с нашей стороны за все эти века. И какой же благодарностью отвечают нам эти чингарос*? Беспорным нарушением договора, вот как!

— Давайте посмотрим все в перспективе, — мягко ответил Пир. — Морские пираты и сухопутные разбойники в прошлом грабили у наших партнеров товары, которые мы хотели получить морским путем, подрывали коммерцию и, вне сомнения, обнаглев, могли начать набеги на наши собственные берега. Скайгольм склонен к альтруизму не более чем любое другое правительство. — Он поднял указательный палец. — Действительно, Гернсейский договор гарантирует свободный доступ в страны Южного Ангелеланна законопослушным гражданам Домена. Однако Девон — государство иерократическое. Его епископ решил — причем совершенно правильно, — что геанство подорвет церковь и веру. Поэтому он объявляет, что наши миссионеры нарушают закон. Но неужели ради этого стоит воевать? Почему бы не поискать новообращенных поближе к дому, учены?

— Кто тут говорил о войне? — спросил Джовейн. — Экономические санкции...

— Нет, — ответил Пир еще более мягким тоном. — Нет, сир, только не это, друг мой. Вы обещали изоляционистам ограничить иностранную торговлю, тем самым огорчили в Домене многих. Мы постарались положить эту программу обратно на полку. Но торговля, скажем, с маураями не достигла еще большого оборота. Другое дело — страны, расположенные по другую сторону канала. Эмбарго причинит серьезный ущерб мне и

* Забуддыги (исп.).

моим коллегам. — Он обратился взглядом к Джовейну и не отводя глаз продолжил: — Капитан не может сознательно наносить ущерб своим сторонникам, не так ли?

«Как холодно, наверное, мне это лишь кажется, но почему я тогда дрожу?»

— Я не говорил о войне, — буркнул Маттас. — Жесткие дипломатические меры, ультиматум, если потребуется — мобилизация. Этих мер будет довольно.

Пир улыбнулся:

— Да, а когда закончится кризис, нам предоставят новые коммерческие концессии. Прошу вас не забывать мои слова. Конечно, бизнес не следует воспринимать чересчур серьезно, но это не значит, что из него можно делать полный кавардак.

Они оба внимательно поглядели на Джовейна.

— Еще один важный момент, — пояснил Пир Верине. — Подумайте о наших военных. Им не нравится наша внезапная дружба со старым врагом, с Эспейнью. И еще меньше — предстоящее сокращение их рядов и постепенное замещение теми людьми, которых Скайгольм наберет непосредственно. Да, в моих Альпах тоже слышны жалобы; настроение близится к бунту. Мобилизация займет новых военных. У них будет занятие, которое можно контролировать, Капитан.

— Я... думал... о... подобном, — признался Джовейн.

...Через несколько часов он остался один; сгорбившись, заложив руки за спину, он глядел на побуревший от времени лист Турской Декларации, едва замечая буквы, а в памяти пульсировали слова: «...Ради мира, порядка, справедливости и предельного объединения...

Я, переживший войну, мирный человек. Но если я угрожаю войной и мной пренебрегают, я должен затевать войну. Почему? Как это случилось? Что пошло не так?»

Он расправил плечи; Жизненная Сила, которой служил он, порождала боль вместе со смертью. Об этом нельзя забывать.

Часы сообщили, что Юропа, оставив короткий день этой поры, закатилась в долгую ночь. Пора домой, к Фейлис. Быть может, он сумеет получить от нее силы. Нет, это она будет просить у него утешения, поддержки, надежды. Хорошо, что она наконец перестала жаловаться на то, что он редко бывает дома.

2

Заметив вдали огоньки в окнах, Тераи, забыв про усталость, ускорил шаг. Он знал, где искать рыбацкий поселок; инжуны, которых он вчера встретил, рассказали ему. Они предоставили кров, еду, одежду, но, переночевав у них только одну ночь, он

распрощался с гостеприимными лесовиками. Весть, ради которой он прошел такой путь, ждать не могла. Он бежал от них с чувством вины: Северо-западный Союз был родиной и этих людей. Но его долг — перед своим отечеством, перед всем человечеством в целом и всей живой планетой. Луга вдоль дороги померкли, гравий шептал под его мокасинами. Прохлада уже предвещала мороз — и ждать недолго. Небо расчистилось. Инжуны сказали ему, что день этот, подходивший к концу, отмечал начало зимы.

Дорога повернула навстречу волнам, и еще не померкший свет на западе исчез за холмами. Тераи мог уже различить радиоприемную антенну над зданием, которое должно было, по его мнению, оказаться залом собраний какой-нибудь из здешних Лож. Строгие тонкие линии напоминали мачту — корабль среди звезд направлялся к неизвестному порту. Звездной громадой над ней высился Орион.

По разбитым колесам Тераи приближался к своей цели. Встречных не было: сейчас все были дома, ужинали. Он видел их в окнах — мужчин, женщин, детей, стариков, обитавших под одной крышей... приятелей, явившихся в гости. Сценки эти несли душевное тепло и мир, но были бесконечно чужды ему. Нужный ему дом был в городе самым большим — как подобает месту собраний, но стены его тоже сложены из тех же прочных бревен, как и повсюду. Дверь была не заперта. Тераи решил постучать: свет свидетельствовал, что внутри кто-то находился. Наверное, сторож, живущий здесь же. Дерево гулко ответило на удар. Дверь распахнулась.

Перед Тераи предстал мужчина средних лет. Свеча, которая была в подсвечнике, осветила спорбленную фигуру, морщинистые руки, привычные к тяжелой работе. Сторож глядел на рослого пришельца в одежде с чужого плеча.

— Кто ты и чего хочешь? — спросил он наконец. (К незнакомцам в этих лесах обычно относились дружелюбно.)

«Но я маурай, — подумал Тераи. — Конечно, он заметил это». И громко проговорил:

— Добрый вечер, сэр, мне жаль беспокоить вас, но мне нужно срочно связаться с Виттохрией.

— А, — кислым тоном сказал смотритель. — Назови свое имя и объясни, в чем дело.

— Я потерпел кораблекрушение и долго шел сюда по берегу, и лишь вчера набрел на племя инжунов, позаботившихся обо мне и направивших сюда. Я просто хочу известить свою компанию и объяснить, что произошло. Они пришлют за мной какой-нибудь транспорт.

— Какая же это компания будет открыта в такой поздний час, да еще в праздник? Интересно бы знать... — Враждебность стала открытой. Свободная рука мужчины опустилась на рукоять ножа у пояса. — Вот что, сходим с тобой к Ола Норину, он у нас мэр, и ему лучше знать, что творится снаружи.

Быть может, Тераи следовало согласиться. Рассказ его не обязательно мог показаться сомнительным здешнему мэру. Но на своем пути он столько раз оказывался на краю пропасти, и слово «шанс» на его слух звучало чистым ругательством. Невольно он принял стойку дзюдоиста: мышцы и чувства напряжены, тело мобилизовано.

— Охотно принесу свое глубочайшее почтение мэру, после того как переговорю со столицей по радио, — сказал он. — Так что, будь любезен, выполняй.

— Я не собираюсь быть с тобой любезным! — Блеснул нож. — У нас тут таких, как ты, во-о сколько шныряет... ищек всяких. Черт бы тебя побрал со всеми твоими делами. Пошли...

Схватка, удар, падение тела. Выбросив нож за дверь, Тераи поглядел на корчившегося на досках пола мужчину и пробормотал:

— Извини. Я не хотел этого, но теперь тебе придется исполнять мои приказания, понял?

Разогнувшись, старик поднял подсвечник, зажег свечу и побрел по темному коридору. Впереди моргал огонек. Язычок свечи освещал лицо коренастой женщины: пальцы изломаны артритом, вставные зубы — вещь вовсе не слыханная в Океании.

— Боб? — окликнула она. — Боб, дорогой, что случилось... Ох! — и умолкла, раскрыв рот.

— Не бойтесь, мизза, — торопливо сказал Тераи. — С вашим мужем ничего плохого не случится. Он просто решил не впускать меня в радиорубку, а поэтому мне придется поддержать его в заложниках, пока не придут мои друзья. Это произойдет достаточно скоро, и если вы выйдете на улицу, попросите соседей не поднимать шума, за все хлопоты я предоставляю вам, добрые люди, щедрую компенсацию.

— Мара... делай, как он приказывает, — настоял смотритель.

Женщина отправилась прочь, дрожа и подавляя рыдания. Тераи усадил пострадавшего в кресло, запер дверь радиорубки и склонился над передатчиком.

— Если ты и впрямь потерпел кораблекрушение, — сказал норрмен, — значит, ты не из простых моряков.

— Военный, — ответил Тераи. — Я надеялся на дружеский прием, но, увы, не вышло...

— А зачем вы, маураи, лезете в нашу страну? В городах у пролива, говорят...

Тераи велел ему умолкнуть и соединился. Ночная дежурная в Виттохрии вызвала офицера, Тераи бы предпочел любого из вышестоящих, но такую личность быстро к радио не доставишь. А в деревне тем временем могли начаться беспорядки. Приходилось надеяться, что возмущение местных жителей не перейдет в действие. Негодующая толпа снаружи, выборные представители, посланные на переговоры... подобного риска.

— Слушайте меня внимательно, эсин*, — произнес он на родном языке. — И немедленно передайте мое сообщение капитану Кураве. Никому, кроме него, ни слова... как поняли?

Закончив, он получил — с запинкой — ответ:

— Да, сэр, через час за вами прибудет самолет вертикально-го взлета с взводом на борту. Этого достаточно?

— Надеюсь. Наверное.

— Может, вам что-нибудь очень нужно, сэр?

— Ну что ж... — Тераи изобразил улыбку. — Пришлите бутылку рома. Самолет за мной отправляйте немедленно, как только отошлете посыльного к капитану Кураве.

— Как прикажете, сэр. Танароа... что будет...

— Ничего особенного. Да, и свяжитесь с Нозеланном, чтобы я мог переговорить с женой.

3

Палата, в которой Арнек IV, Местромор Западного Брежа, собрал своих гостей, с высоты дворца глядела на Кемпер. Из окна можно было увидеть крыши, выбеленные недавним снегопадом, две свинцово-серые речки, корпуса и мачты, протянувшиеся вдоль берега, шпиль Кафедрального Собора четко вырисовывался под облаками, затянувшими небосвод. По узким улицам к дворцу подобралась ночь. Их освещали огоньки — рубиновые, сапфировые, изумрудные, янтарные, казавшиеся в этом году столь же неяркими, как и сам праздник, который они освещали. Холодом дышали городские стены. Лампы и очаги тщетно пытались развеять мрак, заползавший в палату извне. Или это шторы, ковры и тяжелая старая мебель казались слишком темными, да и лица предков хмуро глядели из строгих рам. Или же — тень лежала на самих людях. Собравшихся было около двадцати, в основном мужчины средних лет — аэрогены и влиятельные наземники. Торжественность заставляла всех наряжаться, однако богатые одежды не были яркими, лишь плечи

* Первое офицерское звание, аналог прапорщика (амер.).

Восмайер Тесс Рейман украшала короткая красная мантия. Вина и закуски стояли рядом, но к ним только прикасались — как бы в рассеянности. Образовались небольшие группки, постоянно менявшие свой состав, и все негромко разговаривали.

Наконец Арнек возвысил голос на франсее с акцентом:

— Мои дамы, мои сэры, прошу вас, садитесь. — Когда все заняли места вокруг центрального стола, он поднялся на своем месте во главе его и поднял руки, призывая к молчанию. Отнюдь не впечатляющий внешне: невысокий, сгорбленный, увенчанный редкой сединой... очки, как всегда, вкось сползли на нос. Этот ученый, чьи работы по эволюции кельтских языков после Судного Дня считались фундаментальными, редко играл в политике более активную роль, чем требовало унаследованное им положение. Поэтому-то никто из приглашенных не подумал дать отказ его посыльным — в особенности после того, как те уточняли, что агенты терранской гвардии не обращают особого внимания на все, что творится вокруг уважаемого профессора. — Все вы, в общем, понимаете, зачем мы здесь собрались, словно на лекции в Консватуаре. В ближайшие несколько дней мы должны уточнить наши цели и решить, что следует предпринять. Я предлагаю, чтобы мы начали с неформального обмена идеями и немедленно. Потом, когда все желающие выскажутся, мы можем спуститься вниз, чтобы за ужином провести первый вечер праздника, отметить который, как объявлено, мы собрались здесь. — Он опустился в кресло.

Все молчали, не потому, что эти люди не знали друг друга — члены правящего класса обычно знакомы. Просто никто не хотел говорить первым, чтобы не нарушить приличий.

Прервал молчание Таленс Халд Тирье, которому пришлось проделать самый дальний путь:

— Вопрос очень прост: сколько еще выходов этого узурпатора намерены мы терпеть?

— Потихе, потихе, — сказал Дикенскит Жан Ханнес в некоторой тревоге. — Я понимаю, что у вас в Бейнаке есть особые причины для беспокойства...

— Не только у нас. Спросите кого угодно в Дордойни. Мы не смогли бы выгнать назначенного Джовейном лакея, если бы вся страна не поддержала нас.

— Но открытый бунт...

— Я не призываю к нему, сэр. Я говорю о том, что Конвент сеньоров Кланов должен голосованием отрешить Джовейна от должности.

Лундгард Симе Эйсон стукнул по столу.

— Разве эта свинья позволит нам собраться? Да и станет ли он повиноваться? Ведь Скайгольм остается в его руках.

Восмайер Тесс Рейман взглянула с ехидцей и с сочувствием. В конце концов, он же кузен Ирмали, покинутой Джовейном.

— Армия может и не поддержать его, — объявила она. — Ведь мы собрались, по сути дела, именно по этой причине.

Коллега Арнека Созен III, Местрогуот Восточного Брежа, встревоженно качнул головой.

— Не совсем так, полковник, — ответил он. — Проблема здесь глубже. Я прислушиваюсь к моим гражданам. Скверно, что Иледуциель ввязался не в свое дело в далекой стране; Англеланн для них — край языческий, забывший праведность. Они еще могут смириться с этим, как с ходом в политической игре, которую никогда не хотели не то что понять, даже изобразить понимание. Но отрешение от должности — раздор между святыми — такое потрясет их до глубины души. Они спросят тогда, почему Ар-Гоут должен оставаться в Домене?

— Если не получат толкового преемника, того, кто стал бы Капитаном после Тома, — взволнованно проговорил Кронеберг Стеф Ланье, он был братом Розенн, мачехи Таленса Йерна Ферлея. — Где бы он ни находился... но если он погиб, что кажется вполне вероятным... что ж, быть может, тогда ваши пейзажи захотят наказать его убийц и возвести праведного нового Капитана?

— Кого же это? — Дикенскит Жан Ханнес отпустил кислый взгляд Таленсу Халду Тирье. — Пока мы речь ведем о мятеже, а не о порядке наследования... Пока. — И поспешно добавил: — Поймите, я согласен; мы не можем допустить мобилизацию. Мы должны действовать единым фронтом, добиваться отмены приказа. Но мы не должны сдерживать регионализм.

Тучный наземник, важный купец, выдавший иные края, проготтал:

— Я весьма озабочен упадком торговли, но поверьте, больше всего меня тревожит возможный распад Домена. Могут ли военные отказаться выступать, если «переговоры закончатся неудачей», так, кажется, было в приказе? Если он и поступает подобным образом, это будет самый настоящий бунт.

— Ну, до этого, быть может, и не дойдет, — предположила Великий Мэр Эльсасса тоном скорее скорбным, чем полным надежды. — Быть может, в настоящее время лучше всего выждать, ничего не предпринимая.

Восмайер Тесс Рейман кашлянула.

— Увы, боюсь, что нет, — ответила она. — Вы видите, все уже началось. Нас используют в качестве угрозы Девону. И если мы останемся в покое... Давайте подумаем. Кто это — «мы»? Конечно, я не могу говорить от лица каждого солдата, моряка или летчика, но мне известно, что многие в армии вы-

ступают за смещение Капитана. Мы, профессионалы, скелет и основа всей мускулатуры армии. Но реальной плотью она обрастает, когда в случае необходимости призывают резервистов. Теперь их не так уж и много; Домен не сталкивался с серьезными угрозами уже не один век. А у всякого есть свой дом и привязанность к родным местам. Дураков нет. — Она оглядела стол. — Мне кажется очевидным, что Джовейну не столько нужно защитить эту горстку геанских болтунов-проповедников; не волнует его и «святость договорных обязательств», какими бы словами он ни расписывал свою заботу о нашей коммерции и безопасности — все это его мало волнует, а нужно ему другое: собрать армию — всех мужчин и женщин, умеющих воевать, — и кинуть в заморскую авантюру. Удается — чудесно, ведь собранные вместе, они будут уязвимы для лазеров Скайгольма, а рассеянные среди всего народа, они составят потенциальное ядро партизанских отрядов. Тем временем его терранская гвардия и политические агенты еще крепче возьмутся за штатских.

— И как долго сможет он поддерживать столь явно нестабильную ситуацию? — поинтересовался Арнек.

Тесс пожала плечами.

— Пока не придумает, что ему делать дальше, сэр. Я бы сказала, что он сейчас столь же лишен равновесия, как и мы сами. Но одно ясно — мы вскоре твердо встанем на ноги. На нашей стороне закон, исторические прецеденты и древние права штатов и их народов.

— У Джовейна достаточно сторонников, особенно на юге, — предупредил Созен. — Помните, он утверждал, что восстанавливает и защищает традиции. Но не традиции Брежа и большей части земель Домена... ну... — Он помедлил, прежде чем говорить: — Что остается — гражданская война? Не завтра, не через несколько лет, но в конце концов?

— Немыслимо, — буркнул Лундгард Симе Эйсон, — это часть всей проблемы — он контролирует Скайгольм.

Таленс Элсабет Орман говорила негромко. Женщина молодая, из младших родственников, входящих в Клан Капитана, приглашенная по рекомендации своего родственника Брама Ганхауза, поскольку служила техником на аэростате.

— Он... он не всегда будет контролировать его, — сказала она.

4

Густой снег валил несколько дней и пошел снова, одаривая землю пушистым покрывалом, но Ганна Уанговна гуляла по саду Библиотеки только в платье и башмаках.

Она была одна. Двенадцать дней праздника Солнцестояния еще не закончились, и люди в основном еще веселились — дома, среди друзей, на полковых церемониях — тихо, шумно, отчаянно, каким у кого было настроение после недавних событий.

Сама же Ганна... находилась как бы в элегическом состоянии духа. Она не разделяла общую веру в астрологию и циклы. Пляска Геи в объятиях планет и Солнца смысл имела более тонкий и несравненно могущественный. И все же Ганна не могла не осознавать, что эта часть года, когда платились долги, отворяла дверь году Гремучей Змеи. Разрушение, распад, тысячелетняя зимняя спячка и обновление — разве не такова сама жизнь, текущая через время к часу своего возрождения? Вспомнит ли она своих воспитанников?

Едва ли не черное небо распростерлось над самой головой. Листья давно облетели и не прикрывали более стены; камни и древесина, складываясь в ограду, выписывали иероглифы на неведомом языке. Помощники расчистили от снега дорожку, и гравий снова бормотал под ногой. От летнего великолепия ничего не осталось, только нагие деревья, камни, стелы, скульптуры да опустевшие и замерзшие пруды. Изредка поднимавшийся под снегом вечнозеленый бонсай мог бы напомнить о выносливости, однако сегодня ей было не до этого.

Ганна дошла до каменной скамьи, обращенной к кругу камней и высокому кораллу. Ракушки еще высовывали свои рожки из-под снега, но уже следующий снегопад полностью их похоронит. Мгновение она постояла в раздумье, а потом, улыбаясь сама себе, опустилась там, где однажды сидел Иерн. Ганна прихватила с собой доску с зажимом и письменный прибор. Приготовив их, она обратилась к кораллу, выпустила свою мысль в морские глубины и только потом прикоснулась кистью к бумаге. И даже английские буквы выписывала — нет, вырисовывала — каждую букву во всей красе:

Ганна Уанговна Ким, из Алданского полка, города Дулу в Краснаянском Господинате, Таленсу Иерну Ферлею из Домена Скайгольма, где бы он ни жил, в последний день года нашей встречи.

Приветствие и пожелание добра. Я не уверена, что это письмо достигнет тебя. Я отошлю его с торговцами, что еще ходят от монгских земель в Северо-западный Союз, прихватывая почту за небольшую плату. Быть может, вы помните, что я попросила ваш будущий адрес, чтобы при возможности

написать вам, и твоя подруга Роника Биркен дала мне адрес торговой фактории на Юконе. Она утверждала, что там знают, куда доставить такое послание.

Вне сомнения, его будут читать по пути. Что ж, я не касаюсь секретов. Я даже не уверена в том, что понимаю, почему взялась за кисть. И сомневаюсь в том, что ты сможешь ответить мне, даже если захочешь. Но где бы ты ни был и чем бы ни был занят, — как ты? После нашего расставания мне часто хотелось узнать это, но я всегда говорила себе, что глупо даже пытаться вступить в общение. Но теперь, когда нечего рассчитывать на ответ, почему я пишу?

Отвечу — ощутить все, что я имею в виду, ты мог бы лишь став геанцем, адептом, чувствующим совокупность Вселенной. Вспомни, как человек тоскует о тех, кого любит, если их нет рядом или после их смерти. Потомок древней страны, вспомни о союзе, который соединяет тебя с твоими предками. И пусть ты не можешь ответить, зато я могу говорить с тобой, и это уже много больше, чем, быть может, ты полагаешь.

Когда ты со своими друзьями оставил наш город, мы в Дулу возвратились к своей повседневной жизни. Да, конечно, странный эпизод заставил всех удивляться, но миновали дни и недели, и многие забыли о нем, все, кроме меня, а я все пыталась вновь обрести душевную ясность, но так и не сумела добиться ее. Я не могла забыть знамение твоего появления здесь, ясный свет, вспыхнувший передо мной. Не жалею меня, потому что у меня есть работа и мир. И пусть тебя осенит такое же внутреннее спокойствие и счастье.

Но сегодня — цензоры, прошу вас, не забудьте — все, о чем я пишу, не может остаться в тайне, если письмо это будет получено. Вспомните и слова норрменского писателя: «Борьба происходит на людях, а любовь или ненависть — частное дело». Пусть мы с Иерном находимся во вражеских лагерях, однако мы имеем право оставаться друзьями.

Иерн, вчера к нам пришла весть. «Агенты разведки обнаружили действия Северо-западного Союза, представляющие недвусмысленную немедленную и колоссальную опасность. Правительства Пяти Наций назначили чрезвычайную встречу на самом высоком уровне. Будут сделаны дипломатические представления, ожидается ультиматум. О характере угрозы сообщению умалчало, чтобы не воспрепятствовать возможному мирному урегулированию. Тем временем Пять Наций должны укрепить решимость предотвратить худшее и молиться за лучшее».

Сообщение сопровождали слова — их было куда больше. Я не помню всего, да это и не важно. Главное — объявлена мобилизация и солдатам готовятся к совместному выступлению. Не я одна догадываюсь о причинах: слухи о похитителях урана бродят повсюду, нетрудно понять, что маураи обнаружили нечто страшное; ведь торговцы утверждают, что в Домене их все больше и больше. Вполне разумно, что они обратились к нашим вождям. У всех нас, у всего человечества существуют общие интересы и беды.

Да, у всего человечества; в том числе и у тех обитателей Северо-запада, кто виновен во всем — пусть себе они представляются освободителями. Не верю, не могу поверить, что и ты, Иерн, теперь среди них. Не могу поверить, что их поддерживает большинство северян. Один раз их можно было обмануть разговорами о мирном атоме. Неужели они способны, забыв про разум, стремиться своими руками возжечь факел нового Судного Дня?

Вот то немногое, что я знаю сегодня. А потому я решила написать. Я могла бы подождать и узнать больше, однако и торговый маршрут, и почта могут перекрыть в любой час, поэтому я поняла, что следует поторопиться с письмом.

Что касается моей судьбы — если для тебя это важно — меня ждет встреча с Орлуком Жановичем Боктаном, нойоном, который доставил вас в Юань и передал жителям Северо-запада. Наши полки — Алданский и Синей Звезды, — невелики и не специализируются по военному делу, так что, вне сомнения, они выступают под юанезским командованием, как и полк Бизона. Мы с ним в известной мере друзья и в прошлом сотрудничали — тоже в известной мере. Он будет рад моему присутствию. Я буду выполнять при нем роль, так сказать, капеллана. Если не разразится кризис, мы, быть может, выступим через неделю-другую... Потом отправить письмо тебе будет невозможно — неизвестно, сколько времени продлится конфликт.

Из твоей страны вести тоже недобрые: смуты, вспышки насилия, напряженность, и я думаю — все, кто любит тебя, теперь горюют и гадают о твоей судьбе. На этом языке я могу сказать: «Пусть жизнь продолжится и у них, и у тебя», но, конечно, с геанской точки зрения это бессмысленно. Гея вновь бурлит. И кто наделен разумом, должен открыться перед ней — перед Той, Кто есть мы, — сделаться ее органеллами. Вот и все.

(Тут кисть скользнула и сделала кляксу.)

Но, Иерн, Иерн! Я не пытаюсь проповедовать! Я только хочу, чтобы ты понял меня. Быть может, однажды мы встретимся и я смогу объяснить тебе лучше.

Пожалуйста, передай мой привет Ронике Биркен и своим друзьям.

Она начала было писать «искренне твоя», но передумала и ограничилась «искренне помнящая тебя». Темнело, и ей пришлось шуриться.

Первые крошечные снежинки опустились на бумагу.

5

Из-за стола Джовейн ответил на приветствие гости.

— Садитесь, — сказал он.

— Спасибо, Ваше Достоинство. — Таленс Элсабет Орман присела на краешек стула. Руки она сложила на коленях. Она нервничала — Джовейн видел это, — нервничала, но была полна решимости.

Он поглядел на нее более внимательно — технический персонал Скайгольма своими делами никогда не привлекал к себе внимания. Они просто находились здесь, подобно машинам. Но когда молодая электронщица записалась на прием, объявив, что намеревается передать Капитану послание группы коллег, он вдруг понял, что пренебрегать не следует. Облик ее ободрял: мягкая, тихая, тоненькая, такая домашняя — только горели темные глаза. Часто глотая, она говорила напряженным голосом. Джовейн одарил ее улыбкой.

— Не стесняйтесь, — сказал он. — Если мы не можем быть товарищами в стратосфере, то где же еще?

— Капитан... любезен со мной, — ответила она.

— Что я могу сделать для вас, мамзель?

— Мы просим просто выслушать нас.

Теплое чувство охватило его. Ей нужно что-то... ей что-нибудь очень нужно. Ей и тем, кого она упомянула. Они хотят, чтобы я был добр с ними.

— Говорите же. Капитан — первый слуга своего народа.

— Поначалу его обязанности представляли иначе... — Она умолкла, словно испуганная импульсом. — Прошу прощения за непочтительность.

Теплота чуть поостыла.

— Ну и что же вы хотите сказать?

Она распрямилась, посмотрела на него внимательным взглядом и, набрав воздуха, разразилась потоком слов:

— В нашем корпусе говорят о разном. Не все сразу, но всюду. Многие встревожены тем, что уже происходит сейчас и еще предстоит. У всех нас есть родственники, дома предков, которые мы посещаем во время отпусков, обязанности более древние, чем наша работа здесь. Не хочу задеть вас, Ваше Достоинство, но выбрали вас не совсем привычным путем. Некоторые сомневаются в справедливости такого решения. Кое-кому хотелось бы знать, что стало с Иерном Ферлеем. Они сомневаются в том, что он виноват. Сир, пожалуйста, поймите, что я... люди, от имени которых я говорю... мы не денонсируем вас, ничего подобного. Мы только хотим сделать вам предупреждение — ради блага Скайгольма и всего Домена.

Джовейн напрялся так, что спина его окаменела. Нет. В подобной реакции нет ни мудрости, ни геанства, шептал едва слышно внутренний голос.

— Продолжайте, — отрезал он.

— Мы не довольны политикой Вашего Достоинства, она вызывает гнев и... и неповиновение. А теперь еще эти неприятности с Девоном, которые многие люди считают ненужными. Все больше и больше кадровых офицеров объявляют, что не явятся на призыв, останутся дома, возглавят пейзаж и горожан, охраняющих свои древние права. Сир, это ужасно!

— Это так. — Джовейн справился с собой. — Этого нельзя допускать, этого не должно быть.

— Но что будет, Капитан, если терпение наше лопнет?

— Будем надеяться, что этого не произойдет. Победит здравый смысл: Скайгольм обладает предельной мощью.

Руки ее дрогнули.

— Сир, вот потому-то я и пришла к вам: предупредить о том, что вы ошибаетесь. Почти весь персонал — на Земле и вверху — решил, что мы не можем позволить Скайгольму стрелять по собственному народу. И даже в чужой стране, не причинившей нам никакого вреда. Мы не можем и не будем стрелять.

Словно от удара молота Джовейн осел назад.

— А ваша присяга? — прошептал он. — Традиции службы? Ее неуверенность исчезла.

— Мы давали присягу служить Скайгольму ради блага Домена. Такова традиция нашего корпуса. И ее никто не собирается отменять.

— Чего же вы хотите?

— Ничего, просто примирения. Если Капитан обратится к нам за советом, выслушает нашу точку зрения, можно будет прийти к согласию. Мы — моя группа — не политики. Мы не выдвигаем условий. Мы просто просим вас заключить мир, пока не стало чересчур поздно.

Джовейн вновь распрямился.

— А если я попытаюсь, но меня ждет неудача, что тогда?

— Сир, этого не случится. Повторяю: мы не будем направлять действия Скайгольма против любой части Домена, против невинных наземников.

— «Мы»! Кто это «мы»? Назовите имена.

Темная, строгая головка качнулась.

— Нет, сир, это вызовет отставки. Неужели вы не видите, что мы пытаемся предотвратить открытое недовольство?

— Ты просишь за... — Вспыхнула ярость, у нее был металлический вкус. — Ты шлюха, из тех, кто начал этот разврат! — завизжал Джовейн. — Ты!

Она поднялась.

— Наверное, мне лучше уйти, — объявила она. — Если Капитан захочет продолжить разговор, он может найти меня в моей квартире или на месте работы...

Оставшись в одиночестве, Джовейн затрясся. Лишь через несколько минут он смог послать за Маттасом. Когда учены вошел, он простонал:

— Помоги, сделай облегчение.

Один час йогических занятий — речитатива и медитаций — принес успокоение. Не глубокий внутренний покой Геи, но спокойное море, над которым собираются грозовые облака.

— Мы опередим их, — заключил Джовейн. — С кем следует войти в контакт в первую очередь? Советники, терранская гвардия — лойялисты — этого мало. Необходимо, но не достаточно. С эспейньянцами, через Диаса Гарсайю... — Он взглядел на фотографию Чарльза Таленса, почти выгоревшую за многие века. — И с маураями? — пробормотал он. — Да, быть может, в нужный момент и с маураями. Когда я решу, что нужный момент настал.

Маттас потерял свою бороду.

— Мне не нравится последний пункт. Но если ты считаешь правильным так делать — делай, скорее всего так и есть. Мы не сможем отдать то, что выиграли. Слишком дорогая потеря будет для Геи.

Вдруг Джовейну припомнилось, что после короткого торжественного визита в Турнев, став Капитаном, он еще не ступал на Землю. Края, которыми он правил сверху, казались картой, спрятанной облаками... Далекой и менее реальной, чем висевшая на стене. Эту-то, по крайней мере, можно было сорвать со стены, посмотреть, бросить на палубу и растоптать, если угодно. Мир его сжегился до этого шара, парящего в небесах, хуже того, до маленькой комнатки внутри его. Получит ли он свободу, сумеет ли остановить Скайгольм?

...Правительство Северо-западного Союза во всеуслышание призналось в своей беспомощности. Представители Ее Величества указали шаги, которые оно могло бы предпринять: запретить дальнейшие работы по прискорбно известному проекту «Орион», в частности передать предприятия инспекторам, объявить вне закона тех, кто не окажет немедленного повиновения; призвать всех граждан единодушно выступить против этой всемирной угрозы. Когда Шеф и Великий Совет отказались выполнить эти минимальные предложения, правительство Ее Величества вынуждено было заявить, что считает ультиматум отклоненным. Перемирие окончено, и между Маурайской Федерацией и Северо-западным Союзом объявлено состояние войны.

Слова эти все звенели в голове Тераи на следующее утро, когда армада вышла в море. Он понимал, что дело окончится именно так. Знал с того момента, когда ввалился в офис корпуса в Витгохрии и увидел, что его ожидают — не только Курава, но и сам директор Инспектората и верховный главнокомандующий оккупационных сил — прямо посреди ночи.

Последующий месяц во всем был подобен кошмарному сну из тех, что он видел в глуши. Медицинское обследование и лечение сменилось отдыхом и диетой, — и то и другое приходилось перехватывать на бегу. Допрос, полет на Оаху*, допрос повышенной интенсивности на тамошней огромной базе, собеседования с офицерами всех разнообразных рангов и специальностей — иные даже прилетали для этого из Нозеланна, обследование с введением наркотиков, чтобы помочь памяти, конференции... наконец, несколько пьянок, чтобы вытерпеть все это. Тем временем дипломаты пререкались, а военные корабли собирались в гаванях: Океания копила силы. Иногда проскакивала весть из других краев... Монги аналогичным образом объявили бойкот своим северо-западным кузенам и обещали собраться и выступить против них; Капитан Скайгольма заявил о глубочайшей тревоге и озабоченности; Бенгал, оставив вечное брюзжание, предложил помощь... но все проходило мимо Тераи.

* Остров Гавайского архипелага.

Но то, что прожигало душу, он видел на улицах, когда покидал базу. Авайи входили в состав Федерации сотни лет. На этой земле смешали свою кровь больше рас, чем в самом Нозеланне. И все же публичное заявление правительства Федерации о существовании Ориона — отчаянная попытка давления на Союз, явно не желавшего идти на переговоры, — вызвала сущее безумие в издревле принадлежавшем мериканам владении. Свихнулись не все его жители, даже не большинство... нет. Но тем не менее буйство охватило на удивление многих, особенно молодежь. Они расхаживали в одеждах, имитирующих принятые на Северо-западе. Они писали «К звездам!» на стенах и мостовых. Они плясали, шествуя ночью при факелах. Они разжигали костры на вершинах гор и пели возле них. Они ошикивали каждого оратора, пытавшегося объяснить, какое чудовище представляет собой Орион, или же — в лучшем случае — отказывались слушать таких. В некоторых областях бунтовали. Не то чтобы они понимали аргументы, представленные каждой страной: все случилось настолько быстро, что воспитать общественное мнение просто не было никакой возможности. Ведь это их собственное прежнее племя пошло на такой подвиг. *Дорогу нормменам! Пусть волк бежит на свободу!*

С точки зрения Тераи подобные вспышки лишь подтверждали его убеждение в том, что войны не миновать. Этот странный Плик (как он там? А Ваироа?) был по-своему прав. В душах бушевал ураган. Резоны, мудрость, сознательность клочьями морской пены уносил ветер. Тем не менее, когда громкоговорители понесли железный голос адмирала Кепалоа над палубами, на которых ряд за рядом выстроились моряки... когда главнокомандующий начал свое незабвенное слово, Тераи заплакал бы, будь он в одиночестве.

В тот день он стоял у гакаборта флагманского корабля «Ронгелал», провожая взглядом исчезающие за горизонтом вершины Авайев. Сине-серые — издали — горы под бирюзовым небом над морем, переливавшимся сапфиром, кобальтом и индиго... над волнами, расшитыми кружевом пены, что казалась блее самих облаков, башнями возвышавшимися за кормой, и чаек, кружащих над пенным следом. А над волнами неистовствовали паруса, горделиво реяли вымпелы над сотнями корпусов, собравшихся со всех краев Земли. Позади корабля Тераи величественно возвышался нос дредноута — тик и бронза, муравейник матросов, — шесть мачт вздымали к небу многочисленные крылья, бриз пел в снастях, стучал рангоутом, уносил назад

запахи смолы и соли. Мощь и гордость Океании вышла на север в крестовый поход, и Тераи видел, что она достойна восхищения.

К нему подошел молодой лейтенант Роберити Локолоку, также из разведки, подружившийся с ним во время расследования. Остановившись рядом, он произнес с легкой застенчивостью:

— Похоже, что вы не слишком счастливы, капитан Лоханасо.

— А вы? — спросил Тераи. — Мы ведь идем убивать, так ведь?

Чернокожий папуас вздрогнул.

— Да, это так. А вы знакомы кое с кем из северян, ха? Но мы поступаем по правде.

Скрестив руки на груди, Тераи кивнул, глядя на исчезающую позади землю.

— Да, иначе меня не было бы на борту.

— Э!.. Откровенно говоря, я не совсем понимаю, почему вы здесь. То есть после всех ваших подвигов вам должны были предложить длительный отпуск, а потом — должность дома.

— Так они и поступили. Но я вызвался в поход. Я настоял на этом.

— Почему — если вы не считаете мой вопрос бестактным?

Тераи разнял руки и ухватился за поручень. Под кожей, покрытой татуировкой, прокатились валы мышц. Он уже почти вернул свой прежний вес.

— Сам не знаю, наверное, хочется своими глазами увидеть, как все произойдет, или, быть может, выполнить свой последний долг... перед чем? — Он фыркнул: — Довольно, я не верю в судьбу.

— А во что же вы верите? — осмелился спросить Роберити.

— Во внуков, — выдохнул со смешком Тераи. — Сам я успел насладиться жизнью и хочу, чтобы у них была такая возможность.

...о прекращении беспорядков в Сиэттле, однако по-прежнему один маурай, военный или гражданский, не может выйти из дома в одиночку. В Портанжелсе взрывом поврежден военный транспорт. Жертв нет. Полагают, что диверсанты привязали мину к стволу дерева и пустили его вместе с приливом. Внутренние области страны остаются спокойными после сильной перестрелки на прошлой неделе возле горы Рейнея. Однако воздушная разведка, воспользовавшись случайным проследением, обнаружила признаки приготовления партизан к

серьезному наступлению. Разведка подтверждает массированный уход населения на север — на кораблях, лодках, автомобилях и аэропланах. Масштабы бегства оказались более крупными, чем предполагалось прежде. Причины его не ясны, возможно, оно вызвано паникой, хотя верховное командование Федерации неоднократно заверяло жителей Северо-западного Союза, в том числе членов прискормно известной Ложи Волка, в том, что им гарантируется безопасность личности и сохранение собственности — если они будут соблюдать мир.

Премьер-министр Лону Самито обратился к парламенту в Велантоа. В речи его, транслировавшейся по радио, было отмечено, что ситуация является контролируемой и нация должна соблюдать спокойствие. Он предостерег от истерик в отношении ядерного оружия, указав, что все ресурсы, запасенные врагом, предназначены для работ по проекту «Орион». В отношении самого проекта сэр Лону заявил, что безумие всей идеи доказывает, что шайка Волков действует из иррациональных побуждений и не может представлять серьезной опасности.

— А потому мы и посылаем против них Великий Флот, — пробормотал Тераи.

Офицеры, собравшиеся в кают-компани, не обратили на его слова никакого внимания. Они слушали новости и играли в карты. Ему как-то сразу захотелось удалиться от этой духоты... от этого ровного голоса. Сняв свою куртку с вешалки, Тераи направился в коридор.

На палубе не было холодно, опять шел дождь. Плотная серая пелена, сотканная из серебряных струй, прятала все за пределами нескольких сотен метров. Дождь охлаждал кожу, барабанил по палубе корабля, бурля, вытекал через шпигаты. Лишенный ветра «Ронгелап» двигался вперед с убранными парусами, покоряясь трепещущему от напряжения двигателю, но волнение после ночной бури еще не улеглось, и корпус корабля приноравливался к их грохочущему шагу.

Корабли эскадры были едва различимы. Ближе всех находился авианосец. Его лишенный мачт силуэт трудно было перепутать: этот класс судов вынужден был обходиться без парусов. Двойные корпуса столько же длинные, как и у боевого корабля, достигали ста двадцати пяти метров в длину. Двадцать самолетов вертикального взлета занимали переднюю палубу катмарана под мостиком, подобно пулям, поставленным на торец.

Нет, девятнадцать. Двадцатый только что пробил облачный потолок и, поблескивая мокрым металлом, зашел на посадку. Должно быть, он взлетал, чтобы в полдень проверить положение

солнца, сверить его с показаниями инерционно-навигационной системы. Негромкий гул реактивного двигателя донесся до Тераи.

Он подумал: «Как это можно вообще жить на далеком севере. Эти дожди... дома светлый ливень быстро приходит, приносит радость — и уходит, оставляя за собой знак благословения — радугу. Здесь дожди не кончались. А когда стихали, то не долее чем на несколько часов, но это случилось так редко, что Тераи уже казалось — дождь здесь идет непрерывно; и все всегда окутано туманом или облаками. Даже в чудовищном зимнем мраке северяне редко видели небо. Не способен ли север лишить ума своих обитателей? Быть может, они обратились к этому дьявольскому Ориону не по злодейскому и безумному умыслу — пусть сами себя убеждали в ином, а потому что изголодались по звездам?»

Изящный, словно дельфин («О Хити, где наши совместные игры»), самолет спускался...

Все произошло в миг. Качнулся корабль, дернулся самолет. Пилот промахнулся... чиркнув по корпусу, смялось крыло. Самолет накренился. Падая он, казалось, несколько дней, но потонул сразу.

Завыли сирены, захлопотали люди. «Ронгелап» остановился, тоже спустил шлюпки. Бесполезно. Армада понесла свою первую потерю; и человека убил тот самый север, который он пришел укротить. Раня кожу, кулак Тераи стучал по поручню.

В ту ночь лег плотный туман. Невзирая на радары, столкнулись фрегат и танкер, оба корабля вышли из строя, погибло еще несколько членов экипажа.

...В радиокommюнике адмирал флота Алано Кепалоа опроверг сообщение о чрезвычайно высоких потерях.

Мы потерпели неудачу, а не разгром, — заявил он. — Не могу сказать, что мы не ожидали трудностей. Мы надеялись форсировать залив Кука, высадить морскую пехоту в городе Тионек, чтобы ударом по суше они обнаружили и захватили место расположения проекта «Орион». Воздушная разведка обнаружила в заливе только один корабль, дряхлый паровой броненосец, который Союзу разрешили сохранить после прошлой войны. Корабль этот тайно и в нарушение договора был переоборудован пусковыми ракетными установками и орудийными башнями, однако он не мог бы воспрепятствовать нам.

Не собираясь совершать крупномасштабную операцию, мы выслали разведывательную эскадру. Мера оказалась разумной, поскольку замаскированные батареи открыли по ней огонь с обоих берегов. Следует признать, что плотность его оказалась неожиданной для нас. Волки подготовились с невероятной тщательностью и секретностью. Но у них было для этого больше десяти лет. При обстреле они потопили три легких корабля и нанесли серьезные повреждения двум другим, в том числе и дредноуту. Тем не менее эскадра вышла из боя, сохраняя порядок.

Переходим к исполнению альтернативного плана.

Перешли.

Потом Тераи в компании избранных офицеров сидел за столом совещаний на борту «Ронгелапа», слушал рассказы о бойне и гадал, каким образом флот мог попасть в подобную катастрофу.

Тераи не нужно было отчетов. Ему не позволили присоединиться к десанту, учитывая, что его познания и способности представляют чересчур большую ценность, чтобы рисковать ими. Но когда уцелевшие начали возвращаться назад, доставляя с собой раненых и — иногда — кое-кого из многочисленных убитых, Тераи на шлюпке отправился на берег, в приемное отделение. Выслушав очередную повесть, сошедшую с искаженных болью губ, он помогал в госпитальной палатке, где хирурги делали все, что умели, с еще живыми обрубками. Кровь, увечья, вонь, крики — и что хуже всего — старание держаться приветливо не забудутся никогда.

За иллюминаторами провонявшей табаком каюты мерцала вода. Облака летели по лику Луны над горами полуострова Ляска. Нудно завывал ветер. Волны плескались за бортом, раскачивали корпус, заставляли скрипеть. Тераи грел руки о трубку, хотя в каюте было жарко — едва не до пота.

Молчание охватило дюжину мужчин и женщин. Тераи дал ему созреть и наконец проговорил:

— С цифрами можно не торопиться; главное. — мы потерпели поражение, все остальное — пустые подробности. Но я знаю причину несчастья.

Угрюмые лица обратились к нему.

— Раньше вы так не говорили, — укорил Кепалоа.

— Нет, сэр, поскольку у меня не было возможности все обдумать. И адмирал, безусловно, помнит, что после своего возвращения я все время прожаривал пленников, которых доставляли с

собой морские пехотинцы, и сравнивал их показания. Кстати, доставив сюда этих норри, они проявили героизм. Людей, которые так поступили, следует представить к кресту Те Кути.

— Ну, так что же дальше?

Терам поглядел сквозь голубую дымку. Глаза его покраснели, голова мутилась, усталость висла — буквально на костях.

— Наш замысел был достаточно здрав сам по себе, — сказал он. — Высадиться к югу, чтобы не нести потерь от артиллерии, там, где практически нет населения, и добраться до места расположения Ориона по горам. К сожалению, враг тоже понял, насколько разумен подобный шаг, и принял свои меры, так же как он сделал это, чтобы защитить залив.

— Ну, какие еще меры? — вскричал флаг-капитан.

— Лесу Харисти, эта страна безлюдна, она не в состоянии прокормить население. Воздушная разведка не показала совершенно ничего. Но морские пехотинцы попали в засаду и были истреблены. («Как могло это случиться?») — Тераи закусил зубами стебель трубки. — Помните массовый исход из южных частей Союза всеми возможными способами, у норри хватило средств, к тому же, сэр, они повсюду завели коммерческие заправки. Выходит, это не было паникой, как мы предполагали. Норри направились именно сюда — по суше, морю и воздуху... по высокогорным шоссе. Тысячи мужчин вместе с тоннами боеприпасов выехали на север, чтобы быть готовыми отразить десант, который, вполне естественно, мы должны были высадить.

— Нет, подождите, пожалуйста, — возразила женщина из его корпуса. — Это невозможно. Ни одна нация не способна организовать столь массовую акцию без того, чтобы мы не узнали об этом заранее. И уж, безусловно, не норри.

Он вздохнул:

— Видите ли, можно обойтись и без организации. Заговорщики просто заранее накопили все необходимое, переносные пусковые ракетные установки, пулеметы и тому подобное, в том числе и изрядное количество боеприпасов для легкого стрелкового оружия, которое найдется на Северо-западе почти в каждом доме. — Оперев локти о стол, он показал трубкой: — Вы не сможете осознать, что случилось, пока не поймете характер норри, — сказал он. — Сделать это нелегко, поскольку они чужды нам, но я попробую объяснить... Они одновременно склонны и к индивидуализму, и к сотрудничеству. Основной социальной единицей, объединяющей семьи, является Ложа... и все — даже не принадлежащие к ней — следуют этому порядку. Как организация добровольческая, Ложа не нуждается в демокра-

тии. Поэтому отдельные личности получают возможность распоряжаться большими ресурсами, не отчитываясь ни перед кем неопределенный период.

А теперь рассмотрим дух народа. («Плик назвал его фаустианским, непонятное слово».) У них не было возможности выставить против нас милицию, как это они сделали в Энергетической войне. Все случилось чересчур быстро, к тому же едва ли все норри знают об Орионе. Но тем не менее они сопротивляются столь же упорно. Перспектива создания космических сил никого не поразила громом. Напротив — зарядила их, словно молния. Они хотят, чтобы атом вновь вспыхнул огнем, поскольку им нужна энергия, которую он даст, чтобы они могли творить вещи... а о последствиях пусть думает Нан.

Планы их были составлены весьма хитроумным человеком. («Безусловно, Микли Карстом, гением и проводником гениев».)

— Когда ситуация стала критической, — продолжил Тераи, — немедленно известили мастеров Лож. Те проинформировали членов своих организаций и попросили добровольцев выступить на защиту Ориона, заранее зная, где волонтеры могут получить боеприпасы, пищевые рационы и резервное топливо — всё, что год от года запасалось для этого случая.

Собралась лоскутная армия. Ее встретили кадровые офицеры и разместили по всему полуострову. Наверное, она превосходит численностью нашу морскую пехоту. Мы не рассчитывали встретить значительное сопротивление. К тому же маураи никогда не были хорошими пехотинцами, мы — мореходы. А норрмены привыкли к своим сухопутным лесам, огнестрельному оружию и всяческим машинам — они нация механиков. Это возместило недостаток военной подготовки. Ну а в итоге они уничтожили цвет корпуса морских пехотинцев.

Тераи откинулся назад. Веки его опустились: столь долгая речь утомила и без того уставшего великана.

— Ну что ж, — продолжил мужской голос, деловитый и ровный. — Полагаю, вам придется поверить, невзирая на столь невероятную логику. Вы допрашивали пленных и жили среди этого народа. Вопрос в том, какие действия теперь надлежит предпринять?

Кепалоа обвел взглядом собравшихся и, смирив собственную боль, сказал:

— В настоящий момент мы можем сделать немногое. Я не вижу смысла штурмовать залив, учитывая перспективу крупных потерь, когда у нас нет частей, которые можно выслать к Ориону. Далее, корабли, собравшиеся в одном месте, будут уязвимы для ядерного оружия. А мы должны считаться с возможно-

стью его применения, враг может им обладать. — Ровный тон, которым он произнес эти слова, свидетельствовал о его самообладании. — Соответствующим образом разместив флот, мы блокируем залив. А тем временем наша армия на юге попытается предотвратить прибытие сюда по суше регулярных частей. Быть может, в конце концов и они проголодаются.

— А что делать, если они тем временем сумеют поднять свои проклятые космические корабли? — поинтересовался другой мужчина.

Тераи раскачивался взад и вперед, стараясь не задремать.

— Судя по моим впечатлениям от пребывания среди них, они не смогут сделать этого в ближайшее время, — сообщил он. — По крайней мере, год у нас должен быть.

Кепалоа кивнул:

— Весьма вероятно. Ну что ж, когда будет подходящая погода, а значит — не часто, мы можем вести бомбардировки окрестностей; хотя Орион наверняка превосходно защищен.

— Сэр, — обратился Тераи, — я мог бы возглавить небольшой отряд и высадиться на берег, чтобы установить, где именно расположена наша цель.

— Я обдумываю ваше предложение, — ответил адмирал, — но могу уже сейчас усомниться в том, что возможные выгоды перевесят риск. Разве у нас уже недостаточно потерь?

— Сэр, — продолжил майор из морской пехоты, — получив подкрепление, мы сможем пробиться туда. Юг не имеет значения. Когда мы захватим Орион, о юге можно будет почти и не думать, как это было в Энергетическую войну. Почему бы не послать нашу армию в горы?

— Я предполагаю, что это сейчас обдумывают в Велантоа, — заявил адмирал. — Но я буду против. Если мы оставим юг, кто предотвратит огромный приток людей и припасов на Ляску с материка? Потом, мы не хотим кровопролития... с любой стороны.

— Вы слышали, капитан Лоханнасо. Если не считать одного-двух экспериментальных запусков, Орион сможет стартовать лишь через год. Это оставляет нам достаточно времени. Откровенно говоря, я полагал с самого начала, что кабинет слишком считается с мнением масс, рекомендуя безотлагательно проводить крупные операции. От этих двух слов «атомная энергия» колени затряслись слишком у многих. А теперь будем надеяться, что нам позволят действовать рационально и не резать противника, а душить его. — Впервые Кепалоа улыбнулся. — Быть может,

все получится достаточно быстро, — заявил он. — В соответствии с полученной информацией мы можем вскоре рассчитывать на помощь.

Сегодня Пять Наций совместно объявили войну Северо-западному Союзу, штурмовые отряды уже вышли к Скалистым горам и двигаются к перевалам, на которых не выставлено серьезной обороны. В Чай Ка-Гоу сам Тянь-Дзян заявил, что союзники захватят место расположения проекта «Орион» задолго до летнего солнцестояния.

2

Месяцы шли, и Фейлис все чаще и чаще старалась оставаться в своих апартаментах. Невзирая на одиночество, она была почти рада тому, что Джовейну приходилось работать долгими часами. Если бы у него было свободное время для развлечений, как у прежних Капитанов, ей приходилось бы исполнять — как подобает — роль хозяйки и бывать вместе с ним в обществе. Она стала страшиться людей и старательно избегала встреч с ними. Обо всем заботились служанки, а челнок доставлял книги из библиотеки Консватуара.

В открытую никто не был с ней груб; однако кое-кто из персонала аэростата — особенно женщины — холодно поглядывали на нее; слышала она и фразы, которые будут подобать ее достоинству, когда развод наконец будет оформлен и она по праву делается женой Капитана. Терранская гвардия изъясляла к ней искреннее уважение, офицеры же старались держаться любезно.

Она не знала, как реагировать. Это были солдаты — люди иной породы. Многих теперь ничто не связывало с домом, что прискорбным образом напоминало ей о собственном изгнании. Их разговоры были ей скучны; не разбираясь ни в чем, кроме отвратительных военных занятий и политики, они не имели представления о науке, эстетике... и не хотели иметь.

Что касается Маттаса Олверы — этот вонючий хам не мог даже сдерживать свои липкие пятерни. Фейлис в конце концов набралась отваги и заявила, что не нуждается в его наставлениях по основам геанства.

Легко ей было только с братом Лоренсом, но он обычно путешествовал по Домену, представляя Джовейна и улаживая всякие неприятности, а наверх поднимался, лишь чтобы отдохнуть от трудов.

Сам Скайгольм сделался нереальным. Поначалу она возненавидела эти толпы, но теперь, после того как Джовейн распу-

стил кадетов и отменил визиты членов кланов на период чрезвычайного положения (природы его она никогда не понимала вполне, поскольку мотивы всегда менялись), здесь оставались лишь персонал и их жены, несколько конфиденентов Джовейна да сотня гвардейцев, сменявшаяся через месяц. Прилетавшие по делам редкие посетители — как правило, иностранцы — были ей неизвестны, обычно они задерживались не более чем на неделю. И теперь, в его гулких пустынных переходах, она всегда ощущала, насколько огромен и как высоко парит этот аэростат, и вечно старалась напомнить себе, что все ее страхи порождены одиночеством, а значит — безосновательны. Или же это было не так? Сама иррациональность делала их ужасными: ее часто посещали кошмары.

Была и небольшая компенсация: теперь сады почти всегда пустовали. Много раз она успевала насладиться в них красотой и покоем природы, никого не встретив. А в остальном она предпочитала сидеть дома, читать, слушать музыку, обдумывать акварели или готовить какой-нибудь отрывок для очередной речи Джовейна.

Он был с ней добр, внимателен и ласков, утешал ее — на ухо, — пока она плакала, делился удивительными мыслями и выслушивал ее мнение. Эти разговоры — об искусстве, литературе, истории, языках, астрономии — словом, обо всем — следовало бы записать, думала она. Они безусловно были блестящими, прямо как в салоне Эры Пинкард. То, что они редко занимались любовью, ее не тревожило; бедняжка, он так часто возвращался домой изможденным — слава Богу, никаких волнений от того, что через два или три дня припомнишь, что забыла принять пилюлю, как теперь бывало нередко. Вот только если бы он побольше бывал с ней.

Фейлис осознавала, что уходит от мира: потеря не велика. Когда-нибудь Джовейн заставит покориться всех своих противников, и тогда они смогут жить во дворце, окруженные культурными друзьями. Кроме того, она выпивала, быть может, чуть больше, чем следовало, но вино позволяло справиться с меланхолией. И она все глубже и глубже разбиралась в весьма разнообразных темах.

И поэтому поступок его был как удар кнута.

Он не предупреждал о том, что задержится, но появился даже прежде, чем повар приготовил обед. Фейлис отложила в сторону коимбранскую новеллу (томик восхитительный во всех

своих тонкостях, а также новый — едва десять лет как из печати. Она подумала, что неплохо бы попробовать перевести на франсея эту книгу).

— Добрый вечер, дорогой, — начала Фейлис. Мрачное выражение на лице его смутило ее. — Ох! Что случилось?

— Я хочу выпить, — резанул он, подошел к полке с напитками и отмерил себе внушительную дозу аперитива.

Хотя покои Капитана были относительно просторными, он вдруг заметил, насколько тесны они на самом деле. Стены давили, словно стараясь стиснуть его рамами картин, не принадлежащих ни ей, ни ему. Ей еще не представилась возможность заменить собственность Тома Сарка новыми произведениями. Впрочем, она и не очень старалась, полагая, что пока ей лучше игнорировать чужие фамильные портреты и банальные ландшафты. Джовейн стоял, словно в окружении. Быстро выпив, он наполнил свой бокал.

— Надеюсь... по крайней мере ничего ужасного не случилось? — поинтересовалась Фейлис.

— Нет, нет, — он покачал головой и улыбнулся. — Сегодня — нет, но завтрашний день будет деловым.

Повариха вопросительно глянула на него. Джовейн вывез ее из поместья Валдор, отметив искусство, верность и абсолютное незнание других языков, кроме эскуарского. Фейлис было жаль ее, женщине этой так одиноко было здесь; но, с другой стороны, хорошо — с ней не нужно разговаривать. Улыбнувшись, Джовейн заговорил и с ней. Женщина просветлела. «Каким очаровательным он умеет быть, — подумала Фейлис. — Почему они мешают ему? Он хочет только добра Домену... и всей планете».

Кухарка накрыла на стол. Аромат съестного наполнил комнату. Джовейн погрузился в раздумья, и Фейлис вновь обратилась к книге. Женщина ушла; утром, когда Фейлис будет еще спать, придет служанка, чтобы прибрать и подать завтрак.

Сев за стол, она спросила:

— Теперь ты можешь говорить, дорогой?

Из бутылки забулькало вино, разливаясь по хрустальным бокалам.

— Наверное, придется, — ответил он. — Впрочем, извини, я не то сказал; мне пришлось готовиться втайне, но наконец я готов.

Страх охватил ее.

— К чему готов?

— Я не хотел говорить тебе, — вздохнул он, — но... ты и так страдаешь, зачем тебе еще не спать ночами, гадая, что

случится, если я оступлюсь. Не сделав того, что я задумал, я мог бы потерять власть, стать просто символом, передав ее в руки реакционеров. — Джовейн комкал скатерть в руках. Она отметила, как пожелтела кожа его, как выступали надувшиеся синие вены. — Мы не можем отказаться от Реставрации Энрика, когда мир в смертельной опасности.

— Нет, конечно, нет, — ответила она, пытаясь восхититься его решимостью. Он был подобен героям старых романов и преданий. Конечно, не искрился ни волей, ни энергией. Этот усталый человек с каждым днем встречал все большее открытое неповиновение аэрогенов и наземников, сомневаясь в собственной мудрости и правоте.

— Ешь, — предложил он. Фейлис положила еду на тарелку, хотя есть не хотелось. Горло перехватило, сердце заторопилось. — Позволь мне все объяснить, — голос его обрел энергию. — Несколько недель назад кое-кто из экипажа Скайгольма решил не исполнять свои обязанности в случае войны или восстания. Они не стали называть свои имена и спрятались за делегата. О, я прекрасно представляю, с кем именно имею дело, хотя наверняка вычислил имена не всех предателей и не могу предвидеть, как поведут себя остальные, если дойдет до дела. — Фейлис услышала, как нож и вилка выпали из ее рук. Джовейн вскинул голову. — Ты поняла, — произнес он. — По обоюдному согласию, мы с их представителем решили молчать обо всем. Реакцию публики тоже трудно предвидеть. Ну а после, как ты помнишь, я смягчил выставленные Девону условия, и епископ с готовностью пошел на компромисс. Он запретил деятельность геанских миссионеров, однако оставил открытыми центры геанства.

— Да, я была вне себя от счастья.

— Да, да, — скривился Джовейн. — Мне стыдно обманывать тебя полуправдой. Еще раз повторяю: я не могу и не вправе позволить, чтобы власть Капитана ослабла. Предположим, например, что Северо-западный Союз сумеет отразить натиск союзников... норрмены получают свою атомную энергию — что тогда? Я немедленно приступил к работе, — продолжил он. — Брат твой оказал самую бесценную помощь. Эспейньянцы помогли мне... и маураи. Их посол немедленно запросил Велантоа, и Федерация прислала всех специалистов, которых я просил. Так что сегодня в Турневе уже собралась полная смена. Завтра воздушный корабль доставит сюда верный мне контингент, и я прикажу нынешнему экипажу убираться на все четыре стороны; те же, кто сейчас исполняет наземные обязанности, оставят свои посты и отправятся домой.

Голова Фейлис закружилась.

— Нет, ты не можешь... не можешь...

Джовейн ухмыльнулся:

— Нет, могу. Пока у меня есть мои гвардейцы. В конструкции и устройстве Скайгольма нет никаких секретов. Любая группа компетентных специалистов способна разучить все обязанности за несколько дней. И они будут служить не заговорщикам в Домене, а его Капитану.

— Но Земля... ее недра, еда, посадочные поля...

— Мы распоряжаемся долиной Лу, если необходимо, прибегнем к помощи гвардии, а под нами ресурсов хватит, чтобы поддержать нас. Ни один мятежник не посмеет напасть на нас. — Джовейн отрезал кусок мяса и жадно прожевал. — Неужели ты не видишь, какой груз свалится с моих плеч, какая это свобода?..

Фейлис закрыла лицо.

— О нет, о нет! Скайгольм против собственного народа!

— Ни в коей мере. — Он протянул руку через стол, чтобы погладить ее по голове. — Дорогая, не плачь. Скайгольм будет выполнять те же функции, что и всегда: оборонные, связные, метеорологические, управление безопасностью, энергоснабжения. Мы просто поставим зарвавшихся подчиненных на место и подтвердим древние права Капитанства. Раны скоро залечатся. Через год или два Домен делается более единым и счастливым, чем прежде.

Она подняла взгляд. Слезы мешали ей и горькой солью отсыпались во рту.

— Сперва я так надеялась на это, — кашлянула она. — Но дела идут все хуже и хуже. А теперь еще иноземцы будут распоряжаться в Скайгольме. Откуда ты знаешь, что они будут ладить друг с другом? Откуда тебе известно, что они не повернут против тебя?

Джовейн поглядел на нее и наконец медленно сказал:

— Я согласен — нас ожидает трудный период, и ты здесь одна, словно в заточении. Ты не хочешь возвратиться на Землю? В наш дом в Турневе? Я буду скучать без тебя, но сейчас не обижусь.

— Нет, никогда! Я хочу быть с тобой!

Он поднялся и сбоку подошел к ее креслу, утешая, пока рыдания не утихли. Потом они молча приступили к еде. Наконец все закончилось, и Джовейн поднялся.

— Сегодня без кофе, — заявил он. — Я хочу проснуться пораньше. Коньяк, музыка, любовная поэзия и постель.

Фейлис тоже встала.

— Я собираюсь пройтись, — сказала она. — Недолго. — Спокойствие она намеревалась отыскать в саду. Джовейн нежно обнял ее и поцеловал в губы. Борода его оставалась по-прежнему шелковистой, а руки такими же сильными.

Она спешила по коридорам и переходам, чтобы по возможности быстрее миновать эту пустоту. Голые стены и яркий свет делали их более унылыми. Пыль и тени, должно быть, укрывали призраков из безопасного прошлого, но эти ходы кипели будущим... фантомами, еще не имеющими лица. Лестницы звякали под ногой, шептали вентиляторы, Скайгольм подрагивал. Там, на подвесной дорожке, по которой она так часто ходила, у этих грубых лиан и влажного моха, среди зелени с ее ароматами она чувствовала себя как дома, словно выпросив прощение у отца. Шаги ее, дыхание и биение сердца замедлились. Озноб оставил ее. Мышцы расслабились одна за другой, и Фейлис ощутила, как ныло тело от напряжения, но и это смягчилось.

Мостик, другой проход, ручеек, тропа среди металлических абстрактных конструкций, цветы, птицы и бабочки. Она шла к беседке, в которой они любили бывать с Джовейном, — чтобы вновь увидеть Гею, освещенную Луной, и вновь обрести чувство единства. Фейлис вышла на небольшую поляну, фонтан плясал и пел, ряд бонсаев выстроились вдоль тропы, ведущей к Хозяину Зимы. Какая-то женщина внимательно разглядывала статую; Фейлис подумала, что она узнает тоненькую фигурку, обращенную к ней спиной. «Таленс Элсабет Орман. Рождественница Иерна, арктически корректная со мной. Нет, ради Бога, я не хочу встречаться с ней, по крайней мере в этот вечер...»

Вспыхнуло воспоминание. Среди кустов была устроена будочка с надписью «Обслуживание». Фейлис никогда не обнаруживала желания заглянуть внутрь, но будка была слева... убежище, в котором можно переждать, пока Элсабет не удалится куда-нибудь. Перебежав по траве, Фейлис раздвинула ветви, открыла дверь, скользнула внутрь и заперлась. Дыхание вновь заторопилось, сердце зашпешило. В будке для нее едва хватало места. Тускло светились цветные флуоресцентные стены. Крутая лестница уводила в люк. Из него вверх поднимались теплота, влага и ароматы. Вибрировали машины... Может быть, насосы?..

Что, если переждать на нижнем ярусе? Во всяком случае интересно увидеть, как устроен этот ярус Геи, живущей в небе. Фейлис взялась за поручень и спустилась.

Сперва она смогла различить только неясное переплетение трубопроводов, емкостей, пультов приборов, опорных кон-

струкций. Ветерок вентилятора дул в лицо, жалил кожу едкими химикатами. Она осмелилась пройти по коридору, глянула вверх и увидела корни. Весь потолок был заткан корнями.

Были здесь длинные, толстые, кривые — словно руки, пораженные артритом, но заканчивались они щупальцами, которые шевелил ветерок, они тянулись к ней, словно хотели схватить. Но больше было коротких, тонких, трупно-белого цвета... они извивались, извивались и извивались. Кошмар этот уходил за пределы ее зрения.

Тоненький голосок, плача, напоминал ей — это всего лишь аэропонная плантация, ничего другого и не следовало ожидать. Но визг, исходивший из собственного рта, заглушил этот внутренний голос. Фейлис повернулась и побежала... так медленно-медленно; и эти щупальца ловили ее за лодыжки и цеплялись за волосы. Они хотели схватить ее и похоронить в этой могиле навечно.

Она ввалилась в апартаменты. Джовейн отложил в сторону книги и забыл про свою музыку. Он заторопился ей навстречу.

— Дорогая, что случилось, что с тобой?

— Я не хочу здесь больше... — выкрикнула она чуть не плача. — Я должна... Завтра... Не позже. Прощу тебя, не держивай меня.

3

Редкие выходы наверх были недолгими. Маурайских бомбардировщиков особо не опасались, их следовало ждать в ясные дни, не частые зимой. Гости эти все свое внимание уделяли тем местам, где человек оставил следы своей работы. Пусть разрушают дома, пусть сыплют бомбы. Разворотили кратерами всю дорогу, рывтины теснились друг к другу. Один экипаж по ошибке сбросил свой груз на пусковую шахту. Сталь и бетон уцелели, маскировочный слой грунта, взлетев, осел на удерживающей его решетке.

Внизу людей приковала работа. Не один Эйгар Дренг — собственная воля подгоняла их, словно рабов. Больше никто не пользовался выходными днями, обычно от работы отрывались, чтобы только поесть и выспаться.

И все же небольшой отдых нужен был — в особенности занятым трудной умственной работой, чтобы мозги не превратились в овсянку. В один такой вечер Плик зашел к Иерну и Ронике. Он уже не выступал в «Каблуке», поскольку посетители там почти не осталось.

Он принес с собой бутылку. Иерн ухватился за нее.

— Эй, а ты, гляжу, не весел, — сказал Плик и добавил, обращаясь к женщине: — Да и тебе не радостно, мой ангел. Почему же?

— Новости, — отрезал Иерн. Он плеснул виски в бокалы. — Или точнее — отсутствие их. Ты знаешь, что прежде Судного Дня существовала служба новостей? Оставаясь дома, ты мог узнать, что происходит по всей планете. А мы вынуждены довольствоваться крохами и случайной почтой.

Плик положил руку на его плечо и с сочувствием произнес:

— Да, поговаривают, что Домен охвачен хаосом. Должно быть, тебе больно слышать об этом.

— И монги уже идут!

— Э? Все это мы уже слышали много дней назад. Ты, конечно, помнишь, что Дренг уверял, будто в горах наши люди могут легко перерезать растянутые коммуникации и надолго задержать наступление.

Иерн вынул из папки сложенные листы бумаги и бросил их на стул.

— Прочти, письмо пришло сегодня с военным курьером; уж и не знаю, каким образом оно попало к нему.

Плик развалился во всю длину, едва уместаясь на двух стульях из четырех, которыми располагала комната. Помимо них в ней поместились только двухспальная кровать, небольшой стол и шкаф для одежды. Бездетным парам большего и не требовалось. Роника навела в ней уют, бросив на пол оленью шкуру, украсила картой Ляски стены, смастерила для ружей подставку из твердого дерева и связала узлом яркие тканевые полоски, порхавшие в дуновении вентилятора. Ее старый кот Кисафер дремал, свернувшись клубочком на покрывале.

Плик прочел письмо, потом перечитал его, положил листок и потянулся к бокалу.

— Трогательное напоминание о милой и даже таинственной крохотной леди, — улыбнулся он.

— Ты что, не понимаешь? — охнул Иерн. — Она вступила в армию, ее же могут убить, может случиться все что угодно...

Сидевшая Роника повернулась лицом к мужу.

— Так, значит, она действительно волнует тебя, — пробормотала она. — Ты мог бы помешать ей, но не сумел...

— А тебя разве она не волнует? — ответил Иерн. — У тебя нет причин для ревности: мы с Ганной подружились в Дулу. Тебя тогда не было рядом, а я нуждался в друге. Вот и все.

Роника усмехнулась:

— Хотелось бы не верить тебе, жеребчик, но тем не менее ты говоришь правду. Ну хорошо, сам подумай. Какое-то время

она будет пребывать в известной безопасности. Не на передовой же она окажется? У нас на востоке так мало опорных точек, оборонять их особо некому; поскольку все, кто мог, ушли на запад, к Ориону. Думаю, монгам не грозит ничего опаснее лавины и снегопадов.

— Но потом их встретят огнем норрмены, — возразил Плик.

— Разве могут добровольческие, слабо вооруженные, удаленные от баз отряды отражать натиск такого врага достаточно долгое время? — рассуждал Плик. — А что, если высадятся и маураи, собрав превосходящие силы? Рассказывают, что страны, подобные Бенегалу, готовы предоставить им свои войска, не говоря уже о том, что свои острова маураи даже не мобилизовали.

Иерн опрокинул себе в рот коньяк, что оставался на дне бокала. Огненная жидкость принесла ему легкое успокоение, он налил себе еще и посмотрел через стол на Ронику. Она улыбнулась и ласково потянулась к его руке, словно бы намекая, что, если в случае поражения им придется расстаться с мечтой, друг друга они не покинут, а это самое главное. Свет флуоресцентных ламп терял свою бледность, запутавшись в ее янтарной гриве, в отблесках и тенях голубого платья, что было на ней.

— Никто не знает, — ответил он англеману. — Зимнее солнцестояние — наш союзник; но лето застанет нас на поле боя. Если нам удастся вырвать год и если испытание «Ориона-2» пройдет удовлетворительно — во всяком случае, чтобы не потребовалось крупных модификаций, — тогда мы, вполне возможно, сможем вовремя завершить все остальное и запустить корабли. Ну а если нет... Вот почему Дренг так торопит всех. Ведь от этого мы только выигрываем. Но если обнаружится какая-нибудь ошибка, у нас не будет времени исправить ее.

— Итак, ты утверждаешь, что все зависит от следующего полета?

— Да. Во-первых, он покажет, хорошо ли функционируют основные системы; но успешный непилотируемый полет позволяет надеяться, что все будет в порядке. Во-вторых, что более важно, мы рассчитываем получить необходимые данные, которых у нас еще нет — такая информация обычно собирается за несколько пробных запусков. Например, уточнить размещение оружия, потому что нехватка времени заставляет нас отказаться от третьего полета, который предоставил бы нам необходимую информацию. Кроме того, экипаж проведет ряд исследований,

первоначально намеченных на второй полет: пополнит опыт пребывания в невесомости, опробует маневренность в космосе и в атмосфере...

Плик отгородился ладонями.

— Прошу прощения, — рассмеялся он. — Ты расходуешь свою техническую эрудицию на мое поросячье невежество.

Теперь уже Роника сделалась серьезной.

— А это означает, что Иерн, вместе с другими пилотами, днюет и ночует в тренажере, — сказала она. — Наверное, он уже может пилотировать корабль даже во сне. Мы, инженеры, программисты и специалисты по системам жизнеобеспечения и всякие прочие жестянщики, тем временем прячемся, как одурелые бобры, а то он засечет своим языком, если обнаружит какой-нибудь пропущенный нами дефект!

Невзирая на плохое настроение, Иерн сумел улыбнуться.

— Управлять таким кораблем страшно даже на имитаторе, — ответил он, — но вы, бобры, ветки точите просто чудесно. Словом, практически мы готовы.

Плик вздрогнул.

— Ты хочешь сказать, что корабль вот-вот полетит?

— Именно так. Как я тебе говорил, мы не разместили на нем никакого вооружения, лишь экспериментальную аппаратуру, которая поможет нам понять, где устанавливать оружие на строящихся кораблях. Ну а если говорить о втором, все работы уже свелись к остроумию на лестничной клетке... к тому, что еще могут додумать ученые. Любая непогода, какая угодно метель не может нам помешать; Орион способен восстать во громе, неподвластный любому ветру. Но мы хотим, чтобы все наверху утонуло в тумане. Незачем маураям знать его точное место. Тогда их бомбежки могут сделаться эффективными.

— Итак: пилот, второй пилот, три инженера, компьютерщик, их помощники, плюс бригада измерителей? И ты рассчитываешь оказаться среди них?

Иерн вздохнул, как влюбленный мальчишка:

— Могу только надеяться.

Раздался стук в дверь. Уединения ради двери делались со звукоизоляцией, и голосов за ней не было слышно. Преодолев небольшое расстояние, Роника открыла ее. Свет из комнаты и коридора окатил Ваироа.

Не ожидая приглашения, он шагнул вперед, запер за собой дверь и застыл без движения. Маурай был в обычном комбинезоне, но с босыми ногами. Лицо в темной маске казалось куда более странным над драповой тканью и стоячим — иудиным — воротничком. Локтем он придерживал большую книгу.

— Ну! Привет, — сказала Роника. — Вот неожиданность. Садись и выпей.

Плик помрачнел. Друзья поэта еще никогда не слышали такой враждебности в его тоне.

— Какое зло ты принес сюда?

— Потихе, парень, — возразил шокированный Иерн. — Что ты на него набросился? Ваироа — наш друг.

— Он друг Микли Карста, — выдохнул англеман. — Разве ты не заметил? Едва только Карст появляется в этих пещерах, они все время проводят вместе.

— Мм-м, Микли обошелся с нами грубо...

Плик кисло ухмыльнулся:

— Ну, ему не привыкать к грязным делишкам, дело привычное. Я не о том, он — воплощение зла, он варвар в сути своей. Разве вы не чувствуете этого?

— Прекрати, — приказала Роника. — Это мой дом и Иерна. Садись, Ваироа, Плик не поделится с тобой тем, что осталось в бутылке. Но для тебя у нас в шкафу найдется еще одна.

Она извлекла чистый бокал и движением руки пригласила маураю к столу.

Тот принял приглашение, чуть помедлив.

— Иерн, у меня есть кое-какие вести для вас, — сказал он негромко. — Но если власти узнают об этом, мы с вами можем запросто оказаться в покойниках. Лучше бы Ронике и Плику выйти ненадолго.

Роника подошла к Иерну и встала возле него.

— Нет уж, спасибо, — возразила она.

Плик погладил свой подбородок.

— Наверное, я ошибаюсь в своем отношении к тебе, — сказал он. — Очень любопытно. Впрочем, свою головушку тоже жаль. Пожалуйста, разрешите послушать и мне.

Ваироа шагнул вперед и присел на стул. Иерн наполнил ему бокал, но маурай не обратил внимания. Роника опустила на место кошачьим движением. Иерн чуть поежился, на лице его выступил пот. Плик откинулся назад и выпил.

— Я буду краток, — сказал Ваироа, отчетливо выговаривая слова англея с легким акцентом. — Да, я обрабатывал Микли Карста; сделать это легче, чем он полагает. Ум его склонен к разгадыванию головоломок, и сам он, конечно, надеялся выудить у меня полезную информацию, чтобы воспользоваться ею против наших. Но в душе он очень одинок, как все солипсисты. — Плик изобразил удивление при этих словах. — Я обнаружил его общество весьма интересным, — продолжил Ваироа. — Оно

смягчило для меня плен и праздность. Однако двигала мной куда более высокая цель: я намеревался собрать информацию, иначе говоря — шпионить.

— Что? — воскликнул Иерн. — Как? Для чего? Вы никогда не сможете доставить ее своим людям.

Ваироа поймал его взгляд.

— Я могу передать ее вам, — сказал он. И помолчав, продолжил: — Я с самого начала достаточно четко представлял, что именно следует разыскивать. Разведка флота Ее Величества собирала факты многие годы, в том числе и во время последней нашей миссии в Юропе. Полагаю, Тераи собирался рассказать вам, Иерн, но вы оттолкнули его, перейдя на сторону Роники.

— Тераи, — пробормотал Плик. — Ты предполагаешь, что это он вывел маураев на след Ориона?

Ответа не последовало. После ультиматума этот вопрос задавали себе много раз. Ваироа без жалости продолжил:

— Попад сюда, я полностью уверился в этом — способами, которые вам, Иерн, недоступны... с помощью языка, которым говорит тело, обертонов, субвокализации, логики — не столь индуктивной или дедуктивной, как интуитивной. Я нуждался лишь в весомых свидетельствах.

И он хлопнул томом об стол, заставив Иерна и Плика вздрогнуть, Роника раздула ноздри, кот проснулся, зевнул, потянулся, соскочил на пол, перебрался на колени к хозяйке. Роника рассеянно погладила его. Зверь замурылкал, забавно оттеняя голос Ваироа.

— В первую очередь я определил комбинацию цифр, запирающую сейф его кабинета. Микли всякий раз заставлял меня оборачиваться к нему спиной, но гиперострый слух может различить, как крутится циферблат и звякают штырьки. Результат я проверил, время от времени называя цифры в присутствии его подчиненных и приглядываясь к их реакции. Тем временем я получил у Микли разрешение брать книги. Поскольку я должен регулярно представляться дежурному офицеру в приемной, вполне естественно, что я могу входить и задерживаться там, когда его нет на месте. После первых нескольких посещений я убедился, что за мной не следят. Микли никогда не оставляет важных материалов на столе, да я и не мог что-нибудь выяснить или чем-нибудь навредить. Скорей всего он просто хотел потешиться. Я постарался развлечь его, и мои комментарии он счел забавными.

— А потом ты сумел вскрыть сейф, когда офицер вышел... — хриплым голосом сказала Роника. — И что же ты там обнаружил?

Ваироа покачал тигровой головой:

— Нет, я поступил совершенно иначе. Здесь, под землей, вы начали забывать про секретность, и все считают, что так и должно быть. Поначалу я только несколько раз входил в хранилище и присматривался, стараясь найти то, что мне нужно. Но сегодня я отыскал. — Он указал на книгу, они прочли заголовок: «Боль: концепции и методика по всему миру». — Это мое досье.

Иерн сдержанным движением указал на том.

— И что же ты взял, во имя Иезу? — спросил он.

— Корреспонденцию, меморандумы, поддержки из отчетов — все достоверно. — Ваироа словно забухал молотом, куящим железо. — Юань никогда не поддерживала Джовейна и не помогала заговорщикам. Да, некоторые высшие юанезские офицеры участвовали в заговоре. Через них передавалась информация и снаряжение. Когда нас захватили краснаянцы, они устроили, чтобы нас передали агентам Северо-западного Союза. Но вообще-то, Иерн, ваш тайный враг — Лож Волка, создатель Ориона.

Кровь бросилась в лицо Роники.

— Нет, ты с ума сошел! — воскликнула она. — Зачем нам понадобились эти геанцы, когда торговля с Доменом только что началась. Нет!

Ваироа продолжал с той же самой непреклонной уверенностью:

— Микли обращал мое внимание на то же самое. Я убаяюкал его тем, что не стал спорить. Но факты свидетельствуют о другом. Замешанные в заговоре юанезцы попросту предоставили Волку поддержку и фасад. Конечно, они не знали об Орионе, но не сомневались в том, что ряд Лож в Северо-западном Союзе намеревается сбросить ярмо маураев. Со своей точки зрения они помогали распространить геанство в Юропе, пытались добиться союза с норрменами, соседствующими с их соперниками — монгским государством Большарека, и добивались личной выгоды. О да, Микли и его банда заманили их в свои сети по одному, тех, кто был уязвим для шантажа. А некоторые с самого начала служили норри; кое-кто из агентов, засланных к монгам, сумел пробиться на ключевые посты. Но весь импульс против Скайгольма всегда исходил отсюда.

— Почему же, почему? — пробормотал Иерн.

— Союзу выгодно нарушить складывающиеся тесные отношения между Доменом и Федерацией, — утверждал Ваироа. — Зачем позволить маураям укрепиться в Юропе, завязать контакт с выгодным торговым партнером, способным на технологический обмен? Напротив, следует вытеснить их, так чтобы все

блага достались жителям Северо-запада, и без всяких вопросов найти доступ в Восточную Юропу и к сохранившимся там делящимся веществам. Более того, неприятности в Домене отвлекут внимание маураев на стадии окончания работ над Орионом.

— Но геанцы всем нутром против всей нашей ф-ф-философии. — Слезы стояли в глазах у Роники. — Подобные отношения не могут быть долгими.

— Микли и его сотрудники интересовались только краткосрочным сотрудничеством. После того как взойдет Орион, им будет безразлично, кто где правит. — Ваироа открыл том. В нем оказалась стопка бумаг. — Постоянство не имеет никакого отношения к политике... как и верность или моральные принципы. Новости о вашем предприятии должны были ужаснуть Джовейна, и он поможет моей нации против вас. В этой войне Федерация примет любую помощь, которая будет предложена ей. И в конце концов мы с радостью примем появление в Скай-гольме более дружественного нам режима. Я думаю, что вам, Иерн, следует знать своих врагов.

— Дайте-ка посмотреть! — Аэроген выхватил папку.

Стул Роники свалился, и кошка с негодованием соскочила с колен, когда женщина резко припала к плечу Иерна, заглядывая в бумаги. Плик склонился к Ваироа.

— Почему ты это сделал? — прошептал он. — Чего ты хочешь добиться?

— Быть может, ничего, — отвечал маурай. — Но я обязан пытаться.

— О, ты уже сделал достаточно. Ты сыграл свою роль. — Плик поднял свой бокал. Но не питье было виной тому, что руки его дрожали. — Ты открыл врата ада, через которые придется пройти.

— Придется ли? — спросил Ваироа.

Плик не ответил.

Наконец Иерн отодвинул бумаги в сторону, поднял голову и выдал:

— Похоже, ты прав. Что дальше?

Ваироа собрал все улики и встал.

— Что касается меня самого, — произнес он, — я обязан, как обычно, отметить у надсмотрщика. И вернуть эти документы под предлогом того, что ищу новую книгу. Вы знаете, где найти меня, когда я понадобится. Спокойной ночи.

Он вышел. Иерн, сидя, повернулся к Ронике. Она склонилась над ним, и он припал лицом к ее груди.

— О, дорогая моя, — прошептал он.

Роника взъерошила его шевелюру.

— Скверно получилось, дорогой мой, и мне стыдно за наших, — сказала она. — Подобные вещи случаются. Но мы все исправим, я клянусь, мы все исправим. Прямо на этом месте. — И нараспев добавила: — Сперва звезды и твой полет в небо, за земные пределы, для наших детей, их детей и для вечности...

Плик отбыл не прощаясь...

Глава 22

1

Утром Иерн отправился к ближайшему телефону, позвонил начальнику своей бригады и сообщил, что они с Роникой прихворнули. В общем, ложью это можно было не считать, после вчерашнего на работе от них было бы мало толку.

Они оделись потеплее и отправились наружу.

— Дрянная погода. По-прежнему ясно, — предупредил их часовой возле выхода. — Того и гляди канакки могут нагрянуть.

— Говорили, что они почти отказались от налетов, — сказала Роника, — мол, нечего попусту тратить бомбы.

— Ба, но разве можно хоть в чем-нибудь доверять этим сукиным детям! Даже если они просто вылетят на разведку, пилот ради развлечения может выпустить из пулемета очередь по парочке северян.

— Нет. Они не чудовища! — отрезал Иерн ядовитым тоном, удивившим часового.

Закамуфлированная дверь скрывалась в еловом лесу. Солнечный свет, пробиваясь между облачных башен, падал на темную зелень хвои и на бурые стволы. В тени было прохладно, к воздуху примешивался аромат елей. За спиной склон уходил вдаль, к соседним пикам и крутобоким долинам. Снег почти весь растаял, лишь кое-где задержались потемневшие пятна. Из позимнему серой земли выступали валуны. Стадо горных баранов паслось неподалеку, предводительствуемое самцом с великолепными рогами. Дул ветерок.

Здесь они вполне могли обрести душевный покой.

Иерн взял вверх поперек склона. Роника огляделась, прежде чем последовать за ним. Здесь погода была не свирепой — спасибо теплему камчатскому течению, — но предательской, дождь, снег или туман могли затянуть небо без предисловий.

Некоторое время они шли в молчании, наконец она спросила:

— Может, еще раз переговорить обо всем этом?

Бессонная ночь сделала голос Иерна хриплым.

— Разве мы не выяснили отношения до рассвета?

Она качнула головой, укрытой капюшоном парки.

— Мы наговорили бездну всяких очевидных вещей. А ты... — Она сжала его руку... — А ты наговорил мне целую пропасть слов — о Скайгольме, о Домене, о своей жизни, пытаюсь объяснить все, что он для тебя означает. Наверное, пытаюсь объяснить себе самому.

— Я же обещал работать в Орионе.

— Но ведь у тебя нет большого выбора, не так ли? Я хочу, чтобы ты продолжал свое дело, не теряя желания. Видишь ли, если ты сейчас выйдешь из организации, твой поступок будет напрасным; ничто не изменится. И отказ не поможет тебе выбраться отсюда. Люди лишь начнут гадать о его причинах, и след может привести к Ваироа. А мы уже решили, что эта глупая диверсия, бесспорно, не заслуживает того наказания, которое, безусловно, обрушит на него Микли.

— Микли! — Иерн плюнул.

— Именно от этого я и хочу избавить тебя сегодня, драгоценный мой, — отвечала Роника. — Плохо, что ты чувствуешь себя пленником. Это может отравить все... в том числе наши отношения с тобой.

— Я намереваюсь убить Микли Карста.

Роника мрачно усмехнулась:

— В принципе — великолепная идея. Но на практике абсолютно неразумная. Здесь тебе не удастся ее осуществить; деваться отсюда некуда, и тебя наверняка будет подстерегать смерть, потому что, черт побери, то, что он делает для нас, не имеет цены. Например, я знаю, что и береговые батареи, которые остановили маураев у залива Кука, и склады оружия и боеприпасов, и схему выдвижения на север иррегулярных частей, защитивших полуостров от десанта, — задумал и во многом осуществил именно он. Мы не смогли бы так долго сохранить тайну Ориона... без не ведающего усталости Микли, выпящивающего по туго натянутому канату над бездной. Подозреваю, что в рукаве его отыщется еще не один сюрприз.

— А что он сделал с моей страной!..

— Я согласна, прощения этому нет. Цель не оправдывает средства. Микли — садист, и стремится исполнить роль сатаны в масштабе целого континента, мечтает во всяком случае; он и уговорил руководство Волка затеять все это. Стратегию обдумывал, безусловно, он. Помимо всего остального, он привлек к делу изрядное количество высокопоставленных юанезцев, и я полагаю, что эти его друзья сейчас наверняка стараются замедлить и ослабить натиск монгов. Но я согласна: незачем делать

Домен всеобщим козлом отпущения. Эта страна не сделала нам ничего плохого, а благодарность Джовейна испарилась за неделю, так ведь? — Под ногами гремели камни. Пролетел ворон, на мгновение затмив солнце, выронил удивительно громкий крик. — И еще — дорогой мой! — улыбнулась Роника. — Конечно, быть может, это и не аргумент, но если бы ты был выбран Капитаном Скайгольма, я бы никогда не встретилась с тобой. А потому я рада случившемуся — из чистого эгоизма.

Он остановился, она последовала его примеру. Они переглянулись. Иерн прижал ее к себе. Прохладная щека ее оказалась возле его губ.

— Я тоже, — торопливо подтвердил он.

Она отступила назад на шаг, взяла его за руки и сказала:

— О'кей, если после всего ты сумеешь отомстить Микли, будет просто чудесно. Но месть не стоит хлопот. Ты должен стремиться к тому, чтобы восстановить в Домене законное правительство, а значит, восстановить там порядок, правосудие и надежду. Это можно сделать. И будет сделано, Иерн. Во всех отчетах отмечается, насколько неустойчива власть Джовейна. Она может пасть сама собой. Если же нет — после того как взойдет Орион, хватит одного слова с высот. И это слово, Иерн, может быть сказано тобой. Ты ведь помог нам в невзгодах; мы, норри, не ангелы, но мы выплачиваем свои долги.

— Да, да... мы говорили об этом ночью...

— Можно повторить еще раз, когда хмель оставит наши головы. Я придумала еще кое-что, но предупреждаю тебя, дорогой, мысль эта может вызвать в тебе шок.

На лице Иерна промелькнула ухмылка.

— Как правило, ты устраиваешь высоковольтный шок. Я готов.

С открытым лицом, негромко, шурясь, словно в прицел, она выпалила:

— Я хотела сказать насчет следующего Капитана Скайгольма. Мы полагали, что им станешь ты. Но хочешь ли ты в самом деле занять этот пост?

— Что? — вырвалось у него.

— Подумай, прошлым вечером ты вывалил на меня целую гору мыслей. В том числе и о том, как всегда хотел путешествовать и что должность Капитана гвоздем приколотит тебя к месту, но, дескать, это твой долг и огромный вызов твоим способностям. Но ведь с той поры, однако, многое переменилось; а не хочешь ли ты вместо этого... возглавить полет в космос?

Он стоял ошеломленный.

— В Домене полно Таленсов, из которых получатся вполне недурные Капитаны, — продолжила она. — И ты выполнишь свой долг, если поможешь любому из них взять в свои руки власть над Скайгольмом. Однако знай: у нас здесь, мягко скажем, нехватка гениальных пилотов. А Орион нужен не только Северо-западному Союзу. Человечеству представился последний шанс выйти во Вселенную.

Задумавшись на минуту-другую, он ответил едва слышно:

— Ты права. Ты вернула меня к жизни.

Она поцеловала его.

Он потер глаза костяшками пальцев.

— Ты прекрасно понимаешь меня, — вздохнул он. — Только, наверное, я более тебя знаком с политикой, невзирая на все твои дела с Карстом. Я не стану проявлять подобный оптимизм в отношении вашего предприятия.

— После всего, что ты узнал, — негромко ответила она, — я не рассчитывала на это. Только я не считаю людей всего лишь просвещенными обезьянами. Безусловно, мы нагалим и в космосе, как сделали это на Земле. Главное — мы окажемся там — вне пределов Земли — и пусть гаснет Солнце.

— И узнаем, и свершим, и осмелимся... — Иерн громко расхохотался. — Какая пара ораторов из нас получится! — И вновь они стояли, молчаливые, на ветру. — Ну что ж, Роника, самая любимая во всей Вселенной, — улыбнулся он. — Я служу Ориону... всем сердцем. Будет ужасно, если мы проиграем: не войну, а Орион. Отчасти потому, что я полагаю, что место наше именно там, отчасти потому — ты права — именно этого я хочу больше всего на свете, если не считать твоей любви — а в основном потому, что я люблю тебя, а здесь лежит твое сердце. — Она повернулась к нему. — Но я нахлебался досыта, — остерег он, — я не буду терпеть никаких новых мерзостей.

— И я тоже, — обещала она сквозь неожиданные слезы.

2

После долгих многодневных хлопотливых сборов, после двух дней и ночей, проведенных в тесном и душном воинском эшелоне, было невероятно здорово вновь вдохнуть воздух. Кал-Гар* — пограничное поселение в юго-западном Чакри, где кончалась железная дорога, нельзя было назвать святилищем красоты и восторга; руины, оставшиеся от Смертных Времен, заставляли его казаться меланхоличным, в противоположность

* Совр. Калгари, провинция Альберта, Канада.

руинам, высившимся над громадным и суетливым Чай Ка-Гоу. Суровые ветры продували побелевшую равнину, кружился сухой снег, облака то разрывались, то соединялись, чтобы повиснуть над ней невысоким сводом гробницы. И все же Ганна Уанговна ощущала себя на свободе.

Отчасти это было верно. И еще на востоке, уже в поезде, молодые испуганные солдатаи постоянно нуждались в ней, их новобранцами везли на войну, которой они не понимали. Едва познакомься в неведомом лагере, они ехали, спрессованные в вонючей грохочущей мгле товарных вагонов, передавая друг другу разные пакостные слухи. Учена и пророчина, переходя от группы к группе, разговаривала со всеми и с каждым, возглавляла медитации; заставляла всех вспомнить, что биться им предстоит за Гею. Скалясь на нее, их страх отступал и забивался в темные уголки душ, но свою непреклонную ясность она могла излучать, только черпая из ключей, бьющих в ее сердце.

В Кал-Гаре вновь началась суета; люди и кони дружно рванулись наружу. Но стало повеселее, чем перед отправлением. Два дня солдатаев по очереди отпускали изучать винные лавки, игорные дома, прочие места увеселений, которые предоставлял им форпост, а Ганна могла в одиночестве побродить по прерии, подышать чистым воздухом, а потом вернуться в свое купе и поспать. Тем временем Орлук Жанович и его собратья по командным постам организовывали поход.

Западные, самые многочисленные подразделения полка Бизона, пришли с севера, через Большареку, чтобы стать под его команду. Войсками Пяти Наций командовал Великий Нойон Юани. Эти элитные части можно было мобилизовать быстро и надежно. Им предстояло вступить в Северо-западный Союз через несколько перевалов в Скалистых горах. Потом они должны были занять позиции по обоим краям долины реки Фрейзер*, преградив дорогу врагу — и на юг, и на север. Остальные полки должны были собрать свои силы и привести их туда; после того солдатаи знакомым еще предкам путем пройдут до плоскогорий возле Юкона, а потом повернут к морю, чтобы захватить Орион и сковать гиганта.

Не многие знали цель. Разъяснения маураев не дошли до всех сельских домов; но даже горожан не слишком смущала идея космического корабля. Общее мнение сходилось на том, что норри вновь затеяли игру с тем же дьявольским яйчком, что и предыдущее поколение, но на этот раз маураям потребовалась

* Впадает в Тихий океан возле Ванкувера, совр. Канада.

помощь в новой Энергетической войне. А после победы, бурчали между собой солдатаи, и всю поклоняющуюся бесу страну надлежит оккупировать и успокоить.

Армия монгов развернулась в походный порядок и змеей потекла на запад.

Ганна никогда не видела гор, а слова и рисунки не могли донести до нее даже призрака их красоты.

На четвертый день пути она ехала вместе с Орлуком и его штабом, отделенным примерно в третьей части колонны от своего фургона. Она бы предпочла побыть в одиночестве. Среди этих мужчин, окруженная вечным шумом, она не могла полностью обратиться к Единству, с трепетом озираясь вокруг, как было с ней в начале пути. Однако вчера передовые патрули столкнулись с северянами, спустившимися с высот. Сегодня самолет-разведчик обнаружил врага в небольшом укреплении, до которого оставалось еще километров двадцать.

Орлук выслушал последние новости, вложил свое мини-радио в чехол и кивнул с каменным удовлетворением:

— Бой начнется прежде, чем закончится день, — сказал он. — Они разворачивают полевую артиллерию, в том числе пару довольно внушительных ракетных установок, а пехота окапывается.

— Ох, нет! — прошептала Ганна.

Офицер расхохотался.

— А вы надеялись, что они встретят нас розами? — усмехнулся он.

— Майор, в подобном стиле с преподобной госпожой не разговаривают, — осадил его Орлук.

Тот застыл в седле.

— Прошу прощения, сэр.

— Извинитесь перед ней, не передо мной. Она сделала больше любого из нас, чтобы поддержать дисциплину в этом отряде.

— Преподобная госпожа, я поступил безрассудно, укоряю себя.

— Не надо, — возразила Ганна. — Все это неважно. Мне... мне... не следовало так говорить. Мы должны двигаться дальше.

Орлук обратился с неожиданной неловкостью:

— Дело в том, преподобная госпожа, что особого боя не будет: перед нами обычная добровольная милиция северян, к тому же их чуть больше батальона. Я предполагаю, что они будут дразнить нас обстрелом и пулями, когда мы подойдем поближе. Но в такие игры играют вдвоем, и мы можем вызвать несколько

истребителей-бомбардировщиков, если те причинят излишнее беспокойство. Все зависит от обстановки, можно или подавить их стрелков, или уничтожить сам форт.

— Сэр, — сказал другой офицер, — я хотел бы предложить не задерживаться для этого. До сих пор нам сопутствовала удача. Снегопад может причинить нам куда больше вреда и задержать нас дольше, чем жалкие крепостцы за спиной.

Пока им действительно везло, раздумывала Ганна. Всю дорогу погода была ясной, хрустел морозец. Они обходились без лопат, северяне сами расчистили дорогу после последнего бурана. С другой стороны, хотя это была только пехота, она полагала, что ее дорогие крепкие мальчики едва ли пострадают от всего, чем может грозить им высокогорье, и, конечно, продолжат путь. Весеннее равноденствие только что миновало — через несколько дней начало весны...

— Возможно, — согласился Орлук и громко рассмеялся. — Как же давно я не воевал в горах! Хорошо вернуться в знакомые места!

«И как я понимаю его — теперь». Сочувствие волной окатило душу Ганны.

Она почти могла уже забыть колонну, шагавшую, выступавшую, ехавшую на стенавших колесах к небу. Она уже видела в них еще одно проявление жизненной силы, столь же прекрасное — на собственный лад. Кожа седла поскрипывала под ней, мышцы коня ходили под коленями, сладкий аромат животного смягчал морозец, поводя в руке и грубая шерсть под ладонью, когда она прикасалась к лошади, утверждали жизнь в ней самой. Заполнявшие всю дорогу шлемы кивали над мундирами, им вторили винтовки на плечах пехотинцев, пики наездников колыхались подобно пшеничному полю под ветром, знамена и вымпелы мерцали яркими пятнами (О флаги доблести и почета! На одном из них было и ее имя), фургоны и полевые орудия грохотали, влекомые упряжками мулов. Редкие броневики в блестящей броне казались драгоценными камнями — тут, там, здесь... Эхо шагов и гомон плыли над дивизионом, Ганна подумала, что звук этот, наверное, напоминает прибор тем, кто видел океан.

Справа веселым голосом подпевала колонне река. Серо-зеленые струи разбивались россыпью бриллиантов на камнях, кружили, вихрились, вздымались у берегов. Слева за рекой высились горы, невероятные в своей высоте и величии. Сине-серые бастионы вставали из снега, беспредельно-белого, искрившегося мириадами звездочек, а в тенях — синего, как небо над головой. Отсюда ей не было видно вершин, но белые короны сверкали впереди и за ней, великолепные и величественные.

Солнце склонялось к полудню, освещало ущелье, согревало пророчину. Над головой кружил орел.

«Иерн рассказывал мне об Альпах в Юропе.

Неужели же это скверно — стремиться подняться ввысь? Сам Каракан Ефремовик цитировал древние записи; космические путешественники прежних дней видели сверху планету, казавшуюся им в космосе домом, живым и бесконечно драгоценным».

Ровное уханье послышалось между скал впереди.

— Они попытаются остановить наш авангард, — сказал Орлук безмятежно, словно обсуждая, сколько взять за скот. — Мы наметили, чтобы передовые линии отступили, увлекая врага за собой, а мы тем временем приблизимся, сохраняя порядок. Трубы!

Назад полетело слово. Трубы пробудили дикие края. Эхо прокричало в ответ. Общий рев пробежал по колонне, заглушая крики сержантов.

— А теперь, что бы ни происходило, преподобная госпожа, — обратился Орлук к Ганне, — вы будете находиться возле лейтенанта Баяна. — И добавил, обращаясь к молодому человеку: — Лейтенант, не забудьте, что вы отвечаете за безопасность пророчины. Не забудьте и того, что в наших рядах она стоит целого подразделения.

— Ах нет, — возразила Ганна. — Пожалуйста... — Боль пронзила ее. («Наших? Тогда какова наша цель? Разрушение этих космических кораблей? Да, конечно, мы не можем позволить безрассудным северянам овладеть всей Землей. Но разве же нельзя потом... нам, и тебе, Иерн из Скайгольма...»)

— Посмотрите туда.

Крик заставил Ганну посмотреть вверх. Там что-то летело. Серебряная на лазури комета с длинным хвостом, прекрасная до остановки сердца.

Прикрыв глаза, Орлук пригляделся.

— Ракета, — объявил он. — Ну что ж, у северян их немного, к тому же эта явно летит мимо.

«Ракета, — отметила Ганна. — Неужели восходящий Орион будет похож на нее?»

Небо взорвалось...

Собрав силы, она неуверенно поднялась на ноги — нагая. Сорвав одежду, взрыв бросил ее на дорогу. Асфальт облепил раздробленную кость левой руки, там, где осталась плоть.

Но сперва следовало забыть о муках. Казалось, что не существовало ничего, кроме муки — огонь, который будет сжигать

ее вечно. Откуда-то из бесконечных глубин своей души она извлекла мандалу... Земля крошечным прохладным и голубым диском покоилась среди звезд космоса. Ей ответила мантра — живущая, танцующая и вечная любовь... живущая, танцующая и вечная любовь.

Придя в себя, она увидела дымок, курящийся над распростертыми, обугленными комьями, бывшими когда-то людьми. Пары клубились над рекой, хотя она перестала кипеть.

Все прочее... пурпурное, раздутое, обваренное, но еще живое... ползло, пошатываясь, бродило вокруг, издавая какие-то звуки. Ганна не могла разобрать их, должно быть, лопнули барабанные перепонки. Недоставало и правого глаза. Она прикоснулась пальцем к глазнице и сразу отдернула, ощутив под рукой что-то липкое, стекающее на голую кость под ним. Левым глазом смутно, но все же достаточно отчетливо она могла видеть, на что стало похоже ее тело.

Неважно. Она шатнулась в сторону, в пыли и пепле, тянувшихся к облаку, встающему над горами огромным грибом. Темное пятно на земле, распростертые крылья — не орел ли, низвергнутый с небес? Нет, должно быть, просто раскрытый череп с выжженными мозгами. Какие-то силуэты возились у ее ног в пыли. Она направилась вниз. Там в отдалении от нулевой точки должен был найтись кто-то, способный понять ее.

Спустя некоторое время она обнаружила их. У одного не было лица. Он сидел, держа на руках своего товарища, на котором осталась лишь часть кожи, на который мог видеть и простонавть:

— Это она, да, это добрая госпожа.

Ганна опустилась возле них. Левый сустав не позволял ей принять позу лотоса, и единственной оставшейся рукой она не могла должным образом благословить их. Однако...

— Да будет мир и да возвратимся мы к Гее. Мы возвращаемся к Гее, от которой и пришли мы, которая и есть мы. Да будет все красиво, да будет все красиво...

Выдохнув эти слова, она рухнула замертво.

3

Аудитория была набита до отказа — и сиденья, и проходы: взгляды, взгляды и взгляды. Вентиляция не могла унести тепло и запах разогретых тел. Было душно от множества дыханий. Стоя на ногах возле выхода, Иерн и Роника изучали, казалось, слившуюся воедино людскую массу... освещенную сцену.

У микрофона стоял Эйгар Дренг. Его широкие плечи поникли, и слова едва выползали из него. За спиной его два знамени

на стене: зеленое — символ живых лесов — и белое — символ горной чистоты Северо-западного Союза; Волк и разорванная цепь его Ложи.

— ...Пока я не получил новой информации. Повторяю, вчера вторжение монгов было остановлено; уничтожены все силы, которые они привели к нашим восточным пределам в Скалистые горы. Это было сделано с помощью тактического ядерного оружия. Войска эти представляли собой отборные части полков, и едва ли монги в скором времени смогут вывести новые на поле боя. Сообщают об ужасе, охватившем страны монгов. — В голосе его не было триумфа. — Наши службы новостей принимают сообщения об ужасе и ярости, охвативших... цивилизованный мир. В Виттохрии Шеф заявил, что ничего не знал о бомбардировке, и отрицал причастность к ней правительства; во всем поддержал маураев и призвал норрменов разыскать и наказать всех виновных. Впрочем, не слышно и о том, чтобы толпы штурмовали Собрания Волка или атаквали его членов. Напротив, в ряде сообщений говорится о праздниках на улицах. В Велантоа королева и премьер-министр выступили с совместным заявлением. Все вы слышали и его, и все прочие речи... словом, дело — дерьмо. — Он распрямился. — Да, Волк выслал на восток свои отряды — именно туда, где ожидалось вторжение монгов. Я сам не знал этого до вчерашнего дня... Устроить засады было несложно. Не знал я, что предназначенное для Ориона ядерное топливо было отдано для изготовления оружия. Но, учитывая всю вынужденность подобной меры, я не понимаю, почему партия с белым флагом не отправилась перед этим на мирные переговоры с монгами... Не понимаю, зачем нам потребовалось убивать их десятками тысяч. Правда, они действительно представляли угрозу для нас, а я не военный.

А сейчас я уступаю трибуну главе нашей службы безопасности капитану Микли Карсту из морской разведки. Он обещал рассказать нам больше.

Эйгар тяжело сошел со сцены, Микли вспрыгнул на нее. Он был в мундире, медали на груди блестели, в движениях его чувствовалась лихость победы. Микли схватил микрофон, как если бы это было оружие, и склонил к нему свою седую волчью голову. Свободная рука его жестикулировала — размахивала, указывала, рубила, резала, а голос звенел:

— О'кей, леди и джентльмены, друзья мои по Ориону. Я объясню вам все почему. Потом вы можете разодрать меня на части, если хотите, поскольку это я, именно я, и никто другой

устроил погром. Не один, конечно... но я был вдохновителем, устроителем, поощрял и подталкивал все, что шло с трудом, и потому отвечаю за все... Более того — горд этим!

Аудитория застонала. В стоне звучал оргазм.

— Начнем с самого начала, — как молотком, стучал Микли. — Я предчувствовал, что мы можем оказаться в отчаянной ситуации. В действительности иного нельзя было ожидать. Орион всегда был игрой отважных мужчин и женщин, решивших рискнуть всем ради свободы. Так поступили вы, мои друзья, так поступила наша страна... И разве наше дело не заслуживает минимальной страховки, предусмотренной на случай катастрофы?

Чем так ужасна атомная энергия? Она чище и безопаснее, чем уголь и синтопливо; она отвечает долговременным требованиям высокоиндустриальной цивилизации, в отличие от солнечной энергии, в ней ключ к двери, ведущей в космос. Это знали ваши родители, которые пытались воспользоваться ею в мирных целях. Маураи сокрушили их, поскольку подобное предприятие сокрушило бы их собственную уютную гегемонию. Вы знаете истину сами. Вот почему мы сооружаем Орион — чтобы освободить наших соотечественников и всю человеческую расу. Дальше я хочу спросить вас, чем плохо организованное использование ядерного оружия? Неужели человек, получивший в грудь копьё или пулю, мертв в меньшей степени? Неужели быть сраженным шрапнелью или пламенем огнемета менее больно? С чем мы имели дело все эти столетия, как не с табу? Это предки маураев одарили нас этим словом; как вам известно: табу — это бесполезный запрет.

Микли подождал, чтобы все прочувствовали его слова, и продолжил уже спокойнее:

— Нет, мы не собираемся забрасывать земной шар мегатонными бомбами, учиняя на Земле новый Судный День. Мы не сделаем этого; кроме того, у нас просто нет средств. Мы сделали только одно — как и следовало — просто защитили себя.

Монги, подобно маураям, явились на нашу землю агрессорами, они напали на нас без всяких причин. В Энергетической войне свободные мужчины и женщины сражались, чтобы защитить свои дома и свободу. Они потерпели поражение не из-за недостатка отваги, а потому, что руки их были связаны табу. Но тогда война велась один на один. А сейчас, как и всегда, нам не хватает войск, чтобы защитить нашу восточную границу от монгов, когда маураи взяли нас за горло на западе. Поэтому Ориону пришлось предоставить своим немногим защитникам средство, которого потребовала их преданность.

Директор Дренг спрашивал — и весьма правильно, — почему мы не могли припугнуть врага одним из таких зарядов, чтобы предупредить его. Директор Дренг вполне понятным образом потрясен. Его занятость и быстрота развития событий помешали ему обдумать эти вопросы. Я надеюсь, что вы сделаете так теперь, Эйгар Дренг. Заставьте же поработать ваш великолепный ум. Подумайте и вы все, мои соратники по Ориону.

Я не выдам секрета, напомнив о том, что мы располагаем ограниченным количеством подобных зарядов. В основном все те делящиеся вещества, которые мы сумели собрать за многие годы, сохраняются здесь, ожидая запуска Ориона. Получив подобное предупреждение, монги, вне сомнения, отступили бы... чтобы перейти к другой стратегии. Но при этом маураи, как и наше собственное правительство, тоже бы получили предупреждение и отреагировали на него. И вместо выдающейся победы, которая, по сути, объединила весь наш народ под руководством Ложи Волка, мы, проявив нерешительность, попали бы под контратаку... и вполне возможно, норрмен бы выступил против норрмена, а тираны в Велантоа только злорадствовали бы.

Но теперь опасность с востока более не грозит нам. Как и предки, мы не дали монгской ночи опуститься на нашу отчизну. И мы получили возможность раз и навсегда разделаться с маураями.

Раздались звуки одобрения.

Микли помахал.

— Позвольте мне представить вам человека, который скажет о войне в дюжине словах больше, чем я в тысяче, — перед вами полковник Аррен Рогге... кадровый офицер, командир тех героев, которые отбили нападение на полуостров и бдительно обороняют его.

На сцену поднялся рослый мужчина. Он указал на свой пустой правый рукав.

— Я оставил этот плавник в той далекой долине, где наша засада отражала врага, — сказал он без излишнего драматизма. — Не так уж тяжела потеря, если учесть, сколько прекрасных молодых людей расстались там с жизнью. Морские пехотинцы маураев бились стойко — не спорю. Их жизни обошлись нам недешево. И сегодня с их стороны осталось много могил, но многие воины уцелели и сражаются против нас. Жаль, что тогда у нас не было этих бомб. Наверное, наши мертвые и живые и вся их родня жалеют об этом. Если нам предстоит встретить еще одну такую атаку, без новых подкреплений, лучше уж иметь ядерное оружие. Благодарю вас, — он спрыгнул со сцены.

Ему сопутствовал рев толпы.

Микли крикнул им:

— Действительно ли вы скорбите, друзья? Конечно, жаль монгов... но кем лучше быть — убийцей или рабом? Я получил сообщение с поля боя, этой новостью следует поделиться с вами. В сообщении перечисляются уничтоженные нами монгские полки. Если вы читали историю или в детстве слушали рассказы своих родителей и дедов, вы помните эти имена. Когда-то они погубили множество северян, они — гордость монгов, но теперь сила их рухнула. Зачитываю список: Вихря, Верного Пастуха, Дракона, Сынов Октая, Бизона...

Роника схватила Иерна за руку. Он стоял абсолютно неподвижный.

— ...Святого Ивана — эти главные; среди них были и другие — поменьше, но всех их нет, нет, нет!

Толпа вскочила, размахивая кулаками, крича, топая ногами о бетон.

Усиленный голос Микли вклинивался в шум:

— Сила... пусть ниггеры страшатся того, что случилось с косоглазыми. Да, скажу вам, мы победим, у нас есть необходимая для этого сила, и мы предупредили врага... будущее за нами — Орион взойдет!

Вырвав руку, Иерн бросился от Роники к двери. Она охнула, проводив его взглядом, и хотела отправиться следом, но только сжала губы и, сложив руки на груди, осталась, слушая и наблюдая.

4

Строители проекта предусмотрели общую комнату для свершения религиозных и медитационных обрядов с тремя капеллами: иезуанской, еврейской и буддийской. Все они были невелики, как и сами конгрегации; язычники же совершали свои обряды наверху или дома. Постепенно крохотное помещение — точнее, сглаженный вулканический пузырь — перешло в руки немногих Древних Христиан, целиком забравших его себе. Оно могло бы вместить не более двадцати верующих, хотя столько их набиралось редко.

Так что Плик, войдя, оказался в одиночестве. В холодном помещении было полно теней; с потолка светила одна-единственная флуоресцентная пластина — квадрат со стороной в тридцать сантиметров; свет из коридора просачивался через плетеную решетку. На деревянных сиденьях лежали подушки для коленопреклонения и молитвенники, иначе влажный каменный пол портил бы бумагу и кожу. На оштукатуренных

стенах нарисованы лилии, впрочем, фрески уже были едва видны. Напротив входа невысокий барьер ограждал алтарь — блок природного базальта. По обе стороны его стояли простые подсвечники, костяные сосуды на домотканом алтарном полотне. Простое распятие — бесхитростная фигурка из плавника, выбеленная морем. Грубый сосуд со святой водой возле входа; блюдо из мыльного камня на дубовом подножии. Плик перекрестился, вошел внутрь, огляделся и, заметив свечи, бросил приношение в кружку, поставил свечу перед алтарем и зажег ее с помощью поршневой зажигалки — маурайская вещица. Пламя крошечной звездочкой горело в сумраке.

Плик преклонил колени на голом полу перед распятием, соединив руки вместе и склонив голову. Тощий, в тонкой одежде, он ежился. Потом снял гитару со спины... настроил и, пройдя пальцами по струнам, очень негромко запел:

*Господь Предвечный,
Вседержитель и промыслитель.
Почему ты покинул нас?
Ты, смерть ради нас сокрушивший,
Ты, нас Собой искупивший,
Видишь — гибнет мир нагрешивший.
После вознесения знать ли страх
Тем, кому лежать в гробах?
Но не благо — ад в наших сердцах.
В душе своей возвели мы твердыню,
Где бес обитает поныне,
Божже, нет в нашей силе благостыни.
Ты, вздымавший солнечный вал,
Ты, который землю создал,
Мир Твой гибнет — пусть он и мал.
Мы таких натворили чудес,
Которым позавидует бес,
Помоги и помилуй, Небесный Отец!
Господь Предвечный,
Вседержитель и промыслитель!
Почему ты покинул нас?*

Последняя строфа завершилась молчанием. Плик поднялся и, постояв немного, словно сломался; выронив гитару на под, он пал на колени и уткнулся лбом в камень.

— Спаситель, — молил Плик, — прости меня, я изнемогаю... прости за плохой стих и отпусти мне все грехи мои.

На Орионе никто не работал с самого утра, за исключением охраны и основных служб жизнеобеспечения. Все собрались в аудитории, чтобы выслушать чрезвычайное сообщение. Торопясь по пустым ярко освещенным коридорам, Иерн вспоминал о катакомбах — когда забывал о кошмаре или отвлекался от мыслей по тактическим соображениям.

Вайроа в аудитории не было. Будь у маурая такая возможность, он, безусловно, пришел бы и засел в задних рядах, где его мог бы заметить аэроген. Итак, он находился в заключении, вне сомнения, по приказу Микли или какого-нибудь из осторожных его помощников.

В кабинете, окутанном табачным дымом, дежурил один только охранник. Нервно подняв голову от стола, он потянулся к полуавтоматическому пистолету, едва Иерн вошел. Узнав его, стражник отвел руку назад и спросил голосом неровным и высоким:

— Что там говорят, сэр? Неужели действительно мы нанесли вчера монгам столь жуткий удар, как утверждает радио?

Иерн заставил себя остановиться и кивнуть.

— Да, их уничтожили ядерными боеголовками. («Неужели и ты оказалась там, маленькая Ганна? Жива ли ты? Странно — только я бы предпочел, чтобы ты умерла. Как бы ты горевала сейчас о мертвых и нерожденных».) И что вы думаете об этом?

Сержант покачал головой:

— Не знаю, что и думать, сэр. Я... ну, откровенно, ошеломлен! Неужели нам предстоит новая война Судного Дня?

— Капитан Карст сулит нам славную победу.

Сержант пристально посмотрел на Иерна:

— Что-то на вашем лице не видно восторга, сэр. Побледнели вы как-то и губы дрожат.

— От внезапного облегчения, полагаю. Они бы не дали Ориону взойти. («Следует держаться поубедительней».) Дело в том, что я пришел за пленным маураем.

— Сэр?

Иерн слабо удивился тому, как быстро сработал язык: прежде он бывал боек на словцо, только соблазняя женщин.

— Возможно, вы слышали, что мы с ним знакомы... познакомились еще до того, как попали сюда. Я надеюсь, что потрясающая новость сделает его более сговорчивым: в качестве источника

информации или посредника, или того и другого сразу, он может оказать нам бесценную помощь... быть может, мы избавимся наконец от его народа.

В голосе норрмена звучало сомнение:

— Не знаю, сэр. Мне приказано...

— У меня нет времени на разговоры, — отрезал Иерн. — Сам капитан Карст разрешил мне. Раньше ведь его выпускали каждый день, разве не так? А сейчас он находится в превентивном заключении, чтобы не линчевали. Но теперь опасаться нечего. Я распишусь за него. — Иерн махнул в сторону внутренней двери.

Догадка оказалась правильной: приказ о задержании был отдан мельком и на словах. За исключением расставленных в важных точках редких вооруженных охранников, которым не приходилось делать ничего более серьезного, чем задерживать изредка попадавшихся пьяниц. В этом подземелье Минотавра особой бдительности не соблюдали — пока. Кроме того, Иерна венчал колоссальный престиж астронавта.

— Да, сэр, — согласился сержант, достал ключи из ящика и поднялся.

В блоке было немного камер, в основном пустовавших: хулиганы, любопытствуя, выглядывали из них, а психопат блеял, пока Иерна вели по коридору до камеры Ваироа. Гибрид читал; когда дверь отворилась, он опустил книгу и бесстрастно поднялся.

— Мы... я хочу поговорить с тобой, — выговорил Иерн уже не столь гладко, пытаясь одновременно угадать, сколько успел узнать о нем странный мозг за загадочными глазами.

Ваироа вышел из камеры. Голубой комбинезон его плохо облегал фигуру, и тем не менее маурай казался облаченным в мундир. На выходе Иерн написал расписку. Он уже придумал — наполовину, — как объяснить свои действия Микли; но если все сойдет хорошо, Микли ни о чем не услышит; пока не будет чересчур поздно. Ну а если его ждет неудача, тогда — все равно.

Но мысли эти жались к периферии сознания, а его воля неслась вперед, к водопаду. Вчера вечером после новостей они с Роникой приуныли. Они не стали обсуждать события, ограничиваясь простыми клише (ужасно... нарушение доверия... но, быть может, иначе нелзя... война не знает чести... подождем новой информации... все это так загадочно и неясно...), произнесенными без особых эмоций... и стараясь не глядеть друг другу в глаза. Иерн рано отправился на боковую и, к собственному удивлению, скоро почувствовал дремоту. От отупения, должно быть. Но

проснулся в радости, и только потом вспомнил... Позевав, начал собираться — умылся, оделся, поел, чтобы не завтракать в притихшем общем зале — подобно машине. Но внутри его бурлил и набирал силу поток...

Он не знал, когда уснула Роника и сумела ли она уснуть. Когда будильник поднял его, она лежала рядом, открыв глаза. Их охватили темные ободки, и сказать ей было нечего. На объявленное собрание они отправились вместе, но при этом не держались за руки, как обычно.

— Нам нужно уединенное место, — сказал Иерн, когда они с Ваироа оказались в коридоре. — Полагаю, что библиотека подойдет лучше всего.

Он имел в виду публичную библиотеку, а не ее техническое отделение, обычно она была полна людей, чтение было здесь излюбленным препровождением времени. Сегодня длинный зал пустовал, словно никого более не волновали ни мысли философов, ни звучные хитросплетения поэтов. Расположившись за дальним столом на заднем конце напротив друг друга, они приступили к беседе. Иерн заметил, что они разговаривают заговорщицки, и подавил смешок.

— Что здесь такого забавного? — спросил Ваироа.

— Мне... мне представился... призрак Ганны Уанговны... прикрикивающая на нас, чтобы сидели потише.

Иерн глотнул. «Я не буду плакать. У меня нет времени на слезы». И закончил изложение событий.

Ваироа не выказал удивления.

— Некогда в одной из старинных книг, напечатанной еще до Падения, я видел воспроизведение еще более древней эпиграфии, выбитой на могильном камне. Надпись гласила: «Я ожидал этого, но не так скоро».

— А я нет, — пробормотал Иерн. — В самом деле не ожидал. До самого сегодняшнего утра я не ожидал подобной реакции этих людей на преступления Карста. Подобный восторг в людях, которые начали мне даже нравиться, стал самым ужасным переживанием во всей моей жизни.

— Но разве ты сам не считаешь, что без ядерного оружия нельзя было спасти Орион?

— Ну кто может, оставаясь в здравом уме, считать что-либо вообще стоящим подобной цены? Я думал... что в наше время ядерная энергия не может быть использована таким позорным образом. Я ошибался. Вы, маураи, правы. Имеющий возможность создает оружие. Потом они изготовят новое — посильнее — наконец мы вновь навлечем на свои головы Судный День. Человечеству остается только полностью запретить атом.

— А значит, Северо-западный Союз должен быть разгромлен, а Орион уничтожен, — спокойным голосом проговорил Ваироа.

Иерн энергично закивал:

— Да! Эти... Волки... доказали, что они не годятся во владения земли.

— Из людей никто вообще не пригоден к этому делу. Ни один человек. Моя нация к чести своей — просто пыталась сохранить выгодный для себя баланс, а не создать империю. Но тем не менее и мы совершили свою долю ужасных деяний.

— К черту вежливость! Слушай, если не терять времени, мы с тобой сегодня можем остановить северян.

Зрачки Ваироа расширились и сразу сузились — посреди маски на его лице.

— Как? — Иерн вспыхнул огнем. — Мы уведем корабль в космос!

Ваироа по-кошачьи подобрался, отдаваясь вниманию.

Слова хлынули из Иерна, подгоняемые потоком его воли:

— «Орион-2» — это прототип. Испытания и исследования, которые будут проводиться на нем, имеют существеннейшее значение для последующих работ. Корабль готов к полету. Экипаж и дублеры тоже. Запуск отложен до наступления облачной погоды, чтобы маураи не могли заметить места взлета. Застигнутые врасплох, они не сумеют зафиксировать траекторию радаром, и корабль быстро выйдет из поля зрения при таком ускорении. Экипаж выполнит все эксперименты и маневры; все, что не будет автоматически телеметрировано, будет передаваться на Землю голосом — так, что внизу получают информацию полностью. В соответствии с программой полета посадка будет произведена на аэродроме к северу от гор; точное место выберут в зависимости от местных условий, — и на тракторном поезде его доставят назад. Но даже если последняя стадия и сорвется, ничего страшного не произойдет, если в самом начале полет пройдет успешно.

— Но мы можем предотвратить это, — вмешался Ваироа. — Значит, ты намереваешься взлететь.

— Да. И немедленно. Пока продолжается это непристойное сборище, и пока атмосфера над головой чиста. Твои маураи увидят взлет корабля и точно вычислят координаты шахты. Зная ее расположение, начнут прицельные бомбардировки. Возможно, они не смогут нанести Ориону серьезных повреждений, если учесть, насколько надежно защищены все установки, но какие-то повреждения все же будут. А самое главное — потеря «Ориона-2» на многие месяцы отодвинет завершение про-

екта. Банде Дренга потребуется время, чтобы соорудить новый прототип. Маураи получают возможность накопить необходимые силы... если учесть, что придется иметь дело с известным количеством ядерных боеприпасов, которые, вне сомнения, еще остались у норри. Если у Дренга хватит мудрости, он сдастся немедленно. Но как бы все ни сложилось, Микли Карста следует сжечь живым на костре: этот зверь не достоин права жить среди людей; только я боюсь, что у маураев не хватит жестокости.

— Но как ты собираешься взлететь? Входы в шахту надежно защищены.

— Да, но, как ты слышал, я здесь уже крупная шишка. Перед нами два ключевых пункта. Первый — в пропускных воротах на верху пусковой шахты. Его нам придется захватить — мы можем взять оружие из моего помещения и воспользоваться внезапностью; помочь или подать тревогу будет некому. Я покажу тебе, как работает механизм двери, а сам потом спущусь ко второму входу — на дне шахты. Охрана впустит меня; я скажу им, что намереваюсь поразмыслить над пультом управления, чтобы внести в его конструкцию некоторые изменения, подмеченные мною на имитаторе. Ты открываешь ворота, я поднимаю корабль; иначе нельзя — у них там устроена блокировка, и тогда... — Иерн сжал кулаки... — Орион мертв!..

Помолчав с полминуты, Ваироа пробормотал:

— Мы с тобой тоже, не так ли?

— Если тебе повезет — уходи в горы, — сказал Иерн, — когда сумеешь в поднявшейся неразберихе проскользнуть мимо часового на входе. Ты рассказывал мне о том обруче, которым тебя наградил Карст, но у тебя будет время убраться подальше, прежде чем они сумеют засесть тебя; пойдешь к берегу — к своим. Конечно, шансов у тебя очень мало, но все-таки кое-какие есть.

— А ты?

— Меня интересует только одно, — ответил Иерн из глубины своей отрешенности, — я обязан угнать этот корабль у норренов.

2

Он пришел домой и столкнулся там с Роникой.

Экая незадача — Иерн остановился на половине шага. Она спустила с рук кошку, поднялась с постели, на которую прилегала, и шагнула к нему. Лицо его осунулось, на щеках поблескивали влажные полосы.

— Иерн, дорогой мой, ты заболел? — грудной голос кнутом хлестнул его. — Выглядишь ты ужасно. — Она заметила Ваироа за его спиной. — Привет, — бросила она рассеянно... потянувшись к своему возлюбленному, обняла его.

«Я исполняю свой долг, — думал он. — Как хорошо, что кончается жизнь».

Теплота ее тела втекала в Иерна. Волосы ее пахли летом. Сделав подножку, он повалил ее. Они вместе упали на пол. Роника откинула руки назад, чтобы смягчить удар. Всем своим весом он навалился на ее бедра. Правая рука легла на лоб, прижав ее голову к полу. Она смотрела на него потрясенная.

— Закрой дверь, Ваироа, и помоги мне! — крикнул Иерн.

— Что это еще за безумие? — выдохнула она. — Неужели ко всему ты еще и свихнулся?

Роника начала сопротивляться. Как часто приводилось ему ощущать под собой это гибкое сильное тело. Лево́й рукой отталкивая ее, он понял, что один справиться не сумеет. Ваироа схватил ее за запястья. Вдвоем — маурай за руки, а Иерн за ноги, — общим весом они не давали ей шевельнуться. Волосы Роники рассыпались по ковру. Над головой забыто порхали радужные полосы, которые она повесила перед вентиляционной решеткой. Круглыми недоуменными глазами с постели смотрел кот.

Роника оскалилась.

— Дорогая, — принялся умолять Иерн, — послушай меня, пожалуйста, послушай. Я люблю тебя и не хочу тебе зла, но мне приходится идти на это — ради тебя самой...

Роника чуть вздохнула. Губы ее раздвинулись в мрачной улыбке:

— Когда мужчина обещает сделать для меня что-то хорошее, я немедленно убегаю, — она дернулась. — Но вы поймали меня, сукины дети. Продолжай.

Иерн начал выкладывать все.

— Мы не можем позволить тебе предупредить своих, — прошипел он. — Мы свяжем тебя и вставим в рот кляп. Это докажет твою верность Ориону — ты не сумела предотвратить случившееся. — И рассеянно добавил: — Мне так жаль, так жаль... ты даже не можешь представить. Я не ожидал встретить тебя здесь. Я люблю тебя... И больше мне уже некого любить.

Она успокоилась от его слов, только подрагивала от напряжения мышц. Зеленые глаза вспыхнули.

— Так почему же, во имя сатаны, вы это делаете? — спросила она.

— Ты помнишь... там наверху... я сказал тебе, что ничего больше терпеть не буду — никаких новых мерзостей... — запинаясь твердил он. — Сама видишь — такое терпеть нельзя. Я не могу.

— Почему же ты не можешь? Почему же просто не объявить забастовку, вместо того чтобы губить дело, жизненно важное для всех остальных?

— Потому что все вы — кроме тебя, Роника, — все вы убийцы, стремящиеся стать господами мира... последствия вашего эгоизма погубят все и всех. Ради моего народа в Домене, ради людей Ваироа, ради твоих собственных северян... ради детей, которые, я надеюсь, когда-нибудь у тебя родятся... — Бурный поток решимости Иерна затвердел полярным льдом. — Все-таки, — выдохнул он, — я Таленс Скайгольмский. Я этому не рад, но тем не менее... Господин, который не умеет слушать, не может быть господином. Времени мало. Мы должны обезопасить себя и бежать. Пожалуйста, не сопротивляйся. И прошу, не надо меня ненавидеть.

— Понятно, — медленно ответила она. — Так я и думала. — Голос ее сделался резким. — А ты знаешь, что идешь на самоубийство? Этот корабль не предназначен для одного пилота. Его конструкцию упростили, избавившись от системы спасения. Конечно, стартовать ты сумеешь, но без инженера на заднем пульте не сможешь сделать ничего, кроме простейших маневров. Ты не сможешь сесть, если до того не сгоришь в атмосфере.

Иерн кивнул:

— Конечно. Я отключу телеметрию и направлюсь прямо вверх. — Он выдавил улыбку, вполне честную. — Корабль снабжен на восьминедельный полет экипажа из восьми человек. Полетаю, погляжу сверху... наверно, там великолепно. Я буду думать о тебе.

Ее смех заставил его отдернуться. На лице Ваироа проступило смущение, сомнение.

— Будешь думать, будешь, дорогой мой, — воскликнула она. — Потому что я буду рядом с тобой. — Он только смотрел на нее, размышляя. — Может, ты меня выпустишь? — спросила она. — Смешная поза. Я же не выскочу из двери и не буду вопить. Хотя бы потому, что никто не услышит.

Обменявшись взглядом, они с Ваироа отпустили ее и поднялись — она тоже.

Прижавшись к Иерну, Роника подарила ему жгучий поцелуй.

— Идиот ты мой, — с безмолвным рыданием шепнула она ему на ухо. — Неужели ты думал, что я смогу отпустить тебя одного? Ты совсем не знаешь меня.

— Но... но твоя Ложа...

Она отступила назад и, перехватив его взгляд, впилась в него с таким же напряжением, как в его руки.

— Да, — проговорила она. — Больно... просто жжет. Но хуже того... выходит, что наши капитаны лгали мне, лгали всем нам, давали слово чести, уверяли, что мы не помогаем погибели вырваться из ада, — пользовались нами, словно подданными, а мы — свободный народ! Если уж Северо-западный Союз откажется от свободы, что у нас выйдет, кроме очередной, проклятой Богом империи? — Она поежилась. — Ведь сегодня, когда все узнали об этом ужасе, Микли остался жив. Он же сам предлагал им осудить его, только он знает их куда лучше, чем я. Своими же глазами видела, как они заывали осанны, когда Микли хвалился своим злодеянием. Выли, прославляли славного предводителя. Наш-то тихий ученый, разумный и миролюбивый начальник группы, прыгал от счастья, одобряя это мошенничество. Эйгар Дренг — следует воздать ему должное — Эйгар, к чести своей, стоял в стороне и был очень расстроен... но Ренье Эброн радовался, как и все они. — Роника потянулась, чтобы вздохнуть. — Я ушла оттуда домой, чтобы побыть в одиночестве, поплакать над смертью того, во что я верила. Я надеялась застать тебя здесь. А ты... — Перед Иерном возникла фурия. — О, теперь я знаю, насколько люблю тебя! У тебя будет экипаж. И мы сами совершим правосудие. А потом приземлимся где-нибудь у монгов и начнем отвоевывать Скайгольм.

— Но... но... нет, это же настолько опасно, я не позволю... — На мгновение он усомнился, не хитрит ли она. «Нет, она не способна предать; в ней это не заложено. — Ваироа легонько кивнул. Станные чувства его подтвердили, что Роника не лжет. — И она поможет захватить корабль».

— Да, — вздохнул Иерн.

Роника опустила на пол, скрестила ноги и, закрыв глаза, потратила минуту, чтобы привести нервы, мышцы и мозг к прежнему единству. Мужчины тихо стояли, не смея тревожить ее.

Она вскочила неожиданно, дыхание ее было ровным, движения плавными.

— О'кей, — радостно сказала Роника, — давайте обсудим некоторые детали. Две винтовки у нас в шкафу. — Они с Иерном не убивали для развлечения; просто не забывали потренироваться в стрельбе. — Из каждой можно наповал уложить человека. На случай, если дело не сложится, можно прихватить

побольше патронов. И... Ой, кстати, — она метнулась к столу и, схватив записную книжку с карандашом, быстро набросала записку: — Хочу попросить Клаффа и Сонаю Брауэн приютить Кисафера, — объяснила она. — Они кошатники и приютят бедолагу.

3

От коридора к шахте вела лестница в трубе высотой метра в три. Она открывалась в горизонтальный проход, короткий, но извилистый, он заканчивался другой лестницей и лазом. После второго подъема Иерн оказался в конце тридцатиметрового коридора; его перекрывала наполовину открытая массивная дверь из железа и дерева, подозрное отверстие в ней закрывали задвижки. Ближайшая к нему сторона была облицована сталью, противоположная — покрыта прочным губчатым звукопоглощающим материалом. Им же были облицованы и стены тоннеля. Возле створок в скалу и бетон был врезан контрольно-пропускной пункт. Тоннель оканчивался в чуть освещенной пустоте стартовой шахты. Виден был узкий балкон, огражденный поручнями.

Двое охранников сидели за столом возле двери у входа в туалет. Они играли в карты, не проявляя особой тревоги. Одеты они были просто, их должность определялась лишь нарукавными повязками и оружием. Неподалеку в стойке стояли две автоматические винтовки.

Заметив Иерна, они неторопливо поднялись. Когда Иерн подошел поближе, охранники узнали его и на лицах появилось некоторое облегчение... мужчина средних лет, поседевший и грузный, а с ним женщина, рыжая и молодая, от уголков рта и глаз разбегались веселые морщинки. Она была в платье — не в блузе и брюках — поскольку находилась примерно на шестом месяце.

— Привет, Иерн, — проговорила она. Аэроген был знаком с ними обоими, он легко сходилась с людьми. — Что мы можем сделать для вас?

— Я хочу кое-что сказать вам, Джори, — ответил человек из клана Таленс. Он остановился, не дойдя до них, и кивнул мужчине, — и вам тоже, Далт.

— Собрание завершилось? — спросил последний. — Что же произошло?

Остатки доброго настроения оставили Джори. Она протянула руку, словно умолая.

— Скажите мне, что все слухи оказались неправдой, — проговорила она неровным голосом. — И никаких атомных бомб не было. Я не могу поверить.

— Увы, все верно, — ответил Иерн.

Она побледнела. Далт поглядел на него.

— Чему удивляться, когда мы в таком положении? — недоговал норрмен. — Но к чертям этих монгов, мне их не жалко, и тебе нечего жалеть, Иерн.

— Что же будет потом? — выдохнула женщина, прикасаясь рукой к животу.

Далт пожал плечами:

— Канаки спешно уберут свои задницы из наших вод, если у них остался еще рассудок. Кстати, Иерн, неужели сборка закончена? Что там говорили? И потом — зачем ты здесь?

Летчик остался там, откуда окликнул их... в пяти метрах у противоположной стены.

— Вышло так, что тебе, наверное, придется выполнить одно специальное поручение, — напрягся он. — Мне придется показать, что надо делать — я тоже принимаю участие в деле. — Преднамеренно понизил голос.

— Э? — рыкнул Далт. — Я не слышу тебя. Говори громче и подходи ближе.

— Чрезвычайная ситуация! — крикнул Иерн.

Сигнал. Он медленно направился к ним. Оба смотрели лишь на него, так что Роника, вынырнувшая из шахты, успела далеко пройти по коридору, прежде чем ее заметили. Но часовые знали и ее, а потому зла не подозревали. Еще миг, и они заметят, что левая рука ее заведена за спину. Иерн отступил. Роника выставила оружие перед собой.

— Стоять! — вскричала она. — Не двигаться! Поднимите руки! — Далт потянулся к пистолету. Роника выстрелила. Пуля свистнула возле уха мужчины. Оскалившись, она рывкнула, подойдя ближе: — Не шевелись, сказала ведь. Ты знаешь, какой я стрелок.

За ними следовал Ваироа. Вторая винтовка была у него. Через плечо его были переброшены полосы, нарезанные из простыни. Джори завизжала. Оба охранника подняли руки. Ваироа присоединился к Ронике. Иерн торопливо заговорил:

— Мы не причиним вам зла, если вы не будете сопротивляться. Только свяжем и вставим кляп и оставим у двери — с безопасной стороны, естественно, но я предупреждаю — шутить не будем: мы намереваемся увести «Орион-2». Так что поймите, с кем имеете дело, и ведите себя правильно!

— Ах нет, нет, — простонала Джори.

Далт взревел, дернулся, чтобы броситься, но увидел перед собой дуло винтовки Роники и топнул в гнев. Дернулся его кадык.

— Канака — понятно, — сказал он, словно плюнул. — Иностранец тоже. Но ты — женщина Волка. Значит, и ты ссучилась?

Он плюнул.

— Нечего болтать, — оборвал Иерн и уже собирался приказывать часовым стать так, чтобы их удобно было связать, когда Джори повернулась на пятке и бросилась к пульта.

— Остановись, дура! — вскрикнула Роника и выстрелила предупреждая. Джори не дрогнула. Иерн бросился следом. Она опережала его... было просто удивительно, что женщина с таким животом могла бежать так быстро, безусловно, она первой доберется до сигнала тревоги...

Прозвучал третий выстрел. Череп Джори лопнул, разбрызгивая кровь и мозги. Тело ее повалилось вперед, дергаясь руками и ногами, и замерло возле пульта. Натекла кровь... отвратительно алой лужицей.

Колени отказали Иерну: он пал на них и попытался прийти в себя. Ключья тьмы проплывали перед глазами, в голове гудело. Он ощутил, что Роника склонилась возле него... прижалась.

— С тобой все в порядке, дорогой? — негромко рыдала она. — Ты-то не ранен?

Усилием воли он обрел полное сознание.

— Это ты застрелила ее? («Если она, что тогда?»)

— Нет, — ответил Ваироа. Стоя над покорно лежащим Далтом смуглым воплощением Смерти, в темной маске на глазах и тигровом колпаке, он отвечал негромко и ровно: — Это сделал я. В ее решимости трудно сомневаться. Ранение не остановило бы ее, учитывая количество адреналина в крови.

— Я... не могла бы... сделать это, — проговорила Роника. Слезы текли из ее зеленых глаз.

— Женщина и нерожденный ребенок, — рычал в гнев Далт. — Теперь ты довольна, предательница?

«Ребенок еще жив, — промелькнуло в голове Иерна. — Сколько же он будет умирать? Можно ли его спасти? Нет, я запрещаю себе думать об этом».

— Она поставила бы под угрозу все наше дело, — объявил Ваироа, сохраняя полное бесстрашие. — Орион взойдет, но чтобы погубить тех, кто делает ядерное оружие.

Далт икнул.

— Я не сказала, что осуждаю тебя, — печально произнесла Роника. — И не горжусь тем, что не смогла бы поступить так, как ты. — Она поднялась и помогла Иерну встать. — Пошли, дорогой. Незачем терять время.

«Мы делаем то, что должны; то, что должны; то, что должны». Напев этот звучал в его голове, пока они связывали Далта и затыкали ему рот, а потом оттаскивали пленника подальше от двери. Дела позволили аэрогену отогнать мысли о случившемся. Он будет плакать потом, когда придет время. Ваироа стал на страже, Роника отодвинула убитую в сторону, сложила ее руки на груди, прикрыла изуродованное лицо полотенцем, взятым из туалета, тряпкой затерла самые откровенные следы.

Тем временем Иерн закончил свое дело. И подойдя к Ваироа, выдал, ощущая, как механически выступают слова:

— Мы не можем откладывать. Мне нужно показать тебе все, что ты должен будешь сделать.

— А выстрелы могли услышать? — спросил маурай.

— Едва ли, — «благословенны технические подробности». — Мы находимся на верху шахты высотой в сто один метр; все здесь предусмотрено, чтобы поглотить звук и радиоактивные осадки в случае несчастья. Однако мы не знаем, когда они закончат свое собрание. Сейчас Микли наслаждается собой, сеет семена своей будущей политической карьеры, но есть и другие дела, о которых он должен заботиться.

Иерн отвел Ваироа к балкону, холодный бриз, шепча, поднимался из глубин шахты. Шелест вентиляторов и пульс насосов таяли где-то вдали. Тьма уходила глубоко вниз, во мраке далеко мерцали разнесенные светлячки фонарей; наконец все оканчивалось белым каскадом света. Там располагался корабль. Сверху он казался небольшим... роскошный самоцвет, запутавшийся в паутине мостков. Ну а над головой через какие-то двадцать метров тускло блеснул металл.

Иерн указал вверх.

— Эти ворота, — сказал он, — не просто створки, а сложная машина. Выдержать силы, которые выпускает на волю Орион, она может только за счет чрезвычайной прочности и синхронной работы. Но сами створки даже не вздрогнут при прямом попадании обычной бомбы. Вот пульт управления сервомоторами, передвигающими комплекс. Сперва они открывают внешнюю диафрагму — со всем камуфляжем. Следом срабатывает внутренняя заслонка, открывая путь кораблю. Первый взрыв поднимает его в небо, а яма для радиоактивных продуктов на дне и встроенные в стену баки с растворителями поглощают все опасные вещества.

— Весьма достойное внимания достижение, — заметил Ваироа.

— Конечно, большую часть энергии огненного шара поглощает аблирующий слой, но ты, без сомнения, изучал устройство

шахты... ты изучаешь все. Дальше корабль летит по инерции. Точная траектория обеспечивается магнитными полями, создаваемыми сверхпроводящими катушками, окружающими шахту под оболочкой. Они включаются после открытия портала. Ворота не успевают закрыться, до того как в атмосфере произойдет второй взрыв, — временной интервал невелик, — но высотный взрыв уже не может повредить установку, в частности потому, что будет слабее. Но о нем уже речи нет; твоя работа заканчивается, когда ты откроешь портал, и я выведу корабль наружу.

— Я никогда не понимал, зачем ворота открываются автоматически, — недоумевал Ваироа. — Почему нельзя сделать это из центра управления полетом?

— Существует комплекс причин: скажем, децентрализация управления и упрощение обороны. Кроме того, так экономнее: меньше электроники — проще конструкция. Ведь весь Орион — азартная попытка без настоящей базы, просто с горсткой ресурсов, которые приходилось возобновлять самыми неприятными способами... Кстати, почему мы еще болтаем? — отрезал Иерн. Он направился назад. — Действуй, — объявил аэроген. — Когда портал открывается, наблюдатель, выйдя на балкон в последнюю минуту перед запуском, проверяет условия, в особенности состояние коварной погоды. А затем вся бригада оставляет позицию и закрывает за собой эту тяжелую дверь. Нетрудно догадаться, к чему способен привести взрыв атомной бомбы в ограниченном пространстве, кроме того, корабль будет подниматься быстрее звука. Здесь пройдут ударные волны, а после того как взрыв ускорит корабль, хватит жара, чтобы испечь тебя. Инженеры полагают, что пультами управления после нескольких модификаций можно будет пользоваться и после запуска, но это еще надлежит проверить. Во всяком случае, дверь, покрытая шумопоглощающим материалом, защищает бригаду. Тем не менее, по правилам, они должны опуститься вниз.

— Насколько я могу судить, ворота могут служить и преградой для врагов.

— Да, дополнительная предосторожность против диверсантов, командос или... словом, от нас. Конечно, наш случай — дело особое.

Иерн потянулся к панели и быстро объяснил назначение датчиков, переключателей и кнопок. Ваироа запоминал все столь же быстро.

— Когда ворота откроют, зазвучит сигнал тревоги, — пояснил Иерн. — Это делается автоматически, и подачу сигнала предотвратить нельзя. Услышав его, все должны разойтись по

безопасным местам, отведенным для каждого. По плану на это отведено двадцать минут, но предохранители отсоединяются сразу, и корабль может подняться в любую минуту. Я попытаюсь сделать все побыстрее, чтобы ты мог бежать, прежде чем сюда явятся северяне.

Ваироа кивнул.

— Я буду находиться здесь, пока вы не взлетите, — ровным голосом согласился он. — Можете ли вы заранее предупредить меня о взлете?

Ваироа указал на громкоговоритель.

— Не голосом, — возразил Иерн. — Коммуникации от корабля проходят через центр управления, который сейчас закрыт.

— Оттуда нам в любом случае не помогут, — отозвалась Роника, убиравшая кроватное месиво.

— Пилот должен дать сигнал за три минуты до взлета, — объяснил Иерн. — Он включает сигнал у ворот. Как мне говорили, звук его похож на трубу, высокий и долгий. Я, конечно, воспользуюсь им. Трех минут тебе хватит, чтобы выскользнуть за дверь, но лучше сперва закрой и заложи ее, чтобы избежать возможного нападения, выскользни и пытайся бежать.

Роника встала, проверила свой комбинезон и туфли, чтобы не пропустить сомнительных пятен, и составила все оружие в стойку. Они с Иерном не могли спуститься с оружием вниз — к входу для экипажа, тогда их, безусловно, остановили бы.

Иерн закончил свою лекцию. Роника вернулась к мужчинам. Она взяла Ваироа за правую руку и произнесла с сочувствием на лице и в голосе:

— Удачи тебе, мой друг по долгой дороге.

Ваироа ответил одной из своих редких улыбок.

— Не скорбите обо мне, — сказал он. — Я знаю, каковы мои шансы, и не испытываю страха, наоборот — рад встретить свой последний час, стоя на страже мира. Благословляю вас.

— До свидания, — надтреснутым голосом ответил Иерн... Он не мог найти в себе сил сердечно попрощаться с гибридом или прикоснуться к его ладони.

Ваироа сложил руки на груди. Проводил взглядом спутников. Проверил связанного на полу Далта, освежил в памяти назначение циферблатов и кнопок на пульте. Ненадолго остановился возле тела Джори и отправился на балкон. Через тридцать минут, как назначил Иерн, Ваироа должен открыть портал. За это время его спутники надеялись достичь своей цели и подготовиться к запуску, если не встретят сопротивления. В часах, что были на пульте, Ваироа не нуждался: он знал время внутренним чутьем. Перегнувшись над поручнем, он разглядывал тьму и свет, огромными полотнищами расходящийся от далекого корабля.

Все входы в пусковую шахту были снабжены защитными дверьми... звукопоглощающая обшивка покрывала последние пятнадцать метров коридора. Однако на нижних уровнях, где работники постоянно сновали взад-вперед, пройти в шахту было очень просто: через переходник столь же громадный, как и тот, что располагался наверху. В закрытом состоянии он отсекал все ударные волны, возникающие при старте Ориона. От последнего перекрестка к воротам вел долгий путь — к охране нельзя было подобраться незамеченным.

Шагая вперед, Иерн не боялся. Он даже сумел забыть свою скорбь о Джори. Предстояло еще столько всего сделать; и никогда не ощущал он себя настолько живым — впрочем, в душе его трубила зимняя нотка. Он, казалось, впитывал каждую деталь, которую замечали обостренные чувства. Серые плитки под ногой, пятна на мутно-зеленых стенах, белый потолок и снежно-белые флуоресцентные пластинки на нем; шелест, запах химикатов из вентиляционных решеток; острый запах пропитавшего одежду пота. Роника глянула на него; он шел подняв голову, широко шагая... Роника, мучившаяся, должно быть, куда сильнее его. Но теперь пути назад не было.

Как и наверху, охрана сидела за столом возле полностью открытых ворот. Сегодня работы не велось, и продолговатая металлическая дверца оставалась закрытой. Караулили двое, Иерн и Роника знали обоих мужчин. Тот, что помоложе — Элфри Левин, худощавый и темноволосый, в очках и тонкой рубашке, — читал довольно увесистый томик. Торел Хос в желтом комбинезоне, лысеющий и пузатый, пыхтел сигарой. Он и окликнул их:

— Эй, ну что там говорят?

— Действительно, мы применили ядерные бомбы, — ответила Роника.

— Эге, — Торел извлек сигарный окурочек изо рта и мрачно поглядел на дымящийся конец. — Но монги-то напали на нас. — Когда пришельцы добрались до стола, он внимательно оглядел их. — Что-то вы оба взволнованы, — недоумевал охранник. — И взмылены, точно мулы. Почему?

— Новости-то какие... Потом, в аудиторию нас набилось, как сельдей в бочку... ни один кондиционер не выдержит, — нашлась Роника.

Элфри положил книгу, озаглавленную «Краткая история Восточно-Римской империи».

— Я знал, что без атомного оружия не обойдется, — отрубил он бесстрастно. — Его, конечно, изготовили не так много,

ведь Ориону вон сколько нужно. Но я не сомневался в том, что так и будет. Удивительно другое: маураи и монги не подумали об этом; даже не допускали такой возможности.

— А по-моему, все они учитывали, но сознательно пошли на риск, — выразил свое мнение Торел и обратился к Иерну и Ронике: — А как там ассамблея? Уже закончилась? Сегодня я еще не видел никого, кроме вас, ребята.

— Мы ушли, не дождавшись конца, — ответил Иерн, — собравшиеся проявили бездну энтузиазма, лезли на сцену с речами. Роника их не любит, а меня вся эта политика не интересует. Словом, я решил, что не найду лучшей возможности проверить кое-что на корабле.

— Что? — спросил Торел. — А я-то думал, что сегодня у всех выходной, за исключением нас, бедолаг.

— Именно так. То есть по кораблю не ползает целая орда рабочих, которых приходится расталкивать, и инженеров, с которыми вечно все спорят.

Глаза Элфри сузились под очками.

— Подождите-ка минутку, — возразил он. — Они будут работать на остальных кораблях флота? Ведь «Орион-2» закончен.

— Да-да, но разве ты не понимаешь, что модификации вводятся постоянно, представляется возможность ввести усовершенствование. Поработав на имитаторе, я понял, как сделать более удобным управление двигательной системой. Конечно, этот корабль совершенствовать слишком поздно, но мы с Роникой можем сейчас осмотреть рубку, чтобы внести усовершенствования в последующие корабли.

— Нас интересует в первую очередь система управления, — добавила женщина. — Конечно, в нейтральном режиме. Так что не беспокойтесь, если вспыхнет табло «двигатель включен», — она махнула в сторону стеклянной панели.

— Мм-м, но это не по правилам, — насторожился Элфри.

— Черти, вы не знаете нас? — спросила она. — При нас наши пропуска, можем их показать.

— Не приказано. Ах, мизз Биркен, я не оспариваю ваши права... ничего подобного. Но нам сказано, что все работы прекращены до завтрашнего дня, а по правилам никто не должен входить в корабль в одиночку без специального разрешения, если это не входит в его повседневные обязанности.

— Эхе-хе, — вздохнул Торел. — Он прав, разве не так, ребята? Никаких обид. Если что-то случится, мы с Элфри окажемся по уши в дерьме, и вы тоже.

Иерн рассчитывал избежать споров, но предполагал, что может столкнуться с подобным сопротивлением. Обычно северяне руководствовались духом, а не буквой Закона. Но дух всегда

пребывал там, куда его устремляла конкретная личность, тем более в настоящей ситуации... когда надежда двадцатилетнего труда воплощена в мечту — единственный корабль...

Спускаясь, они с Роникой уже обсудили проблему. План действий нельзя было наметить заранее, но они продумали возможные варианты событий и оговорили условные сигналы.

— Отправлю их к нашему шефу! — торопливо бросил он на франсее.

Она ответила крошечным кивком.

— Что ты сказал? — поинтересовался Торел.

Иерн пожал плечами:

— Ругнулся на своем родном языке. Конечно, вы тут ни при чем, у вас свои обязанности; но вышло по-дурацки. Ренье Эброн лично одобрил наше предложение, но в суете не успел распорядиться. А вы не можете позвонить ему в кабинет или домой?

— Конечно, — сказал Торел. — Что за вопрос, астронавт Ферлей.

Он уселся на стол возле телефона.

— И чего это все с ума посходили, — недоумевала Роника, улыбаясь и раскачиваясь на каблуках.

— А ты не хочешь сесть? — спросил Элфри и торопливо поднялся.

— Нет, спасибо, мне удобно. Сиди. Ну, раз приходится ждать, мы с Иерном можем рассказать вам о собрании.

Элфри опять уселся.

— С моей точки зрения, особой необходимости нет, — сказал он задумчиво. — Я и так все отлично знаю, и вызвался в это дежурство, чтобы не сидеть там.

— Хм-м. Значит, ты не сомневался в том, что у нас есть ядерное оружие и мы воспользуемся им в случае необходимости?.. Выходит, ты у нас провидец?

— Нет, просто на досуге я изучаю историю. Провидец не я — мой народ, мы пережили так много.

— Твой народ?

— Вчера вечером рабби Кеммер говорил нам о скорби, об искуплении и прочитал кадеш по убитым монгам. Многие среди нас вспоминали Иосифа и плен египетский, маккавеев и разрушение храмов, хазар, Истребление — холокост Бен-Гуриона*... так все и шло, так все и шло, мизз Биркен, я думаю — это в природе вещей. Суть в том, чтобы выжить. Выживи духом, а не просто телом.

— Значит, тебя радует, что у нас есть это оружие?

* Первый премьер-министр Израиля.

— Конечно же, нет; но оно у нас есть, и Орион спасен. — Элфри вздрогнул. — А что касается того, следовало ли нам пользоваться им, я в достаточной мере эгоистичен, чтобы благодарить Бога за то, что не мне пришлось принимать это решение.

Торел опустил телефонную трубку.

— Я не могу разыскать доктора Эброна ни там, ни там, — ответил он. — Наверно, сборище еще не закончилось. Подождете или как?

Иерн поглядел на часы. Через семнадцать минут Ваироа откроет портал.

— Мы можем подождать, — сказал он.

Элфри просиял.

— Чудесно, — широко улыбнулся он. — В кои-то веки выпадает минутка побыть в приятной компании.

— ...Ах, Домен действительно нечто, — объявила Роника. — Если бы вы сами повидали его... Там не только монументы и странные народные обычаи, есть и веселые местечки. А помнишь, Иерн, ту плясовую, помнишь? — Роника запела на французском под мелодию, которую придумала на ходу. — Если раздастся сигнал тревоги — мы погибли. Надо находиться рядом с ними и застичь их врасплох. Попытайся зайти сзади и захватить пистолеты.

Аэроген выдавил улыбку.

— Ты же знаешь, что я не могу изобразить даже скрип тележного колеса, — процедил он. — Но если ты выдержишь мое кваканье... Ты берешь младшего, а я старшего. Постарайся, чтобы никто не смог добраться до винтовки.

Об участии, ожидающей Ваироа, уже нечего было говорить.

Элфри поежился.

— Вы правы, сэр, — согласился он. — Пение у вас не получается.

— Но танец запомнить легко, повеселимся. — Поднявшись, Роника взяла его за руку. — Пойдем покажу.

— Во везет некоторым, — выразил неудовольствие Торел.

— Твоя очередь следующая, — уверила Роника. — Отойдика в сторонку, посмотри. Отсюда хорошо видно. — Она показала в глубь коридора.

— Но нам не разрешается оставлять...

— Тьфу! Ерунда.

Она, перегнувшись через стол, легонько потянула за остатки волос на его голове. С овечьей улыбкой мужчина поднялся и направился в нужную сторону. Иерн пошел следом за ним; Роника вместе с Элфри вышла на середину коридора.

— Приглядывайте за нами, сэр, — обратился он к Иерну. — Я уже успел влюбиться в вашу жену.

Торел искоса глянул на летчика.

— Что-то ты все-таки мрачноват, — заметил он. — И держишься скованно.

— Трудно чувствовать себя свободнее в подобные времена, — парировал Иерн. — Пусть уж Роника развлекается.

«Осталась только минута... А я-то думал, что у нее нет актерских способностей. А если скажу, примется дразнить».

Чирикая «ла-ла-ла-ла-ла», Роника изобразила несколько па.

— Ну, понял? А теперь назад.

— Черт, лучше я просто погляжу на тебя, — расхохотался Элфри.

Она опустила ресницы.

— Второй такт интереснее. Ну хорошо, соня, — скользнула за его спину. — Ла-ла-ла.

Время!

— Ла-лала-ла, раз, и, — затараторила она. — Ох, ножку подставил. Ну ничего, давай повторим.

«У меня часы врут? Или запаздывает сигнал? Возможно, что-то случилось?»

— Ла-ла...

Зазвучала труба... глубокий медленный рев вырывался из громкоговорителя — из всех громкоговорителей под горой — гулким эхом ворвавшись в коридоры... предупреждением, зовом на битву. Орион взойдет!

Вздвогнув, Торел широко расставил ноги и застыл онемев. Но в этой позе он пробудет не более секунды. Иерн бросился сзади на коренастого человека. Можно было нанести смертельный удар, но он решил, что не сделает этого: перед ним добропорядочный человек — муж и отец. Обхватив охранника со спины, Иерн правой рукой сковал обе руки противника, левой рукой пытаясь сорвать кобуру.

Торел взвыл. Сильный, как бык, он вырвался и сам потянулся к пистолету. Иерн вновь стиснул его, но хватка лишила подвижности и пилота. Они топтались и раскачивались. А труба пела над головой.

Голос Роники прорезал шум:

— Стоять! Ни шагу — я держу вас на прицеле. — Элфри замер, ошеломленный. Она выхватила его оружие и проскользнула дальше, преградив путь к столу, возле которого остались винтовки. — Прекрати это, Торел, — завопила она. — Я не хочу ранить тебя.

Старший мужчина, обмякнув, медленно поднял руки. Иерн выхватил у него пистолет и отпрыгнул к Ронике.

— Да, мы похищаем корабль, — объявила она. — И прошу, не вынуждайте нас убивать. Мы хотим, чтобы вы остались живы, так что подчиняйтесь да побыстрее.

— Роника! — охнул Элфри. — Нет-нет, только не ты, нет!

— Да, а теперь вперед, бегите и скажите всем. Пусть знают: мы убьем всякого, кто последует за нами. Нам нужно подготовиться к взлету, но если вы откроете эту дверь и мы поймем, что за нами выслали специальный отряд, чтобы остановить нас какой-нибудь ракетой в тяговый блок, мы стартуем немедленно... И они получат ядерный взрыв прямо в рожу... а радиация попадет сюда. Понятно?

— Понятно, — простонал Торел, — понял я тебя... — закончил он непристойностью.

— Подожди! — остановил Ронику Иерн, выстрелив, чтобы доказать серьезность своих слов.

Оба охранника рванули наутек. Элфри дважды оборачивался в испуге.

Дернув, Иерн оборвал шнур телефона, Роника прихватила обе винтовки. Они направились к внутренней двери. Он установил переключатель на «Закрыто-5». Проход сам собой закроется через пять минут. Медленно, как на пытке, створки стронулись с места.

— Остается надеяться, — едва слышно шепнула Роника, — что никто... не придумает отключить подачу энергии в эту секцию. Дверь не закроется, емкости не сработают, и заражение будет ужасным.

— Раньше об этом надо было думать, до того как они убили монгов, — ответил Иерн.

Стальная плита сдвинулась; уже можно было войти. Роника последовала за Иерном.

Массивный в хвостовой части корабль не требовал опоры. Леса для рабочих исчезли, их заменили посадочные мостки — полукруглая площадка на верху подвижной решетчатой рамы; специальные двигатели могли подать ее или опустить к любой части корпуса. Остро кольнуло: после посадки экипажа конструкцию эту полагалось разобрать и унести отсюда. Что могли натворить разлетевшиеся детали, добела раскаленные, расплавившиеся или испарившиеся, превращенные нейтронами взрыва в радиоактивные изотопы? Ответил ему голос Плика на английском. *Хреновато.*

Иерн с Роникой ступили на помост, он нажал переключатель... и платформа поехала вперед.

Заостренный нос корабля высился над ними в ослепительном и холодном свете — ветерок тербил взмокшую одежду; здесь, внутри шахты, сигнал тревоги звучал далекой трубой, звавшей к бою где-то на окраине мира.

Посадочная платформа остановилась в нескольких сантиметрах от люка. Он был заперт, но ключ висел рядом. Иерн подвел его к центру цилиндрической площадки и повернул. Включились магниты, завелся сервомотор, внутри двинулись задвижки. Аналогичное устройство оказалось на внутренней двери.

Опустив руку на бедро Роники, Иерн подтолкнул ее к люку. Приподняв винтовки, прихваченные с собой, она хотела быстро отбросить их, но оставила при себе. «Из уважения к труду», — решил он, передавая ей пистолет.

— Хорошо, — сказал он. — Только смотри, чтобы никуда не улетели.

Она кивнула:

— Я буду на посту первого инженера.

— Не нужно, мы ведь летим прямо вверх, и я хочу, чтобы ты была рядом.

Коротко прикоснувшись к его губам, она пролезла внутрь. Иерн отправился следом. Скрючившись в узком пространстве, он потянулся вбок к переключателю, закрыл дверь, опустил за собой засов.

Перед кабиной пилотов располагались места для пассажиров, ученых и инженеров, — «чей день безусловно испорчен», — подумал Иерн. По ступенькам стремянки, установленной в вертикальной позиции — для невесомости, — он забрался в рубку пилотов и опустился на левое сиденье. Лежа на спине — колени над головой, — он пристегнулся к упругой поверхности. Запах кожи напомнил кресло дедушки Маэля, в котором маленьким мальчиком он слушал сказки об эльфах, живших в дольменах и выходивших в сумерках — поплясать в свете Иледуциеля; а перед собой Иерн видел только огромный тоннель. Но яркий свет мешал понять, оканчивается ли тоннель небом.

Довольно. Он обратил свое внимание и пальцы к многочисленным кнопкам пульта управления. Засветилась зеленым огоньком лампочка, стрелка сдвинулась на циферблате. Клик — зажужжал вентилятор, ветерок прикоснулся к его щекам; клик — показания компьютера выпрыгнули на экран, клик...

«Неужели эта задержка обрекла тебя на смерть, Ваироа? Прости, — да, я не логичен и не хочу ее, но смерть твоя будет отмщением за убийство — двойное убийство, — и положит конец всем печалям.

Скорее всего, мы с Роникой тоже обречены. На борту нет космических скафандров, они делаются индивидуально, а экипаж еще не определен, корабль не испытан — учебный был во многом иным; нам не поможет и система слежения, нет экипажа, нет системы спасения, нет посадочного поля, к которому я привык в имитаторе... нам еще грозит встреча с палачом — Роника, Роника!» Иерн ударил кулаком по ручке кресла. Она подалась. Чуть помедлив, он взялся за работу.

Сделав все положенное в задней части корабля, Роника скользнула к нему и расположилась рядом.

— Поглядывай за дверью, — наказал он.

— Ты решил, что у меня мозги раскисли? — отрезала Роника.

Чутьочку задетый, Иерн прекратил приготовления и повернул к ней голову.

— Прости меня, — извинился он. — Я не это хотел сказать.

— Конечно же, не хотел, но мне не следовало грубить. Я сама вот-вот сорвусь, — расхохоталась она. — К черту всякую безопасность! Давай поцелуемся на дорожку.

— Удивляюсь тебе: подбил тебя на такую авантюру, а ты даже не испытываешь страха.

— Ну что ж, ты прав, но... я решилась. Другого пути для нас нет. Из двух зол выбирают меньшее. Что такое два человека — две жизни на земле! Всего лишь миг. Зато спасаем все человечество. Да, игра эта стоит свеч. Иерн, Иерн, мы же летим в космос!

Он не мог справиться с собой: она снова пробудила в нем счастье. Судьба посылает им великое деяние — истинный восход Ориона... во все времена.

5

...Чтобы отомстить за все зло, которое мы претерпели...

Взревела труба.

Микли разом умолк и застыл — подобравшись, как кот. Словно волна пробежала по толпе, зашумела разбиваясь, и будто застонали чайки.

Губы Микли дрогнули, открывая зубы.

— Ого, — пробормотал он. — Урок закончен. — И вновь припал к микрофону. Голос его загромыхал над толпой. — Это сигнал к запуску. Не тревожьтесь, не следует паниковать. Мы, северяне, справимся с любой трудностью, если сохраним холодную голову. Оставайтесь на месте. — Он поднял руки, успокаивая смятение. — Весь персонал службы безопасности должен

немедленно занять свои места и приступить к выполнению своих обязанностей. Вооружайтесь и ожидайте приказов. Все прочие оставайтесь на местах — первой должна выйти охрана. А после этого, соблюдая порядок, остальные расходятся по своим квартирам.

Дренг поднялся на сцену, ужас исказил тяжелые черты, но не за свою безопасность страшился он.

— Поговори с ними, Эйгар, — выкрикнул Микли. — Пусть посидят, а я тем временем спасу твой драгоценный корабль, — и рявкнул в микрофон: — Держитесь, северяне! Я уже в пути!

Он заторопился по проходу к двери, кое-кто приветствовал его, но все звуки тонули в трубном зове. Быстро и уверенно оказавшись снаружи, он понесся бегом — по коридору, по лестнице, вновь по коридору — в свой кабинет. Помощница встретила его с пистолетом в руке. Она подняла ствол вверх, отдавая честь. Он весело махнул ей и спросил:

— Какая информация?

— Никакой, сэр, пока никакой.

В коридоре топали башмаки, кричали люди, летело эхо, звывала труба.

Микли усмехнулся.

— Ну что ж, тем веселее, так? — выкрикнул он из каюты. Усевшись за свой стол, он начал переговоры: — Уровень один, о'кей; охрана не заметила ничего, кроме сигнала тревоги, — объявил он, вызывая второго абонента. — Уровень два, то же самое... Уровень три... Алло, алло... молчит как будто бы, а это вход экипажа... Уровень четыре, о'кей, все в порядке... уровень пять — алло, алло, алло, звонок есть, но никто не отвечает — это возле ворот. — Он ухмыльнулся. — Угу, вот и пираты.

Аппарат на столе дежурного офицера зазвонил. Послушав несколько секунд, она сказала дрожащим голосом:

— Да, переключаю... Сэр, это человек с поста на третьем уровне.

Микли прислушался.

— Ах, — выдохнул он. — Очень хорошо. Хос, доложите с Левиным командиру; возьмите новое оружие и ожидайте приказа вместе с остальными вашими людьми. Отчитывать вас за беспечность у меня нет времени. Действуйте! — он опустил трубку. — Шайра, дорогая, — окликнул он свою секретаршу, — проверь, где находится Ваироа Хаакону.

— Он должен быть в заключении, сэр, не так ли? Но... — раздался сдавленный вопль. — Сэр, его там нет!.. Он у ворот!

Микли кивнул.

— Совпадает. — Он посмотрел на часы. — Ферлей и Биркен, должно быть, уже проникли в корабль, — сказал он, словно обращаясь к себе, — при нормальном отсчете у нас осталось около часа. Но они легко могут скостить большую часть его; если мы попытаемся войти, им придется немедленно стартовать. Но сами они предпочтут взлететь лишь после хотя бы основных проверок и прогрева. Значит, остается примерно двадцать минут. — Он вновь возвысил голос. — Шайра, вызови штаб-квартиру службы безопасности, пусть вышлют взвод с парой ракетных ружей на пятый уровень. Быстро. Если дверь закрыта — как того следует ожидать, — пусть они разнесут ее, войдут и опустят створки на место, прежде чем корабль взлетит. На двоих! Рысью!

Он снова поднял трубку и набрал особый номер.

— Боевой корабль «Морской змей», на мостике капитан Скарп, слушаю, — услышал он.

— Капитан Скарп, — отрезал Микли. — Слушайте: код «вулкан», поняли меня?

— Да, сэр, абсолютный приоритет.

— Поднимайте пар и выводите людей на боевые посты. Предупредите своих, чтобы не глядели на запад. Возможно, что в той стороне произойдет несколько ярких вспышек, которые могут ослепить вас; пусть все на палубе будут одеты — в перчатках и масках.

— Что? — потрясенный моряк справился с собой. — А гражданских предупредили?

— Да, с той поры как эта свинья вырвалась из своего хлева, сигнал тревоги передается по радио, а в Кенае приемников не выключают. Они уже в постелях, попрятались под одеяла. Наверное, все правила наизусть выучили, — нетерпеливо выкрикивал Микли. — Если наш космический корабль взлетит, вы выходите в море. Вы должны уничтожить маурайские авианосцы, чтобы, заметив корабль, они не сумели разбомбить нас. Вы сделаете это любой ценой. Если сможете нанести их флоту дополнительные потери — отлично, но лучше выйти из боя и вернуться сюда, сохранив какое-то количество ракет, — на случай новых попыток. Вы меня поняли? Повторите. — Когда флотский, повинувшись, ответил взволнованным голосом, Микли сказал: — Ну что ж, веселитесь. — Опустил трубку на аппарат и оставил кресло. На мгновение взгляд его задержался на бивнях мамонта. — Все, пожили, как и ты, старина, — в свое время, — пробормотал он. — Только я могу оставить по себе куда более внушительную память. — Погладив холодный оникс своего письменного прибора, он заторопился наружу.

— Куда вы направляетесь, сэр? — поинтересовалась его помощница.

Микли усмехнулся под звуки трубы.

— Куда-куда!.. на уровень пятый. Неужели ты думаешь, что я способен пропустить такое развлечение, милашка?

Он потрепал ее по щеке, усмехнулся недовольству и поспешно ушел.

Его остановил офицер, желавший получить разрешение возглавить группу прорыва на третьем уровне. Микли потерял несколько минут: предложение следовало отвергнуть настолько решительно, чтобы никто не рискнул попробовать вне зависимости от ситуации. Наконец лифт поднял его в коридор, расположенный как раз под местом назначения.

Здесь трубный глас был настолько громким, что челюсти его завибрировали. Дюжина вооруженных людей пряталась под лестницами. У одного была пусковая труба на плечах, еще двое несли четыре небольшие твердотопливные ракетки с взрывными боеголовками, остальные были вооружены обычным образом. Мрак и сумятица, на лицах людей было написано отчаяние и страх; больно было не только их барабанным перепонкам.

Микли рванулся навстречу.

— В какое адово дерьмо вы тут вляпались? — завопил он. — Я же велел прийти двум ракетчикам.

Начальник взвода отдал честь.

— Сэр, — ответил он, стараясь перекрыть вой. — Второй убит, с ним еще четверо. Ворота защищает стрелок, он палит без промаха. Всякий, кто высовывал голову из шахты, получал от него по пуле. Мы не смогли развернуть оружие. — Он глотнул. — Кроме того, сэр... Вы же знаете, что это дело для самоубийцы: броня на двери отбросит осколки назад: они разрежут ракетчика на части.

Микли яростно оглядел лица.

— Мужчина должен быть горд, имея возможность умереть, чтобы Орион взойшел, — поучал он.

— «Орион-2» взойдет в любую минуту, — простонал другой. — И тот, кто окажется наверху, не сумеет рассказать об этом. Дойдет даже сюда...

Микли скрестил руки. Несколько секунд говорила только труба.

— И вы зовете себя северянами, — упрекнул он. — Зарядите свою трубу и дайте ее мне.

— Сэр? — выкатив глаза, они уставились на него.

— Я открою для вас дверь. Будьте готовы последовать за мной. Ты... — Он указал на самого унылого из всей группы. —

Давай сюда оружие и мчись домой к матери, может, она еще найдет где-нибудь детали, которые позабыла вставить тебе на сборочной линии.

Человек дернулся.

— Сэр, это безумие, — возразил командир. — Мы не можем потерять вас! Лучше я попробую сам.

Микли покачал головой.

— Нет. У меня есть идея, но объяснять некогда, а у вас слишком много мозгов, чтобы просто повиноваться, — прозвучал его отрывистый смех. — Я не могу упустить возможности порезвиться.

Они зашаркали ногами и отвернулись.

— Прыгайте, — приказал он, уже потише, но так, чтобы его слышали в этом шуме. Поглядев на него, они торопливо повиновались. С пистолетом на груди, забросив за спину заряженную пусковую трубу, Микли поставил ногу на лестницу. — Когда услышите выстрел этой штуковины, сразу поднимайтесь, — приказал он и с обезьяньей гибкостью полез наверх.

Трубный звук туманом наполнял извилистый коридор. В конце его грудой свалились убитые. Невидящие пустые глаза... открытые рты... Кровь, мозги, экскременты. Микли с легкой брезгливостью миновал их, направляясь к следующей лестнице.

Но когда лоб его должен был вот-вот выставиться над полом верхнего коридора, он остановился. Одной рукой отстегнул свой пояс, петлей обхватил лестницу посредине и вновь закрепил пряжку, чтобы можно было на нее опереться. Он снял из-за спины пусковую установку и не без труда выставил вперед верхнюю половину, оперев ее на пол. Держась левой рукой за стержень, который должен был упираться в плечо, наклонил ствол вперед.

Ваироа увидел... звякнули пули. Труба вздрогнула под их ударами. Микли ухмыльнулся — шире, чем прежде. Правая рука его потянулась к пусковому крючку.

План был безумен, а потому не пришел в голову ракетчикам. Микли не мог точно прицелиться, да и ствол обязательно дернется. Попасть в уязвимую точку возле замка шансов у него практически не было... Микли полагался на удачу: Держа речь перед собранием Волков, он называл ее судьбой.

Сигнал тревоги умолк. Наступило молчание. Некоторое время, успев оглохнуть, он не замечал этого. И вдруг услышал новый сигнал, холодный ледяной голос, стон зимнего ветра.

Через три минуты взойдет «Орион-2».

Микли выстрелил. Дым и пламя закружили над ним. Пламя обожгло дыхание. Рев ракеты закончился грохотом Судного

Дня. Острые, как ножи, осколки, взвизгивая и блестя, отражались от стен, пролетали над ним, пока он старался прижаться как можно плотнее к стенке хода. Микли не замечал порезов.

Не до них... Не до чего вообще — пока не остановлен корабль. Он выскочил вверх, не встреченный пулей. Покрытая сажей и разбитая дверь криво висела перед ним.

— Й-а-ах! — завопил он победно и рванулся вперед.

Ваироа стоял, пока труба звала на помощь. Припав к глазку, с оружием наготове он ждал. И по одному перестрелял ракетчиков, забыв про того, что лежал связанным на полу. Потом взгляд его коротко прикоснулся к убитой женщине. Он остановился, притронулся ладонью к ее животу, выпрямился и вновь стал на стражу — призрачная ночная фигура посреди белизны и машин.

Из-за края отверстия выглянула труба — ракетная установка. Он выстрелил несколько раз, но перед ним была не цель из плоти.

Трубный глас смолк. Засвистел «Орион».

Ваироа расслабился: стража его закончена.

Почти.

Взрыв отбросил Ваироа назад. Он выронил винтовку и, ошеломленный, встал на колени. Кровь текла из носа. Он пополз, распрямив спину, Микли Карст скользнул в открытую щель. В руках его был пистолет.

«Орион» свистел.

Микли выстрелил. Застигнутый у стены Ваироа споткнулся, припадая к ней. Из дырки в животе его хлынула алая кровь. Микли рванулся к пульта. Ваироа, собрав все силы, попытался помешать ему.

— Нет! — взвыл Микли. — Нет!

Он выстрелил снова, почти в упор. Ваироа как будто ничего не почувствовал. Настигнув своего врага, он обхватил его. Они сцепились возле пульта. Микли не в силах был поднять пистолет, сдерживаемый этой рукой. Ваироа крутанул, хрустнули кости — пистолет упал на пол. Свободная рука Микли напряглась. Ваироа не обратил внимания. Правой рукой он подгонял противника, направляя его к...

— Нет! — взвизгнул Микли. — Нет!

Ваироа улыбнулся и ответил:

— Да.

Они вывалились на балкон. Микли запустил зубы в горло Ваироа. Ваироа перевалил его через ограждение. Микли не отпуская; так они и упали в шахту, пролетев вместе более ста метров.

В переходе взводный пересчитал людей; те немногие, что сохранили еще храбрость, вызвались сопровождать его. Они поднимались по лестнице — к пульта управления... Как раз для того, чтобы сгинуть в огне и громе старта.

Глава 24

1

На сей раз гневные магнаты не стали тайно съезжаться в Кемпер под каким-нибудь предлогом. Объявив о своей цели, они собрались в Дордойни, в замке Бейнак, открыто отказавшем капитану Джовейну в повиновении. Теперь недовольных было куда больше, чем на предыдущей встрече. Гости со свитами заполнили все свободные комнаты в замке и все места, где можно было расположиться неподалеку, но даже владельцы гостиниц не брали денег за проживание.

Заседания начинались каждый день поутру и тянулись до заката. Дело, которое приходилось решать, не знало сравнения во всей истории Домена. Каждый требовал внимания, хотел сказать свое слово, сомнению то и дело подвергались как основные принципы, так и самые мелкие детали процедуры... вспыхивали отголоски персональных конфликтов. По вечерам интриги, угрозы, сделки осуществлялись в темных углах замка. Медленно и неэффективно, как бывает среди людей, собрание подбиралось к консенсусу.

Наконец Восмайер Тесс Рейман могла встать перед магнатами и подвести итоги. Ее сразу избрали председателем — к собственному и всеобщему удивлению. Оказалось, что кандидатура ее как офицера, по долгу службы знающего Скайгольм, уважаемого аэрогенами и наземниками, вызывает меньше всего разногласий. Очень скоро она убедила всех в противоположном, но никто всерьез не собирался мешать ей направлять в нужную сторону собравшееся стадо... по большей части все были ей благодарны за это.

Зал заседаний пристроили к крепости пару столетий назад, — длинное здание с узкими окнами. Под каждым окном располагалась статуя Предка, выполненная в абстрактном стиле той эры. Башенка наверху представляла на самом деле камеру-обскуру, оттуда электроника передавала на экран, охватывавший зал поверху над окнами, вид окрестностей с высоты замка. В тот вечер мгла уже уселась в лишенных листьев кронах деревьев, посреди увлажненной дождем долины поблескивала

речная волна. Несколько звезд мерцали на небе. Скайгольм, подобно Луне, низко стоял на севере, и на диске его трепетали крохотные огоньки. Прохлада за стенами пронзала духоту в зале, отдававшую потом и табаком.

Из президиума Тесс посматривала на всех собравшихся. Цветастые и разнообразные национальные костюмы говорили, сколь сборная солянка предстала перед ней: сеньоры Кланов, управляющие, князьки, купцы, повелители и повелительницы различных областей, от тихого ученого Местромора до элегантного великого мэра Эльсасса, от зятянутого в черное президента Бургойни до лохматого горца, Вождя Юры... Она прокашлялась.

— Мне бы хотелось набросать контуры достигнутого нами согласия, — сказала она. — Бесспорно, не каждый из присутствующих одобрит все соглашение целиком, но, с моей точки зрения, мы выработали компромиссный вариант, способный всех объединить. Изгнание Джовейном персонала Скайгольма мы не можем... не вправе стерпеть. Этот акт не просто предоставляет ему и его шайке наемников, эспейньяцам и маурайским «советникам», полный контроль над самым могущественным оружием в Юропе, а быть может, и во всем мире. Он может испепелить нас. И мы будем не в силах противодействовать ему, если не перейти к гибельному открытому восстанию или партизанской войне. Быть может, руку его остановит лишь понимание грустной истины: тогда Домен навсегда распадется. Не будем преувеличивать, скорее всего эспейньяцы и маураи, составляющие теперь экипаж Скайгольма, не станут повиноваться подобному приказу, если не последует самых серьезных провокаций с нашей стороны.

Вне сомнения, в своих собственных глазах они кажутся себе достоинственными людьми. Во всяком случае, это, безусловно, можно сказать о Джовейне. Но главное в том, что это *он* и *они* решают нашу судьбу, а не мы сами, уроженцы Домена, знающие его древние обычаи. — Она указала на изображение аэростата. — Некогда он спас цивилизацию Франсестерра. Потом охранял и вынянчил ее. А теперь обратился в средство достижения абсолютной власти. Вот это и есть самое худшее. Скайгольм по праву принадлежит не ему, а Домену. Нам, нашим предкам и детям, еще не рожденным. Он — сердце всей нашей сути. Можно верить или не верить в то, что в нас обитают анимы предков, но вы прекрасно знаете, что мы обитаем среди их наследия. И мы должны потребовать свое наследство назад.

Тесс сделала паузу. По аудитории пробежал шорох. Она продолжила сухим голосом:

— Итак, какие меры мы предлагаем? Во-первых, мы собираем всеобщий съезд сеньоров. Мы не можем, как заведено, встретиться в Скайгольме, но закон и не требует этого. Сеньоры должны проголосовать за отрешение Джовейна от должности и смещение его с поста Капитана. Но до того следует открыто и во всеуслышание объявить, что мы отказываемся поддерживать его. Наши штаты больше не будут выплачивать налоги центру, признавать его чиновников и выполнять его декреты; кроме того, мы призываем другие штаты, корпуса, лиги, компании, организации любого рода поступить так же. Кое-кто здесь в последние дни утверждал, что подобные действия подорвут саму основу нашего общества. Это так. Тем не менее...

Ворвавшись в главную дверь, молодой человек побежал по проходу.

— Новости, новости! — кричал он. Слезы текли по его исказившемуся лицу. — Радио...

Тесс подняла руку, чтобы остановить беспокойство в зале.

— Что за безобразие? — осведомилась она. — Разве возможны подобные выходы без крайней необходимости?

— Что вы!.. — возразил Анс Дебирон сквозь слезы. Вспрыгнув на край помоста, он стал с ней рядом. — Скорбные вести, господа мои и госпожи. Слушайте: армии монгов, напавшие на Северо-западный Союз, истреблены... ядерным оружием! Дью, защити нас!

И, упав на колени, он зарыдал.

Тесс не оставила своего места над порожденным ужасом хаосом. Взгляд ее обратился к Скайгольму — снежно-белому посреди сгущающейся тьмы.

— Ну, что делать теперь? — прошептала она.

2

Тераи Лоханнасо находился в своей каюте и писал письмо жене, когда «Орион-2» вырвался на свободу. Иссиня-белый свет вспыхнул в иллюминаторе дюжиной солнц.

Кресло его упало. По контрасту в каюте сделалось вдруг темно, перед глазами проплывали пятна. На ощупь он направился к выходу. Второй взрыв застал его на лестнице, ведущей на палубу. Этот был куда слабее первого: Тераи понял, что космический корабль круто уходит вверх.

Третья вспышка произошла, когда он оказался наверху, и глаза его прозрели... Крошечная, как звездочка, новой не последовало. Экипаж либо паниковал, либо жался к палубе. Те, чей взор случайно был обращен прямо в первом взрыву, медленно обретали зрение. Отталкивая встречных со своего пути, Тераи бросился к поручню и огляделся. Мирное утро, только стая

перепуганных бакланов трепетала черными крыльями на синем небе под редкими облаками. Зеленое море искрилось; легкий прохладный бриз накатывал невысокие волны на корпус, чуть раскачивая его. «Ронгелап» лежал на якоре возле небольших островов Баррен, приглядывая за заливом Кука. По правому борту над горизонтом высились горы Кенайского полуострова, уходя к пикам Леутианского хребта, искрившимся вдали снегами. Возле дредноута располагалось около дюжины судов поменьше — и только; флот разделился на эскадры, удаленные друг от друга.

На севере за горами была заметна ниточка дыма, уходящая кверху, — медленно разрывающийся и рассеивающийся след кометы.

— Внимание! — грохнул с мостика громкоговоритель. — Внимание! К бою! Всем по боевым постам! Живо, живо! Как подобает морякам Королевы!

Слова приказа успокоили маураев, они бросились по местам с решимостью в движениях и на лицах. Тераи ощутил гордость за них.

— Не желает ли капитан Лоханасо связаться со штабом адмирала? — окликнул его чей-то голос.

Но Тераи уже направлялся туда. Неясный гром, достигший его слуха, через несколько минут подтвердил, что источник его находится там, где должен располагаться Орион.

Палу Халавео, шкипер флагманского корабля, с разочарованием на лице спросил у Тераи:

— Итак, их космические корабли уже готовы? — спросил он.

Офицер разведки зажег трубку и вдохнул дым, утешением прикоснувшийся к языку и нёбу.

— Нет, сэр, — ответил он, — мы видели запуск прототипа, который они намереваются использовать для экспериментов и сбора данных о работе корабля. Не сомневаюсь, какую бы информацию они ни обрели в найденных архивах, норри не удалось бы осуществить столь амбициозный проект на основе одних теорий. Как я уже упоминал, нам известно, что им нужны еще месяцы на доводку, да и тогда надежность будет сомнительной.

— Но тогда почему они осмелились стартовать перед ликом Танароа посреди бела дня? — недоумевал Кепалоа. — Я бы на их месте дождался тумана.

— Вот это и меня озадачивает, сэр, — признался Тераи. — Возможно, среди них начались какие-то раздоры — тогда троекратное ура! Мы произвели триангуляцию места.

— Я хочу услышать о... — Появился мичман с листом бумаги в руке. Кепалоа расхохотался. — Только заговоришь о Нане, как сразу ощутишь его зубы в своей заднице. Наверное, он принес нам именно то, что нужно.

— Да, сэр, три отсчета выполнены почти одновременно, — объявил моряк.

Два измерения сделаны с самолетов, патрулировавших в воздухе. Третье — с острова Кадьях, где окопались уцелевшие морские пехотинцы. Ну а кроме них, с борта флагмана молодой Роберити Локолоку самым невозмутимым образом воспользовался биноклем и взял по компасу направление на след, пока он еще был виден. Тераи нанес линии на карту, и они пересеклись едва ли не в одной точке.

— Да, — протянул он, — теперь мы знаем, где они окопались. Прошу у адмирала разрешения связаться по радио с Велантоа. Геологический факультет в университете должен либо располагать материалами об этих горах, либо там обязаны знать, где отыскать их. Тогда можно будет понять, где именно они разместили пусковые установки, и мы разнесем их в прах.

— Да-да! — воскликнул Халавео. — Они, безусловно, укреплены, но всему есть предел; если потребуются, мы сбросим на них все, что найдется на флоте.

Кепалоа нахмурился:

— Но почему они запрашивают на это?

— Чертовски странно...

Интуиция обострила чувства Тераи.

— Сэр, — объявил он, ударив кулаком по столу, — предлагаю включить приемники на всех диапазонах. Быть может, объяснение мы получим... из космоса.

Появилась мичманша.

— Сэр, — объявила она с беспокойством, — с разведывательных самолетов нам сообщили, что броненосец, стоявший возле деревни Омер, на полной скорости вышел на юг. С него поднялись небольшие быстроходные самолеты — должно быть, корректировщики для стрельбы.

— Ну-ну. — Кепалоа поглядел на карту. — Через три часа он окажется перед нами. Жест отчаяния? Мы готовы приветствовать его, джентльмены? — Адмирал заметил, как напрягся Тераи, услышал свист дыхания, срывавшегося с его губ. — Ай, в чем дело, Лоханнас?

— Алло, Земля! Алло, Земля. Космический корабль «Орион» вызывает Землю и человечество!

Говорит Таленс Иерн Ферлей из Домена Скайгольма. Со мной рядом Роника Биркен из Северо-западного Союза. Мы находимся на орбите. Земля невероятно прекрасна...

— Говорит Роника Биркен. Я жительница Северо-западного Союза. Я помогла увести этот корабль, построенный Ложей

Волка, чтобы снять тяжесть вины, которая иначе навсегда ляжет на мой народ. Предательство, массовые убийства, угроза нового Судного Дня, создание империи... Я не смею надеяться на то, что вы поймете меня. Послушайте, северяне: вам лгали, вами пользовались как винтиками и шестеренками. Вы — свободный народ, но у вас есть правительство, и оно обращается с вами так, как правительства всегда обращаются со своими подданными.

— Вновь говорит Таленс Иерн Ферлей. Я не во всем согласен с тем, что утверждает моя жена, но мы едины в одном; нельзя простить злодеяние, оно должно быть отомщено. — Англичи сменялся франсеем. — Со словами любви и утешения обращаюсь к своей матери и семье, к моей второй матери и ее семье, ко всем моим родственникам. Мы пока не знаем, что делать дальше и сможем ли мы приземлиться — где-нибудь и когда-нибудь. Но если мы умрем, не скорбите о нас. Мы вернули назад нашу честь, а к небу нас вознесло рукотворное чудо...

Тераи не слушал: в своей каюте он торопливо дописывал письмо домой: «Прощай, самая любимая!» Подписался, опустил бумагу в конверт и запечатал его. Он не сомневался в том, что произошло. В штабе адмирала его ждала лента с записью послания из космоса. Он прослушал ее, и мурашки побежали по телу.

— Танароа! — прошептал Тераи. — Как я завидую тебе, мальчик мой. Да будет с тобой удача.

Ранним утром «Морской змей» обошел южный мыс Кенайского полуострова и направился в Ляскинский залив. Огромный уродливый корабль глубоко погрузился в воду... подчеркнуто угловатый — мостик, надстройки, пушечные башни, пусковые ракетные установки, шлюпбалки для спасательных шлюпок. На броне играли золотые отблески, которые тщетно пытался выбелить собирающийся туман. Три трубы извергали вонь и копоть.

Высоко над головой безуспешно кружили маурайские реактивные самолеты. Они отогнали авиацию северян, но, атаковав корабль, не смогли нанести ему серьезных повреждений. Убийственный заградительный огонь наполовину уменьшил число нападающих. Явились бомбардировщики, сбрасывавшие груз с безопасных высот — корабельные лазеры взрывали бомбы еще в воздухе.

Сообщения о ходе боя Тераи слушал с яростью — на тупость и безразличие министерства обороны Федерации, на общественную апатию и интеллектуальный застой, мешавший всем попыткам восстановить ту силу и энергию, которыми была

добыта победа в Энергетической войне. В Велантоа прекрасно знали, что безнадежно устаревший «Морской змей» все еще существует. Этот корабль оставили норри в качестве базы для береговой обороны в здешних водах. Но действительным владельцем судна являлась Ложа Волка, отправившая его в море. Когда Тераи вместе с отрядом находился на Ляске, никто не подумал проверить его состояние. Северяне же невозмутимо спрятали бронированное чудовище на какую-то дальнюю верфь и преобразили его. Броня, вооружение, лучевое оружие, как в Скайгольме, такого не было на флоте Королевы... защищая непосредственно Орион, корабль выдал бы местонахождение комплекса, но главное, он был мобильной пусковой установкой и для Волка...

И тогда случилось...

Запустив двигатели, убрав паруса, «Ронгелап» во главе эскадры двинулся к бою. Собрать подкрепления не позволяло время, съежившееся в ничто. Грохнул выстрел; промеряя расстояние, невидимый снаряд устремился вперед. Белый фонтан встал возле броненосца. Корабль северян не ответил. Окутыв дымом переднюю пусковую установку, с него поднялась ввысь ракета — серебряная стрела с огненным хвостом. Рев двигателей далеко разносился над морем.

На мостике Кепалоа опустил бинокль, когда, прочертив небо, ракета ушла в сторону.

— Боюсь, что ваша догадка верна, капитан Лоханнaso, — проговорил он неловко.

— Логика самого жестокого рода, — отвечал Тераи. — И мы не можем ничего сделать, Нан их сожри...

После вспышки, озарившей весь юго-восточный горизонт, донесся рокот — на горизонте поднялась снеговая гора.

Халавео схватил микрофон.

— Слушайте все! — закричал он. — Это ядерная боеголовка, как вы, должно быть, заметили. Все по местам! Они не станут стрелять ими на таком расстоянии, не погубив при этом себя самих. А лучи, которыми они прежде пользовались, способны отразить лишь нападение с воздуха. Но даже если их луч способен уничтожить бомбу, он бессилен против корабля... Ни один корабль не способен поднять необходимую для этого энергетическую установку. Словом, никакие непредвиденные опасности нас не ждут, остается воинская работа.

— Приготовьтесь к бою!.. вперед!.. бей хищных кеа.

Взрвали машины, переведенные на полный ход. Маурайское судно рванулось вперед, стреляя из всех пушек, взрывы и шрапнель обрушивая на броненосец.

На его борту были отважные люди. Не считаясь с убитыми, они запустили вторую ракету, третью, четвертую... небеса пылали.

Приходили радиосообщения. Самолеты-разведчики Волка сделали свое дело, а потом бежали. Все намеченные ими корабли не были способны уйти из радиуса поражения ядерного взрыва. И каждая ракета несла гибель еще одному авианосцу со всеми вспомогательными кораблями. Повсюду ужас парализовал маурайские экипажи, кое-где готовые к мятежу. «Это разгром! Мы не можем отразить удар северян. Настал второй Судный День».

Тераи не знал, почему мужество еще не оставило здешних моряков. Впрочем, они видели все, а бес, которого видишь, не так страшен, как невидимый.

«Я люблю тебя, Елена», — начал Тераи свое письмо. Он не был уверен в том, что жена его получит. Быть может, его прочтут только рыбы.

Боевой дух на корабле вот-вот надломится. Возле Тераи дрогнул сам Халавео.

— Милостивый Харисти, мы погибли как монги, — просто-нап капитан.

— Нет! — Тераи схватил его за плечо, заставив невольно охнуть. — Нет, если сумеем потопить этот корабль. У них не может быть столько атомного оружия: нельзя выделить много ядерной взрывчатки войне, если хочешь, чтобы Орион взорвался. У них нет других кораблей, нет даже ракет, способных поразить цель из залива. Не робеть!

Вражеские башни отвечали. Грохотали орудия. Главная мачта «Ронгелапа» расщепилась и упала. Пламя лизало ее по всей длине. Кричали раненные, но их товарищи оставались на местах, отвечая выстрелом на выстрел.

Броненосец развернулся, отступая к заливу Кука, под прикрытие береговых батарей. Вдали горел тонущий маурайский фрегат.

— Нам придется отказаться от погони, — занервничал Кепалоа. — Иначе они разнесут нас на куски.

— Нет, сэр, нет, — настаивал Тераи. — Разве вы не понимаете? На борту этого судна может находиться ядерное оружие, вероятней всего, так оно и есть. Это судно представляет собой их ядерный оплот, и оно уничтожит следующий экспедиционный корпус, который соберет Федерация, если мы не потопим его сегодня же.

Кепалоа посмотрел на него внимательным взглядом и ответил:

— Ну что ж, Лоханнасо, командуйте. Преследуем цель.

Химический взрыв вновь сотряс дредноут. Осколки металла и дерева вонзались в человеческую плоть. Огонь пожирал левый борт. Те, кто не застыл навек без движения, подобно поломанным куклам, тащили свои изуродованные тела в поисках помощи.

Но на «Ронгелапе» еще были мужчины, способные стоять у руля. «Морской змей» подпрыгнул в воде, качнулся, потерял управление. От задних башен его остались только обломки. Трубы были сбиты, и дым удушал уцелевших. Гейзеры вырывались из воды. Но маураи догоняли.

— Хоу! — вскричал Тераи. — Или вы решили, что у нас не хватит мужества, а?

Лишенный мачт и пылающий «Ронгелап» был быстрее. Он приближался. Стрелки начали обстреливать палубу врага. Тераи оставил мостик. По пути он ухватил пожарный топорик и размахивал алым обухом над головой, словно молнией.

— Бросай кошки, чалим и высаживаемся! — закричал он. — Ради наших детей!

В нем не было ни страха, ни гнева. Он двигался подобно буре или приливу. И где-то внутри оставалось воспоминание о том, как плыл он со своим другом-дельфином в ласковых водах своего отечества...

Никто впоследствии не узнал, чья мстительная рука направила в маураев оставшуюся ядерную боеголовку. Взметнулся огненный шар в небо. Волны вскипели. Опаленные птицы падали с воздуха. Отголоски потрясли дальние долины, срывая лавины с вершин.

Взвыл ветер и понес выпавшие яды на восток через залив.

А потом над опустевшим морем настала великая тишь.

3

После тяжелой гневной лапы, давившей на них при старте, невесомость была подобна пробуждению возле открытого окна утром ранней весной.

Земля сверкала в своей снежно-белой чистоте, зеленели северные низины, скульптурно прорисовывались высоты, ртутью текли реки и озера, над ними плыли облака. Новый закат червонным золотом очертил твердь, когда, закончив девятистоминутный виток, корабль ушел в ночную сторону. Но Роника вовсе не видела тьмы: с небес ее изгоняли звезды. Одиноким в темной кабине корабля, Иерн позволил своему духу воспарить среди небесного света.

Роника вернулась к нему. Окончив осмотр приборов, Иерн обнял ее благоуханное крепкое тело. Млечный путь бросил морозную тень на ее лицо. Они поплыли — рука в руке.

— Все в порядке, — сказала Роника. — Наш корабль получился надежнее, чем думали проектировщики... Ну как, снизу нам ничего еще не ответили?

— Нет, нет еще. Но чтобы связаться с нами, необходимы дополнительные приготовления, они там внизу... очень заняты... по чести говоря, я был бы рад какое-то время не слышать о том, что творится внизу.

— Понимаю, — вздохнула она. — Сама вот-вот рухну. Реакция. Но здесь — наше с тобой исцеление.

Он кивнул:

— Быть может, и всей человеческой расы. Роника, мы не можем допустить, чтобы все это пропало. Я-то думал, что мы должны предотвратить восход Ориона, но теперь, когда мы видели все сами... Орион должен взойти!

Она поцеловала его.

— Да!

— А потому, — сказал он, — я полагаю, что нам не следует торопиться с возвращением. Побудем здесь неделю-другую, послушаем... ознакомимся с ситуацией. Дождемся, пока где-нибудь стабилизируется положение, если такое может произойти. Хотя бы убедимся, что после приземления наш корабль не уничтожат.

— Я согласна, дорогой, припасов у нас хватит.

Прилив энергии изгнал утомление из его голоса.

— Хватит и мощности. Возможности корабельного компьютера невелики, но при такой мощности двигателя нам не требуется большая точность расчетов. Можем не сидеть на орбите Земли, — и вдруг расхохотался во всей этой невероятной ситуации. — А ты не хотела бы прогуляться к Луне?

4

— Все, что я сделал, я сделал ради любви к ней, — бормотал Джовейн. — О, конечно, я хотел заодно и перекроить Домен по собственной схеме, и отомстить Иерну, но в основном я старался ради нее. Да так и не достиг ничего.

Маттас Олвера опустил ладонь на плечо Капитана с неожиданной мягкостью в голосе:

— Ты служил Гее.

— Я служил себе. — Джовейн махнул в сторону призматического окна. — А она отрицает меня.

Учены отыскал его в саду. Джовейн пришел в беседку из роз, чтобы посмотреть вниз — туда, где сейчас находилась Фейлис. Золотисто-белое под полуденным солнцем облачное покрывало под синевой небесной укрывало от него Землю. Судя по сообщениям, внизу бушевал разрушительный ураган, прежде на борьбу с такими отправляли Буревестников.

— Неправильно говоришь, — поправил Маттас. — Она не может отказаться от тебя, как и ты от нее. Жизнь ведь едина. Болеют только органеллы... — Учены изменил тему. — Почему ты решил, что потерял свою, мм-м... жену? По-моему, она просто утомилась от здешних условий и ожидает тебя в Турневе.

— Сколько ей придется ждать? Сколько она сможет ждать? Будет ли ждать? Мы уже разошлись достаточно далеко. — Сгорьким негодованием Джовейн погрозил кулаком безграничности над головой. — И я могу представить, как затрепещет ее романтическое сердечко, когда она узнает, что ее золотой мальчик Иерн жив и кружит вокруг планеты, и аллилуйя раздастся от края до края вырвавшегося на свободу Домена! А я стою здесь — заброшенный, лишенный всего, пленник в своей твердыне.

Тон Маттаса сделался резким:

— Саможалость тебе не идет. Стань вновь мужчиной, ты всегда был им.

Джовейн ударил кулаком в ладонь.

— Я, я... прости. Катастрофа в Мерики, это безумство, да еще падение собственной власти... — Он обратил глаза свои к Гее, стараясь успокоиться. — Я просто потрясен твоим спокойствием. Я-то полагал, что хоть ты, адепт геанства, будешь уязвлен. Какая победа для всей этой орды бесчинствующих технопоклонников!

В ответе Маттаса звучала еще большая резкость:

— Я не согласен с тобой.

— Почему?

— Гея победит. Вот о чем я. Ревн Сирайо ищет тебя. Он требует срочно созвать совещание высших чинов. Я догадался, что ты можешь быть здесь. Возможно, тебе требуется психологическая поддержка, чтобы встретиться с ним?

— Что? — Джовейн выпрямился. — Спасибо. Я вполне владею собой. И лучше не откладывать. — После испытанного бессилия возможность действовать вливала в него энергию, словно кровь в жилы раненого солдата.

Они оба торопливо направились прочь от зелени и цветов, пытаясь не замечать, как побурела и пожухла помертвевшая

листва. Членам нового экипажа, кому было поручено ухаживать за садом, не хватало времени, опыта и преданности прежних его хранителей. Сам воздух потерял прежнее благоухание.

Верхние уровни пустовали, в лабиринте гулких коридоров и заброшенных комнат лишь изредка попадался техник или кто-нибудь из терранских гвардейцев. Последние коротко салютовали. Гражданские редко следовали их примеру; среди них было мало франсеев, Скайгольмом теперь управляли в основном эспейньянцы и маураи. Джовейн часто гадал, можно ли было в действительности отыскать среди них штатского. Глав обоих контингентов, Диаса Гарсайя и Ревы Сирайо, штатскими считать было трудно — они представляли разведывательные службы армии Женераля и флота Ее Величества.

Но он-то рассчитывал получить от них войско, послушное лишь ему самому. А вместо этого... да, он победил военным путем, но трудно было сказать, дает ли эта военная сила ему реальную власть.

Добравшись до своего кабинета, он послал за иноземцами и уселся под портретом Чарльза и Турской Декларацией. Стекло крышка стола холодила пальцы. Маттас опустился в кресло, прогнувшееся под тяжестью его туши.

— Мы должны мстить, — пробурчал он, наливаясь кровью. — Прижечь язву, если ты хочешь выжечь рак из плоти Геи, не позволяя ему распространяться.

— Но что мы можем сделать? — тусклым голосом ответил Джовейн. — Некогда Домен мог отправить помощь монгам, но что мы можем сделать теперь?

Словно бы по сигналу вошел Эшкрофт Лоренс Мейн — прямой, в зеленом мундире; осунувшееся лицо невероятно напоминало Джовейну Фейлис — любимую сестру Лоренса. Став по стойке смирно, он сказал:

— Сир, увы, есть плохие новости. Пару часов назад, прежде чем буря разбушевалась настолько, что мы потеряли из виду почти все радиопередатчики, мы успели получить несколько известий. Высокая Миди расторгла союз. Аналогичным образом поступили сеньоры Клана Кронеберг — единодушно.

— И они тоже? — Джовейн вздохнул. — Впрочем — чему удивляться. Садись, Лоренс. От Фейлис нет никаких новостей? Я давно ничего не получал от нее.

— И я тоже, — с сочувствием отозвался молодой человек. — Но я сумел выкроить время, чтобы посетить ее, когда последний раз был в Турневе. Вы помните, что я тогда расследовал обстоятельства нападения на нескольких гвардейцев.

— И никаких улик? Придется ввести комендантский час. И если мы не сумеем удержать в своих руках этот город вместе с его окрестностями, с нами покончено — с самим Скайгольмом.

Вошел Яго Диас Гарсайя, уселся в кресло, зажег сигару и принялся нервно затягиваться.

— Мои домашние службы передавали мне информацию из монгских стран, — поведал он. — По геанской сети, через нескольких агентов, которыми мы располагаем.

Пульс Джовейна заторопился.

— Ну, что там слышно? Они планируют новое выступление?

Эспейньянец покачал головой:

— Увы, нет. Солдатаи полностью деморализованы.

Маттас взъерошил бороду.

— Вот вам и раса воинов, — фыркнул он. — А норрмены, наверное, истратили все или почти все адское оружие. Пепел убитых, который разносит ветер, взывает к отмщению.

Яго покачал головой:

— Полки, которые оказались готовы выступить и умереть, были из тех, в ком еще жив старинный дух. И участь их послужила жестоким назиданием для остальных, чего здесь никто не понимает. — И добавил: — В конце концов геанство не оставляет места воинственности. И оно усиливает потрясение от... от подобных событий. Целые полки в Пяти Нациях отказываются выступать вслед за знаменем. Согласившихся охватило сильнейшее дезертирство.

Маттас осел.

— И это там, где родилось откровение.

— Мне кажется, у монгских правительств сейчас и так хватает хлопот. Сообщают о побегах слугаев, многие из них организовано требуют равенства, даже в общественных местах расхаживают вооруженными.

— Должно быть, их общество успело прогнать и даже не заметило этого, — медленно проговорил Джовейн. — Еще бы — хватка аристократов разом ослабла, и ведь это же их родня, свои мериканы сломали гордость монгов. Чем все это закончится?

Яго скорбно покачал головой.

— Кто знает? — отозвался он. — В масштабах всего континента... распадом, но в любом случае прежним порядкам не быть. Не сомневаюсь, Северо-западному Союзу нечего более беспокоиться о своих западных границах.

— Если только мы... — Вошел Ревн Сирайо, и Маттас умолк.

Бронзовокожий маурай уже приближался к старости, и обемистая комплекция совместно с профессорскими манерами делала его еще более важным. Даже не присев, он заговорил на ровном торопливом английском:

— Капитан, джентльмены, я попросил вас собраться, поскольку страна моя только что перенесла собственную трагедию и вследствие ее может оказаться в беспрецедентном кризисе. Естественно, подобная перспектива тревожит подданных Ее Величества, находящихся в этих краях, а тем более в Скайгольме.

Предчувствие стиснуло сердце Джовейна.

— Они нанесли ядерный удар и по вам? — выдохнул он.

Ревин кивнул:

— Вчера.

Маттас булькнул, словно его душили. Лоренс не шевельнулся, но признаки былой молодости мгновенно улетучились с его лица.

— Я только что получил сообщение, — сказал Ревин. — Создавшийся хаос не позволил нам вовремя разобраться в происходящем. По общему впечатлению, катастрофа разразилась после запуска космического корабля и, быть может, была спровоцирована им.

— Как? Что случилось? — тихим голосом произнес Джовейн.

— Вы слышали речи Ферлея и Биркен хотя бы в записи? Они заявили, что увели прототип, чтобы северо-западные убийцы не могли им воспользоваться. Конечно, поступок прекрасный и даже восхитительный, но, вполне вероятно, именно он подтолкнул северян к следующему шагу. Они отправили в море военный корабль, вооруженный ракетами с ядерными боеголовками. И корабль этот, как наверняка и планировалось, погубил примерно около четверти или даже более нашего Великого Флота, считая и вспомогательные корабли. В последнем атомном взрыве погиб и сам броненосец, но вместе с нашим флагманом и главнокомандующим.

Джовейн застыл от такого удара: он не знал, что делать. Яго карал свои легкие дымом. Лоренс перекрестился, Маттас изрыгнул джоруазскую непристойность.

Помолчав, Ревин продолжил бесстрастным голосом:

— Можно усомниться в способностях покойного главнокомандующего, допустившего столь грубые ошибки и небрежность на службе Ее Величества. Но я думаю, что оценки верны, и уничтоженное вражеское судно было не только единственным носителем ядерного оружия, но и отправилось на дно вместе с их последним резервом. Вы, быть может, помните, что в сообщении Ферлея-Биркен содержалось описание космического корабля

«Орион» с основными техническими параметрами. Через них мы узнали потребности корабля в делящихся материалах, можем и оценить верхний предел того, что они могли запасти. Безусловно, враг израсходовал все, что мог выделить на боеголовки. Он едва ли пожертвует космическими кораблями ради нового оружия. К тому же он испытывает дефицит надежных средств доставки, а это сведет к нулю эффект бомбардировок.

— Никто не может предсказать, как поступит безумец, — проговорил Джовейн, — тот, кто приказал этому кораблю выйти в море, не мог обладать разумом.

Реви мрачно усмехнулся:

— Безумие, сир, дело весьма относительное, можно представить себе человека, способного на подобный поступок из демонической гордыни... однако, невзирая на цену, эффект был достигнут.

— В самом деле?

— Подумайте сами. О бомбардировках теперь не может быть и речи — до тех пор пока мы не построим новые авианосцы или не оккупируем Ляску, соорудив на ней воздушные базы. На то и другое уйдет больше года, по меньшей мере, даже если мы примем иностранную помощь, которую нам предложили. Аналогично обстоит дело с массовым десантом на полуострове. Тем временем северяне могут продолжать свою работу. Да, они лишились опытного корабля, но второй наверняка соорудят куда быстрее, зная, что первый повел себя превосходно. Им потребуется не так уж много времени, чтобы создать свою космическую эскадрилью.

Покончено и с нашей блокадой. Хуже потерь — упадок боевого духа. С флота сообщают, что экипажи и слышать не хотят о том, что ядерное оружие израсходовано. Отвращение к атому пронизывает каждого человека, всю нашу культуру. А северяне теперь могут со своих южных территорий снабжать север и посылать туда подкрепление по морю или суше. Мы не можем контролировать всю страну — только отдельные анклав, тем более когда народ ощутил вкус победы.

Теперь, что касается реакции дома и за рубежом. Война эта непопулярна. Сообщают о возмущении и демонстрациях во многих маурайских сообществах... все испытывают ужас, но и известное бунтарское восхищение отвагой врага. Полагаю, что полет Ферлея и Биркен воспламенил миллионы фантазий; а мы поклялись разобрать эти корабли все до единого. Меня не удивит, если Бенегал постарается уклониться от заключения с нами союзного договора. И ставлю под заклад свой годовой заработок — так поступят свободные мериканы на юго-западе.

Реву пронзительно оглядел всех, остановившись на Джовейне.

— Вкратце подытожу, — объявил он. — Ситуация в настоящее время складывается так, что северяне скорее всего преуспеют в своем предприятии; горстка безответственных авантюристов сумеет овладеть этой планетой. Они, быть может, столкнутся с теми же трудностями, которые встретили вы, Капитан, но наша цивилизация, какой мы ее знаем, исчезнет.

— Если не... — попытался объяснить Маттас.

— Да, — перебил его Реву. — Мы уже обговаривали этот вопрос с вами.

Внезапное озарение обрушилось на Джовейна.

— Подождите! — собственный голос показался ему тоненьким визгом. — Скайгольм?

— Да, Ваше Достоинство, — сказал первый маурай. — Ваш аэростат — это дирижабль. Мы можем провести его над полюсом, и через неделю он окажется над врагами. Нам не потребуется точность при стрельбе, мы обладаем безграничным источником солнечной энергии. Мы сможем вести лазерный огонь столько времени, сколько понадобится для того, чтобы поразить огнем врага, выжечь все его опорные базы в этих краях; заставить этих механиков залезть под землю со всеми своими железками; прожечь скалы над ними и вынудить врага сдаться.

— Всемогущий Дью, — вырвалось у Лоренса. Он вновь перекрестился.

— Ничто не сможет помешать нам, — вскричал Яго. — Ничто.

— Нет-нет, подождите, подождите, — запинаясь проговорил Джовейн. — Тем временем здесь... Домен может пасть жертвой моих заклятых врагов...

— Разве это уже не произошло? — парировал Реву.

— Тогда Иерн сможет свободно приземлиться в Франсетере. Все они роем кинутся к нему.

— Какую опасность может представлять один-единственный невооруженный космический корабль? А вы, сир, вернетесь непобедимым героем. И... я, безусловно, могу гарантировать, что Маурайская Федерация поддержит человека, который спасет ее мир.

— И который спасет Гею, — подкрепил его заявление Маттас. — Спасет ее от второго Судного Дня. И покарает врагов за жестокость, проявленную не только к человеческим существам, но и к самой Гее.

«Скайгольм, — звенело в голове у Джовейна. — Самая могучая крепость и машина во всем свете. Капитан его может

решить судьбу следующего тысячелетия... и не только — если обнаружит решимость, подобающую мужчине... — Отвага разыграла, Джовейн вскочил на ноги. — Так я и поступлю!» И, охваченный душевным смятением, увидел солнечные стрелы, которыми будет мстить, разить и жечь, жечь и разить... он — как отмщающий Бог...

5

И снова в «Сапожном каблуке» былолюдно. Речь на собрании на этот раз Эйгар Дренг окончил выкриком:

— Мы можем победить... и — во имя Господне — мы победим! Да, мы понесли тяжелые потери, но враг потерял больше. Он не скоро вернется в наши края; завтра мы вновь приступим к делам и будем работать, подобно троллям, но этой ночью... мы будем праздновать, праздновать нашу победу и скорбеть о тех отважных мужчинах и женщинах, чьими жизнями она оплачена. Пейте в память о Микли Карсте, Брайене Скарпе... и всех, кто умер, чтобы Волк мог вырваться на свободу. В их память да взойдет Орион!

Дренг находился в этот вечер в общем зале и сидел на стуле, словно на троне. Его мясистая рука сжимала стакан с виски, короткие ноги притопывали, а голос перекрывал шум. Помещение могло вместить лишь небольшое количество людей, даже не всю милицию, отпущенную в увольнение. Большинство бродило по коридорам, по рукам гуляли бутылки; северяне горланили песни, выплясывали, обнимались, роняли слезу-другую, но заканчивали все добрыми криками или смехом. Было жарко, в воздухе клубился табачный дым, но, должно быть, это зимний ветер так всех ободрил.

Целые приливы сталкивались в дверях, людские волны колыхались вокруг бара. Посреди моря людского выросло пугало. По коридорам Плик мог двигаться быстро, но здесь толпа остановила его. Гнев появился на лицах, зазвучали проклятия, грозно стиснулись кулаки... но тишина волнами расходилась от центра.

— ...Предатель, шпион, разорвать его на части, повесить!

— Эй там, замолчите! — бухнул Эйгар. — Пусть его. — Вопли и суета вокруг затихли. — Вы же свободный народ, а не шваль, подобная городским серфам монгов. В том, что случилось, вины Плика нет. Пусть его... отпустите, вам говорю!

Толпа отодвинулась от англемана, подталкивая друг друга, наконец вокруг него оказалось свободное пространство. Эйгар пригласил его к себе:

— Иди сюда, друг.

Когда певец приблизился, директор предложил ему свою бутылку:

— Глотни за нас.

Плик наклонил сосуд.

— Ах, — вздохнул он. — Да благословит вас Господь, сэр. Уже этого благодеяния хватит, чтобы оправдать тот риск, которому я подверг свои ребра. Вы ко мне предельно добры.

— Мне было приятно слушать твои сочинения. И я не считаю тебя ответственным за поступок твоих друзей.

Плик ответил ровным взглядом:

— Вы правы, сэр, но все же они остаются моими друзьями.

— У тебя есть право на симпатии.

— О, у меня их нет... за исключением симпатий к невинным жертвам, убитым, задушенным, отравленным, и тем, которые еще погибнут.

— Ну что ж, лучше спой, только последи за языком, — посоветовал Эйгар. — Сегодня все перенервничали, а я не могу выделить тебе телохранителя. Если хочешь, ступай к бару.

Плик не смог быстро пробраться через окружавшую его плотную толпу и потому услышал ровный голос офицера, стоявшего возле директора:

— Кстати, об украденном космическом корабле, сэр. Я полагаю, что пора переговорить об опасности, которую он представляет.

— О'кей, я как раз хотел тебе это сказать, а потом хватит о деле. Выпьем, — предложил Эйгар. — Все подробности, если хочешь, обсудим завтра. Но по-крупному — я не считаю, что корабль находится в опасности. Ферлей уверял всех в своем миролюбии и в отсутствии симпатии к нам. Я верю ему. Кроме того, с радарных постов слежения сообщили, что он отправился во внешний космос.

— Он вернется, сэр. А в «Орионе-2» находятся атомные бомбы.

— Он не может сбросить их на нас. Для этого сперва надо переделать двигательную систему, ему это не по зубам. Может быть, маураи помогут? Нет, подобный поступок в корне противоречит их этике. К тому же Ферлей и Биркен бежали, потому что не могли смириться с применением ядерного оружия на войне. — Эйгар закусил губу. — Не могу сказать, чтобы я сам безоговорочно осуждал их.

— Но тем не менее...

— О, я не полагаюсь на одну только психологию. Ферлей может в целости и сохранности посадить корабль на территории Федерации. Маураи способны наделать из топлива боеголовок и

обратить их против нас. Но не забудьте — эти устройства не слишком мощны. Иначе бы они давно испарили корабль. Даже если из всех этих килотонн слепить единый боеприпас и взорвать его в непосредственной близости — погибнет одна из наших пусковых шахт, не более того. Они достаточно удалены друг от друга и прекрасно защищены. Вот если поделить делящееся вещество на достаточное количество боеголовок и чтобы нацелить их... но маураи не знают, куда именно надо стрелять... а также у них нет точных бомбовых прицелов. После войны Судного Дня серьезных военных действий в воздухе не велось. Нынешняя технология примитивна.

— Я полагаю, что и маураи, и Ферлей обладают достаточным здравым смыслом, чтобы самостоятельно осознать все это.

— Но сам корабль представляет собой потенциальное оружие, сэр, — возразил офицер.

— Вы имеете в виду реактивную струю? — спросил Эйгар. — Да, теоретически Ферлей может поставить корабль вертикально и по очереди выжигать наши шахты. Но на подобный подвиг не способен даже такой мастер, а у него нет даже второго пилота, только один инженер. Но все это теория. Что ж, чтобы успокоить людей, подобных вам, Джейко, я приказал милиции доставить сюда ракеты.

— Ядерные?

Эйгар отрицательно махнул:

— Нет! Меня проинформировали, что мы расстреляли весь наш запас этих грязных шуток, и откровенно скажу — я только рад этому. Небольшие твердотопливные ракеты с химическими боеголовками. Они поднимаются примерно на десять щелчков. Космическому кораблю придется опуститься ниже, чтобы причинить нам реальный ущерб. И единственная ракета, попавшая в его тыльную часть, собьет корабль.

Кулак его грохнул по столу. Бутылки и бокалы подпрыгнули.

— Но повторяю, я не ожидаю от него подобных попыток, — сказал он. — Ферлей прекрасно все понимает. И, по-моему, влюблен в этот корабль не меньше меня самого. Быть может, и больше, поскольку он увел его; повезло ему, сукину сыну. Джейко, мы продумали разные варианты. — Эйгар жадно приложился к своему бокалу. — ...Черт побери, оставь меня наконец в покое, дай набраться.

Плик забился поглубже в толпу. На него по-прежнему поглядывали враждебно, но никто более не обижал.

Ощувив прикосновение руки, он увидел Лисбу Ямамуру, девушку из библиотеки.

— Привет, — проговорила она едва ли не застенчивым тоном.

— Чего... привет! — Он был удивлен. После той, уже давнишней ссоры они иногда встречались, но без особой симпатии. — И как ты?

— Пока еще не поняла. А ты?

Плик чуть пожал плечами, слегка улыбнулся.

— Если тебя мучает жажда — в чем я не сомневаюсь, — предупреждаю, для того чтобы пробраться к бару, потребуются не меньше получаса, — сказала она. — Быть может, возьмешь у меня, чтобы утешиться?

— Спасибо. — Он взял ее бокал и скромно пригубил. — Но чем же я заслужил такое внимание?

Она поглядела на него.

— Должно быть, теперь тебе здесь очень одиноко, — произнесла она.

— Хм, ну...

— Больше никто не хочет слушать твои песни, так ведь? А ты сочинил чего-нибудь новенькое? Ведь такие события могли вдохновить тебя! Впрочем, наверно, умнее всего помолчать.

Из зала донесся хор сильных молодых голосов. Мелодия распространялась, крепла, к ней присоединялся голос за голосом.

*Сотрясая небеса,
Горы, доли и леса,
К звездам двинет «Орион»,
Из темницы выйдет он.
Смерть тиранам!
Смерть злым духам!
Пусть бежит на волю Волк!
Мы добьемся,
Мы добьемся,
Мы добьемся свободы! Свободы! Свободы!*

Плик качнул головой. Губы его побледнели.

— Нет, — сказал он, — ничего подобного этому я сочинить не смогу.

— Неужели? — спросила Лисба. — Волнующая мелодия, но слова, по-моему, так себе.

— Частушка, — ответил Плик, дослушав заглушившую все прочие звуки песню. — Неужели ты не понимаешь? Я все-таки поэт или претендую на это звание. Я призываю демонов, а потом с тем или иным успехом изображаю все, что видел. Но так лают сами демоны. — Плик отнял у нее свою руку. — Извини, наверняка я снова обидел тебя.

— Нет, не очень... Я разыскала тебя, потому что вспомнила, что ты и... О, я не подведу ни свою Дожу, ни Орион, но мне кажется, что ты понимаешь, что происходит, надеюсь, поможешь мне понять... — Лисба взяла его за руки, наклонилась поближе. — Я живу одна в комнате для незамужних женщин, — проговорила она быстро. — Конечно, конурка, но она моя, и у меня припасена бутылочка вина. Пойдем, прошу тебя...

6

Буря бушевала над Западной Юропой до заката. Фейлис сидела дома (что еще остается хрупкой женщине?) и слушала, как выл ветер, грохотал гром, как дождь с градом выбивал барабанную дробь по крыше и хлестал по улицам. Когда вспыхивала молния, водопады, струящиеся по окнам, зловеще мерцали, словно бы снаружи что-то горело. В доме Орилаков в Турневе было холодно: диверсанты вывели из строя городскую электростанцию, принимавшую энергию от Скайгольма. В отблеске свечей она жалась к керамической печке, но вокруг было темно, как в саркофаге. Редкие немолодые слуги скользили мимо Фейлис, замечая ее, только если она звонила; говорили с ней, только отвечая, и старались обойтись несколькими словами. Аппетита у нее не было, Фейлис едва замечала, что кухарка проявляла невнимательность к ней.

Винный погреб и бар предлагали более привлекательные соблазны. К вечеру, когда непогода чуть ослабела, Фейлис почувствовала облегчение, согрелась, взяла книгу в постель. Сборник любимых стихов заставил ее возрыдать о скорби и ужасе, что правят миром; о бедных людях, встретивших столь ужасную смерть на другой стороне планеты. Бедняга Джовеин, труд его жизни рушился, хотя он едва приступил к нему. Бедный отец, которому, должно быть, ужасно не хватает ее; бедная Фейлис, муж которой летает по небу с какой-то дикаркой, демонстрируя свою супружескую неверность всей человеческой расе. Тем не менее она поняла, что сумела воспитать в себе достаточно великодушия, чтобы простить блудного мужа, если он вернется к ней... Спала она плохо, мешали кошмары.

Перед рассветом один из них и пробудил ее. Фейлис проснулась задыхаясь, покрытая холодным потом. За окнами было светло, светлее, чем в полнолуние... свет и тени лежали на ковре. Было прохладно, тихо, она даже слышала, как скрипит старый дом всеми своими сочленениями. Ее ночная свеча догорела.

Она не смогла заставить себя заснуть, лежала в одиночестве и ждала, когда служанка принесет утренний шоколад. «Хорошо бы выйти, — подумала она. — Почему бы не пройтись? — Фейлис помедлила в нерешительности. — Ах, эти террористы. Но пока ничего плохого они не сделали; ну, побили нескольких солдат и поломали кое-какие машины. Ни один человек в Доме не станет набрасываться на женщину из политических соображений. Плохо с ней еще никто не обходился, ее просто избегали, а когда от разговора нельзя было отказаться, держались корректно. Наружу. Надо выйти на природу. В мир, который дарит Гея». Фейлис быстро оделась — простое платье и плащ с капюшоном, чтобы скрыть лицо от случайных прохожих, фонариком осветила себе дорогу по лестнице, открыла наружный подъезд и вышла.

Лестница у ног, мостовая, стены и крыши напротив отражали свет, излучаемый колоссальным диском Скайгольма. Далекие газовые фонари тонули в его нереальном свете. На беззвездном небе белыми хлопьями бежали облака. Улица была пуста, мимо проскочил кот, пугливо глянувший на нее опаловым глазом. Она ступила на тротуар и пошла прочь от дома. Шаги ее отдавались в молчании. Дыхание курилось парком.

«По-моему... да, надо спуститься к реке. — Фейлис ускорила шаг. Движение изгнало воспоминание о кошмарах и чуточку освежило. — Жизнь у меня не окончилась. Да, кругом трудности, одни несправедливости, и это вечное отсутствие сострадания у всех... они так больно ранят меня, но я оправлюсь от ран. Я достигну Единства, и тогда еще повстречаю мужчину, которого жду.

Если же нет...»

Она вышла на набережную. Деревья, балюстрады, статуи, к которым прикоснулось время. За ними мерцала Лу, а за ней тянулся ровный склон, поднимающийся с садами и фермами к гребню, который занимал Консватуар. На таком удалении шпили его казались миниатюрами из слоновой кости, но под ними обитали мудрость, красота и покой столетий. Восток розовел, приветствуя солнце, колокольный перезвон донесся от Башни Ученых, как это делалось в течение половины тысячелетия. Она не понимала, слышит ли далекие звуки ушами или же сердцем. «Да, — подумала она, — мое место именно там».

Она обратила свой взор к Скайгольму. Светящийся и священный, еще несколько минут он будет в одиночестве править на небе. На лике его мерцало больше огоньков, чем обычно. И что это такое задвигалось по краям?

«Что? Нет, нет, нет!»

Колокольный звон смолк. Фейлис визжала, не понимая, сумеет ли когда-нибудь остановиться. Скайгольм медленно тронулся, уходя на север, набирая, набирая скорость... наконец он исчез из виду, и небо обрело неведомый людям облик.

Глава 25

1

«Орион-2» обогнул Луну, перед ним встала Земля. Солнце теперь было за их спиной, и Иерну с Роникой родная планета казалась амулетом из белого мрамора и сапфира, с краю обрызганным ночью. Свет ее прогонял звезды, но совсем рядом Галактика раскинула свою искрящуюся бриллиантовым инеем дорогу.

Пепельные кратеры оставались позади и внизу. Резкие дневные черты Луны смягчились, растворялись в тенях и тайне. Там, где на Земле уходил день, люди видели, что старая Луна сменяется новой. Роника и Иерн плавали возле окна пилота. Слезы блеснули в женских глазах.

— С каждым разом она все прекрасней и прекрасней, — выдохнула Роника. Он молча кивнул. — Здесь я увидела то, что прежде не понимала, — сказала она в безмолвии, что наполнило корабль. — Геанцы правы: жизнь едина, Земля жива. Как одинока она и как бесконечно драгоценна. Мы не можем позволить, чтобы Землю убили. Кроме нее, нет ничего.

Он ответил задумчиво:

— Но когда-нибудь люди будут жить в космосе и, быть может, даже за пределами Солнечной системы.

— Я тоже надеюсь на это, но Земля всегда останется нашей матерью.

«Катан, Розенн! — Внезапно кольнуло. — Как вы там?»

— Конечно, и Луна прекрасна на свой призрачный лад, — продолжала Роника. — Мне бы хотелось вернуться, походить по ней... по Морю Спокойствия... поклониться тому, что осталось от «Орла»*.

— Неужели ты полагаешь, что эта цель достойна нового полета?

— Конечно, и этот был просто великолепным.

— И я так думаю; правда, досуга у меня было немного.

— И у меня тоже; всякие дела, теснота, запашок, неподходящая еда, горе с туалетами, все недостатки невесомости — но

* Посадочный модуль первой американской экспедиции на Луну.

все равно чудесно. По-моему, мы хорошо справились с делом... И точно рассчитали орбиту. Но обратный полет должен пройти куда легче.

— Именно. Возможно, нам потребуется небольшая коррекция курса или две, но, по-моему, нас ждут три выходных дня. Правда, придется решать, что делать дальше и куда садиться.

— У тебя есть на этот счет соображения?

— Боюсь, что нет. Нам нужна страна, в которой мы не будем считаться преступниками и где у нас не конфискуют корабль. Мейка? Оккайдо?

— Они слишком податливы — если маураи надавят... я же тебе говорила. А что ты думаешь о каких-нибудь отсталых районах где-нибудь в глубине континента?

— Я подумывал об этом, — нерешительно сказал Иерн, — но чем более я овладеваю управлением, тем более убеждаюсь, что мы не сумеем сесть без помощи с Земли. Полный экипаж наверняка мог бы спокойно приземлиться в азиатской степи или в африканской саванне, хотя я бы не стал рисковать — даже при всем своем безрассудстве. Мы с тобой не вправе идти на риск. Одному мне не хватит информации, я также не могу передавать тебе указания в достаточно быстром темпе... словом, с двигателем без экипажа не справиться. Ну а в атмосфере даже самые важные параметры я смогу только прикидывать на глаз. А наш космический корабль, как самолет, — с точки зрения аэродинамики более всего напоминает кирпич. Словом, будет превосходно, если мы сумеем нормально опуститься на самое лучшее и самое освещенное посадочное поле в мире.

Роника вздохнула.

— Угу... Эй, не надо кривить рот, иначе я буду крутиться вокруг, пока ты не улыбнешься. В худшем случае сдадимся маураям. Уж они будут обращаться с нами прекрасно, учитывая все, что мы сделали для них. Судя по тому, что я слыхала, Океания — вовсе неплохое место для жизни. Быть может, мы даже сможем уговорить их построить собственный «Орион». Или — кто знает? — быть может, когда мы вернемся к Земле и установим радиоконтакт, то сумеем найти страну, которая будет рада принять нас на наших собственных условиях.

— Быть может... Но скорее всего их биологи вырастят гигантского мотылька, который сумеет летать между планетами. — Иерн вздрогнул. Его ногти, бледнея, впились в спинку сиденья, за которое он держался.

Роника потянулась к нему.

— Эй, милый! Что с тобой?

Не видя Земли, он выдавил, глядя перед собой:

— Да. Сперва я был слишком утомлен, захвачен всем пережитым... и только сейчас понял: мы вполне можем разбиться или сгореть при спуске... ты погибнешь.

— О-о-о! — Она взлохматила его волосы. — Давай-ка покончим с этим франсе́йским благородством! Я знала, что делаю, и никогда даже на миг не желала ничего другого. Нет, конечно, я не стремилась умереть до срока — пока мы с тобой не состарились и не одряхтели. Если же нам не дано — лучше быстро, крак! — и навеки вместе. Мы же на целые световые годы прожили лучшую жизнь, чем большая часть людей способна даже представить. Так что не жалея меня.

— Ну... — Он поцеловал ее. Они оторвались от кресел и поплыли обнимаясь. — Роника, знаешь, ты у меня — самое величайшее чудо во Вселенной.

В лунном свете, затопившем потемневшую кабину, он увидел, как опустились ее веки, как раздулись ноздри, как приоткрылись губы.

— В таком случае, — произнесла она с придыханием, — отправляемся в грузовую секцию, там больше места. Я придумала, как можно любить в невесомости.

2

Восемь сотен лет оставался на месте Скайгольм, лишь сдерживая напор стратосферных ветров; короткие испытательные полеты производились после замены маршевых двигателей; но никто из живущих не помнил подобного события. И перелет аэростата над ледяной короной планеты сделался песней отваги, изобретательности и воли. Сам Джове́йн с трудностями сталкивался редко... и лишь выслушивал рассказы утомленных людей, устало тянувших слова. Так он узнал, что неопытный рабочий Эймей Роверто Авелар оступился при неожиданном порыве ветра, пока бригада его меняла сдутую панель оболочки, и не сумел распутать стропы парашюта; знал, что неопытная летчица Катарина Папетоай, возвращаясь из разведки, промахнулась мимо посадочного фланца и попала в турбулентный вихрь, сбросивший ее небольшой реактивный самолет под извергавшее горячий воздух отверстие. Знал и Джове́йн, что погибших тут же сменили добровольцы, что инженеры-электронщики и рабочие лихорадочно чинили системы, перенапрягавшиеся более чем положено; что пилоты сражались просто с чудовищными силами, учитывая масштаб объекта; что навигаторы, бормоча под нос ругательства, корпели над приблизительными и неточными картами; что священники проповедовали, а горстка мужественных актеров-любителей увеселяла общество и поддерживала в

нем моральный дух. Зная обо всем этом, он, со своей стороны, издавал приказы, раздавал поощрения и отличия; но ничто не было для него реально, он словно затерялся в аэростате. Континент, за ним удивительно зеленый Ангеланн, и еще блеклая земля Скотоланн, потом море, бурное и сумрачное, там, где оно не было диким и зеленым; серо-синие скалы, стиснувшие фиорды, внутренние ледники, не знавшие конца и края. Потом Землю затянули облака, а после наступления темноты на небе среди выпавших звезд, не соответствовавших времени года, дрожало северное сияние, но его, как всегда, подгоняла цель; ожидало свершение, а Скайгольм плыл навстречу своей судьбе.

Но настало время наконец остановиться и ему.

— Общая проверка, — приказал Джовейн. — Боевые расчеты по местам. Дежурить по трехвахтенной схеме. — Джовейн не ощущал возбуждения и был полон решимости, невзирая на всю усталость. Под Скайгольмом внизу лишь облака от края до края мира. Навигаторы могли только заключить, что аэростат находится примерно над целью с отклонением плюс-минус пятьдесят километров. Солнце застыло на сине-черном небе.

Неважно. Клубящаяся внизу белизна должна когда-нибудь разорваться, и он сумеет увидеть цель. Но сам он — как всегда — неуязвим и всемогущ. Субарктический день в это время года короче, чем дни на остальной части планеты; но он будет удлиняться, становиться дольше, чем летние дни в Домене, и наконец он сможет поддержать огонь все двадцать четыре часа. Джовейн не рассчитывал пробыть здесь так долго. К наступлению солнцестояния он намеревался выжечь и разрушить всю область расположения Ориона. Врагу придется сдаться задолго до этого.

Джовейн направился в центральный пункт управления. Маттас сопровождал его. Ревн Сирайо был уже там — представитель правительства, которому помогал Скайгольм в этой войне. Втроем они стояли в центре округлого помещения посреди пультов с приборами и инструментами, за которыми следили внимательные техники. На экранах — внизу, по бокам, сверху — застыли изображения мира. Слышался легкий шелест, слабый запах озона наполнял атмосферу; палуба слегка вибрировала под ногами.

— Начинайте, если готовы. — Огромная значимость этих слов отзывалась в мозгу Джовейна.

Ударили рукотворные перуны — ярче молний, рожденных природой; возмущенный воздух метнулся назад, разряжаясь.

Главный техник снял наушники и повернул кресло.

— Режим удовлетворительный, сэр, — доложил он, — радароскопы зафиксировали у Земли достаточную плотность потока.

— Хорошо, — сказал Джовейн. — Ожидайте. — И от неприятных загогулин на экранах осциллографов он отправился в свой привычный кабинет, жалея, что Маттас и Ревы последовали за ним. «Зачем они явились сюда? Ради любопытства? Чтобы как-то поучаствовать? Или из страха? Почему это сделал я сам?»

Прибыв в кабинет, он приказал подготовить радиоразговор с Землей и связать его по интеркому с директором Ориона. Потом поглядел через стол — тот, что из Высокой Миди, — на всех остальных.

— Ну, — проговорил Джовейн. Его знобило, по коже бегали мурашки. Он почувствовал влагу под рукавами своего мундира. «Фейлис, — подумал он, — но она осталась где-то в бесконечной дали».

Однако решимость, что отправила Джовейна в это предприятие, не оставила его. «Я сделаю это ради нее, человечества, Геи, ради славы (нет, лучше не думать об этом), ради здравого рассудка и справедливости. Время ужасное, и наши действия должны вселять ужас».

— Ну, — повторил он.

— Вы хотите, чтобы я предъявил им ультиматум? — предложил Ревы.

— Нет, — возразил Джовейн, — благодарю вас, но... Капитан здесь я. Конечно, если вы захотите добавить что-нибудь...

— Как я сообщал вам ранее, сир, любое промедление может восприниматься ими как свидетельство нашей нерешительности, — сказал невозмутимый маурай. — Я надеюсь, что вы не будете колебаться.

— Пусть это будет нелегко, — согласился Маттас, качая головой на каждом слове. — Вам придется производить массовые разрушения. Но не забудьте, это рана от хирургического ножа. Гея все исцелит.

«И мы вернемся к нашей прежней жизни? — подумал Джовейн. — Нет, Гея никогда не оживляет мертвых. Она порождает новые жизни. Сколь зловещими, наверное, казались млекопитающие динозаврам?»

Зажужжал интерком. Джовейн ответил, нажав кнопку. Раздался голос женщины на неправильном английском с акцентом:

— Ваше Достоинство, вас слушает Эйгар Дренг, директор Ориона, представитель Ложи Волка в Северо-западном Союзе. Доктор Дренг, с вами разговаривает Капитан Скайгольма, Таленс Джовейн Орилак.

На лицах Маттаса и Ревии проступила та же самая напряженность, которую Джовейн ощутил собственным животом. Мускулы на его груди напряглись. «Это не по-геански. Ох, не по-геански. Расслабься, как положено тигру».

Прозвучал хриплый мужской голос:

— Хелло, Скайгольм, хелло.

— Приветствую вас, сэр, — сказал Джовейн и подождал перевода.

— Говорит Дренг. — Тот же голос ответил ему на англее, столь же хорошо, как и у его собственных подчиненных. — Продолжайте, прошу вас.

Джовейн оправился от волнения. В конце концов хозяин Ориона не может быть невеждой. Домен располагал огромной библиотекой трудов по аэродинамике и всем связанным с ней наукам, написанным некогда на англее. После Реставрации Энрика копии отправили за рубеж. Дренг, вне сомнения, читал оригиналы, а если у него были способности к языкам, то вполне мог потренироваться в разговоре. Тем более что англэй и англиш — в близком родстве; быть может, он постоянно практикуется в разговоре с этой женщиной... секретаршей или библиотекаршей, кто там она у него? Джовейн решил не раздумывать больше. Дело было слишком серьезное.

— С вами говорит Капитан, — проговорил он. — Вы понимаете, какова ситуация? С момента появления здесь мы транслируем на всех частотах объявления о наших намерениях и призывы одуматься. Но до сих пор не получили ответа.

— Вы не заслуживаете ответа; что, если мы проткнем ваш шарик и он рухнет на Землю?

Вспыхнул гнев, очищая душу Джовейна.

— Не надейтесь!

— Неужели?

Джовейн заставил себя взять в руки.

— Слушайте. Аэростат парит прямо над вами. Наши аккумуляторы полностью заряжены, их можно перезаряжать до бесконечности. Любой самолет или ракетный снаряд, который вы можете послать против нас — а я сомневаюсь, что вы располагаете необходимой техникой, — будут уничтожены. Наши лазеры разрушат ваши наземные сооружения, уничтожат все, на что вы надеетесь в этой бессмысленной войне. Я умоляю вас сдаться, пока еще не поздно. От вас отреклось ваше собственное правительство. Возле меня находится представитель маураев, готовый вести переговоры о сдаче на разумных условиях.

— Безусловно, — с пренебрежением сказал Эйгар Дренг. — Вся беда в том, что наши с вами представления о разумных усло-

виях абсолютно не совпадают. Видите ли, мы собрались всем штабом, как только получили ваше первое сообщение, и все обдумали. Мы решили рискнуть. Мы оставляем для связи этот канал, и постарайтесь не испечь нам передатчик. Разве вы не понимаете, что собираетесь уничтожить целую цивилизацию?

Маттас оторвал свои бедра от кресла. Сиденье звякнуло о палубу.

— Сколько же еще вреда и разрушений вы принесете Гее? — рявкнул он.

— А иди-ка ты на хрен, — выругался Дренг. *Клик* — ин-терком умолк.

— Карай их, — свирепо взревел Маттас, вздымая кулаки, — карай их, карай!

3

Незримое солнце обрушило свой гнев на Землю.

Облака и дождь не могли остановить эти молнии: они сами прожигали себе дорогу... вода обращалась в пар, клубившийся вокруг лучей; гремел гром — электрические искры и разряды вспыхивали странной голубизной; ветер неистовствовал. Он выл и кружил на путях своих.

Там, где ударял луч, деревья взрывались и стволы их вспыхивали пламенем. В центре пятна вся растительность исчезла, обугленные останки широкими кольцами окружали проплешины обгорелой земли. Скалы светились красным жаром. Животным и людям, что попадали прямо под луч, можно считать, повезло — они гибли, не успевая заметить это. Оказавшиеся на периферии заживо варились в собственном соку или сжигали себе легкие, вдыхая раскаленный воздух. Даже вдалеке всякий, кто случайно посмотрел в сторону луча, был ослеплен, а лучи метались повсюду.

Некоторые из них моргали; они наносили удар, а потом вновь повторяли свое дело, ударяя поблизости. Другие действовали минуту и более. Эти не оставались на месте; нет нужды прожигать мишень, скрытую для стрелков. Лучи эти широко шагали по горам, спускались в долины, пробегали по снегам, обрушивали лавины. Час сменялся часом, квадратные километры леса превращались в почерневшую, клубящуюся парами, затопленную потоками воды горелую пустошь, на которой редко где еще бились и визжали обугливавшиеся останки, которые только что были животными.

К концу дня дождь закончился, и облачность начала рассеиваться. Люди, следившие за буйством молний издалека, — прикрывая глаза, они сумели спасти зрение — увидели в вечернем небе над собой неведомую луну. Она была столь огромной, что невольно казалось — небесный гость падает на них. Тогда-то многие из северян, потеряв рассудок, побросали оружие и завывая бросились врассыпную. От ее закатного цвета грозовые облака вокруг рдели кровью, словно бы от внутреннего огня, который вот-вот вырвется наружу.

Пикеты с высот, укрывавшиеся во время небесного гнева, в свете ее обозревали причиненный ущерб. Переносные радиостанции прикипали к губам, и радиоволны метались над застывшим в жутком спокойствии сумраком. Люди ежились под парками в наступившем ночном холоде. Незванная луна померкла, когда солнце опустилось за горизонт, но тогда все увидели, как темный диск погасил звезды, и поняли, что увидят ее снова во всем холодном блеске... готовую убивать.

Эйгар Дренг сидел в своем кабинете в отчаянном одиночестве, которое может познать человек. Уютная комнатка была уставлена плотно набитыми книжными полками и шкафами с бумагами. Помимо коммуникационного и компьютерного оборудования обстановку дополняли несколько сувениров, например весло каяка, сохранившееся с чемпионата по гребле, в котором Дренг участвовал еще в юности.

На обшарпанном старом столе стояли два снимка: семья Дренга и найденный в древних архивах вид на Сатурн, снятый «Вояджером»*. Шелестели вентиляторы.

Он прижимал радиофон к уху, голос полковника Рогга доносился сверху слабо и тонко, едва ли не призрачно:

— Нет, сэр, у нас нет никаких надежд. Прежде я полагал иначе, однако враг продемонстрировал свои возможности, и притом еще стреляя вслепую. Подобная установка наверняка снабжена оптикой, способной прицеливаться по отдельным людям на Земле, и если завтра небо очистится... Сэр, я отвечаю за своих людей. Сегодня я видел чересчур много. Да, сэр, как вы знаете, у нас на базе есть госпитальная палатка, и спасательная и медицинская бригады проявили абсолютный героизм, но... Нет, сэр, завтра мы отступаем.

— Но вы понимаете, что ваш уход оставляет Орион открытым для нападения с суши, как только маураи смогут выделить

* Автоматическая станция США, совершившая полет мимо внешних планет Солнечной системы в 80–90-х годах.

новые части, — заметил Эйгар. Сам голос его стонал, ныла каждая мышца в его теле. — У нас нет подкреплений, вас нечем заменить, учитывая, что аэростат контролирует все дороги.

— Они и не придут, зачем идти на верную смерть... и ради чего? Сэр, мы разгромлены. И обязаны сохранить то, что можно.

— Вы полагаете, что юропанцы позволят вам уйти?

— Это должны устроить вы, сэр. Вы можете связаться с ними. Не так ли? Я... я считаю, что они не будут преследовать нас ради забавы. Что бы ни случилось, мы уходим. Безусловно, вы поможете спасти жизни людей.

— Я сделаю все, что смогу.

— Хочу сказать только одно, сэр, — выдавил полковник. — Сам я готов пасть в бою: но враг вверху — в небе.

— Понимаю, — мягко согласился Эйгар. — Приступайте к тем приготовлениям, которые уже можно начать. Я свяжусь с ними... до... рассвета. — После нескольких технических подробностей он опустил телефонную трубку и нажал кнопку на интеркоме. — Свяжите меня со Скайгольмом, Нона, — мертвым голосом попросил он.

В ответе зазвучало недоумение:

— Уже сдаемся? Уже?

— Нет, пока нет. Но мне придется провести переговоры.

Эйгар распрямился и принялся ждать. Он улыбнулся изображению своей жены, детей, зятя, внука, а затем прикоснулся к снимку Сатурна.

Зазвонил телефон. Он взял трубку.

— Говорит Капитан Джовейн. Доктор Дренг? Должно быть, вы вспомнили про рассудок. Поверьте мне, нас отнюдь не радует все то, что нам пришлось сделать.

— Интересно... Простите, для нас это было потрясением.

В ответе слышалась странная симпатия:

— Понимаю. Пожалуйста, говорите, чего вы хотите?

— Наверное, вы уже узнали от ваших союзников-маураев место сосредоточения нашей милиции и наметили занятый ею район для демонстрации при подходящей погоде?

— Да, так мы и поступим. И предупреждаю вас — мои метеорологи доложили, что завтра день будет ясным.

— Угу. О'кей, Капитан, для милиции довольно. Если вы позволите, завтра утром она уйдет.

— Великолепно! Я счастлив. Естественно, из соображений гуманности мы позволим им это. Но позвольте сделать вам еще одно предупреждение. Мы будем следить за ними, и попытки обмана будем считать нетерпимой провокацией.

— Да-да, безусловно. — Разговор обратился к маршрутам и графику. — Норммены сойдутся к Тионеку, и маурайские корабли заберут их, чтобы доставить, скорее всего, в Сиэтл... На марш и погрузку потребуется несколько дней.

— Тем временем... — Счастье раздувало грудь Джовеина. — Кстати, о вашей установке. Я предлагаю вам увести ваших людей туда же, пусть плывут домой. Но маураям потребуются проводники, чтобы добраться до вас.

Эйгар криво усмехнулся.

— Ах нет, Капитан, — возразил он. — Речь идет не о нас — мы остаемся.

— Что? — выкрикнул Джовеин. Он восстановил спокойствие. — Ваше положение безнадежно. Повторяю, Скайгольм не прекратит огня, пока вы не сдадитесь или не погибнете. Ваше же собственное правительство объявило вас вне закона. Будьте же разумны: сдавайтесь, сохраните жизни людям, и амнистия будет ожидать большую часть вашей группы.

— Слова «объявлены вне закона» имеют в этой стране особое значение, — проговорил Эйгар, обращение к традиции давало силу. — Мы не запираем людей в клетки и не выдаем их официальным убийцам: человек, объявленный вне закона, лишен права жить, и всякий может сделать с ним все, что угодно. Эта мера достаточно эффективно предотвращает преступления, и она обходится дешевле, чем все остальные. Но объявить человека вне закона — дело серьезное, предварительно следует долгий процесс с учетом всех правил, которые смогли придумать наши предки, дело столь важное, что его нельзя доверять правительству. К тому же в настоящем времени Северо-западный Союз правительства не имеет...

— Не проповедуйте анархизм! — выдохнул Джовеин. — В Скалистых горах и в заливе Ляски мир увидел, куда вы его ведете. Настало время прекратить подобные дела.

— Ах так! — Эйгар обхватил ладонью подбородок. — Иными словами, вас не удовлетворит демонтаж «Ориона»?

— Конечно, нет! После уроков последних нескольких десятилетий Северо-западный Союз следует сделать цивилизованной нацией. Преступники, изготовлявшие и использовавшие подобное оружие, предстанут перед судом... Сам я не сомневаюсь, что вы, доктор Дренг, не участвовали в этом позоре. Ведите себя правильно, и я думаю, что суд оправдает вас. Я не вижу причины наказывать людей за ошибки.

— А вы уже обсудили подобную политику с Маурайской Федерацией?

— Только в общих чертах. Но намерения достаточно очевидны: они не собираются воевать с вами каждые двадцать лет! Мое правительство тоже примет участие в мирной конференции.

— У вас есть силы, чтобы настаивать на этом?

— Да. — Душу Джовейна будоражил триумф. — Итак, готовы ли вы заключить перемирие?

— Нет, — возразил Эйгар Дренг. — Орион еще не отмстил.

— Вы безумны! — завопил голос ему в ухо.

— Упрям — да, безумен — нет. Мы хорошо снабжены, прекрасно вооружены, а вы не знаете, куда именно надо стрелять. Потребуются недели или месяцы, чтобы убедить нас или дожидаться маураев. За это время может случиться все, что угодно. Я читал достаточно много книг по военной истории, Капитан. Нередко случалось, что терпевший поражение гарнизон вдруг выигрывал осаду. Но я надеюсь, что вы не воспользуетесь эвакуацией милиции для шантажа.

— О да, о да. Мировое общественное мнение... — Джовейн тяжело вздохнул. — Вы полагаете, что я способен нарушить свое слово? Если я буду дожидаться здесь маураев, мой Домен рассыплется так, что его не соберешь. Если я буду навскидку стрелять по вашим пусковым шахтам, то нанесу Гее ужасный ущерб. Вы надеетесь заставить меня выбирать? — Эйгар не ответил. — Я сделаю все необходимое, чтобы раздавить ваше порочное общество, — зло проговорил Джовейн. — И у меня еще есть третья возможность. Здесь наверху я властвую над колоссальной территорией: над Землей, населенной вашими людьми; над водами, в которых плавают ваши корабли; к тому же Скайгольм способен передвигаться: он же явился к вам, не так ли? Я буду карать всю вашу нацию, пока она не восстанет против вас. Не природу, а сооружения: города, деревни, фермы, дороги и рудники... все, что построили люди, причем с хирургической точностью, — грозился Джовейн. — Там за заливом, лежит другой полуостров, выглядящий достаточно населенным. Дренг, заявляю вам самым серьезным образом: если вы не сдадитесь к завтрашнему полудню, когда рассеется облачная пелена, к завтрашней ночи тамошние селения станут пустыней. И это будет всего лишь началом.

Эйгар тряхнул головой, словно получил удар дубинки.

— Итак, вы заставляете нас вновь воспользоваться ядерным оружием, — спокойно сказал он.

— Довольно! — завопил Джовейн. — Я не желаю слушать этих слов. Вы не должны заражать Гею... — На миг его дыха-

ние дрогнуло, но сумел закончить ровным голосом: — Доктор Дренг, вы переутомились. Давайте закончим так: обдумайте все, спросите мнения ваших людей, а потом — ну что ж, перед полуднем я рассчитываю переговорить с вами. Вы поняли меня?.. Очень хорошо, спокойной ночи.

Клик.

Эйгар Дренг долго сидел в задумчивости, глядя в пустоту.

— Кажется, пора уходить, — вздохнул Плик. — Поздно даже для меня.

Лисба прижала его к себе. Она оглядела собственную комнату: крикливые картинки на стенах, постель, кресло, шкаф, вешалка, крошечный столик, умывальник. Господи, как убого и грустно вокруг.

— Нет, пожалуйста, не надо, — попросила она. — Можешь лечь на кровать, а я положу на пол свой спальный мешок.

Он погладил ее волосы.

— Я запрещаю тебе это, — сказал он. — Не для того я всю жизнь воспевал женщин... Что на... что взбрело тебе в голову? Я признаюсь, что этот вечер был не только утешительным, но и восхитительным, как и прошлые, по крайней мере в моих глазах. Тем не менее твое предложение — самая незаслуженная честь для меня.

Она припала к нему:

— С тобой я не одинока. Эти ужасные слухи, эта штукавина в небе, завтрашнее утреннее собрание... Неужели тебе самому приятно будет пробудиться в одиночестве?

Он вздрогнул.

— Нет. Но ты... ты можешь легко пригласить кого-нибудь посимпатичнее, трезвенника, без тоски сердечной по барменше, оставшейся в Юропе. Ну что я для тебя?..

— Ты? Ты поешь песни, веселые или безумные, но тем не менее песни, и ты всему придаешь какую-то странную осмысленность...

— Моя дорогая, — вздохнул он. — Я не пророк, и ничего хорошего нас не ждет. Изгнанный принц часто возвращается слишком поздно или просто для того, чтобы умереть. Но ради твоего покоя я не скажу более ничего. На наших глазах умирает весь мир, чтобы возродиться, но в образе, совершенно нам незнакомом, а роды — как известно — болезненнее смерти.

— Я хочу, чтобы ты был здесь.

— Ну-ну, — сказал он неровным голосом. — Старый Плик, бесполезный во всех прочих вопросах, может поделиться только

крохой тепла... Но что бы с нами ни случилось, Сеси... Ладно, Лисба, это великолепное ложе будет сегодня твоим. Давай попробуем, может быть, уместимся на нем вместе...

Он обнял ее одной рукой, а другая — потянулась к бутылке.

Глава 26

1

— Ах нет, нет, нет! — простонала Роника. — Они не могут... Вы не должны...

Голос Эйгара Дренга полз из приемника:

— Мы должны. Во всяком случае мы сделаем это. Подавляющим большинством голосов принято решение драться. Что, если Джовейн блефует? Никогда прежде Домен не воевал с мирными жителями! Ну а если он решится на это, ну что ж: мы надеемся, что свободный народ сможет выстоять против него, пока не взойдет Орион. На всякий случай мы предупредили, чтобы на Кенайском полуострове все оставили дома.

— Но если они потеряют все, что имеют... О, я надеюсь, что маураи вышлют за ними корабли, но люди будут в отчаянии и... нельзя разбивать их жизни, подобно хрусталу... ради собственной выгоды. Вы замещаете здесь правительство.

Горечь хлестнула назад.

— Не надо приказывать мне, что делать. Мы бы не попали в эту ситуацию, если бы ты не предала нас.

Роника осела в свое кресло и закрыла ладонями лицо. Из кресла пилота Иерн услышал, как пролетел тихий стон.

Он посмотрел наружу. Корабль висел носом к планете, на высоте ста пятидесяти километров. Освещенная солнцем Земля манила своей красотой. Прямо под ним раздвигалась гряда облаков. В разрывах проглянуло бирюзовое игривое море... Земля — бурая, рыжая, покрытая свежей зеленью. На глазах его облака расступались. На севере небеса были чисты — над лесами и полями Юконской котловины, над серебристой жилкой реки вплоть до снежных пиков, вздымающихся в лазури, переходящей в полную звезд черноту.

Над облаками повис блеклый шар. На таком удалении он казался диском примерно в половину полной луны. Там и сям металл на ней отбрасывал свет свирепыми искорками.

— Вызываю Скайгольм, вызываю Скайгольм, — скрежетнул Иерн в собственный передатчик. — Джовейн, отвечай: ты не посмеешь этого сделать! Честь аэрогенов и духи предков запрещают тебе!

Безусловно, его слышали в аэростате. Иерн говорил на частотах, на которые был постоянно настроен главный приемник. В ответ на его прежнее обращение верховное командование маураев согласилось подсоединить его к своей всемирной радиорелейной сети, пока Иерн кружит вокруг планеты. Слушали агенты Джовейна, слушал и сам Капитан, как Роника разговаривает со своим прежним начальством. Но Джовейн не отвечал... не отвечал.

«Орион» вновь уходил на север по почти полярной орбите, которая пронесет его над Нозеланном и — когда Земля повернется — над Франсетерром. Съездившийся аэростат остался внизу со злодейским полумесяцем на лице. Корабль торопливо погружался в ночь.

Роника плакала. Слезы текли по щекам и капельками рассеивались в микрогравитации. Лучи заходящего солнца искрились на них, как на бриллиантах. Собственные слезы Иерна — непролитые — застряли в горле.

— Это не блеф, — сказал он тяжелым тоном. — Я не знаю Джовейна достаточно хорошо, но понимаю, учитывая психологию аэрогенов, насколько серьезно он ввязался в эту историю. Обычно никто не угрожает, если не готов исполнить свои угрозы. Кроме того, возможны личные мотивы. Месть заставила его пренебречь разговором со мной. Я должен увидеть, как он разрядит свои лазеры, — это еще одна доза мести.

— Милостивый Иезу, — прошептала Роника... неверующая.

— Волкам следовало бы сдаться, чтобы сохранить хотя бы свои жизни, на прочее рассчитывать нечего. Но это не будущее, а труп. Что же выходит — они фанатики, такие же безумцы, как их враги?

Она подняла голову.

— Не говори этого! — взорвалась. — Это свободный народ! — Она осела. — Некогда я принадлежала к ним.

Он схватил ее за плечо:

— Ты до сих пор принадлежишь к ним, дорогая. Дренг был с тобой... справедлив... учитывая всю тяжесть его положения. — И скорбным тоном добавил: — Мы с тобой полагали, что поступаем правильно: иначе, вне всякого сомнения, болото лжи и бесчестия засосало бы всех.

Под его рукой она напряглась и поежилась.

— Ну да! Это же мой народ, мой народ! — скорбела она. — Теперь погибнет все, о чем они мечтали, и их ждет рабство.

«Преувеличение, — подумал он. — Покорность, а не рабство, и маураи будут мягкими господами.

Тем не менее господами.

Плик.

Почему я вдруг вспомнил Плика, с какой это стати?

Той ночью в Сизэттле, в дождливом краю, я видел, как восстает в величии прежний мериканский дух, столетиями дремавший, повергая в дрожь основания мира... Вот потому-то и скорбит моя возлюбленная: она плачет по душе, которая оставит ее народ.

Ее народ, стремившийся к звездам».

Его кольнула мысль: «Какая же душа останется в Скайгольме?»

Темнота, в которую влетел корабль, затопила его; Иерн, едва дыша, повис в ней со сжавшимся сердцем.

Роника ухватила его за руку. Он увидел рядом с собой ее лицо, на котором горе покорилось любви и заботе, и услышал:

— Иерн, дорогой, что с тобой? Все в порядке?

— Да, я... да... — Он попытался взять себя в руки. — Да, я только что задумал ужасную вещь.

Она обхватила себя за плечи:

— Что?!

Собирая силы, он отвернулся, никогда не приходилось ему совершать большей жестокости, чем высказывать эти слова здесь, в небе на спокойно несущемся блестящем корабле... Просто раскинулся арктический океан, морщинистый, покрытый белыми пятнами. Айсберги, пришедшие с севера облака припадали к волнам, синева их отливала заточенной сталью.

Наконец он сказал ровным тоном, глядя мимо нее:

— Мы можем спасти их. Твою родню и даже, быть может, Орион. Чтобы совесть твоя была чиста. — Втягиваемый воздух мило свистнул между ее зубами. — Конечно, мы можем потерпеть неудачу, — добавил Иерн. — Да, в любом случае, если мы рискуем, то скорее всего погибнем.

2

— Ваше Достоинство, — проговорил голос Эшкрофта Лоренса Мейна, — полдень миновал, ваш ультиматум отвергнут, а погода в настоящее время помогает нам. Мы готовы продолжить обстрел.

— Приготовьтесь, — ответил Джовейн. — Но не начинайте огонь, пока я не приду в центральный командный пункт.

Он выключил интерком и сел за стол. «Почему? — удивился он себе. — Мое присутствие там не является необходимым. Я могу оставаться здесь, отдавать приказы и не видеть, что происходит.

Я должен, — знал он. — Я нуждаюсь в этом мучении. Я думал, что молчу, чтобы помучить Иерна; нет, я просто не смел ответить...»

Тишина поглотила его — если не считать вечного шепота небесной твердыни. Джовейну чудились в нем какие-то слова, которых, к счастью своему, он не мог расслышать. Он поспешно поднялся, задев кресло ногой. «Никаких колебаний, — приказал он себе. — Выполняй свое решение, верши собственную судьбу».

Минуту, впрочем, он побыл в своем кабинете. Взгляд его обожал реликвии, перешел к Декларации, прикоснулся к портрету Чарльза... после всех этих веков на основателе почти не было лица. Джовейн повернулся и широким шагом отправился к выходу. Минуя пустоту переходов и ребра аэростата, он пришел в зал, полный пультов, приборов и экранов. Иностранные техники колдовали над пультами. Было нервно и холодно. Брата Фейлис не было видно. Он находился среди своих гвардейцев; Маттас, Рев и Яго присутствовали, как подозревал Джовейн, по причинам, не ясным для них самих. Маурай и эспейньянец отдали ему честь, как подобает лицу его ранга. Маттас припал к экрану. На нем виднелся молочный край облака, а под ним — хребты, долины, береговая линия, залив... пятно, которое было Кенаем.

— Начнем с города, пусть горит, — предложил учены. — А потом дадим им возможность одуматься... понять, что мы не шутим, прежде чем приступить к деревням и фермам.

Иррациональный гнев зашевелился в Джовейне. «Кто здесь Капитан? Кто приказывает здесь? — Ужас: — Никто».

Джовейн подавил его, но не смог удержаться от слов.

— А если они не сдадутся после второго этапа? Каким будет третий?

Маттас перевел на него взгляд.

— Прежде чем отправляться домой, придется выжечь все вокруг, как вчера в той долине за проливом. Дадим им наглядный урок.

— Гея...

— Гея это и мы.

Джовейн облизнул губы... Сухие и потрескавшиеся.

— Итак, — обратился он к главному технику, — приведите свои установки в боевую готовность, открываем огонь.

Ослепительное сияние затмило солнце. Собрание Ложи Волка разлетелось и рухнуло огромным костром. Вспыхивал дом за

домом, деревянные мостовые превращались в уголь, вскипал асфальт. От причалов валил густой дым, черный, едкий, раздражающий ноздри. Корабли пылали на воде. Волны набегали на них, тщетно пытаясь сбить пламя. Со склонов гор доносился грохот пожара!

Атака прекратилась. Уцелевшие обитатели уничтоженного города увидели вдали столб клубящегося дыма над пурпурной тарантеллой. Некоторые рыдали, другие проклинали незваных гостей, но по большей части люди просто молча застыли во влажной траве; дети плакали, а кое-кто из взрослых пытался помочь пациентам, вывезенным из госпиталя.

А потом застыло молчание в небесах... но примерно через полчаса молнии ударили снова, снова и снова, проходя из конца в конец этой земли...

В вычислительной каюте Иерн откинулся от пульта, потирая онемевшие пальцы. Роника за своим пультом успела закончить раньше.

— Сделано, — сказал он.

Она кивнула и нажала на последние кнопки. Числа и графики порхнули по экрану. Застучало печатающее устройство.

Проверив результаты, Иерн обратился к ней:

— Итак, свою попытку мы предпримем на втором витке. Сперва, конечно, придется немного скорректировать орбиту.

Роника слегка улыбнулась:

— Хорошо. Это время мы потратим на себя.

Он отстегнулся, направился к ней, и на полпути они сошлись. Соединив руки, поплыли вместе среди машин. Сегодня она не стала расчесывать волосы, просто заправила их за воротник своего комбинезона. Движение заставило их вырваться на свободу, золотая волна заструилась над головой лентой — в дуновении вентилятора, — полем спелой ржи. И глаза ее зеленели как море, а смуглая кожа была как сама земля, и пахла она солнечным светом.

— О Дью, какая жалость... — вырвалось у него, — как жаль, что ты тоже уйдешь.

— Мы здесь уже побывали... если я уйду, то вместе с тобой. Но кто может сказать заранее, что именно так и случится? Ты такой искусный пилот...

— Но в такой ситуации?.. При всей буре чувств нетрудно и ошибиться при входе.

Еще раз слезы рассыпались с ее лица крошечными планетками — их было немного, — поплывшими к нему.

— Пошли, мой самый любимый. Пошли.

И она увела его в грузовое помещение и утешила... просто крепко обняв.

3

Горы вздымались... Синие, серые пики, украшенные снегом и ледниками. Туман прятал их величие, но это — кости планеты, они выстоят. С них спускался темно-зеленый лес, уходил на запад к равнине. Зелень становилась светлее там, где полуостров встречался с заливом. За ней беспокойным огнем пылали высоты. Гроза приближалась с юга. Ее тьма заслонила солнце, и мрак уже лег на землю. Ветер сурово пел перед облаком, вздыхал в ветвях, сбивал пламя с горящего Кеная и дым над фермами. Он раздувал языки огня, пожиравшие лес, но умиротворявший дождь следовал по пятам.

В полумраке бледный Скайгольм казался гигантским. Одурманенный непогодой, он теперь разил непродуманно и осторожно, — бил просто куда попало. Уже не оставалось целых домов, энергия дугами ниспадала на город. Быть может, стрелы сверху не искали людей... или же прицелы их затуманились. Нет, они не жалели тех, кто мог оказаться внизу. Они намеревались быстро и навсегда погубить нацию, которая вновь зажгла факел Судного Дня.

Кенайский народ бежал на восток: галопировали кони, раскачивались фургоны, бежали люди. Верховые уносили детей, посаженных в седло материнской рукой. Но не было укрытия от разящих лучей.

Вспыхнул яркий свет.

Глядевшие вверх увидели над собой маленькую звездочку, яркую, словно солнце. Тени легли перед ними. Свет озарил облака. Звездочка погасла.

— Что это, во имя самого глубочайшего ада Нана? — воскликнул Реви.

— Какая-то электронная спазма... разряд, — предположил главный техник.

— На всех экранах? — нахмурился Джовеин. «Гея гневается на нас, — промелькнуло в его душе. — Нет! Не может быть».

Вспышка повторилась. Перегруженные экраны почернели.

Когда изображение вернулось, на них возник метеор, раскаленный, слепивший. Маттас завизжал, упал на колени... затрясся.

— Держитесь! — вскричал Джовейн.

И мгновение спустя понял, что это такое. «Фейлис, Фейлис». Грохот ударил его... Словно бы череп сделался колоколом, отвечавшим полету раскаленного метеора. Палуба дрогнула под ногами. Он повалился, покатился... ударился обо что-то твердое. Ошеломленный, краем сознания Джовейн понял — все слетело, рухнуло... вниз и навсегда.

Огромный купол раздувался перед Иерном. Небесный колосс рос, увеличиваясь до размера Земли, которую он видел с орбиты. Нет — скорее Луны, та не была живой. На этой поверхности не было ни гор, ни равнин, ни впадин, ни кратеров, ни тайны; за паутинными ребрами царила жуткая безликость. Это был Скайгольм, Скайгольм.

На деле он и не видел его по-настоящему; только уголком души, в котором рыдала скорбь. Иерн был чересчур занят: «Орион» не просто следовал по траектории. Слишком большое число неизвестных не позволяло точно прицеливаться. Положив руки на пульт, он управлял атмосферным полетом. Кнопки и рукоятки, повинувшись догадке, инстинкту и воле, должны были создать единый ураган. Рукоять, штурвал, рычажок, кнопка... стрелки порхали по циферблатам, на экранах компьютеров змеились и дрожали кривые. Не потратить ли еще одну бомбу, чтобы скорректировать полет? Нет. Стратосфера визжала. Корпус дрожал и стонал. Жара охватила его приливной волной. Цель его все увеличивалась.

Заполняла его зрение и все существо. Не было ничего другого. *Сейчас.*

Странно, каким легким оказался удар, но «Орион» уже пронзил сердце Скайгольма.

А корабль потерял управление. К голове прилила кровь... закружился корабль... Земля завихрилась под ним. Она рванулась навстречу — подобно убитому аэростату. Снежные пики тянулись вверх... или же лежать им там — в море; сгущающийся воздух ударил корабль, уже мешая зрению своим жаром. Пальцы Иерна летали, посылая приказы моторам, крыльям... Ронике, скрючившейся над пультом управления двигателем. Он не мог вновь овладеть кораблем, да и не хотел этого, он, проклинавший свое собственное достоинство.

Ударил гром.

Он прокатился от горизонта к горизонту, от зенита к надиру и вернулся назад. Горы содрогнулись всеми скалами, птицы в

панике заметались. Огненный шар пересек море и исчез в направлении полюса, а следом за ним пал Скайгольм. Ключья обшивки отрывались, ветры высот уносили трепещущие обрывки, отражавшие солнечный свет. Обнажившись, скелет перевернулся, потом еще раз. Спустился ниже и развалился. Тысячами — сплошным занавесом — летели обломки; падая в воду, они вздымали гейзеры, ударяя в почву, сотрясали саму землю; скалы звенели под ударами. А потом наступила тишина... а с ней пришел дождь.

Голос Роники по интеркому пробился сквозь грохот.

— Мы сделали это, Иерн! Прощай. Я люблю тебя. Спасибо за то, что и ты любил меня.

«Если мы... наши дети... я хочу... нет, я не отдам ее!»

Душу Буревестника охватила решимость; он должен совершить невозможное. Потом Иерн так и не понял, как это случилось... Он вышел из этого транса, лишь когда «Орион» удалился от плотных слоев огромным прыжком, который унес его на полмира; еще один взрыв вернул корабль на орбиту, и он вновь мог мирно кружить.

И тогда Иерн зарыдал.

Глава 27

1

— Отсюда Земля кажется нам возрожденной, — летел мужской голос из космоса. — Предельно прекрасной, мирной... готовой принести никем не посаженный плод.

— Мы снова видим восход, — сказала женщина. — Крылья света над высокими облаками... словно орел, который плыл некогда над водопадом высоко в горах...

Радиотрансляторы на кораблях и суше разнесли их слова по свету.

— Выслушайте нас, — умолял Иерн. — У нас было время подумать, пока мы кружили вокруг нашей Земли... нашей общей планеты. Предполагаю, что у вас тоже было время на это. Мы слышали, что война закончена, заключено перемирие, а маураи вместе с норрменами помогают Кенаю и отправляющимся домой солдатам. Подобное сочувствие и здравый смысл позволяют надеяться на большее, но вы не могли видеть себя сверху. Вы не видели отсюда, что Земля одна, и другой нет среди звезд. Так слушайте же нас, пребывающих в небе.

— О нет, мы не надеемся, что все сразу одумаются, — вступила Роника. — Мы просто призываем всех поразмыслить и отважиться на новое начало. Без этого не обойдется, поймите. Иначе — иначе все рухнет. Старого порядка больше не будет. Он умер, когда брат убил брата.

— Маурайская Федерация и Северо-западный Союз: после всех потерь неужели вы еще хотите продолжать войну? Неужели вы можете это сделать? Разве ваши общества и без того не получили слишком тяжелый удар? Если вы дадите продолжаться кровопролитию, победитель, конечно, найдется, но израненный, изувеченный, ничем не напоминающий свой прежний цветущий облик.

Слушайте, солдаты монгов: ваше правление завершилось, погибнете ли вы, оставаясь на старом пути, или направитесь к свободе?

Слушай, Франсетепп, можно соорудить новый Скайгольм, но Домен навсегда развалился. Но штаты теперь уязвимы для своих врагов — Эспейнь и варвары угрожают вам. Что вы будете делать с этим?

Мир: неужели ты будешь смотреть на гибель юропанской цивилизации или ты решишь спасти и разделить с ней общее наследство?

— Мужчины и женщины всех наций, рас и верований, доколе вы будете позволять политикам использовать себя для грязных дел? Когда же вы скажете наконец вашим властям — хватит! — и решите жить по собственной воле?

Корабль летел дальше над океаном, открывшимся вместе с утром.

— У нас обоих нет власти, — говорил Иерн, — и мы не жаждем ее. Ведь это власть людей над своими собратьями завела всех нас в этот жуткий тупик. Мы не надеемся, что по нашему слову все разом преобразится. Так не бывает. И, наверное, это хорошо. Нам остается послать отсюда лишь некоторые соображения. Не сомневаюсь — эти мысли уже приходили в голову многим из вас, — но прежде мы не слыхали упоминаний о них, во всяком случае властям никогда не приходили в голову подобные идеи... чтобы не навредить самой власти.

Нам с Роникой нечего терять, как и тем миллионам, что слушают нас. Маурайская Федерация заявляет, что не стремится покорить своей воле все человечество. Она всегда поступала вопреки этому лозунгу, поколение за поколением. Будьте честными, жители Океании, вам нужно обязательно покорить своей воле жителей Северо-запада только из опасения, что их ученые, инженеры и предприниматели подорвут опору вашей власти!

Ложи Союза утверждают, что не имеют имперских амбиций. И вам следует быть честными перед собой: кто из вас хотя бы на мгновение допустил, что ваши соседи по Земле могут иметь право на самосохранение; право отгородиться от вас, противостоять вашим поступкам, вашему эгоизму и стремлению жить, угождая своим прихотям. Чего ты добиваешься, Волк, если не силы?... Победив в своей стране, ты сметешь человечество со своего пути!

Неужели вы оба будете биться до смерти: мгновенной гибели побежденного или медленной смерти, ожидающей победителя? Или все-таки сумеете договориться и преобразиться — к лучшему... в нечто новое.

Мы говорим, глядя на ваш мир: заканчивайте вражду, возвращайтесь к работе. Пусть Орион взойдет, но не оружием, а орудием человечества, совместно построенным и используемым в мирных целях.

Да, Орион опасен, но настало время здраво отнестись и к этому. Заражение будет вполне терпимым, и временным — до той поры, пока мы не сумеем основать постоянный плацдарм в космосе. А дальше Земля перестанет быть планетой бедных. В какие дали мы сумеем тогда отправиться, сколько сумеем достичь!... Пусть итоги оценивают наши потомки через миллионы лет.

Ну а пока — пусть развивается промышленность, пусть строятся ядерные реакторы, но под строгим контролем. Пусть маураи и жители Северо-западного Союза объединятся, чтобы помочь родственным цивилизациям: монгам, Юропе и всем своим старым союзникам. Пусть помогут варварам и дикарям, но не допуская равенства, пока те вновь не вернуться к цивилизации. В отсталости нет добродетели, а во власти — доблести.

Вновь заговорила Роника:

— Да, у нас далекие планы. Мы не можем наметить дорогу к раю, да и кто сможет. Пророки, становясь королями, всегда творили несчастья. Мы просим вас только подумать, крепко подумать... заключить вечный мир и оценить его.

Потребуются конкретные меры, чтобы маураи не поддались искушению захватить космический флот и уничтожить его, чтобы норрмены не попытались захватить власть над миром. Но я думаю, что мир и нашу дорогу в космос защитит именно то, что к этому стремятся все люди. Будьте готовы низвергнуть всякого, кто пообещает вам меньшее.

Орион взойдет для всех нас.

Забыв выключить передатчик, Иерн пробормотал:

— Чем же еще могу я заслужить прощения в собственных глазах?

«Терра Аустралис», однокорпусный небарк, отправился с Ляски в Нозеланн в начале лета. Белый — от кончиков мачт до воды, верхняя палуба блестела медью и стеклом. Нос украшала Троица, на флагштоке вились крест и звезды, а выпел на передней мачте говорил, что это королевская яхта. Обычно корабль нес его на гротмачте, но в этом плавании почетное место было отдано флагу Северо-западного Союза.

Второй день выдался ясным и уже не таким холодным. Облака снеговыми горами остались на севере, и солнце в одиночестве шествовало по голубой чистоте. Корабль развернулся по ветру, раздувшему паруса, и скользнул по белогривым волнам. Сзади зеленые валы венчала белая пена... под нею, шипя и переливаясь, играл живой аметист. Пена срывалась, увлажняя солью губы.

Трое, выйдя из надстройки, отправились на подветренную сторону к правому борту. На палубе никого не было, если не считать вахтенного возле руля. На этом корабле было меньше матросов, чем слуг.

Опустошив свой кубок, Плик вновь наполнил его из бутылки, которую прихватил с собой из салона.

— Постойте вместе со мной на палубе. — Поэт был уже под хмельком. — Наверное, более нам не дадут спокойно поговорить.

— А нам еще и не приходилось — посреди всеобщего ура, начавшегося, когда мы с Иерном приземлились, — ответила Роника.

Она не стала накидывать на голову капюшон парки и поправила выбившийся локон, из которого ветер пытался устроить выпел.

— Приятно быть харизматическими фигурами, тем более в глобальном масштабе... — Плик пожал плечами. — Пока офицеры на борту были с нами любезны; понимая, насколько вы оба нуждались в отдыхе, они не навязывали вам свое общество. Но так будет не всегда. Лучше всего здесь мне — остающемуся в тени неудачнику, которого терпят ради вас.

Он высоко поднял свою чашу, восхитился жидким рубином и отпил.

— А почему ты вызвался в это путешествие? — удивился Иерн.

— Не смог противостоять искушению, однако я не собираюсь надолго задерживаться, мне нужно назад: в свою таверну, к моей Лозочке. Вы — дело другое. Боги менее свободны, чем смертные.

— Да ну тебя, прекрати! — усмехнулась Роника. — Конечно, мы заинтересовали людей; теперь в нас видят известную силу, и наша поездка поможет добиться мира. Но и это — дело недолгое. Постепенно про нас забудут, но на место в программе космических исследований, по-моему, мы можем надеяться.

Выпив вино, Иерн снова поглядел на горизонт... Пилот казался теперь не настолько осунувшимся, но иные морщины уже никогда не исчезнут с лица его. Временами он бывал весел, но память о случившемся не покидала его.

— Дело в том, — попытался объяснить он, — у нас с тобой больше нет родины — ни у тебя, ни у меня.

— Вы можете назвать своим любое отечество, — отвечал Плик.

— Это не то.

— Кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать. Какими бы почестями тебя там ни осыпали, это будет не отечество. Ваши боги в пламени пали вниз, и чужаки унаследовали их храмы.

— Да. К тому же...

— К тому же вам более нигде не быть просто собой. Вы прародители — те, от чьих чресел взойдет новая раса... воздвигнется новый мир.

— Ну, вот загнул, — запротестовала Роника.

— О, конечно, не за один час, — возразил Плик. — Подобное происходит с трудом; вокруг столько конфликтов, близорукости, жадности, глупости, лени, жестокости, расточительности и всех прочих обычных для человека низостей. Но... у вас обоих есть мана, и она не оставит вас даже после смерти. Я надеюсь, что вы сами сможете противостоять стремлению ускорить события. Впрочем — не смею очень надеяться. — Поразмыслив, он закончил: — Ступая по звездным дорогам, уходя за пределы Земли, вы способны породить и вынaczyć миф, неизведанный в прошлом, который будет жить во времена ваших правнуков... словом, когда вернетесь домой через тысячу лет, оборвите бурьян с моей могилы, встряхните мои кости и расскажите им все новости.

— Хм-м. — Боль ощущалась в ухмылке Иерна. — Как? Едва ли мы сумеем это сделать.

— Ошибаешься, — возразил Плик. — Ради лучшего или худшего, вашим душам суждены царские венцы и власть над сердцами во весь грядущий цикл жизни... и, быть может, даже после конца его.

— Но мы — это просто мы! — вскричала женщина словно от боли.

— Ну кто может сказать о себе, что он всего-навсего человек?

— Не знаю, — смущенно ответил Иерн. — Могу сказать только одно: когда наше путешествие подойдет к концу, мы с Роникой забежим в дом Тераи, чтобы рассказать родным о нашем друге и спутнике. Память, вечная память! — Он подставил бокал. — Налей-ка, Плик! — и поднял его наполненным. — Итак, помянем Тераи... Ваироа... Ганну Уанговну... да и Микли с Джовейном. Всем вам... вечная память. Вы слышите? Мы не забудем вас.

Он положил руку на плечо Роники. Прозвенели соприкасаясь три кубка.

Ветер крепчал, из глубин вынырнул кит...

А впереди лежал путь к Южному Кресту.

Содержание

От издательства	7
Орион взойдет, роман, <i>перевод с английского Ю. Соколова</i>	9

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том третий

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Т. Бережных*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, И. Лазгина*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Художественный редактор *М. Захаренкова*
Оформление шмуцтитолов: *М. Ермаков*

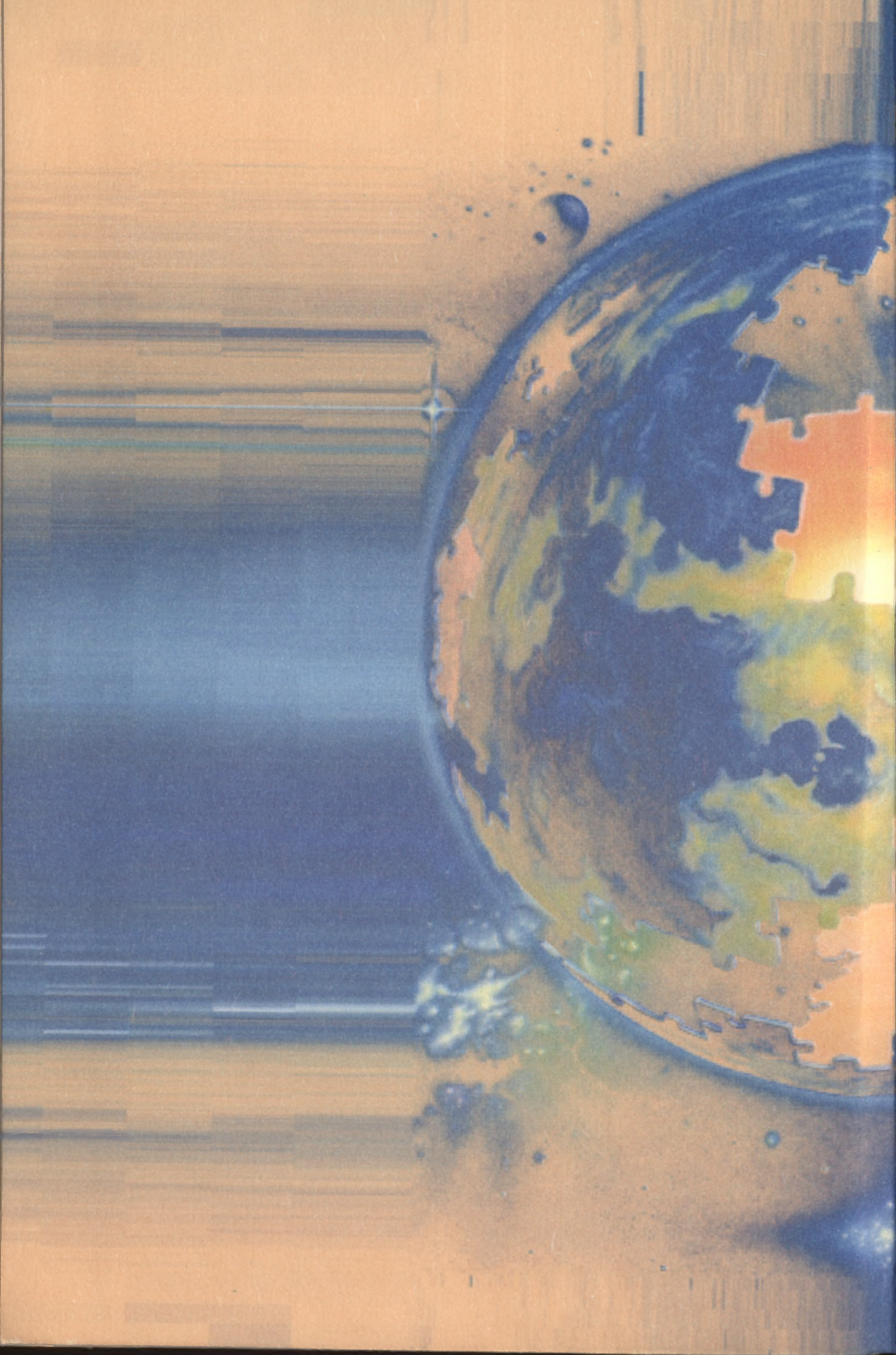
Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 7.03.96. Формат 84×108/32.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 1730. С 138.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46









Орион взойдет

Давно отгремела война Судного Дня, оставив Землю залечивать нанесенные атомным огнем раны. Новые страны возникли на карте, новые пути сменили отошедшие в прошлое. Но, кажется, человечество не научилось ничему. Вновь на горизонте маячит вызванный жаждащими власти политиками жуткий призрак всеобщей бойни. И вовсе не каприз судьбы сводит вместе свергнутого Капитана Скайгольма Таленса Иерна Ферлея, маурайского разведчика Тераи, прекрасную Ронику из Северо-западного Союза и ее соотечественника — негодяя и убийцу Микли Карста. Враги или друзья, они избраны, чтобы решить судьбу мира, которому уже не быть прежним. Но удастся ли им предотвратить новую разрушительную войну, когда в небо готов взойти Орион...

